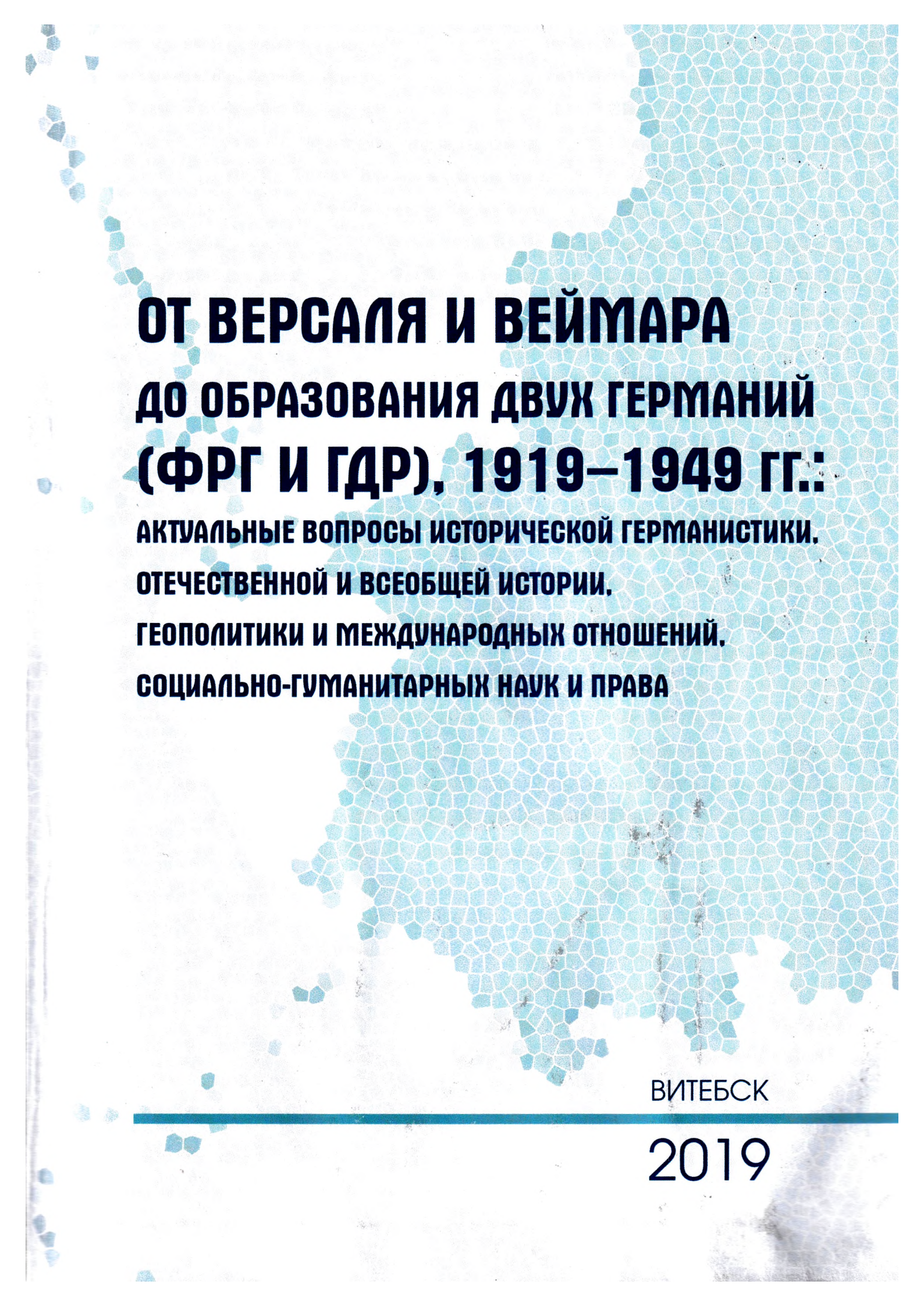

ОТ ВЕРСАЛЯ И ВЕЙМАРА ДО ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХ ГЕРМАНИЙ (ФРГ И ГДР), 1919–1949 гг.:

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ,
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ,
ГЕОПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ПРАВА**

ВИТЕБСК

2019

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Исторический факультет

**ОТ ВЕРСАЛЯ И ВЕЙМАРА
ДО ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХ ГЕРМАНИЙ
(ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ,
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ,
ГЕОПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ, СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК И ПРАВА**

*Материалы международной
научной конференции*

Витебск, 3–4 октября 2019 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2019*

УДК [94(430)“1919/1949”:32.34](062)
ББК 63.3(4Гем)6я431+66я431+67я431
О-80

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 26.06.2019.

Редакционная коллегия:
В.А. Космач (гл. ред.),
Н.В. Величко, И.В. Николаева, А.Н. Дулов, А.П. Косов,
Н.П. Никитина, Т.Г. Хришкевич

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *В.И. Меньковский* (г. Минск, Беларусь);
доктор исторических наук, профессор *И.Л. Жеребцов* (г. Сыктывкар, Россия);
доктор исторических наук, профессор *А.А. Синдеев* (г. Москва, Россия);
доктор исторических наук, профессор *М.В. Стрелец* (г. Брест, Беларусь);
доктор юридических наук, профессор *С.В. Васильев* (г. Псков, Россия);
кандидат исторических наук, доцент *Т.Г. Хришкевич* (г. Псков, Россия)

О-80 **От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : материалы международной научной конференции, Витебск, 3–4 октября 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 302 с. ISBN 978-985-517-713-6.**

В научном издании представлены материалы участников международной научной конференции, посвященной рассмотрению актуальных вопросов исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права в XX веке.

Сборник может быть полезен исследователям, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами, обозначенными тематикой конференции.

УДК [94(430)“1919/1949”:32.34](062)
ББК 63.3(4Гем)6я431+66я431+67я431

ISBN 978-985-517-713-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ИСТОРИЯ КАК НАУКА: ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Космач В.А. (г. Витебск, Беларусь)

«История..., предмет беспредельный, многосложный, доставляющий более хлопот, чем приятности или истины...»

Августин, христианский философ и богослов

Совсем недавно, в № 4 за 2019 год, в журнале **«Вопросы истории»** появилась «околонаучная статья», по-другому мы её назвать не можем, кандидата философских наук, доцента Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (МГТУ) **Александра Николаевича Нестеренко** под названием «Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии», в которой наш уважаемый коллега достаточно смело утверждает следующее: «Историю, как деятельность, направленную на систематизацию представлений о прошлом, следует рассматривать как синтетический вид мировоззрения. Она сочетает в себе создание образов (мифология), постулаты, принимаемые на веру (религия), обусловленность личным опытом (обыденное), литературную форму и содержание (художественное) с признаками научного мировоззрения, проявляющегося в использовании понятийного аппарата, доказательстве выдвигаемых гипотез и критическом отношении к свидетельствам источников».

История по форме, содержанию и способам репрезентации прошлого относится не к науке, а к идеологии, искусству, мифологии, обыденному мировоззрению и религии. Она представляет собой «гермафродит научной рациональности и литературной формы».

Таким образом, то, что мы называем исторической наукой, эпистемологически представляет собой метафизическую спекуляцию, которая неприменима для понимания реальности и, следовательно, не является ни наукой, ни научным методом. Поэтому, сложившуюся в социуме систему представлений о прошлом следует называть не исторической наукой, а историографией [12, с.65].

Категорически не принимая подобные **«научные изыскания» А.Н. Нестеренко**, отметим следующее: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу» [1]. Эти великолепные слова об истории, историческом знании принадлежат известному русскому историку **Василию Осиповичу Ключевскому** (1841-1911).

Один из самых ярких представителей экзистенциализма **Карл Ясперс** (1883-1969), пытаясь постичь «смысл и назначение истории», писал: «История является для нас воспоминанием, о котором мы не только знаем, но в котором корни нашей жизни. История – основа, однажды заложенная, связь с которой мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека» [2]. «Почему вообще существует история? – вопрошал К. Ясперс, и отвечал. – Именно потому, что человек конечен, незавершен и не может быть завершен, он должен в своем преобразовании во времени познать вечное, и он может познать его только на этом пути. Незавершенность человека и его историчность – одно и то же» [2, с. 242]. В представлениях **Макса Вебера** (1864-1920) – «мировая история подобна пути, который сатана вымостил уничтоженными ценностями» [2, с. 275]. **«Учительницей жизни»** называли историю древние римляне.

О смысле и содержании истории, её предназначении высказывались **многие великие мыслители**, в том числе О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Геродот, Фукидид, Полибий, Аристотель, Вольтер, Г. Гегель, И. Кант, Л. Ранке, Н.М. Карамзин, Ф. Гизо, С.М. Соловьев, О. фон Бисмарк и другие. Известный французский историк **Л. Февр** подчеркивал, что «история – это наука о прошлом и наука о будущем» [3]. Ценили историю как науку и классики марксизма. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории», – утверждал **К. Маркс** [4]. Их последователи радикально-революционного толка пытались политизировать сам предмет истории, увязать её смысл и содержание с интересами коммунизма и рабочего движения. **В.И. Ленин**, например, отмечал: «Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения» [5]. Известный советский историк **М.Н. Покровский** в 1929 г. в журнале «Историк-марксист» заявил, что «история – есть самая политическая из всех существующих наук, история – это есть политика прошлого, без которого нельзя понять политику настоящего» [6]. М.Н. Покровский неудачно перефразировал тезис английского историка конца XIX в. **Эд. Фримена**: «История есть политика прошедшего, а политика – история настоящего» [7].

Таким образом, термин **«история»** многозначителен. Но вряд ли можно согласиться с утверждением отдельных авторов о том, что «исследователи выделяют около шести определений этого понятия, три из которых имеют непосредственное отношение к истории как науке: 1) история – наука о жизни и развитии общества;

2) история – наука о прошлом; 3) история – наука, изучающая прошлое человеческого общества» (при этом делается ссылка на статью А.В. Гулыги «История как наука», которая была опубликована в 1969 году!) [8]. Можно согласиться с утверждением, что объектом познания исторической науки является «вся историческая реальность», но вряд ли оправдано объявлять предметом исторической науки «общественное развитие» [8, с. 26].

Слово **«история»** произошло от греческого слова «*historia*», которое в свою очередь образовалось от греческого глагола. У греков Аттики оно первоначально значило «узнавать путём опроса или изучения». Таким образом, первое значение термина **«история»** – «опрос или исследование, которые проводятся для получения или проверки сведений о событиях прошлого». Несомненно, что «исследование прошлого», «приговор» ему необходимы для более объективного понимания настоящего и прогнозирования будущего. «Мы должны изучать факты прошлой жизни человечества, – писал **Г.В. Плеханов**, – для того, чтобы открыть в них законы прогресса. Будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее» [9]. «Первая задача истории, – подчеркивал **Н.Г. Чернышевский**, – передать прошедшее; вторая – исполняемая не всеми историками, – объяснить его, произнести о нём приговор... исполняя вторую задачу, историк становится мыслителем, и его творение приобретает научное достоинство» [10].

Немецкое слово (имя существительное) **«Geschichte» (история)** произошло от глагола «*geschehen*», что значит «случаться», и характеризует историю как цепь событий, а не как процесс или результат. То есть историю можно определить и как цепь событий, случившихся или происходящих во времени и пространстве в результате действий человека. Таково, на наш взгляд, второе значение термина **«история»**. Историческое событие в данном случае абсолютно объективно. История в этом смысле не может повторяться позже где-нибудь в другом месте, хотя разные события истории могут походить друг на друга, так как люди в состоянии действовать в различных ситуациях одинаково, будучи подвержены влиянию добра и зла.

Третье значение слова **«история»** – это информация о событиях прошлого. Информация, как правило, бывает косвенной и существует в форме документа или предмета, относящегося к событию. Информация о событиях прошлого базируется прежде всего на историческом источнике. Исторические источники выступают в форме вещественных, изобразительных, словесных, конвенциональных (графические знаки, схемы, язык ЭВМ и т.д.), поведенческих (обычаи, обряды и т.д.) и звуковых или аудиальных источников [11]. Историк, работая с источником, может быть субъективным. Требование «быть объективным» относительно, условно, поскольку каждый историк имеет свою «лабораторию исследования». В этом плане оригинальность истории как науки несомненна. История в этом случае выступает как искусство, вернее как специфический вид (жанр) или разновидность искусства.

В-четвёртых, историк, который пытается найти ответы на вопросы: кто?, что?, когда?, где?, должен в конце концов подойти к вопросу почему?, или, другими словами, к осмыслению полученных сведений. У древних греков было ещё одно слово – **«histoikos»**, которым они обозначали отношение к истории как к результату исследования. Значит, ещё одно значение слова **«история»** – толкование, интерпретация, или субъективная реконструкция прошлого в свете тех данных, которые имеются, в свете взглядов историка, в свете общественного мнения или политических мотивов, которые преобладают в его эпоху. Важнейшее значение в этом случае имеет свобода личности и творчества историка.

Таким образом, **история** может быть представлена как событие, как информация о событии, как исследование или как интерпретация. История как событие является абсолютной, свершившейся только один раз и в одном месте. Однако история как информация, исследование или интерпретация уже становится относительной и подверженной разнообразным изменениям. **Историю** можно определить как интерпретированное описание общественно значимого из прошлого и настоящего человека, которое опирается на систематизированные сведения, полученные научным методом из археологических и документальных источников или от прямых свидетелей происходящего. «Интерпретированное описание общественно значимого из прошлого и настоящего человека», извлечение уроков из прошлого и настоящего и будет составлять, на наш взгляд, предмет исторической науки. Не случайно великие мыслители и политики подчеркивали именно эту сторону исторического знания, как наиболее существенную и содержательную сторону истории как науки (а мы добавим: и как искусства!).

Следует отметить также, что как любая отрасль научного знания история имеет свой категориальный аппарат, свою методологию исследований тех или иных исторических явлений, событий, фактов и т.д. С учётом всего вышесказанного историю как форму научного знания и в определенной степени как особую разновидность искусства, следует, на наш взгляд, определять так: **«История – это наука и одновременно специфический вид творчества, которые отражают историческую действительность; которые исследуют и интерпретируют исторические события с целью познания уроков прошлого, и, которые разрабатывают свои специальные методы в изучении исторических фактов, явлений и событий, объясняя их и определяя те или иные закономерности в самой исторической реальности»**.

С учётом того, что сама история человечества как реальность существует и развивается в историческом пространстве и историческом времени, на наш взгляд, **история – это наука о действиях и деятельности людей и великих исторических личностей в историческом времени и историческом пространстве**. Таково, по нашему мнению, краткое и ёмкое определение истории как гуманитарной области научного знания со своим конкретным объектом и предметом (историческая реальность, с одной стороны, и изучение этой исторической реальности профессиональными историками, с другой)

Исторические закономерности весьма специфичны, поскольку они соотносятся с историческими дея-

ниями людей, масс и одновременно определяют становление, развитие и гибель цивилизаций, культур и целых эпох. Ключевые, основные закономерности исторического развития составляют суть, содержание **исторических законов**, которые могут выступать как глобальные, региональные и локальные законы исторического развития (исторической эволюции). Попробуем сформулировать несколько таких законов, условно называя их по смысловому содержанию:

1. **Закон исторической эволюции и кризиса цивилизаций**: «Весь ход истории определяется развитием и соперничеством различных форм и типов собственности, столкновением и конфликтами интересов людей. В случае, если одна форма или тип собственности пытается доминировать, а соперничество интересов приобретает характер глубокого социального антагонизма, происходит цивилизационный разлом – одна цивилизация (культура, формация, эпоха) меняет другую».

2. **Закон «народ-личность»**: «И народ, и личность в отдельности есть творцы истории. Бывают исторические эпохи (в узком понимании этого слова), когда не массы, а великие личности определяют весь ход истории, развитие и судьбы той или иной цивилизации или культуры».

3. **Закон исторического позитива или негатива**: «Ход истории может быть или позитивным или негативным. Негатив в истории (социальные катаклизмы, войны, революции, диктаторские режимы и т.д.) больше наблюдается там, где доминируют коллективистские, в том числе государственная, формы собственности и где не сложилось гражданское общество. Там, где преобладает частная форма собственности и её различные модификации, где сложилось и де-факто существует гражданское общество, развитые институты и традиции парламентаризма и демократии, в истории той или иной страны, государства, цивилизации преобладает позитив».

4. **Закон «массы-элита»**: «История конкретной страны, конкретного государства, той или иной цивилизации (культуры) в большей степени зависит не от того, что думают и как ведут себя народные массы, а от того, какую политическую, хозяйственную и духовную элиту они порождают. Реакционная и великодержавная элита чаще всего формируется в государствах и обществах «вождистского» и «общинного» типов».

Рассуждая о главном законе, который, по его мнению, присущ всем великим явлениям истории, известный немецкий философ и эстетик **И.Г. Гердер** (1744–1803) сформулировал следующим образом: «Как мне кажется, вот этот закон: повсюду на нашей Земле возникает то, что может возникнуть на ней, отчасти в связи с географическим положением и потребностями места, отчасти в связи с условиями и случайными обстоятельствами времени, отчасти в связи с природным и складывающимся характером народов». Из этого он делал вывод, что движущие силы человеческой истории составляют «живые человеческие энергии», а поскольку «человек берет свое начало от рода и возникает каждый в своем племени и роде, то уже поэтому все его образование, воспитание и образ мысли являются генетическими. Вот где источник особенных национальных характеров, глубоко впечатлевшихся в наидревнейших народах, они явственно рисуются во всех действиях и проявлениях всякого народа на этой Земле».

Он, как и итальянец **Джанбатиста Вико** (1668–1744), рассматривал исторический процесс как единую цепь поступательного движения человеческого рода. Поскольку, отмечал он, «каждый человек сам по себе существует лишь весьма несовершенно, то в каждом обществе складывается некий высший максимум взаимодействующих сил». Эти силы борются друг с другом до тех пор, пока не возникает некий вид равновесия и гармонии движения. «Народы, – писал Гердер, – видоизменяются в зависимости от места, времени и внутреннего характера; всякий народ несет на себе печать соразмерности своего, присущего только ему и несопоставимого с другими, совершенства. Чем чище и прекраснее достигнутый народом максимум, чем более полезны предметы, на которых упражняются совершенные силы его души, чем тверже и яснее узы, связывающие все звенья государства в их сокровенной глубине, направляющие их к добрым целям, тем прочнее существование народа, тем ярче сияет образ народа в человеческой истории. Мы проследили исторический путь некоторых народов, и нам стало ясно, насколько различны, в зависимости от времени, места и прочих обстоятельств, цели всех их устремлений». Гердер считал, что «во всем творит лишь одно начало – человеческий разум, который всегда занят тем, что из многого создает единое, из беспорядка – порядок, из многообразия сил и намерений – соразмерное целое, отличающееся постоянством своей красоты» [13, с. 5].

Важнейшее значение в исторической науке принадлежит **периодизации**. Первейшая задача историка – правильно соотнести эпоху, периоды и этапы в той исторической реальности, которая состоялась и которой живёт современное ему общество. Для этого требуется глубокая профессиональная подготовка и, в определённой степени, личное мужество. Не менее трудная задача – сделать исторический прогноз, от чего часто зависит цивилизационный выбор той или иной страны, того или иного народа.

По периодизации истории постоянно шли и идут дискуссии. Не вдаваясь в них (это отдельная тема), попробуем цельно представить **эпохи, периоды и этапы в истории России и Беларуси на фоне всемирной истории**, детально коснувшись эпохи Новейшей и современной истории. Вариант периодизации, который предлагается, учитывает общеизвестные подходы к этой теме и собственные наработки автора, которые вовсе не содержат только отрицательного отношения к термину «коммунизм».

«История, говорят не учившиеся истории, а только философствовавшие о ней и потому ею пренебрегающие – Гегель, никого ничему не научила, – отмечал **В.О. Ключевский**. – Если это даже и правда, истории нисколько не касается как науки; не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это не правда: история

учит даже тех, кто у неё не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо её или вопреки её, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней... История – что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и своё благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать её необходимость и ценить её благодеяния» [1, с. 307–308].

Эпохи. Периоды. Этапы	Всемирная история	История России	История Беларуси
I. Древняя эпоха (эпоха древности)			
1.	первобытные культуры	первобытные культуры	первобытные культуры
2.	древние культуры:	древние культуры:	древние культуры:
2.1	древневосточные	фино-угорские	фино-угорские
2.2	античные	балто-славянские и скифо-азиатские	балто-славянские
II. Эпоха средневековья			
1.	раннее средневековье (V–IX вв.)	«киевский период» (V–XII вв.)	полоцкий период (V–XIII вв.)
2.	Высокое средневековье (X–XIII вв.)	«московский период» (XII–XV вв.)	белорусско-литовский период (XIII–XV вв.)
3.	позднее средневековье (XIV–XV вв.)		
III. Эпоха Нового времени (XVI в. – 1917/18 гг.)			
1.	раннее Новое время (1492–1640 гг.)	великорусский период (XVI–XVIII вв.)	Белорусско-литовский период (по 1569 г.)
2.	зрелое Новое время (1640–1870 гг.)	имперский период (1721–1917 гг.)	«польский период» (1569–1795 гг.)
2.1	этап «великих революций» (1640–1800 гг.)		
2.2	этап «реформ и реставраций» (1801–1870 гг.)		
3.	позднее Новое время (1870–1918 гг.)		русский период (1795–1917 гг.)
IV. Эпоха Новейшей и современной истории (1917/18 гг. – по наст. время)			
1.	межвоенный период (1919–1939 гг.)	советский период (1917–1993 гг.)	советский период (1917–1996 гг.)
1.1		ВРБДР и гражданская война (1917–1920 гг.)	ВРБДР и гражданская война (1917–1920 гг.)
1.2		ранний сталинизм и нэп (1921–1929 гг.)	белорусизация и НЭП (1921–1929 гг.)
1.3		сталинизм (1929–1953 гг.)	сталинизм (1929–1953 гг.)
1.4		либеральный коммунизм (1953–1964 гг.)	консервативно-либеральный коммунизм (1953–1964 гг.)
1.5		неосталинизм (1964–1985 гг.)	неосталинизм (1964–1985 гг.)
1.6		либеральный коммунизм (перестройка) (1985–1991 гг.)	консервативно-либеральный коммунизм (перестройка) (1985–1990 гг.)
1.7		Реформаторский неоконмунизм (1991–1993 гг.)	реформаторский (национально-демократический) неоконмунизм (1991–1994 гг.)
1.8			бюрократический неоконмунизм (1994–1996 гг.)
2.	период Второй мировой войны (1939–1945 гг.)	русский период (1993 г. – по наст. время)	постсоветский период (1996 г. – по наст. время)
2.1		олигархический либерализм	бюрократический

Эпохи. Периоды. Этапы	Всемирная история	История России	История Беларуси
		(1993–1999 гг.)	неокоммунизм (1996–2015 гг.)
2.2		либеральный патриотизм (1999–2012 гг.)	
3.	послевоенный период (1945–1975 гг.)	национальный патриотизм (2012 г. – по наст. время)	национальный патриотизм (2015 г. – по наст. время)
4.	современный период (1975 г. – по наст. время)		

Примечание: ВРБДР – Великая Российская буржуазно-демократическая революция.

Снова возвращаясь к уважаемому **А.Н. Нестеренко**, отметим, что многие великие и известные философы прошлого высказывались неоднократно об **истории как о науке**. Это Дж. Вико, И.Г. Гердер, О. Конт, Г.В.Ф. Гегель, Г. Риккерт, О. Шпенглер, М.Я. Данилевский и другие [13, с. 3–21]. Наконец, история как наука (именно так!) востребована сегодня практически во всех государствах, и мы в этом не исключение. Речь идёт о **политике памяти** и **исторической политике** – принятом на государственном уровне видении истории своего народа, своей нации [14, с. 128]. И в России, и в Беларуси, и в СНГ, во всех бывших республиках разрушенного внешними силами и «пятой колонной» изнутри СССР задача конструирования собственной национальной истории вышла на первый план. Без истории как науки и без историков-профессионалов государству здесь не обойтись. Историки снова востребованы державой именно как учёные

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. – М., 1990. – С. 375.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – С. 240.
3. Ракитов, А.И. Историческое познание / А.И. Ракитов. – М., 1982. – С. 12.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 16.
5. Ленин, В.И. Поли. собр. соч. – Т. 25. – С. 133.
6. Историк-марксист. – 1929. – № 14.
7. Иванов, В.В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема / В.В. Иванов. – М., 1973. – С. 69.
8. Методология истории: учебное пособие для студентов вузов / под ред. А.Н. Алпеева и др. – Минск, 1996. – С. 26.
9. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения / Г.В. Плеханов. – М., 1956. – Т. 1. – С. 537.
10. Чернышевский, Н.Г. Поли. собр. соч. – Т. 2. – С. 111.
11. Историческая наука. Вопросы методологии. – М., 1986. – С. 161–162.
12. Нестеренко, А.Н. Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии / А.Н. Нестеренко // Вопросы истории. – 2019. – №4. – С. 57–66.
13. Искандеров, В.В. Два взгляда на историю / В.В. Искандеров // Вопросы истории. – 2005. – №4. – С. 3–21.
14. Миллер, А.И. Политика памяти и историческая наука / А.И. Миллер, О.Ю. Машнова, Д.В. Ефременко // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128–140.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕФОРМЫ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ДИССЕРТАЦИИ 1940–1950-х гг.)

Кащенко С.Г. (г. Санкт-Петербург, Россия)

В августе 1949 г. известный московский специалист в области исторической географии и экономической истории В.К. Яцунский в статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории», отметил, что «крупные мероприятия правительственной политики являются ... кругом проблем, где локальные исследования могут много внести света в анализ этой политики и её результатов в масштабе всей страны. Местные историки ряда городов правильно учли это, и ... подвергли изучению в губернском масштабе ликвидацию крепостного права. Желательно, чтобы при изучении реформы 1861 г. исследовательская энергия авторов сосредоточивалась ... на конкретных результатах реформы. Безусловно, желательна широкая разработка уставных грамот» [14, с. 110]. Вскоре стало ясно, что призыв В.К. Яцунского попал на уже подготовленную почву [8, с. 105]. К этому времени интерес к уставным грамотам проявляли сразу несколько историков, появился ряд работ, основанных на этих редко использовавшихся ранее документах, регламентировавших процесс освобождения крестьян.

Особое место среди таких исследований заняло изучение последствий реформы в Московской губернии, сыгравшей важную роль в экономическом и политическом развитии дореволюционной России. К концу 1940-х – первой половине 1950-х гг. советские историки уже имели научный задел в работах, посвященных отмене крепостного права в этой губернии, что в дальнейшем нашло отражение в нескольких кандидатских диссертациях.

Первой из этих работ, стала подготовленная в конце 1940-х гг. и защищенная в феврале 1950 г. в Московском государственном педагогическом институте имени В.И.Ленина диссертация Г.В. Ильина «Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии» [5]. Появление этого исследования можно считать глубоко символическим. Научным руководителем диссертанта был профессор И.И.Полосин. Он и В.И. Бочкарев стали «пионерами в области изучения уставных грамот» среди советских историков и еще в 1926 г. организовали сбор и обработку этих документов силами студентов Ярославского педагогического института [3, с. 18]. Работа не была завершена и полностью не опубликована. Возможно, одной из причин этого мог послужить арест И.И. Полосина в 1930 г. в связи с т.н. «Академическим делом» и последующая его высылка. Через два десятилетия дело учителя по изучению уставных грамот было продолжено в исследовании ученика.

Работа Г.В.Ильина открыла ряд диссертаций, посвященных реформе в Московской губернии. Конечно, на ней лежал отпечаток непростого периода в развитии отечественной исторической науки конца 1940-х гг. Это, в частности, нашло отражение в историографическом разделе, где непропорционально много места отведено перечню работ классиков марксизма-ленинизма и И.В.Сталина. Переходя к исследованиям современных ему отечественных историков, Г.В.Ильин рассмотрел публикации, в той или иной степени затрагивавшие отмену крепостного права в Московской губернии. Интерес представляет анализ работы И.И. Полосина [11], посвященной реформе в Верейском уезде, и предпринятой им в учебных целях публикации «первичной сводки» десятка уставных грамот Московского уезда, копии которых хранились в 1939-1940 гг. в Московском областном краеведческом музее [12], статей Н.М.Дружинина [1,2] и В.И.Пичеты [10].

Несомненно, наиболее ценная часть диссертации связана с анализом 566 уставных грамот двух уездов из фондов Московского государственного областного исторического архива, что, по мнению автора, позволило «создать полную картину о ходе и результатах крестьянской реформы в Московском, столичном уезде, и Коломенском, наиболее оброчном из всех уездов Московской губернии, и кроме того, извлечь не лишние интересные факты, касающиеся дореформенного экономического развития Московской губернии, материалы о крестьянском движении в связи с введением уставных грамот и другие данные» [5, с. 113-114].

Заметное место было уделено Г.В.Ильиным источниковедческому анализу уставных грамот, в котором он остановился на достоинствах и недостатках отдельных глав этого документа. Отметим, что наиболее существенным недостатком, отмеченным диссертантом, было то, что «глава о размерах крестьянского землепользования заполняется иногда «глазомерными» данными не только для дореформенной, но и пореформенной эпохи. Данные инструментальной съемки отличались от глазомерной иногда на 10-15%» [5, с. 122].

На основании грамот автором была получена подробная таблица, содержащая цифровые данные о численности тяглых и дворовых крестьян, отпущенных, наделенных землей и не подлежащих наделу. Особый интерес представляют детальные сведения о том, куда московские помещики переводили своих крепостных после 10-й ревизии и откуда они переводились в московские поместья [5, с.238]. Особенностью диссертации также стало сравнение ситуаций, сложившихся в помещичьей, удельной, дворцовой и государственной деревне.

Между тем, в диссертации были и достаточно спорные положения. Они, в частности, обращают на себя внимание при чтении тех ее разделов, которые были посвящены крестьянским наделам. Так, автор с неоправданной в этом случае точностью, до саженой, рассчитывает суммарные и средние размеры наделов в уездах до и после реформы. В дальнейшем, используя разницу в этих данных, он приходит к выводам о размерах главного для него показателя – отрезки крестьянской земли в ходе реформы. Однако, как показывает опыт работы с уставными грамотами, дореформенные наделы в них указывались неточно не только в связи с упомянутыми выше погрешностями в измерении, но и потому, что в их состав (и на это указывают формулировки) могли входить удобные и неудобные земли, допускались различные «округления» размеров, или последние могли вовсе не указываться. После реформы крестьянские наделы (только удобная земля) указывались с достаточной точностью. Если же из неточных размеров дореформенных наделов вычитать точные пореформенные получаются показатели «отрезки», значительно превышающие реальную.

Тем не менее, безусловно интересны расчеты средних, произведенные по отдельным волостям уездов. На наш взгляд, группировка по волостям, хотя и требует больших затрат, может приносить весьма содержательные результаты.

Сравнивая средние размеры наделов, Г.В. Ильин пришел к выводу, что в Московском уезде было отрезано 8,94% земли [5, с.245], в Коломенском -17,31%[5, с.316]. По отдельным имениям отрезки доходили до 70-80% [5, с. 302]. Отметим, что в этих расчетах присутствует еще одна неточность. Строго говоря, полученный Г.В. Ильиным показатель нельзя назвать процентом «отрезки». Это процент «изменения» в наделах, который суммировался из отрезков и прирезок земли (последние случаи также встречались). Складывается впечатление, что автор *apriori* был нацелен на то, что бы описать именно процесс сокращения наделов. В качестве доказательства этого тезиса приводятся многочисленные конкретные примеры ограбления крестьян помещиками.

На наш взгляд, в этой диссертации интересны «прообразы» вариационных рядов, которые строятся сегодня с использованием компьютеров современными исследователями. Они позволяют «вчерне» увидеть распределение крестьянских наделов после реформы. Если бы автор рассчитал ряды и для дореформенной земли, их можно было бы сравнить и получить представление о трансформации в процессе реформы структур крестьянских наделов.

Еще один важный процесс, изменение размеров крестьянских платежей, также описан автором с одной стороны. Современные исследования убедительно показывают, что практически везде в помещичьей деревне сокращения наделов и платежей шли параллельно. Если первое было явно невыгодно для крестьян, то второе приносило им известную выгоду. Однако степень сокращения крестьянских платежей из диссертации понять невозможно. Автор только вскользь упоминает, что «оброк мало изменился...» [5, с. 364].

В последних разделах работы Г.В.Ильин постарался провести параллели с другими уездами Московской губернии, где «помещики грабили крестьян не хуже, чем в Московском и Коломенском» [5, с. 332], ссылаясь на ряд примеров и данные опубликованной статистики. Особое внимание автора привлекают случаи крестьянских волнений в связи с реформой. Он приводит десятки интересных и информативных примеров освобождения крепостных, где, однако, упоминались только случаи «ограбления» и «притеснения» крестьян со стороны помещиков, которые вызывали ответное сопротивление.

По сути дела, продолжением работы, начатой Г.В. Ильиным, стала диссертация С.С.Филипповой «Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (По материалам Бронницкого и Рузского уездов)», написанная под руководством профессора К.В. Сивкова и защищенная в 1953 г. в Институте истории АН СССР [13]. Уже на первых ее страницах автор отмечает, что «основные главы диссертации ограничены 1861-1863 гг., а территориально Рузским и Бронницким уездами, что позволило вскрыть хищнические приемы обезземеливания крестьян помещиками, выяснить размеры отрезков» [13, с.6]. Таким образом, здесь с самого начала поставлена вполне определенная исследовательская задача с предсказуемым решением. Выбор уездов определялся тем, что Рузский – был «наиболее земледельческим с преобладающей барщинно-оброчной формой эксплуатации», а Бронницкий – «наиболее промышленным с господствующим оброчным помещичьим хозяйством».

Основным источником для работы С.С.Филипповой стали 485 грамот. Сравнивая свое исследование с диссертацией Г.В.Ильина, она отмечает, что написала принципиально новый раздел «Экономика Московской губернии накануне отмены крепостного права в 1861 г.», который позволяет лучше понять экономическую ситуацию в помещичьей деревне, проанализированную затем в разделе «Результаты проведения реформы по уставным грамотам Рузского и Бронницкого уездов».

Рассматривая уставные грамоты, она, как и Г.В.Ильин, использует группировку данных по некоторым волеям при анализе изменения состава крепостного населения и наделов крепостных крестьян. Однако в работе прослеживаются и важные новации. Так, появляются группировки владений по размерам и формам эксплуатации крепостных, указания о наличии в отдельных имениях и волостях прирезки земли [13, с.256-270]. Между тем и в этой работе еще нет полного понимания того, что «изменение» размеров наделов, которое изучает автор, складывается путем «сложения» отрезки и прирезки. Методика расчетов последних, аналогична той, которая была предложена Г.В. Ильиным.

Анализируя документы, автор ставит весьма важную задачу, связанную с определением размера т.н. «занадельной земли», т.е. той части земли в имении, которая находилась до и после реформы в непосредственном распоряжении помещика. Таким образом изучаются последствия реформы не только для крестьян, но и для помещиков. И, наконец, производя расчеты крестьянских повинностей, С.С.Филиппова рассчитывает не только их размеры на душу м.п., но и на десятину удобной земли. Это позволяло сопоставить два процесса: сокращение наделов и изменение крестьянских платежей. [13, с. 322-331].

Как и в работе Г.В.Ильина, автор значительное место уделяет изучению крестьянских волнений, происходивших в процессе реализации реформы.

Завершением «цикла» диссертаций, посвященных экономическим последствиям реформы, стала новаторская работа Б.Г.Литвака «Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.», защищенная в 1956 г., под руководством профессора В.К.Яцунского в Московском государственном историко-архивном институте [9]. Заслуга Б.Г.Литвака состояла в том, что он впервые в отечественной историографии ввел в научный оборот большой сплошной массив уставных грамот. Всего им была обработано 2045 документов по 9 из 13 московских уездов (остальные 4 были изучены Г.В.Ильиным и П.П. Филипповой) [9, с.65]. Работа с таким объемом документов потребовала разработки нового формуляра для формализации данных и новых методов исследования.

Историографический обзор в диссертации содержит *действительно необходимый* для понимания ситуации анализ дореволюционных работ и исследований советских ученых. Он лег затем в основу статьи Б.Г.Литвака, написанной для журнала «История СССР» накануне 100-летнего юбилея реформы [8].

Значительное место в работе уделено истории разработки формуляра уставной грамоты в Редакционных комиссиях и ее содержанию. Автор сравнил информационный потенциал грамот с другими, прежде всего опубликованными, статистическими источниками по истории реформы.

И, наконец, в работе была предложена новая методика изучения уставных грамот, которая существенно отличалась от разработанных ранее и ставшая новым шагом в деле изучения реформы. Эта методика, содержащая многие положительные моменты (хотя, на наш взгляд, и не лишенная недостатков) [6, с. 25-33] была позднее разработана автором в работе над фундаментальной монографией по истории реформы в Черноземном центре страны [7].

Прежде всего, в работе Литвака дается аргументированное обоснование репрезентативности сохранившегося фонда уставных грамот путем сравнения с другими официальными статистическими материалами XIX в.

Рассматривая отдельные разделы уставных грамот, он считает, что в целом «те данные, которые поддаются статистической обработке», достоверны и могут быть использованы для изучения конкретных фактов «массового ограбления крестьян» [9, с. 51].

Автор практически отказался в тексте диссертации от анализа ситуации на уровне волостей и провел группировки по формам эксплуатации и по размерам имений, обобщая результаты по каждому уезду и по губернии в целом [с. 73].

Такой способ интересен и был бы обоснован, если бы автор при анализе размеров имений мог бы учесть *все владения* помещика, находящиеся в нескольких местах. Если в пределах Московской губернии еще можно найти имения одного помещика в разных уездах, то на основании московских документов, которыми пользовался Б.Г.Литвак, сделать это в рамках всей империи нельзя. Такая возможность представляется современным исследователям только в наше время после проведения работы по сканированию дел Главного выкупного учреждения МВД сотрудниками РГИА и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге.

При расчетах, связанных с крестьянскими наделами и платежами, автор диссертации сделал существенный шаг вперед. Он акцентировал внимание не только на отрезках, но и профессионально рассчитал прирезки крестьянской земли, а также сделал важный вывод о том, что в 33% изученных им грамот в размерах крестьянской земли не было никаких изменений [9, с.226]. Однако в работе не было дано убедительного объяснения того, как рассчитывались размеры крестьянской земли до реформы, насколько расчеты точны и адекватно описывают ситуацию. Автор высказывает предположение, что погрешностями, которые имеются в уставных грамотах можно пренебречь [9, с.51].

Что касается повинностей крестьян, то здесь автор показал их снижение в расчете на душу м.п. и увеличение в расчете на десятину земли [9, с.236].

Можно констатировать, что в рассмотренных выше диссертационных исследованиях, которые до сегодняшнего дня остаются крупнейшим вкладом в историографию реформы на территории Московской губернии, был поставлен и частично решен ряд важных исследовательских задач:

- 1) Детально проанализирована историография проблемы.
- 2) Изучен процесс подготовки реформы, выяснена реакция крестьян и помещиков на опубликование Положений 19 февраля 1861 г.
- 3) Дано подробное описание экономического состояния губернии в целом и отдельных ее уездов накануне реформы.
- 4) Рассмотрен широкий спектр источников, на основании которых можно получить представление о ходе реализации реформы. Тщательно изучен массив уставных грамот (его состав и достоверность), написана история разработки их формуляра.
- 5) Предложены и апробированы различные методики анализа документов.
- 6) Детально проанализированы различные формы протеста помещичьих крестьян против «грабительских» условий реформы. Приведены сотни примеров реализации реформы в отдельных имениях

Тем не менее, остались открытыми вопросы, связанные с расчетом *точных* размеров дореформенных наделов и платежей и, следовательно, с величиной отрезки и прирезки земли. Не были определены с необходимой степенью детализации *структуры* дореформенных наделов и платежей до и после реформы и, таким образом, осталась неизвестной степень трансформации этих структур. Не выяснены до конца последствия реформы (как положительные, так и отрицательные) для различных групп крестьян, в зависимости от расположения имений, качества земли, форм эксплуатации, неземледельческих занятий, менталитета помещика. Не построена модель наделения крестьян землей и установления повинностей после реформы. Ряд показателей требует проверки и, скорее всего, понадобится их корректировка. Решить эти проблемы позволит новое исследование уставных грамот Московской губернии с применением современных компьютерных технологий, которое проводится в настоящее время при поддержке РФФИ (Проект № 19-09-00365 а).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинин, Н.М. Москва накануне реформы 1861 г./Н.М.Дружинин // Вестник МГУ. -1947. -№ 9. – С.41-60.
2. Дружинин, Н.М. Московское дворянство и реформа 1861 года/ Н.М. Дружинин // Известия Академии наук СССР. Серия История и философия. -Т.5. -1948.- №1. – С.62-78.
3. Зайончковский, П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г./ П.А.Зайончковский. – М.: Изд-во соц.-эконом. литературы, 1958. -467 с.
4. Зайончковский, П.А. Советская историография реформы 1861 г./ П.А.Зайончковский // Вопросы истории. – 1961.-№ 2.- С.85-104.

5. Ильин, Г.В. Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук / Г.В.Ильин; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. – М., 1950.- 399 с.
6. Кашенко, С.Г. Орловская деревня в начале 60- гг. XIX века. Экономические последствия освобождения крестьян / С.Г.Кашенко. – СПб. -Брянск: Изд-во «Курсив», 2013.- 340 с.
7. Литвак, Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр 1861-1895 гг. / Б.Г.Литвак. – М.: Наука, 1972. – 423 с.
8. Литвак, Б.Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года / Б.Г.Литвак // История СССР. – 1960.- № 6.- С.99-120.
9. Литвак, Б.Г. Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.: дис. ... канд. ист. наук / Б.Г. Литвак; Моск. гос. ист.-арх. ин-т.- М., 1956.- 341 с.
10. Пичета, В.И. Вопрос о перенесении усадеб крестьян в Московском губернском комитете в 1858 г. / В.И.Пичета // Ученые записки Ин-та РАНИОН. – 1929. – Т.4. – С. 194-205.
11. Полосин И. И. Шуваловщина в 1858–78 гг. (Из истории аграрной реформы в Вереysком уезде Московской губернии) / И.И.Полосин // Труды общества изучения Московской области. – 1930.- Вып. 6.- С.7-50.
12. Пособие для практических занятий по истории СССР / ред. И. И. Полосин. – [Б. м.] : [б. и.].- 1940. – Вып.2. – 136 с.
13. Филиппова, С.С. Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (По материалам Бронницкого и Рузского уездов: дис. ... канд. ист. наук / С.С.Филиппова; Инст. ист.АН СССР. – М., 1953. – 423 с.
14. Яцунский, В.К. Изучение местной истории в СССР (Обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы) / В.К.Яцунский // Вопросы истории. – 1949.-№ 8. С.74-112.

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Чикалова И.Р. (г. Минск, Беларусь)

Белорусская историческая германистика имеет свою, уже достаточно протяженную во времени, традицию. Она берет начало в XIX столетии. И это утверждение не опровергает факт отсутствия на территории белорусских губерний после закрытия Виленского университета классических высших учебных заведений. Талантливая молодежь устремлялась за получением высшего образования в российские университетские города и уже там вливалась в научную элиту страны. Таков был вектор биографий М. С. Куторги, М. Г. Петрова, С. Г. Лозинского, А. Л. Погодина, А. И. Анекштейна, имевших отношение к разработке вопросов германской истории.

В Российской империи центрами распространения информации о зарубежных странах, проведения исследований о них были университеты – Московский, С.-Петербургский, Дерптский (Юрьевский), Казанский, Харьковский, Варшавский и открытый сразу после закрытия Виленского Киевский. Благодаря принятию университетского устава 1835 г. в них создались благоприятные условия для изучения всеобщей истории. Увеличивалось количество профессоров и кафедр, а, главное, – вводилась практика двухгодичных стажировок для молодых учёных за границей. Кроме того, при Дерптском университете был создан Профессорский институт для подготовки преподавателей высшей школы, в том числе по всеобщей истории. Институт дважды, в 1828 и 1833 гг., набирал слушателей. Так в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Казани, Харькове начали складываться страноведческие направления в области всеобщей истории, во главе которых встала молодая профессура, прошедшая стажировки в европейских университетах [31].

Первым российским профессором всеобщей истории стал родившийся под Могилевом, выпускник Профессорского института при Дерптском университете *Михаил Семенович Куторга* (1809–1886), преподававший в Петербургском (в 1835–1869 гг.), затем в Московском (в 1869–1874 гг.) университетах. Он вместе с Т. Н. Грановским, занимавшим с 1839 по 1855 г. кафедру в Московском университете, заложил традиции изучения и преподавания в высшей школе зарубежной истории, воспитал кадры историков-всеобщников. Куторга занимался античностью, но одна из первых работ по германской истории в российской историографии – «Политическое устройство германцев до шестого столетия» (1837) [9] – принадлежит ему.

Будущую профессуру из наиболее одаренных выпускников университетов для подготовки диссертаций направляли за государственный счет в длительные командировки по научным центрам Европы. Особенно актуальными такие командировки были для тех, кто готовился к чтению лекций по зарубежной истории. Естественно, для стипендиатов было полезным еще до поездки познакомиться с историей и особенностями организации учебного процесса в западных университетах. Такая возможность появилась благодаря работам педагога *Викентия Васильевича Игнатовича* (1803–1869), которого можно считать первым российским историком западноевропейских университетов. Он закончил Педагогический институт при Виленском университете. Получив степень магистра, с 1824 г. работал в Могилевской гимназии, с 1834 г. – смотрителем Молодечненского уездного училища для дворян, с 1839 г. – инспектором Гродненской губернской гимназии. С 1849 г. и до конца жизни он жил и работал на разных должностях в С.-Петербурге. Параллельно писал работы по истории европейских университетов. В 1862–1864 гг. «Журнал Министерства народного просвещения» в девяти номерах напечатал работу Игнатовича «Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни»,

изданную также отдельной книгой [6]. Хотя работы Игнатовича носили компилятивный характер, для своего времени они представляли определенный интерес, знакомили российское общество с основными фактами истории университетов, почерпнутыми из новейших для того времени работ зарубежных авторов.

Еще один уроженец белорусских мест *Михаил Назарьевич Петров* (1826–1887) родился Вильно, в 1838 г. поступил в Виленскую гимназию, по окончании ее «с отличными успехами» в 1844 г. по распоряжению попечителя Белорусского учебного округа был отправлен в Харьковский университет для «продолжения наук» за казенный кошт. В 1848 г. закончил там историко-филологический факультет (тогда 1-е отделение философского факультета) со степенью кандидата. Для своей кандидатской диссертации Петров избрал тему «Цивилизация галло-франков во времена Меровингов» [8, с. 277] (рукопись ее не сохранилась). В Харьковском университете он получил степень магистра всеобщей истории и в 1858 г. был отправлен в двухгодичную поездку по научным центрам Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии. Дольше всего он оставался в Берлине, Мюнхене, Гейдельберге, Вене и Париже, посещая библиотеки, слушая лекции, иногда лично знакомясь с некоторыми из выдающихся профессоров. По итогам поездки он подготовил отчет [24], знакомивший с ходом университетского преподавания в Германии, Франции, Бельгии, и издал монографию «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861), которая была представлена им на степень доктора всеобщей истории. Защитить ее Петрову удалось позже – в 1865 г. – в Москве. В ней, помимо историографических оценок ряда английских и французских ученых, даны характеристики немецких историков Л. фон Ранке, Г. фон Зибеля, И. Г. Дройзена, Л. Гейссера. Историографическая проблематика привлекла внимание молодого ученого тем, что «нигде не высказывается в такой степени самосознание нации, как в том, каким образом объясняет она свою собственную историю» [25, с. 1], именно в историографии можно уловить господствующее настроение века, цели и идеалы нации. Помимо характеристики представителей и направлений западноевропейской исторической науки труд Петрова знакомил с преподаванием истории в западных университетах.

До 1886 г. Петров занимал кафедру всеобщей истории в Харьковском университете, сочетая преподавательскую работу с написанием курсов лекций. Его «Очерки из всеобщей истории», впервые изданные в 1868 г., переиздавались четырежды, последний раз в 1904 году [26]. Пятитомные «Лекции по всемирной истории», опубликованные после смерти автора, выдержали три издания [27].

Заметный вклад в изучение германской проблематики, в частности истории Австрии, внес *Самуил Горациевич Лозинский* (1874–1945) – крупный историк, многочисленные труды которого были высоко оценены современниками. Лозинский родился в Бобруйске, в 1895 г. окончил классическую гимназию в Слуцке. В 1895–1897 гг. учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, где специализировался по социально-экономической истории Нового времени у профессора И. В. Луцицкого. Посещал лекции в Берлинском университете. Образование продолжил в Брюссельском университете и в парижской Высшей школе социальных наук, которую окончил в 1904 году. В обширной сфере научных интересов Лозинского до революции значительное место заняла история Габсбургской империи. Ей он посвятил два исследования. В первом – «Национальный вопрос и политические партии в Австрии» (1907) [11] – он показал, что национализм стал в конце XIX – начале XX в. главным препятствием успешного развития Австрии. Во втором – «Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии» (1916) [12] – представил внутреннюю и внешнюю политику страны от революции 1848 г. и вплоть до аннексии Боснии и Герцеговины. Лозинскому принадлежит брошюра «Революция 1848 г. в Австрии», изданная в 1917 году [13].

С 1921 г. и вплоть до своей смерти в 1945 г. Лозинский работал в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена в должности профессора кафедры всеобщей истории. Одновременно сочетал работу в других учебных и научных заведениях. Так, в 1921–1922 гг. он в должности профессора читал лекции на кафедре истории еврейского народа в Белорусском государственном университете. В 1920-е гг. Лозинский опубликовал группу работ по истории Европы, в нарратив которых включены сюжеты из германской истории: «История труда: Очерки по экономической истории» (1920; 5-е изд. 1924) [14; 15], «Средневековые ростовщики» (1923) [16], «Классовая борьба в средневековом городе» (1925) [17], «Очерки по истории классовой борьбы» (1925) [18], «Эпоха торгового капитала» (1926) [19]. Личные фонды Лозинского хранятся в ряде архивов С.-Петербурга [20–22].

Крупнейшим знатоком социально-политических и национальных отношений в Австрийской монархии был уроженец Витебска и выпускник Санкт-Петербургского университета *Александр Львович Погодин* (1872–1947) [см. о нем: 10]. С 1901 г. он – магистр, с 1904 г. – доктор славянской филологии. Работал преподавателем гимназии в Петербурге, профессором Варшавского (1902–1908) и Харьковского (1910–1919) университетов. В 1919–1941 г. был сначала преподавателем, а затем профессором Белградского университета. Погодин внёс важнейший вклад в изучение истории и культуры Болгарии, Польши, Сербии, Черногории. В фундаментальной обобщающей монографии «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года» на широком фоне социально-политического развития исследовал положение поляков в Германской, Габсбургской и Российской империях, чехов и русинов в Австрии в начале XX в. [28]

Последним в этом списке находится имя уроженца Минска, выпускника Минской мужской гимназии (1894) и Киевского университета (1903) *Аркадия Израилевича Анекштейна* (1876 – не ранее 1940). До революции его очерки и заметки можно было встретить в «Минском курьере», «Минском утре». Он был членом ре-

дакции и автором газеты «Северо-Западный край» (1902–1905), в которой под заголовком «Научные беседы» опубликовал курс лекций по политэкономии, написанный в основном с марксистских позиций. Марксизмом он увлекся еще студентом, за что в свое время был исключен из университета. Увлечением марксизмом был предопределен и выбор темы его первой крупной книги. Она была посвящена истории рабочего движения трех стран – Англии, Франции и Германии. Впервые изданная в Москве в 1918 г. [1], она неоднократно перерабатывалась, добавлялась новым материалом, выдержала большое количество изданий в Москве и Харькове. Последнее, восьмое, московское фундаментальное 580-страничное издание 1930 г., освещало историю вопроса до 1929 года [2]. В 1920-е гг. Анекштейн работал над книгой об истории Западной Европы и США, охватывающей период с конца XVIII в. и до современного автору времени. Он написал ее первую часть – «Эпоха промышленного капитализма», первое издание которой вышло в 1929 г., второе, дополненное новым материалом в 1931 г. в Харькове [3; 4]. Подписывался Анекштейн псевдонимом «Арк. А–н» и, судя по всему, после революции работал в Харькове.

Такова предыстория белорусской исторической германистики. Политика центральных властей Российской империи по закрытию на территории Беларуси высших учебных заведений и не допускавшая появления новых привела к оттоку выпускников гимназий, вынужденных искать возможность получения высшего образования, а затем и реализовывать свой научный и творческий потенциал за пределами края. Импульс к развитию белорусская историческая германистика, как и другие страноведческие направления, получила после революции благодаря приезду в Минск для работы в созданном здесь Белорусском государственном университете ученых из университетов России (*Владимира Николаевича Перцева*, уроженца Витебска, репрессированного в 1933 г. *Езикииля Исааковича Ривлина*, *Льва Михайловича Шнеерсона*, *Николая Павловича Полетики*) и подготовки собственных кадров историков-германистов, первым среди которых стал *Григорий Маркович Трухнов*. Эти ученые внесли важнейший вклад в формирование белорусских традиций преподавания и изучения Новой и Новейшей истории стран Западной Европы и в складывание белорусской научной школы исторической германистики. Но это иная тема, детально раскрытая в ряде публикаций белорусских и российских исследователей [5; 7; 23; 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арк. А–н. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии / Арк. А–н. М.: Моск. сов. раб. деп., 1918. – 208 с.
2. Арк. А–н. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии: (От начала XIX века до нашего времени). Восьмое полное издание, доведенное до 1929 года / Арк. А–н. – М.: Госиздат РСФСР, 1930. – 580 с.
3. Арк. А–н. История Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов с конца XVIII в. и до нашего времени / Арк. А–н. – [Харьков]: Пролетар, 1929. – Ч. 1: Эпоха промышленного капитализма. – 677 с.
4. Арк. А–н. История Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов с конца XVIII в. и до нашего времени / Арк. А–н. – 2-е изд., испр. и доп. – [Харьков]: Пролетар, 1931. Ч. 1: Эпоха промышленного капитализма. – 830 с.
5. Давидсон, А. Б. Николай Павлович Полетика (1896–1988) / А. Б. Давидсон // Российские и славянские исследования: научн. сб. Вып. 4 / Редколл. А. П. Сальков, О. Я. Яновский. Минск, БГУ, 2009. – С. 287–298.
6. Игнатович, В. В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни / В. В. Игнатович. Ч. 1. – СПб.: Тип. Рогальского и К°, 1864. – Ч. 1. – 1864. – 244 с. разд. паг.
7. Иоффе Э. Г. Лев Михайлович Шнеерсон (1910–1999) / Э. Г. Иоффе // Вестник БГУ. – Серия 3. – 2011. – № 1. – С. 107–108.
8. Историко-филологический университет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905 / Под ред. М. Г. Холанского и Д. И. Багалея. – Харьков: изд. ун-та, тип. Адольфа Дарре, 1908. – 390, XII с.
9. Куторга, М. С. Политическое устройство германцев до шестого столетия / М. С. Куторга. – СПб.: Тип. Х. Гинце, 1837. – [4], 115 с.
10. Лаптева, Л. П. Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947) / Л. П. Лаптева. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. – 147 с.
11. Лозинский, С. Г. Национальный вопрос и политические партии в Австрии / С. Г. Лозинский. – М.: кн. изд. «Серп», 1907. – 83 с.
12. Лозинский, С. Г. Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии / С. Г. Лозинский. – Пг.: Изд. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1916. – VIII, 206 с.
13. Лозинский, С. Г. Революция 1848 г. в Австрии / С. Г. Лозинский. – Пг.: Ясный: Попов, 1917. – 39 с.
14. Лозинский, С. Г. История труда: Очерки по экономической истории: Для самообразования / С. Г. Лозинский. – Пг.: Госиздат, 1920. – 159 с.
15. Лозинский, С. Г. История труда: Очерки по экономической истории: Для самообразования / С. Г. Лозинский. – 5-е изд., доп. – Пг.; М.: Книга, 1924. – 232 с.
16. Лозинский, С. Г. Средневековые ростовщики: Страницы из экономической истории церкви в средние века / С. Г. Лозинский. – Пг.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1923. – 158 с.
17. Лозинский, С. Г. Классовая борьба в средневековом городе / С. Г. Лозинский. – Л.; М., 1925. – 156, [1] с.
18. Лозинский, С. Г. Очерки по истории классовой борьбы / С. Г. Лозинский. – Л.: Изд. Ленгубсовнарпрофа, 1925. – 296 с.
19. Лозинский, С. Г. Эпоха торгового капитала / С. Г. Лозинский. – Л.; М.: «Книга», 1926. – 246, [2] с.
20. Лозинский Самуил Горацевич // Архив Музея истории религии. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 1, 5, 6, 7.
21. Лозинский Самуил Горацевич // Архив РНБ. Ф. 2, 1930, д. 15; 1931, д. 4; Лозинский Самуил Горацевич // ПФА РАН. – Ф. 221. – Оп. 4. – Д. 244.
22. Лозинский Самуил Горацевич, профессор Исторического факультета ЛГУ. 1937–1938 гг. // Объединенный архив СПбГУ. – Ф. 1. – Оп. 55. – Д. 1793.
23. Острога, В. А. Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг. / В. А. Острога. – Минск: РИВШ, 2016. – 427 с.
24. Петров, М. Н. Отчет о занятиях адъюнкта Харьковского университета М. Н. Петрова, в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии с июля 1858-го по июль 1860-го года / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – 76 с.

25. Петров, М. Н. Новейшая национальная историография Германии, Англии и Франции: Сравнит. ист.-библиогр. обзор / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – [6], VIII, [2], 311 с.
26. Петров, М. Н. Очерки из всеобщей истории / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1868. – [6], 536 с.
27. Петров, М. Н. Лекции по всемирной истории. Под ред. проф. В. К. Надлера / М. Н. Петров. – В 5 т. – Харьков: Д. Н. Полуехтов, 1888–1894; Изд. 2-е. 1906–1910; Изд. 3-е. 1913–1916.
28. Погодин, А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года / А. Л. Погодин. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. – VIII, 420 с.
29. Стрелец, М. В. Историческая германистика в советской и постсоветской Беларуси: вклад исследовательского корпуса в разработку важных научных проблем / М. В. Стрелец // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2014. – № 2 [Режим доступа] <http://vestnik.nvsu.ru/arhiv/37>. Дата доступа: 25.06.2019.
30. Чикалова, И. Р. Становление германистики как области исторических исследований в Российской империи (XIX – начало XX в.) / И. Р. Чикалова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зборнік навуковых артыкулаў]. – Вып. 18: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 5 красавіка 2019 г. – Мінск: МДЛУ, 2020 (в печати).

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕ ПЕРИОДА КРИЗИСА ВЕРСАЛЬСКОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Бабурин С.Н. (г. Москва, Россия)

В XXI веке вопросы межгосударственной интеграции как наиболее оптимального ответа на вызовы глобализации неизбежно приводят к переосмыслению исторического опыта государственно-территориального и цивилизационного переустройства. Для Евразии и евразийской межгосударственной интеграции особенно важны причины, механизмы и последствия государственно-территориального переустройства Европы в XX веке, в том числе периода становления и краха Версальского мирового порядка.

Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г., утверждая при определении статута Лиги Наций намерение государств принять на себя обязательства не прибегать к войне [1, с. 480], стал основой формирования в 1919–1922 гг. системы международного порядка, закреплявшей государственно-территориальные, экономические и политические приоритеты государств Антанты. Совершенно в соответствии со вторым законом геополитики – законом усиления фактора пространства [11, с. 28] – государства Антанты территориально прирастали, ввергнув противников в режим дезинтеграции.

Версальская система была дополнена в решениях Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. территориальным переделом сфер влияния на Дальнем Востоке, потому систему международных отношений между двумя мировыми войнами иногда называют Версальско-Вашингтонской.

Образование новых государств и межгосударственная интеграция процессы весьма непростые. Традиционно государство определяют как постоянную и своеобразную форму общежития, которая создается гражданскими стремлениями и поддерживается началами права и которое невозможно там, где нет «общих мыслей и порядке и понятии законности», без чего «ни один народ не в силах сам собой составить политический союз» [16, с. 92]. После Первой мировой войны и пришло то трудное время, когда, как верно отмечает О.Б. Гронский, для любого национального нарратива было необходимо найти место «своего» государства и «своего» народа в прошлом для выстраивания исторических представлений о нынешнем государстве и нынешнем народе [9, с. 129].

В результате закрепленной Версалем государственной дезинтеграции нескольких империй Европы десятки миллионов людей не по своей воле оказались национальным меньшинством в государствах, которые в годы войны воспринимались ими как противники. Да и в возникших славянских государствах Польша, Чехословакия, Югославия среди самих славян не было единства. Рост межэтнических конфликтов и сепаратистских движений, межгосударственных территориальных споров стал результатом и символом Версальской системы. В конечном итоге, односторонность версальского государственного урегулирования привела ко Второй мировой войне, унесшей жизни десятков миллионов европейцев.

Версаль зеркально повторился в 1991 году, когда Западная Европа в лице группы министров иностранных дел взяла на себя ответственность отказаться от принципа нерушимости границ в Европе и определила критерии признание новых государств, возникающих на месте СССР и СФРЮ [4, с. 48–49]. Рост числа международных конфликтов и локальных войн, последовавший за разрушением СССР и созданного им блока социалистических государств Восточной Европы, заставляет ныне со всё большим вниманием изучать европейские интеграционные и дезинтеграционные процессы первой половины XX века, выявлять закономерности и черты боровшихся между собой моделей мирового порядка. Тем более, что информированные пессимисты уверены, что Запад «больше не способен действовать как единое целое, долговечность его политического наследия также сомнительна» [7, с. 14]. Важно найти пути гармонизации процессов межгосударственной интеграции и дезинтеграции [30, с. 4].

Если русский правовед С.А. Муромцев отмечал конкретно-историческое содержание правового порядка, характеризуя его как «совокупность прав, существующих в данное время в данном обществе» [25, с. 148], что

подчеркивает неспособность права самого по себе сохранить правопорядок без исторически конкретных его правовых гарантий, то правовое моделирование мирового порядка началось именно с Версаля. Только после Версаля появился сам термин «новый мировой порядок», запущенный в широкий обиход в 1939 году британским писателем и футурологом Г. Уэллсом.

Версальский мирный договор от 28 июня 1919 года впервые в истории установил правовым путем мировой порядок, отвергнув ранее господствующее понимание, что международное право не обладает принуждением [28, с. 45.] Территория Германии в соответствии с версальскими решениями уменьшилась на одну восьмую часть. Утраченные ею колонии превосходили саму Германию по сухопутной территории в шесть раз. Если на 1 августа 1914 г. европейская территория Германии составляла 540.857 кв. км, а территория германских колоний приблизительно 2.953.000 кв. км, то после Версаля (на 1 октября 1919 г.) территория Германии составила 473.582 кв. км [17, с. 342].

Только в Европе Германию заставили отказаться:

в пользу Франции – от территорий Эльзаса и Лотарингии (14.522 кв.км) в границах на 18 июля 1870 г. (территории, как записали в ст. 51 Договора, вернулись под французский суверенитет со дня Перемирия 11 ноября 1918 г.);

в пользу Бельгии – от нейтрального (3,37 кв.км) и прусского (6,37 кв.км) Морене, а при условии последующего плебисцита – от территории уездов Эйпена и Мальмеди (1.035 кв.км);

в пользу Чехословакии – от Гульчинского района на юге Верхней Силезии (286 кв.км), признав включение в состав Чехо-Словацкого государства автономной территории Русин к югу от Карпат (ст. 81 Договора);

в пользу Польши – от значительной части Западной Пруссии (16.305 кв.км), некоторых частей Померании (390 кв.км), Сольдау в Восточной Пруссии (620 кв.км), от Познани (25.783 кв.км). Судьбу Верхней Силезии решал плебисцит. По его результатам к Польше отошло 3.221 кв.км из 13.230 кв.км.

Плебисцит в ряде округов Восточной Пруссии сохранил их территории в составе Германии. Северный Шлезвиг (3.984 кв.км) в результате плебисцита отошел к Дании.

Германия признала исключение территории Люксембурга из общей территории Германского таможенного союза и прекращение своих прав на эксплуатацию его железных дорог (ст. 40 Договора).

Уступив Франции право собственности на копи Саарского угольного бассейна, Германия вынуждена была согласиться с передачей территории Саарской области (1.926 кв.км) на 15 лет под управление Лиги Наций с последующим определением ее государственной принадлежности через плебисцит. Лишь в 1935 г. после плебисцита Саарская область была возвращена Германии.

Несколько иными были решения по статусу территорий Мемеля (2.848 кв.км) и Данцига (1.977 кв.км). Территория Мемельской (Клайпедской) области была уступлена Германией государствам Антанты с отказом от суверенитета над нею и обязательством признать любое решение союзных держав о территориальной принадлежности области. С 1920 г. территория находилась под французской оккупацией, в январе 1923 г. оказалась захваченной Литвой в порядке компенсации за утрату Вильнюса и лишь 23 марта 1939 г. была возвращена Германии. Отошедший к Антанте на тех же началах прекращения немецкого суверенитета Данциг (Гданьск) 20 сентября 1920 г. был объявлен вольным городом, остающимся под протекторатом Лиги Наций и составляющим единую таможенную территорию с Польшей. Конституцию нового государства (на основе статуса вольного города, который Данциг уже имел в 1807-1813 гг.) одобрила Лига Наций. Ведение дипломатических отношений вольного города возлагалось на Польшу.

Ограничения коснулись и сохранившейся территории Германии. На острове Гельголанд Германия обязалась разрушить все свои укрепления и военные сооружения. Вдоль восточного берега Рейна на территории шириной 50 км Германии было запрещено содержать укрепления, вооруженные силы и военные материалы (ст. 42 Договора).

Еще более значимым был территориальный раздел основных союзников Германии – Австро-Венгерской и Османской империй, не только сменивших форму правления, но переставших существовать как единые государства. С радостью творцы Версальского порядка признавали независимость и любых государств, возникающих на территории бывшей Российской империи, лишь бы они были враждебны Советской России. Но, надо отдать должное, лишь реально существовавших. Именно поэтому, когда приехавшие 27 апреля 1922 г. на Генуэзскую конференцию представители созданной при германской оккупации т.н. «Белорусской Народной Республики» В. Ластовский и А. Цвикивич обратились к конференции с просьбой дипломатически признать БНР, от них отмахнулись, даже не вынося вопрос на обсуждение [19, с. 55].

Советскую Россию на заре её существования мало интересовали международные договоры, как и размер территории, на которой укрепляется очаг мировой революции. Именно поэтому практически без препятствий во имя укрепления власти большевиков ими подписывался Брестский мир 1918 года, по которому Украина оставалась за Германией, признавалась независимость Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии, отдавалась Румынии Бессарабия, а Турции – основная часть Армении. В Москве ожидали победы Мировой революции, которая должна была стереть все границы и установить всемирное пролетарское братство. Идея мировой революции привела к созданию III (Коммунистического) Интернационала.

Коммунистический интернационал (Коминтерн), отвергнув государственно-территориальные подходы геополитики и осудив мировой порядок, установленный в Версале, попытался предложить миру новый подход к реше-

нию проблем человеческого общества, воплощённый в идеях коммунизма. Речь шла о мировом порядке, основанном на совершенно иных началах. Даже спустя десятилетия Л.И. Брежнев подчеркнет: «Главным в национальном вопросе коммунисты, борцы за социализм считают объединение трудящихся вне зависимости от их национальной принадлежности в общем сражении против всех видов угнетения, за новый, свободный от эксплуатации трудящихся общественный строй» [8, с. 44].

Работа Коминтерна охватила десятки стран и народов. «Мы должны поднять знамя *гражданской войны*, – писал в те годы председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев. – Интернационал, действительно достойный своего имени, возродится либо под этим паролем, либо он обречен на прозябание» [12, с. 11]. Первоначально Советский Союз рассматривался лишь как некий оплот, необходимый, по словам В.И. Ленина, «всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от её интриг» [22, с. 360]. «Только сентиментальные глупцы могут думать, будто пролетариату капиталистических государств грозит опасность преувеличения роли революционного насилия и чрезмерного преклонения перед методами революционного терроризма, – писал Л.Д. Троцкий. – Наоборот, пролетариату как раз и не хватает понимания важности освободительной роли революционного насилия» [27, с. 251]. «Рука Москвы», поддерживающая друзей и уничтожающая врагов мировой революции в самых дальних уголках планеты, вселяла трепет и уважение, встречая не меньший ответный террор и беспощадность.

Именно классовая идеология со всеми своими достоинствами и недостатками пронизывала работу Коминтерна с первой минуты его существования и до последней. Коммунистическая идеология, покоящаяся, как признавали евразийцы, «на пламенной, но критически не проверенной, наивной и ошибочной вере коммунистов» [10, с. 350], – оказалась малоудачной попыткой предвидеть будущее. Ограниченность и мировоззренческая односторонность такого подхода, недооценка духовно-нравственных и культурно-исторических традиций народов обрекали коммунистическое видение мирового порядка на неосуществимость. С возрождением в Советской России идей патриотизма такая модель, да и конструирующая её идеология, дали трещину.

Коминтерновский мировой порядок не реализовался. Объединить народы без помощи государства оказалось невозможно. Иначе сложилась судьба другой альтернативы Версальскому мироустройству, которую стали формировать Германия, Италия и Япония. Идеи мировой революции рождали и силы, которые видели её сущность в пробуждении не классового, а расового сознания [26, с. 349], и вполне даже учитывали необходимость государственно-территориальной интеграции. Называя мировую войну «Великой мировой революцией, начавшейся в августе 1914 года» [26, с. 465], а Версальский мир «временным урегулированием», лидеры таких сил призывали к установлению мирового господства своих государств.

Германия и Италия в секретном Берлинском протоколе от 25 октября 1936 г., констатируя, что «наибольшей угрозой для мира и безопасности является коммунизм», закрепили свое намерение направить «все свои силы на борьбу против коммунистической пропаганды и активизировать свою деятельность в этом направлении» [2, с. 18]. А 25 ноября 1936 года было подписано и германо-японское «Соглашение против Коммунистического Интернационала» («Антикоминтерновский пакт»), по которому стороны договорились о тесном сотрудничестве в борьбе с коммунистической угрозой. В секретных Дополнительном протоколе и Дополнительном соглашении Германия и Япония взяли на себя взаимные обязательства, связанные с пактом, в частности, условились не заключать с СССР каких-либо политических договоров без взаимного согласия [3, с. 20-21]. 6 ноября 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, а в марте 1939 г. – франкистская Испания.

Пакт о дружбе и союзе («Стальной пакт») между Германией и Италией от 22 мая 1939 г. дополнительно скрепил антикоминтерновский союз. В пакте с изрядной долей цинизма было закреплено, что если «вопреки желанию и надежде договаривающихся сторон обстоятельства сложатся таким образом, что одна из них окажется в состоянии войны с одним или несколькими другими государствами, то другая договаривающаяся сторона немедленно выступит на её стороне в качестве союзника и окажет ей поддержку всеми своими вооруженными силами на суше, на море и в воздухе» [5, с. 64].

Формирование геополитической *оси Рим – Берлин – Токио* создало основу для попытки этих трех государств установить новый мировой порядок. Оформление нового мирового порядка, фактически вышедшего далеко за рамки своей изначальной антикоммунистической направленности, произошло с подписанием 27 сентября 1940 года Пакта трех держав (Германии, Италии и Японии) о военном союзе. Раздел мира состоялся, ибо саму предпосылку прочного мира увидели в том, чтобы «каждая нация мира получила подобающее ей пространство». Три хищника решили сотрудничать «при осуществлении своих устремлений в великом восточноазиатском пространстве и европейских областях», распространяя новый порядок и на остальные нации «в других частях света».

Осенью 1940 – весной 1941 к Пакту трех держав присоединились Венгрия, Румыния, Словакия и Болгария. Попытка втянуть в него Югославию вызвала бурные протесты её населения, государственный переворот в Белграде и оккупацию Югославии Германией. Лишь с провозглашением после этого Независимого Государства Хорватии последнее 15 июня 1941 года присоединилась к Тройственному, а 26 июня 1941 года – и к Антикоминтерновскому пактам.

Антикоминтерновский мировой порядок после объединения государств-единомышленников складывался уже только через насильственную межгосударственную интеграцию вплоть до 1943 года в результате

интервенций или актов прямой вооруженной агрессии стран Антикоминтерновского пакта против тех или других государств. Вторая мировая война началась, когда Германия и Япония от вооруженных интервенций перешли к войнам, причём не против социалистических государств.

Особо остановимся на периодизации войны в Европе. Давно пора отказаться от англо-американской версии Второй мировой войны, обеляющей Великобританию и делающую виновниками войны Германию и СССР. Пора прислушаться к призывам об альтернативности многих оценок событий XX века [1, с. 28]. Вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 г. с нападения гитлеровской Германии на Польшу, а значительно раньше, 7 июля 1937 года с нападения Японии и её сателлитов на Китай. Потому она и мировая, что не следует учитывать события только в Европе. Да и европейская часть мировой войны началась не в 1939 году, а 29 сентября 1938 года с расчленения Чехословакии Германией, Венгрией и Польшей при поддержке Великобритании, Италии и Франции.

При захвате Германией Чехословакии 1938 г. Польша оккупировала («взяла под защиту») Тешинскую область, Венгрия – южные районы Словакии и Закарпатской Украины. В беседе с И. Риббентропом 26 января 1939 г. министр иностранных дел Польши Бек не скрывал, что Польша «претендует на советскую Украину и выход к Черному морю» [21, с. 47]. Любые попытки поставить в славянском мире под сомнение цивилизационное превосходство поляков воспринимались в то время крайне болезненно даже на государственном уровне [15, с. 96-100]. Такова правда истории.

В результате нацистской «государственной интеграции» Германия официально присоединила к себе территории Австрии, чехословацкой Судетской области, французских Эльзаса и Лотарингии, польских Познанского воеводства, Западного Поморья, части Верхней Силезии и Сувалковского воеводства, бельгийских территорий Эйпен, Мальмеди и Морене, герцогства Люксембург, северных областей Югославии Нижняя Штирия и Верхняя Краина. Оккупированная Чехия стала протекторатом Богемия и Моравия, а захваченная Польша – генерал-губернаторством Германской империи. Только за октябрь-ноябрь 1938 г. Германия присоединила к себе территорию в 28 363 кв. км с населением 3 млн. 617 тыс. чел., из которых 2 млн. 670 тыс. чел. были судетскими немцами, а 719 тыс. чел. – чехи и словаки [20].

Помимо этого к 1942-1943 гг. под германской оккупацией находились территории Бельгии и Голландии, Югославии и Греции, Дании и Норвегии, основной части Франции (на оставшейся континентальной части французской территории установили лояльный Берлину политический режим), территории Белоруссии, Украины, Молдавии, ряда областей РСФСР. С учетом союзников и государств-сателлитов, лояльности Испании, Португалии и Швеции под политическим руководством Берлина собралась почти вся Континентальная Европа. Работая не только за страх, но и за совесть, промышленность Европы делала армию Гитлера не имеющей себе равных.

Гитлеровский план государственно-политического объединения Европы фактически осуществляли не 70 млн. немцев, а более 300 млн. европейцев, «объединенных на различных основаниях – от вынужденного подчинения до желанного содружества, – но так или иначе действовавших в одном направлении» [18, с. 15]. Не случайно из общего количества 3 770 290 военнопленных, взятых Советской Армией в ходе войны, 2 546 242 чел. были немцами и австрийцами, 766 901 чел. принадлежали к другим нациям, объявивших войну СССР-России (венгры, румыны, итальянцы, финны и др.), а 464 147 чел. (французы, бельгийцы, чехи и др.) – к европейским нациям «не воевавшим» с СССР [18, с. 15].

Вынужденной частью Антикоминтерновского мирового порядка стал пересмотр западных границ СССР в 1939-1940 годах, включение в состав СССР Западной Белоруссии и Западной Украины, Бессарабии, Латвии, Литвы, Эстонии, прилегающих к Ленинграду участков финской территории. Архитекторов Антикоминтерновского миропорядка подвела жадность, стремление завладеть монопольно всем ценным на планете. Защищая свои интересы, Советский Союз и государства с политически враждебными коммунизму режимами объединились в борьбе с фашизмом [13, с. 69-74].

Мировая война полностью разрушила Антикоминтерновский мировой порядок. После 1945 года государственное устройство Европы было сконструировано на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль-август 1945 г.) конференциях глав государств и правительств Великобритании, СССР и США. Среди основ, на которых сложились решения конференций, были принципы, обозначенные И.В. Сталиным ещё в 1943 году в качестве задач антигитлеровской коалиции:

- освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств;
- предоставление освобождённым народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве;
- возмездие фашистским преступникам за все совершенные им злодеяния;
- установление такого порядка в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;
- создание длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи [23, с. 623].

Но становление и особенности Ялтинско-Потсдамского мирового порядка – это уже другая история.

Что важно для современной эпохи из уроков межгосударственной интеграции и дезинтеграции Европы первой половины XX века?

Во-первых, сконструированное воинствующими либералами в 1919 в Версале империалистическое государственное устройство показало свою шаткость и не только не предотвратило европейской войны, но ввергло народы Европы в новую мировую войну. Мировой порядок стабилен, если его справедливость опирается на равноправие всех народов, признание за каждым права на самообытность его духовно-нравственных и культурно-исторических традиций. Ослабление культурного иммунитета любой нации [24, с. 33] наносит ущерб человечеству в целом.

Во-вторых, межгосударственная интеграция объективно всегда идёт на смену дезинтеграции, поскольку, как подчеркивал ещё Б.Н. Чичерин, действительная жизнь государств всегда представляет собою переходы из одной формы в другую, причём «государство представляет организацию народной жизни, сохраняющейся и обновляющейся при непрерывной смене поколений», а целью государства является гармоничное развитие разнообразных общественных элементов, собранных в единый органический союз [29, с.9, 10]. При всей трудности рождения нового государства, каковы бы ни были состав государства, его постепенное образование и перемены, каждый народ представляется единым политическим лицом и в этом значении своём становится деятелем в международной области; каждое государство получает характер народного единства, имеющего свои интересы, свои духовные особенности, выступающего в значении особой силы [14, с. 200]. Однако, при задержке или внутренней несправедливости интеграции она способна трансформироваться в свою противоположность – дезинтеграцию, порождающую множественные очаги государствообразования.

В-третьих, даже межгосударственное принуждение и государственное насилие не дают окончательного решения социальных и межгосударственных проблем. Право на обретение государства и свой собственный конституционализм имеют все народы, реализующие право наций на самоопределение без ущемления прав других наций.

В-четвертых, отношения между Германией и Россией определяли и будут определять политическую погоду в Европе, в то время как Великобритания в XX веке стала у берегов Европы цивилизационным ракетомосцем США, центром не Европейской, а Англо-Американской цивилизации.

В-пятых, народы не только Европы, но и Евразии – от Лиссабона до Петропавловска-на-Камчатке, Токио и Сингапура – заслуживают жизни в условиях мира, процветания и взаимного доверия. Для этого остается только перестать применять друг к другу двойные международно-правовые стандарты и вернуться к признанию взаимного равенства государств и народов.

Уроки цивилизационных и государственно-правовых изъянов Версальского мирового порядка современному европейскому обществу следует усвоить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Версальский мирный договор // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война: Док. и материалы / отв. ред. В.К. Шацилло. – М.: Наука, 2002. – С. 480.
2. Берлинский протокол, 25 октября 1936 г. // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Док. и материалы / Отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука, 2002. – С. 18.
3. Дополнительный протокол к «Соглашению против Коммунистического Интернационала» // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Док. и материалы / отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука, 2002. – С. 20-21.
4. Заявление «Двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик, от 23 декабря 1991 г. // Дипломатический вестник. – 1992. № 1. – С. 48-49.
5. Из «Пакта о дружбе и союзе» («Стальной пакт») между Германией и Италией, 22 мая 1939 г. // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Док. и материалы / отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука, 2002. – С. 64.
6. Антонович И.И. Константность истории и противоречивость её интерпретаций // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 28-36.
7. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М. Десятовой. – М.: Астрель, 2012. – С. 14.
8. Брежнев Л.И. О пятидесятилетии СССР // Ленинским курсом. Т. 4. М.: Политиздат, 1974. С. 44.
9. Вернер П. Баварская Советская Республика. Пер. с нем. М., 1924.
10. Гронский О.Б. Формирование исторической субъектности (на примере Белоруссии) // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 126-134.
11. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. Ст., коммент. И.А.Исаева. М., 1992. С. 350.
12. Желтов В.В., Желтов М.В. Геополитика: история и теория: учебное пособие. – Кемерово: КемГУ, Кузбассвуиздат, 2007. – 422 с.
13. Зиновьев Г. Коммунистический Интернационал // Ежегодник Коминтерна. – Пг.;М., 1923. – С. 11.
14. Капто А. Дипломатия нового международного переустройства. 1939-1945 гг. // Наука-Культура-Общество. 2005. № 1. С. 69-74.
15. Капустин М.Н. Международное право // Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Междунар. отношения, 2007. – С. 167-247.
16. Карнаухов Д.В. Польские концепции российско-белорусской истории: от комплекса завоевателя к комплексу жертвы // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 92-100.
17. Каченовский Д. С. Курс международного права // Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Междунар. отношения, 2007. – С. 39-166.

18. Ключников Ю. Версальский мирный договор. II. Содержание мирного договора // Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1928. Ст. 342.
19. Кожин В.В. Россия. Век XX (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М.: Вече, 1999. С. 15.
20. Криштапович Л.Е. Наша общерусская история // Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Научный сборник / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. – М.: Изд-во Московского университета, 2018. – С. 53-64.
21. Кульков Е.Н. Оккупационная политика агрессоров // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: Ист. Очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. – М.: Наука, 2002. – С. 385-402.
22. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: Ист. Очерк / Отв. ред. Е.Н. Кульков. – М.: Наука, 2002. – С. 16-67.
23. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45. – М.: Политиздат, 1975. – С. 360.
24. Ленин В.И., Сталин И.В. о социалистическом государстве и советской демократии. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 623.
25. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 2019. – 60 с.
26. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 148.
27. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. / Пер. с нем. – Tallinn: Shildex, 1998. – С. 349.
28. Троцкий Л. Красная Армия // Ежегодник Коминтерна. 1923. С. 251.
29. Уляницкий В.А. Международное право // Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 488 с.
30. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 536 с.
31. Шабайлов В.И. Союзное государство Беларуси и России как форма ассоциированной федерации // Право в современном белорусском обществе: Сборник научных трудов. Вып. 3. / ИГП НАН Беларуси. – Минск: Белорусская наука, 2008. – С. 4-15.

Н.А. БЕРДЯЕВ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА

Ивонина О.И. (г. Новосибирск, Россия)

Исторический опыт Бердяева вместил в себя две мировые войны, две революции в России, вынужденное изгнание из России на знаменитом «философском пароходе», нацистский переворот в Германии, оккупацию Франции, начало «холодной войны». Сам Бердяев полагал, что его личный опыт именно благодаря наполненности такого рода драматическими событиями, носил экзистенциальный характер, раскрывая нечто универсально значимое для судеб мира и человечества. Не случайно Бердяев считал моральным *credo* историка *абсолютную ответственность человека-микрокосма за все исторические события*, даже находящиеся вне его контроля и времени жизни.

Бердяев всегда искал альтернативу сформулированной идеологами Просвещения концепции всемирной истории, безнадежно устаревшей в XX веке. Критика идеи прогресса превратилась у Бердяева в годы Первой мировой войны в критику интеллектуального наследия эпохи Модерна и приобрела новую тональность. Позитивистский историзм казался русскому автору достоянием благополучного XIX века, отразившим его философию времени и интеллектуальную атмосферу. Первая мировая война опровергла то, что казалось неизбежным приобретением человечества – прочность культурных устоев комфортной и респектабельной истории Запада. Чудовищный факт мировой бойни, развязанной передовыми европейскими нациями, показал ошибочность фундаментальных тезисов либеральной рационалистической историографии: в истории нет поступательного развития, необратимости достижений культуры и цивилизации. Мировая война сдернула тонкую пленку цивилизации XIX – начала XX вв., обнажила глубинные пласты человеческой жизни, расковала *хаос иррационального* в человеческой природе [8, с.322].

Все привычные категории и формы жизни самых «передовых», «прогрессивных», даже «революционных» людей XIX и XX веков, по мнению мыслителя, безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего [1, с.411].

Первая мировая война стала для Н.А. Бердяева подтверждением его прогноза о завершении прежнего, модернистского по сути проекта всемирной истории, на смену которому приходит эра неопределенности. Он отмечал: «Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения» [6, с.114].

Эта историческая катастрофа была воспринята русским мыслителем как символ «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой к Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Н.А. Бердяев, подобно множеству других представителей русской революционной демократии (Г.В. Плеханову, А.А. Богданову, В.И. Ленину, Ф.А. Степуну и Г.П. Федотову) указывал на фактическую, культурно-антропологическую и социально-психологическую обусловленность Первой мировой войны вступлением человечества в новый этап развития – эпоху империализма.

Феномен империализма (как политики и мировоззрения) демонстрировал, по мнению Н.А. Бердяева, разрыв Запада с базовыми, религиозно обоснованными ценностями, доселе предлагаемыми миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права.

Глобальный конфликт, инициатором которого стали «цивилизованные» народы Европы, опрокинул мир в эпоху «Нового варварства». Ее символами стали для Бердяева культ техники (апогеем которого стало создание и использование оружия массового уничтожения, формирование технократических элит), маргинализация общества, милитаризация сознания и поведенческих стандартов населения, тотальная манипуляция массовым сознанием, внеэкономические методы принуждения, мобилизационный тип экономики, кризис либеральной демократии в процессе транзита европейских государств к тоталитаризму [6, с.167-168].

Самосознание человека Нового времени как эпохи освобождения человека из плена сословно-корпоративных и этноконфессиональных ограничений, внеэкономического принуждения и подчинения властным авторитетам, оказалось иллюзорным. В эпоху господства техники, демократии, общественного мнения, прессы, биржи и парламентаризма появляются, по мнению философа, лишь новые формы зависимости человека от общества, новые, более действенные, чем прежде, формы контроля, которые способствуют утрате индивидуальности и всеобщей стандартизации [9, т.1, с.416].

Антизападный критицизм Н.А. Бердяева был настолько силен, что он отверг существование «Запада» как единой культурно-исторической общности. Мыслитель отмечал: «...вот грянула мировая война и разрушила призрак единой Европы, единой европейской культуры, единого духовного европейского типа. Сегодня Европа – неустойчивое образование. В самой Европе скрыты самые противоположные начала, самые враждебные стихии, самые взаимоисключающие духовные типы» [6, с.126].

Не только светская культура Европы казалась Бердяеву непрочной. Он отверг наличие и той духовной христианской «почвы», на которой основывалась гуманистическая культура Европы периода Средних веков и Нового времени. Наиболее неблагоприятной казалась ему в этом отношении Центральная Европа, в первую очередь, Германия. Автор писал: «Ни расизм, ни антисемитизм не есть нечто неожиданное в Германии, это старая болезнь германского духа, свидетельствующая о том, что христианство недостаточно переработало и преобразило глубинный слой германского язычества» [8, с.350].

Впечатления от Первой мировой войны оказались у Н.А. Бердяева настолько сильными, что он всю оставшуюся жизнь считал ее системообразующим фактором всей Новейшей истории. Мировые события после 1914 г. представлялись ему лишь продолжением этой катастрофы. Послевоенное развитие мира, в котором усиливались авторитарные, коммунистические и национал-социалистические движения, Н.А. Бердяев оценивал с позиций своего исторического пессимизма. В книге, написанной во второй половине 40-х гг., мыслитель писал: «Мы живем в мире, созданном двумя мировыми войнами и готовимся к третьей мировой войне. Мы живем в мире, в котором революция является лишь трансформацией войны. Это определяет все ценности. Мы живем в хаотическом мире, в котором свобода представляется непозволительной роскошью, а на вершинах цивилизации происходит элементаризация...» [10, с.323].

Переживание событий мировой войны и послевоенного времени усилило интуицию *альтернативности всемирной истории*. Послевоенная история казалась Бердяеву конкуренцией трех альтернативных тенденций мирового развития, трех вариантов выхода из кризиса, переживаемого современной цивилизацией:

1) Исход фатальный или «хаос конца»: продолжающийся распад мировой капиталистической системы, гонка вооружений, чреватая гибелью мира в ядерном Апокалипсисе, война всех против всех.

2) Создание нового, насильственного и механистического порядка – «организованности, не оставляющей места свободе», ведущей к тотальной деспотизации мира.

3) Преодоление социального и культурного хаоса, синтез общечеловеческих ценностей с идеалом социальной справедливости.

Первая альтернатива современного развития проявляется, по мнению философа, в *цивилизационной унификации мирового развития*. Война подтвердила справедливость прогноза как самого Бердяева, так и его оппонентов в лице Ленина и Гильфердинга, о расширении капиталистической цивилизации на Восток средствами империалистической экспансии. Для Бердяева эта тенденция свидетельствовала о попятном движении всемирной истории, от окончания зрелого Модерна (капиталистической цивилизации) к началу эпохи нового Средневековья [9, т.1, с.422].

В «Пробуждении Востока», в национально-освободительных движениях афро-азиатских народов Н.А. Бердяев увидел все то же торжество внутренне исчерпанного «Запада», передающего многомиллионным народам Индии и Китая самые дурные стороны европейской цивилизации: материализм, национализм, социальную атомизацию массового общества, упоение техническим прогрессом. Заимствованные у европейцев современные технологии Восток, по мнению философа, станет использовать инструментально – в качестве средства противостояния с Западом в экономической и военно-политической сфере, приближая, тем самым, собственное возвышение и «падение Европы» в силу утраты ею роли эталона мирового развития [3, с.199].

Наряду с мировой цивилизационной унификацией действует и вторая тенденция, отмеченная Н.А. Бердяевым, – *тоталитарная революция*, создание принудительно организованных сообществ. Мыслитель считал, что первая и вторая тенденции мирового развития связаны между собой, т.к. разрушая культуру, цивилизация возвращает «внутреннее варварство» на своей собственной почве. По его словам, «в цивилизации начинают обнаруживаться процессы варваризации, огрубления, утраты совершенных форм, некогда выработанных культурой» [4, с.172].

«Новые варвары», люди массового общества, становятся преобладающей политической силой. Тоталитарные революции, подготовленные буржуазным обществом, оставляют человечество в пределах *цивилизации*, но меняют *социальную форму* последней. Буржуазная цивилизация сменяется индустриальной, превращая жизнь миллионов в «огромный и организованный производственный процесс, в промышленную мастерскую, которую должно украшать искусство и обслуживать знание» [5, с.52].

Н.А. Бердяев был в числе тех, кто считал противостояние с либерализмом и индивидуализмом общим свойством большевизма, фашизма, национал-социализма и прочих версий тоталитаризма XX века. По его мнению, все тоталитарные режимы стремятся к контролю над массовым и индивидуальным сознанием, устраняя свободу даже из мира душевных переживаний личности. Автор утверждал: «все мышление делается принудительным, подчиняется социальному вероисповедному центру, т.е. происходит возврат к средневековью, но уже не на религиозной, а на материалистической почве» [2, с.40].

Глубинным сходством тоталитарных режимов мыслитель объяснял их враждебность культуре, демократическим свободам и уважению человеческого достоинства, наглядно проявившиеся в политике послевоенной России, Германии, Италии. Страна философов и поэтов оказалась в тридцатых годах местом гонения духа: «Германия, в которой раньше был настоящий культ ученых, философов, профессоров, университетов, часто преувеличенный и смешной, теперь совершенно перестала уважать ученых, философов, профессоров, университеты и готова их разгромить» [8, с.341].

Победу тоталитарных тенденций в развитии послевоенного мира Н.А. Бердяев считал разрывом Запада с наследием эпохи гуманизма и Просвещения, аналогично торжеству феодальной реакции в Европе после Наполеоновских войн – «внутренней реакции против всей новой истории, реакции против всего ренессансного освободительного периода и против французской революции» [9, т.1, с.393-394].

Тоталитаризм как форма «нового варварства» обращается к архетипам сознания и переустраивает общество на началах традиционализма и архаического коллективизма. Тоталитарное общество доводит до предела inferнальную эсхатологию цивилизации, демонстрируя возможность «повторного варварства» – реакционной восстания маргиналов против достижений мировой и национальной культуры. По мнению Бердяева, это восстание свидетельствует о необратимом регрессе культуры, преобладании попятных и даже тупиковых траекторий всемирной истории. «Новое варварство» в принципе не способно к аккумуляции, подобно варварам эпохи Раннего Средневековья. Н.А. Бердяев писал: «...ныне европейской культуре грозит напор варварства изнутри и извне. Это почувствовалось уже, когда началась мировая война, и чувство это достигло особенной остроты, когда разыгралась русская революция...Революционное варварство бурно вступает в мир уже глубоко испорченным лживыми антихристианскими идеями, искаженным рассудочным полупросвещением, с извращенной массовой психологией, с претензиями ложной массовой субкультуры» [7, с.225].

Таким образом, тоталитаризм как реакция на ценности Модерна открывает новую эпоху в истории человечества, названную автором «Новым средневековьем» по аналогии со временем крушения античного мира.

Параллельно с ужасающими картинами агонии Новой истории и погружения в ночь тоталитарного «нового Средневековья» Н.А. Бердяев рассуждал о третьей тенденции послевоенного развития – новом духовном возрождении человечества, «новой творческой эпохе». Вместе с тем, Н.А. Бердяев не считал тенденцию к духовному возрождению человечества господствующей – в силу своей приверженности историческому пессимизму и трагическому пониманию истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. – Берлин: Обелиск, 1923. 270 с.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. 383 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. 176 с.
5. Бердяев Н.А. Социальный кризис культуры // Новый град. – 1932. – № 3. С. 46–53.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Прометей, 1990. 158 с.
7. Бердяев Н.А. Философия неравенства – Л.: Лениздат, 1991. 440 с.
8. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. Республика, 1994. 480 с.
9. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994: в 2 т. Т.1. 542 с.
10. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. 382 с.

ПОЛТОРА ВЕКА ГЕРМАНСКОЙ СПИРАЛИ: ОТ «ВЕЛИЧИЯ» К КАТАСТРОФЕ

Штоль В. (г. Москва, Россия)

К концу XIX в., когда территории Африки, Азии, Южной Америки, Океании и Австралии были поделены, на мировой арене появляются новые игроки – объединённая О. фон Бисмарком Германия, возникшая в результате победы в войне с Францией (1870–1871 гг.), окрепшие после гражданской войны США, Япония, вышедшая из своей замкнутости, и Италия, покончившая с раздробленностью. Борьба за передел мира была неизбежна.

Сложившаяся ситуация привела к Первой мировой войне, которая не разрешила противоречий европейских стран: и победители, и побеждённые (особенно последние) не были удовлетворены Версальским мирным договором (1919 г.). Начав Первую мировую войну и проиграв её, Германская империя потеряла очень много: порядка 12% своей территории, все колонии и их ресурсы; около 30% немецкого населения оказалось за пределами Веймарской республики [12, Bd. 1, S. 634]. Страна должна была выплатить огромные репарации, были введены ограничения в военной сфере.

Первая мировая война была связана с социально-политическими и экономическими кризисными явлениями в европейских странах. Все её поводы и причины – это попытка преодолеть кризис развития именно западного мира, поменять лидера, которым была Британская империя. На роль лидера претендовали и Франция, и кайзеровская Германия, и Австро-Венгрия, у которых были противоречия, но было и то общее, что их объединяло, – это неприятие Российской империи, страх того, что именно она может выйти в лидеры с её огромным ресурсным потенциалом. Поэтому общей задачей было устранение Российской империи с политической сцены. Однако после Первой мировой войны и Октябрьской революции Россия осталась, она только ушла из «общеевропейского дома», став «опорной» государственностью коммунистического проекта. Кризис в борьбе за лидерство грозил новой войной в Европе, но она могла не достичь главной цели – ликвидации России. Теперь Западу пришлось искать новые силы в противовес коммунизму. Именно поэтому приемлемым оказался нацистский (германский) проект. Фашизм обрёл германский колорит, апеллирующий к исконно германским ценностям, эпосу, к униженной Версальским договором национальной гордости. Кроме того, выбор пал на Германию и потому, что там была велика вероятность прихода к власти коммунистов, что означало бы полную катастрофу любых западных проектов.

Гитлер получил власть под то, что составляет суть общеевропейского консенсуса, – уничтожение России как исторической данности. Немецкий философ В. Шубарт писал в 1938 г.: «Я сейчас ставлю вопрос не о том, что значит большевизм для России, а о том, что он значит для Европы <...> речь идёт о мировом историческом конфликте между частью света Европой и частью света Россией, между западноевропейским и евразийским континентами» [9, с. 49].

Идеи борьбы за территорию и ресурсы всегда были для Германии актуальны и основывались на разработках немецкой школы классической геополитики [10, S. 26]. Это особенно касалось концепции борьбы за жизненное пространство (*der Lebensraum*), которая пользовалась поддержкой всей нации и оправдывала необходимость ревизии унизительного для Германии Версальского мирного договора. При этом многие немецкие геополитики принимали идеи Т. Мальтуса, который считал, что из-за роста населения человечество столкнётся с проблемой голода. Поэтому в концепции борьбы за жизненное пространство были тесно переплетены экономические и демографические факторы.

Появилось два термина: «народ без пространства» (*das Volk ohne Raum*) и «пространство без народа» (*der Raum ohne Volk*). В число «народов без пространства» попали и немцы. Первоначально представители немецкой школы геополитики рассматривали «жизненное пространство» исключительно как территорию компактного проживания немцев в Германии и за её пределами (это основная линия политики О. Бисмарка на объединение страны). Поэтому речь шла о возвращении территорий, отторгнутых по Версальскому договору, о воссоединении с компактно проживающими в соседних государствах немецкими диаспорами, а также о возврате колоний.

После начала в 1939 г. новой войны цель германской программы формулировалась существенно шире: покорить народы Европы, полностью лишить их государственной самостоятельности, национальной культуры и самобытности, овладеть их национальными богатствами, превратить коренное население в рабов. «Завоевание Европейской части России для создания немецкой колониальной империи в качестве базы для немецкого мирового господства было крупнейшей целью Гитлера с момента форсирования его программы в середине 20-х годов» [11, с. 36].

Германии был нужен не временный захват территории и рынков, а их полное освоение, что предполагало заселение немцами новых районов. Идеи Гитлера нашли полную поддержку крупного промышленного и финансового капитала [5, с. 91, 107, 108; 13, р. 340; 3, с. 140]. Другой опорой нацистского режима были военные, без которых была невозможна стабилизация фашистской диктатуры в 1933–1934 гг. Заявления Гитлера о равноправии Германии в мире и пересмотре Версальского договора казались офицерскому корпусу совершенно справедливыми.

Формально демократической Веймарской республике не удалось достичь успеха на дипломатическом поле, внутри страны она не смогла решить существовавшие проблемы, в том числе безработицы. «Поэтому,

когда Гитлер пообещал улучшить как внутривнутриполитическую, так и внешнеполитическую ситуацию, у него появилось много последователей... Гитлер пообещал народу Германии свободу от несправедливого Версаля и избавление от безработицы и межпартийных распрей» [2, с. 474].

И он действительно ликвидировал безработицу, а заодно и профсоюзы, прекратил борьбу партий (репрессиями и провокациями), возродил национальные чувства, возвратив земли Саара и проведя аншлюс Австрии, восстановил воинскую повинность. При достаточной внутренней опоре режим Гитлера не обошёлся и без внешней, а именно финансовой поддержки фашистской диктатуры с Уолл-стрит [4]. Всё, что происходило в Германии в 30-е годы, проходило под молчаливым патронажем Запада [6, с. 587–588; 7, с. 403].

Гитлер, окрылённый лёгкими победами 1939–1940 гг. на западе, был абсолютно уверен в успехе и на востоке. Если военные планы Гитлера на востоке относились к типу «Блицкриг», то этого нельзя сказать о политических и социально-экономических планах в отношении оккупированных территорий.

К ним относятся два основных комплекса документов.

1. Документы, называемые планом «Ост», рассматривавшие проблемы восточных территорий с точки зрения их германизации.

2. План «Ольденбург», предусматривающий использование экономического потенциала оккупированных территорий во время военных действий для обеспечения немецкой армии продовольствием, нефтепродуктами и другими ресурсами [8, с. 57–138].

Истоки плана «Ост» надо искать в политике О. Бисмарка по объединению германских земель и собиранию немецкого народа в едином государстве, во взглядах Пангерманского союза. Этих целей не удалось достичь кайзеровской Германии в Первую мировую войну, а через 25 лет за их реализацию взялся Третий рейх.

В XIX в. (в основном в Пруссии) сформировалась идея «Срединной Европы» (*Mitteleuropa*), во всех вариантах которой «Великая Германия» руководила Европой, а Россия всегда была в центре всех агрессивных планов и должна быть уничтожена, так как, во-первых, её обширные территории и богатства нужны Германии; во-вторых, она обладала огромным интеллектуальным потенциалом, её население слишком быстро росло. Если Россия не будет сломлена, то она в скором времени так усилится, что сумеет покорить Центральную Европу. Уменьшение России абсолютно необходимо, ибо только тогда Германия и западная культура получат покой и безопасность [14].

В плане «Ост» с немецкой педантичностью были рассмотрены: административное деление оккупированных территорий; системы управления и самоуправления; демографические вопросы; германизация с учётом национальности; вопросы переселения коренного населения и организация немецких поселений; вопросы образования, культуры, медицинской помощи для коренного населения; репрессивные меры и т. п. В нём была дана чёткая установка не только на уничтожение Советского Союза, но и на невозможность для его народов иметь собственную государственность.

После захвата Польши Гитлер (6 октября 1939 г.) провозгласил «этническое преобразование» Европы, мыслившееся строго в соответствии с положениями расовой идеологии, которые включали предложения по «всеобщему охвату», «тщательному расовому отбору» или «селекции» местного населения, а для «способных к повторному онемечиванию» и «расово желательных инородцев» была предусмотрена возможность «германизации» [1, с. 94, 97, 90].

План «Ольденбург» определял экономическое использование территории и был ориентирован на создание такого военно-экономического потенциала, который позволил бы Германии подготовиться и вести войну на востоке для расширения жизненного пространства, а также получения сырьевой и продовольственной базы для немецкого народа даже в случае, если рейху не удастся нейтрализовать западные державы, договорившись о нейтралитете с их стороны или заключив с ними союз. В предвоенные годы Гитлер повторял, что для Германии захват большого жизненного пространства на востоке просто необходим, так как никакие переговоры, никакая политика автаркии не позволят обеспечить промышленность Германии сырьём, а население – продовольствием.

Победа на европейском ТВД была обеспечена Красной армией, освободившей не только свою территорию, но и пол-Европы. Второй фронт в Нормандии был открыт западными союзниками, когда исход войны был очевиден и они могли не успеть поучаствовать в победе. Условия Потсдамского мира (17 июля – 2 августа 1945 г.), заключённого с учётом решений конференций глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) и Ялте (4 – 11 февраля 1945 г.), означали полный крах агрессивных планов Третьего рейха. Германия утратила часть территорий на востоке, понесла значительные людские потери, но её промышленный потенциал был сохранён: англо-американские союзники при бомбёжках по площадям в основном уничтожали гражданские объекты. И, конечно, необходимо учитывать моральный ущерб, нанесённый всей нации, как носительнице идей фашизма, осуждённого Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Страна была разделена на оккупационные зоны с внешним военным управлением. Противоречия союзников по антигитлеровской коалиции быстро перешли в противостояния, что было чётко обозначено в фултоновской речи У. Черчилля (5 марта 1946 г.) и опиралось на атомную монополию США.

В сентябре 1949 г. в западной зоне оккупации была создана ФРГ, а в октябре 1949 г. на востоке – ГДР. Чтобы сохранить своё влияние в Западной Европе, американцы выделили ей 17 млрд долл. безвозмездной помощи (план Маршалла), подкрепив её силовыми мерами – двумя группами бомбардировщиков Б-29 с атомным оружием на борту, размещением своих военных баз и созданием НАТО.

ФРГ достаточно быстро восстановила свой экономический потенциал, а после объединения с ГДР (сентябрь 1990 г.) стала крупнейшей экономикой в Европе и лидером Европейского союза. Учитывая вес объединённой Германии в Евросоюзе и НАТО, она безусловно имеет все возможности оказывать определяющее влияние на политику ЕС. Сегодня Германия снова на «подъёме»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Генеральный план «Ост» // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 83–98.
2. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / Г. Гудериан. – М.: Центрполиграф, 2005. – 574 с.
3. Оггер Г. Фридрих Флик – мультимиллионер / Г. Оггер. – М.: Прогресс, 1976. – 402 с.
4. Саттон Э. Как Орден организует войны и революции / Э. Саттон. – М., 1995. – 128 с.
5. Тиссен Ф. Я финансировал Гитлера / Ф.Я. Тиссен. – М.: Центрполиграф, 2008. – 255 с.
6. Черчилль У. Мюнхенское соглашение (5 октября 1938 г.) // Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи / У. Черчилль. – М.: Эксмо, 2004. – 768 с.
7. Ширер У. Взлёт и падение Третьего рейха. Т. I. – 656 с.
8. Штоль В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность / В.В. Штоль. – СПб. Издательство Алетейя. 2019. 434 с.
9. Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: Эксмо, 2003. – 480 с.
10. Folkers J.U. Geopolitische Geschichtslehre und Volkserziehung / J.U. Folkers. –Heidelberg – Berlin – Magdeburg: Kurt Vowinckel Verlag, 1939. – 50 S.
11. Hellgruber A. Hitlers Strategie / A. Hellgruber. – Frankfurt am Main, 1965. – 715 S.
12. Heymann E. Nationalitätenpolitik / E. Heymann// Zeitschrift für Geopolitic. 1928.
13. Manchester W. The Arms of Krupp. 1587–1968 / W. Manchester. – Boston – Toronto, 1968. – 942 p.
14. Rohrbach P. Unser Kriegsziel im Osten und russische Revolution. Weimar: A. Dunker Verlag, 1917. – 30 S.

RESEARCH PROJECT «UKRAINIAN FAMINE OF 1932–33: HISTORIOGRAPHY, HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL POLICY IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE»

Menkouski V. (Minsk, Belarus)
Šmigel' M. (Banská Bystrica, Slovakia)

About the research. The processes of formation of the modern historiographical space objects are of professional interest to various sciences and research teams. At the same time, the experience of the last years reveals that the main trend in the development of social sciences seems to be the increased recognition of their active role in the life of a modern society. Socially – acceptable knowledge is not only a fact of social consciousness, but also of activity-related factor in social development.

One of the tragic episodes of modern history was the Soviet famine of 1932–33. According to modern estimates, as a result of the famine, about 7 million people died on the territory of Ukraine, Russia, Belarus, Kazakhstan, and Moldova. The historiography of this tragedy is extremely extensive. However, the scientific and public assessment of famine in the historical memory and historical policy of Central and Eastern Europe is not just different. It has become one of the most important factors in the formation of public self-consciousness in the new independent states and a factor of interstate relations in the post-Soviet and European space.

In the proposed project, we will analyze how the historiography of the Soviet and Ukrainian famine of 1932–33 affects the historical memory and historical policy of Central and Eastern Europe.

Models of interaction history, memory and society, developed by Michel Foucault, Paul Ricoeur, John Tosh, Pierre Nora, find their extensive use in social studies and the humanities, and more persistently invade the area of traditional historiography. However, the complex developments in this area are not so many, and their local nature does not allow to enter the deeper and more comprehensive understanding of the changes taking place in modern historiographical practice.

Proposed project is supposed to explore the modern scientific historiography, historical memory and historical policy of Central and Eastern Europe on the history of Ukrainian famine in context of Soviet famine of 1932–33. Ongoing studies will help to assess the achieved level of the historiography, highlight major publications, concepts, scientific directions. Also, it is extremely important to note the controversial historical, political and social positions in Eastern and Central Europe, try to determine the prospects for assessing the Soviet and Ukrainian famines.

Originality of the project. The conditions of modern methodological pluralism provide choice of an integrated multi-disciplinary approach as a concrete methodology of historical research. This allows to incorporate theoretical ideas and techniques of other fields of scientific knowledge into the study of historical processes. Today the situation in science is such that it is necessary to hear different voices, to be able let in the "other" in your discourse. As regards the advancement of the "state-of-the-art" of research in this field, the study of Soviet and Ukrainian famine in

historiography, historical memory and historical policy of Central and Eastern Europe will enable to connect the historical, political, anthropological, psychological, and cultural components. Each of them played a role in a particular segment of the discipline development, and in the formation of a collective historical memory. We use the principle of the "look at the past", which was developed in the phenomenology of Edmund Husserl, philosophical hermeneutics Philipp Heinrich Dilthey and Hans-Georg Gadamer, "understanding sociology" of Max Weber, "The Annals" historical school.

Special attention will be paid to the "new imperial history", which allows to describe the historical dynamics of Stalinism more accurately than is possible through previously used methodology. Considering the Stalinist state and society as a variant of the empire, the researchers were able to give new aspects of the study of national, religious, political and social components. The proposed project is aimed at the selection of modern historiographical trends showing the factors of continuity of the Russian Empire, the Soviet Union and modern Russia. Analysis of the Stalinist empire building today is of particular significance for Central and Eastern Europe.

Importance of the project. The Ukrainian famine (1932–33), or *Holodomor* (Ukrainian) literally "death by starvation"), was one of the largest national catastrophes in the modern history of the Ukrainian nation. The neologism *Holodomor* is given in the modern dictionary of the Ukrainian language as "artificial hunger, organised in vast scale by the criminal regime against the country's population". The *Holodomor genocide question* consists of the attempts to determine whether the *Holodomor*, a 1933 man-made famine that killed about 4 million people in Ukraine, was an ethnic genocide or an unintended result of the "Soviet regime's re-direction of already drought-reduced grain supplies to attain economic and political goals. The debate among historians is ongoing and there is no international consensus among scholars or governments on whether the Soviet policies that caused the famine fall under the legal definition of genocide.

In 2006 Ukraine's parliament, the Verkhovna Rada, passed a law recognizing the 1932–33 *Holodomor* as an act of genocide against the Ukrainian people. In 2010 Kyiv's Court of Appeal recognized the leaders of the totalitarian Bolshevik regime as those guilty of 'genocide against the Ukrainian national group in 1932-33 through the artificial creation of living conditions intended for its partial physical destruction.'

The Russian Federation accepts historic information about the *Holodomor* but rejects the argument that it was ethnic genocide by pointing out the fact that millions of non-Ukrainian Soviet citizens also died because of the famine. In 2008 a statement was voted by the Russian parliament stating there was no evidence that the 1933 famine was an act of genocide specifically against the Ukrainian people. The resolution adopted by Russia's lower house of parliament, the State Duma, condemned the Soviet regime's "disregard for the lives of people in the attainment of economic and political goals", along with "any attempts to revive totalitarian regimes that disregard the rights and lives of citizens in former Soviet states." yet stated that "there is no historic evidence that the famine was organized on ethnic grounds."

The project will pay special attention to the problems of Historical Memory and Historical Policy. Will be discussed the interactions of scientific historiography and mass historical consciousness in contemporary Eastern and Central Europe. The data of sociological surveys show the gap between scientific research and citizens' everyday understanding of Stalinist time in Eastern Europe. Under the conditions of the sharp escalation of the situation in Eastern Europe and on the borders of Central Europe, propaganda of Stalin's methods of empire building, authoritarianism and dictatorship, the historical justification for violence is intensified. The subject of project will a historical studies and studies of collective memory of Stalinism, the European "places of memory", their historical, social and cultural functions, the state historical policy in Central and Eastern Europe.

Transfer of knowledge will be carried out on the basis of the experience gained Matej Bel University in Banská Bystrica (UMB) and Belarusian State University (BSU) in the implementation of a number of joint projects carried out since 2008: «The Main Paradigms of the Central and East European Studies: Towards Theory Exploration»; «The Phenomenon of Post-Communism: Communist legacy and Contemporary Challenges as the Factors of the Development of East-European and Post-Soviet Countries (1989-2009)»; «Contemporary European Historiography of Stalinism: Traditions and New Research Strategies for Central and Eastern Europe»/

Impact of the project. Several countries and international organizations made public statements addressing the *Holodomor* and recognizing it as a tragedy. Some went further to recognize it as genocide, or a crime against humanity. In the framework of international organizations, resolution recognizing *Holodomor* as genocidewas adopted by the Baltic Assembly. The following countries have recognized the *Holodomor* as an act of genocide: Albania, Australia, Austria, Azerbaijan, Belgium, Bulgaria, Canada, Colombia, Croatia, Denmark, Ecuador, Estonia, Finland, France, Georgia, Germany, Hungary, Iceland, Ireland, Israel, Latvia, Liechtenstein, Lithuania, Luxembourg, Mexico, Moldova, Monaco, Montenegro, Paraguay, Peru, Poland, Portugal, Ukraine, United States, (and twenty-two individual states), Vatican City.

A number of international organizations adopted resolutions recognizing *Holodomor* as tragedy or crime against humanitybut did not use the word "genocide": European Parliament, General Assembly of the United Nations, Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Organization for Security and Cooperation in Europe, United Nations Organization for Education, Science and Culture,

The Slovak Republic is among the countries that have recognized the *Holodomor* as a criminal act of the Stalinist regime: Argentina, Chile, Czech Republic, Spain, Slovakia.

Slovakia is an example of the country with very specific and elaborated way of transition with the successful results quite different from those of the post-soviet republics. The soviet and communist studies are on a very good level in Slovakia and consulting with the Slovak colleagues can advance and expand research topic. Historical policy of

Slovakia reflected in historical and historiographical studies, will be very useful and influential for the Belarusian historical community and the whole Belarusian society.

Selected Bibliography

1. Šmigel' M., Menkouski V. Modern European historiography of stalinism: traditions and new research strategies in Central and Eastern Europe / M. Šmigel', V. I. Meňkovskij. In Vestnik Udmurtskogo universiteta : naučnyj žurnal. Serija "Istorija i filologija". – Iževsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2015. – ISSN 1810-5505. – Vol. 25, Is. 1 (2015), s. 92-96.
2. Šmigel' M., Menkouski V. The phenomenon of the historical memory of stalinism in the Russian Federation and the Republic of Belarus / Vjačeslav Ivanovič Meňkovskij translation Michal Šmigel'. In Acta historica Neosoliensia: vedecký časopis pre historické vedy. – Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela – Belianum, 2016. – ISSN 1336-9148. – Roč. 19, č. 2 (2016), s. 119-127.
3. Šmigel' M., Menkouski V. Leninism and Stalinism: general and opposite in the assessments of Anglo-American classical sovietology / M. Šmigel', V. I. Meňkovskij. In Visnyk Čerkaskoho universytetu: serija istorični nauky. – Čerkasy: Čerkaskyj nacional'nyj universytet imeni Bohdana Chmel'nyckoho, 2017. – ISSN 2076-5908. – No. 2 (2017), s. 30-35.
4. Меньковский В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. Мн., 2007.
5. Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. L., 1986.
6. Davies R.W., Wheatcroft St.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture. 1931–1933. Palgrave Macmillan, 2004.
7. Ellman M. The Role of Leadership Perceptions and of Intent in the Soviet Famine of 1931-1934 // Europe-Asia Studies, 57, 6, 2005, pp. 823-841.
8. Himka J.-P. Making Sense of Suffering: Holocaust and Holodomor in Ukrainian Historical Culture, and: Holod 1932–1933 rr. v Ukraini iak henotsyd/Golod 1932–1933 gg. v Ukraine kak genotsid [The 1932–33 Famine in Ukraine as a Genocide] (review) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Summer 2007. Vol. 8. P. 683-694.
9. Investigation of the Ukrainian Famine 1932–1933. Report to Congress. Washington D. C.: Commission on the Ukrainian Famine, 1988.
10. The Great Famine in Ukraine 1932–33 // The Ukrainian Weekly. Vol. LI. 1983. № 12.
11. The Great Famine in Ukraine: the unknown holocaust. In solemn observance of the 50th anniversary of the Ukrainian famine of 1932–33. Jersey City; N. J., 1983.
12. Tottle D. Fraud, Famine and Fascism. The Ukrainian Genocide Myth from Hitler to Harvard. Toronto, 1987.
13. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза. 1922-1991. М. 1993.
14. Васильчук Г.М. Колективізація та політика розкуркулення в СРСР (кінець 20-х – перша половина 30-х рр.): концепції сучасної західної історіографії // Наук. пр. іст. ф-ту Запоріж. нац. ун-ту. 2007. Вип. 20. С. 438–442.
15. Голодомор 1932-1933 років в Україні: Документи і матеріали / Упоряд. Р. Я. Пиріг. К., 2007.
16. Голодомор в Україні 1932–1933 рр.: Бібліограф. покажчик / Упоряд. Л.М.Бур'ян, І.Е.Рікун. Одеса, 2001.
17. Грациози А. Советский голод и украинский голодомор // Отечественные записки. 2007. № 1. С.
18. Грациози А. Голод у СРСР 1931–1933 рр. та український голодомор: чи можлива нова інтерпретація? // Український історичний журнал. 2005. №3. С.120–131.
19. Гудзь В. Концептуальні засади німецької історіографії Голодомору // Емінак. 2016. № 2(3). С. 96-100.
20. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121.
21. День і вічність Джеймса Мейса. К., 2005.
22. Зімон Г. Чи був голодомор 1932-1933 рр. інструментом «ліквідації» українського націоналізму? / Герхард Зімон // Український історичний журнал. 2005. № 2. С. 118–131.
23. Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма» / [составит. С. Кройцберг, И. Мантейфель, А. Штейнгер; перевод с нем.]. К.: Оптима, 2001.
24. Касьянов Г. Разрытая могила: голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 237–269.
25. Конквест Р. Жнива скорботи: Радянська колективізація і голодомор / Під ред. С. Головки. К., 1993.
26. Кульчицький С.В. Голод 1932-1933 гг. в Украине как геноцид. Київ, 2005.
27. Кульчицький С.В., Максудов Сергей. Втрати населення України від голоду 1933 р. // Український історичний журнал. 1991. № 2. С. 3-10.
28. Максудов Сергей. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. № 1. М., 1991. С. 65-110.
29. Марочко В. Територія голодомору: термінологічний тасоціально-демографічний дискурси / Василь Марочко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий зб. наук. праць. Вип. 22 / [відп. ред. С.В. Кульчицький]. К., 2013. С. 166–178.
30. Марочко В., Мовчан О. Голодомор 1932-1933 років в Україні: Хроніка. К., 2008.
31. Марочко В.І. Сучасна зарубіжна історіографія голоду 1932–1933 рр. в Україні // Український історичний журнал, 2006, № 3. С. 186–199.
32. Марочко В.І. Концептуальні підвалини західноєвропейської та російської історіографії голодомору 1932-1933 рр. в Україні / Василь Іванович Марочко // Український історичний журнал. 2003. № 5. – С. 125–144.
33. Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932–1933 годов. Итоговый отчет. 1990 год. К., 1992.
34. Мерль Ш. Голод 1932-1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49-61.
35. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их (анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
36. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.
37. Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.
38. Шитюк М.М. Голодомор 1932-1933 років в Україні в сучасній історіографії (1986-2009 роки) / М.М. Шитюк, К.В. Назарова. Миколаїв, 2012.

ДОКУМЕНТЫ АНТИГИТЛЕРОВСКОГО ЗАГОВОРА НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ И ВОЕННЫХ 1943–1944 ГГ. ИЗ АРХИВОВ РОССИИ

Хавкин Б.Л. (г. Москва, Россия)

В статье на основе хранящихся в ЦА ФСБ России и опубликованных автором документов участника заговора против Гитлера майора вермахта Иохима Куна рассказывается о заговоре группы немецких военных и политиков, направленном на свержение гитлеровской диктатуры и выход Германии из войны.

В конце сентября 1944 г. «Собственноручные показания» Иохима Куна лежали на рабочем столе Председателя ГКО и Верховного главнокомандующего Красной армией И.В. Сталина. Таким образом, советский лидер, раньше, чем руководители других стран антигитлеровской коалиции был подробно информирован о ходе подготовки германскими офицерами покушения на Гитлера.

За участие в заговоре против Гитлера майор Кун был приговорен в Третьем рейхе к смерти. Однако в Советском Союзе Кун был признан виновным «в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 г. Особое совещание при МГБ СССР приговорило его к 25 годам тюремного заключения. 23 декабря 1998 г. Главная военная прокуратура РФ реабилитировала Иохима Куна «за отсутствием в его действиях состава преступления». В связи с этим документы дела Куна были рассекречены и стали доступны историкам.

30 ноября 1997г. первый президент России Б.Н. Ельцин в подмосковной резиденции Завидово вручил тогдашнему канцлеру ФРГ Г. Колю подарок: копии ряда хранящихся в российских архивах материалов по новейшей германской истории. Среди них были и датированные 1944 годом документы майора Куна. Российские чиновники, которые готовили подарок «друга Бориса другу Гельмуту», очевидно, так торопились, что в спешке не заметили, что эти документы еще даже не были рассекречены. Так в 1997 г. на Запад попали неизвестные тогда в России фрагменты уникального исторического источника – досье майора Куна.

Но досье Куна «ушло на Запад» не полностью. В Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) хранится комплекс материалов, составляющих «Дело по обвинению Куна Иохима», на котором основана наша публикация. «Дело по обвинению Куна Иохима», имевшее первоначальный следственный № 5141, было начато 29 августа 1951 г. и окончено 6 октября 1951 г. Документы «Дела» подобраны в соответствии с требованиями делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ СССР. По содержанию «Дело» Куна стоит в одном ряду с другими следственными делами пленных германских офицеров, привлеченных в 1945-1952 гг. в СССР к уголовной ответственности за совершение военных преступлений.

23 декабря 1998 г. Главная военная прокуратура РФ реабилитировала германского подданного Куна Иохима, осужденного в 1951 г. Военным судом Московского военного округа, «за отсутствием в его действиях состава преступления». В связи с этим документы дела Куна были рассекречены и стали доступны историкам. О чем рассказывает этот исторический источник?

Через неделю после провала заговора 20 июля 1944 г. в советский плен добровольно сдался участник заговора против Гитлера майор генштаба Йоахим Кун. 2 сентября 1944 г. он дал подробные «Собственноручные показания» о подготовке частью немецкой военной и политической элиты государственного переворота с целью свержения Гитлера и его клики.

Документы позволяют восстановить биографию Йоахима Куна. Он родился 2 августа 1913 г. в Берлине в семье адвоката Артура Куна и его жены Хильдегард-Марии, урожденной Кустер. В 17 лет Иохим окончил гимназию и поступил в технический институт, который не окончил. В 19 лет, в 1932 г., он был принят на службу в сотысячный рейхсвер – профессиональную армию Веймарской республики. В 1933–1934 годах Кун обучался в военных училищах в Дрездене и Мюнхене и в конце 1934 г. получил специальность военного инженера. В должности батальонного, а затем полкового адъютанта лейтенант Кун принимал участие в кампании Германии против Польши в 1939 г., командовал ротой в войне против Франции в 1940 г. За наведение понтонной переправы под огнем противника и личную храбрость был награжден Железным крестом. Летом 1941 г., когда Германия напала на СССР, капитан Кун служил в должности 1-го адъютанта (начальника штаба) 111-й пехотной дивизии вермахта. До ноября 1941 г. он был на Восточном фронте. Затем как образцовый штабист был направлен на учебу в Берлин в Академию Генерального штаба, где обучался до мая 1942 г., и окончил ее как лучший офицер своего выпуска. Так он вошел в германскую военную элиту – корпус офицеров Генерального штаба. Для дальнейшего прохождения службы Кун, в январе 1943 г. получивший чин майора, был направлен в Генштаб сухопутных сил – в организационный отдел Верховного командования сухопутных сил (ОКХ). Его непосредственным начальником был граф Клаус фон Штауфенберг – один из руководителей военного заговора против Гитлера. 20 июля 1944 г. Штауфенберг взорвал взрывное устройство в Ставке Гитлера, но Гитлер чудом уцелел. После провала покушения Штауфенберг в ночь на 21 июля 1944 г. был расстрелян в Берлине во дворе штаба ОКХ.

17 февраля 1945 г. офицеры советской военной контрразведки «Смерш» на основе показаний Куна раскопали на территории бывшей штаб-квартиры ОКХ в Мауэрвальде под Растенбугом (Восточная Пруссия) тайник, зарытый Куном осенью 1943 г. по указанию Штауфенберга. В двух банках, металлической и стеклянной, была спрятана документация заговора против Гитлера 1943 г. Из тайника были извлечены: «календарь меро-

приятый по реализации плана смены главы германского государства и Верховного главнокомандующего», постановление о введении в рейхе чрезвычайного положения в связи со смертью Гитлера, приказы, обращения, оперативные распоряжения, подготовленные в связи с так и не состоявшимся покушением на Гитлера 1943 г.

Как отмечал в составленной в феврале 1945 г. пояснительной записке к этим документам начальник Главного управления советской военной контрразведки (ГУК) «Смерш» генерал-полковник В.С. Абакумов, «приказ верховного главнокомандующего, как показал Кун, был составлен осенью 1943 г. руководителем заговора генерал-полковником Бек (застрелился) и Штауфенбергом (казнен). На пост верховного главнокомандующего и главы государства заговорщиками намечался Бек, который и должен был подписать этот приказ. Приказ об объявлении чрезвычайного военного положения в стране должен был подписать фельдмаршал Вицлебен (казнен), намечавшийся заговорщиками командующим вооруженными силами Германии».

Приведем эти документы в официальном переводе, сделанном «Смерш» в феврале 1945 г. с сохранением оформления, стиля, орфографии и пунктуации.

«Перевод с немецкого.

Главная ставка

Приказ

Фюрер мертв!

Испорченные и бесовские элементы, преследовавшие с давних пор под защитой неограниченной власти свои личные цели, сделали попытку захватить в свои руки власть. Они знали, что народ и армия со все увеличивающимся ожесточением следят за их незаконными действиями. Равнодушные к жертвам, понесенным Германией, незатронутые тем, что родина лежит в развалинах, они были озабочены лишь собственном благополучии и надеялись с помощью безграничного насилия спасти самих себя и свою добычу, затопив в реках крови голос справедливости.

В минуту высшей опасности для отечества выступила армия, обезвредила предателей и взяла на себя исполнительную власть. Один солдат руководит сейчас империей и главнокомандованием вооруженных сил. Из всех слоев народа, из всех областей империи стоят рядом с ним испытанные люди со знанием своего дела и с незапятнанной честью.

Солдаты! Будучи облечен верховной властью над вооруженными силами, я ручаюсь, что буду руководить Вами по-деловому. С этого часа от Вас будут требовать лишь необходимых для спасения отечества жертв. Ни одному из Ваших командиров не будет угрожать позорное удаление из армии за самостоятельные действия, основанные на знании обстоятельств и чувства ответственности.

Солдатское руководство страной гарантирует Вам, что родина будет такова, какой Вы, сражающиеся на фронтах, хотите ее видеть и увидите, когда возвратитесь. Эта родина будет всеми силами служить делу Вашей борьбы. Родина в свою очередь надеется на Вас. Она верит и ждет, что Вы ее спасете.

Солдаты, и прежде всех вы, бойцы Восточного фронта!

За эту родину вы должны выступить. После 4-х лет величайшей борьбы выйти в последний бой за родину, не за фантастические планы, безграничные завоевания, а за простую цель: за Ваш очаг, Ваш дом, за спасение Ваших жен и детей.

Если Вы не устоите, то все, что Вам дорого станет достоянием гибели и опустошения. Выдержите эту борьбу, чтобы мы могли свободно искать примирения, мира, достойного наших погибших.

Именем отечества обязую я Вас снова к верности, послушанию и храбрости. Вместе с отечеством я надеюсь на ваше непреклонное мужество, которое становится тверже, чем больше угроза.

Я доверяю Вашим силам и Вашей вере в Германию!

Подпись»

«Перевод с немецкого.

Транслировать по радио.

Приказ об объявлении чрезвычайного положения в занимаемых запасной армией имперских областях.

Фюрер Адольф Гитлер мертв.

1. Изменническая клика „СС“овских и партийных руководителей, используя серьезность положения, ударила в спину находящемуся в тяжелой борьбе Восточному фронту и пытается в целях достижения личного благополучия захватить власть.

II. Для единения всех сил нации в этот тяжелый час, для обеспечения права, спокойствия и порядка, имперское правительство поручило мне одновременно верховное командование вооруженными силами и исполнительную власть в занимаемых запасной армией имперских областях, а также распорядилось немедленно объявить чрезвычайное военное положение.

III. Исходя из этого, приказываю:

1. Исполнительную власть в имперских областях, занимаемых запасной армией, принять командующему запасной армией генерал-полковнику _____

2. Исполнительную власть в военных округах немедленно принять командующим округами, им же передать полномочия имперских комиссаров обороны.

Командующим округами подчинены:

а) все находящиеся в их округах воинские учреждения и части, включая войска „СС“, отряды трудовой армии и организации ТОДТ;

б) все общественные учреждения (империи, провинций и общин), в особенности вся административная полиция, а также полиция порядка, безопасности и порядка;

в) органы и подразделения НСДАП и приданные им части;

г) транспортные средства и пищевая промышленность.

3. Командующий запасной армией и находящиеся в его области командующие военными округами принимают необходимые решения и мероприятия для поддержания и восстановления права, порядка и общественной безопасности и проводят их в жизнь, с случае необходимости, вооруженной силой.

На все время действия чрезвычайного военного положения в имперских областях, занимаемых запасной армией, допустимы сокращения имеющихся законных границ в отношении личной свободы, собственности, права свободного выражения мнений, прав союзов и собраний, нарушения тайны почтовой и телеграфной и телефонной связи, а также приказы о домашних обысках и конфискациях.

4. Лица, выступающие против проведения приказов и распоряжений чрезвычайного военного положения или призывающие другие лица к непослушанию, будут переданы полевому суду.

Главнокомандующий вооруженными силами, фельдмаршал».

Календарный план оперативных мероприятий заговорщиков, составленный Куном совместно с генералами Штифом и Фельгибелем и полковником Штауфенбергом, был рассчитан по минутам. Момент казни Гитлера был условно обозначен знаком «Х». Время до покушения обозначалось «Х минус». Например, указанное в плане время «Х минус 24» означало «за 24 часа до покушения». Время после покушения обозначалось «Х плюс». Например, «Х плюс 10 минут» означало «через 10 минут после убийства Гитлера».

Условная фраза «все восточные батальоны переводятся» означала, что Гитлер в результате покушения убит. Слова «половина восточных батальонов переводятся» означали, что Гитлер ранен. «Восточные батальоны остаются, следует ждать признаков разложения» – заговор раскрыт, покушение не удалось. «Восточные батальоны остаются, переорганизация не нужна» – покушение не удалось, но заговор не раскрыт. Характерно, что В.С. Абакумов еще в феврале 1945 г. предлагал опубликовать найденные с помощью Куна документы военного заговора против Гитлера, однако в нашей стране они оставались секретными до конца 1990-х годов.

2 сентября 1944 г. Кун, содержащийся тогда в Москве во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, напечатал на немецкой пишущей машинке «Собственноручные показания». Изучение этого уникального источника, введенного нами в научный оборот в начале 2000-х годов, позволяет прийти к выводу, что благодаря показаниям Куна в сентябре 1944 г. Сталин, Берия и Абакумов знали гораздо больше о заговоре группы немецких военных и политиков против Гитлера, чем сам Гитлер, рейхсфюрер СС Гиммлер и начальник Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер (он возглавлял расследование по «делу 20 июля 1944 г.»), не говоря уже о лидерах западных стран-участников антигитлеровской коалиции.

Показания Куна позволили создать многогранный портрет первых лиц антигитлеровского заговора; сохранились политические и личные оценки ряда высокопоставленных германских военачальников и других ответственных лиц, включая генерал-фельдмаршалов Браухича, Клюге, Манштейна, Кюхлера, Вайса, министра К. фон Нейрата.

Кун рассказывал о своей беседе с графом Штауфенбергом (фактическим военным руководителем офицерского заговора), состоявшейся ставке Верховного главнокомандования вермахта в Виннице в августе 1942 г. Штауфенберг сказал Куну: «Утверждение Гитлера о том, что война несет переустройство Европы, является лживым... Эту войну нельзя было выиграть даже при самом искусном руководстве... Первопричину всех несчастий надо искать в личности фюрера и в его национал-социалистской теории... Если войну больше нельзя выиграть, то нужно сделать все, чтобы спасти германский народ. А это, в свою очередь, возможно лишь путем быстрого заключения мира». Кун вспоминал, что эта беседа со Штауфенбергом потрясла его до глубины души. К тому же она состоялась летом 1942 г., до Сталинграда и последующих катастроф вермахта.

Еще один «разговор по душам» Штауфенберга и Куна состоялся 3 февраля 1943 г. накануне отъезда Штауфенберга в Тунис, куда он был направлен в качестве начальника штаба 10-й танковой дивизии. «Выход, который мы так долго искали, – это установление временной военной диктатуры», – произнес Штауфенберг. Следующая встреча двух офицеров состоялась через три месяца, 6 мая 1943 г. Кун пришел в берлинский госпиталь к Штауфенбергу, тяжело раненому в Тунисе: он потерял глаз, правую руку и два пальца левой руки. На этот раз Штауфенбергом были произнесены слова, к которым Кун был уже морально готов: «Успешная борьба против национал-социализма, его фанатических теорий и целей, то есть путь к спасению народа, может идти только по линии устранения личности Гитлера и его ближайшего окружения».

В сентябре 1943 года генерал-майор Хельмут Штиф с группой офицеров штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) пытался уничтожить Гитлера в его ставке. Но бомба, установленная заговорщиками в водонапорной башне, взорвалась преждевременно. Виновных не нашли: расследование по этому делу вели офицеры абвера, сами связанные с заговорщиками...

В то же время заговорщики продолжали обсуждать нелегкий для них вопрос об офицерской чести и верности воинской присяге. Кун писал в показаниях: «В кругах организации неоднократно подчеркивалось, что

непосредственное участие в убийстве Гитлера не достойно звания офицера, но всё же этот поступок может быть оправдан как казнь преступника».

Куну была поручена организация переворота и создание новой военной администрации в Восточной Пруссии, где находилась гитлеровская ставка «Волчье Логово». Вот как описывал Кун непосредственную поставленную перед ним задачу: «Подготовка захвата расположенных в военном округе №1 главных ставок Гитлера и Геринга. Мы должны были воздержаться от непосредственного захвата ставки фюрера в связи с тем, что она охранялась значительными силами охранного батальона». В район расположения главных ставок заговорщиками были стянуты части действующей армии. «Концентрация этих сил происходила под благовидным предлогом отражения возможных вражеских десантов».

После того как это покушение на Гитлера сорвалось, Кун по личному указанию Штауффенберга закопал в Мауэрвальде две банки – железную и стеклянную. В банках была спрятана секретная документация заговорщиков. Этот тайник Кун и выдал офицерам «Смерш» 17 февраля 1945 г. В декабре 1943 г. Кун побывал у фельдмаршала Витцлебена, который рассматривался заговорщиками как будущий Главнокомандующий вооруженными силами Германии. «Я надеюсь, что все будет сделано для ускорения переворота, – заявил фельдмаршал, – так как дольше ждать нельзя».

20 июля 1944 г., в день покушения на Гитлера, Кун находился на фронте, в Польше, в штабе 28-й Егерской дивизии. За месяц до этого рокового дня, 22 июня 1944 г., майор Генштаба Кун был назначен на должность начальника штаба этой дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Густав фон Цильберг. 27 июля 1944 г., через неделю после провала заговора, Кун добровольно сдался в плен под Белостоком наступавшим войскам Красной армии.

В «Собственноручных показаниях» Кун описывает свое пленение не как заранее подготовленный переход на сторону противника, а как вынужденное бегство с целью спасения своей жизни: он был на волосок от ареста и неминуемой казни как заговорщик. Однако в Германии, как во время, так и после войны, он считался перебежчиком.

Пленение Куна было сразу же замечено нацистскими «фюрерами». 10 августа 1944 г. начальник Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер писал рейхслайтеру М. Борману: «Не будет неожиданностью, если из-за участия в поставке заговорщикам взрывчатого вещества перебежавший к большевикам майор Кун всплывет в Национальном комитете» («Свободная Германия», далее: НКСГ. – Б. Х.)

В этой связи представляют интерес воспоминания бывшего вице-президента НКСГ, правнука князя Бисмарка графа Генриха фон Айнзиделя. В письме автору этой статьи, написанном в 2002 г., Айнзидель отмечает, что он впервые услышал о Куне 22 августа 1944 г. из рапорта фронтового уполномоченного НКСГ по 2-му Белорусскому фронту лейтенанта Вильмса, сообщавшего, что Красной армией взят в плен один из участников заговора 20 июля 1944 года майор Генштаба Кун, который хочет включиться в движение «Свободная Германия» и войти в Союз немецких офицеров (СНО). Но ни в НКСГ, ни в СНО Кун не появился. На все вопросы председателя СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица о Куне работавшие с НКСГ и СНО советские офицеры вразумительного ответа не давали.

31 декабря 1944 года Айнзидель в качестве фронтового уполномоченного НКСГ прибыл на 2-й Белорусский фронт в районе Нарева. Там он познакомился с офицером 7-го отдела (отдел контрпропаганды и разложения войск противника) политуправления фронта Львом Копелевым. Майор Копелев спросил Айнзиделя о Куне и был очень удивлен, узнав, что в НКСГ и СНО Куна в глаза не видели. Копелев рассказал, что однажды в июле 1944 г. в только что освобожденной польской деревне к нему и еще двум советским офицерам подошла крестьянка и сказала, что скрывающийся у нее немецкий офицер хочет сдаться в плен. Этим немецким офицером и был майор Кун. Кун заявил Копелеву о своем желании примкнуть к движению генерала Зайдлица. Копелев выдал Куну документ как пленному, имеющему особое значение, и выделил офицера для сопровождения в вышестоящие инстанции. Однако сначала Кун попал в обычный пересыльный лагерь для военнопленных, и уже оттуда его направили в Москву. Спустя много лет после войны, когда Айнзидель, депутат германского бундестага, был в гостях у Копелева, знаменитого писателя и ученого-германиста, у них речь вновь зашла о Куне. Причем Копелев так и не смог объяснить, почему Куну не дали установить контакт с Зайдлицем, СНО и НКСГ.

Таким образом, немецкий лейтенант Вильмс и советский майор Копелев независимо друг от друга общались о желании Куна войти в СНО, глава которого генерал Зайдлиц был информирован об этом и хотел встретиться с Куном. Почему же советские инстанции не дали Куну возможности связаться с НКСГ и СНО?

Это обстоятельство объяснялось тем, что работавшие с военнопленными советские структуры конкурировали между собой. Кун в итоге попал не в руки «курировавших» НКСГ и СНО организаций – Главного политуправления Красной армии и Главного управления по делам военнопленных, а в объятия Главного управления контрразведки (ГУК) «Смерш»: перебежчик, к тому же офицер Генштаба, рассматривался как возможный шпион.

2 сентября 1944 г., находясь в ГУК «Смерш» в Москве на Лубянке, Кун напечатал на немецкой пишущей машинке «Собственноручные показания». На русский язык «Собственноручные показания» Куна перевел оперативный уполномоченный Даниил Копелянский. На последней странице перевода он написал: «Справка. Первый экземпляр направлен для информации ГКО (Государственный комитет обороны. – Б.Х). Оперуполн. 2-го отдела Гл. упр. Смерша капитан Копелянский».

23 сентября 1944 г. начальник ГУК «Смерш» генерал-полковник Виктор Абакумов направил члену ГКО Георгий Маленкову письмо следующего содержания: «В Берлине на процессе по делу о покушении на Гитлера, как известно из прессы, одним из активных участников заговора фигурировал майор немецкой армии Кун Иоахим, который германским судом был заочно осужден к смертной казни. Немцы также сообщили, что Кун бежал на сторону Красной Армии и в связи с этим объявлен изменником родины... Будучи доставлен в Москву в Главное управление контрразведки «Смерш» и тщательно допрошен, Кун в собственноручных показаниях изложил известное ему о заговоре против Гитлера и своем участии в нем. Особый интерес представляют показания Куна в части известных ему участников заговора либо сочувствовавших заговору, которые не были репрессированы Гитлером и до последнего времени продолжали находиться на руководящих военных постах... Большую осведомленность в делах заговора и близкие связи с высокопоставленными лицами германского военного командования Кун объясняет своим служебным положением в Генеральном штабе, прошлым своих родителей (дед был генералом от кавалерии) и тем, что начальники рассматривали его как способного и растущего офицера. Имея в виду, что Кун объявлен в Германии изменником и активным участником заговора и к тому же в показаниях несколько выпячивает свою роль в заговоре, не исключена возможность, что он под предлогом всего этого заброшен немцами на нашу сторону с какими-либо специальными целями... Об изложенном доложено товарищу Сталину. При этом представляю перевод собственноручных показаний Куна».

Однако для следственной практики НКВД-НКГБ-МГБ было необычно то, что к материалам «Дела» Куна были приобщены его «Собственноручные показания», данные до ареста, несмотря на то, что эти показания не легли в основу обвинения и не использованы в нем. По практике делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ эти документы могли быть уничтожены как «не представляющие оперативного интереса» или приобщены к материалам переписки ГУК «Смерш». Сохранение в уголовном «Деле» Куна его «Собственноручных показаний», данных им в качестве военнопленного, а не подсудимого – редчайший случай, объяснимый лишь тем, что первый экземпляр этих показаний попал в 1944 г. «на самый верх».

В конце сентября 1944 г. «Собственноручные показания» Куна лежали на рабочем столе Председателя ГКО и Верховного главнокомандующего Красной армией. Таким образом, Сталин был подробно информирован о ходе подготовки германскими офицерами покушения на Гитлера.

В плену Кун, разумеется, не располагал точной информацией из Германии, касавшейся судьбы своих родственников и своей участи как участника заговора против Гитлера. Этим обстоятельством можно объяснить непреднамеренные ошибки, содержащиеся в тексте его «Собственноручных показаний». Например, он пишет: «4.VIII.1944 года я обратился к находившемуся в лагере г. Волковыск советскому штабному офицеру и сказал, что имею сообщить важные сведения. Много позднее я узнал, что как раз в этот день в Берлине меня приговорили к смертной казни». Но этот факт не соответствовал действительности.

В то же время сообщенная Куну советской стороной версия о том, что он 4 августа 1944 г. был приговорен в Германии к смертной казни, не являлась сознательной дезинформацией с целью получения от Куна требуемых на Лубянке показаний. О том, что Кун «германским судом был заочно осужден к смертной казни», говорилось и в письме Абакумова Маленкову от 23 сентября 1944 г. Конечно же, Абакумов не собирался вводить Маленкова в заблуждение. Информация о том, что 4 августа 1944 г. Куна приговорили в «Третьей рейхе» к смерти, была основана на справке, составленной «Смерш» по материалам Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) от 9 августа 1944 г., а ТАСС в свою очередь ссылалось на агентство «Трансоцеан».

В действительности же 4 августа 1944 г. Кун приговорен к смерти не был: в этот день майор Генштаба ОКХ Иоахим Кун по предложению суда чести сухопутных сил и приговору народного трибунала «Третьего рейха» был лишь исключен из рядов вермахта «как перебежчик и в связи с событиями 20.VII.1944 года».

Но в дальнейшем нацисты все же вынесли Куну смертный приговор. 6 февраля 1945 г. 3-й Сенат имперского военного трибунала под председательством судьи Шмаусера заочно приговорил Йоахима Куна к смерти «за измену родине, боевому знамени, воинскому долгу и переход на сторону врага». 20 февраля 1945 г. Гитлер лично утвердил смертный приговор Куну и потребовал «немедленно привести его в исполнение, как только преступник попадет в немецкие руки».

Возможно, что в сентябре 1944 г. капитан Копелянский, так же как и его начальники, не располагал всей поступавшей из Германии информацией о Куне. Ни Копелянский, ни сам Кун тогда еще не знали, что 27 июля 1944 г., в тот же день, когда майор Кун попал в советский плен, его отец Артур и мать Хильдегард-Мария были взяты в Берлине под превентивный арест как родители перебежчика.

С 12 августа 1944 г. до 1 марта 1947 г. военнопленный Кун содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке и в Бутырской тюрьме в Москве. «Из соображений оперативной необходимости» ему было дано другое имя. В тюремном деле Кун значился как Иоахим фон Маловиц. Обращение с заключенным Маловицем и условия его содержания были относительно хорошими. В госпитале Бутырской тюрьмы ему оказывалась необходимая медицинская помощь. Все это время контрразведка «Смерш» вела с особо ценным пленным немецким офицером активную «оперативную работу». С целью «оперативной работы» военнопленный Кун согласно указаниям Абакумова от 15 февраля 1945 г. и от 28 февраля 1947 г. дважды вывозился на «особые объекты». В 1947 г. по указанию Абакумова, который в это время возглавлял МГБ, Кун был помещен на «особый объект» – подмосковную дачу, где находился с 1 марта 1947 г. до 22 апреля 1948 г. На даче он не столько отдыхал, сколь-

ко готовился к репатриации в Восточную Германию в качестве будущего сотрудника новой администрации. На «особом объекте» Кун находился под наблюдением. По сообщению следившего за ним «информатора», Кун «критиковал советскую власть»: в частной беседе он якобы сказал, что сыт по горло сотрудничеством с советскими властями и хочет по возвращении в Германию податься к американцам. Разумеется, что после этого о репатриации в Германию Куну пришлось забыть.

Весной 1948 г. Куна вновь поместили в тюрьму. Он сидел в московских тюрьмах: в Лефортове с 22 апреля 1948 г. и в Бутырке с 5 апреля 1950 г. Парадокс состоял в том, что юридически он в это время арестованным не считался. Ордер на его арест был выписан лишь 30 августа 1951 года. Капитану И.С. Мамаеву предписывалось обыскать Куна и арестовать его «по месту нахождения». Местом нахождения Куна в это время была Бутырская тюрьма.

Юридическое оформление ареста Куна последовало сразу же за июльскими событиями 1951 г.: исключением из ВКП(б), снятием с должности, а затем арестом и расстрелом министра госбезопасности СССР Абакумова, которого, среди прочего, обвинили в затягивании расследования особо важных преступлений. В августе 1951 г. новым министром госбезопасности был назначен партийный работник С.Д. Игнатьев, который стал «наводить порядок» и готовить к передаче в судебные инстанции следственные дела на всех находившихся в распоряжении МГБ немецких военнопленных, которых, как правило, приговаривали к 25 годам лишения свободы.

Майор Кун был обвинен на основании «пункта 1 (а) статьи II Закона, № 10 Контрольного совета в Германии» и признан виновным «в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 г. Особое совещание при МГБ СССР приговорило Куна к 25 годам тюремного заключения, срок которого исчислялся со дня его сдачи в плен – 27 июля 1944 г.

Участие Куна в заговоре против Гитлера сталинские следователи и судьи рассматривали в качестве доказательства его вины. Как гласило обвинительное заключение, «установлено, что участники заговора имели следующую цель: уничтожение Гитлера; заключение сепаратного мира с Англией, Францией и США; продолжение войны против Советского Союза совместно с этими государствами».

6 октября 1951 г., то есть за 11 дней до вынесения приговора по делу Куна, его следователь майор госбезопасности Кичигин принял решение: «Куна Иоахима, как военного преступника, после осуждения направить для отбытия наказания в особую тюрьму».

Особой тюрьмой, в которой сидел Кун с 1951 по 1956 год, был известный во всей России Александровский централ – каторжная тюрьма близ Иркутска. По иронии судьбы немецкий офицер, участвовавший в заговоре против Гитлера, сидел в той же тюрьме, что и русские офицеры-декабристы, участники заговора против царя в 1825 году. В тюрьме Кун страдал от недоедания – у него началась дистрофия. Офицеры МГБ предполагали также, что он заболел психически. Хотя состояние здоровья узника Александровского централа вызывало опасения, его продолжали использовать на общих каторжных работах. Но в 1954 году появились и послабления режима: с июня 1954 года Кун получил возможность писать и получать письма и принимать посылки. В тюремном деле есть отметки о получении им 43 посылок от матери. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. заключенный Йоахим Кун подлежал досрочному освобождению. Но в сентябре 1955 г. его не освободили, а перевели в тюрьму г. Первоуральска, где он провел последние, самые тягостные месяцы заключения, продолжавшегося до 7 января 1956 г.

16 января 1956 г. Кун был передан в распоряжение правительства ФРГ и через лагерь для перемещенных лиц Фридланд вернулся на родину. 11 лет заключения превратили его в тяжелобольного и морально надломленного человека. О своем прошлом он предпочитал не говорить. Многие в Западной Германии в те годы осуждали участников антигитлеровского заговора как людей, нарушивших воинскую присягу, хотя Конституция ФРГ и провозглашала законность неподчинения военным приказам.

По свидетельству графа Айнзиделя, навещившего Куна в конце 1970-х годов, Кун жил замкнуто и одиноко в дешевом пансионе в Бад-Боклете, неподалеку от города Бад-Киссингена на реке Саале. Там он и умер, всеми забытый, 6 марта 1994 года, прожив 80 лет. Как отметил Айнзидель, говоря о личной трагедии Куна, «выжившие заговорщики о нем просто умалчивали, как будто под страхом смерти. Он же больше не имел сил (возможно, он действительно страдал шизофренией), чтобы оправдаться и рассказать свою историю, какой она была на самом деле. В ФРГ нужно было вечно стыдиться того, что ты перешел к русским. Да и после того, как с ним обращались в Чека, он не поумнел... Человека, который был так сломен жизнью, как он, не хотели представлять в качестве борца Сопротивления. Да и то, что среди заговорщиков были люди, которые рассматривали СССР как возможного партнера, было в 50-е годы, в разгар «холодной войны», запретной темой. Итак, его похоронили еще при жизни. Он пал жертвой не только Гитлера и Сталина, но и жертвой насквозь лживой исторической легенды».

ЛИТЕРАТУРА

1. Hoffmann P. Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes. // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.VII. 1998; Von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i.G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944-1956 // Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof, Berlin, 2001, S.57.
2. ЦАФСБ, «ДелопообвинениюКунаИоахима», Р-46988.
3. Определение № Н-240 Военного суда Московского военного округа от 23 декабря 1998 г.
4. Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv

- des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands. // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, 2001, № 2, S.355- 358.
5. Калганов А.М. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. – Тайные страницы истории. М., 2000. С.306-307.
 6. ЦА ФСБ, по материалам ГУК «Смерш». Документы, обнаруженные в ставке главного командования германскими сухопутными силами, л. 2.
 7. Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера // Родина, 2004, №6. С.29.
 8. «Собственноручные показания военнопленного майора вермахта Иоахима Куна». – Новая и новейшая история. 2002. №3. С. 163.
 9. “Spiegelbild einer Verschwörung”. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung, S.129, 190; Herwarth von H. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt a.M. – Berlin – Wien, 1982, S. 304; Widerstand gegen den Nationalsozialismus, S.534; Lexikon des Widerstandes 1933-1945, S. 117.
 10. “Spiegelbild einer Verschwörung”. S.190, 193-194.
 11. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального Архива ФСБ России. – Новая и новейшая история, 2002, №3. С. 153.
 12. Из письма Г. Айнзиделя Б.Л. Хавкину от 9 января 2002 г. – Новая и новейшая история, 2002, №3, С. 159.

1949 ГОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР В ГДР

Синдеев А.А. (г. Москва, Россия)

В 1949 г. на новый этап вышла интеграция стран Запада и значительно возросла асинхронность процессов, происходящих в обеих частях Германии. Неслучайно после образования ГДР министр по общегерманским вопросам Я. Кайзер (ХДС) заявил, что Западная Германия не будет устанавливать отношения с восточногерманским государством, госсекретарь США Д. Ачесон назвал СССР «агрессивной империалистической державой», а Г. Трумэн выделил союзникам помощь на приобретение американского оружия [6].

В ноябре 1949 г. на конференции министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в Париже было решено «кардинально изменить германскую политику западных держав». Министру иностранных дел Франции Р. Шуману оставалось лишь успокаивать соотечественников: «Тем не менее мы сохраняем наш верховный авторитет оккупационной державы». Канцлер К. Аденауэр, не желавший лишней раз раздражать французов, но не скрывавший готовности направить немецкий контингент в европейскую армию, убеждал общественность, что «безопасность Западной Германии – дело союзных оккупационных держав», исключив из этой категории СССР [7]. 22 ноября К. Аденауэр подписал знаменитое Петерсбергское соглашение.

Советский лагерь содержательно и институционально оформлялся медленнее. Принципы социалистического братства предполагали равенство и сбалансированный учет интересов партнера, требовали создания взаимовыгодных условий для успешного социально-экономического развития. Однако потребности послевоенного восстановления ограничивали возможности СССР, сдерживали расширение экономических контактов между социалистическими странами, предоставляли им больше шансов и свободы в торговле с Западом. Применительно к ГДР играли значимую роль несколько факторов: нереальность (до заключения мирного договора) одностороннего отказа от преимуществ оккупационной державы; ставка на социалистические преобразования; включение ГДР в торгово-экономические отношения со странами социализма; закрепление прав собственности на полученные Советским Союзом после войны предприятия и активы.

Именно поэтому 23 сентября 1949 г. В.Н. Меркулов представил на имя В.М. Молотова и А.И. Микояна записку «К вопросу о будущем положении советских предприятий в Германии», в которой предложил подписать «Соглашение об экономическом сотрудничестве между СССР и Восточной Германией» и шесть протоколов, «определяющи[х] порядок деятельности советских предприятий в Германии и взаимоотношения их с немецкими правительственными органами». СССР, по мнению В.Н. Меркулова, должен иметь «право на сумму полученных в результате хозяйственной деятельности советских предприятий... прибылей и других доходов вывозить в Советский Союз или в третьи страны товары или получать беспрепятственно свободно конвертируемую валюту». В.Н. Меркулов рекомендовал предусмотреть «льготные условия... применительно к тем условиям налогового обложения, которые будут действовать в Германии для народных предприятий». Он считал необходимым определить объем и порядок «представления информации и отчетности о деятельности советских предприятий», а также согласовывать «устанавливаемы[е] для советских предприятий план[ы] производства и финансовы[е] план[ы] с общими планами по народному хозяйству Восточной Германии...». В.Н. Меркулов рассчитывал отрегулировать снабжение, сбыт продукции, ценообразование и «[п]орядок осуществления взаимной кооперации» [1].

Кроме того, он добивался сохранения положения, когда «советские предприятия в Германии находятся в аренде у Правления советских государственных акционерных обществ и выплачивают арендную плату», имеют право инвестировать одну часть арендной платы в капитальные вложения, а другую использовать на «отоваривание» [1].

К 17 октября 1949 г. аппарат В.Н. Меркулова подготовил проект постановления Совета Министров СССР «О разрешении Главному Управлению советским имуществом за границей при СМ СССР вступить в переговоры с Временным правительством ГДР по вопросам об основных принципах деятельности советских предприятий и

отделений советских государственных акционерных обществ в Германии и об учреждении в Германии Управления советским имуществом». Правда, вместо шести речь шла только о двух протоколах, один из которых был посвящен деятельности АО «Висмут» [3, л. 46]. Детали предстояло обсуждать на советско-германской паритетной комиссии, которая, кстати, действовала до 30 ноября 1950 г.

26 ноября 1949 г. прошли предварительные консультации с руководством ГДР, на которых В.Н. Меркулов, давая официальное обоснование целей СССР, заметил: «Если раньше советские предприятия работали несколько обособленно, то ныне с образованием [ГДР] совершенно необходима тесная увязка... с... германскими правительственными органами с тем, чтобы были соблюдены интересы как [ГДР], так и Советского Союза...» [4, л. 21-22].

По мнению О. Гротеволья, подписание протоколов «укрепит позиции СЕПГ, в частности на Западе». О. Гротеволь с удовлетворением подчеркнул, «что в свою последнюю поездку в Москву они (Пик, Гротеволь и Ульбрихт. – А.С.) обратились к советскому правительству с просьбой о выделении на нужды немецкого экспорта только части продукции советских предприятий и не ожидали, что советское правительство согласится передать в распоряжении [ГДР] всю товарную продукцию советских предприятий, исключая лишь товары, поставляемые по плану репараций и в счет доходов советских предприятий в Германии...» [4, л. 23].

В.Н. Меркулов пояснил, «что на капиталовложения пойдет часть арендной платы и что вся продукция советских предприятий, за исключением той части, которая подлежит вывозу в счет доходов советской стороны, т.е. почти 90%, поступит в распоряжение германского правительства и оно по своему усмотрению может использовать ее для экспорта или для удовлетворения внутренних потребностей Германии» [4, л. 26].

О. Гротеволь и В. Пик выступили против «пункта, предусматривающего ликвидацию "Дефа"... так как при ликвидации... общества партия, являющаяся держателем 45% акций... может потерять свои права... "Буржуазные партии, входящие в правительство, – заявил О. Гротеволь. – могут предъявить претензии на участие в этом обществе"» [4, л. 24].

Официально переговоры начались 7 декабря и закончились 16 декабря 1949 г. Немцы хотели «согласовать [экспорт товаров советских предприятий] с экспортным планом Республики» [4, л. 35], «высказали мнение, что авансовые выплаты прибылей на основе квартальных балансов связаны с некоторыми трудностями» [4, л. 35], возражали против «предоставлени[я] советским предприятиям права самостоятельной реализации» товаров, потому что это «нарушит монополию внешней торговли и дезорганизует экономику Республики» [4, л. 36]. Министр промышленности Ф. Зельбманн, который наряду с министром планирования Г. Рау и вице-премьером В. Ульбрихтом представлял правительство ГДР, критиковал сохранявшуюся практику компенсационных сделок, существование которой В.Н. Меркулов сначала не признал.

После слов В.Н. Меркулова, «что советские и немецкие предприятия входят в единую систему экономики [ГДР] и... поэтому они должны помогать друг другу, сохраняя и расширяя существующую между ними производственную кооперацию» [4, л. 38], Ф. Зельбманн привел пример с «неправильными угольными разработками» советских предприятий, которые «[ч]ерез год или два... исчерпают свои запасы угля и потребуют у немецкого правительства новых участков» [4, л. 39]. Г. Рау в том же контексте отметил, «что на советском комбинате "Фридлиндер" имеется отвальный мост, который используется не на полную мощность, в то время как рядом находящийся немецкий комбинат испытывает потребность в этом мосте» [4, л. 39].

При обсуждении протокола об АО «Висмут» В. Ульбрихт стремился укрепить свое положение в партийной иерархии и подчеркнуть лояльность к Советскому Союзу: «общество "Висмут", – заверял он, – безусловно, получит любой земельный участок для производственных нужд. Если же в практике работы... возникнет необходимость передать... какую-либо наземную постройку, то целесообразно за разрешением этого вопроса обращаться непосредственно к нему» [4, л. 54]. При этом «В. Ульбрихт рассказал... что в районах предприятия АО "Висмут" рабочие ездят на крышах поездов...» [4, л. 58].

СССР выразил готовность взять на себя обязательства «построить на свои средства 150 000 кв.м.» жилых площадей для работников АО «Висмут», а в дальнейшем расширить сеть «поликлиник, больниц, родильных домов, санаториев, пансионатов, клубов, детских садов», а «[п]осле завершения деятельности АО "Висмут" безвозмездно передать недвижимость... в собственность правительства [ГДР]».

Переговоры велись в узком составе. В. Ульбрихт лаконично сообщил советской делегации об одобрении их результатов правительством ГДР: «все прошло очень просто... перед своим выступлением на заседании он (Ульбрихт. – А.С.) передал министру иностранных дел Дертингеру, сидевшему рядом с ним, протоколы на ознакомление, а затем взял их обратно» [4, л. 62].

Применительно к ГДР в историографии ФРГ как правило реализуются дополняющие друг друга концепции «*Unrechtsstaat*» и жертвенности немцев. Их сторонников не интересуют нюансы сложного этапа настройки отношений в социалистическом лагере, особенности контактов между СССР и ГДР в 1949 г., увязки хозяйственных цепочек, развития материальной базы советских предприятий. Бóльшее значение имеет факт нахождения в ноябре 1949 г. 116 бывших немецких предприятий в советской собственности. Не остается без внимания мизерное, по мнению авторов, работающих в духе этих концепций, количество переданных ГДР предприятий, за которые она должна была заплатить. Критике подвергается и переход к пятилетнему плану, решение о котором было принято ЦК ВКП(б) 28 сентября 1949 г.

В связи с этим приходится, с сожалением, констатировать, что экономическая политика СССР в ГДР остается неизученной до конца темой: отсутствует сравнение с экономической политикой, проводимой западными оккупационными державами, не осуществляется «деклеширование истории ГДР, выделение в качестве научного предмета процессов становления (восстановления) общества и государства... написание нейтральной истории» [5, с. 87]. Тем более практически каждый год советско-германских отношений имеет свою специфику [2, с. 321-322].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики РФ. – Ф. 07. Оп. 22а. П. 10. Д. 146. Лл. 25-27.
2. Космач В.А. Германия и германский вопрос в 1945-1949 гг.: страницы истории и оценки историков. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. – 338 с.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 162. Д. 41.
4. РГАСПИ. – Ф. 82. Оп. 2. Д. 481.
5. Синдеев А.А. Недописанная история: 1949 г. в советской зоне оккупации // Известия Алтайского государственного университета. – 2019. – № 3 (107). – С. 82-88.
6. Die Zeit. 1949. №. 42; №. 43; №. 44.
7. Die Zeit. 1949. № 46; № 50; № 49.

НА ПОДСТУПАХ К ИСТИНЕ

Мандрик И.В. (г. Витебск, Беларусь)

Вторая Мировая война, как эпохальное событие XX столетия, освещена в огромном количестве научных трудов, мемуаров, публицистической литературы. Многие из этого подготовлено и издано уже после 1990-х годов. Авторы раскрывают экономические, политические, идеологические, военные, социальные теории и практические действия ведущих государств в предвоенный период и во время военных событий. В каждой фундаментальной работе акцентируется внимание на внешней политике СССР и истории советского общества 1941–1945 гг. Важными работами российских ученых этого периода, получивших одобрение в среде белорусских историков, являются: четырёхтомный сборник военно-исторических очерков [1], а также публикации В.А. Анфилова, М.А. Гореева, Г.А.Куманёва, Самсонова А.М. [2]. Эти труды опираются не только на документальную базу, но и учитывают мнение зарубежных исследователей, в том числе немецких. В них видится тенденция рассмотрения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн как единого неразрывного процесса. Глубинные источники победы советского народа над опытным и беспощадным противником профессиональные историки объясняют осознанным поведением народа при защите родной земли, высоким боевым искусством Советской Армии, которое приобретено в ходе военных действий, слаженной организацией тыла в ведении промышленного производства.

В рубежные годы, какими являются для белорусского народа 2019 и 2020 гг., наши ученые (судя по числу научных конференций, вышедших публикаций) намерены еще активнее вникать в события военного времени, вести диалог с представителями науки других стран о событиях, итогах и уроках войны, что несомненно побуждает к размышлению и положительно отражается на исторической науке. Все это делается для того, чтобы донести до нынешнего и будущих поколений страны объективную информацию о самой страшной войне в истории человечества, отдать дань уважения ветеранам войны и труженикам тыла.

В то же время сегодня, как и вчера, сегодня еще в большей мере, требуется аргументированное разоблачение ложных версий о происхождении Второй мировой войны, фальсификаций и попыток принизить роль Советского Союза и его Вооруженных сил в разгроме фашистской Германии и ее союзников. Не считаясь с исторической правдой, многие американские, западногерманские, японские авторы, в последние годы польские, литовские, латышские а также и отдельные белорусские авторы настойчиво твердят об “экспансионистских устремлениях” Советского Союза в предвоенные времена. Так, советско-германский договор 1939 года о ненападении сроком на 10 лет («пакт Молотова – Риббентропа») и секретный протокол, по которому определялась сфера интересов двух государств, преподносится в ряде публикаций как важнейшее событие, сделавшее якобы войну в Европе неизбежной. Делается вывод о том, что СССР – “главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны” [3]. Авторы, пропагандирующие этот тезис, не утруждают себя ответом на вопрос: почему СССР вынужден был пойти на заключение договора? Они не хотят признать, что неожиданный поворот в политике высшего советского руководства в отношении Германии обусловлен реальной на то время исторической ситуацией, обстоятельствами, которые вынудили СССР сделать этот шаг. Совершенно игнорируются действия Советского правительства, которое на протяжении долгого времени выступало за создание системы коллективной безопасности, было готово преградить путь фашистской агрессии и добивалось этого от западных стран до последней возможности. На заседаниях военных миссий СССР, Англии, Франции, состояв-

шихся по советской инициативе в Москве 12–21 августа 1939 г., то есть за две недели до начала второй мировой войны, именно кремлевские руководители настойчиво предлагали заключить англо-франко-советский военный договор о совместной борьбе против гитлеровской агрессии. Но ни английское, ни французское правительства не пошли на заключение военного соглашения с СССР, чтобы обуздать агрессора и не допустить развязывания второй мировой войны. В стремлении отвести угрозу от своих стран они были не прочь подтолкнуть Гитлера к войне против Советского Союза [4]. О том, что советская дипломатия середины 30-х гг. до августа 1939 г. предпринимала все возможные меры по формированию системы коллективной безопасности свидетельствует мнение Белого дома. По мере приближения к войне США все больше склонялись к тому, что нацистско-советский пакт и советско-финляндская война были следствием скорее советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии. Это мнение подтверждено содержанием телеграммы посла США в Москве Л.Штейнгарда (17 июня 1941 г.) в Вашингтон: «Я считаю, что вся политика Советского Союза в течение последних месяцев сосредоточена на том, чтобы избежать нападения Германии» [5]. Конечно, подписанный вместе с договором о ненападении секретный дополнительный протокол, наряду с продуманным решением о воссоединении белорусской и украинской нации, что в украинской и белорусской историографии признается актом исторической справедливости, имел в своей трактовке и негативную часть [6, с. 253; 221]. Он нанес урон международному престижу страны. В сложном положении оказались левые силы зарубежных стран, решительно выступавшие против фашизма. В последствии это было признано высшим политическим руководством СССР. На Крымской конференции в Ялте Сталин, признав свои действия, как видно, некорректными, согласился передать Польше часть территории БССР: В 1945 г Польше были переданы 17 районов Белостокской области с городом Белосток и 3 района Брестской области, общей площадью 14311 км кв. с населением около 1 млн человек [7, с. 22].

В 1949 г. к Польше отошла еще часть изначально белорусских земель. Как первая так и вторая передача происходили с нарушением Конституции БССР и имели негативный результат на развитие национальной государственности Беларуси.

Вторым направлением, по которому зарубежная историография фальсифицирует историю Второй мировой войны и ее конечные итоги, является преуменьшение вклада СССР в разгром фашистского блока и, напротив, намеренное преувеличение результатов военных действий союзников в Северной Африке, Италии и Франции. Суть утверждений отдельных авторов сводится к тому, что СССР хотя и взял на себя тяжелое бремя в войне, но якобы не был «архитектором победы». Обосновывая эту концепцию, некоторые историки США утверждают, что война стала мировой только с момента вступления в нее США, то есть с 17 декабря 1941 г. Американский историк Э. Деппи начинает свою книгу о войне с событий в Перл-Харбор и не скрывает, что цель его состоит в том, чтобы «читатель ... оценил решающую роль Соединенных Штатов в победе свободного мира над силами тоталитаризма». Чтобы доказать решающую роль США в победе над фашистским блоком, изобретена теория «арсенала демократии» (термин впервые использован Ф. Рузвельтом еще до вступления США в войну), согласно которой таким арсеналом были американская военная экономика, промышленный потенциал США [8, с. VII]. Претензии на то, что основным фактором коренного перелома в ходе войны было производство военного оборудования и продовольствия в США столь же безосновательны, как и их утверждение о доминирующем вкладе в вооруженную борьбу. По советским данным США поставили СССР товаров по ленд-лизу на 8,8 млрд долларов (ЦСУ США оценило поставки в 10,6 млрд дол.). Поставки Великобритании оценивались в 318 млн фунтов стерлингов (15% от общего их объема) Канада в 1943–1945 гг. затратила на эти цели 167,3 млн канадских долларов (6,7% от общей суммы помощи [9, с. 382]. Несомненно: экономическая помощь Запада помогла СССР в налаживании производства вооружения и военных материалов, компенсировала потери в сельскохозяйственном производстве. Советские люди были глубоко признательны союзникам за поставки военной техники и продовольствия во время войны. Это чувство сохраняется и сегодня. В тоже время на основе конкретных статистических данных у населения нашей страны сложилось понимание того, что поставки по ленд-лизу были весьма ограниченными и несопоставимо малыми по сравнению с тем, что произведено в эти годы в своей стране.

Доступны населению Беларуси мемуары и, как их называют на Западе, «научные труды», в которых сознательно искажена истинная картина событий Второй мировой войны. Зарубежные историки, вопреки реальностям, пытаются и теперь обосновать версию о том, что Советский Союз достиг Победы то ли «военным счастьем», то ли «чистой случайностью». Такой методологический подход к освещению Второй Мировой войны со стороны зарубежных авторов понятен. В них реализуются идеологические и политические установки времен холодной войны.

Трудно понять отечественных историков и публицистов, которые, говоря о предвоенном периоде, и о том, что определило наши неудачи в начале войны, сводят их только к персональным ошибкам Сталина, Тимошенко, Жукова, просчетам правящей партии. Без просчетов и ошибок не обошлось, они были. Однако нельзя не видеть всей правды. Уровень подготовленности Германии к войне в 1941 году был значительно выше. Вступая в войну, СССР в промышленном отношении и в военном аспекте уступал агрессору. Милитаризация экономики и всей жизни в Германии, длительная подготовка к захватнической войне и опыт военных дейст-

вий на Западе, значительное численное превосходство заблаговременно сосредоточенных сил в пограничных зонах, другие обстоятельства стали причиной неудачного первоначального этапа войны для нашей страны. Советские войска вынуждены были оставить огромную, густонаселенную, развитую в промышленном и сельскохозяйственном отношении территорию, в том числе и всю территорию БССР. У людей возникло много вопросов в связи с неудачами на фронте. Но критическая обстановка обострила чувство персональной ответственности за судьбу страны каждого сознательного человека, долг служения Отечеству был поставлен выше собственных нужд и обид. В общественном сознании укреплялись чувства патриотизма и непримиримости к фашизму как главной опасности для Отечества и всего мира. Смертельная схватка с фашизмом завершилась безоговорочной капитуляцией Германии.

Следуя за ангажированными американскими, английскими, немецкими авторами, в отдельных российских и белорусских работах поражение вермахта расценивается сплошными случайностями: плохие дороги России, сильный мороз, другие надуманные причины. Более того в отечественной историографии в последние годы возросло число публикаций, авторы которых открыто ведут реабилитацию коллаборационизма как некоего патриотического движения в защиту «свободной» России, Украины, Литвы, Латвии и т.д. Людей, участвующих в войне на стороне Германии, в ряде республик ранее входивших в СССР, стали открыто причислять к великим патриотам, а оккупантов, по сравнению с партизанами, называют гуманными и воспитанными людьми.

Таких заблуждений по проблемам войны в содержании ранее опубликованных статьях достаточно. Здесь приведем только два примера своеобразного подхода к отдельным событиям периода Великой Отечественной войны гражданами нашей республики. В статье кандидата исторических наук В. Гуленко «В нашем сознании жив придуманный миф о бандеровцах» [10, с.3] говорится о том, что бандеровцы сражались с немцами наравне с советскими партизанами и обвинять их в коллаборационизме нет оснований. Они являются, согласно объяснению Гуленко, патриотами, потому что хотели утвердить самостоятельную Соборную Украину и помочь в этом белорусам. Оправдание коллаборационизма, изложенное в тексте Гуленко, вызвала возмущение живых участников партизанского и подпольного движения. Оскорбленные ветераны Великой Отечественной войны выступили, как и в годы войны против нацистов, единым фронтом против историка, обратились с письмом в Администрацию Президента Республики Беларусь. Пришлось объясняться, что думают по этому поводу другие ученые. Ответ, основанный на научной информационной базе (автор данной статьи причастен к его составлению) гласил, что в бандеровцы в действительности объединились с нацистами, вошли вместе с ними в 1941 году на украинскую землю, сделали свою власть страшной, замучили более 40 тыс. украинцев, стреляли в спину солдатам и офицерам Красной Армии. Смертельно ранили командующего 1 Украинским фронтом Н.Ф. Ватутина, убили легендарного разведчика Н.И. Кузнецова. Словом, борясь с собственным народом, бандеровцы опозорили себя надолго, если не навсегда. Согласно решениям Нюрнбергского процесса, ответственность за такие преступления не имеет давности. Подтверждение тому события в Украине, где большая часть украинцев выступает против возрождения бандеровского движения.

Журналист Т. Уласенко в материале «Крыж распятай губы» произвольно, не опираясь на документальную базу, делает вывод о высоком уровне коллаборационизма в белорусских селах, утверждает, что партизаны наносили вред белорусскому населению [11, с. 5]. Реакция на эту публикацию была также адекватной и резкой: возмущение проявила автор книг «Жаворонки над Хатынью» и «Распятая Губа» Е. Кобец-Филимонова, на которые делались ссылки в статье. Она назвала озвученные Уласенко журналистские домыслы на основании ее книг, кощунством по отношению к памяти безвинно погибших людей [12, с. 2].

В среде политиков, историков и самих участников войны, где обсуждаются такие публикации, выявляется непродуманность наспех сделанных в них выводов, указывается на некомпетентность и безответственность авторов перед обществом. Но, бывает и так, что у части населения такие авторские выводы, в дополнение с трудностями современного периода жизни, возникает искаженное представление о нравственных критериях, идеалах и мотивах советского человека при защите своего Отечества. Так, социологическое исследование «Что и как помнят о войне россияне», проведенное социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ в 18 субъектах России в начале 2000 гг., выявило достаточную устойчивость мифа, сотворенного еще геббельсовскими идеологами, что СССР спасли не патриотизм и героизм советского народа, а некоторые другие геополитические факторы: четверть респондентов назвало в их числе огромную территорию СССР, суровый климат и бездорожье [13, с. 11–12]. Отметим, что руководство Российской Федерации в данных результатах сделало правильное определение: несовершенство учебников по истории страны, подготовленных за рубежом или соотечественниками под эгидой Сороса. Была поставлена задача подготовить и издать новые учебники и кардинально изменить подходы в изучении истории Российского государства в учебных учреждениях.

В памяти и молодых, и взрослых белорусов, как показало изучение, Победа над фашизмом закрепилась достаточно прочно и превалировала над другими важнейшими событиями, связанными с советской историей. Более чем у 90% опрошенных белорусов (в 2009 г.) наивысшая гордость была вызвана успешным завершением Великой Отечественной войны [14, с. 15]. Ответы респондентов на подобные вопросы в республи-

ке Беларусь в тот период имели позитивный результат. Основным фактором для этого являлось то, что издание учебников и учебных пособий по отечественной истории в республике для учебных учреждений осуществлялось под грифом Министерства образования. Их содержание основывалось на современных научных разработках. Содержание тем отражало реальную и комплексную картину закономерного последовательного развития государства со своими плюсами и минусами, взлетами и спадами трудового и социального творчества масс. Самые тяжелые моменты исторического прошлого белорусского народа излагаются канонически (с учетом установленного и общепринятого научным сообществом взгляда). В учебном процессе при изучении учащимися и студентами общественных дисциплин внимание фокусировалось на раскрытии высоких моральных качеств, трудолюбия, мужестве, стойкости, верности белорусского народа своему Отечеству, которые ярко проявились у него при создании огромного экономического, научно-технического и военного потенциала страны. К тому же в общеобразовательных и в высших учебных учреждениях республики введен курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй Мировой войны)». Цель данного курса - охарактеризовать гражданина и патриота нашей многонациональной страны в период войны, который может стать примером для современной молодежи. Освоение курса о героических страницах истории белорусского народа на этапе 1941-1945гг., его вклад в Победу, плодами которой пользуются современники, придают молодому поколению осознание гордости за свою Родину, за ее историю, формируют у них традиционно присущие белорусскому народу лучшие качества.

Однако, как отмечалось на состоявшейся в конце апреля 2014г. в Витебске Международной научно-практической конференции на тему «Победа - одна на всех», в условиях стремительных перемен, в нашей республике также имеется необходимость усилить внимание к общественным наукам, которые непосредственно влияют на формирование идей и взглядов молодых людей. Особое значение при этом следует отвести комплексному, интегральному в этом ряду предмету – истории своей страны. Участники конференции пришли к выводу о необходимости правдиво отображать и доносить до нынешнего и будущих поколений знания об источниках, которые позволили советскому народу отстоять честь, свободу и независимость своего Отечества и освободить от фашистского порабощения народы европейских стран. В числе важнейших источников Победы в Великой Отечественной войне, как посчитали многие выступающие, необходимо выделять самые действенные – единство советских людей, их патриотизм и героическое поведение, что и стало важнейшим фактором в решении военно-экономических задач в годы войны.

Автор статьи сосредоточил внимание аудитории пленарного заседания конференции еще на одном факторе, который являлся приоритетным в достижении Победы над фашистским блоком. Ранее, до перестройки, в исторической литературе важная роль в мобилизации всех сил и средств советского народа для Победы отводилась правящей партии. В последние годы возросло число публикаций, в которых проявляется скепсис, ирония по отношению к коммунистам, принижаются их моральные качества. В деятельности ВКП(б) в предвоенные и военные годы выпячиваются только ее просчеты. Находятся и такие «специалисты», которые при освещении периода Великой Отечественной войны стыдятся упоминать термин «коммунистическая партия». В учебной литературе заменяют его терминами «руководящие органы» или «центры». Учащиеся и студенты не могут разобратся в таких безымянных понятиях. Напомним, что такой подход, когда по отношению к правящей политической организации проявляется скепсис, ирония, принижается ее роль, моральные качества членов ВКП (б) в экстремальный для страны период – опасен, будущее очень ревниво, оно не прощает забвения прошлого.

В войне с СССР у нацистов было намерение расправиться в первую очередь с функционерами советского общества: партийными, советскими работниками, активистами этих институтов власти, комиссарами, политработниками. Однако выполнить его Германии оказалось не по силам. Советская система выдержала суровое испытание благодаря своей способности сконцентрировать имеющиеся людские и материальные ресурсы страны на разгром врага. Этот вывод дает право утверждать, что конечный результат в Великой Отечественной войне, ее исход для СССР напрямую связан с позитивным влиянием правящей партии. Партийные комитеты, как главные субъекты управления всеми сферами жизни в стране, сыграли на этом этапе исключительную роль в развенчании идеологии нацизма, в мобилизации советских людей на разгром врага. Историческая заслуга партии состояла в том, что она была на этом этапе организатором борьбы, смогла укрепить идейно-политическое единство общества, сплотить воедино народ и армию. Централизованная, дисциплинированная, пронизывающая все общество ВКП(б) возглавила борьбу, сумела поднять советский народ на отечественную, освободительную войну против фашистских захватчиков и, несмотря на временные неудачи в начальный период военных действий, добиться коренного перелома в ходе войны и обеспечить победоносное ее завершение. «Цементирующим» ядром общества в эти годы были коммунисты. Политработники, комиссары не отсиживались в тылу, блиндажах, как смеют утверждать отдельные историки и политики. Люди с партийным стажем и вступившие в ее ряды в годы войны, находились в центре ратной и трудовой жизни, они объединяли вокруг себя всех патриотов страны.

Всем тем, кто имеет желание изменить представление о военно-патриотическом настроении советского народа, о месте политической организации в суровые военные годы, следует напомнить, что такой подход опасен: антисоветизм в каком бы головном мозгу не зарождался – болезнь страшная, она пощады не знает.

Литература

1. Великая Отечественная война. Кн.1: Суровые испытания. 1995; кн. 2: Перелом.1998; кн. 3: Освобождение; кн. 4: Народ и война, 1999.
2. Анфилов В.А. Грозное лето 1941 г. М., 1995; Гореев М.А. Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). – М., 1995; Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Отв.ред.Г.А.Куманев. – М., 1985; Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939-1945. – М., 1990.
3. Communist Power in Europe 1944 -1949. New York, 1977, р. IX; Суворов, В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? / В. Суворов. М., 1992; Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі. 1795 – 2002 / З. Шыбека.- Мінск: Энцыклапедыя, 2003. – 490 с.: іл.
4. О.А. Ржешевский. Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. - № 3. – 2010.
5. Москва-Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1921-1941 гг., Сб.док. Отв.ред.академик Г.Н.Севостьянов. – Т.3. 1933-1941. – М., 2009.
6. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2-х ч. Ч.2 / М.П.Касцюк, І.М.Ігнаценка, У.І.Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. – Мн.: Беларусь, 1995; Гісторыя Беларусі: Вучэбн.дапам. Люты 1917 г. – 2000 г. / под ред.Я.К.Новіка, Г.С.Марцуля – 2-е выд.перапрац. і дап. - Мн.: Універсітэцкае.
7. Волаціч, М.Насельніцтва Заходняй Беларусі і яго перасяленне між сучаснай Польшчай і БССР/М.Волаціч //Беларускі зборнік. Мюнхен, 1956.Кн.4.
8. E Dupuy. World War II/ A Compact History. Ntw York? 1969, P.VII.
9. Шумилов М.И. История России: конец 19 – начало 20 века: учеб. пособие / М.И.Шумилов, М.М.Шумилов.-2-е изд.,испр. и доп.–Ростов н/Д.: Феникс, 2005.- 637с.
10. Аргументы и факты. – 2011. – 5 окт. – С. 3.
11. Новы час. – 2011. – 3 июня. – С.5.
12. Новы час. – 2011. – 1 июля. – С.2.
13. Афанасьева, А.И.; Меркушин, В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян / А.И. Афанасьева, В.И. Меркушин // СоцИС.– № 5. – 2005.– С. 11-22.
14. Вестник общественных мнений. 2009. - №4.

СЕКЦИЯ № 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

НЕМЕЦКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ С ГЕРМАНИЕЙ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Минаева Т.С. (г. Архангельск, Россия)

Внешняя торговля Русского Севера с немецкими землями в начале XX в. имела свои отличия от общероссийской. К концу XIX в. Германия вышла на первое место в торговле с Россией и до 1914 г. она сохраняла свое лидирующее положение. Российско-германский экспорт и импорт в общем объеме внешней торговли России составляли в период 1899-1913 гг. соответственно 30% и 48% [8, с. III, V]. По Белому морю происходил обратный процесс, к 1914 г. Германия занимала только 6 место в противоположность первой половине XIX в., когда немецкие земли занимали вторую позицию после Англии, как и в целом в это время во внешней торговле страны. Вывоз в немецкие земли ограничивался пшеницей, овсом, пильным лесом и смоляными товарами. В то же время количество немецких грузовых судов, приходивших в Архангельск выросло в 2 раза с 1900 по 1913 гг., по численности они уступали только российским и норвежским [2, л. 9-10; 3, л. 63-65]. К 1913 г. около 100 немецких судов ежегодно приходило в Архангельск, по количеству они уже превосходили английские, занимавшие лидировавшее положение среди иностранных судов еще в начале XX в., и обеспечивали вывоз не только в Германию, но и в Англию и Голландию.

Немецкое посредничество в торговле Архангельска можно объяснить обширным опытом предпринимательства выходцев из немецких земель, сложившимся на протяжении XIX в. Прежде всего, немцы, принявшие российское подданство, активно участвовали во внешней торговле Беломорья. Так, в 1821 г. из 6 архангельских купцов 1 гильдии 4 имели немецкое происхождение и осуществляли до 70% внешнеторгового оборота Архангельского порта [1, л. 2]. Кроме того, накопив с помощью торговых операций капитал, они стали использовать его для создания промышленных предприятий. В 1822 г. Е. Классен и В. Брандт построили первый паровой лесопильный завод на Русском Севере, в Архангельске, вслед за ними во второй половине XIX – начале XX в. основали свои лесопильные предприятия Ф. Шольц, Е. Линдес, Р. Пец. В 1851 г. архангельский купец Петр Карлович Люрс основал недалеко от Великого Устюга в селе Красавино механическую льнопрядильную фабрику и при ней полотняный завод. Фабрика первой в России начала использовать механические прядильные машины и ткацкие станки. Также впервые в России на ней был установлен жаккардовский ткацкий станок, позволявший изготавливать крупноузчатые декоративные ткани. В 1867 г. красавинские ткани получили золотую, а в 1878 г. – серебряную медали на Всемирной промышленной выставке в Париже. Одним из первых в России организовал картонное производство в 1894 г. олонечский купец Юлий Юльевич Тейфель, родившийся в Пруссии и принявший в 1893 г. российское подданство. Кроме водяной турбины, предприниматель оснастил фабрику паровым двигателем и вырабатывал ежегодно из елового сырья до 10 тыс. пудов высококачественного картона и оберточной бумаги. Хотя на российском рынке продукция фабрики встретила сильную конкуренцию со стороны финляндского картона, она успешно ее выдерживала [5].

В период промышленного подъема 1890-х гг. на Русском Севере начался процесс монополизации и создания акционерных фирм. При этом происходило объединение капиталов русских промышленников и их давних деловых партнеров из числа обрусевших иностранцев. Так, в 1891 г. основатели Кемского лесозавода А.Ю. Сурков и Е.И. Шергольд вовлекли в дело архангельских купцов Вильгельма Гувелякена, Эммануэля Брандта, Эдуарда Линдеса и создали паевую компанию «Товарищество Кемских лесопильных заводов» с правлением в Архангельске. Основной капитал фирмы составил 500 тыс. руб. Директором-распорядителем компании стал В.В. Гувелякен. Продукция завода в основном отправлялась на экспорт: в Англию, Бельгию и Германию. Образование Товарищества Беломорских лесопильных заводов под фирмой Н. Русанов сын» в 1893 г. сопровождалось слиянием 4-х крупных предприятий в Архангельской губернии: 2-х лесопильных заводов А.Н. Русанова, заводов фирмы «Э.Г. Брандт и К⁰» и Ф.Е. Линдеса. В результате было образовано самое крупное лесопильное предприятие Русского Севера с капиталом 1,5 млн. руб. Председателем правления Товарищества был выбран Эдуард Егорович Линдес, являвшийся одним из главных совладельцев торгового дома «Э.Г. Брандт и К⁰», которому принадлежало 6 крупных лесозаводов на Северо-Западе России. В 1900 г. торговые предприниматели Р. Пец, А.Ф. Шольц и норвежец М.А. Ульсен основали «Товарищество Архангельского лесопильного завода» с капиталом 300 тыс. руб. В этом же году из предприятий, принадлежавших А.Ф. Кларку и А.Ф. Шольцу, возникает «Маймаксанское лесное товарищество» с общим объемом средств в 450 тыс. руб. Таким образом, в начале

XX в. из 6 акционерных и паевых предприятий в лесной промышленности 4 объединения было создано при участии российских немцев.

Финансовый интерес, проявленный немецкими по национальности торговцами к лесопильному делу, был не случайным. С начала 1880-х гг. лесное дело на Севере стало быстро развиваться. С 1895 г. по 1909 г. число лесопильных заводов в Беломорских портах увеличилось вдвое, сумма же их производства утроилась. Основной объем вывоза древесины осуществлялся через Архангельский порт. Этому способствовали традиционные торговые связи с Англией и ее растущий спрос на лесные товары, отмена таможенных пошлин в Англии на русский лес, проведение дноуглубительных работ в Архангельском порту, что позволило принимать суда большей вместимости. Вместе с тем экспорт пиленого леса из Беломорских портов занял довольно важное место в общем экспорте лесопильного товара из России за границу. Так, в 1909 г., из Беломорских портов было экспортировано 25% от общего вывоза досок [6].

Развитие транспортной системы на Русском Севере стало еще одной из сфер вложения российскими немцами своего капитала. В 1896 г. архангельский купец 1-ой гильдии Яков Беляев с банкиром Михаилом Криличевским, торговцем и промышленником Фердинандом Линдесом основали «Северное пароходное общество "Котлас-Архангельск-Мурман"». К 1914 г. пароходное общество имело 1 млн. руб. капитала, 43 парохода и около 100 барж. Акционерами общества были также Э.Ф. Пец, А.А. Люрс и Г.Ф. Линдес [9, с.6].

Рост лесопильной промышленности в Архангельской губернии способствовал некоторое время и увеличению экспорта в Германию. Россия в целом была главным поставщиком леса и лесных материалов для Германии: в 1890-х г. и в первом десятилетии XX в. вывоз леса в Германию даже превысил российский экспорт в Англию, но с 1910 г. он снова сократился по причине более высоких цен на лесные материалы в Англии и сохранения ввозных таможенных пошлин на русский пильный лес в Германии. Тем не менее вывоз лесопильной продукции из Архангельска в немецкие порты вырос с 1909 по 1913 гг. в 6 раз! Однако в масштабах России этот экспорт особого значения не имел. Основная масса лесоматериалов – от 50% до 85% – проходила через русско-прусскую границу, на этом направлении значительную часть древесины поставляли белорусские губернии.

Гораздо более важным товаром для Русского Севера в торговле с Германией была смола и пек. В начале XX в. туда отправлялось до 13 % архангельского экспорта, и Германия являлась третьим по объему вывоза партнером России по беломорской торговле после Великобритании и Голландии [4, с. 17; 11, с. 30]. В организации производства и торговли смолой существовал ряд проблем, которые требовали принятия комплексных мер. Необходимо было повысить качество смолы и для этого улучшить техническое оснащение производства, укрепить позиции российской смолы на внешнем рынке и прекратить фальсификацию товара производителями и поставщиками на внутреннем рынке, создать заводы, специализирующиеся на изготовлении продуктов сухой перегонки древесины. Для развития внешней торговли архангельские купцы Я.А. Беляевский и Э.Ф. Линдес в 1911 г. основали «Товарищество Северных смолоторговцев». Одновременно с ними в Архангельске активно действует И.И. Данишевский. В конце XIX в. Израиль Исаакович с отцом создают в Минской губернии первый в России паровой скипидарно-очистительный завод. В 1900 г. его уничтожил пожар, и И.И. Данишевский переносит свою деятельность в Архангельск [10]. Здесь в 1908 г. братья Израиль и Павел объединили свою деятельность в фирме под общим названием Торговый Дом «П. и И. Данишевские». Во всех смолокурных центрах России – Минске, Казани, Нижнем Новгороде и за границей – в Англии и Германии открылись отделения и склады Торгового Дома. И.И. Данишевский занимался не только промышленностью и торговлей. Он писал и публиковал статьи, в которых анализировал состояние лесных промыслов и торговли, вносил предложения по их улучшению. В 1912 г. XII Всероссийский съезд лесозаводчиков и лесохозяев после выступления И.И. Данишевского согласился с его мнением о «громадном значении смолы для Северного края» и принял резолюцию о необходимости: 1) технического и статистического изучения смоляного промысла и иностранных рынков; 2) понижения цен на материалы для смолокурения; 3) проведения мероприятий по улучшению техники смолокурения и подготовке специалистов по сухой перегонке дерева в Архангельске; 4) введение при лесопильных заводах Беломорского района производства продуктов сухой перегонки дерева из отходов древесины [7, с. 62]. В 1913 г. братья Данишевские преобразовали свой Торговый Дом в Беломоро-Балтийское акционерное общество, которое занималось торговлей очищенным скипидаром и смолой. Акционерное общество постепенно расширяло свою деятельность. Оно имело отделения в Минской губернии, Котельничах, Казани, Гамбурге, Берлине и Лондоне. Склады общества были в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Ревеле, Либаве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону. Продукция заводов, принадлежавших обществу, экспортировалась в Англию и Норвегию, Германия, как торговый партнер, в годы Первой мировой войны утратила свою значимость.

Таким образом российские немцы в значительной мере способствовали развитию лесной промышленности и внешней торговли на Русском Севере в начале XX в., организации паевых и акционерных обществ. Тенденции по созданию совместных с архангельскими купцами фирм, появившиеся в XIX в., получили дальнейшее успешное развитие в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Архангельской области. – Ф. и-47. Оп. 1. Д. 168.
2. Государственный архив Архангельской области. – Ф. и-48. Оп. 2. Д. 22.

3. Государственный архив Архангельской области. – Ф. и-305. Оп. 1. Д. 93.
4. Данишевский И.И. Народное хозяйство нашего Севера. Наша внешняя торговля с Норвегией. О нашем товарообмене с Италией / И.И. Данишевский. – Архангельск: 1919. – 25 с.
5. Кораблев Н.А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] / Н.А. Кораблев – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 269 с. – Режим доступа: <http://libed.ru/knigi-nauka/399199-1-karelskiy-nauchniy-centr-rossiyskoy-akademii-nauk-institut-yazika-literaturi-istorii-korablev-predprinimatels.php> – (дата обращения 06.07.2019)
6. Леса Севера и их главнейшие нужды. // Бесплатное приложение к журналу «Лесопромышленник» за 1912 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/lesa/index.htm> – (дата обращения 06.07.2019)
7. Обзор Архангельской губернии за 1912 г. – Архангельск: 1913. – 96 с.
8. Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1914 г. – Ч. 1-2. – Пг.: 1915. – 1070 с.
9. Отчет Северного пароходного общества «Котлас-Архангельск-Мурман» за 1913/1914 операционный год. – Архангельск: 1915. – 13 с.
10. Сехович В. Короли Севера: как борисовские смолокуры завоевывали рынки Германии, Британии и Норвегии [Электронный ресурс] / В. Сехович – TUT.BY [Сайт] – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/610565.html> – (дата обращения 02.07.2019).
11. Согина С.А. Торговля смолой и продуктами смолокурения на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX века / С.А. Согина // Вестник САФУ. – 2012. – № 2. – С. 29-32.

ЛЕВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАСПАДА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОЛИМПУ

Ткачёв С.М. (г. Челябинск, Россия)

Итоги президентских выборов 2019 года на Украине убедительно свидетельствуют о том, что государство оказалось в состоянии глубочайшего социально-экономического, политического и психологического кризиса. Победа В.Зеленского, не имевшего развёрнутой, четко выстроенной программы действий, наглядно показала полное разочарование основной массы населения во всех политических партиях, претендовавших на роль выразителя интересов масс. Избиратели в большинстве своём голосовали фактически против всех политических деятелей, имевших отношение к плачевным итогам развития страны за последние десятилетия.

В определенной степени итоги президентских выборов 2019 года на Украине перекликаются с итогами парламентских выборов января 1919 года в Германии. При всем различии исторических эпох и специфики государственного развития, мотивы голосования немецких избирателей имели известное сходство с мотивами голосования избирателей на Украине.

Итак, Германия. Процесс технической модернизации произошел в стране позднее и радикальнее, чем в других странах. Страна, превратившаяся в замысловатый сплав достижений и упущений, в котором соединились элементы феодализма и прогресса, автократии и социального государства, могла претендовать на звание самого современного в промышленном отношении государства Европы. В конце 19 – начале 20 веков управление Германии было «достаточно корректным и экономным и обеспечивало, вопреки всем антилиберальным вкраплениям, в небольшой степени внутреннюю свободу, соблюдение законности и относительную социальную защищенность.

Форсированное усилиями «сверху» развитие капитализма определяло, в существенной мере, отношение германского либерализма к методам модернизации общественной системы. «Нет сомнений, – писал известный русский историк В.Леонтович, – что либерализм – идеология не сугубо национальная... Но в каждой стране либерализму выпадает на долю особое задание» [2, с. 301]. Германские либералы считали своим историческим долгом провести в соответствие с бурно развивающейся экономикой политическую систему общества. При этом среди них доминировали деятели, предпочитавшие компромиссное решение всех конфликтных ситуаций. Отклоняя силовые формы борьбы с автократическим режимом, они искали общую точку соприкосновения для сотрудничества с кайзеровским режимом. И точкой стала идея приоритета интересов нации и государства.

В первые годы войны приверженность интересам государства обусловила «временный» отказ леволиберальной Прогрессивной народной партии от планов осуществления демократических преобразований политической системы общества. Партия высказалась в защиту Отечества и присоединилась к проведению политики «гражданского мира».

Наращение социальных антогонизмов в годы Первой мировой войны вызывало глубокую тревогу правящих сил Германии. Главным направлением деятельности руководство страны считало сохранение социальной стабильности как главного условия продолжения боевых действий против Антанты. Левые либералы полностью разделяли эти тревоги. С февраля 1917 г. они активизировали поиск средств сохранения «гражданского мира». Левые либералы внесли некоторые коррективы в свою «рабочую политику». Существенное изменение претерпело их отношение к реформистской СДПГ. Отказавшись от проводимой ранее конфронтации с социал-демократией, лидеры этого политического течения надеялись найти в них надежного партнера в деле поддержания «классового мира». С целью снижения политической напряженности в обществе они вместе с социал-

демократами подключились к проведению кампании по «демократизации» и «парламентаризации» кайзеровского режима. Значительные усилия были затрачены на внедрение в сознание немецкого населения идеи заключения мира без аннексий и контрибуций.

Пытаясь модернизировать автократический режим в Германии, леволиберальные лидеры действовали непоследовательно и зачастую беспринципно. ПНП, которая «в своих программных документах решительнее других буржуазных партий высказывались за парламентаризацию, в политической практике от этого курса зачастую отступала и «демонстрировала отсутствие воли в достижении реформирования кайзеровского режима» [3, с. 231]. Небольшие демократические организации и группы пацифистского и полупацифистского толка не определяли политического лица либерализма. И всё же, несмотря на все преграды, стоявшие на пути парламентаризации политической системы Германии, кайзеровский режим к концу Первой мировой войны существенно изменился. Октябрьская реформа 1918 г. осуществленная при непосредственном участии либералов, завершила уже проводимую парламентаризацию германского рейха. Этот шаг, однако, был сделан слишком поздно и предотвратить революционный взрыв в Германии не мог.

Крах кайзеровского режима в годы Первой мировой войны обусловил кризис политических сил создававших ему опору. Практическая политическая деятельность леволибералов, направленная лишь на постепенное реформирование монархии в условиях стремительного разрушения авторитета институтов власти, в глазах подавляющего большинства населения никакого смысла не имела и вела к падению их влияния. К осени 1918 г. политические организации левых либералов находились в состоянии «полураспада» [2, с. 176]. Ещё в августе 1914 г. фактически прекратило своё существование Демократическое объединение. Кризисные явления испытывала Прогрессивная народная партия. Её руководство, разрываясь между поддержкой политического курса имперского руководства и антиимпериалистическими и демократическими требованиями, исходившими из либеральной среды, практически с начала крушения военных планов Германии вынуждено было сосредоточить значительные усилия на предотвращении начавшегося разложения партии. Её численность падала, а в рядах партийного руководства наблюдалось усиление разногласий. Идеологические концепции, исповедуемые прогрессистским руководством, и конкретная политика не позволили левым либералам в годы Первой мировой войны дать адекватный ответ на вызов времени.

Ноябрьская революция 1918 г. перечеркнула и отбросила все расчеты левых либералов на тактику соглашений с монархическим режимом и привела к созданию принципиально иной ситуации в стране. Германские либералы оказались в сложнейшем положении. Они должны были предложить обществу приемлемые пути принципиального обновления всего строя общественной жизни в Германии. Либерализм считал революцию явлением, нарушавшим естественное развитие демократического процесса, ошибкой истории. В связи с этим, он попытался сохранить максимум «позитивного», что имелось довоенной Германии, и законсервировал тем самым внутри своих организаций пороки предыдущего этапа развития. Чувствуя веяния новой эпохи, либерализм быстрее других политических сил приступил к перестройке своей деятельности. Поскольку прежние либеральные организации дискредитировались в глазах населения и фактически разложились, уже 20 ноября 1918 г. (то есть менее двух недель после начала революции) была образована новая Немецкая демократическая партия.

Инициаторы объединения сил левого либерализма стремились создать массовую и влиятельную партию, способную оказать существенное воздействие на ход развития страны. С целью привлечения на свою сторону широких масс был предпринят ряд шагов. Основатели партии заявили о твердом намерении отмежеваться от либеральных политиков, запятнавших себя поддержкой аннексионистских целей войны. Именно поэтому вне НДП оказалась группировка Г.Штреземана. Много вопросов вызывало членство в партии крупного теоретика германского либерализма Ф.Наумана [1, л. 226]. На руководящие посты были выдвинуты такие видные деятели, как А.Вебер, О.Нюшке, Т.Вольф и некоторые другие, пользовавшиеся большим авторитетом среди масс. Немецкие демократы решительно высказались за ликвидацию монархии и установление парламентской республики. Настойчиво подчеркивая свой надклассовый, общенациональный и народный характер, НДП выдвигала наиболее радикальные, по сравнению с другими партиями, политические и социально-экономические требования.

Революция заставила немецких демократов пересмотреть свое отношение к классическому либерализму. Отталкиваясь от традиционных принципов, Демократическая партия пыталась привести либеральные идеи в соответствие с новой исторической ситуацией. Страх перед «большевистским переворотом» и превращение рабочих в мощный фактор общественной жизни обусловили усиление внимания к либеральным доктринам, проповедовавшим необходимость интеграции наемных работников «в капиталистическое общество». Теоретической основой НДП стали концепции, выдержанные в духе идей Ф.Наумана.

Во вновь образованной партии объединились разношерстные либеральные группировки, различные по своей социальной природе и политическим установкам. По многим вопросам политической деятельности они занимали зачастую противоположные, грозившие в будущем расколом партийных рядов точки зрения. Однако в критические дни 1918 – начала 1919 гг., под впечатлением крушения монархического режима, все противоречия временно были отодвинуты на второй план. Используя щедрую финансовую помощь крупного капитала, активно действовавший партийный аппарат, опытных функционеров, гибкую политику, партия на парламентских выборах 19 января 1919 г. добилась грандиозного успеха. Важнейшее значение для успеха на выборах имело удачное использование специфической психологической ситуации, сложившейся в Германии после

крушения кайзеровского режима. Прежние ценностные ориентации стремительно разрушались. В стране усиливалось ощущение того, что нация утратила духовный стержень и с ним волю к исторической перспективе. Жизнь немца, казалось, теряла смысл. Виновником всех свалившихся на страну и отдельного человека бед назывался Вильгельм II. Все политические силы, провозглашавшие в ноябре 1918 – январе 1919 гг. антикайзеровские демократические лозунги, были «обречены» на успех. Неслучайно НДП превратилась после выборов в Национальное собрание в одну из наиболее влиятельных политических сил.

Успех на январских выборах предоставил левым либералам широкие возможности для того, чтобы активно воздействовать на ход политических событий в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Института российской империи РАН.- Ф.22, Оп. 1. Д. 8. Л. 226.
2. Леонтович, В.В. История либерализма в России 1762-1914/ В.В.Леонтович.- М.: Русский путь, 1995. – 445с.
3. Langewiesche, Dieter. Liberalismus in Deutschland/ D.Langewiesche.- Frankfurt a M: Suhrkamp, 1988.- 381 s.
4. Haussmann, Conrad. Schlaglichter: Reichstagsbritfe und Aufzeichnungen./ C.Haussmann.- Frankfurt a M: Frankfurter Societats-Drukckerei, 1924.- 315s.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ И «РОССИЙСКИЙ СЛЕД»: ОТ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ К ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ ИНТЕРЕСАМ...

Петелин Б.В. (г. Череповец, Россия)

Столетние юбилеи революций в России (1917) и Германии (1918) не вызвали большого интереса в российском и немецком обществах, но для историков и политологов события столетней давности – хороший повод для уточнения имеющихся оценок и появления новых интерпретаций. То, что эти революции были вызваны мировой войной, факт сам по себе бесспорный. Война оказала огромное влияние на международное развитие в XX веке. Но согласимся, что и без войны Россия шла к своей второй революции [2]. Шла ли Германия к своей революции без войны? Историками высказано мнение, что не только Германия, но и вся Западная Европа в начале XX века находилась в предреволюционной фазе. Социал-демократы, имевшие внушительную поддержку среди рабочего класса, который на то время не был глубоко интегрирован в буржуазный строй, как это произойдет позже, вполне могли осуществить социалистическую альтернативу [11, с. 67]. Этого не случилось только потому, что война обескровила рабочий класс, распылила и разобщила его интернационализм. Революционный подъем состоялся, но социального переворота не произошло.

После Октября российские коммунисты развернули пропагандистскую работу в Германии. Было создано Бюро международной революционной пропаганды под руководством Рейнштейна, являвшегося в то время секретарем Ленина. Летом 1918 г., пропагандистский центр разместился в московской гостинице «Дрезден». Издавался печатный орган «Мировая революция», где публиковались статьи Лафарга, Маркса, Троцкого, Коллонтай и других деятелей. Часто печатался Карл Радек, который занимал ключевые позиции в связях с зарубежными революционерами. Печатались и распространялись газеты среди немецких солдат: на Северном фронте – «Фолькерфриден», в Минске – «Дер Штерн», на Румынском фронте – «Кригсвохе» и т. д. Однако уровень пропаганды был низок. Германскую армию разложить не удалось [8, с. 194-195].

Бурную деятельность развил Карл Радек. Выступая на заводе Михельсона в начале октября 1918 г., то есть еще до начала революции в Германии, Радек обещал «восставшему германскому рабочему всяческую помощь»: «От Волги до Рейна, – кричал он на митинге, – будет тянуться единый красный фронт пролетарской революции». «В Советской России, – заявил Радек, – будет создана 3-х миллионная Красная Армия, которая непременно придет на помощь германскому пролетариату, для которого в России уже «забронирован хлеб» [8, с. 195]. Насчет хлеба Радек был щедр, когда заявил, что «еще в эту зиму мы будем есть украинский хлеб, и не только мы, но и рабочие Германии и Австрии», что вызвало бурные аплодисменты. Трогательную заботу о пропитании немецких пролетариев проявил Ленин. Так 3 октября 1918 г. глава советского правительства указал, чтобы в «каждом крупном элеваторе создавался запас хлеба для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в трудное положение в их борьбе за освобождение от чудовищ и зверей империализма» [6, с. 99].

Ленин выражал уверенность в том, что «германская революция разразится с такой силой и организованностью, что разрешит сотню международных вопросов». Ее начало вселяло оптимизм. Брестский мирный договор с Германией, которая перестала быть империей, можно было денонсировать. Что и было сделано. Советизация Германии также укладывалась в теорию и практику мировой революции. На первый Общегерманский съезд Советов в Берлине в декабре 1918 г. решено было послать советскую партийную делегацию в составе Радека, Бухарина, Иоффе, Раковского, Игнатова. Перед поездкой Радек хвастался, что у него в Берлине 400 агитаторов и «через два месяца город будет наш» [5, с. 192]. Выступая на учредительном съезде Коммунистической партии Германии 30 декабря 1918 г. Радек предложил немецким товарищам «военный союз» для борь-

бы с Антантой. И хотя немецкие коммунисты в приветственной телеграмме Советской Республике заявили о скором торжестве мировой революции [9, с. 696], для советского руководства все более значимыми становились геополитические цели.

Большевики не собирались признавать Совет народных уполномоченных правительством Германии. Было признано только одно правительство, то что в Берлине – правительство Эберта. Заявляя на словах о «мировой революции», коммунисты-интернационалисты пытались установить связи с правой социал-демократией и сохранить союз с германской военщиной. Ленин и Троцкий не пошли на создание «революционного правительства в Москве» из немецких военнопленных и немецких интернационалистов. Подобный вариант был вполне возможен, после того, как немецкие рабочие и военнопленные в середине ноября 1918 г. создали в Москве Революционный солдатский совет и взяли на себя полномочия консульства и приданных ему учреждений [9, с. 685-686].

Мировая революция в январе 1919 г. «забуксовала» на улицах Берлина. По большому счету это была авантюра «спартаковцев», за которую пришлось дорого заплатить. Немецкие вожди Карл Либкнехт и Роза Люксембург были схвачены и зверски убиты. В марте 1919 г. был схвачен и убит «третий вождь» немецких коммунистов – Лео Иогиес. КПГ была обезглавлена. В романе советского писателя Андрея Платонова «Чевенгур» в качестве одного из героев выведен красноармеец Степан Копенкин, который страстно желает увидеть Розу Люксембург. Он даже завидует облакам, утекающим в «сторону Германии, они пройдут над могилой Розы и над землей, которую она топтала своими башмаками». Солидарность с немецким пролетариатом проявлялась не только коммунистами-интернационалистами, но и со стороны простых русских людей.

В конце 1990-х гг. в российском журнале «Вопросы истории» печаталась большая статья «Был ли причастен К.Радек к гибели К.Либкнехта и Р. Люксембург?», проживающего тогда в США историка Ю.Фельштинского [10]. Причастен был, так как знал, где скрываются вожди КПГ. Мог выдать? Сам Радек в феврале оказался в тюрьме Моабит, но не исчез. Фельштинский полагал, что Ленину немецкие вожди были не нужны – он сам вождь мирового пролетариата. Но может быть Ленину не нужна была «мировая революция»? Да, в марте 1919 г. в Москве будет создан Коммунистический Интернационал, для продвижения мировой революции, после победы которой Берлин станет столицей «земшарной республики Советов».

Ленин не был утопистом. Прожив достаточно много лет в Западной Европе, он не мог не понимать, что немецкие, французские, английские, бельгийские... рабочие вряд ли последуют за российским пролетариатом. Они сами ничего не имеют против того, чтобы быть похожими на буржуа: иметь собственность, стабильную зарплату, демократические права. Диктатура пролетариата их больше пугала, чем привлекала. Ленин был весьма прагматичен, когда говорил о единении «русского размаха с немецкой деловитостью». Даже Радек призывал немецких товарищей ехать в Россию хозяйничать, наводить порядок, ибо русский рабочий молодой не опытный и готов поделиться богатством... Геополитические интересы оказывались куда более значимыми для Германии и России [3].

Потому и уцелел Радек, ставший связным звеном в тайных переговорах с германскими властями. На квартире тюремного сторожа проходили его встречи с военными, высокопоставленными немецкими политиками. «Салон Радека» посещал Вальтер Ратенау, будущий министр иностранных дел, поставивший свою подпись под Рапалльским договором 1922 г. Особенно активным был немецкий генерал фон Сект, тайно встречавшийся не только с Радеком, но и Красиным, Коопом, Крестинским, Розенгольцем. Именно с ними обсуждалось будущее военное сотрудничество между Веймарской республикой и СССР [12, с. 122]. Карл Радек находился в Германии до конца 1919 г. и выбрался в Советскую Россию через Польшу не без помощи Пилсудского, замыслившего уже войну с Россией. Партия еще не раз поручала Радеку выполнение «ответственных поручений», пока карающий меч революции не опустился и на его голову, правда не на эшафоте, а в обычной тюремной камере...

Советско-польская война также не обошлась без германского фактора [4]. Да, ее принято подавать как «продвижение революции на Запад»: сначала «Даешь Варшаву», затем Берлин, ну и там вместе с немецким пролетариатом дальше, к Ла-Маншу. Это на поверхности. Истинные причины – геополитические. Польша, появившаяся в 1918 г. желала установить свою восточную границу, прихватив часть российской территории. Подобную экспансию следовало отбить. Советская сторона зондировала Германию на предмет совместного удара по Польше. Но в Берлине от подобной акции отказались. Российский историк А.В.Барыкин опубликовал интересную статью о тайном заседании в Военном министерстве Германии 17 июня 1919 г. с привлечением малоизвестного документа [1].

Из него следует, что на этом заседании немецкая сторона была представлена группой военных чинов во главе с министром обороны Густавом Носке. Советским представителем выступал некий майор Иванкович (так указано в источнике – Б.П.). Текст доклада сохранил весьма оживленную дискуссию между военными представителями. Майор Иванкович выразил благодарность Германской Республике за предоставленную помощь в виде посланных Советской России 2387 офицеров и 1293 унтер-офицеров. При этом он особо подчеркнул, что «согласно тайному договору, Германия обязалась России предоставить для русской армии незадействованных офицеров». Надо полагать не для того, чтобы вместе с Тухачевским брать Берлин.

Да, прочного «альянса» между Россией/СССР и Германией в XX веке не состоялось [3]. Но отношения между государствами, как свидетельствует истории, всегда подвержены разного рода влияниям и перепадам.

Главное – извлекать уроки из прошлого, а они, как известно, в отношениях наших стран таковы, что вычеркнуть их из памяти просто нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барыкин А. В. Тайное заседание в Военном министерстве Германии 17 июня 1919 г. в контексте становления советско-польских отношений // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 2. – С. 256–264.
2. Германия и русская революция 1917-1924/Изд. Герда Кёнена и Льва Копелева/ Пер. с нем. под ред Я. Дабкина. Т. 5-1. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 391 с.; Германия и русская революция 1917-1924/Изд. Герда Кёнена и Льва Копелева/Пер. с нем. под ред Я.Дабкина. Т. 5-2. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 383 с.
3. Зубачевский В.А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917-1923 гг.): Геополитический аспект. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. – 240 с.
4. Кантор Ю.З. Польско-большевистская война как фактор германо-российского сближения//Москва-Варшава-Берлин. Очерки истории советско-польских-германских отношений в 1918-1939 гг. – Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом» 2011. – С. 11-45.
5. Кёнен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев. 1900-1945\пер. с нем. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 511 с.
6. Ленин В.И. ПСС, 5 изд. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 97-100.
7. Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением): Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 560 с.
8. Петелин Б.В. Ноябрьская революция в Германии и «российский след»//Молодая гвардия. 1999. №5. С. 186-206.
9. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов. Т. 1 (1917-1918 гг). М.: Политиздат, 1968. – 758 с.
10. Фельштинский Ю.Г. Был ли причастен К.Радек к гибели К.Либкнехта и Р. Люксембург//Вопросы истории. – 1997. № 9. – С. 3-35; № 10.- С. 3-33; № 11. – С. 3-24; Вопросы истории. – 1998. – № 2. – С. 3-29.
11. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914-1991). – М.: Издательство Независимая Газета. 2004. – 632 с.
12. Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945)/пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 632 с.

ВИТЕБСКАЯ ПЕЧАТЬ О ГЕРМАНСКИХ СОБЫТИЯХ 4-11 НОЯБРЯ 1918 Г.

Мясоедова С.Н. (г. Витебск, Беларусь)

В конце 1918 г. одним из самых освещаемых в периодической печати РСФСР в целом и Витебска в частности внешнеполитических событий была ноябрьская революция в Германии. Сообщения публиковались в виде коротких заметок из иностранной прессы либо официальных заявлений германского и советского правительства. Газеты, отмечая, что известия из Германии крайне скудны, рассуждали, что же там происходит, февраль или октябрь, имея в виду события 1917 г. в России [17].

Сведения о массовых беспорядках в Германии появились в местной прессе уже в октябре. Газеты писали о бунтах в войсковых частях в Остероде, Герлице, Лигнице [1], демонстрации рабочих в центре Берлина 27 октября, когда несколько сотен человек перед российским посольством кричали: «Ура! Да здравствует революция! Да здравствуют Ленин и Троцкий!», махали шапками и красными платками, о том, как огромная толпа в 200 000 встречала на вокзале Карла Либкнехта [3]... Вновь и вновь журналисты отмечали, как много среди митингующих военных [2].

Формально началом революции в Германии. стало восстание моряков в Киле 4 ноября 1918 г. В этот же день на Силезском вокзале случайно или нарочно упал и раскрылся один из чемоданов с советской дипломатической почтой, в котором оказались листовки на немецком языке с призывами к свержению существовавшего в Германии строя. Коалиционное правительство Макса Баденского, в которое входили представители Социал-демократической партии Германии Фридрих Эберт и Филипп Шейдеман, заявило о разрыве отношений с Советской Россией и высылке из страны всех советских представителей. 6 ноября дипломаты во главе с А. Иоффе выехали из Берлина. Поэт-сатирик Михаил Пустынин, писавший под псевдонимом Недотыкомка, опубликовал в газете Витебского губернского комиссариата по военным делам «К оружию» фельетон «О...чемоданах».

Свора хитрых шейдеманов
Испугалась... чемоданов
И, на них толпой нагрянув,
Мигом выслала посла.
– Ох, уж эти чемоданы!
В них – крамола, в них – обманы,
В них – интриги без числа!

Далее в фельетоне рассказывалось о том, что сколько бы чемоданов не уничтожили, революция все равно победит.

Весь Берлин восстал, воспрянув!
К удивленью шейдеманов, –
И без всяких чемоданов –
Революция пришла!
Шаг народа тверже стали,
Взоры пламеннее стали!
Оглашает бодро дали
«Пролетарии всех стран...»
Шейдеман? Вон их! Прочь их!
Есть в груди у всех рабочих,
К жизни вольной лишь охочих,
Свой волшебный чемодан [4].

Одновременно с сообщениями о разрыве дипломатических отношений, появились сведения о том, что в Германии начали снимать с почетных мест и выбрасывать в мусор портреты Вильгельма II, Гинденбурга, Бисмарка [11].

9 ноября 1918 г., в субботу, началась стачка. Было приостановлено движение трамваев, солдаты с красными знаменами двинулись из предместий в город. Они снимали с офицеров кокарды и аксельбанты [9]. Очевидец событий Харитон Гольдман, военнопленный, рассказывал, что ночью на завод, где он работал прибыли немецкие солдаты с красными лентами на груди, велели бросить работу и идти на улицу. Берлин был неузнаваем: солдаты раздавали вино, мармелад и хлеб. На улице Кайзера Вильгельма на балконах многих зданий были установлены пулеметы, из которых стреляли по замку (вероятно, имеется в виду здание рейхстага – С.М.), из замка стреляли в ответ. Рано утром в понедельник, 11 ноября 1918 г., офицеры, находившиеся в замке, попытались бежать через потайные ходы, но восставшие ловили и убивали их. Убивали так же офицеров, которые не сняли погон и кокард. На улицах Х. Гольдман видел много убитых и раненых, не только немцев, но и французов, русских. Немецкие солдаты и рабочие шли по улицам и кричали: «Мы – большевики!». Началось мародерство, которое, впрочем, удалось прекратить. [7].

В ночь на 10 ноября отстреливались забаррикадовавшиеся в кафе «Виктория» и «Бауэра» на Фридрихштрассе рабочие и офицеры, 10 ноября кафе были захвачены митингующими [8]. В ночь на 11 ноября 1918 г. Берлин сообщил: «Привет свободы, мира всем! Берлин и окрестности в руках совета рабочих и солдатских депутатов! Адольф Гофман, депутат сейма, Иоффе и персонал русского посольства возвращаются тотчас же». Вильгельм II отрекся от престола, канцлер Макс Баденский подал в отставку, новым канцлером стал социал-демократ Фридрих Эберт [12, 14].

В понедельник 11 ноября стало относительно спокойно, хотя столкновения с отдельными забаррикадовавшимися группами офицеров происходили и дальше [16]. Население в основном соблюдало порядок и подчинялось распоряжениям новой власти. Отдельные случаи грабежа наказывались без всякого снисхождения [10].

В Гамбурге все присутственные места и военные здания были заняты революционными войсками, продовольственные склады взяты под охрану, мародеров расстреливали. В Куксгафене переворот состоялся «без серьезных волнений» [14]. Во многих местах Восточной Германии происходили выступления на почве продовольственного кризиса, сопровождавшиеся иногда разграблением хлебных магазинов [15].

Первые новости о свершившейся в Германии революции сообщили в Витебске на митинге милиции, который проходил 11 ноября на бывшем губернаторском бульваре. Телеграмму об отречении Вильгельма II от престола огласил товарищ Литвинов, митинг встретил ее единодушным «ура», а оркестр исполнил «Марсельезу». Около 3-х часов дня на столбах была расклеена экстренная телеграмма с сообщением подробностей германской революции. К 6 часам вечера на Соборную площадь стали стекаться рабочие со знаменами на митинг. У собравшихся было хорошее настроение, ораторы и здесь, и в театрах перед концертами и спектаклями, объясняли суть произошедших событий [5].

Некто под псевдонимом Емеля (вероятно сатирик М. Пустынин) представил в газете «К оружию» очерк о раешник, посвященный возвращению А. Иоффе в Берлин.

«Не лезет в рот Вильгельму утренний кофе, всему виною – Иоффе! С тех пор, как Иоффе в Берлине, Вильгельм в черной кручине, мысли немецкого царя тупы, не веселят его сладкие супы!

Над русским посольством красный флаг – шутка? Ну, как не быть тут расстройству царского желудка?

– Иоффин флаг – какой грех-то! Это – красный флаг освободил Карла Либкнехта! Прощай, мои недавние победы! Иоффин флаг принес мне горчайшие беды» [13].

В качестве интересного факта газета «Витебский листок» сообщала о том, что в отрывном календаре на 1918 г. издательства «Отто Кирхнер» на оборотной стороне листка от 1 (14) ноября было опубликовано предсказание президента американского астрологического общества Франка Аллена о падении династии Гогенцоллернов в Германии, которое было сделано за несколько лет до описываемых событий [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Военные бунты в Германии // Витебский листок. – 1918. – № 1019. 27 октября. С. 1.
2. Демонстрация в Берлине // Витебский листок. – 1918. – № 1024. 1 ноября. С. 1 – 2
3. Манифестация в Берлине // Витебский листок. – 1918. – № 1019. 27 октября. С. 1.
4. О...чемоданах // К оружию. – 1918. – № 7. 18 ноября. С. 3.
5. Отклики на события в Германии // Витебский листок. – 1918. – № 1034. 12 ноября. С. 1.
6. Предсказание докт Аллена о Вильгельме II // Витебский листок. – 1918. – № 1038. 16 ноября. С. 2.
7. По красной Германии... (Впечатления очевидца) // К оружию. – 1918. – № 7. 18 ноября. С. 2.
8. Подробности переворота в Берлине // Витебский листок. – 1918. – № 1037. 15 ноября. С. 1.
9. Подробности революции в Берлине // Витебский листок. – 1918. – № 1034. 12 ноября. С. 1.
10. Положение в Берлине // Витебский листок. – 1918. – № 1035. 11 ноября. С. 1.
11. Портреты кайзера // Витебский листок. – 1918. – № 1031. 9 ноября. С. 1
12. Рабочая революция в Германии победила // К оружию. – 1918. – № 6. 11 ноября. С. 1.
13. Раешник // К оружию. – 1918. – № 6. 11 ноября. С. 2.
14. Революция в Германии // Витебский листок. – 1918. – № 1033. 11 ноября. С. 1.
15. Революция в Германии // Витебский листок. – 1918. – № 1035. 13 ноября. С. 1.
16. Стычки в Берлине // Витебский листок. – 1918. – № 1041. 19 ноября. С. 1.
17. Съезд Советов в Германии // Витебский листок. – 1918. – № 1038. 16 ноября. С. 2.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОЕННОЙ АВИАЦИИ 1919–1921 ГГ.

Черноперов В.Л. (г. Иваново, Россия)

Представленное сообщение, подготовленное на архивных материалах, посвящено малоизученной истории советско-германского сотрудничества в области военной авиации до подписания Рапалльского договора. В этот период центральной фигурой в диалоге РСФСР с Веймарской республикой был В.Л. Копп, который с конца лета 1919 г. исполнял обязанности полуофициального представителя большевиков в Берлине [6, с. 81–89, 96–98]. Среди проблем, решаемых им, достаточно рано важное место заняло военное сотрудничество. Почву для этого подготовил известный революционер К.Б. Радек, который в Моабитской тюрьме, куда он попал в феврале 1919 г. после провала коммунистического путча, организовал своеобразный «политический салон», посещавшийся видными немецкими промышленниками, политиками и военными. В том числе, связанными с генералом Г. фон Сектом – с 1920 г. главой рейхсвера, который выступал за «политическое и экономическое объединение с Великороссией» [8, с. 323]. Через К. Радека В. Копп установил связи с деловыми, политическими и офицерскими кругами Германии [6, 113–119]. Немцы выразили готовность торговать оружием. Большевики, увязнув в Гражданской войне, нуждались в вооружениях, включая самолеты. Взаимный интерес и неприятие Москвой и Берлином Версальской системы международных отношений привели к тому, что Копп уже 14 октября 1919 г. смог сообщить советскому наркому торговли и промышленности Л.Б. Красину (копии доклада председателю Совнаркома В.И. Ленину и главе НКВД Г.В. Чичерину) о приобретении для Красной армии 22 боевых аэропланов [5, ф. 413, оп. 2, д. 1379, л. 74об.]. Первые 12 машин из этой закупки были отправлены в Данциг, откуда должны были перелететь на аэродром Витебска [5, ф. 413, оп. 2, д. 1379, л. 78об.].

У Коппа имелось несколько источников финансирования торговых операций. Во-первых, он получил права на депозит в банке Мендельсонов, который оставил там первый Генеральный консул РСФСР в Германии В.Р. Менжинский еще в октябре 1918 г. [2, ф. 9501, оп. 6, д. 5, л. 158об.; 4, ф. 2, оп. 1, д. 26549, л. 1]. Вторым источником финансирования стали бриллианты и бумажные деньги, поступавшие на имя Коппа из Москвы в запечатанном 250 гр. пакете, который не подлежал вскрытию германскими властями [5, ф. 413, оп. 2, д. 1379, л. 74об.]. После подписания мирного договора между РСФСР и Эстонией в феврале 1920 г. важным источником снабжения стало советское полпредство в Ревеле (Таллинне). Кроме того, деньги переводились из Швеции, куда большевики в 1919–1920 гг. переправили значительные запасы золота [5, ф. 413, оп. 6, д. 15, л. 9–10]. В проведении операций в Берлине Коппу помогали банкиры О. Маркевич (или О. Маркович?) и Александр (или Александр?), возглавлявший «Дейче Ориентбанк».

Советским закупкам вооружений в Германии мешало многое: комиссии Антанты, которые в Веймарской республике искали и уничтожали немецкое военное имущество; отсутствие надежной связи с Москвой и недобросовестные дельцы. Так, представители берлинской фирмы «Михлер и К°», получив от Наркомата торговли и промышленности (с июля 1920 г. – Наркомата внешней торговли (НКВТ)) задаток в 400 000 руб. за самолеты «Юнкерс», машины заказчику не поставили [5, ф. 413, оп. 2, д. 367, л. 475; оп. 6, д. 12, л. 56–56об.].

Поражение в войне с Польшей 1920 года выявило существенное военно-техническое отставание Красной армии от вооруженных сил передовых стран. В Москве эту проблему попытались снять в кратчайшие сроки за счет заграничных закупок. 1 сентября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об образовании при Совете труда и обороны Временного совещания по снабжению РККА, которое возглавил председатель Ревво-

енсовета и нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий [4, ф. 17, оп. 3, д. 106, л. 4]. В конце того же месяца на заседании Управления чрезвычайных уполномоченных по снабжению армии и флота (Чусоснабарма) была создана комиссия по пересмотру планов заграничных закупок [5, ф. 413, оп. 6, д. 2, л. 2], которая вскоре после начала работы (по одним данным 23 сентября, по другим – 1 ноября 1920 г. [5, ф. 413, оп. 6, д. 2, л. 3; д. 35, л. 16]) приняла решение об образовании специального отдела экстренных заказов (спотэкзака), которому поручались военные закупки за рубежом.

С сентября по декабрь 1920 г. в Чусоснабарме и спотэкзаке были определены объемы и характер товаров для РККА и военной промышленности РСФСР [5, ф. 413, оп. 6, д. 3, л. 7–105]. На выполнение импортного плана специальной комиссией ВСНХ под председательством П.А. Богданова спотэкзаку выделялась колоссальная сумма в 255 654 872 руб. 25 коп. золотом [5, ф. 413, оп. 6, д. 28, л. 2], из которых 13 691 246 руб. 75 коп. предполагалось потратить на военно-воздушные силы РСФСР. К 15 марта 1921 г. сумма заказов военных ведомств повысилась до 265 173 956 руб. 75 коп. [5, ф. 413, оп. 6, д. 28, л. 3] (!), из которых на авиацию ассигновалось 53 899 426 руб. 75 коп. золотом и 3 034 000 николаевскими рублями. Если учесть, что еще 2 585 000 николаевских рублей предполагалось потратить на Всеобуч, то станет очевидно, что большевики в конце 1920 – начале 1921 г. готовились к новой большой войне, которая могла перерасти в германскую и, следовательно, мировую революцию [8]. Временем начала бойни могли стать совпадающие по времени два события: обострение немецко-польских отношений из-за плебисцита о принадлежности Верхней Силезии, назначенного на 20 марта 1921 г., и новое давление на Германию стран Антанты по вопросу репараций. Планы тех, кто мечтал о новой войне и революции сорвали голод, охвативший пространства бывшей Российской империи, и рост антибольшевистских выступлений, где одними из самых заметных стали Тамбовское и Кронштадтское восстания. Советские лидеры вынуждены были ввести НЭП, что повлекло изменения не только во внутренней, но и во внешней политике. Отражением стало заключение РСФСР с Польшей Рижского мира за два дня до плебисцита в Верхней Силезии и переориентация сумм, зарезервированных на закупку за границей вооружений на приобретение за рубежом продовольствия и сельхозтехники [7]. Но и после этих изменений спотэкзаку в 1921 г. осталось не мало – 25 517 395 руб. 68 коп. золотом [5, ф. 413, оп. 6, д. 28, л. 2]. Из них на авиацию выделялось 2 240 000 руб. [5, ф. 413, оп. 6, д. 28, л. 8об.].

С осени 1920 г. для закупок и изучения технологических достижений в Веймарскую республику стали выезжать советские военные специалисты. Среди первых – четыре представителя Главного управления Рабоче-крестьянского воздушного флота [5, ф. 413, оп. 6, д. 13, л. 3, 7, 9]. Входящий в группу летчик, кавалер ордена Красного Знамени Е.И. Гвайта в конце 1920 – начале 1921 гг. посетил практически все ведущие предприятия Германии, связанные с авиацией. В частности, заводы «Майбаха» и «Бенца», которые ранее выпускали авиадвигатели, а также фирмы «Люфт» и «Бамберг», производившие точные измерительные приборы [5, ф. 413, оп. 6, д. 12, л. 145, 147.]. Итогом миссии стали советские заказы на этих заводах моторов, компасов, альтиметров, бензиновых часов, аэрофотографического оборудования и т.д. [5, ф. 413, оп. 6, д. 3, л. 72; д. 13, л. 105, 106]. Еще БОльший интерес у Е. Гвайты вызвали предприятия «Юнкерса», «Заблатника» и Цепеллина. Здесь немцы показали советскому летчику практически все свои достижения в авиации и воздухоплавании. В отчетном докладе от 26 января 1921 г. Гвайта отметил, что большинство осмотренных им предприятий из-за санкций Антанты выпускало «ничтожное количество» машин, работало не ритмично, а конструкторы не проявляли инициативы. Исключением стала фирма «Юнкерс», выполнявшая большие американские заказы. Увиденное привело советского летчика к такому выводу: «...в настоящий момент на большинстве германских заводов учиться нечему. Большой интерес представляют только оборудование и другие следы той колоссальной работы, которую заводы выполняли во время войны. В этом отношении германской промышленностью было сделано так много, что <...> было бы весьма целесообразно пересадить часть какого-нибудь крупного предприятия в Россию» [5, ф. 413, оп. 6, д. 12, л. 134]. Для достижения цели Гвайта провел переговоры с руководством немецких заводов. На «Бенце» проект переноса части производства в Россию вызвал интерес, на «Майбахе» к нему отнеслись прохладно, но выразили готовность поделиться с советскими инженерами «достигнутым опытом в организации и постановке работ». Горячую поддержку планы Гвайты нашли лишь у директора Союза германской авиационной промышленности Казингера и профессора Г. Юнкерса [5, ф. 413, оп. 6, д. 12, л. 135, 137–138, 145–146].

Помимо планов переноса немецкой индустрии в Советскую Россию Гвайта предложил проект воздушного моста между Германией и РСФСР по маршруту Кенигсберг – российский пункт на границе с Литвой – Толотно – Смоленск – Гжатск – Москва [5, ф. 413, оп. 6, д. 12, л. 148, 153–155]. Немцы идею поддерживали, но выразили опасения, что проект будет нерентабельным. Кроме того, опасались конфискации самолетов большевиками. В Москве план Гвайты вызвал противостояние руководства РККА, НКВД и НКВТ, поддержавших план, с Особым отделом ВЧК, опасавшегося шпионажа [5, ф. 413, оп. 6, д. 13, л. 40, 40об., 41, 74]. В итоге проект одобрили. 8 ноября 1921 г. было создано советско-германское общество воздушных сообщений «Дерулюфт», директором которого со стороны РСФСР стал Гвайта [3, с. 67].

Весной 1921 г. РСФСР и Веймарская республика взяли курс на долгосрочное военное сотрудничество, что нашло отражение в создании по инициативе Г. фон Секта при германском военном министерстве «Зондергруппы Р» ((Россия), в советской терминологии «Вогру» – военной группы) [1, с. 50]. Летом 1921 г. прошли плодотворные переговоры Коппа с представителями флагмана военной промышленности Германии – фирмой Круппа. Осенью того же года этот советский представитель проинформировал председателя ВСНХ П.А. Богданова о первом крупном заказе

рейхсвера для советской промышленности, который включал, в частности, 1000 самолетов [1, с. 55–56].

Конец 1921 г. ознаменовался еще одним важным результатом. Как следует из доклада В. Коппа Л.Д. Троцкому от 20 декабря (копии В.И. Ленину, Г.В. Чичерину, К. Радеку и Н.Н. Крестинскому), ему удалось обговорить рамки нового соглашения с Вогру и «Юнкерсом» по созданию на территории РСФСР советско-германского авиационного предприятия [4, ф. 5, оп. 1, д. 2376, л. 16–17 об.]. Учредителями выступали советское правительство, Вогру и «Юнкерс». Доля каждого участника капитализировалась в золотом исчислении. Правительство РСФСР предоставляло недвижимое имущество (фабричные строения, аэродромы, подъездные пути, квартиры рабочим и т.д.), Вогру – финансы, а «Юнкерс» – специальное оборудование и технические разработки. Причем фирма обязывалась содержать предприятие, создаваемое в России, на уровне своих заводов в Германии. Итогом контактов с «Юнкерсом» станет соглашение о строительстве в РСФСР авиационного военного предприятия, подписанное в марте 1922 г.

В заключение отметим. В 1919–1921 гг. был заложен фундамент советско-германского сотрудничества в военной авиации, которое получило дальнейшее развитие с подписанием Рапалльского договора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горлов, С. А. Совершенно секретно: Москва – Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией / С. А. Горлов. – М. : ИВИ РАН, 1999. – 360 с.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Карташёв, А. В., Фирсов, Р. А., Хайрулин, М. А. Судьба лётчика Евгения Гвайты / А. В. Карташёв, Р. А. Фирсов, М. А. Хайрулин // Военно-исторический вестник. – 2015. – № 8. – С. 64–70.
4. Российский государственный архив социально-политической истории.
5. Российский государственный архив экономики.
6. Черноперов, В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. / В. Л. Черноперов. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. – 436 с.
7. Черноперов, В. Л. Несколько штрихов к золотовалютной политике большевиков на фоне голода 1921 г. / В. Л. Черноперов // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XIII Междун. науч. конф., Иваново, 12–13 марта 2014 г.: В 2 ч. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – С. 688–694.
8. Черноперов, В. Л. «Пацифистской мелодии не должно быть в коммунистической критике Версальского мира»: планы советского представителя в Берлине В. Л. Коппа по революционизированию Германии в 1920–1921 гг. / В. Л. Черноперов // Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна : Сб. материалов международной научной конференции / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – С. 196–197.
9. Meier-Welker, H. Seeckt / H. Meier-Welker. – Frankfurt a. M.: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen. 1967. 744 s.

ПРОБЛЕМА «ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ» В ПОЛИТИКЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, 1918–1922

Борисова А.А. (г. Воронеж, Россия)

Первая мировая война, закончившаяся поражением Германской и Австрийской держав, перекроила всю карту мира. Версальский договор определил всю послевоенную жизнь Германии. Подписав под давлением союзников униженный Версальский мирный договор, германские правящие круги старались добиться его ревизии и вернуть Германии утраченный ею статус великой державы. Это стало главной целью во внешней политике германского правительства.

Одной из проблем германского правительства была проблема «восточных территорий». Виною тому был Версальский договор, территориальные постановления которого создали неравные условия для возрожденной Польши и Веймарской республики и породили массу проблем во взаимоотношениях этих двух стран. То, как была определена германо-польская граница не удовлетворило ни Германию, ни Польшу. И та, и другая сторона считала свои интересы ущемленными. Немцы, естественно, не желали отдавать свои земли, пусть даже они были исконно польскими, а поляки стремились к увеличению территории за счет Германии, Литвы, Чехословакии и Советской России.

Яблоком раздора между двумя странами стала Верхняя Силезия. Верхняя Силезия уже с XIV в. не входила в состав польского государства, подпав под власть Пруссии в годы Семилетней войны. Поэтому Верхняя Силезия являлась смешанной территорией, заселенной немцами и поляками. Согласно немецким данным на территории Верхней Силезии (12 тыс. км²) проживало 2 млн. 100 тыс. человек. По утверждению польских исследователей 64–67 % из них были поляками, причем распределение этого населения не было равномерным: значительная часть немецкого населения проживала в восточной части Верхней Силезии, а польского – в западной. В Верхней Силезии существовала отчетливая связь между социальным статусом и национальностью. Крупные землевладельцы, представители бизнеса были почти исключительно немцами, в то время как поляки в основном занимались наемным трудом и сельским хозяйством.

Германия пыталась сохранить этот высокоиндустриальный район за собой. 27 ноября 1920 г. рейхстагом был принят закон об автономии края. Германские власти обещали проведение аграрной реформы. Польша не

меньше была заинтересована в том, чтобы этот богатый индустриальный край с металлургическими предприятиями отошел к ней.

Статья 88 Версальского договора предусматривала проведение плебисцита в Верхней Силезии, причем Германия обязывалась отказаться в пользу Польши от той части плебисцитной области, которая должна была отойти Польше. На период подготовки и проведения плебисцита управление территорией взяла на себя Межсоюзническая комиссия по управлению и проведению плебисцита в Верхней Силезии, которая состояла из представителей Франции, Великобритании и Италии.

Германия до плебисцита полностью не лишалась суверенитета над Верхней Силезией, а проживающие на ее территории немецкие граждане сохраняли прежний правовой статус. Однако Межсоюзническая комиссия имела право вмешиваться в действующее законодательство и даже в конституцию. Поэтому фактически режим, установленный в период до проведения плебисцита можно охарактеризовать как оккупационный, однако, он был установлен с санкции Парижской мирной конференции, следовательно, был легитимным.

Плебисцит в Верхней Силезии состоялся 20 марта 1921 г. Всего к участию в плебисците было допущено 1,2 млн. человек, т.е. подавляющее большинство, имевших право голоса. За переход Верхней Силезии в состав Германии проголосовало 59,7 %, за вхождение в состав Польши – 40,3 %. При суммировании результатов плебисцита, оказалось, что из 192 тыс. голосов эмигрантов только 10 тыс. были за Польшу [4, S. 792]. Такие результаты можно однозначно оценить как поражение Польши.

В Германии результаты плебисцита встретили с воодушевлением. С точки зрения немцев, исходя из результатов голосования, вся Верхняя Силезия должна была остаться в составе республики. Однако Версальский договор четко не фиксировал того, как поступать в данной ситуации. Договором не исключалась возможность раздела, в случае которого Германии и Польше должны были отойти те территории, где большинство населения проголосовало за соответствующую сторону [10, S. 232].

В связи с тем, что Германия заявила о невозможности выплаты репараций в случае, если ее лишат Силезского промышленного района, Великобритания и Италия предлагали оставить за Германией наиболее промышленно развитые районы Верхней Силезии, Франция же, опасаясь усиления своего врага Германии, хотела передать эти территории Польше.

Союзники предпочли разделить Верхнюю Силезию. Теперь они должны были провести границу, «принимая во внимание волеизъявление жителей, а также географическое и экономическое положение населенных пунктов». Правительственный кризис в Германии завершился формированием нового кабинета во главе с Й. Виртом. Новый рейхсканцлер стремился сохранить Верхнюю Силезию за Германией, особенно промышленные районы [9, S. 50]. Й. Вирт был искренне уверен в принадлежности этой территории Германии. По его мнению, любой раздел превратил бы ее хозяйство в «руины». Однако правительство Германии понимало, что судьба Верхней Силезии решается не путем военного противостояния, а на межсоюзных конференциях.

Державы Антанты, вмешавшись в ход верхнесилезских событий, продолжали ожесточенные споры по проблеме германо-польской границы. Во Франции были сильны антигерманские настроения. Глава французского правительства А. Бриан, выступая в парламенте, настаивал на праве Польши на Верхнюю Силезию. В ответ Й. Вирт поместил статью в газете «Дойче альгемайне цайтунг», которая была широко распространена за границей. В ней он выступил против «исторических, правовых, моральных и экономических претензий» поляков [5].

Союзники так и не пришли к единому мнению, поэтому Верховный совет Антанты 12 августа 1921г. передал решение вопроса в Лигу наций, которая создала специальную комиссию. Германия не могла повлиять на выбор вызывавшихся в Женеву свидетелей, поскольку, в отличие от Польши, не была членом этой международной организации. 12 октября 1921 г. Лига Наций приняла решение по Верхней Силезии. Польша получила 29 % плебисцитной области, в том числе 85 % силезской промышленности с 46 % населения, т.е. примерно миллион человек [8, S. 135]. В отошедших к полякам районах были сконцентрированы наиболее крупные промышленные предприятия, владельцами которых оставались немцы. Германия же получила ту часть Верхней Силезии, где находились источники сырья. Временно, на несколько лет устанавливался беспошлинный ввоз верхнесилезских промышленных товаров в Германию [1, с. 79]. В случае отказа Германии признать это решение Лиги наций, были предусмотрены санкции.

В 1922 г. в польской части Верхней Силезии жили примерно 260 тыс. немцев, что составляло 25 % всего населения Верхней Силезии. В результате Германия потеряла в первую очередь население – чуть меньше миллиона. К Польше отошли города Каттовице, Кенигсхюте и другие с преимущественно немецким населением. «Верхнесилезский вопрос, – подчеркивал Й. Вирт, – не столько польско-немецкая, сколько европейская и мировая политическая и экономическая проблема» [7, S. 66]. Характер проведения разграничительной линии свидетельствует о компромиссном варианте, что в условиях этнической чересполосицы было единственно возможным решением. В результате проведения границ с обеих сторон остались сотни тысяч людей, которые принадлежали к этническим меньшинствам.

Документом, регулирующим вопросы управления Верхней Силезии, стала Женевская конвенция, подписанная между Германией и Польшей 15 мая 1922 г. и состоявшая более чем из 700 статей [6]. 15 июня она вступила в силу и имела ограниченный срок действия 15 лет, до 1937 г. Принимавший участие в подготовке ее текста немецкий делегат О. Шиффер прямо заявил, «что немцы будут выполнять условия конвенции до тех пор, пока их

к этому принуждают» [3, с. 40]. Однако именно благодаря его настойчивости удалось добиться в целом благоприятного для Германии результата. В целом конвенция предоставляла немецкому населению довольно широкие полномочия, но и она не стала панацеей от национальных противоречий между немцами и поляками [2, с. 38].

Практическая передача Польше части Верхней Силезии произошла в июне 1922 г. Формально верхнесилезский вопрос был решен. Однако это незначительно ослабило напряженность в отношениях двух стран. Верхняя Силезия оставалась в немецком общественном сознании вещественным доказательством польско-французского заговора против Германии.

После плебисцита и раздела Верхней Силезии по решению Совета Лиги Наций в июне 1922 г. резко активизировались процессы переселения и миграции как с немецкой, так и с польской частей. Из Великой Польши тысячами эмигрировали чиновники, судьи, учителя, предприниматели, а с польской части Верхней Силезии – сотни техников и инженеров. В 1921-1924 гг. из Верхней Силезии, по оценкам З. Урбаньского эмигрировало 100 тыс. человек. Однако немецкое национальное меньшинство по-прежнему удерживало экономические позиции и оказывало огромное влияние на политическую жизнь Польши, о чем красноречиво свидетельствовали выборы в силезский сейм, а также в польский сейм и сенат.

Раздел Верхней Силезии между Германией и Польшей не удовлетворил обе стороны. Затаенная обида немцев на поляков и союзников прорвалась наружу 1 сентября 1939 г., когда фашистские войска напали на Польшу. Окончательное решение верхнесилезский вопрос получил лишь после ее окончания. Решением Потсдамской конференции 1945 г. была определена граница между Польшей и Германией по рекам Одере-Нейсе и, соответственно, большая часть Силезии вошла в состав Польши, а все немецкое население провинции было депортировано в Германию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Германская история в новое и новейшее время / С. Д. Сказкин [и др.]. – М. : Наука, 1970. – Т. 2. – 606 с.
2. Борисова, А. А. Правовое положение немцев в Польше после окончания Первой мировой войны / А. А. Борисова // Актуальные проблемы развития общества, экономики и права : сб. науч. ст. молодых преподавателей и аспирантов. – М. : НОУ ВПО «МУ им. С.Ю. Витте», 2012. – С. 35-41.
3. Климовский, Д. С. Германский империализм – злейший враг Польши : из истории германского реваншизма после Версаля / Д. С. Климовский – Минск : Изд-во мин-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963. – 72 с.
4. Chronik der Deutschen. – München : Chronik Verlag, 1995. – 2320 S.
5. Deutsche Allgemeine Zeitung. – 25. Mai 1921. – № 237.
6. Deutsch-polnisches Abkommen über Oberschlesien vom 15. Mai 1922. – Berlin, 1922. – 261 S.
7. Die Gebietsverluste in Oberschlesien vor dem Reichstag 26. Oktober 1921. Rede des Reichskanzlers Dr. Wirth // Verhandlungen des Reichstags. – Bd. IV. – S. 66-68.
8. Krueger, P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar / P Krueger. – Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1993. – 605 S.
9. Laubach, E. Die Politik der Kabinette Wirth 1921/1922 / E. Laubach. – Lubeck-Hamburg : Matthiesen-Verlag, 1968. – 344 S.
10. Schulze, H. Weimar : Deutschland 1917-1933 / H. Schulze – Berlin : Siedler Verlag, 1982. – 462 S.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И АДАПТАЦИИ РОССИЯНОК В «РУССКОМ БЕРЛИНЕ» 1920-Х ГОДОВ: МЕЖДУ БЫТОМ И ТВОРЧЕСТВОМ

Чуракова О.В. (г. Архангельск, Россия)

Проблема успешной адаптации вынужденных эмигрантов (беженцев) к условиям страны-реципиента представляется весьма актуальной в начале XXI века. Смена места жительства всегда сопровождается корреляцией ролевого поведения, национальных, этнических, личностных автостереотипов. Для изучения подобных явлений плодотворно обращение к опыту прошлого, например, к одной из страниц судьбы российской эмиграции – казусу «Русского Берлина». В историографической и литературной традициях данное понятие обозначается без кавычек, как устоявшееся словосочетание.

Усиленная колонизация эмигрантами из России определенных районов (не самых бедных!) и пригородов Берлина началась сразу после окончания Первой мировой войны, но особенно усилилась в период изгнания из страны Советов инакомыслящих в начале 1920-х годов. Один из эмигрантов, художник Симон Сегаль отмечал: *«Вот уж подлинно – мирное завоевание! А немцы – ничего, привыкли. И даже Шарлоттенбург шутливо переименовали в Шарлоттенград»*. По образному выражению Николая Набокова, двоюродного брата известного писателя, в начале 1920-х *«весь Берлин был залит русским борщом»*[11]. Поэт Владислав Ходасевич иронично называл столицу Германии «мачехой российских городов».

По поводу мотиваций приезда именно в этот город огромного числа славянских беженцев есть различные мнения, как и разняться между собой описания условий их обитания в Берлине. С одной стороны, экономические условия жизни для тех, кто приезжал сюда с иностранной валютой (например, долларами), были лучше, нежели в других городах Европы, так как немецкая марка падала в цене. Поэтому мифы о «почти нищенском существова-

нии» всех выходцев из России были, по их же словам, «несколько преувеличены» [8]. Картины того, как «триста тысяч русских разных национальностей бродят в трещинах гибнущего города» авторами популярных публикаций берутся из описаний Берлина ре-эмигрантами, например, из текстов Виктора Шкловского [7].

С другой стороны, как и повсеместно в зарубежном Русском мире, психологический процесс вживания в новую социокультурную среду в Берлине проходил весьма сложно, с ощущениями чужеродности и временно-сти пребывания. «Жестокая жизнь вне родины, всегда везде чужие» (Т. Франк) [14, с. 332]. Один из сотрудников Комитета по расселению беженцев в Стамбуле (Константинополе – в русском варианте) определил беженство как «медленную духовную, моральную и нравственную смерть» [3, с. 109].

Кроме того, у каждой из социальных страт эмигрантов в Берлине были свои слабые и сильные стороны. У аристократов первой волны были, финансовые ресурсы, знание языков, опыт жизни за границей, но не было трудовых навыков. Эмигранты «среднего класса» были готовы братья за любую работу, но мешал «языковой барьер». У изгнанников – «мыслителей» был интеллектуальный потенциал, позволяющий рассчитывать на получение адекватной работы в научных кругах. Однако, большинству из них пришлось пережить определенные стадии адаптации (исследователи используют также концепты «аккультурация», «интеграция», «ассимиляция», «натурализация», «дационализация») к новой социокультурной среде в ускоренном режиме, что порождало стрессовые ситуации.

Ещё тяжелее, нежели неустроенность и лишения («голодать русские писатели привыкли» (Е. Замятин) [6]), российская творческая интеллигенция переносила социальную невостребованность, невозможность служить родной стране. По мнению философа Николая Арсеньева, «смысл существования русской эмиграции... в её служении... Эмиграция – ... это одна сотая русского народа, она – свободна ... и должна продолжать его духовную традицию» [1, с. 170].

Эмигрантам 1920-х годов в Берлине удалось развернуть религиозно-философскую, научную, педагогическую, творческую деятельность. Смогли найти себя в «новой жизни» и женщины, чьи имена вписаны в историю русского зарубежья лишь отчасти, несмотря на то, что именно они являлись в Русском мире главными хранительницами национальной идентичности» [3]. Флагман российской феминологии Н.Л. Пушкарева выделяет четыре вида российской эмиграции: политическая, экономическая, религиозная и «отъезд деятелей культуры» [10, с. 18]. В свою очередь, женскую составляющую последнего потока (интеллектуальной эмиграции) можно разделить на подвиды в соответствии с коммуникативными практиками адаптации и выживания в новой среде. Это могли быть пути политической, общественной (религиозной, благотворительной и др.), научной, творческой самостоятельной деятельности или помощь в этих сферах мужьям, либо – просто забота о семье и доме.

Путь политической активности избрала, например, Екатерина Дмитриевна Кускова, видная деятельница революционного, либерального, кооперативного и масонского движений в России, одна из организаторов Помгола. Общественный Всероссийский комитет помощи голодающим выполнил свою задачу в 1921 году, однако, активисты ВКПГ были высланы из страны. «Крестная мать» Помгола в Берлине продолжила заниматься общественной деятельностью. Кускова была избрана председателем Берлинского комитета помощи заключённым и ссыльным в России (Политического Красного Креста). Показательно, что Е.Д. Кускова («Письма из Берлина») выступала против вооруженной борьбы с большевиками, предостерегая от развязывания новой гражданской войны.

Еще одна «спасительная» стратегия, которая была доступна очень небольшому кругу эмигранток – это занятие наукой. Берлин не стал таким же научным центром для российских ученых женщин, как некоторые города США. Тем не менее, деятельность женщин – ученых здесь вполне могла быть реализована. Это важный фактор самосохранения, так как для людей умственного труда зачастую приоритетнее духовная составляющая, нежели вопросы быта. Это подтверждают выводы исследователей русского зарубежья: «важнее духовная почва, которая и питает каждого эмигранта – подданного идеи: насыщенная почва культуры российской» [4, с. 154].

Сродни научной стезе было для эмигранток творчество художественное: театральное, балетное, занятие искусством и литературой. Оно выполняло двойные функции: было способом самореализации и выживания. Самыми продуктивными из видов творчества в Русском Берлине, были, вне сомнения, литературная, переводческая и журналистская сферы деятельности. Этому способствовал издательский бум: в начале 1920-х годов в Германии существовало 87 издательств, из них 48 – в Берлине [2]. «Нас печатали, надо было только не лениться, работать», – вспоминала Нина Берберова [8]. Она получила здесь свой первый гонорар, а Марина Цветаева опубликовала первую поэму – сказку «Царь-девица». Так, русские издательства в Берлине дали «зеленый свет» многим начинающим поэтам и писательницам. Зинаида Гиппиус писала, что «чаша русской литературы из России выброшена, и все, что было в ней, брызгами разметалось по Европе...» [12, с. 30]. Немалая часть этих «брызг» достигла и Берлина.

Многие российские жительницы столицы Германии не только сами занимались литературной и журналистской деятельностью, но и помогали публиковаться мужьям. Соратницы опальной российской творческой интеллигенции выполняли двойные функции: Муз – вдохновительниц их творчества и хранительниц семейного очага. Вместе с мужьями они занимались искусствоведением, философией истории, делали им переводы, продвигали на рынке продукты их творчества. Таким образом, супружество становилось важным фактором социальной адаптации. Как правило, именно жены эмигрантов организовывали новое жизненное пространство: получали документы в период изменения паспортно-визовых режимов в 1920-е и 1930-е гг. в Германии, искали работу и съемные квартиры, занимались обустройством семейного быта.

Кроме того, жизнь в союзе с родным по духу человеком помогала эмигрантам преодолевать кризис эт-

нической и национальной идентичности. По мнению Б. Поплавского, в изгнании «значение любимого существа сразу же удешевляется и отношения переносятся в религиозный план» [9, с. 205]. Были соратницами мужей Т. С. Франк, Л. Н. Карсавина, Н. Н. Вокач (жена И. Ильина), Н. Н. Никольская (супруга Ф. Степуна), Л. Ю. Бердяева и др. «Вопрос обо мне я решила, я иду с ним, куда бы то ни было», – писала Татьяна Сергеевна Франк, жена философа Семена Франка [13, с.215-216].

Явление Русского Берлина было весьма непродолжительно. В конце 1923 г. из Берлина начался исход русской интеллигенции. Н. Берберова вспоминала: «Мы не остались в Берлине, где нам жить было нечем... В магазинах уже не было ни хлеба, ни мяса, жизнь стала невыносимой...» [8]. Вне сомнения, сказалась и эскалация ксенофобии немцев в период экономического кризиса. В 1923-1924 гг. большое количество российских эмигрантов покинуло Берлин. После прихода к власти нацистов из страны уехали евреи, составлявшие значительную часть российской колонии немецкой столицы (диаспору Русского Берлина в современной историографии часто называют «русско-еврейской»). Женщинам вновь предстояло наладить быт и культурные коммуникации на новом месте, не только не потеряв национальную идентичность, но и воспитав в ее духе новое поколение. Стоит согласиться с мнением специалистов по истории женской эмиграции 1917–1939 гг., что это «явление не только социально-политическое, но и культурное. Массив духовных и научных ценностей, оставленный потомкам лучшими представительницами русского зарубежья ..., позволяет ... с полным правом отнести их к явлениям мировой культуры» [3, с. 108].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути / Н.С. Арсеньев. – СПб.: Вестник, 2013. – 453 с.
2. Баркова О.Н. Печатное слово в эмиграции и женщины русского Зарубежья «Первой послереволюционной волны» 1917-1939 гг. // История отечественных СМИ. – 2012. – № 1. – С. 148-161.
3. Баркова О.Н. Женщины русского зарубежья (1917-1939 гг.): сохранение национально-культурной идентичности // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. 7– 2012. – № 5. – С.108-126
4. Баркова О.Н. «Они не могли уйти только в одну науку...»: женщины – ученые русского зарубежья 1917–1939 годов// Клио. – 2016. – № 12(120). – С.153-162.
5. Демидова О.Р. Аксиология эмигрантской повседневности: женский взгляд // История повседневности. 2018. – № 1 (6). – С. 105– 118.
6. Замятин Е. Я боюсь / Е. Замятин. Сочинения. – М.: Книга, 1988. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1921_ya_bous.shtml– Дата доступа: 12.01.2014
7. Как жили русские эмигранты в Берлине //ДИЛЕТАНТ. – 26 апреля 2017. – Режим доступа: <https://weekend.rambler.ru/read/38906909-kak-zhili-russkie-emigranty-v-berline/> – Дата доступа: 14.07.2019.
8. Медведев Феликс «Мой успех в Москве – это чудо». Провожая Нину Берберову в Америку // Электронная библиотека Александра Белусенко. – Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/Berberova/berberova_interview_2.htm– Дата доступа: 11.07.2019.
9. Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. – 1934. – кн.10. – С. 200-205.
10. Пушкарева Н.Л. Пути формирования русской диаспоры // Этнографическое обозрение. –1992. – № 6. – С. 13–22.
11. Рахманова А. Берлин – «мачеха русских городов» // Моя библиотека. – Том 3: – Режим доступа: <https://mybiblioteka.su/tom3/2-65765.html>– Дата доступа: 04.07.2019.
12. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А.Г. Соколов. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 180 с.
13. Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 588 с.
14. Франк Т.С. Наша любовь // С.Л. Франк. Саратовский текст. –Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – 283 с.

ГЕРМАНСКИЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ (ФАШИЗМ): ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

В.А. Космач (г. Витебск, Беларусь)

Видный советский историк-германист, авторитетный специалист по истории германского фашизма **А.А. Галкин** в своей работе «Социология неофашизма», изданной в Москве в 1971 г. в свое время подчеркивал, что «даже обе “классические” формы фашизма заметно отличались друг от друга. Степень поглощения гражданского общества фашистским государством в Германии была значительно выше, чем в Италии. Существенно большей, чем в Италии, была концентрация власти. Фашистский террор в “третьей империи” был более массовым и жестоким. В идеологии итальянского фашизма расовые теории занимали гораздо меньшее место, чем у национал-социалистов. Соответственно по-иному использовалась расовая политика»¹.

В своей книге «Германский фашизм» **А.А. Галкин** отмечал, что «действительно, как предварительное, так и более глубокое ознакомление с идеологией национал-социализма создает ощущение беспрецедентного эклектизма. Аристократизм и «народность», национализм и идея наднациональной общности фашистов, антика-

¹ Галкин А.А. Социология неофашизма. М, 1971. С. 65.

питализм и теория созидательного капитала, проповедь автаркии и идеи единого европейского рынка, расистское оправдание кастовости и проповедь народной общности, возведенное в теорию презрение к массе и провозглашение человека труда солью фашистского общественного строя»².

Г.С. Филатов, исследуя природу и сущность фашизма, также подчеркивал его специфику. Он отметил: «Как правило, лозунги итальянских фашистов носили более претенциозный характер, а результаты их реализации оказывались гораздо более ограниченными, чем у немецких коллег. В области внутренней политики это наблюдалось прежде всего при попытках решать социальный вопрос путем построения «корпоративных государств» и осуществления крайних форм политики экономической автаркии. Существенными были различия и в степени воздействия на жизнь страны. Несмотря на все старания Муссолини стать единоличным и полновластным правителем Италии, в стране сохранились монархия и юридически главой государства оставался король. Значительное влияние на настроение католических масс оказывал Ватикан... Все это, безусловно, несколько ограничивало фашистскую диктатуру. Однако главная причина отсутствия внутренней стабильности итальянского фашизма заключалась в том, что ему никогда не удавалось полностью подчинить своей воле народные массы, подавить сопротивление и привить итальянцам “железную дисциплину”»³.

Отдельные идеи были действительно заимствованы германскими национал-социалистами у своих итальянских единомышленников. «Неверно, что события в Италии не оказали на нас влияния, – говорил в одной из доверительных бесед своим приближенным А. Гитлер. – Движение коричневорубашечников не смогло бы возникнуть без движения чернорубашечников... Один тот факт, что дело может удасться, дал нам огромный толчок. Я не уверен, смогли ли бы мы удержаться, если бы марксистам удалось бы тогда взять верх над Муссолини»⁴. Однако в целом, по замечанию А.А. Галкина, влияние итальянских чернорубашечников на НСДАП носило не столько идеологический, сколько политический характер⁵.

Главной, ключевой чертой и характеристикой германского национал-социализма (фашизма) и одновременно его основной особенностью и отличием от других «фашизмов» и «полуфашизмов», и это, **во-первых**, является **расизм** и покоящийся на его основе **агрессивный антисемитизм**⁶. Изначально А. Гитлер и национал-социалисты объявили ключевой основой, ядром и важнейшей составной частью своего «органического мировоззрения», системной базой идеологии политики национал-социалистического движения учение о превосходстве над другими народами и нациями «арийской расы», к которой относили прежде всего в основном немцев (тевтонов)⁷. По А. Гитлеру и основному идеологу германских национал-социалистов А. Розенбергу, вся история человечества – это история борьбы рас, и прежде всего двух рас: иудейско-сирийско-римской и арийско-нордической.

В «Библии германского национал-социализма», книге А. Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба»), ее автором было специально подчеркнуто⁸: «Если мы разделим все человечество на три группы: 1) основателей культуры, 2) носителей культуры и 3) разрушителей культуры, то представителями первых двух групп будут, пожалуй, только одни арийцы. Именно арийцы создали, так сказать, фундамент и стены всех человеческих творений. Другие народы наложили свой отпечаток только на внешнюю форму и окраску. Все основные планы человеческого прогресса, – все это дал ариец. Другим расам принадлежало только выполнение планов». По мнению А. Гитлера, «арийцы велики не своими духовными качествами как таковыми, а только своей готовностью отдать эти способности на службу обществу. Инстинкт самосохранения принял у арийцев самую благородную форму, ибо ариец подчиняет собственное «я» жизни общества, а когда пробьет час, ариец охотно приносит себя в жертву общим интересам... И вот эта готовность к личному самопожертвованию, готовность жертвовать своим трудом, а если нужно, то и жизнью для других – больше всего развита у арийцев»⁹.

По А. Гитлеру и А. Розенбергу, в основе различий рас и расовых типов лежит прежде всего биологический фактор – кровь и обусловленные кровью различные физические и духовные характеристики. «Арийская расовая теория» была разработана французским литератором **Жозефом Артюром де Гобино**, который, выделив три основные расы по цвету кожи (белую, желтую и черную), считал высшей расой белую, а внутри нее на первое место ставил «арийцев»¹⁰. Идеологи нацизма считали, что «северные народы» или «германские народы» и есть «истинные арийцы», а среди них наиболее «полноценные» – северогерманские племена (народы), а не южные, к которым принадлежал и сам А. Гитлер. «Арийцы» – это «высшая раса», по А. Гитлеру и его предшественникам-единомышленникам, а также тем, кто разделял его расистские взгляды, все остальные – это «низшие расы» и «недочеловеки» («Untermenschen»)¹¹.

² Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 283.

³ Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 5-6.

⁴ Цит. по: Picker H. Hitlers Tischgespräche. Bonn, 1951. S. 41.

⁵ См.: Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 277.

⁶ См.: Бессонов Б.Н. Фашизма: идеология и политика. М., 1985. С. 121-134.

⁷ См.: Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 287-293.

⁸ Цит. по: Гитлер А. Моя борьба. М., 2000. С. 243.

⁹ Там же. С. 249-250.

¹⁰ См.: Космач В.А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889-1924 гг.) История. Суждения. Мнения. Оценки: монография. Псков, 2016. С. 224.

¹¹ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: в 2 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 128-130.

Примечательно, что нацисты, провозглашая **немецкую расу** «высшей расой», носительницей «лучших человеческих качеств», тем не менее, сам немецкий народ делили на две неравные части – на громадное большинство, которое состоит либо из «нечистых арийских элементов», либо из «арийцев», лишенных «признаков господ», и на меньшинство – «чистых арийцев» или «истинных арийцев», наделенных качеством господ¹². Применяя к людям принципы зоологического отбора и выведения «особых пород арийцев», нацисты создали даже специальную организацию – «Лебенсборн» – в рамках которой осуществлялось «воспроизводство» потомства «повышенной расовой чистоты»¹³. Лозунг «расовой чистоты» с годами был развит в политику и практику **геноцида**, приведшую к физическому уничтожению исключительно по расовым мотивам почти 12 млн человек – представителей «низших рас». К ним относились, прежде всего, евреи, славяне и цыгане. Нацисты «очищали» и собственную «арийскую расу» от людей с физическими или умственными недостатками. Тысячи немецких врачей были задействованы в этой страшной и бесчеловечной «операции», в ходе которой было истреблено около 275 тыс. душевнобольных в Германии¹⁴.

15 января 1935 г. в фашистской Германии был принят закон о гражданстве рейха. Который поделил граждан на два разряда: первый – это «граждане рейха» – немцы арийского происхождения, только они наделялись политическими правами; второй – все остальные – жители рейха, не имеющие арийского происхождения, а значит ограниченные в политических правах или лишенные их вообще¹⁵. Позднее, 15 сентября 1935 г., был принят «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», запрещавший браки и сожительство граждан рейха с евреями¹⁶. В том же 1935 г. нацисты лишили цыган всех их гражданских прав, а затем в течение последующих лет поголовно загнали их в концентрационные лагеря, где в рамках политики «расовой чистоты» уничтожили 1 млн цыган. В целом с 1933 по 1936 г. в Германии было издано около 250 расистских и, прежде всего, антисемитских циркуляров и инструкций¹⁷. В отношении евреев в годы Второй мировой войны был планомерно и сознательно организован «холокост» с целью «окончательного решения еврейского вопроса» через их физическое уничтожение. 6 млн евреев из 10 млн, проживавших в Европе, погибли от рук нацистов¹⁸.

Между тем, сами высокопоставленные нацисты, разжигая ненависть немцев к евреям и отдавая приказы на их уничтожение, позволяли себе не только общение, но и дружбу с богатыми и влиятельными немецкими (и не только! – В.К.) евреями. Прежде всего этим «грешил» сам А. Гитлер в период «борьбы за власть», в 1920-е годы. Шофер и телохранитель фюрера, первый руководитель СА и один из основателей СС Эмиль Морис имел еврейские корни. А. Гитлера и Э. Мориса связывала очень теплая дружба. В тюрьме Ландсберга Э. Морис даже вел политические дела А. Гитлера¹⁹. Один из гитлеровских генералов-фельдмаршалов Эрхард Мильх был евреем по национальности. Он внес огромный вклад в подготовку люфтваффе (ВВС фашистской Германии) к войне. Интересно, что Г. Геринг на все упрёки в адрес Э. Мильха неизменно отвечал: «Это я определяю, кто еврей, а кто нет»²⁰. Следует отметить, что Э. Мильх в январе 1943 г. получил личный приказ А. Гитлера о снабжении с воздуха находившейся в окружении под Сталинградом 6-й армии под командованием генерала Ф. фон Паулюса. Но этот и другие факты не отрицают расовый антисемитизм германского национал-социализма, а лишь в еще большей степени показывают двуличие и коварство самого фюрера и его ближайшего окружения в отношении своих «идеалов» и самих немцев.

Во-вторых, и это также составная часть и ключевая особенность германского национал-социализма как идеологии и политического движения – это возведение в непогрешимый абсолют идеи «**Великой Германии**» и **концепция «жизненного пространства»** для немцев²¹. Спекулируя на тезисе «народ, нация без жизненного пространства», имея ввиду немцев, А. Гитлер, Й. Геббельс и другие лидеры и теоретики германского национал-социализма рьяно призывали к войне за создание «Великой Германии». Первый шаг на этом пути – уничтожение Франции, затем должна была быть разгромлена Великобритания и завоевана вся Европа до Урала. По А. Гитлеру, главное направление военного удара фашистской Германии и расширения «жизненного пространства» для немцев – это Восточная Европа и, прежде всего, Советский Союз. Затем должны были быть захвачены Индия, Иран, другие азиатские и африканские страны. Речь фактически шла не о «жизненном пространстве», а о «мировой нацистской империи» («Великой Германии») ²².

Национал-социалисты, планируя «Великую Германию» и «жизненное пространство» для немцев, намеревались уничтожить целые народы. **А. Розенберг**, рассуждая о германской политике в отношении Советского Союза, заявлял, что «речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгро-

¹² См.: Бессонов Б.Н. Указ. соч. С. 123.

¹³ См.: Бланк А.С. Старый и новый фашизм. М., 1982. С. 100-102.

¹⁴ См.: Бессонов Б.Н. Указ. соч. С. 124; Бланк А.С. Указ. соч. С. 101.

¹⁵ См.: Фрай Н. Государства фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945. М., 2009. С. 134-136

¹⁶ Там же. С. 135.

¹⁷ См.: Бессонов Б.Н. Указ. соч. С. 124.

¹⁸ Там же. С. 128.

¹⁹ См.: Зигмунд А.М. Лучший друг фюрера. М., 2006.

²⁰ См.: Дрожжин С.Н. Третий рейх и «русский вопрос». М., 2010. С. 130.

²¹ См.: Бессонов Б.Н. Указ. соч. С. 137.

²² Там же. С. 137.

мить русских как народ»²³. И продолжал: «Только немец в праве носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец... Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достичь путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд».

Современные российские авторы отмечают, что **германский фашизм** в историческом понимании имеет **10 характерных черт** (именно черт, а не признаков, поскольку признаки должны отражать суть явления, а эти черты суть фашизма все-таки не отражают), которые для более точного отражения их значения, исходя из того, что эти черты насаждались в теоретическом и практическом плане самими изобретателями фашизма, назовем **заповедями**:

1. Оголтелый национализм и расизм.
2. Крайний радикализм во всем.
3. Бессовестная демагогия.
4. Упрощение до примитивизма любых проблем. Геббельс ставил в заслугу Гитлеру, что тот был мастером упрощения.
5. Игнорирование любых форм морали.
6. Насильственные способы достижения цели.
7. Физическая расправа с оппонентами.
8. Отсутствие какой-либо программы и подмена ее ссылками на порядок и дисциплину.
9. Выдвижение харизматического (от греч. «божественный дар») лидера на первый план, придание ему статуса идола и слепое поклонение ему.

10. Всеобщая мифологизация, начиная от бытовой жизни руководителей фашистской партии и государства до собственной истории, государственная поддержка оккультизма (лат. *occultus* – скрытый)²⁴.

Путь фашизма к власти в Германии начался в 1919 году и закончился в 1933 году, когда лидер победившей на выборах в рейхстаг Национал-социалистической немецкой рабочей партии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, аббревиатура в русскоязычной транскрипции – НСДАП) Адольф Гитлер (Adolf Hitler), став канцлером Германской империи, провозгласил создание Тысячелетнего рейха. Германский фашизм просуществовал до полного разгрома Третьего рейха (1945) в результате его поражения во Второй мировой войне (1939–1945). Интересно отметить, что само понятие «**Третий рейх**» не являлось изобретением национал-социалистов. Для пропагандистских целей оно было позаимствовано из немецкого перевода пьесы Генрика Ибсена (Henrik Johan Ibsen) «Кесарь и Галилеянин» (ориг. *Kejser og Galileeer*, нем. *Kaiser und Galiläer*), увидевшего свет в 1888 году. Термин Третьего царства (в немецком переводе нацистского публициста Дитриха Экарта (Dietrich Eckart) – Третьего рейха) обозначал у Ибсена некий симбиоз язычества и христианства как нравственно-политический идеал. Впоследствии термин был популяризирован Артуром Меллером ван ден Бруком (Arthur Moeller van den Brack) в опубликованном в 1923 году произведении «Третий рейх» (Das dritte Reich), в котором автор утверждал, что после Первого рейха (Священной Римской империи германской нации) и Второго рейха (Германской кайзеровской империи Бисмарка) последует Третий рейх, в котором воссоединятся идеи национализма и социализма. Стоит ли говорить, что подобная политическая концепция термина «Третий рейх», ранее относящегося скорее к мистической сфере средневекового хилиазма и философско-теоретическим утопическим воззрениям, была тут же подхвачена национал-социалистами в качестве политического понятия для обозначения нового пангерманского фашистского (нацистского) режима²⁵.

Необходимо сразу оговориться: термин «**фашизм**» может использоваться лишь как обобщенное обозначение всех ультраправых диктатур, устремившихся в начале XX века к власти во многих европейских странах. Все послевоенные, основанные на тех же или схожих идеях, ультраправые идеологии принято условно (и так же обобщенно) считать неофашистскими.

В глобальном понимании все **фашистские режимы и движения** хотя и имели ряд общих признаков (например, национализм, тоталитаризм, вождизм), тем не менее каждый режим характеризовался существенными отличиями. Идеологическим прародителем фашизма в Европе принято считать итальянский фашизм Бенито Муссолини (Benito Amilcare Andrea Mussolini), пришедший к власти в 1922 году. Прочие «фашистские» идеологии того времени отчасти модифицировали заложенные в итальянском фашизме идеи, а отчасти разделяли с ним лишь ультраправый радикализм. Так, гитлеровский национал-социализм (1933–1945 годы) отличался оголтелыми нацизмом и антисемитизмом, а Антониу ди Оливейра Салазар (António de Oliveira Salazar), лидер португальского «Нового государства» (Estado Novo), парафашистского режима, просуществовавшего дольше других (1928–1974 годы), категорически отрицал его причастность к фашистской/нацистской идеологии, обвиняя ее в партикуляризме (лат. *particula* – небольшая часть) и доктринальном сходстве с коммунизмом.

Национал-социализм в германоязычном пространстве начала XX века есть радикально антисемитская, расистская, антикоммунистическая и антидемократическая идеология, превратившаяся к концу Первой мировой войны из убеждений разрозненных «народных» группировок в самостоятельное и крайне опасное полити-

²³ См.: Бессонов Б.Н. Указ. соч. С. 141.

²⁴ См.: Головенников П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хелльманн У. Необыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристики). М., 2014. С. 53.

²⁵ Там же. С. 54.

ческое движение²⁶. Терминология «национал-социализм» и «национальный социализм» была впервые использована в программатике созданных в 1903 году в Австрии Немецкой рабочей партии (Deutsche Arbeiterpartei; аббревиатура в русскоязычной транскрипции – ДАП), переименованной в 1918 году в Немецкую национал-социалистическую рабочую партию (Deutsche Nationalsozialistische Arbeiterpartei – ДНСАП), и созданной в 1919 году в Германии Немецкой рабочей партии (Deutsche Arbeiterpartei – ДАП), переименованной в 1920 году в НСДАП. «Национальный социализм» противопоставлялся обеими партиями «интернациональному социализму» и социал-демократии, причем национал-социалистические идеи совмещались с открытыми антикапиталистическими требованиями. Таким образом, национал-социалисты позиционировали себя в качестве альтернативного пути для консервативных и левых сил и с 1920 года, называя себя не партией, а «движением», мобилизовали также части населения, охладевшие к политике²⁷.

Социалистическая идея толковалась нацистскими идеологами весьма своеобразно, а именно в неразрывной связи с национализмом, причем оба этих понятия объединялись в так называемый национальный коллективизм. Иными словами, под национализмом понималось полное подчинение индивида нации, а под социализмом – ответственность нации за индивида.

Основой для создания в Германии национал-социалистического движения послужило слияние разрозненных националистических течений, существовавших еще во времена Германской кайзеровской империи и монархии Габсбургов, поддержанное к тому же определенными слоями «Белой эмиграции» из Советской России. К таким течениям относился, например, «Рейхсхаммербунд» (Reichshammerbund) Теодора Фрича (Theodor Fritsch). К «Рейхсхаммербунд» относился также тайный Германский орден, из рядов которого вышло известное Общество Туле (Thule-Gesellschaft), немецкое оккультное и политическое общество, занимавшееся исследованием происхождения «арийской расы». В 1918 году материально весьма обеспеченный основатель «Общества Туле» оккультист Рудольф фон Зеботтендорф (Rudolf von Sebottendorf настоящее имя Adam Alfred Rudolf Glauer) приобрел лицензию на издание газеты «Мюнхенер Beobachter» («Münchener Beobachter» [Мюнхенский обозреватель]), переименованную впоследствии в «Фелькишер Beobachter» (Völkische Beobachter [Народный обозреватель]) и ставшую – после перехода всех издательских прав Адольфу Гитлеру в 1920 году – основным печатным органом НСДАП, назвавшей эту газету «Боевым органом национал-социалистического движения Великой Германии»²⁸. Далее следует упомянуть «Пангерманский союз» (Alldeutscher Verband), радикально националистический и империалистический идеологический центр Германской империи, существовавший с 1891 по 1939 год, программным пунктом которого являлась агрессивная политика расширения немецких территорий (немецкого «жизненного пространства»), в том числе на восток. Под влиянием лидера этого союза Генриха Класса (Heinrich Claß) «Пангерманский союз» добился, несмотря на изначальную относительно немногочисленность его членов, весьма значительного публицистического влияния и стал основным инициатором переписи еврейского населения 1916 года. В феврале 1919 года на съезде «Пангерманского союза» был основан «Немецкий народный союз обороны и наступления» (Deutschvölkischer Schutz und Trutzbund), объединивший разрозненные пронацистски настроенные группировки и ставший к 1920 году самым крупным и влиятельным антисемитским объединением в Германии. Народный союз ставил своей задачей борьбу с Веймарской республикой (Weimarer Republik), демократическую парламентскую систему которой он категорически отрицал. Наконец, антибольшевистские и антисемитские настроения получили серьезную поддержку со стороны особо радикальных слоев послереволюционной русской эмиграции. Так, в 20-е годы XX века в Мюнхене прибалтийским немцем по происхождению Максом Эрвином фон Шойбнер-Рихтер (Max Emin von Scheubner-Richter, настоящее имя Людвиг Максимилиан Эрвин Рихтер)²⁹ была создана организация под названием «Объединение экономического возрождения» (Wirtschaftliche Aufbau-Vereinigung), членами которой были такие русские эмигранты, как генерал от кавалерии Василий Бискупский³⁰, Федор Винберг³¹ и Петр Шабельский-Борк³² (все принимали участие в вооруженной борьбе против большевиков).

²⁶ См.: Головненков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хелльманн У. Необыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристики). М., 2014. С. 55.

²⁷ Там же. С. 56.

²⁸ См.: Головненков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хелльманн У. Необыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристики). М., 2014. С. 56.

²⁹ Погиб во время пивного путча в Мюнхене 9 ноября 1923 года, организованного Гитлером.

³⁰ В.В. Виску некий дал приют Гитлеру после неудавшегося путча, который некоторое время скрывался у него на квартире. В дальнейшем Гитлер не забыл об оказанной услуге и назначил Бискупского начальником Управления делами российской эмиграции в Берлине. В конце войны был отправлен в отставку. Скончался 18 июня 1945 года в Мюнхене.

³¹ Ф.В. Винберг издавал журнал «Луч света», в котором опубликовал так называемые «Протоколы сионских мудрецов». Эту публикацию тут же на вооружение взяли нацисты, которые не только перевели протоколы на немецкий язык, но и способствовали их распространению по всей Европе. После убийства В. Д. Набокова, к которому, как считается, он был причастен, уехал в Париж, где умер в 1927 году.

³² П.Н. Шабельский-Борк был секретарем Бискупского. Принимал самое активное участие в вербовке русских эмигрантов в пронацистские объединения. Неудачно стрелял в П. Н. Милюкова. После поражения нацистов в 1945 году, опасаясь преследования, уехал в Аргентину, где скончался в 1952 году.

Объединение экономического возрождения представляло собой открыто антисемитскую организацию, близкую к НСДАП, которую Объединение поддерживало не только идеологически, но материально. Членом «Объединения экономического возрождения» был также родившийся в 1893 году в Ревеле (ныне Таллин) и проживший в Риге и Ревеле до 1918 года идеолог нацизма **Альфред Розенберг** (Alfred Ernst Rosenberg). Розенберг являлся одним из наиболее влиятельных сподвижников Адольфа Гитлера, с которым он познакомился во время членства в «Обществе Туле». С 1921 года Розенберг являлся главным редактором «Фелькишер Беобахтер», а с 1933 года был рейхслайтером, руководителем Внешнеполитического управления НСДАП и одновременно с 1934 года – уполномоченным фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием членов НСДАП, а с 1941 года рейхсминистром восточных оккупированных территорий. Будучи студентом Московского высшего технического училища, Розенберг оказался свидетелем революционных событий в России, которые он (как и многие другие правые экстремистские эмигранты) расценивал как результат тайного заговора, организованного мировым еврейским сообществом. Именно Розенберг отождествил понятия «большевики» и «евреи» и считается автором понятия нацистской идеологии «еврейский большевизм». Розенберг был осужден и казнен (повешен) в Нюрнберге в 1945 году как один из основных нацистских военных преступников.

В идеологической основе всех этих группировок, кульминацией которых стала нацистская диктатура, заложены расизм, милитаризм и империализм, т. е. идеи, развившиеся и окрепшие в конце XIX века в Германской империи и Австрии. Основным связывающим звеном всех этих, в общем-то, разрозненных идеологий стал антисемитизм, который в ходе ноябрьской революции 1918 года и в последующие годы отождествился с неприятием Веймарской республики (Weimarer Republik), которую нацисты считали созданной революционерами еврейской республикой³³. Нацистское движение понимало свою идеологию как абсолютную противоположность марксизму, пропагандированному левыми партиями, политическому католицизму консервативных партий и придуманному нацистами же «мировому еврейскому сообществу»³⁴.

Итак, в Германию **фашизм**, в его национал-социалистическом проявлении, пришел в 1919 году, когда в раскаленной атмосфере послереволюционного времени (1918/19 годы) в Мюнхене была создана немецкая рабочая партия (Deutsche Arbeiterpartei; аббревиатура в русскоязычной транскрипции – ДАП), которая поначалу являлась лишь одной из многих, не выделяющихся многочисленностью сподвижников, антисемитских и нацистских группировок в Баварской столице. Восприятие ДАП в обществе как ничего из себя не представляющего демагогического «дискуссионного кружка» резко изменилось со вступлением в партию Адольфа Гитлера. Гитлер стал седьмым членом создаваемой партии.

После того как он воспитал и развил в себе ораторские и пропагандистские способности, Гитлеру за чрезвычайно короткий срок удалось сделать себя незаменимым для партии и даже организовать ее переименование в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, аббревиатура в русскоязычной транскрипции – НСДАП). 29 июля 1921 года на общем собрании членов НСДАП Гитлер стал главой партии с диктаторскими полномочиями, которые он сохранил вплоть до своего самоубийства 30 апреля 1945 года.

24 февраля 1920 года НСДАП с подачи Гитлера, а также основателей ДАП Антона Дрекслера (Anton Drexler) и Готфрида Федера (Gottfried Feder) приняла **партийную программу**, состоящую из весьма сумбурно сформулированных 25 пунктов³⁵. Ее основной задачей было не столько обозначение конкретных политических шагов на определенный период времени (как это характерно для любых партийных программ, в том числе и для того времени), сколько доведение до сведения масс национал-социалистической идеологии, т. е. партийной догматики, далеко выходящей за пределы исполнения отдельных программных пунктов. Окрашенная агрессивным антисемитизмом программа НСДАП была направлена в основном на достижение экспансивных внешнеполитических целей (расторжение Версальского договора и воссоединение всех немцев в «Великом Германском рейхе», а также обретение жизненного пространства для обеспечения питанием народа Германии и заселения растущего германоязычного населения). Далее следовали внутривнутриполитические требования обеспечения определенных частей населения посредством расистского законодательства в отношении всех «инопородцев», прежде всего евреев. Следствием тому являлись запрет евреям занимать государственные или партийные должности, иммиграционный запрет и немедленная насильственная экстрадиция всех иммигрировавших в Германию лиц, не соответствовавших представлениям нацистов об истинном арийце.

Интересно отметить, что, как известно, ни один из руководителей гитлеровского национал-социалистического режима не отличался особыми признаками арийца в их нацистской дефиниции. Не случай-

³³ См.: Головненков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хелльманн У. Необыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристики). М., 2014. С. 57-58.

³⁴ Основателями и первыми руководителями Веймарской республики считаются Фридрих Эберт (нем. Friedrich Ebert), первый президент республики, и Филипп Шейдеманн (нем. Philipp Scheidemann), первый канцлер республики. Как ирония судьбы можно отметить тот факт, что сын Эберта – Фридрих Эберт-младший стал основателем Германской Демократической Республики (Deutsche Demokratische Republik), образованной в той части Германии, которую контролировал Советский Союз.

³⁵ См.: Космач В.А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889-1924 гг.). История. Суждения. Мнения. Оценки: монография. Псков, 1916. С. 444-161.

но в тридцатые годы XX века в народе бытовал политический анекдот:

– Как должен выглядеть истинный ариец?

– Он должен быть блондином, как Гитлер, рослым, как Геббельс, и стройным, как Геринг!

Закрепленная в программе НСДАП основная нацистская идеология «народного сообщества» (Volksgemeinschaft) представляла собой внешне агрессивно-экспансивную и внутренне диктаторскую политику, направленную на полное лишение элементарных прав определенных слоев немецкого населения³⁶.

НСДАП видела себя в первую очередь движением, мобилизующим массы и объединяющим всех арийцев в едином народном сообществе. Нацистская идеология была пронизана оголтелым антисемитизмом и глубокой ненавистью к парламентаризму и демократии. Веймарскую республику и ее политические партии нацисты обвиняли во всех бедах, обрушившихся на германскую нацию, социальных противоречиях и «протiwоестественном расслоении народа». Горячие речи, которые Гитлер держал, как правило, в переполненных пивных заведениях, были переполнены демагогией и агрессивными лозунгами, рассчитанными на разжигание эмоций у слушателей, примерно четверть которых были женского пола. Как никто другой, партийная пропаганда НСДАП сумела посредством бесконечных, умело инсценированных парадов и факельных маршей штурмовиков СА (Sturmabteilung) вызвать восхищение недовольной последствиями Версальского мира толпы обывателей. Все это поддерживалось постоянными провокациями нацистов. Запоминающиеся политические плакаты, свастика и ярко красный цвет национал-социалистического знамени были также важными атрибутами нацистской пропаганды.

Гитлер не только не скрывал, что выбрал красный цвет знамени именно потому, что этот цвет олицетворялся с рабочим коммунистическим движением, но гордился тем, что идея перехватить этот символ у коммунистов принадлежала лично ему. К тому же важным инструментом нацистской пропаганды стал печатный орган НСДАП – еженедельник «Фелькишер Беобахтер», который с 1923 года стал выходить ежедневно³⁷.

Экономический кризис и галопирующая инфляция 1923 года нанесли ощутимый удар по экономике Германии и привели большую часть немецкого населения на край нищеты. Этой ситуацией воспользовались нацисты в пропагандистских целях. Обратную сторону обесцененных, но все еще находящихся в обороте денежных купюр они разрисовывали антисемитскими карикатурами и лозунгами, показывая таким образом, кого именно они считают виновными в экономической катастрофе. Когда же к экономическому кризису добавился кризис политический, нацисты решили, что настало время для военно-политического переворота, так называемого Похода на Берлин, который они хотели инсценировать по примеру «Похода на Рим» Муссолини 1922 года. В истории этот несостоявшийся поход получил название «пивного путча». Мятеж был легко подавлен; в перестрелках с властями Веймарской республики погибли четверо полицейских и 14 нацистских демонстранта, а НСДАП была запрещена на территории всей республики. **Гитлер** был приговорен за государственную измену к пяти годам крепостного заключения, из которых он отбыл лишь восемь месяцев в камере № 7 тюрьмы-крепости Ландсберг (Landsberg). Поскольку директор тюрьмы Отто Лейбольд (Otto Leybold) был весьма благосклонен к своему знаменитому заключенному, Гитлер не был чрезмерно отягощен заключением. Он был постоянно окружен сподвижниками и только в период с 3 апреля по 20 октября 1924 года принял 489 поклонников и поклонниц. Кроме того, за это время Гитлер написал первую часть своей программной книги «Майн Кампф» (Mein Kampf – Моя борьба)³⁸.

20 декабря 1924 года Гитлер покинул Ландсберг. С немецкой педантичностью в официальном документе об освобождении отмечено, что остаток наказания сроком в 3 года, 333 дня, 21 часа и 50 минут ему прощается. За время отсутствия Гитлера НСДАП пришла в упадок. Его соратники по «пивному путчу» Грегор Штрассер (Gregor Strasser) и Ерих Людендорф (Erich Ludendorff) вступили в Национал-социалистическую свободную партию (Nationalsozialistische Freiheitspartei), а Юлиус Штрейхер (Julius Streicher) и Альфред Розенберг (Alfred Rosenberg) организовали конкурирующую организацию «Пангерманский народный союз» (Großdeutsche Volksgemeinschaft). После освобождения Гитлер категорически отказался участвовать в какой-либо из этих сепаратистских организаций, а, напротив, добился восстановления НСДАП, которое произошло повторным основанием партии 26 февраля 1926 года.

В дальнейшем провал «пивного путча» повлек за собой изменение курса НСДАП на пути к власти. Начиная с 1925 года нацисты стали бороться с Веймарской республикой не путем ее насильственного свержения, а посредством усиления и расширения национал-социалистического движения и повсеместного участия в выборах. С середины 1920-х годов НСДАП окончательно сконцентрировалась на культе личности Гитлера, который с этого времени стал официально именоваться «фюрером» (нем. Führer). В 1926 году было также введено официальное нацистское приветствие «Гитлергрус» (Hitlergruß) в виде взмаха правой руки. Несмотря на постоянный рост численности членов НСДАП (к 1930 году – 130000 членов), во время выборов в рейхстаг 28 мая 1928 года нацистам удалось набрать лишь 2,6% голосов. Однако уже на следующих выборах 14 сентября 1930 года нацисты добились 18,3% и получили 107 депутатских мандатов в рейхстаге³⁹. С этого времени НСДАП превратилась в некое социальное убежище для всех недовольных экономическим и политическим состоянием дел в

³⁶ См.: Необыкновенный фашизм. С. 59-60.

³⁷ Там же. С. 60-61.

³⁸ См.: Космач В.А. Указ. соч. С. 584-723.

³⁹ См.: Необыкновенный фашизм. С. 61-62.

стране, которое усугублялось организованным самими нацистами постоянным уличным террором, который насаждали штурмовики СА. К январю 1933 года НСДАП насчитывала уже 850000 членов. 4 июля 1932 года был распущен рейхстаг. На состоявшихся в том же месяце выборах НСДАП набрала 37,4% голосов и стала самой сильной фракцией в парламенте. Гитлер потребовал от рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга (Paul Ludwig Hans Anton von Beneckendorff und von Hindenburg) назначение его на должность рейхсканцлера, т. е. предоставление ему полной политической власти. Однако фон Гинденбург не решился на этот шаг и канцлером остался Франц фон Папен (Franz Joseph Hermann Michael Maria von Papen). От должности вице-канцлера Гитлер отказался. 6 ноября 1932 года состоялись внеочередные выборы в рейхстаг, в результате которых позиция НСДАП несколько ослабла (196 мест вместо прежних 230). 3 декабря 1932 года рейхсканцлером был назначен Курт фон Шлейхер (Kurt Ferdinand Friedrich Hermann von Schleicher)⁴⁰.

30 января 1933 года после многочисленных закулисных интриг, не последнюю роль в которых играл фон Папен⁴¹ наивно полагавший, что Гитлер станет всего лишь марионеткой в его руках, рейхспрезидент фон Гинденбург назначил Гитлера Рейхсканцлером, поставив его во главе национально-консервативного кабинета министров. Хотя на следующих внеочередных выборах, которые состоялись 5 марта 1933 года, НСДАП не получила абсолютного большинства (она набрала лишь 43,9% голосов), ей удалось укрепить контроль над государством. Воспользовавшись поджогом Рейхстага 27 февраля 1933 года, в котором были обвинены коммунисты, нацисты настояли на издании Законов о чрезвычайных полномочиях (Ermächtigungsgesetze), которыми были отменены ряд конституционных прав и свобод. Последовали запреты коммунистической и социально-демократической партий. Прочие политические партии вынудили объявить о самороспуске. Таким образом, сначала de facto, а с принятием Закона об обеспечении единства партии и государства (Gesetz zur Sicherung der Einheit von Partei und Staat) de jure в Германии была установлена однопартийная система посредством монополизации власти НСДАП⁴².

После смерти фон Гинденбурга 2 августа 1934 года должность рейхспрезидента была упразднена, а полномочия главы государства были переданы Гитлеру как «Фюреру и Рейхсканцлеру». Став, таким образом Верховным главнокомандующим вооруженными силами, он принимал военную присягу, которая приносилась ему лично.

Между январем и апрелем 1933 года численность членов НСДАП возросла с 850 000 до 2,5 миллиона человек, что заставило партийное руководство 1 мая 1933 года временно прекратить прием в партию. После отмены этого (и без того не абсолютного) запрета в 1937 году число членов НСДАП к 1939 году возросло до 5,3 миллиона человек. К концу войны каждый пятый взрослый немец был одним из 8,5 миллиона членов нацистской партии.

Центральной частью политики НСДАП являлся **антисемитизм**. С приходом к власти нацистов началось массовое преследование еврейского населения. 15 сентября 1935 года по случаю 7-го съезда НСДАП в Нюрнберге были приняты так называемые Нюрнбергские расовые законы (Nurnberger Rassengesetze): «Закон о гражданине Рейха» (Reichsbürgergesetz) и «Закон об охране германской крови и германской чести» (Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre), лишавшие евреев гражданских прав. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года штурмовиками СА была организована так называемая Хрустальная ночь⁴³, ставшая кульминацией еврейских погромов, продолжавшихся с 7 по 13 ноября 1938 года на территории всей Германии. В дальнейшем антисемитская политика нацистов была направлена на физическое уничтожение евреев и увенчалась геноцидом еврейского населения не только на территории Германии, но и на всех оккупированных территориях.

С капитуляцией Германии во Второй мировой войне 8 (9) мая 1945 года НСДАП de facto прекратила свое существование. В ходе Нюрнбергских процессов НСДАП была объявлена преступной организацией⁴⁴.

Возвращаясь к **специфике германского национал-социализма** обратимся к трудам **Эрнста Нольте**. В своей известной книге «Фашизм в его эпоху» (Новосибирск, 2001; русский перевод) он подчеркивал, что итальянский фашизм и германский национал-социализм как движения начались «одновременно и совершенно независимо друг от друга; в их отдельных элементах заметно не меньше различий, чем совпадений. Например, обе партии имели вождя с неограниченными полномочиями, но в одном случае вождь вышел из социалистического источника, а в другом – источник был радикально-консервативным. Однако все различия в подробностях не заслоняют сходства общей картины явлений; поэтому вначале вполне допустимо их сильнее подчеркнуть, не опасаясь нарушить эту картину. При этом окажется, что в более тонких вещах национал-социализм оказывается ближе к «Аксьон Франсэз», чем к итальянскому фашизму, и в некотором смысле может рассмат-

⁴⁰ Был застрелен вместе со своей женой 30 июня 1934 года по прямому указанию Гитлера во время так называемой «Ночи длинных ножей» (Nacht der langen Messer).

⁴¹ После войны в 1946 году фон Папен предстал перед Нюрнбергским трибуналом, но был оправдан. Спустя год всего несколько месяцев он все же был осужден комиссией по денацификации к 8 годам трудового лагеря. В январе 1949 года та же комиссия смягчила приговор до фактически отбытого наказания, после чего фон Папен вышел на свободу.

⁴² См.: Необыкновенный фашизм. С. 62-63.

⁴³ «Хрустальная ночь» или «Ночь разбитых витрин» (Reichs-(Kristallnacht). Поводом к еврейским погромам послужило убийство 7 ноября 1938 года в Париже 17-летним польским евреем Гершелем Грюншпаном советника германского посольства Эрнста фон Рата (Ernst Eduard vom Rath). В результате погромов были разрушены 267 синагоги, 815 магазинов и предприятий, принадлежащих евреям, 20 тыс. евреев были арестованы, 36 – убиты.

⁴⁴ См.: Необыкновенный фашизм. С. 64.

риваться как синтез этих старших направлений»⁴⁵. И далее: «В отличие от итальянского фашизма и подобно «Аксон Франсэз», национал-социализм с самого начала хочет быть провозглашением некоторой доктрины. Но его практика, в отличие от «Аксон Франсэз», не является действием, вырастающим как следствие тщательно разработанного перед ним убеждения. Более того, эта практика, по своей специфической природе, непосредственно связана с самим провозглашением мировоззрения; только она и придает ему его настоящую действительность. В «Майн кампф» Гитлер оценивает силу устного слова выше, чем силу писанного, и у него есть для этого серьезные основания. Маловероятно, что его книга доставила бы национал-социализму много сторонников, — между тем его речь снова и снова производила на массы колдовское действие... Если бы в красной Болонье 1920 г. кто-нибудь вздумал провозглашать или навязывать националистическое мировоззрение, он вряд ли выбрался бы из города живым. Национал-социализм развивался на иной почве, чем итальянский фашизм. Еще в середине 1922 г., когда Муссолини был уже лидером сильнейшей в Италии партии, миланское городское самоуправление находилось в руках социалистов. В Ферраре, в Болонье, в Мантуе — повсюду фашисты одержали верх в трудной борьбе среди революционно настроенных народных масс. В Мюнхене, напротив, после свержения советской республики господствовали рейхсвер и отряды гражданской обороны; политическое сопровождение этого составляли Баварская народная партия и Немецкая национальная партия. После ужасного кровопролития и судилищ в мае 1919 г. коммунистов уже почти не было, а социал-демократы большинства были здесь более буржуазны, чем где-либо в Германии. В этом городе Рем и его друзья «национализировали» массы, заставляя капеллы исполнять в кафе национальные песни и избивая каждого, кто недостаточно быстро поднимался с места. Здесь целый ряд радикальных правых организаций не прекратил своей деятельности даже при советской республике. Настроение народа в Баварии было так же направлено против евреев, как в Берлине против «большевиков», — хотя и не всегда по тем же мотивам. Иными словами, с мая 1919 г. об угрозе «большевизма», реальной в Италии, в Мюнхене не могло быть и речи. Именно это и было условием, позволявшим навязывать самое резкое антимарксистское мировоззрение предрасположенному к этому народу.

Но юный национал-социализм, вероятно, никогда не мог бы выделиться из множества подобных групп, если бы, в отличие от итальянского фашизма, счет скоро не обзавелся руководящим импульсом, которому ничто не могло противостоять. Конечно, около двух лет Гитлер был лишь руководителем партийной пропаганды, подчиненным партийному комитету под председательством Антона Дрекслера. Но можно положиться на его заверение, что он никому не позволял вмешиваться в свою область: а чем же была юная НСДАП, если отвлечься от ее пропаганды? В июле 1921 г. Гитлеру удалось завершить первый партийный кризис, став первым председателем с диктаторскими полномочиями, лишь для видимости подчиненным демократическому контролю членов партии и ее руководящих органов. Муссолини никак не мог быть в этом образцом, потому что как раз в это время он был втянут в свой самый острый конфликт с неофашистами вне Милана, и даже перед самым походом на Рим он не мог считаться диктатором своей партии. «Принцип фюрерства» одержал верх в национал-социализме раньше, чем в итальянском фашизме, — не только в относительном, но и в абсолютном масштабе времени»⁴⁶.

«Таким образом, — заключает Э. Нольте, — в главном пункте своей практики ранний национал-социализм весьма значительно отличается от раннего итальянского, фашизма. Итальянский фашизм вначале никоим образом не провозглашает некоторое мировоззрение, он дает свои сражения не на собраниях, его боевые отряды не группы, стоящие возле партии, и никто не пытается отнять их у партии. Общими являются главное намерение и основной характер, оба они ведут смертельную борьбу с марксизмом, переняв и характерным образом изменив его методы. «Фашистский минимум» никоим образом не исключает глубоких различий.

Поскольку организация непосредственно определяется более сильным руководящим импульсом и требованиями, вытекающими из пропаганды мировоззрения, различия очевидны. Они развиваются прежде всего в двух направлениях. Из принципа фюрерства вытекает требование сконцентрировать вначале всю работу в одном месте, а местные группы формировать лишь при условии, что авторитет центрального руководства в Мюнхене безоговорочно признается. Поэтому национал-социализм не знал фашистских «расов»; но, с другой стороны, до ноябрьского путча он остался баварским, по существу даже мюнхенским локальным явлением. Пропагандистский характер партии приводит к чрезвычайно резкому делению на «членов» и «последователей», активное ядро и просто прислушивающуюся симпатизирующую массу. Из напечатанных вразрядку страниц книги Гитлера с исчерпывающей ясностью видно, насколько он рассматривал свой народ как «объект», а членов партии, число которых должно было оставаться небольшим, как господ и потенциальных правителей «нервных центров государства». Уже СА была сильнее отделена от НСДАП, чем милиция от фашистской партии, и тем более это верно для ассоциированных организаций; некоторые из них, например отряды связи. Юношеский союз, механизированные отряды, были основаны уже в ранний период.

Самые очевидные совпадения представляет стиль. Это легко понять; обе партии можно было бы считать формами выражения тех армейских подразделений, которые внутренне не испытали демобилизации. Поэтому их выступления перед общественностью всегда обнаруживают стиль, аналогичный военному; шествия, оркестры, знамена, эскорты; но сам по себе этот стиль недостаточен, чтобы описать фашизм как таковой. В самом

⁴⁵ См.: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. 290.

⁴⁶ Там же. С. 376-377.

деле, он присущ также внепартийным традиционным союзам и отечественным ополчениям. Фашизм отличается лишь способностью характерным образом преобразовать этот стиль, подчинив всю жизнь партии, а в конечном счете и народа. В ранний период то и другое присутствует в обеих партиях лишь в зачатках. Театральный гений Габриеле Д'Аннунцио доставил пример, которому умели подражать, во всяком случае в первое время, и итальянский фашизм, и национал-социализм. В 1923 г. национал-социалистические штурмовые отряды – в основном все еще группы штатских людей с ружьями на плечах и лишь с зачатками обмундирования в виде нарукавных повязок и нередко спортивных курток. Во время больших шествий патриотических союзов они вряд ли отличаются от других формирований. На огромной демонстрации в августе 1922 г. против закона о защите республики СА отличились, впрочем, от всех союзов тем, что только у них были знамена, а потому их особенно сердечно приветствовали на Кенигсплаце. Но Гитлер говорит как один из ораторов наряду с другими, и в то время вовсе не господствует в НСДАП с исключительностью и суверенностью, как это было в итальянской фашистской партии в дни Триеста и Болоньи. Во время Германского дня в Нюрнберге Гитлер стоит в дождевике среди многочисленной группы и принимает парад, находясь на уровне земли. В тех случаях, когда СА имеет подчеркнуто военный характер и разъезжает на мотоциклах «со свастикой на стальном шлеме», она это делает в качестве военного союза. «Фашистское приветствие» и коричневая рубашка еще нигде не известны.

Действительно новое, характерное изменение представляет знамя партии. Свастика, в отличие от ликторской связки, не примыкает к некоторой хотя и отдаленной, но все же постижимой исторической эпохе: этот древнейший, доисторический символ спасения, как предполагается, предвещает грядущую победу «арийского человека». Стиль речей Муссолини, даже в наихудших приступах ярости, кажется все-таки сдержанным и умеренным по сравнению со стилем Гитлера; точно так же попытки итальянских фашистов опереться на римско-имперскую традицию, как бы они ни были сомнительны с национальной точки зрения, кажутся конкретными и исторически осознанными, если сопоставить их с этим обращением к доисторически-архаическому. При сравнении с итальянским фашизмом особенно легко понять экстремистский характер юного движения – не только в мышлении, но и в зрительном и звуковом проявлении, несмотря на его гораздо менее кровавый способ борьбы»⁴⁷.

В связи с нашей темой заметим, что еще «со времен «холодной войны» одним из пропагандистских штампов, активно используемых западными идеологами, стала **концепция «тоталитаризма»**. Согласно этой теории, коммунистические и фашистские режимы имеют общую природу и обладают рядом характерных признаков, противопоставляющих их «либеральным демократиям».

В России подобные идеи получили широкое распространение с середины 1980-х годов. Оно и понятно. Слишком уж неприглядно выглядят доморощенные либералы, умудрившиеся в процессе «борьбы с коммунистической диктатурой» разрушить и разорить собственную страну. Для оправдания своей деятельности либеральным идеологам поневоле приходится всячески очернять прежний режим, ставя фашизм и коммунизм на одну доску.

Насколько корректно подобное сопоставление? Если от пропагандистских штампов перейти к научному анализу, выясняется, что между коммунизмом и Фашизмом имеются принципиальные отличия. Важнейшее из них состоит в том, что коммунизм полностью отрицает существующий порядок вещей. Он требует радикального разрушения, уничтожения старого государства, «Системы», и строительства на ее руинах совершенно нового общества. В то время как фашизм, за редким исключением, ориентирован на укрепление, «улучшение» уже существующего государства. Особенно наглядно это можно наблюдать на примерах Италии, Испании, Австрии. Кроме того, у коммунизма и фашизма разные движущие социальные силы. У фашизма это средний класс («взбесившаяся мелкая буржуазия»), а у коммунизма – «социальные низы» (рабочие, безработные и пр.)⁴⁸.

И фашистское, и советское государство опирались на понятие народ (впрочем, фашисты чаще использовали термин «нация»). Но это понятие наполнялось разным смыслом. Коммунизм – это квазирелигиозная идея соединения, даже братства народов. Фашизм – идея совершенно противоположная. В Шубарт писал в своей книге: «Фашистский национализм есть принцип разделения народов. С каждым новым образующимся фашистским государством на политическом горизонте Европы появляется новое темное облако... Фашизм перенес разъединительные силы из горизонтальной плоскости в вертикальную. Он превратил борьбу классов в борьбу наций»⁴⁹.

Советское и фашистское государства изначально, строились на разных принципах власти. Фашизм исходил из древней и типично западной концепции цезаризма. Л. Люкс пишет: «Большевикам были непонятны причины популярности на Западе «цезаристской» идеологии, ибо в русской традиции нет предпосылок для ее возникновения... «Цезаристские» образы практически не возникали в русской истории. Правда, в России были цари, осуществлявшие в русском обществе не менее глубокие преобразования, чем «цезари» в западном. Но при этом имеются в виду этатистские революции сверху, которые задумывались и осуществлялись законными властителями России... В истории большевизма, равно как и в истории России, цезаристская идея не играла сколько-нибудь заметной роли. Большевицкая партия, в противоположность правоэкстремистским партиям, ни до, ни после захвата власти не являлась партией вождя. Партийная дисциплина и беспрекословное повиновение ни в коем случае не были идентичны. Многие важные решения принимались после жарких дискуссий

⁴⁷ См.: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. 379-381.

⁴⁸ См.: Кара-Мурза С и др. Коммунизм и фашизм. Братья или враги? Сборник. М., 2008. С. 5.

⁴⁹ Там же. С. 21-23.

внутри партийного руководства. В 1936 г. Троцкий писал, что вся история большевистской партии – это история фракционной борьбы⁵⁰. Поэтому и процесс возникновения культа личности Сталина и концентрации власти в его руках был принципиально иным, нежели в фашистском государстве.

Фашисты категорически отвергали всякое самоуправление, государство было корпоративным и предельно иерархическим. Население было разделено на профессиональные цеха-корпорации. У нас же огромная часть функций выполнялась в рамках самоуправления: в сельсовете, в колхозе, в трудовом коллективе завода. Мы этого и не замечали, а когда на Западе просто начинаешь перечислять повседневные функции этих «институтов», тебя слушают недоверчиво. Представительство граждан во всех органах власти не было корпоративным – напротив, принципиальной политикой было создание условий для соединения людей разных групп, профессий, культур, национальностей.

Идея элиты была просто болезненным пунктом фашизма (это отмечают как особое свойство все истории и психологи). Особенностью элитаризма фашистов была однако, ненависть к аристократии как «непроницаемой» для них иерархии. В СССР, напротив, центральной догмой идеологии было равенство, но при этом элита (писатели, академики, генералы) быстро приобретала типичные черты аристократии. Не у всех выдвиженцев это получалось, но важны сами побуждения⁵¹.

Фашисты пришли к власти, сумев на время превратить рассудительный немецкий народ в толпу. Предпосылкой к этому было именно состояние атомизированности, разобщенности немцев, порожденное протестантской Реформацией. Связь между фашизмом и Реформацией – большая и сложная тема, к которой с разных сторон подходили многие крупнейшие философы. Фашизм стал огромным экспериментом. Оказалось, что в атомизированном обществе овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект. Соратник Гитлера А. Шпеер в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе признал: «С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление». Советское государство строилось из сословного общества старой России, к тому же «упорядоченного» Православием и другими «сильными» религиями. Оно было очень устойчиво против «превращения в толпу»⁵².

Фашизм (особенно германский) проявил большую творческую силу и осуществил новаторский прорыв к новым технологиям манипуляции массовым сознанием. Тщательно изученные на Западе уроки фашизма используются сегодня и в построении Нового мирового порядка, и широко применялись во время перестройки в СССР. Следуя идеям психоанализа (не ссылаясь, конечно, на Фрейда), фашисты обращались не к рассудку, а к инстинктам. Чтобы их мобилизовать, они с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляющую разные слои общества, в толпу.

Эффективность обращения к подсознанию была связана, видимо, с особой историей Германии, в которой на мышление человека наложилось несколько «волн страха»: страх перед Страшным судом и адом раннего Средневековья, страх перед чумой XIV века, а затем «страх Лютера» времен Реформации и последующий за ним страх, вызванный разрушением общины. На исход из этого «страха индивида» указывает психолог Э. Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм». Все эти волны страха соединились в Германии с тяжелым духовным кризисом поражения в Мировой войне и страшным массовым обеднением. В конечном счете, фашизм – результат параноидального, невыносимого страха западного человека.

Ни в русской православной культуре, ни тем более в оптимистическом советском мироощущении этого страха не было и в помине. Обращения к подсознанию не было в русском коммунизме. Вся его риторика строится на ясной логике и обращении к здравому смыслу⁵³.

Разными были установки германского фашизма и советского социализма (коммунизма) на роль женщины и молодежи. Возьмем фундаментальную формулу фашизма для средней немки. Она сводилась к магическим «трем К»: Kirche, Kinder, Küche (т.е. церковь, дети, кухня). В этом отношении к женщине декларировался откат назад от современного общества. Советское государство, напротив, декларировало освобождение женщины от «паранджи» (в широком смысле слова) и от экономического подчинения – в рамках наших исторических возможностей.

В отношении молодежи мы видим в фашизме сознательное разрушение традиционных отношений. Для превращения молодежи в «женихов смерти» нужна была глубокая культурная революция. Она заключалась в снятии естественных для детского и подросткового возраста культурных норм, запретов, отношений подчинения и уважения к старшим. Взрослые наставники молоденьких фашистов поощряли уличное насилие, ножи и кастеты. Сам фюрер заявил: «Да, мы варвары, и хотим ими быть. Это почетное звание. Мы омолодим мир». Это – принципиальное отличие от установки коммунизма в отношении молодежи: ее дело – учиться и овладевать

⁵⁰ См.: Кара-Мурза С и др. Коммунизм и фашизм. Братья или враги? Сборник. М., 2008. С. 39.

⁵¹ Там же. С. 39-40.

⁵² Там же. С. 40.

⁵³ Там же. С. 41-42.

всем культурным богатством, которое накопила цивилизация⁵⁴.

По американскому историку **С. Пейну**, «слово “фашист” и производные от него применяются в самом широком смысле для обозначения приверженности к авторитарной, корпоративной и националистической системе правления»⁵⁵. СССР и сталинизм эти оценки не культивировали. Выше были установки на коллективизм, общественную собственность, пролетарский интернационализм и мировую пролетарскую республику с мировым советским правительством.

Обратимся еще раз к **Э. Нольте**. По **Л.И. Гинцбергу**, после выхода своего труда «Фашизм в его эпохе» Нольте не прекратил исследование данной темы. В 1967 г. он выпустил сборник «Теории фашизма», где опубликовал (в основном в отрывках) работы наиболее известных исследователей фашизма, предварив их своим вступлением, в котором изложил те же взгляды на фашизм, что и в первой книге. Вскоре последовала книга под названием «Кризис либеральной системы и фашистские движения», где фронт исследования расширился за счет некоторых других стран. Хотя фашизм оставался в центре интересов Нольте, но проблематика его трудов расширялась; так, в начале 1970-х гг. появился увесистый том (в 756 страниц) на тему «Германия и холодная I война», где действие разворачивалось уже в послевоенный период. Что касается взглядов исследователя на фашизм, то к началу 1970-х гг. они претерпели определенную эволюцию, которая еще не завершилась: заложенные в данном автором определении фашизма элементы сближения его с марксизмом, с левым политическим спектром в целом усилились.

В августе 1970 г. в Москве состоялся XIII Международный конгресс исторических наук. Одна из важных проблем, рассматривавшихся на конгрессе, формулировалась так; «Разновидности фашизма в Центральной и Восточной Европе». Нольте присутствовал на конгрессе и участвовал в острой дискуссии, развернувшейся по докладу венгерского ученого М. Лацко. Нольте (его поддержал лишь американец Э. Вебер) охарактеризовал приход Гитлера к власти как революцию и утверждал, что это событие было ответом на глубокий кризис парламентаризма и демократических принципов устройства общества вообще⁵⁶.

Один из крупнейших советских историков-германистов академик **В. М. Хвостов** охарактеризовал точку зрения **Нольте** на сущность фашизма и его генезис как «искаженную». Фашизм еще не стал достоянием истории полностью. Чтобы предотвратить его появление и успехи в современных условиях, очень важно точно установить причины, вызывающие к жизни это явление, и тяжелейшие последствия, которые неизбежно вызывает его господство, несущее с собой тотальное насилие как внутри страны, так и за ее пределами.

В дискуссии участвовали также советские историки, специалисты по истории гитлеровской Германии В.Т. Фомин и Л.И. Гинцберг. Они поддержали вывод Хвостова о несостоятельности тезиса, что приход нацистов к власти был революцией, отвергли и другие версии, касающиеся происхождения фашизма, высказанные Нольте и Вебером, в частности, те, которые связывали этот феномен с победой революции в России.

В 1983 г. вышло из печати новое исследование **Нольте** – «Марксизм и индустриальная революция» (вновь объемом в 650 с лишним страниц). Здесь уже была полностью сформулирована концепция возникновения фашизма, зародыши которой имелись в его первых трудах, но которая полностью сложилась к началу 1980-х гг. Суть ее заключалась в том, что фашизм в Германии (да и в других странах) возник не в результате внутренних причин, а как ответ на развитие и усиление влияния марксистских идей вообще, особенно же после победы большевистской революции в России и угрозы установления господства большевизма в других странах. Нольте, таким образом, отрицал существование внутренних корней фашизма, которые и были определяющими для его появления на политической арене и для дальнейших успехов, делая упор на внешние факторы, практически нигде не сыгравшие решающей роли⁵⁷.

Эти и другие подобные взгляды немецкий историк излагал не только в книгах, но и в газетных статьях. Летом 1986 г. по поводу одной из них, опубликованной во «Франкфуртер альгемайне цайтунг», вокруг имени Нольте разразился шумный скандал. Он изложил здесь свои взгляды на преступления германского фашизма, которые в прежних сочинениях осуждал, в данном же случае высказал точку зрения, что злодеяния нацизма не были имманентны его сущности, его природе, а являлись подражанием зверствам большевиков, ответом на них.

Нольте поддержали лишь один-два историка, большая часть исследователей фашизма отмежевывалась от его концепции. В печати завязалась острая дискуссия, названная в литературе «спором историков». Продолжившись в 1987 году, она привлекла внимание широкой общественности, причем не только в ФРГ. Причины указанного выступления Нольте были вызваны неудовлетворенностью влиятельных политических сил ФРГ тем, что за республикой в течение десятилетий тянется тяжелый шлейф нацистского господства. Они стремились доказать, что политика нацизма, его преступления не выросли на немецкой почве, а были лишь ответом на вызов извне. Подобная точка зрения распространялась даже на Холокост – тягчайшее из злодеяний германского фашизма.

Наиболее обстоятельно свою новую концепцию Нольте изложил в книге «Гражданская война в Европе». В ней всю историю новейшего времени он представил как единоборство фашистских сил против советского больше-

⁵⁴ См.: Кара-Мурза С и др. Коммунизм и фашизм. Братья или враги? Сборник. М., 2008. С. 48-50.

⁵⁵ Там же. С. 14.

⁵⁶ См.: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. IV (Предисловие к русскому изданию Л.И. Гинцберга).

⁵⁷ Там же. С. VII.

визма и его агентуры в виде компартий в других странах. Все это в подробностях – вновь свыше 600 страниц⁵⁸.

Однако тот факт, что подавляющее большинство участников – весьма уважаемых в ФРГ ученых – высказалось в «споре историков» против позиций, занятых Нольте, поубавило его пыл. Российские историки имели возможность наглядно убедиться в этом, участвуя в конце 1992 года в научном коллоквиуме, состоявшемся в Берлине на тему «Гитлер и Сталин: возможности и границы сравнения». Основной доклад с немецкой стороны сделал сам **Нольте**. В этот раз в нем не звучали (в прямой форме) ставшие уже традиционными тезисы о вторичности германского фашизма, об Октябрьской революции как причине возникновения фашистских движений в Европе. Вероятно, Нольте учитывал то обстоятельство, что со стороны российских ученых он получит еще больший отпор, чем со стороны немецких коллег. Тем не менее не все прошло гладко. Тема коллоквиума обязывала его участников ограничиваться периодом диктатуры Сталина, где точки соприкосновения с нацистским режимом были достаточно известны. И все же Нольте попытался выйти за эти рамки в стремлении распространить то, что говорилось о тоталитарном строе сталинских времен, на более ранние годы, когда у власти находились большевики.⁵⁹

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929–1933 гг. И СОЗДАНИЕ НАЦИСТСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА В ГЕРМАНИИ

Повалихина Т.И. (г. Минск, Беларусь)

Накануне знакового события, 80-летия со дня начала Второй мировой войны, историки вновь обращаются к анализу причин ее развязывания. В этой связи представляется актуальным изучение влияния экономических факторов, в частности «Великой депрессии» 30-гг XX в. на приход нацистов к власти в Германии и создание ими военной экономики.

Паника на Нью-Йоркской фондовой бирже 29 октября 1929 г. стала началом самого разрушительного мирового экономического кризиса XX в. В этот день, прозванный «черным четвергом», на Уолл-стрит было продано 12, 8 млн. акций, или в 1,5 раза больше, чем когда-либо. 29 октября, в «черный понедельник» был достигнут пик спекуляций, составивший 16,4 млн. [3, с. 147]. Кризис проявился в резком снижении экономической активности в главных странах Запада.

В Европе страной, подверженной наибольшему влиянию кризиса, стала Германия. Кризис затронул все отрасли хозяйства и все слои населения. Падение производства продолжалось три года, в промышленности оно составило 40%, в сельском хозяйстве – 30, объем ВВП уменьшился на 25% [6, с. 74]. Это объяснялось следующими причинами:

Во-первых, резким сокращением долгосрочного кредитования со стороны США, Великобритании и Франции, а также отзывом ими краткосрочных займов с международных рынков капитала. Чистый импорт капитала в Германию уменьшился с 967 млн. дол. в 1928 г. до 482 млн. в 1929 г. и до 129 млн. дол. в 1930 г. Отток иностранных капиталов ускорился после выборов в рейхстаг в сентябре 1930 г., принесших крупную победу нацистской партии: иностранные депозиты в германских банках, которые составляли 40% их обязательств (8,9 млрд. рейхсмарок), покинули страну. [8, р. 227]

Нехватка финансовых ресурсов вызвала падение производства, рост безработицы. В начале 1930 г. в Германии насчитывалось около 2 млн. безработных. [7, р. 72]. Правительство Г. Брюнинга, пришедшее к власти в марте 1930 г., управляя по декрету о чрезвычайном положении, предусмотренном в Веймарской конституции, провело сокращение заработной платы, пособий по безработице, увеличение налогов. Однако эти меры снизили потребительский спрос и привели к дальнейшему падению производства, что вызвало рост социальной напряженности в стране.

Во-вторых, финансовым кризисом в Европе. Начавшись весной 1931 г. с банкротства крупнейшего австрийского банка «Кредит Анштальт», кризис затронул и германские банки, связанные с австрийскими тесными валютными и торговыми отношениями. Потерпели банкротство крупнейший «Дармштадтер унд Националь банк», а также «Ландесбанк» Рейнской области. За этим последовал натиск кредиторов на Рейхсбанк. Германские финансовые власти были вынуждены временно закрыть банки и фондовые биржи, увеличить учетную ставку с 7 до 10% и установить валютный контроль [3, с. 149]/

В-третьих введением большинством государств высоких протекционистских тарифов и других торговых ограничений. В отличие от Великобритании и Франции Германия не имела возможности продавать свои товары в колониях и доминионах, и пытаясь сократить убытки во внешней торговле, заключила таможенное соглашение с Австрией в начале 1931 г.

⁵⁸ См.: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. VII.

⁵⁹ Там же.

Франция расценила это как нарушение принципов Версальского договора, и французские банки требовали от Германии и Австрии немедленной уплаты краткосрочных обязательств, вызвав очередную волну банкротств, и вынудив обе страны отказаться от договора. В 1931 г. в связи с опасностью государственного дефолта Германии по инициативе президента США Г. Гувера репарационная комиссия приняла решение о приостановлении выплат репараций на год («мораторий Гувера»), а в 1932г. в связи с углублением мирового кризиса репарационные выплаты были прекращены.

Наихудшей стороной депрессии с социальной точки зрения во всех странах был высокий уровень безработицы, но Германия побила все рекорды. С конца 1929 г. до конца 1930 г. безработица выросла в 2,5 раза, составив 4,5 млн. чел, а в 1932 г. – 6.1 млн. чел или 44,5% рабочей силы [8, с. 89]. Безработица касалась каждой второй семьи, 15-20 миллионов человек зависели от пособия. Одним из самых пагубных последствий кризиса в Германии стала волна самоубийств. Нередко кончали с собой целые семьи. В 20 крупных городах Германии отмечалось уменьшение численности населения. [4, с. 106.]. Безработица в Германии привела не только к краху экономики, но и кризису национального сознания, общенациональному психологическому шоку, вызванному несправедливостью и никчемностью существования.

На фоне обострения экономических трудностей в стране популяризировалась национал-социалистская партия Германии во главе с А. Гитлером, которая, пользуясь поддержкой монополий, развернула широкую пропаганду, привлекая на свою сторону широкие слои населения обещаниями работы, снижения налогов, удешевления кредитов, списания долгов и т.д. Крупный капитал поддерживал программу Гитлера, так как получал реальную возможность приумножения прибыли за счет государственных заказов, поглощения мелких собственников, уничтожения евреев.

После прихода Гитлера к власти 30 января 1933г. национал-социалистским правительством стала создаваться особая модель государственного регулирования, которая строилась как на отраслевом, так и на региональном принципах управления, что позволило установить тотальный государственный контроль над экономической жизнью. Возглавляла региональную, а также отраслевую структуру Имперская экономическая палата, которая подчинялась министерству экономики. [5, с. 280]

Все отрасли, за исключением сельского хозяйства, делились на 7 главных имперских групп: промышленности, энергетики, торговли, страхования, ремесла, банков, транспорта дальнего следования. Они в свою очередь подразделялись на многочисленные экономические группы второго уровня. Во главе них стояли главы крупных монополий: Крупп, Тиссен, Шредер и другие, имевшие широкие полномочия. Преимущественное развитие получили отрасли тяжелой промышленности, которая уже в 1934 г. достигла предкризисного уровня [2, с. 35]. С середины 1933 г. проводилось принудительное картелирование предприятий, в результате которого были созданы объединения промышленных фирм. Отличительной чертой системы нацистской системы хозяйства стал принцип «фюрерства», закрепленный в законе 1934 г. «О подготовке к органическому построению германского хозяйства».

Еще одной особенностью государственного регулирования в Германии становится принятие целевых экономических планов. Ключевой задачей первого четырехлетнего плана, обнародованного весной 1933 г., была борьба с безработицей. С этой целью осуществлялась широкая программа общественных работ по строительству дорог, магистралей, автобанов и т.д.

Важно отметить, что организация общественных работ в годы «Великой депрессии» занимала важное место в экономической политике правительств многих государств. Это не было простой случайностью. В 1931 г. в английском «Economic Journal» была опубликована работа профессора Кембриджского университета Р. Кана, в которой он научно обосновал, что инвестиции в строительство дорог – это не только способ ликвидировать безработицу, но и очень эффективное средство их приумножения («мультипликатор инвестиций») [1, с. 629.].

Основной целью второго плана, разработанного в 1934 г. Я. Шахтом, было установление тотального контроля за внешней торговлей и валютным обменом. Германия удалось заключить выгодные двусторонние бартерные и клиринговые торговые соглашения со многими странами, что позволило ей вести торговлю с минимальным расходом валютных средств.

Аграрная политика была направлена на создание продовольственных резервов к началу войны. Государственно-монополистическое регулирование аграрного сектора осуществляло Имперское сословие продовольствия. Вводилась система принудительных поставок сельскохозяйственной продукции. Особую роль в аграрной политике нацистской Германии сыграл закон 1933 г. «О наследственных дворах», к которым относились крестьянские хозяйства площадью от 7 5 до 125 га. Они были неотчуждаемыми, освобождались от поземельного и других налогов и наследовались исключительно старшим из сыновей. [2, с. 37].

Устанавливался государственный контроль в сфере трудовых отношений. В 1933 г. были распущены профсоюзы, рабочие и предприниматели были объединены в «Немецкий трудовой фронт», претендовавший на реализацию идей социального партнерства». В июне 1935г. для молодежи в возрасте от 18 до 25 лет введена трудовая повинность, которая в 1938г. стала всеобщей.

В 1935 г. был принят закон «Об обороне империи», предусматривавший массовое производство вооружений и военных материалов и сокращение гражданских отраслей, что означало милитаризацию экономики. В этом же году была восстановлена всеобщая воинская повинность.

В 1936 г. был принят 4-летний план, целью которого было обеспечить готовность немецкой экономики к войне, армии к действию. Стержнем нового плана стала политика автаркии, т.е. создания собственной сырьевой базы для обеспечения нужд военного производства. Увеличился импорт стратегического сырья. Налаживалось производство синтетических материалов: искусственного каучука, бензина, пластмасс и т. д. Ускоренными темпами росло производство новых видов вооружений, в том числе танков, самолетов, артиллерии.

К 1937 г. с помощью системы тотального государственного регулирования и контроля, а также милитаризации экономики Германии удалось практически ликвидировать безработицу, ее ВВП вырос более чем на треть по сравнению с 1929 г. Доля военных расходов в ВВП Германии со времени прихода нацистов к власти до начала Второй мировой войны увеличилась в 8 раз, с 3% ВВП в 1933 г. до 24% ВВП в 1939 г. [7, с. 85]. Германия готовилась к большой войне.

Таким образом, мировой экономический кризис 1929-1933 гг. оказал разрушительное воздействие на экономику Германии. Он также продемонстрировал уязвимость Версальско-Вашингтонской системы договоров и слабость мирового экономического порядка в целом. Следствием кризиса стал приход нацистов к власти и создание в Германии тоталитарной милитаристской системы хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анры, Д. Гісторыя эканамічнай думкі : дапаможнік / Д. Анры ; пер. с фр. А. Лагвінца, К. Акава ; пад рэд. Т. Паваліхінай. – Мінск: Тэхналогія: Беларус. Фонд Сораса, 1996. – 734 с.
2. История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. : учеб. пособие / А.Н.Маркова[и др.] ; под ред. А. Н. Марковой. – М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1995. – 191 с.
3. Поваляхина, Т. И. История мировой экономики и международных экономических отношений: учеб. пособие / Т. И. Поваляхина. – Минск : Соврем. шк., 2007. – 256 с.
4. Фест, И. К. Гитлер : биография : в 3 т. / И. К. Фест ; пер. с нем. под ред. С. З. Случа, П. Ю. Рахшмира ; с предисл. П. Ю. Рахшмира. – Пермь : Алетея, 1993. – Т. 2. – 477 с.
5. Фишер, В. Европа: экономика, общество и государство, 1914–1980 : пер. с нем. / В. Фишер. – М. : Владос, 1999. – 366 с.
6. Экономическая история: зарубежные страны и Беларусь : учеб. пособие / Д. Н. Черкасов [и др.] ; под ред. Т. И. Поваляхиной. – 2-е изд., перераб. – Минск : Экоперспектива, 2018. – 201 с.
7. Aldcroft, D. H. The European economy 1914–1990 / D. H. Aldcroft. – 3rd ed. – London : Routledge, 1993. – 308 p.
8. Kenwood, A. G. The growth of the international economy: 1820–1990 : an introductory text / A. G. Kenwood, A. L. Lougheed. – London ; New York : Routledge, 1992. – 327 p.

ZWISCHEN DEUTSCHLAND UND LETTLAND: ANALYSE EINIGER WERKE DEUTSCHBALTISCHER AUTOREN DER ZWISCHENKRIEGSZEIT

Talerko V. (Daugavpils, Lettland)

Eine der Aufgaben der langjährigen Forschung war es, aus einzelnen Erwähnungen, gesonderten Informationen, manchmal auch Anspielungen das Bild Deutschlands in der Zwischenkriegszeit bei den Deutschbalten Lettlands zu rekonstruieren. Natürlich haben die deutschbaltischen Schriftsteller, Dichter und Zeitungsreporter vor allem das Leben in Lettland geschildert und sich viel weniger mit den Lebensumständen in Deutschland auseinandergesetzt. Von Bedeutung ist in diesem Fall die These, dass der Vorstellungshorizont gegenüber dem anderen Land (Heteroimage) nicht bloß durch individuelle Beobachtungen geprägt ist, er präsentiert sich oft als kontrapunktisches Widerspiel zum eigenen kulturellen und nationalen Selbstverständnis (Autoimage) [3, 152]. Die Frage ist, ob sich die Deutschbalten in authentischen literarischen Werken als eine andere nationale Gruppe als Gegenüberstellung zu den Heimatdeutschen wahrgenommen oder mit den Heimatdeutschen sowohl sprachlich als auch mental identifiziert haben. Die Geschichtsforscher haben bis jetzt keine eindeutige Antwort, denn insbesondere in der zu betrachtenden Zwischenkriegszeit konnte man 2 entgegengesetzte Tendenzen beobachten. Die erste Tendenz war, sich selbst als eine besondere nationale Gruppe mit ihren sprachlichen und mentalen Besonderheiten zu betrachten [2, 25-28] und Lettland als ihre Heimat zu bezeichnen. Laut der zweiten Tendenz waren die Heimatdeutschen und Deutschbalten ein Volk und für sie spielte der Begriff des Vaterlandes die bestimmende Rolle.

Diese Frage korreliert mit der Tatsache, dass 60.000-70.000 Deutschbalten in 2 Wochen ihre lettische / estnische Heimat verlassen haben und nach Deutschland gezogen sind. Hier ist besonders der historische Aspekt wichtig, der den Historikern und den Literaturforschern erlaubt, die Selbst- und Fremdenbilder der Deutschbalten mit gesellschaftlich-politischen Ereignissen und Interessen jener Zeit zu verbinden. Deshalb konzentriert sich der vorliegende Artikel auf literarische Werke, persönliche Briefe und Zeitungsartikel, die in der Zwischenkriegszeit geschrieben wurden. Gleichzeitig wurden die erworbenen Informationen mit später veröffentlichten Erinnerungen der Deutschbalten verglichen.

In der wissenschaftlichen Literatur kann man die Behauptungen finden, dass es ziemlich kompliziert ist, die Identität und mentale Besonderheiten der Deutschbalten präzise zu bestimmen [2, 25]. Es wird angenommen, dass

die Deutschbalten schon ziemlich lange Zeit in Lettland wohnend, eine einzigartige Psychologie und Kultur besaßen, in der sich Elemente anderer nationalen Kulturen verflochten haben, wie von Letten, Esten, Schweden, Polen und Russen [2, 25].

Im späteren Bericht Jürgen Ernst Kroegers „So war es“ (Ausgabe 1989), in Gedichten (1911-1927) der berühmten deutschbaltischen Dichterin Gertrud von den Brincken, im umfangreichen Roman Oskar Grosbergs „Meschwalden“ (veröffentlicht 1937), in einigen Werken von Frank Thiess (1890-1977) wird besonders die sensible Seite des deutschbaltischen Charakters hervorgehoben, etwa: „[...] Sie gefühlvoller Baltendeutscher!“ [6, 41] oder auch weiter im Text: „Sie sind für den deutschen Orden viel zu zart besaitet, lieber Nachbar!“ [6, 41]

Aufgrund vieler Beobachtungen und anderer Zitate kann behauptet werden, dass die Deutschbalten sich anders als die Heimatdeutschen wahrnahmen. Sie versuchten vor allem durch die Beschreibung ihrer Lebensweise das Besondere in ihrem alltäglichen Benehmen, in Ritualen und Traditionen als Unterschied von den Heimatdeutschen zu beweisen.

Die Deutschbalten, als viele von ihnen nach den Agrarreformen in Baltischen Staaten nach Deutschland ausgewandert waren, fühlten sich sowohl in den 20-er als auch in den 30-er Jahren des 20. Jhs. in Deutschland ziemlich unsicher, weil sie gesellschaftlich, finanziell und politisch nicht selbstständig handeln konnten und ihr Leben von einem anderen Staat, anderen Leuten organisiert und geregelt wurde. Wie man aus vielen Erinnerungen verstehen kann, wurde in Deutschland in den 20-er Jahren alles anders wahrgenommen: fremde Umgebung, andere Laute und Gerüche, was sich auch dadurch erklären lässt, dass die Emigranten sich in der Lage der Bittenden befanden, und sich finanziell unsicher und moralisch deprimiert fühlten. Deutschland hat sie vor allem mit Großstädten und der Enge des menschlichen Wohn- und Lebensraums überrascht, denn die Balten haben sich vor allem als Kleinstädter [7, 6] gefühlt. Der Lebensraum hat für sie andere Dimensionen angenommen.

An vielen Beispielen kann man sehen, dass der Vergleich der wirtschaftlichen Lage in den 20-er Jahren in Lettland und in Deutschland sehr konkret gemacht wurde. Diese Bestimmtheit lässt den Leser die Schlussfolgerung ziehen, dass die Deutschbalten sich als eine geschlossene Völkergruppe empfanden und Lettland in der Komparativform von „entwickelt, progressiv, intellektuell, modern, arbeitsam“ im Vergleich mit Deutschland charakterisierten.

Einige spätere Briefe der Deutschbalten aus dem Jahr 1939 lassen feststellen, dass auch in den 30-er Jahren die wirtschaftliche Lage Deutschlands viel schlimmer als in der Wirklichkeit vorgestellt wurde, z.B.: „Wir wurden ausgezeichnet gepflegt, so daß man wahrhaftig nichts davon merkte, daß man, auf einem deutschen Schiff fahrend, sich auf dem Boden des „hungernden“ Deutschland befand.“ [1, 60]

Die Informationen über die schlechte wirtschaftliche Lage Deutschlands stammten vor allem aus lettisch sprechenden Kreisen. Diese Tatsache hat eine Stichprobe der lettischen Presse aus dem Jahr 1939 bewiesen. So wurden 2 Nummern der Tageszeitung „Latvijas Kareivis“ vom 20.09.1939 und vom 1.10.1939 durchgeblättert und in der Nummer 221 wurde darüber berichtet, dass Deutschland bereit ist, die Lebensmittel beim lettischen Staat einzukaufen. In der Nummer 223 ging es in einem Artikel über das einzuführende Kartensystem für Lebensmittel in Läden und Restaurants Deutschlands.

Die Analyse der deutschsprachigen lettischen Presseausgaben, die im Bericht Oskar Grosbergs „Die Presse Lettlands“ aus dem Jahr 1927 vorgestellt wird, zeigt, dass solche Massenmedien, wie die „Baltische Monatsschrift“, „Rigaer Wirtschaftszeitung“ und „Lettländische Telegraphen-Agentur“, das Ziel hatten, „erschöpfende Vermittlung von Nachrichten über die Wirtschaftslage in den Randstaaten“ [4, 77] zu gewährleisten. Die Zeitungen „Unsere Welt“ und „Die Woche im Bild“ erschienen einmal pro Woche oder jeden zweiten Monat und veröffentlichten ihre Artikel hauptsächlich zu den Fragen der Kultur, der Ausbildung und des gesellschaftlichen Lebens Lettlands. Die Tageszeitung „Libausche Zeitung“ hatte einen regionalen Charakter. Ohne Zweifel war der Informationsspiegel dieser Zeitungen über die Aktualitäten in Deutschland ungenügend. Indirekt weisen darauf auch einige deutschbaltische Autoren hin, z. B. Andreas von Sadonsky und Oskar Grosberg.

An dieser Stelle soll die Rolle noch eines Massenmediums erwähnt werden - das Radio als Kanal für Informationen und für die politische Propaganda. Es kann vermutet werden, dass die verschiedenen Völkergruppen sich unterschiedliche Radiosender anhörten. Was die deutsche Minderheit angeht, wird diese Vermutung mit Erinnerungen und Briefen der Deutschbalten belegt. Mit dem Radiohören verbindet sich die damalige Tradition, am Radiogerät zusammen zu kommen und auf solche Weise Interessengruppen zu bilden, was ihre Absonderung und Konsolidierung beeinflusste.

Man kann behaupten, dass das Deutschlandbild wegen der lettischen offiziellen Zeitungspropaganda und mangelnder Informativität, literarischer Werke der baltischen Schriftsteller eher negative Züge bekam: „Hungerland“, unfreundlich, fremd, wirtschaftlich rückständig. Auch sprachlich konnten unter Deutschbalten und Heimatdeutschen Missverständnisse entstehen, wie es im Roman „Meschwalden“ dargestellt wird. Dabei geht es um die Situation in einem Hotel in Deutschland: „Wie etwa seine Frau im Hotel dem Stubenmädchen sagte, sie möge doch mit einem Spann und Luppatt kommen, um die Diele, auf die sie den Inhalt einer Kaffeetasse versehentlich gegossen, aufzunehmen, und wie das Stubenmädchen sie wie so `ne Dojahnsche angeschaut hatte und man sich mit der Marjell schließlich mit Zeichen verständlich machen mußte.

„So dumm sind die Menschen, daß sie nicht einmal ordentlich Deutsch verstehen!“, und nun schließt er seinen Bericht.“ [5, 249]

Man verband aber immer noch die gute Ausbildung der Jugendlichen mit der richtig gepflegten Sprache und mit dem Studium in Deutschland. Die Jugendlichen kamen nach Hause zurück und berichteten unmittelbar über das Gesehene und das Gehörte. Außerdem suchte man in ihrem Verhalten nach den äußeren Veränderungen, die man dem Einfluss des Lebens in Deutschland zugeschrieben hat. In vielen Werken der deutschbaltischen Autoren wird bei der Charakterisierung der Adeligen, der Geistlichen oder der Intellektuellen ihre abgeschlossene Ausbildung in Deutschland erwähnt. Nach ihren Erzählungen stellte man sich ein anderes, bestimmt besseres, freieres, reicheres und interessanteres Leben vor. Deutschland wurde allmählich zum Teil der großen Welt, in der man sich im Unterschied zu Lettland nicht so fest an Traditionen fesselte und in der man vieles sehen und bewundern konnte. Die Deutschbalten beschwerten sich in ihren Briefen aus den 30-er Jahren des XX. Jahrhunderts, dass in Lettland seit langer Zeit nichts Neues passiert.

Über objektive Ursachen der Auswanderung der Deutschbalten steht viel sowohl in literarischen Werken als auch in Presseberichten geschrieben. Auch die zahlreichen wissenschaftlichen Aufsätze nennen die historisch-politischen Gründe dieser Massenauswanderung. Die propagandistischen Berichte „Die Staatswerdung Lettlands und das Baltische Deutschtum“ (1939) und „Aufgabe und Leistung der Baltendeutschen“ (1940) von Hans von Rimscha hatten das Ziel, die Auswanderung der Balten nach Deutschland als Rückkehr ins Vaterland darzustellen. Die Briefe jener Zeit zeugen davon, dass diese Bemühungen kurz vor und nach der Auswanderung der Deutschbalten besonders effektiv waren, denn manche Stellen offenbaren dieselben Ideen und besitzen fast dieselbe sprachliche Ausformung, z.B.: „Und du bist kein Deutscher mehr, wenn du nicht folgst“. (November 1939) [1, 10]

In den Briefen der Deutschbalten verfolgt man den Wunsch, die schnelle Entscheidung durch ein Wunder oder einen alten Traum zu erklären. Dabei wird über die schnelle Entscheidung berichtet, was bedeuten kann, dass die Deutschbalten z.B. durch die Deutschbaltische Volksgemeinschaft in Lettland, den Deutschen Lehrerverband, den Deutschen Elternverband und andere nicht-politische Organisationen [8, 346] gut organisiert und auf diesen lebenswichtigen Schritt innerlich vorbereitet waren. Die verschlechterte wirtschaftliche und politische Lage nach den Ereignissen des 15. Mai 1939, Angst vor der Sowjetunion, propagandistische Tricks von verschiedenen Seiten, Einfluss der veröffentlichten literarischen Werke machten es möglich, die Menschen zu der Massenauswanderung zu organisieren.

LITERATUR

1. Baltenbriefe zur Rückkehr ins Reich. Hrsg. Hans Krieg. Bd. 2: Volksdeutsche Heimkehr. – Berlin/Leipzig: Nibelungen Verlag, 1940. – S. 60.
2. Cerūzis, Raimonds. Vācu faktors Latvijā (1918-1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti. – Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2004. – 25-28 lpp.
3. Grimm, Gunter E. „Das Beste in der Erinnerung“. Zu Johann Gottfried Herders Italien-Bild. / Johann Gottfried Herder: Aspekte seines Lebenswerkes, Hrsg. Martin Keßler und Volker Leppin. – Berlin u.a.: WdeG, 2005. – S. 152.
4. Grosberg, Oskar. Die Presse Lettlands. – Riga: Baltischer Verlag, 1927. – S.77.
5. Grosberg, Oskar. Meschwalden. Ein altlivländischer Gutshof. – Leipzig: Paul List, 1937. – S. 23.
6. Kroeger, Jürgen Ernst. So war es. Ein Bericht. – Michelstadt/Odw.: Neuthor-Verlag, 1989. S. – 41.
7. Rimscha, Hans von. Um die baltische Zukunft. Jugendbewegung, Korporationen und wir. – Riga: Verlag der Buchhandlung G. Löffler, 1926. – S. 6.
8. 20.gs. Latvijas vēsture. 2: Neatkarīgā valsts 1918-1940. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2003. – 346.lpp.

ФЕНОМЕН «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Терехов О.Э. (г. Кемерово, Россия)

«Консервативная революция» была ярким идеологическим феноменом праворадикального характера в Веймарской республике. Идеология «консервативной революции» возникла в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918 – 1919 гг. Поражение Германии в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили устоявшийся жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха идеологии германского консерватизма предвоенной эпохи представители молодого и частично среднего поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политике кайзеровского толка, что привело к возникновению идеологии «консервативной революции», идейные предпосылки которой формировались еще до войны. «Консервативная революция» была сложным и неоднородным идейным феноменом, в котором сочетались различные традиции германского консерватизма, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идея корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики. «Консервативные революционеры» отвергали парламентский путь достижения своих целей и считали, что они могут быть достигнуты только революционным способом. К числу видных протагонистов «консервативной революции» относят: Ар-

тура Мёллера ван ден Брука, Освальда Шпенглера, Эрнста Юнгера, Карла Шмитта, Эдгара Юлиуса Юнга, Ганса Церера, Эрнста Никиша и ряд других деятелей немецкого консерватизма в Веймарской республике.

Неоднозначность самого феномена «консервативной революции» породила неоднозначность его трактовки. В настоящее время существуют две общепризнанные концепции, которые по-разному трактуют феномен: основоположника историографии «консервативной революции» А. Молера и одного из ведущих социологов и политологов современной Германии Ш. Бройера. Труд Молера (1920 – 2003), которого называли последним «консервативным революционером», вышел из печати в 1950 г. и на долгое время определил восприятие «консервативной революции» в западной гуманитарной мысли. Монография Бройера (1949 г. р.) появилась в 1993 г. и поначалу его концепция вызвала к себе противоречивое отношение, тем не менее, к настоящему времени она считается, наряду с концепцией Молера, важным вкладом в изучение феномена «консервативной революции».

Под «консервативной революцией» Молер подразумевал «духовное движение обновления, которое покончило с оставшимися позади руинами XIX столетия и пыталось создать новый порядок жизни» [13, S. XXVIII] Бройер полагает, что «консервативная революция» не была консервативна в том смысле, в каком ее понимают. Несмотря на апелляцию к традиционным формам политического сознания и использование символов немецкого консерватизма, она явственно несла черты модерна [5, S. 180]. Бройер считает «консервативную революцию» одним из проявлений кризиса буржуазного сознания в форме нового национализма, родившегося в недрах массового общества, стремившегося разрушить партикулистские узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего нацию как единое целое. Более того, он полагает, что необходимо отказаться от самого понятия «консервативная революция», так как оно скорее запутывает рассматриваемый феномен, чем проясняет его.

Несколько иная линия, хотя и соприкасающаяся с немецкоязычной историографией, в изучении «консервативной революции» развивалась в англоязычном пространстве. Речь идет о концепции «реакционного модерна», впервые сформированной и выраженной, в ставшей уже классической монографии американского историка и политолога Джеффри Херфа «Реакционный модернизм: технология, культура и политика в Веймаре и Третьем Рейхе» [7]. Монография стала новым этапом в исследовании праворадикальных идеологий и движений межвоенного периода. Для объяснения праворадикальных идейно-политических феноменов межвоенного времени, на примере немецкого правого радикализма («консервативная революция» и национал-социализм), Херф предложил концепцию «реакционного модернизма», отличительной особенностью которого стал синтез иррационалистических идей немецкого консерватизма и национализма с «наиболее очевидной манифестацией направленной на достижения цели рациональности» [7, р. 1]. Немецкие правые этого периода в своей идеологии и политике пытались, по мнению Херфа, совместить не совместимое, одновременно целиком отрицать Просвещение и пользоваться его плодами, что создавало идейную и политическую гремучую смесь. Данный подход был продолжен в ряде трудов западных гуманитариев, в этом контексте особенно необходимо отметить труд британского историка-германиста Томаса Рокрэмера [14].

В русле изучения общих проблем «консервативной революции», как, например, ее сущности, наиболее дискуссионной стала проблема соотношения «консервативной революции» и национал-социализма. Проблема вины «консервативных революционеров» за идейную подготовку Третьего рейха стала основополагающей в оценке их взаимоотношений с национал-социализмом в послевоенной историографии. Подходы к трактовке этой проблемы зачастую были краеугольным камнем оценки идейно-теоретического наследия «консервативной революции» в целом как явления германского радикального консерватизма и служили водоразделом в ее анализе различными направлениями гуманитарной мысли: либеральным, социал-реформистским, консервативным и марксистским. Так, например, по словам Ф.-Л. Кроля, трактовка проблемы взаимоотношения между концептами «консервативной революции» и национал-социализма спровоцировала в западногерманской историографии одну из острейших дискуссий после 1945 г. [11, S. 103–104].

Особенностью феномена «консервативной революции» была его ярко выраженная персоналистическая составляющая. Поэтому наряду с работами о «консервативной революции» общего характера, значительно место занимают труды, посвященные отдельным ее представителям. Среди наиболее значительных следует выделить исследования А. М. Коктанека и Д. Фелькена о Шпенглере [10, 6], Г. И. Швирскотта и А. Шлютера о Мёллере ван ден Бруке [15, 17], Б. Еншке о Юнге [9], Г. П. Шварца, М. Хиталы, Д. Мората о Юнгере [16, 8, 12] и ряд других.

Говоря о различных концепциях и трактовках «консервативной революции» в гуманитарной мысли, нельзя не упомянуть леворадикальную, представленную историками, политологами и философами социалистического лагеря, прежде всего СССР и ГДР. Исследовательский тон здесь задавала советская гуманитарная мысль. Советские авторы подвергли критике сам термин «консервативная революция» как логически и содержательно бессмысленный. В советской литературе утвердилась точка зрения о том, что авторы термина намеренно использовали слово революция для того, чтобы исказить его подлинное значение. В числе основных черт «консервативной революции» советские авторы выделяли следующие: 1) политическую реакционность; 2) антидемократическую направленность; 3) национализм; 4) антикоммунизм и псевдосоциалистическую фразеологию; 5) политический экстремизм. В советской научной литературе однозначно было принято причислять «консервативную революцию» к идеологическим предтечам национал-социализма. Наиболее репрезентатив-

ное (насколько это было возможно в условиях советского марксизма) и критическое освящение в советской гуманитарной мысли идеология «консервативной революции» получила в труде А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира [3].

В заключение нашего краткого обзора историографии феномена немецкой «консервативной революции» необходимо кратко сказать о современной российской историографии данной проблематики. В конце XX – начале XXI вв. в переводе на русский язык вышли основные труды ведущих идеологов «консервативной революции», это стимулировало всплеск научного интереса к этому феномену, что отразилось в исследованиях В. В. Афанасьева, О. Э. Терехова, С. В. Артамошина [2, 4, 1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин, С. В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики / С. В. Артамошин. СПб.: Владимир Даль, 2018. – 415 с.
2. Афанасьев, В. В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения / В. В. Афанасьев. М.: Канон+РОИИ Реабилитация, 2009. – С. 223 – 526.
3. Галкин, А. А., Рахшмир, П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем / А. А. Галкин, П. Ю. Рахшмир. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
4. Терехов О. Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации / О. Э. Терехов. Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2011. – 194 с.
5. Breuer, S. Anatomie der Konservativen Revolution / S. Breuer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. – 232 S.
6. Felken, D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur / D. Felken. – München: Beck, 1988. – 304 S.
7. Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Reprinted 1984. / J. Herf. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 251 p.
8. Hietala, M. Der neue Nationalismus in der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn 1920 – 1933 / M. Hietala. – Helsinki, 1975. – 274 S.
9. Jenschke, B. Zur Kritik der konservativ-revolutionären Ideologie in der Weimarer Republik: Weltanschauung und Politik bei Edgar Julius Jung / B. Jenschke. – München: Beck, 1971. – 200 S.
10. Koktanek, A. M. Oswald Spengler in seiner Zeit / A. M. Koktanek. – München: Beck, 1968. – XXVII, 523 S.
11. Kroll, F. L. Konservative Revolution und Nationalsozialismus: Aspekte und Perspektiven ihrer Erforschung / F. L. Kroll // Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus / Hrsg. C. von Schrenck-Notz. – Berlin: Duncker & Humblot, 2000. – S. 103 – 118.
12. Morat, D. Von der Tat zur Gelassenheit: konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger; 1920 – 1960 / D. Morat. – Göttingen: Wallstein-Verlag, 2007. – 592 S.
13. Mohler, A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932; ein Handbuch. 4. Aufl. / A. Mohler. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. – XXX, 554 S. + 131 S.
14. Rohkrämer, Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880 – 1933 / Th. Rohkrämer. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1999. – 404 S.
15. Schlüter, A. Moeller van den Bruck: Leben und Werk / A. Schlüter. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2010. – IX, 448 S.
16. Schwarz, H. P. Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik E. Jüngers / H. P. Schwarz. – Freiburg im Breisgau: Rombach, 1962. – 320 S.
17. Schwiarskott, H. J. Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik / H.-J. Schwiarskott. – Göttingen: Musterschmidt-Verlag, 1962. – 202 S.

ИДЕИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А.Г. ГОТАЛОВА-ГОТЛИБА

Левченко В.В. (г. Одесса, Украина)

Межгосударственные отношения СССР и Веймарской республики развивались в многомерном пространстве – в политической, экономической и социокультурной плоскостях. Этот исторический период характеризуется развитием теории и практики реформаторской педагогики, которая стала основой инновационных сдвигов в системе образования многих европейских стран, в частности СССР и Веймарской республики.

Духовно-нравственное воспитание Германии первой половины XX в. было предметом научных изысканий многих исследователей. Однако, несмотря на интерес ученых разных стран к педагогической мысли Германии в указанный период, до сих пор остаются недостаточно изученными концепции духовно-нравственного воспитания немецких педагогов-реформаторов, деятелей Бременской научной школы, основателей различных типов новых школ в Германии, в частности во времена Веймарской республики.

Инновационные подходы обновления содержания системы образования в СССР в 1920-х – 1930-х гг. активно разрабатывал историк педагогики, педагог, методист, руководитель-организатор системы образования А. Г. Готалов-Готлиб. В научной литературе на сегодня отсутствует работа, в которой было бы комплексно изучено его многостороннюю научную деятельность в исследовании немецкой педагогической мысли и системы образования.

На протяжении 1920-х гг. в профильных научных сериальных изданиях УССР А. Г. Готалов-Готлиб опубликовал более 30 научных работ на тему опыта реформаторской педагогики в разных странах мира, среди которых в период с 1922 по 1928 гг. 12 статей было посвящено образовательной системе и тенденциям развития педагогической науки в Веймарской республике [1–11; 14]. В этих публикациях ученый давал в целом положительную характеристику образовательной системе и развитию педагогической науки в Веймарской республике с пожеланием советским педагогам всестороннего ознакомления с постановкой дела в ее системе образования. В 1930-х гг. на указанную тему А. Г. Готалов-Готлиб опубликовал только две статьи [15–16]. Уменьшение количества публикаций на данную тему исследований ученого было связано с изменением характера политических отношений СССР с Германией.

Активной научной деятельности А. Г. Готалова-Готлиба способствовало разрешение Государственного научно-методологического комитета при НКП УССР (ГНМК при НКП УССР) осенью 1925 г. осуществить ему научную командировку в Германию на два месяца за свой счет для участия в конференции немецких педагогов, изучения системы образования и ознакомления с новыми достижениями в педагогической науке в западноевропейских странах. Задачей его путешествия, как он сам писал, было «выяснити, що являє собою в даний момент німецька школа, як вплинула революція на шкільну практику, в чому полягає зрух у цій царині, як і за яких умов працює новий учитель, як провадиться трудове та колективне виховання, в які форми відлилася нова шкільна книжка, як організовано нові педагогічні інститути, де підготовляється новий учитель, що дають масовій школі психотехнічні лабораторії, як організовано новітні школи робітничої молоді та новітні типи загальноосвітньої середньої школи, що виникли за останні роки, як відбивається на освіті політична реакція тощо» [13, с. 3].

По возвращении из командировки ученый подготовил подробный отчет на 44 листах, который остается неопубликованным и хранится в именном фонде А. Г. Готалова-Готлиба в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (ОРКР НБ ОНУ): «Отчет члена Украинского ГНМК проф. А. Г. Готалова-Готлиба о его правительственной 2-х месячной заграничной командировке осенью 1925 года в Германию и Чехословакию для изучения состояния просветительных учреждений различных типов и для установления связи с демократическим учительством» [23]. Основные задачи командировки он описал так: «Выполняя свое основное задание, которое заключалось в собирании по библиотекам материалов, характеризующих современную организацию и систему просвещения в культурных странах (Англии, Франции, С. Штатах, Германии, Италии и т. д.), я имел возможность параллельно вести и другую работу: важно было выяснить, что представляет собою в данный момент немецкая школа, как повлияла революция на школьную практику, в чем заключается сдвиг в этой области, как и в каких условиях, работает новый учитель, как проводится трудовое и коллективное воспитание, в какие формы отлилась новая учебная книга, как организованы новые педагогические институты, в которых подготавливается новый учитель, что дают массовой школе психотехнические лаборатории, как организованы новейшие школы рабочей молодежи и новейшие типы общеобразовательной средней школы, возникшие в последние годы, как отзывается на просвещении политическая реакция и пр.» [23, л. 3–4].

Результаты научной командировки А. Г. Готалов-Готлиб опубликовал в ряде научных статей и двух книгах опубликованных в 1927 г. тиражом по 3000 экземпляров каждая [12–13]. Обе книги ГНМК при НКП УССР по секции профессионального образования рекомендовал к использованию в качестве пособия для педвузов.

Плодотворная научная деятельность А. Г. Готалова-Готлиба также получила свое отражение во многих неопубликованных исследованиях, которые хранятся в именном фонде ученого в ОРКР НБ ОНУ. На сегодня нами выявлено восемь рукописей историка по указанной теме: «Философские, социологические и педагогические воззрения П. Барта» (1926) [17], «История философско-педагогических теорий и культурно-педагогических партийных программ в капиталистических странах в первой четверти 20-го века. Часть первая: Германия и Австрия» (1930) [18], «Университеты на Западе. История и современное состояние» [19], «Современная педагогика. Трудовая школа» [20], «Философско-педагогические теории в Германии в XX веке (до 1933 г.)» [21], «Центры научно-исследовательской работы в области педагогики Германии» [22], «Формы группировки учащихся для дидактических целей в школах С. Штатов Америки и Германии в связи с современным педагогическим движением» (1929) [24], «История педагогической теории и практики в новейшее время в связи с социально-экономическими условиями эпохи. Материалы по Барту и др. (Пособие к лекциям)» (1929) [25].

Несмотря на определенную идеологическую заангажированность выводов работ А. Г. Готалова-Готлиба, в своих исследованиях он описывал, как сложное политическое и социально-экономическое положение Германии вследствие поражения в Первой мировой войне, революционных событий 1918 г. и установления Веймарской республики повлияло на реформу немецкой системы образования. В период Веймарской республики педагоги-реформаторы разработали и скорректировали идеи трудового, нравственного, эстетического и физического воспитания. Педагоги-реформаторы Веймарской республики внесли вклад в разработку организации учебной и игровой деятельности, общения учащихся и школьного самоуправления. Их заслугой стало стимулирование развития и применения в массовой народной школе индивидуальных, диалоговых, групповых и взаимных форм обучения, практики сдвоенных уроков и непрерывных занятий. Результаты проведенного исследования позволили установить А. Г. Готалову-Готлибу, что социально-экономические, общественно-политические и культурные преобразования, стремительные темпы научно-технического прогресса Германии как высокоразвитой мировой державы в рассматриваемый период, способствовали развитию и совершенствованию

ванию теории и практики обучения и воспитания в стране. Таким образом, возникла необходимость совершенствования образования на всех ее уровнях, улучшение качества подготовки молодого поколения к труду в сфере промышленного производства, перестройки воспитания для дальнейшей индустриализации страны и переориентации педагогических теорий в направлении развития гуманистических идей в области образования и воспитания. Именно эти ориентиры и приоритеты системы образования Веймарской республики А. Г. Готалов-Готлиб пытался привнести и привить украинской системе образования на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готалов-Готлиб, А. Г. Школьные вопросы у побежденных (национализм и интернационализм в воспитании) / А. Г. Готалов-Готлиб // Путь Просвещения. – 1922. – № 7–8. – С. 116–131.
2. Готалов-Готлиб, А. Г. Итоги германской школьной реформы / А. Г. Готалов-Готлиб // Наша школа. – 1923. – № 1. – С. 41–43.
3. Готалов-Готлиб, А. Г. Кризис университета и вопрос о подготовке учительства (Германия) / А. Г. Готалов-Готлиб // Путь просвещения. – 1923. – № 2. – С. 37–61.
4. Готалов-Готлиб, А. Г. Педагогическое образование на Западе / А. Г. Готалов-Готлиб // Путь Просвещения. – 1924. – № 11–12. – С. 167–190.
5. Готалов-Готлиб, А. Г. Система повышения квалификации учительства в Германии / А. Г. Готалов-Готлиб // Путь Просвещения. – 1925. – № 7–8. – С. 175–197.
6. Готалов-Готлиб, А. Г. Новые педагогические институты в Саксонии / А. Г. Готалов-Готлиб // Путь просвещения. – 1926. – №№ 2–3. – С. 123–132; № 5–6. – С. 91–132.
7. Готалов-Готлиб, А. Г. Обновленная саксонская народная школа / А. Г. Готалов-Готлиб // Путь Просвещения. – 1926. – № 7–8. – С. 116–138.
8. Готалов-Готлиб, А. Г. Опытные школы в Саксонии / А. Г. Готалов-Готлиб // Путь Просвещения. – 1926. – № 8–9. – С. 137–158; № 10. – С. 90–98.
9. Готалов-Готлиб, А. Баварский комплексник-краевед / А. Г. Готалов-Готлиб // Радянська освіта. – 1926. – № 4. – С. 65–70.
10. Готалов-Готлиб, А. Г. «Школа робітничої молоді в Німеччині» (за особистими спостереженнями) / А. Г. Готалов-Готлиб // Записки Одеського інституту народної освіти. – 1927. – Т. I. – С. 282–302.
11. Готалов-Готлиб, А. Г. Педагогічна енциклопедія проф. Роллофа / А. Г. Готалов-Готлиб // Записки Одеського інституту народної освіти. – 1927. – Т. I. – С. 387–393.
12. Готалов-Готлиб, А. Школа робітничої молоді в Німеччині (за особистими спостереженнями) / А. Г. Готалов-Готлиб. – Одеса: Державне видавництво України, 1927. – 24 с.
13. Готалов-Готлиб, А. Г. Нові школи в Німеччині (з особистих спостережень) / А. Г. Готалов-Готлиб. – Одеса: Державне видавництво України. – 1927. – 172 с.
14. Готалов-Готлиб, А. Г. Системи народної освіти Німеччини, Сполучених Штатів Північної Америки, Франції та Англії / А. Г. Готалов-Готлиб // Шлях освіти. – 1928. – № 8–9. – С. 39–71; № 10. – С. 21–40.
15. Готалов-Готлиб, А. Г. Методическая работа в индустриальных техникумах Германии / А. Г. Готалов-Готлиб // За промышленные кадры. – 1933. – № 11. – С. 81–86.
16. Готалов-Готлиб, А. Г. Педагогическое образование в Германии / А. Г. Готалов-Готлиб // Педагогическое образование. – 1934. – № 6. – С. 82–95; 1935. – №1. – С. 113–119, № 2. – С. 73–81.
17. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 7. Ед. хр. № 126. Л. 575–596.
18. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 8. Ед. хр. № 127. Л. 1–138.
19. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 9. Ед. хр. № 137. Л. 455–554.
20. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 10. Ед. хр. № 142. Л. 356–471.
21. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 20. Ед. хр. № 203. Л. 435–463.
22. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 20. Ед. хр. № 203. Л. 554–571.
23. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 22. Ед. хр. № 213. Л. 1–46.
24. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 22. Ед. хр. № 218. Л. 987–1037.
25. ОРКР НБ ОНУ. Архив А. Г. Готалова-Готлиба. – Карт. № 23. Ед. хр. № 220. Л. 393–489.

ИЗ ИСТОРИИ ДРУЖБЫ ПИОНЕРОВ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ)

Ерешко А.Е. (г. Москва, Россия)

Взаимоотношения советских и немецких пионеров имеют глубокие корни. Германия в СССР воспринималась как страна, где зародился марксизм, где была свергнута монархия и где ждали в скорейшем времени социалистическую революцию. Контакты в рамках Коминтерна, КИМ'а, МОПР'а были постоянными, по крайней мере до тех пор, пока немецкая пионерия не была вынуждена уйти в подполье. В фондах Музея истории детского движения ГБПОУ «Воробьевы горы» (далее – МИДД) содержится ряд интересных, ценных материалов по данной теме (в списке источников и литературы мы указываем музейные номера).

В Германии пионерская организация возникла в 1920–1921 гг. [5, с. 8; 11, с. 33], и была наиболее многочисленной из всех капиталистических стран, на начальных этапах сравнимая даже с пионерией СССР [6, с. 14;

16, с. 51; 9, с. 24]. Но если в Советской России постоянно увеличивалось число пионеров, то в Германии с середины 1920-х гг. наблюдается спад.

В начале 1920-х гг. в тяжелые для Советской России время немецкие пионеры помогали голодающим [5, с. 23; 15, с. 142; 16, с. 12–13], «из Германии детские коммунистические группы отправляли в Россию целые пароходы, нагруженные продовольствием, которое было куплено за деньги, ими собранные» [11, с. 30]. На средства немецких и голландских ребят был организован «специальный детский дом в Челябинске (на Урале)» [16, с. 13]. Но через несколько лет уже СССР помогает в постройке детского лагеря под Берлином [6, с. 26], Центрсоюз способствует открытию в г. Тамбахе первого пролетарского детского дома [16, с. 16]. В помощь детям Германии пионерами организовывались кружковые сборы, спектакли [11, с. 30–31].

При поддержке Советской России МОПР открыл ряд детских домов на территории Германии: в Эльгерсбурге (Тюрингия) и «Баркенгофф» в Ворпсведе, о которых прямо говорилось, что их возникновение «стало возможным благодаря широкой помощи со стороны МОПР'а СССР». В этих детских домах дети отдыхали 8–12 недель. Тут у них проходили встречи с представителями организации Союза молодых Спартаковцев [14].

В детской социалистической прессе в Германии (DasProletarischeKind) публиковались советские политики и теоретики детского движения: Л.Д. Троцкий, Н.К. Крупская, П.П. Блонский, В.Н. Шульгин; статьи о советском детстве, школе и пионерии. Эти издания периодически попадали и в Советскую Россию к пионерским вожакам, которыми, многие десятилетия спустя, были переданы в Музей истории детского движения [1; 2].

Пионеры Германии (чаще, чем представители других стран) в 1920-е гг. в составе различных делегаций систематически посещали Советскую Россию. В 1926 г. именно пионеры из Германии были первой иностранной делегацией, принятой пионерской здравницей «Артек» [13, с. 23–24]. Естественно, немецкая делегация приехала на I Всесоюзный слет пионеров, а после Второго международного слета детей рабочих и крестьян в Берлине немецкие делегаты во главе с Эрихом Визнером отдыхали (а последний и проводил занятия с пионерами) в Артеке 1930 г., о чем сохранились фотографии Я.Е. Берлина в МИДД [7]. Советские пионеры тоже приезжали на мероприятия в Германию: так в 1923 г. в г. Готе на Второй конференции детских коммунистических групп представляли Москву пионер Лушин и вожатый В.А. Зорин [11, с. 32; 16, с. 15].

Советские пионеры дарили своим немецким друзьям как ритуальные вещи, напоминающие о социалистической борьбе, так и подарки на память. Делегациям и группам торжественно передавали Красное пионерское знамя – символ организации. В МИДД находятся воспоминания Л.И. Львова, центральная часть которых посвящена тому, как пионеры г. Ново-Борисова Минской губернии собрали деньги, изготовили Красное пионерское знамя и торжественно передали его для немецких пионеров на V Конгрессе Коминтерна [8; 10, л. 2–3]. Отдельным людям дарили значки, фотографии на память, свои детские работы.

На одном из таких подарков, хранящемся в наших фондах, хочется остановиться подробнее. Это небольшой фотоальбом, подаренный в 1929 г. Вилли Циммерману, представителю Всегерманского объединения рабочих фотографов, пионерским фотолюбительским кружком Центрального Дома юных пионеров Хамовнического района г. Москвы [3, л. 1–5]. Альбом включает в себя 5 листов и содержит фотографии с деятельностью данного пионерского отряда. Понятно, что в него вошли не все виды деятельности пионеров. Интересно проследить, что они посчитали актуальным и интересным для немецких друзей и включили в свой фотоальбом.

Открывает альбом фотография отряда на марше с барабаном и пионерским знаменем, после нее идут занятия пионеров в технических кружках: юные радиолюбители, фотографы, электрики, авиаторы, работа в переплетной мастерской. К ним не относятся только три фотографии: занятия с октябрятами и в читальне и спортивная игра волейбол. Художественное направление и общественная работа не представлены вовсе. То, что их не включили из-за ограничения в объемах альбома – не может это объяснить, поскольку четыре его оборота из пяти остались пустыми. Возможно, это связано с тем, что подарок предназначался именно фотолюбителям, которым могут быть не так интересны эти темы... Также любопытно, что нет ни одного снимка, связанных с военно-спортивной подготовкой – ни игр (таких как «Взятие Перекопа»), ни занятий с оружием, ни медицинской помощи.

Вилли Циммерман придавал большое значение этому подарку: он пронес его через годы нацистского режима. Самонпишетобэтомвписьметак: «Ich bin nun nach 31 Jahren wieder in Moskau und möchte Euch dieses Geschenk wieder zurückgeben – als Beweis wie ich dieses Album von den Pionieren in Ehren gehalten habe, müsste es auch von den Faschisten verstecken, da diese alle Kommunistischen Bilder – Bücher – Zeitungen beschlagnahmten und den Besitzer ins Gefängnis oder Zuchthaus oder in das Konzentrationslager verschleppten» [3, л. 6–7].

В 1960 г., приехав в Москву через много лет, В. Циммерман передал альбом московским пионерам с пожеланием установить переписку советских и немецких пионеров-фотокинолюбителей.

Пионеры СССР и Германии переписывались между собой [11, с. 30–31]. В 1928 году даже была издана книга «Вместе с отцами. Письма зарубежных пионеров», где представлены тематические подборки писем по рубрикам «За красной чертой», «На школьных баррикадах», «Пионеры за работой», Делегаты отчитываются», «СССР – наша родина» [4]. Многие письма в этой книге от немецких пионеров, причем пишут они в разные города Советского союза (Казань, Луганск, Москву, Смоленск, Ставрополь и др.) и из разных городов Германии (Бармен, Берлин, Кельн, Лейпциг и др.) [4, с. 6, 7, 15, 17, 20]. Естественно, тематика писем раскрывает тяжелую жизнь немецких пионеров, их дела и надежды, показывает сильный интерес к деятельности пионеров двух

стран, их интернационализм.

Подвижные игры пионеров тоже проводили идеи интернационализма и коммунистической солидарности. Например, в играх, описанных в журнале «Барабан» – «Пионеры Берлина» и «Перешлем «Барабан» пионерам Германии» – советские пионеры передают своим немецким товарищам детскую советскую литературу или она фигурирует в самой игре (журнал «Барабан» и газета «Пионерская правда») [12, с. 24].

Итак, на материалах фондов МИДД раскрывается картина дружбы и взаимопомощи советских и немецких пионеров 1920-х гг. По ним можно проследить, какие темы во взаимоотношениях были актуальны в 1920-е гг. и заключить, что они несколько отличались от того, что стало актуально в следующем десятилетии. Нужно отменить сильный интерес к жизни и деятельности друг друга, участие представителей в значимых мероприятиях как немецких, так и советских пионеров (несмотря на негативное отношение к этому властей Веймарской Республики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Genin G. Kulturfeldzug der Moskauer Pioniere // Das Proletarische Kind. Herausgegeben vom exekutiv-komitee der kommunistischen jugendinternationale. 1929, Heft 2, Februar. P. 40–43. МИДД. КП 12771 Ф-XI-266
2. Schulgin W.N. Die Politische Klassenerziehung der Kinder // Das Proletarische Kind. Herausgegeben vom exekutiv-komitee der kommunistischen jugendinternationale. 1929, Heft 4, April. P. 99–102. МИДД. КП 12772 Ф-XI-267
3. Альбом Пионерского фотолюбительского кружка Центрального Дома юных пионеров Хамовнического района г. Москвы, подаренный Всегерманскому объединению рабочих фотографов. 1929 г. МИДД. КП 6946 Ф-V-91
4. Вместе с отцами (письма зарубежных пионеров) / Под ред. Международного детбюро ИК КИМ'а; Сост. К. Регина, Б. Белла. М.–Л.: МГ, 1928. 64 с. МИДД. КП 4622, Ф-VI-1080.
5. Гернле Э. Детское коммунистическое движение / Пер. с нем. 4-е изд. Харьков: Пролетарий, 1925. 120 с. МИДД. КП 674, Ф-VI-77
6. Дарси К. Мировое детское коммунистическое движение. Доклад V всемирному конгрессу КИМ. М.–Л.: МГ, 1929. 26 с. (Библиотека V конгресса КИМ). МИДД. КП 10153, Ф-VI-1789
7. Делегаты Международного слета пионеров в Артеке. МИДД. Ф. I (Негатека Я.Е. Берлина). Оп. 1. Кор. 36–39.
8. Ерешко А.Е., Ефимова Е.А. Публикация воспоминаний о деятельности первого пионерского отряда г. Ново-Борисова Минской губернии [см. данный сборник]
9. История Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина в хронике дат и событий. В 2-х ч. / Под общ. ред. В.К. Криворученко. Ч. 1. М.: МГ, 1985. 248 с.
10. Львов Л.И. Воспоминания старого пионера. МИДД. КП 6131, Ф-VII-239
11. Наша всемирная рать / сост. В. Лир [В.Ф. Куличенко]. Харьков: Всеукр. о-во содействия "Юному ленинцу", 1924. 40 с. (Библиотека юного ленинца; № 31). МИДД. КП 2863, Ф-VI-712
12. Пионерские игры // Барабан. 1925. № 6. С. 24. КП 2734 Ф-VI-689
13. Свистов В.Т. Артек – за годом год... Летопись Международного Детского Центра. Запорожье: МП «Берегиня», 1996. 272 с.
14. Серия из шести открыток детских домов МОПР'а. Saladruck. Zieger & Steinkopf, Berlin SO 16. [1924–1932 гг.]
15. Спутник юного ленинца. Харьков: Всеукраинское О-во Содействия "Юному Ленинцу", 1924. 246 с. МИДД. КП 4524, Ф-VI-1054
16. [Шамет Н.О.] Наши друзья во всем мире / Сост. Н.Ш. М.–Л.: МГ, 1925 [На обл. дата: 1924]. 51[1] с. (У костра). МИДД. КП 4127, Ф-VI-917

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ ГЕРМАНИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ 1920–1940-Х ГГ. В ПЕРЕПИСКЕ С МИТРОПОЛИТОМ ЕВЛОГИЕМ (ГЕОРГИЕВСКИМ)

Каиль М.В. (г. Смоленск, Россия)

Митрополит Евлогий (Георгиевский) без сомнения является центральной фигурой в истории российского церковного зарубежья второй четверти XX века. Будучи одним из двух наиболее статусных и авторитетных архиереев Русской Православной Церкви Зарубежом (оппонировавшим Архиерейскому Синоду сформированному Антонием (Храповицким) в Сремских Карловцах) он стал центром объединения для широкого круга эмигрантов – выходцев из разных социальных слоев, носителей разных политических и социальных убеждений.

Родившийся в центральной России (Тульской губернии) будущий митрополит по окончании Московской духовной академии в 1892 г. и принятии монашества в 1895 г. вскоре был переведен в Холм ректором духовной семинарии (1896 г.) – начался долгий период его служения на окраине империи в регионе со сложным и конфликтным этнорелигиозным профилем. С 1902 г. он был уже епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии, после разделения которой в 1905 г. стал епархиальным архиереем Холмским и Люблинским. Впереди была работа в двух составах Государственной Думы, отказ от членства в IV созыве, где ему предложили возглавить особую фракцию духовенства. Накануне войны в 1914 г. стал архиепископом Волынским и Житомирским. По личному поручению государя руководил церковными делами в оккупированной Галиции, был членом Предсоборного Совета и Поместного Собора. В конце 1918 г. арестован петлюровцами в Киеве, освобожден летом 1919 г. – вернулся в Новороссийск, где пробыл до января 1920 г., когда навсегда покинул Рос-

сию., обосновавшись в Королевстве СХС. С 1921 г. —управляющий приходами в Западной Европе (сначала получив назначение от ВЦУ в Константинополе, а затем от Патриарха Московского Тихона, 30 января 1922 г. с возведением в сан митрополита). Далее возник тлеющий конфликт между старейшим иерархом в эмиграции митрополитом Антонием (Храповицким), Фанаром и волей Патриарха Тихона, назначившего Евлогия возглавить все заграничные церкви и определить порядок их управления. Конфликт привел к запрещению Евлогия решением Архиерейского Собора РПЦЗ в 1927 г.

Митрополит Евлогий, желая сохранить церковный мир и не раз уступая в спорах фактически за власть митрополиту Антонию и прибегая к посредничеству Константинопольского патриарха Мелетия, лишь обострил борьбу, дошедшую до запрещения его в служении в 1931 г. Тогда Евлогий, не имея твердой опоры в Москве, связь с которой была непостоянной и обремененной влиянием государства атеистической власти на заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), перешел под омофор Вселенского Патриаршего Престола в качестве экзарха Константинопольского патриарха — управляющего православными приходами в Западной Европе.

Проведя при посредничестве Константинополя тяжелейшие переговоры осенью 1935 г. в Сремских Карловцах, ограничивших его в правах, он вернулся в Париж (постоянное местопребывание), где подписанное им в Карловцах “Временное положение” об управлении Западно-Европейской митрополии было отвергнуто на Епархиальном собрании.

Одним из наиболее острых стал конфликт за подчинение Сремским Карловцам (Архиерейскому Синоду РПЦЗ по влече с митрополитом Антонием) евлогианских приходов в Германии [5, с.145].

Постановлением Архиерейского Синода РПЦЗ 1 июля 1926 г. территория Германии была выделена в самостоятельную епархию во главе с епископом Берлинским и Германским Тихоном (Ляшенко). К 1935 г. на территории Германии было 4 прихода карловчан, Евлогию подчинялось 9 приходов зарегистрированных в период Веймарской республики (позднее возникла проблема как с регистрацией так и с перерегистрацией религиозных общин вследствие которой 4 фактически действующих прихода прав юридического лица и регистрации лишились) [4, л. 4]. По официальной информации к середине 1930-х гг. в стране было свыше 13 тыс. православных [6, с.8]. Единственной общиной Германии подчиненной Московскому Патриархату был приход протоиерея Григория Прозорова в Берлине.

При этом священноначалие каждой из юрисдикций обращалась к официальному правительству Германии с просьбами о поддержке своих приходов, подчеркивая как свою каноническую безупречность, так и лояльность существующим гражданским властям страны. Подобная ситуация была характерна и для других европейских стран, где сложились конкурирующие православные юрисдикции. Но положение в Германии обострялось резким изменением политического курса страны в 1930-е гг. При этом в число неблагонадежных православных власти рейха посчитали именно евлогианские приходы, как в силу административного подчинения кафедре находившейся в Париже, так и подозревая их во враждебности рейху [8, с.187].

Гестапо повело кампанию по государственному признанию карловацкой епархии, которое, по мысли ее организаторов, должно было способствовать переходу под управление карловчан евлогианских приходов Германии. Назначенному в мае 1935 г. митрополитом Евлогием в качестве управляющего православными приходами Германии епископу Сергию (Королеву) власти отказали в регистрации и побудили покинуть страну. Евлогиане проявляли удивительное единство и стойкость. Власти Германии пошли даже на строительство фактически на свои средства нового православного собора (Воскресения Христова) в Берлине [9, с. 53-57]. Конец 1930-х гг. стал периодом острой борьбы властей Германии буквально против каждого евлогианского прихода. С целью склонения верующих к юрисдикционному переходу власти пошли даже на замещение одного карловацкого иерарха архиепископа Тихона (Лященко) другим — епископом Серафимом (Ляде). Положение дел изменило лишь принятие закона о землевладении Русской Православной Церкви в Германии в 1938 г. Опираясь на этот закон, карловацкой епархии были переданы здания церквей и недвижимость, находившаяся в распоряжении евлогиан в Баден-Бадене, Эмсе, Дармштадте, Штутгарте, Висбадене [9, с. 72-84]. Последним оплотом евлогианского сопротивления оставался Дрезден. Из страны пытались выслать благочинного евлогианских приходов архимандрита Иаонна (Шаховского), однако евлогианская юрисдикция в Германии сохранилась вплоть до начала Второй Мировой войны.

После изменения вероисповедной политики в СССР и восстановления патриаршества с февраля 1945 г. Евлогий взял курс на восстановление канонического подчинения Москве, 29 августа 1945 г. каноническое воссоединение состоялось. Константинополь же так и не дал Евлогию отпускной грамоты вплоть до кончины митрополита 8 августа 1946 г. Западный экзархат стал заложником в борьбе Москвы и Вашингтона (последний стремился контролировать внешнеполитическую деятельность Фанара) в новых геополитических условиях, сложившихся по окончании Второй Мировой войны.

Владыка Евлогий имел широчайший круг общения и в отличие от большинства иерархов эпохи оставил достаточно репрезентативный архив, включающий и значительную подборку писем к нему разных лиц, как священства и монашества различных приходов из разных стран российского рассеяния, так и светских лиц различных чинов и званий, вплоть до членов императорской фамилии. Этот уникальный корпус источников хорошо известен в историографии как фонд Евлогия Георгиевского (ф. 5919 ГА РФ), однако, прежде корпус писем к владыке не был предметом отдельного рассмотрения. Между тем, эти материалы, отражая персональное, ин-

дивидуальное переживание событий “большой истории” вносят существенно новое понимание в том числе в оценку самими участниками событий эпохи юрисдикционных разделений в зарубежном православии, проблем церковного строительства и внутрицерковных отношений, отражают объективное состояние церковной жизни в отдельных странах и отдельных церковных центрах, положение которых было столь различным, что едва ли может быть описано “в целом” общими характеристиками “церковного зарубежья”. В этом смысле частные письма участников церковной жизни и ее творцов позволяют получить многообразное представление о содержании церковной жизни второй четверти XX века.

Корреспондентами владыки были многие лично знакомые и незнакомые ему православные. Так, в 1922-1923 гг. он получил несколько писем настоятельницы Радочницкого женского монастыря Холмской епархии игумении Афанасии (Громеко) из Петрограда, где она в ту пору пребывала с остатками эвакуированного с Холмщины монастыря. Как видно из писем, владыка и словом и делом поддерживал знакомую настоятельницу, отправлял ей в Петроград письма, деньги и вещи. А игумения, в свою очередь, делилась с архипастырем своими самыми сокровенными опасениями и переживаниями. Так, она писала: “Мы боимся, что будет незаконный собор, который захочет низложить патриарха. Может быть и не допустит этого Господь, но ведь теперь власть тьмы”. Она вопрошала “Не кажется ли Вам, Владыко, что теперь церковь вступает в последнюю фазу своего земного бытия, когда все видимое должно исчезнуть, и святые Мощи, и Чудотворные Иконы...” [7, с. 365].

Матушка сетовала и на духовное состояние своей обители: “Еще очень тяжело наше внутренне разложение, у нас в обители. Давно уже нет монастыря, и не потому... что он официально закрыт, а потому, что нет давно духа монашеского, полное обособление, каждый только думает про себя и про свою выгоду. В миру великое тяготение к монашеству. Вот когда можно бы иметь интеллигентных сестер сколько угодно” [7, с. 371]. Сообщала монахиня и о новостях церковной жизни Петрограда – церковной деятельности епископа Мануила (Лемешевского) против обновленцев и о закрытии Иоанновского монастыря на Карповке – “здание взято рабочими, церкви запечатаны. Гробница батюшки пока здесь, но идут тревожные слухи” [7, с. 373-374]. Можно только представить как подобные вести отзывались в митрополите, лично знавшем праведного Иоанна Кронштадтского.

Благодаря таким письмам у митрополита Евлогия формировалось целостное представление о церковной жизни в советской России, и принимая решения в юрисдикционных спорах он мог опираться на живые свидетельства лично знакомых ему православных в России, в чьих оценках он мог быть уверен вполне.

Среди корреспондентов владыки была и дочь Ф.М. Достоевского Любовь Федоровна. Она просила владыку совершить богослужение в Берлине в день 100-летия отца – 11 ноября 1921 г. В письме она делилась своими воспоминаниями о последних часах отца, проведенных им как истинным христианином в молитве и слушании Евангелия. Спустя месяц Любовь Федоровна благодарила митрополита за совершенную обедню и писала “жду в России расцвта веры, который наступит тотчас после окончания революции” [2, л. 1-2].

Как известно, митрополит Евлогий не поддерживал политического монархизма, свойственного карловацкому Синоду. Однако, к нему обращались и представители императорского дома Романовых. В июле 1923 г. великий князь Николай Николаевич благодаря митрополита за поздравление с днем Ангела в самых возвышенных фразах оценивает высоту служения митрополита и выражает высокое почитание [3, л.1-2]. В ноябре 1926 г. Николай благодарил архипастыря за поздравление с днем рождения, выражая свою осведомленность о возвращении владыки в Париж и испрашивая архипастырских молитв [3, л. 3].

Один из клириков Франции писал владыке в феврале 1927 г. о безоговорочной и полной своей и прихожан поддержке выражаемой ему как поставленному Патриархом Московским архиерею [1, л. 1].

Для монархистов и представителей Студенческого христианского движения, представителей нобилитета прежней Российской империи и прихожан десятков русских храмов в нескольких европейских странах митрополит Евлогий был опорой в непростой жизни в эмиграции. Осуждаемая многими мягкость архиерея в юрисдикционных спорах удивительным образом обращалась в устойчивость и единство “евлогианских” приходов, большинство из которых в послевоенной Европе будет интегрировано в семью храмов Московского Патриархата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) – Ф. 5991. Оп.1. Д.55.
2. ГАРФ. Ф.5991. Оп.1. Д.56.
3. ГАРФ. Ф.5991. Оп.1. Д.91.
4. ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д.228.
5. Косик, В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии / В.И. Косик. – М.: ПСТГУ, 2008. – 400 с.
6. Никитин, А.К. Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933-1945) / А.К. Никитин. – М., 1998. – 420 с.
7. Письма игумении Афанасии (Громеко) митрополиту Евлогию (Георгиевскому) / пред. Н.Т. Эннеевой // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. / отв.ред. Н.Т. Эннеева. М.: Наука, 2005. – 452 с.
8. Шкаровский, М.В. История русской церковной эмиграции / М.В. Шкаровский. – СПб.: Алетейя, 2009. – 358 с.
9. Шкаровский, М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов. Сборник документов / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, ОЛЦИ, 2003. – 366 с.

БОЛГАРО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Довгялло М.С. (г. Минск, Беларусь)

Поражение в Первой мировой войне знаменовало для Болгарии крах ее военно-политических целей вообще и великоболгарской идеи, в частности. Для Болгарии война закончилась 29 сентября 1918 г., когда в Салониках правительственная делегация подписала перемирие на условиях полной капитуляции Болгарии, оставшееся в исторической памяти болгарского народа, как «вторая национальная катастрофа» [13, с. 53]. Страна была оккупирована войсками Антанты. Престиж монархии и влияние царя были подорваны. Царь Фердинанд I подписал в октябре манифест об отречении от престола и навсегда покинул страну и уехал в родовой замок Кобург (Бавария), где и провел оставшиеся годы жизни. Царем был провозглашен 24-летний сын Фердинанда Борис III, князь Тырновский [9, с. 141]. Мирный договор Болгарии со странами-победительницами был подписан 27 ноября 1919 г. в парижском пригороде Нейи-сюр-Сене, вошедший в мировую историю как Нейиский договор, ставший одним из звеньев создаваемой Версальской международно-правовой системы. Условия его были тяжелыми для страны: она лишалась ряда важных районов, составлявших 11% довоенной территории. Она должна была выплатить огромную сумму репараций. Репарационные обязательства Болгарии были определены в размере 2 млрд. 250 млн. золотых франков с их выплатой в течение 37 лет, при уплате процентов в размере 5% в год. Численность болгарской армии ограничивалась 20 тыс. человек. Армия должна была строиться и комплектоваться в будущем только путем добровольного найма [11, с. 494; с. 125]. Таким образом, после подписания договора Болгарии была уготована роль страны с ограниченным суверенитетом.

В то же время Болгария стремилась выйти из международной политической изоляции. Премьер-министр А. Стамболийский предпринял стодневную поездку по странам Европы в 1920/21 гг., добился приема страны в Лигу Наций и восстановления дипломатических отношений с большинством европейских и балканских стран. Чтобы выстоять и защитить свои интересы, Болгарии было необходимо покровительство великих держав. Перед правящими кругами страны встала проблема определиться, на какую из великих держав ориентироваться в своей внешней политике: Великобританию, Францию, Италию, СССР или Германию. Царь Борис и правительство все больше склоняются к мысли об опоре на Германию, где к власти уже пришли национал-социалисты. Германия так же вынуждена была расширять свои рынки в Европе и искать новые формы экономического сотрудничества. Сближению с Германией в немалой степени способствовало стремление обеих стран к ревизии Версальской системы. Пересмотру послевоенных мирных договоров, а также тесная связь болгарской экономики с германской и зависимость вооружения болгарской армии от германских поставок.

Целенаправленное сближение Болгарии с Германией началось уже в 1930-е гг. сразу же после прихода А. Гитлера к власти и значительно усилилось после государственного военного переворота в Болгарии 19 мая 1934 г. Болгария, испытывавшая трудности, вызванные экономическим кризисом, нуждалась во внешних рынках. Она нашла их в Германии. Последовало заключение нескольких торговых и финансовых соглашений между Болгарией и Германией. Двустороннее торговое соглашение, подписанное между двумя странами в апреле 1932 г., гарантировало экспортные квоты на длительную перспективу. В список болгарского экспорта были включены почти все сельскохозяйственные и промышленные товары, производившиеся в стране. Болгарская экономика и сельское хозяйство были почти целиком связаны с экономикой Германии, и это было ей выгодно. К 1939 г. Германия заняла исключительное место в болгарской внешней торговле. Она не только закупала большую часть продуктов болгарского земледелия (пшеницу, ячмень, кукурузу, фураж и др.), но и глубоко проникла в экономику страны. Зависимость болгарского производства и рынка от Германии была результатом экономической экспансии рейха. До разрыва дипломатических отношений с Германией на нее приходилось 89% болгарского товарообмена (71,3% импорта и 88,6% экспорта) [12, с. 281]. Германские монополии постепенно заняли господствующее положение в болгарской промышленности и банках. Внешняя торговля Болгарии все больше подчинялась интересам «третьего рейха», при этом, следует отметить, что неравноправное партнерство между ними привело к огромному торговому дисбалансу в ущерб Болгарии, поскольку Германия не выполняла свои обязательства перед болгарскими компаниями.

Царь Борис III не проводил прогерманский курс форсировано и прямолинейно. Он не спешил с принятием, по его словам, «зафиксированных политических обязательств», пытался сохранять известную самостоятельность, «свободу рук» во внешнеполитических делах, уверяя германских и итальянских руководителей, что именно такая линия «соответствует интересам держав «оси» [7, с. 127]. Так, в июле 1938 г. было подписано Салоникское соглашение между Балканской Антантой и Болгарией. Соглашение аннулировало военные статьи Нейиского мирного договора и констатировало отказ договаривающихся сторон от применения силы во взаимных отношениях.

Когда Вторая мировая война началась, как и прежде, Болгария должна была определить свое место в международном конфликте. В самом начале войны болгарское правительство объявило, что будет следовать политике нейтралитета. Оно хочет выиграть время, чтобы в противостоянии военных группировок найти для

Болгарии такое место, которое позволило бы ей с наименьшими потерями извлечь для себя максимальную пользу при решении территориальных проблем. Все свои дипломатические маневры в начальный период Второй мировой войны царь Борис пытался проводить под флагом нейтралитета, полагая, что такой способ действий будет иметь положительный для его эффект и внутри страны. Он полушутливо замечал: «Генералы мои – германофилы, дипломаты – англофилы, царица – итальянофила», народ настроен русофильски. Я единственный нейтральный человек в Болгарии» [7, с. 128]. Болгарское правительство весной 1940 г. начало подготовку кампанию за возвращение Южной Добруджи. Кампания была встречена великими державами положительно. Неожиданно не только СССР, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора [2, с. 293]. Только в сентябре 1940 г. в г. Крайове под давлением Германии был заключен договор между Румынией и Болгарией. Это соглашение урегулировало территориальный спор между двумя государствами. Румыния согласилась вернуть Болгарии Южную Добруджу [1, с. 241]. Крайовское соглашение было крупным успехом политики царя Бориса. Газеты объявили болгарского монарха «Царем – Объединителем», и народ признавал его таким.

Важное стратегическое положение Болгарии обуславливает напряженную дипломатическую борьбу за ее внешнеполитическую ориентацию со стороны Германии и Советского Союза. Дипломатические отношения между СССР и Болгарией были установлены в июле 1934 г. [9, с. 182]. Осенью 1940 г. почти одновременно Болгарии делаются два предложения: Германия приглашает ее присоединиться к Тройственному пакту держав, а СССР предлагает заключить с ним двусторонний пакт о взаимной помощи [8, с. 34]. Несмотря на развернувшуюся по инициативе болгарских коммунистов кампанию за принятие советского предложения, царь Борис и правительство, опасаясь «большевизации» страны, его отвергают. Так, болгарские власти связали судьбу страны с творцами «нового порядка» в Европе. В октябре 1940 г. Германия официально предложила Болгарии присоединиться к Берлинскому пакту, причем в ультимативной форме [4, с. 283]. Великобритания предупредила Софию, что, если та вступит в Тройственный пакт, Лондон не поддержит независимость и территориальную целостность Болгарии после войны. После урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов 1 марта 1941 г. был подписан протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту. В тот же день 680-тысячная армия фельдмаршала В. Листа вступила на ее территорию [3, с. 106]. После присоединения к Тройственному пакту усилия царя были направлены на сохранение, насколько это было возможно, независимости страны. Именно они позволили впоследствии охарактеризовать Болгарию, как «своенравного» союзника Германии.

В ноябре 1941 г. Болгария вместе с другими странами-союзниками Германии и Японии во Второй мировой войне присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Борис III сделал роковой шаг во внешней политике, когда уступил германским требованиям, ссылавшимся на обязательства Болгарии по Тройственному пакту, и объявил 13 декабря 1941 г. войну США и Великобритании, которые, в свою очередь, также заявили, что они находятся в состоянии войны с Болгарией [10, с. 438]. Он надеялся, что это будет лишь «символическая война». Но спустя два года такой шаг привел к тому, что англо-американская авиация стала подвергать разрушительным бомбардировкам Софию и другие болгарские города. Так, «символическая война» Болгарии с Великобританией и США с конца 1943 г. стала реальной.

В германской стратегии агрессии на Восток участие Болгарии не планировалось. Болгарское правительство не решилось объявить войну СССР и не осмелилось послать на Восточный фронт ни одного солдата, несмотря на требования А. Гитлера. Более того, Болгария оказалась единственным из союзников Германии, сохранившим с Советским Союзом дипломатические отношения на протяжении почти всей войны. Более того, болгарское посольство в Москве представляло после разрыва советско-германских отношений также интересы Германии. Но это стало возможным во многом потому, что А. Гитлер считал целесообразным держать основную часть болгарской армии на турецкой границе для предотвращения вступления Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Кроме того, Германии были предоставлены военно-морские базы и другие военные объекты на болгарской территории для военных действий против СССР. Вместе с тем, положение Болгарии как страны-сателлита отличалось от положения завоеванных Германией государств. В ней сохранился собственный государственный аппарат: германские войска, располагавшиеся на ее территории, не выполняли оккупационных функций. Однако союз с Германией был для Болгарии неравноправным и наносил серьезный ущерб ее национальной независимости. Больших денежных средств стоило содержание германских войск, дислоцированных на территории Болгарии. Более трех лет территория Болгарии служила плацдармом немецко-фашистских войск. Ее портами на Черном море пользовался немецкий флот, а на аэродромах базировались военно-воздушные силы Германии для военных действий против СССР. Кроме финансирования расположенных немецких войск, предоставления им госпиталей и домов отдыха, в распоряжение немцев был отдан болгарский железнодорожный транспорт. На территории Болгарии находилось до 30 тыс. немецких солдат.

В феврале 1943 г. было подписано болгаро-германское соглашение, предусматривавшее депортацию 20 тыс. евреев в Польшу. Болгария приступила к реализации последнего с территорий, присоединенных к ней («новых земель»). В результате около 11,5 тыс. евреев были отправлены в Польшу. Власти отказались от депортации евреев из Болгарии, выселив их только из крупных городов.

Когда Германия стала терпеть военные поражения, царь Борис с начала 1943 г. всячески стремился избежать дальнейшего сближения с Германией. 15 августа 1943 г. болгарский монарх после двухнедельного визита в

Германию вернулся в Софию. Он сразу же пожаловался на плохое самочувствие и через несколько часов в рабочем кабинете, просматривая деловые бумаги, потерял сознание. 28 августа, под вечер, звон колоколов софийских церквей возвестил о кончине болгарского самодержца. Царь Борис скончался на 50-м году жизни. В Болгарии и за ее пределами сразу же стали распространяться слухи о насильственной смерти царя Бориса. Будто царя отравили по приказу фюрера в отместку за отказ послать болгарскую армию на советско-германский фронт [1, с. 53]. Царь ушел из жизни в ореоле мученика, погибшего за интересы Болгарии.

В апреле 1944 г. правительство СССР потребовало от правительства Болгарии прекратить оказание помощи немецкой армии. 30 августа советское правительство вручило Болгарии очередную, уже пятую с апреля, ноту с предложением прекратить пропуск германских войск через свою территорию, рассматривая его, «как прямую помощь немцам в войне против Советского Союза» [6, с. 199]. И только в конце августа 1944 г. правительство Багрянова объявило о полном нейтралитете Болгарии и потребовало вывода германских войск из страны, не принимая при этом никаких мер по воспрепятствованию проходу отступавших немецких войск через территорию Болгарии. 5 сентября 1944 г. Советское правительство направило болгарскому правительству ноту с сообщением о разрыве дипломатических отношений с Болгарией и объявлением состояния войны между Советским Союзом и Болгарией по причине того, что Болгария фактически ведет войну на стороне Германии против СССР.

Только 7 сентября 1944 г. Болгарское правительство объявило, что оно разорвало дипломатические отношения с Германией, а 8 сентября объявило войну Германии. Правительство объявило о конфискации имущества, принадлежавшего Германии, германским компаниям и германским гражданам. Сложилась необычная ситуация – страна одновременно находилась в состоянии войны с США, Великобританией, СССР и Германией.

Таким образом, в результате ряда обстоятельств в межвоенный период Болгария оказалась самым тесным образом переплетена с геостратегическими интересами Германии, СССР и других европейских стран. Судьба страны, расположенной на важном географическом перекрестке, в принципе предопределялась геополитической стратегией больших игроков в мировой политике. Поэтому возможности самостоятельного выбора для нее были ограничены. Но Болгария сделала свой выбор – и в межвоенный период, и в годы Второй мировой войны она выступала в союзе с Германией. Увеличив в межвоенный период свою территорию, не участвуя в военных действиях, сохраняя известную самостоятельность во внешней политике, Болгария оставалась «своеравным» союзником Германии во Второй мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болгария в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. Е.Л. Валева; Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 2003. – 463 с.
2. Валева, Е.Л. Болгария в начале Второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III / Е.Л. Валева // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – СПб.: Алетейя, 2002. – 408 с.
3. Валева, Е.Л. К проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. / Е.Л. Валева // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовке нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941) / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: ИСБ, 1992. – 166 с.
4. Валева, Е.Л. Трудный выбор царя Бориса III: к проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. / Е.Л. Валева // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов / отв. ред. Е.С. Узенёва. – М.: Исл РАН, 2016. – 526 с.
5. Великая Отечественная война. 1944 год. Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. – М.: «ЦГА Москвы», 2014. – 704 с.
6. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. – М.: 1946. – Т.2. – 626 с.
7. Вознесенский, В.Д. Кобурги в Болгарии / В.Д. Вознесенский // Новая и новейшая история. – 1992. – №3. – С. 114–135.
8. Гибианский, Л.Я. Балканские страны в перекрестке политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах / Л.Я. Гибианский // Славяноведение. – 2013. – № 1. – С. 24–42.
9. Довгялло, М.С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник / М.С. Довгялло. – Минск: Тетра-Системс, 2006. – 272 с.
10. Документы внешней политики СССР. 1942 : в 2-х кн. / М-во иностранных дел Рос. Федерации. – Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010. – Т. XXV. – Кн. I. – 524 с.
11. Мировые войны XX века: документы и материалы : в 4 кн. / отв. ред. В.К. Шацилло. – М.: Наука, 2005. – Кн. 2: Первая мировая война. – 580 с.; Хрестоматия по истории южных и западных славян: учеб. пособие для вузов : в 3 т. / отв. ред. Д.Б. Мельцер, Г.И. Чернявский. – Мн.: Университетское, 1991. – Т.3. Новейшая история. – 412 с.
12. Никова, Г. Болгария между Германией и Советским Союзом (социальный и экономический ракурс) / Г. Никова // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – СПб.: Алетейя, 2002. – 408 с.
13. Шкундин, Г.Д. Салоникское перемирие как пролог мирного договора с Болгарией / Г.Д. Шкундин // Версаль и новая Восточная Европа / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Ассоц. историков первой мировой войны. – М.: ИСБ РАН, 1996. – 277 с.

ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ РЕЙХСЛЯЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

Генина Ю.А. (г. Витебск, Беларусь)

Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга (далее – штаб, ОШР) печально известен своей грабительской деятельностью в отношении предметов культуры и искусства на территории стран, оккупированных Германией во время Второй мировой войны. Ключевую роль в создании штаба и развертывании его деятельности сыграл Альфред Розенберг (12.01.1893 – 16.10.1946).

А. Розенберг родился в Ревеле (современный Таллинн, Эстония) и при рождении получил российское гражданство. В политических кругах Германии Розенберг считался одним из лучших знатоков России и СССР, большевизма как политического и идеологического феномена. В 1930 г. он был избран в рейхстаг, а в 1933 г. получил звание рейхслайтера и возглавил Внешнеполитическое ведомство НСДАП, являлся уполномоченным фюрера по делам надзора за общим духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием в НСДАП. В 1941 г. А. Розенберг был назначен главой министерства по делам оккупированных восточных территорий (так называемое «Восточное министерство») и оставался на этом посту до ареста представителями союзных войск в мае 1945 г.

Именно А. Розенберг инициировал создание штаба, деятельность которого в дальнейшем курировал. Основы деятельности ОШР определялись приказами и инструкциями высшего руководства рейха, прежде всего А. Гитлера и самого А. Розенберга. Эти приказы и инструкции составляют немногочисленную, но чрезвычайно важную группу документов, в том числе, определяющую место штаба в системе подобных структур Третьего рейха. В целом, система служб Альфреда Розенберга была достаточно непростой по определению их статуса, разграничению полномочий и функций, а также отношениям с другими подобными службами при НСДАП. Нередко их задачи и функции пересекались и дублировались, что требует отдельного углубленного исследования.

После захвата в мае-июне 1940 г. Бельгии, Франции, Люксембурга и Нидерландов нацисты обнаружили в этих странах значительное количество разнообразных культурных ценностей, политических и идеологических материалов. В этой связи 5 июля 1940 г. был издан приказ Верховного командования Вермахта по наделению А. Розенберга соответствующими полномочиями в сфере конфискации материалов библиотек, архивов, масонских лож, в том числе – с целью выявления и обязательной конфискации политических материалов, идеологически направленных против нацистской Германии [2]. Это побудило Розенберга в июле 1940 г. обратиться к Гитлеру с инициативой создания новой специальной организации для осуществления данной деятельности – Оперативного штаба (официально был создан 17 июля 1940 г.) [4]. Первыми в сентябре 1940 г. были основаны Главная рабочая группа (далее – ГРГ) «Бельгия и Северная Франция» и ГРГ «Нидерланды» [3].

С развертыванием военных действий, деятельность штаба распространилась сначала на оккупированные территории стран Западной Европы, а позднее – на территорию Юго-Восточной (Балканы) и Восточной Европы. В ходе войны деятельность ОШР приобрела признаки масштабного разграбления, когда конфискации и отправке в Германию подлежали все вещи, подпадающие под понятие «культурные ценности». Это были не только многочисленные книги и архивные материалы, предметы искусства из собраний музеев, но и коллекции частных лиц, находящаяся в их собственности мебель и предметы обихода.

В планы Германии входило развертывание масштабной деятельности в Италии, славянских странах Балканского полуострова, Греции и даже в Северной Африке (что не было воплощено в жизнь). Однако деятельность ГРГ «Южный Восток», местом пребывания которой были Белград и Салоники, а также рабочей группы в Италии была не столь продуктивной, особенно по сравнению с деятельностью на оккупированной территории СССР [1, с. 81].

С началом оккупации значительных территорий Восточной Европы было создано уже упомянутое нами министерство оккупированных восточных территорий во главе с Розенбергом, а первоначальное название штаба «Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга для оккупированных западных территорий и Нидерландов» изменено на новое – «Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга для оккупированных территорий». Штаб несколько раз менял свое официальное название, что объяснялось расширением его задач. В данной статье используется последний вариант – «Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга», возникший после того как 17 ноября 1944 г. из названия были исключены слова «для оккупированных территорий».

Структура ОШР состояла из Управления штаба в Берлине, Главных рабочих групп, в состав которых входили рабочие группы, зондеркоманды, мобильные, оперативные команды, связные пункты, а также зондерштабы. Председателем Управления штаба первоначально был назначен Георг Эберт, а с 20 августа 1941 г. им стал Герхард Утикаль. Его заместителем долгое время являлся Ганс Вольфганг Эбелинг.

Управление штаба в 1940 г. разместилось в Париже в гостинице «Commodore», а 15 марта 1941 г. переехало в Берлин. Штаб располагал несколькими помещениями, расположенными в разных районах Берлина и его пригородах, которые использовались как хранилища различных материалов, вывезенных с оккупированных территорий. В результате бомбардировок одно из принадлежавших штабу зданий в Берлине было разрушено и некоторые отделы летом – осенью 1943 г. переехали в Ратибор. Для их размещения и хранения собранных материалов было предоставлено несколько помещений бывшего монастыря [1, с.102].

Главные рабочие группы создавались для практического осуществления задач ОШР и обеспечения его деятельности на оккупированных территориях. В их задачи входило обустройство и организация функционирования подразделения на определенной территории с обеспечением рабочими и жилыми помещениями, кадрами, решением хозяйственных вопросов. Однако основными направлениями деятельности все же были поиск и конфискация материалов, обеспечение ими Управления штаба путем проведения учета, описания и вывоза в рейх культурных ценностей (библиотечных, архивных, музейных, научных собраний), а также организация сбора разнообразной информации в отношении оккупированных территорий с целью дальнейшего их использования.

Отметим, что именно на территории СССР в деятельности штаба достаточно четко стала прослеживаться идеологическая составляющая. Она нашла свое отражение в конфискации на оккупированных территориях материалов, которые могли пригодиться в идеологической борьбе с большевизмом, в т. ч. для создания крупных тематических библиотек по вопросам еврейства, большевизма, масонства. С помощью собранных материалов путем их оценки и использования предполагалось ведение идеологической борьбы с целью расширения национал-социалистического мировоззрения и пропаганды принципов национал-социализма.

В круг задач политического и научного содержания входило налаживание связей между немецкими исследователями и различными научными институтами, информирование немецких ученых о результатах научных исследований на оккупированных территориях, отправка материалов в различные институты рейха и т.д.

С деятельностью Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга тесно связано создание Высшей школы – учреждения, которое должно было стать центром национал-социалистических исследований, обучения и воспитания. Приказ Гитлера о ее создании был подписан 29 января 1940 г., а торжественное открытие должно было состояться уже после окончания войны [2]. На практике эта подготовка предусматривала сбор различных материалов для создания будущей Центральной библиотеки Высшей школы. В документах ОШР неоднократно подчеркивалось право на конфискацию любых научных материалов и культурных ценностей для формирования источниковедческой базы Центральной библиотеки Высшей школы и архива, с которого начиналось ее создание. Так, приказ А. Гитлера от 1 марта 1942 г. о полномочиях ОШР предписывал ему вести идеологическую борьбу с большевизмом, масонством и еврейством как идеологическими противниками национал-социализма и организовывать в рамках этой задачи процесс поиска, конфискации, учета материалов, преимущественно политического, идеологического, пропагандистского и научного содержания, для нужд научных и учебных учреждений Третьего рейха, среди которых была и Высшая школа [3].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в соответствии с приказами о создании и полномочиях ОШР, он должен был заниматься обеспечением вывоза с территории оккупированных стран различных культурных и научных ценностей, прежде всего, учитывая их идеологическую и научную ценность для рейха. До середины 1941 г. деятельность штаба ограничивалась, в основном, территорией Франции, Бельгии и Нидерландов. Однако с расширением театра военных действий с 1941 г. под предлогом борьбы с большевизмом активная деятельность Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга развернулась и в оккупированных регионах СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашеварова, Н. Г. Деятельность Оперативного штаба Розенберга по изучению нацистами «восточного пространства» (1940–1945) / Н. Г. Кашеварова; НАН Украины, Институт истории Украины. – К. : Институт истории Украины, 2014. – Ч. 1: Источниковедческое исследование. – 552 с.
2. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГА ВОУ Украины). – Фонд 3206. – Оп. 5. – Д. 4. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/61540088/61540137/61540489.html>. – Дата доступа: 01.07.2019.
3. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГА ВОУ Украины). – Фонд 3676. – Оп. 1. – Д. 26а. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/60825253/60825620/61106225.html>. – Дата доступа: 02.07.2019.
4. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГА ВОУ Украины). – Фонд 3676. – Оп. 1. – Д. 211. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/60825253/60825620/61433756.html>. – Дата доступа: 27.06.2019.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Ерохин В.Н. (г. Магадан, Россия)

Одной из характерных черт истории Европы в XX веке в период между первой и второй мировыми войнами был серьезный кризис институтов парламентской демократии. Общеевропейским явлением в это время стало установление авторитарных политических режимов (в Центральной, Восточной, Южной Европе) или, по крайней мере, появление авторитарных тенденций в функционировании политических систем (в Западной Европе). Практически во всех европейских странах появились радикальные группы левого и правого толка. Успехи леворадикальных и праворадикальных политических сил наводят на мысль о том, что критика парламентской

демократии в европейских странах в исторических условиях 1920-30-х годов задевала какие-то струны в массовом политическом сознании.

Одной из важнейших теоретико-политических работ, появившихся в это время в праворадикальной среде, стала книга Адольфа Гитлера «Моя борьба» (1924). В этой книге сформулированы все основные компоненты национал-социалистического мировоззрения, в том числе разъясняется и то, почему германских нацистов не устраивал строй парламентской демократии. Зловещий ореол, окруживший книгу после прихода нацистов к власти и совершенных нацистским режимом преступлений, стал причиной того, что книга Гитлера так и остается не прочитанной достаточно внимательно: как отметил недавно Б. Л. Хавкин в статье, посвященной изданию в 2016 году Институтом современной истории в Мюнхене научного критического издания книги «Майн кампф», большинство западных ученых не желали знать содержания этой книги, а если знали, не желали принимать содержание книги всерьез [1, с.104-105].

Между тем, один из базовых принципов исторического исследования, принцип историзма, предполагает, что для изучения того или иного явления следует, прежде всего, попытаться понять происхождение этого явления в контексте времени, выявить, что же вызвало к жизни и поддерживало существование такого явления, и как это явление воспринималось современниками, конечно, также и с учетом того, что некоторые события становятся более понятными только с течением времени. Удивительно в этом отношении, но вместе с тем и показательным, предоставляя пример заслуживающего внимания свидетельства современника, звучат слова о Гитлере Дж. Оруэлла (1903-1950), который был политически далек от нацизма и правого радикализма, из его рецензии на «Майн кампф» (опубликованной, правда, в 1940 году, до совершения нацистами своих крупнейших злодеяний): «Я готов публично заявить, что никогда не был способен испытывать неприязнь к Гитлеру. С тех пор как он пришел к власти, – до этого я, как и почти все, заблуждался, не принимая его всерьез, – я понял, что, конечно, убил бы его, если бы получил такую возможность, но лично к нему вражды не испытываю. В нем явно есть нечто глубоко привлекательное... У него трагическое, несчастное, как у собаки, выражение лица, лицо человека, страдающего от невыносимых несправедливостей... Об исконной, сугубо личной причине его обиды на мир можно лишь гадать, но в любом случае обида налицо. Он мученик, жертва, Прометей, прикованный к скале, идущий на смерть герой, который бьется одной рукой в последнем неравном бою» [2, с. 78]. Из этих рассуждений Дж. Оруэлла, как можно предполагать, становится понятнее и то, что одной из причин возможности появления в Германии такого политического деятеля, как Гитлер, стали те обстоятельства, в которых страна оказалась после поражения в первой мировой войне.

Критика парламентской демократии у Гитлера не является совсем уж примитивной политической пропагандой и огульным охаиванием неугодного политического строя. Здесь есть основа для вполне академического анализа, в результате чего становится возможным более глубокое объяснение того, почему нацистские идеи были восприняты и стали основой политических взглядов довольно значительной массы людей в Германии, которую нельзя отнести к малокультурным странам с плохо образованным населением. Более того, не исключено, что представленная в «Майн кампф» критика парламентской демократии может вызывать отклики и в других исторических условиях в разных европейских странах, не только в Европе 1920-30-х годов.

Гитлер утверждал в «Майн кампф», что его взгляды на строй парламентской демократии сложились в течение двухлетних посещений венского парламента (имеется в виду австро-венгерский рейхсрат) накануне первой мировой войны [3, с. 78]. В первую очередь, как пишет Гитлер, при посещении парламентских заседаний он убедился, что парламентский режим принуждает политического деятеля к лавированию и приспособленчеству, что приводит к искажению видения того, что происходит в общественно-политической жизни. Действующая в парламентской фракции партийная дисциплина также приводит к тому, что депутаты от одной партии никогда не признают правоту выступлений своих оппонентов из другой политической партии, если это принесет ущерб и поколеблет влияние и политический авторитет партии в борьбе с оппонентами. Так что нельзя считать, что политические споры и дискуссии в парламенте ведут к прояснению понимания обсуждаемого вопроса – по корыстным политическим причинам иногда становится возможным затемнять суть дела, критиковать вполне здравые предложения своих политических противников.

Гитлер также отмечал, что в государствах, где утвердился строй парламентской демократии, все проявления политической жизни пронизаны пропагандой, и становится трудно разобраться в сути происходящего, информационная картина становится особенно искаженной. Он в связи с этим обращается и к своим впечатлениям от английской пропаганды времен первой мировой войны. Англия – образцовая страна парламентской демократии, в которой сложилась также и необходимая для парламентской демократии пропагандистская машина. С начала первой мировой войны английская пропаганда стала подвергаться идейному воздействию на фронте германскую армию, и довольно искусно. Англичане, отмечал Гитлер, специально выясняли применительно к отдельным участкам фронта, выходцы из какой именно германской земли противостоят в данном случае английским и французским войскам. Именно этим можно объяснить появление в расположении германских воинских частей, сформированных в Баварии, листовок такого содержания: мы, англичане, прекрасно знаем, что вы, баварцы, отличные, веселые парни, но как вам не повезло, что вы находитесь под командованием проклятых пруссаков, оголтелых милитаристов, которые гонят вас умирать за чуждое и ненужное вам дело. В результате такой вражеской пропаганды, считает Гитлер, и могло помутиться сознание немецкого народа и

возникнуть иллюзия, как будто бы свержение монархии, отказ баварцев подчиняться пруссакам может принести пользу кому-то из немцев. Впоследствии «доброжелатели» немецкого народа, англичане и французы, в полной мере проявили свое подлинное отношение к Германии и немецкому народу во время Версальской мирной конференции.

Гитлер оспаривал также целесообразность формирования представительных учреждений в условиях парламентской демократии путем выборов. По его словам, «никто ведь не поверит, что в избирательных урнах десятками или сотнями произрастают подлинные государственные деятели ... масса всегда имеет предубеждение как раз против каждого сколько-нибудь выдающегося ума. Скорей верблюд пройдет через игольное ушко, чем великий человек будет «открыт» путем выборов. Те личности, которые превосходят обычный масштаб золотой середины, большей частью сами прокладывают себе дорогу на арене мировой истории» [3, с. 75]. Наиболее наглядно это видно, правда, в экономической сфере общественной жизни, где наиболее способные люди не назначаются сверху, а сами должны пробить себе дорогу снизу [3, с. 376].

Гитлер утверждает, что у всех конкретных культурных достижений человечества есть авторы с конкретными именами или конкретные народы. «Весь прогресс и вся культура человечества покоятся исключительно на гениальности и энергии личностей, а ни в коем случае не являются продуктом «большинства» [3, с. 288]. При строе же парламентской демократии «наперекор этому принципу личности как раз в руководящих органах государства хотят провести не принцип личности, а принцип большинства» [3, с. 374]. Принцип личности, считает Гитлер, был вынужден признать на практике даже марксизм в конкретном построении своей собственной организации с фактической опорой на партийных руководителей. И это происходит вопреки тому, что в теоретическом отношении марксисты развивают затемняющие суть дела тезисы об отрицании роли великой личности, расы и национальности в истории [3, с. 268, 374].

Гитлера не устраивает то, что парламентаризм ставит в основу принятия политических решений количество голосов, механическое большинство. Из-за принятия решений по принципу большинства при парламентской демократии процветает политическая безответственность – все видят, что стране явно нанесен ущерб, но оказывается, что никто при этом как будто бы лично не виноват. Хотя это не совсем так – имена «героев» приблизительно известны, но это строй не имеет политических ресурсов к тому, чтобы все же выявить виновного. К тому же при парламентской демократии решение важнейших вопросов предоставляется массовому собранию, в котором лишь очень немногие обладают подлинными знаниями и опытом в разрешении тех вопросов, которые там возникают [3, с. 76].

В критике парламентаризма Гитлер провозглашает, что «с точки зрения национал-социалистов, их движение решительно отвергает принцип решения вопросов по большинству голосов: должен существовать принцип авторитета вождя в сочетании с высшей формой его ответственности ... Все руководители местных организаций назначаются. Только вождь всей партии, согласно уставу, выбирается на первичных собраниях членов партии. Перед новыми выборами сторонники движения могут привлечь его к ответственности, могут снять с него звание ... этот принцип должен быть установлен во всем государственном устройстве» [3, с. 287 – 288].

Сквозной мотив рассуждений Гитлера – убеждение в том, что во главе государства должны быть национально мыслящие, национально ориентированные деятели, действующие во имя интересов страны. В представлении Гитлера, «члены парламентов должны стать лишь советчиками, ответственность же будет нести только одно определенное лицо, и вместе с тем только оно будет иметь власть и право приказывать. Сами по себе парламенты необходимы, ибо прежде всего здесь люди будут постепенно расти и таким образом будет создаваться круг деятелей, на которых впоследствии можно будет возлагать особенно ответственные задачи» [3, с. 376 – 377].

Стержень государственного устройства, предлагаемого Гитлером – национал-социалистическая партия, построенная и действующая на основе принципа вождизма: «в рамках партийного руководства заведующие отделами, назначавшиеся председателем партии, сами руководят своими отделами, без голосований, на основе принципа личной ответственности» [3, с. 494]. При назначении же на государственную административную должность, при рассмотрении кандидатуры руководителя предприятия «в первую очередь рассматривается квалификация человека, затем его принадлежность к партии, и лишь при одинаковой квалификации партийного и беспартийного предпочтение отдается члену партии» [3, с. 498].

Безусловно, политическая мысль германского нацизма по своему содержанию тенденциозна, в некоторых из своих прикладных версий просто антигуманна и преступна, но при этом надо видеть, что в ней можно выделить элементы, имеющие познавательное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хавкин, Б. Л. О научном немецком издании книги «Майн Кампф» / Б.Л. Хавкин // Новая и новейшая история. – 2016. – №4. – С. 103–114.
2. Оруэлл, Дж. Рецензия на «Майн кампф» Адольфа Гитлера / Дж. Оруэлл // Оруэлл Дж. Скотный двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии / Дж. Оруэлл. М.: Библиотека журнала «Иностранная литература», 1989. – С. 75-79.
3. Гитлер, А. Моя борьба. Перевод с немецкого с комментариями редакции / А. Гитлер. – Б/м.: Т-Око, 1992. – 590 с.

СОВЕТСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Хавкин Б.Л. (г. Москва, Россия)

Спротивление национал-социализму – тема современной истории, которая и в XXI веке будет вызывать общественный резонанс. Российские ученые разделяют суждение немецкого историка П. Штайнбаха, о том, что «Спротивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории, к которым никогда не будет утрачен интерес, которые никогда не уйдут в прошлое» [1, С. 19].

Разумеется, в Германии и России – странах, переживших в XX веке самые страшные в своей истории диктатуры – нацизм и сталинизм, преодоление прошлого шло и идет по-разному. Однако исторический опыт Спротивления в обеих странах имеет много общего. Советский коммунистический и германский национал-социалистический «особые пути», при всех их различиях, тесно переплетались между собой [2, С. 3-7]. История антинацистского Спротивления в Германии актуальна и для России: в ней отражаются острые проблемы не только германского, но и российского восприятия прошлого.

Для советских историков изучение германского антигитлеровского Спротивления было своего рода сублимацией: в советской историографии было невозможно открыто писать о сопротивлении в СССР против Сталина. К германскому антигитлеровскому Спротивлению в СССР и России всегда относились заинтересовано. Оно служило примером (положительным или отрицательным, но обязательно находящимся в поле зрения) для решения острых вопросов русского прошлого, которые перекликались с актуальными проблемами германской истории. Среди них: преодоление тоталитарного наследия; несоответствие права и морали; различие между государством и Родиной; осознание и реализация права на Спротивление; соотношение между патриотизмом и коллаборационизмом.

Во время «холодной войны» история германского Спротивления была одним из участков фронта политико-идеологической конфронтации между Востоком и Западом. Если на Западе в качестве примера «другой Германии» рассматривались консерваторы и церковная оппозиция, то для Советского Союза олицетворением Спротивления были немецкие коммунисты.

В послесталинские времена в СССР изучались такие аспекты германского Спротивления, как коммунистическое Спротивление (Д.С. Давидович [3, с. 3-118], А.С. Бланк [4, с. 3-100], Л.И. Гинцберг и Я.С. Драбкин [5, с. 5-127], Спротивление военнопленных, узников и принудительных рабочих (Е.А. Бродский [6, с. 3-134]), Национальный комитет «Свободная Германия» и «Красная Капелла» (А.С. Бланк [7, с. 1-35, 8, с. 8-70, 9, с. 22-116], «Оппозиция в вермахте и заговор 20 июля 1944 г.» (Л.А. Безыменский [10, с. 3-148], Д.Е. Мельников [11, с. 5-89]. Почти все представители старшего поколения советских историков Спротивления участвовали в Великой Отечественной войне в рядах Красной Армии или НКВД в качестве немецкоязычных пропагандистов, политработников, разведчиков и контрразведчиков. Несмотря на ограниченность источников, коммунистический пафос и идеологическую пристрастность, работы советских историков-фронтовиков отличала ясная и последовательная антифашистская позиция, что делает эти труды актуальными для современных читателей.

Современная российская историография германского Спротивления [12, с. 295–315] базируется на фундаменте советской исторической науки.

Почти все исследователи, сегодня занимающиеся этими проблемами, начинали свое творчество еще в советские времена – в период горбачевской «гласности» и ельцинской «свободы слова». Воссоединение Германии и распад СССР, «архивная революция» в России, «спор историков» в ФРГ, дискуссии о «преодолении прошлого» – эти события отложили отпечаток на их творчество.

В современной российской историографии произошла переоценка исторической роли германского Спротивления. Как подчеркивал российский историк А.И. Борозняк, движение Спротивления в Германии в 1933-1945 гг. никогда не было общенациональным массовым и народным, однако оно было значительно шире, чем это представлялось ранее и во многом определило послевоенный процесс «преодоления прошлого» [13, с. 20-128].

Историки немецкого Спротивления внесли в русский исторический дискурс понятие «преодоление прошлого», понимая под этим «не только критическое дистанцирование от периода 1933-1945 гг., но и, прежде всего, – усвоение его глубинной сущности, извлечение уроков из истории нацистской Германии, формирование гарантий от повторения трагедии гитлеризма» [13, с. 14].

Современная российская историография германского Спротивления вышла из советской исторической школы. Однако за последние 20 лет она преодолела свою идеологическую ангажированность и самоизоляцию от мировой историографии. В России появились новые интересные исследования тематических комплексов: «Коммунистическое Спротивление», «Спротивление спасателей, военнопленных, узников концлагерей и принудительных рабочих», «Красная Капелла», «Национальный комитет “Свободная Германия”», «Оппозиция в вермахте и заговор 20 июля 1944 г.». При этом внимание уделяется расширению источниковой базы, критике источников и их публикации.

Среди новых российских источников по теме исследования, опубликованных в России в последние годы, отметим «Письма Эрнста Тельмана Сталину и Молотову 1939-1941 гг.» [14, с. 76-111], досье участника заговора

немецких военных против Гитлера майор Куна [15, с. 3], показания и следственные дела военных [16, с. 15-465] и дипломатов [17, с. 18-759] Третьего рейха, документы по Эвианской конференции 1938 г. из архивов России [19, с. 3], протоколы допросов гестапо немецкого антифашиста, члена организации «Белая роза» Александра Шмореля [20, с. 5-149].

Новой тенденцией развития историографии Соппротивления является ее интернационализация. Возникла традиция совместного российско-германского преодоления совместного прошлого. На этом пути еще предстоит решить много проблем, но цель этого процесса благородна: сохранить для истории память о людях Соппротивления.

Литература

1. *Steinbach P. Widerstand im Widerstreit. Paderborn, 1994.*
2. *Chavkin B. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. Stuttgart 2007.*
3. *Давидович Д.С. Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы. М., 1988.*
4. *Бланк А.С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964.*
5. *Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры. М., 1961;*
6. *Гинцберг Л.И. Отважные борцы против фашизма. М., 1984;*
7. *Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма 1933–1945. М., 1987.*
8. *Бродский Е.А. Живые борются. М., 1965; его же. Славная страница пролетарского интернационализма. М., 1980; его же. Забвению не подлежит. М., 1993; его же. Это известно немногим. М., 1996.*
9. *Бланк А.С. Национальный комитет "Свободная Германия" – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. Вологда, 1963; Бланк А.С., Лёвель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения "Свободная Германия". М., 1969; Бланк А.С. В сердце "третьего рейха". М., 1974.*
10. *Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. Москва, 1961; его же. Гитлер и германские генералы. М., 2004.*
11. *Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1965.*
12. *Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии XX века. Екатеринбург, 2004, с. 295–315.*
13. *См: Борозняк А.И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема "преодоления прошлого". М., 1999.*
14. *Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ). Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 1-148; Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову, 1939-1941 гг. / предисл. и коммент. В.С. Рыкина, Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6. – С. 76-111; 1997. – № 1. – С. 75-106; № 2. – С. 87-112; Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900-1945 : сплетение истории. М., 2014. С. 103-175; Хавкин Б.Л. Нежелательные письма // Дилетант. – 2014. - № 10. – С. 40-43.*
15. *ЦА ФСБ. «Дело по обвинению Куна Иоахима», Р-46988; Хавкин Б.Л. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального Архива ФСБ России. – Новая и новейшая история, 2002. № 3; Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера // Родина, 2004, №6.*
16. *Генералы и офицеры вермахта рассказывают...Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951. М., 2009;*
17. *Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944-1955. М., 2011.*
18. *Хавкин Б.Л. Документы Третьего рейха по Эвианской конференции 1938 г. // Вестник архивиста. 2018. №3.*
19. *Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо февраль-март 1943 г. Сост. Игорь Храмов. Оренбург, 2005.*

ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НЕМЦЕВ В ПИСЬМАХ, АДРЕСОВАННЫХ ГИТЛЕРУ

Шевчук Н.А. (г. Одесса, Украина)

В 2007 г. в Германии впервые были изданы письма немцев к Гитлеру, переданные, как трофейные, из московских архивов [1]. В них отражались мысли в отношении национал-социализма и фюрера. Выделяются две категории писем: благодарности, счастливые пожелания и требования и просьбы об улучшении социального положения, помощи родственникам в условиях политики террора. Издатель писем историк Г.Эберле отмечает, что они воспринимались нацистами как «барометр согласия» и «мнение народа» [1, с. 11, 12]. Письма попадали в имперскую, частную и партийную канцелярии, где по ним принимались решения.

Количество писем свидетельствует о динамике популярности Гитлера и его политики. В 1925 г. их было еще мало, в 1935 г. – до 5 тысяч, в 1934 г. – 12 тыс., в 1941 г. – св. 10 тыс., ко дню рождения Гитлера в 1945 г. – менее 100. Содержание писем менялось: в 1932 г. немцы доверяли Гитлеру решение своих проблем и желали видеть его диктатором, в 1933 – 1934 гг. появились критические письма: возражения против политики преследования евреев, вмешательства в дела церкви, ограничений духовной свободы и насилия. С упрочением режима Гитлера в 1935 -1938 гг. наблюдался поток прославлений фюрера и его политики. Немцы видели в Гитлере нового мессию, спасителя от стыда и позора, обусловленных Версальским договором, лидера успешно обновляемой страны.

Г. Эберле сопровождает письма важными историческими комментариями. Привлекает внимание его заключение о том, что специалисты не смогли и не смогут ответить на вопрос о решающем факторе после захвата

власти нацистами («насилие или пропаганда») в деле «интеграции» отдельного человека в «народное сообщество» [1, с. 16].

Письма с середины 1920-х годов до 1932 г. свидетельствуют о росте харизмы Гитлера. Он говорил о планах реорганизации партии и тщательно подбирал кадры. Так профессор математики и депутат рейхстага от нацистов Т. Фален (6.04.1925) благодарил Гитлера за свое назначение гауфюрером Поммерании и заверял его «в безусловной верности» [1, с. 28].

Принимая во внимание факт пребывания Гитлера в Мюнхене и непосещение им демонстраций, организованных не его сторонниками, раздраженный Ф. Фогель из Нойдитендорфа (возле Эрфурта) (24.04.1925) советовал ему не замыкаться «в негостеприимной и неблагодарной Баварии», а проводить собрания «вне Баварии», приурочивая их к земельным выборам, чтобы «движение [нацистское] сделать большим и сильным» [1, с. 30]. Но, прежде всего, он советовал Гитлеру приобрести немецкое гражданство, т.к. «теперешние власти» радуются его отсутствию. Такие советы Гитлер считал несущественными и оставлял без ответа.

Х. Окей из Килия во втором письме (15.05.1925) (первое – без ответа) повторил, что «обновление Германии никогда не могло бы произойти из иезуитски зараженной Баварии», советовал перенести деятельность в Северную Германию, «где не веет такой черный воздух» [1, с. 31]. Он указал на то, что национал-социалистическое движение в кризисе и его необходимо обновить экономическими и национальными целями народа, прежде всего через «духовно-религиозное обновление». В ответном письме Р. Гесс отметил позитивный факт верности адресата фюреру: «Гитлер радуется каждому отдельному [человеку]», а что касается целей, то они изложены в подготовленной к изданию книге Гитлера («Майн Кампф»). «Религиозное обновление» «должно быть оставлено другим» [1, с. 33].

Важное для контактов Гитлера письмо (19.05.1925) написала Э. Цандер (основательница Немецкого женского ордена). Передняя страница письма была украшена изображением красной свастики. Она просит Гитлера приехать в Магдебург, где интерес к нему проявляют г-н и фрау Кирддорф, Деренбург («финансовосильный»), фрау Бехштайн, принцесса Луиза фон Альтенбург, возможно присутствие Людендорфа. «Молю Господа Бога, не откажите». Согласие Гитлера на приезд (6 июня) было получено с предостережением: «Ни в коем случае он не будет говорить публично... Только маленький круг важных людей» [1, с. 35].

Многие сторонники Гитлера обращались с просьбой получить его фото с личной подписью. Такое фото через издательство «Фёлькишер Беобахтер» получил ортсгруппенляйтер из Виттенберга Х. Гройне, написавший: «я буду слепо следовать Вам до последнего вздоха и буду готовым ко всему» [1, с. 36]. В 1941 г. он погиб в войне против СССР.

А. Барг из Нижней Саксонии, слесарь машинной фабрики «Космос» в Гёрлице, член Евангелического союза, разделяющий цели национал-социализма («Великогермания», «национальная гордость»...) спрашивал в каких профсоюзах ему оставаться и как Гитлер относится к алкоголю (25.05.1925). В ответе указывалось: своего профсоюза не имеем, рекомендуем оставаться в марксистских профсоюзах и попытаться со своими товарищами приобрести там влияние, чтобы выиграть их для национал-социализма. Об алкоголе: «Г-н Гитлер не пьет алкоголь, лишь в чрезвычайных случаях – «пару капель». «Он совсем не курит» [1, с. 39].

Студент 20-ти лет В. Темпель из Марбурга, изучал право и экономику, предполагал заняться политикой («рабочим вопросом»), национал-социалист, хотел узнать «о методах и намерениях национал-социализма», просил подтвердить «правильность его мыслей» (22.06.1925). Он формулировал вопрос: имела ли «наша партия» достаточно силы для того, чтобы стать «народным движением Великогермании?» Его ответ – нет. Следующий вопрос: «Какой должна быть наша партия, чтобы установить диктатуру?» Он считал, что фашизм в Италии проник в массы за 5 лет. Национал-социализм едва ли пустил корни в массах за 4,5 года, «в этом наше фиаско!» По его мнению, главный вопрос для партии нацистов – вопрос улучшения положения рабочих (представил свои мысли). Методам ведения борьбы за нацистские идеи считал возможным учиться на примере истории социал-демократии [1, с. 46].

Ему ответил Р. Гесс 6 недель спустя. Он увидел в авторе письма перспективного для партии человека. Советовал познакомиться с книгой «Майн Кампф» и речами Гитлера. Объяснял, что лишь тот «честно принадлежит к нам», кто, выполняя дело сверяет на пользу или во вред оно своему народу, «лишь тот – фёлькиш». Он также отметил: «Что наше движение перешло в интеллектуальное одухотворение, не большая опасность! Большинство упрекает нас в противоположном» [1, с. 48]. Впоследствии В. Темпель переехал учиться в Мюнхен. В 1926 г. основал «Национал-социалистический студенческий союз», стал рейхсляйтером. Из-за внутреннего конфликта потерял должность, его заменил Бальдур фон Ширах.

Типичным примером ментальности немцев может служить письмо Эльзы Вальтер, отправленное Гитлеру на Рождество в 1930г. Она из Карлсруэ, 32 года, незамужняя, из мелкобуржуазной семьи, посещала 8-класную школу для девушек, интересовалась политикой, член нацистской партии с 1930г. (билет № 358061). В письме на 80-ти страницах, озаглавленном «Немецкая женщина», представила свои мысли, считая, что так как она думают многие женщины. Поставленный ею вопрос: «Чем больна наша любимая родина?» рассмотрен на примере роли женщины. Она утверждает: женщина – «душа в доме и в стране», «наша народная душа больна», т.к. большое число женщин оставили свое Богом определенное место. Воспринимала женщину «дополнением мужчины», его «отдыхом» после повседневной борьбы и забот. «Современная спортивная девушка не

должна оставаться немецким типом женщины, сила женщины должна покоиться в душе, а не в мускулах» [1, с. 68]. Указала на нездоровое честолюбие женщины к равноправию с мужчиной. «Величие женщины лежит не в головном мозге, не в силе воли, а в силе ее души» [1, с. 69]. Наиболее важная роль женщины быть матерью, чтобы «развивать духовную жизнь ребенка» [1, с. 70]. Ей достаточно 8-летнего обучения в школе, обучение в высшей школе может даже разбивать семью [1, с. 71]. Важно изучение языков, ручного труда и религии, наиболее важно – домоводство. Хорошая профессия – учительница в школе для девушек.

Э. Вальтер считала, что социал-демократы оказались неспособными решать проблемы «большой нужды народа». Ее мысли о минимальной зарплате, пенсионному реформированию, оптимизации в торговле и промышленности – рациональны. Она не обошла вниманием «еврейский вопрос». Указала, что «никогда не знала ненависти к евреям» и относится к ним «чисто по женски»: «Мне жаль евреев, которые попали под удары морального и духовного вида». Она за то, чтобы евреи обрели свою «старую родину», т.к. не подходят в нашей стране «своими воззрениями на жизнь» [1, с. 77]. Просит Гитлера не забывать о силе многих женщин, поддерживающих его. Пишет, что если Гитлер ее позовет, она готова: «Что стоит здесь отец, мать, родительский дом, если родина зовет» [1, с. 81].

Проигнорированным осталось письмо К. Хорстмана из Вупперталя-Бармена. Он пытался разубедить Гитлера и НСДАП относительно их ненависти к евреям: «Насильственное удаление евреев или отчуждение стало бы доказательством того, что Вы духовно не стоите над ними» [1, с. 107]. Он видел пользу в использовании еврейского капитала в экономическом развитии страны [1, с. 108].

Гитлеру присылали много стихов, в которых его безудержно прославляли как защитника человека труда (А. ф. Котцгаузен), руководителя и спасителя, которого желали массы (М. Гоффманн), создателя новой Германской империи (Р. Гоффманн) и т.п. В одном из ответных писем констатировалось: «фюрер принципиально отклоняет возвеличивание своей личности» [1, с. 135].

О доверии к Гитлеру свидетельствуют письма личного характера, например, от Сусанны Гессе из Крошвица (Тюрингия) (14.04.1934). О себе сообщает: «простая белокурая девушка, дочь простых и настоящих наследственных «крестьян», полюбила барона фон Стрыка, «старого партайгеноссе» (если не получу его, «никогда не выйду замуж») [1, с. 171]. Получила от него прощальное письмо, которое перечеркнуло совместный их план на приобретение 150 акров земли. Для покупки земли ее отец мог дать максимум 10 тыс. рейхсмарок. Этой суммы оказалось недостаточно. Просит как-нибудь помочь ей. Письмо осталось без ответа. Барон Стрык женился на дочери фабриканта, считался пропавшим без вести с 1944г. в России, а с 1953г. – объявлен мертвым.

Политика насилия нацистов вызывала также недовольство. Показательны письма генерала Людендорфа к президенту Гинденбургу, в которых содержалась информация о многих арестах, незаконном поспании прав людей. Он писал: «Положите конец этим невыносимым ужасным условиям бесправия. У Вас есть для этого власть и долг» [1, с. 189].

С 1938 г. прославление Гитлера стало безграничным. После аншлюса Австрии были написаны новые восторженные письма. Молодая девушка из Вены писала, что «со слезами на глазах» восторженно слушала слова Гитлера: «Австрия в моих глазах – жемчужина» [1, с. 236]. О любви к Гитлеру часто писали дети. Наверное, их вдохновляли на это родители. Девушка Элизабет Й. горячо просила «любимого фюрера» приехать в Шварцбург (Тюрингия), приглашала его в гости в семью рабочего, где «мама готовит очень хорошо» [1, с. 246].

Многие немцы словно соревновались в выражениях любви и прославлении Гитлера. Г. Йост – президент Германской академии поэзии и президент имперской палаты литературы, сенатор и государственный советник 29 декабря 1939г. писал: «Наша любовь к Вам делает всякую задачу легкой, а всякое служение Вам – песнью» [1, с. 260]. В письмах к Гитлеру, поступивших в сентябре 1938г. отсутствуют сомнения, страхи, заботы. Как отмечает Г. Эберле, критики Гитлера умолкли не потому, что были согласны с ним, а потому, что считали бессмысленными письма к нему [1, с. 250].

ЛИТЕРАТУРА

1. Henrik Eberle (Hg.) Briefe an Hitler. Ein Volk schreibt seinem Führer. Unbekannte Dokumente aus Moskauer Archiven – zum ersten Mal veröffentlicht. Gustav Lübbe Verlag, 2007. – 476 S.

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС НА КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И НАЧАЛО УЧАСТИЯ ФРАНЦИИ В СОЮЗНОМ КОНТРОЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ В ГЕРМАНИИ

Величко Н.В. (г. Витебск, Беларусь)

Одной из важнейших и ключевых проблем международной политики и дипломатии, всей системы европейской безопасности после окончания Второй мировой войны и разгрома германского национал-социализма стал германский вопрос, контуры и возможные рамки разрешения которого в разных вариациях обсуждались уже в годы войны, в особенности в ходе Тегеранской и Ялтинской (Крымской) конференций.

Несмотря на то, что Франция в силу известных причин и обстоятельств не выступала в Ялте и Потсдаме в качестве великой державы, она уже на исходе Второй мировой войны активно подключилась к разрешению германской проблемы. Этого требовали, прежде всего, национальные и геополитические интересы Франции, а также опасение того, что Германия может возродиться в качестве великой державы и выступить опасным военным противником, как это было в начале Первой и Второй мировых войн. Неизбежно должны были, что и произошло, подключить Францию к разрешению германской проблемы и сами великие державы (СССР, США и Великобритания) в силу глубоких противоречий между ними, в том числе по германскому вопросу.

На Крымской (Ялтинской) конференции 4–11 февраля 1945 г. союзники обнародовали общую формулу послевоенного урегулирования Германии в виде «четырёх «Д»»: демилитаризация, денацификация, демократизация и демонополизация (декартелизация) [4, с. 474–487; 5, с. 536–575; 9, с. 265–266]. При обсуждении германской проблемы на конференции союзников в Ялте возник ещё один важный вопрос – об участии Франции в оккупации и контрольном механизме для Германии. Инициировал данный вопрос, как полагают некоторые историки, У. Черчилль [2, с. 334–335; 7, с. 310–311]. Сама постановка проблемы противоречила решениям Европейской консультативной комиссии (ЕКК), поскольку они предусматривали участие в оккупации и контрольном механизме для Германии только трёх союзных держав по антигитлеровской коалиции – США, Великобритании и СССР [3, с. 334–335; 7, с. 262–269]. Свою позицию У. Черчилль мотивировал двумя обстоятельствами: тем, что Франция будет достаточно сильным и успешным противовесом возрождения германского реванша и военной мощи Германии в будущем, щитом против возможного нападения Германии на государства западного блока, и тем, что войска США будут участвовать в оккупации Германии непродолжительный срок (об этом заявил Ф.Д. Рузвельт во время работы конференции, заметив в ответ на вопрос английского премьер-министра, что он сомневается, чтобы США могли держать в Европе большую армию более чем в течение двух лет после окончания войны) [9, с. 71–72]. На одном из заседаний У. Черчилль сказал, что контроль в Германии будет очень трудно осуществить без участия Франции. «Нужно думать о будущем, – подчёркивал он. – Англичанам нужна сильная Франция, особенно после ухода американцев из Европы» [9, с. 73].

Так трактовали события вокруг привлечения Франции к разрешению германского вопроса во время работы Ялтинской (Крымской) конференции известные советские историки В.Я. Сиполс и В.Л. Исраэлян. Эта трактовка не совсем полная и местами неточная, противоречащая событиям. Во-первых, к началу работы Ялтинской конференции уже имелаась просьба Франции в лице Ш. де Голля и его Временного правительства к союзным по антигитлеровской коалиции державам об участии Парижа в оккупации и контрольном механизме для Германии, что, между прочим, В.Я. Сиполс признаёт, отмечая, что «Черчилль поддержал на конференции просьбу Франции о выделении ей зоны оккупации в Германии» [7, с. 310]. Во-вторых, вопрос об участии Франции в оккупации Германии и соответственно в контрольном механизме для Германии инициировал не У. Черчилль, а президент США Ф.Д. Рузвельт, о чём свидетельствовал сам У. Черчилль. Рассказывая о первом пленарном заседании Ялтинской (Крымской) конференции, которое началось днём 5 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце, где проживала американская делегация, У. Черчилль писал: «Обсуждались также, но не были разрешены вопросы. Президент спросил, следует ли предоставить французам зону оккупации в Германии. Мы решили, что это, бесспорно, следует сделать, выделив им часть английской и американской зон, и что министры иностранных дел должны подумать о том, как этот район будет управляться» [11, с. 515]. У. Черчилль активно поддерживал предложение Ф.Д. Рузвельта, что, по мнению В.Л. Исраэляна, противоречило решениям ЕКК [3, с. 334–335]. Это опять же не совсем верно. Действительно, 11 сентября 1944 г. в ЕКК был подписан согласованный тремя представителями союзных держав (США, Великобритании и СССР) протокол о зонах оккупации, но уже 11 ноября того же года правительство Франции было приглашено к участию в работе ЕКК в качестве её четвёртого постоянного члена, что неизбежно должно было привести к постановке вопроса о французской зоне оккупации в Германии [10, с. 66].

Наконец, привлечение Франции к оккупации и контрольному механизму в Германии по У. Черчиллю диктовалось ещё одним, третьим и достаточно весомым для Лондона и Запада в целом, мотивом. По словам помощника госсекретаря США в 1944–1946 гг. Ч. Болен, У. Черчилль считал, что «в Европе необходим противовес Советскому Союзу и выступал за то, чтобы такую роль играли единая Германия, а также Франция» [12, с. 160]. Это же обстоятельство отмечала в своей работе, посвящённой Крымской конференции, Д. Клеменс [13, с. 42]. В.Л. Исраэлян также писал об этом, но с некоторым идеологическим перекосом, характерным для советских «доперестроечных» времён: «Сильная Франция нужна была Черчиллю не только для того, чтобы противостоять гегемонистским амбициям Германии, а главным образом для того, чтобы вместе с Англией, Германией и, возможно, другими государствами создать враждебный Советскому Союзу военно-политический блок» [3, с. 335].

Таким образом, вопрос о начальной дате привлечения Франции к оккупации Германии и контрольному механизму союзников для Германии или запутан, или неясен, или обходится молчанием не только в бывшей советской, но и в историографии в целом, посвящённой тематике Второй мировой войны и германскому вопросу в 1945–1949 гг. Судя по документам, ответ на данный вопрос можно коротко свести к следующему. Начальной датой привлечения Франции союзниками по антигитлеровской коалиции к разрешению германского вопроса и, прежде всего, к оккупации Германии и к участию в контрольном механизме для Германии является 11 ноября 1944 г., когда послы Советского Союза, Великобритании и США сделали заявление министру ино-

странных дел Временного правительства Французской Республики Ж. Бидо о том, что их правительства решили пригласить правительство Франции «принять участие в работах Европейской консультативной комиссии, находящейся в Лондоне, в качестве четвёртого постоянного члена этой комиссии» [6, с. 317]. ЕКК была учреждена правительствами СССР, Великобритании и США в соответствии с решениями, принятыми на Московской конференции министров иностранных дел (19–30 октября 1943 г.). Она состояла из представителей США, Великобритании и СССР. На ЕКК возлагалась задача «изучать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать трём правительствам по ним объединённые ответы» [8, с. 348]. 14 января 1944 г. в Лондоне состоялось первое официальное заседание ЕКК под председательством посла США в Великобритании и одновременно представителя США в ЕКК Д. Вайнанта.

2 июня Французский комитет национального освобождения (ФКНО) издал декрет о своём переименовании во Временное правительство Французской Республики во главе с Ш. де Голлем, которое США признали 11 июля 1944 г. 15 июля штаб генерала Д. Эйзенхауэра опубликовал заявление о том, что французские силы внутреннего сопротивления являются частью союзных экспедиционных войск под командированием Д. Эйзенхауэра и немцы обязаны относиться к ним, как к регулярным войскам (операция «Оверлорд» началась 6 июня 1944 г.). Следует заметить, что Советский Союз признал ФКНО раньше, 26 августа 1943 г., как представителя государственных интересов Франции. Правительство СССР в тот же день приняло решение об обмене полномочными представителями. 5 октября Президиум Верховного Совета СССР назначил А.Е. Богомолова полномочным представителем СССР при ФКНО. 9 сентября 1944 г. во Франции было образовано Временное правительство во главе с Ш. де Голлем.

25 июля 1944 г. в ЕКК представителями СССР, Великобритании и США был подписан согласованный документ о безоговорочной капитуляции Германии, а 12 и 14 сентября – согласованный Лондонский протокол о зонах оккупации Германии. 23 октября 1944 г. правительства СССР, Великобритании и США сделали французскому министру иностранных дел заявление о признании Временного правительства Франции, а 27 ноября представитель Франции был приглашен работать в ЕКК. За две недели до этого, 14 ноября в ЕКК было подписано согласованное представителями трёх великих держав «Соглашение о контрольном механизме в Германии», предусматривавшее создание Контрольного совета.

Таким образом, к началу работы Ялтинской (Крымской) конференции позиции трёх великих держав и Франции по германскому вопросу, а также межсоюзнические отношения между СССР, США, Великобританией и Францией сблизились и укрепились. В результате дискуссий в Ялте было принято решение предоставить Франции зону оккупации, выделив её из британской и американской зон. Немецкие историки Г. Шванн и Р. Штайнхиллер отмечают, что именно И.В. Сталин предложил, чтобы французская зона оккупации была создана за счёт американской и английской оккупационных зон [15, с. 17]. Об этом же пишет Э. Дойерляйн [14, с. 36]. Представитель Франции должен был стать также членом Контрольного совета по Германии [3, с. 336; 5, с. 580; 7, с. 311; 9, с. 266]. «Постепенно Франция вновь появляется на мировой сцене, – писал в своих мемуарах Ш. де Голль. – Французы уже не сомневались, что их страна будет спасена, а союзники признавали бесспорным, что когда-нибудь придётся вернуть Франции прежнее её место. И предвидя это обстоятельство, они в своей политике уделяли нам немало внимания» [1, с. 244].

Исходя из решений, принятых в феврале 1945 г. на Крымской конференции, в ЕКК и на первых заседаниях Союзного Контрольного совета в Германии, представители СССР, США и Великобритании рассмотрели на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) мероприятия по демилитаризации, денацификации, демократизации и декартелизации Германии, а также ряд других важнейших вопросов, связанных с определением дальнейшей судьбы немецкого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е.Я. Трояновская. – М. : Политиздат, 1990. – 558 с.
2. Исраэлян, В.Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / В.Л. Исраэлян. – М. : изд-во ИМО, 1959. – 368 с.
3. Исраэлян, В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945) / В.Л. Исраэлян. – М. : Междунар. отношения, 1985. – 480 с.
4. История внешней политики СССР. 1917–1976. В 2 т. Т. 1. 1917–1945 гг. / Под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. – М. : Наука, 1976. – 520 с.
5. История дипломатии / Под ред. А.А. Громыко и др. Т. IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. – М.: Политиздат, 1975. – 752 с.
6. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (Авг. 1941 г. – дек. 1945 г.) / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1986. – 320 с.
7. Сиполс, В.Я. На пути к великой Победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. / В.Я. Сиполс. – М. : Политиздат, 1985. – 495 с.
8. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). – М. : Политиздат, 1978. – 422 с.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – М. : Политиздат, 1976. – 312 с.

10. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. / редкол.: Г.П. Кынин и Й. Лауфер. – М. : Международные отношения, 1996–2003. –Т. I: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – 1996. – 783 с.
11. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 3-х кн. / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. – Кн. 3, т. 5–6. – 702 с.
12. Bohlen, Ch.E. Witness to History, 1929–1969 / Ch.E. Bohlen. – N.-J. : Un. Press, 1963. – 487 p.
13. Clemens, D. Jalta / D. Clemens. – N.-J. : Un. Press, 1970. – 588 p.
14. Deuerlein, E. Potsdam 1945. Quellen zur Konferenz der «Grossen Drei» / E. Deuerlein. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag GMBH, 1963. – 409 s.
15. Schwan, H. Besiegt, besetzt, geteilt. Von der Invasion bis zur Spaltung Deutschlands / H. Schwan, R. Steininger. – Oldenburg – München – Hamburg : Stalling Verlag GMBH, 1979. – 192 s.

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Болдырева О.М., Плеснякова В.Н. (г. Елец, Россия)

В конце второй мировой войны основной задачей союзников стало согласование позиций и решение вопроса о том, как поступить с Германией после ее поражения. Проблемы послевоенного устройства Германии рассматривались Европейской Консультативной Комиссией (ЕКК) в Лондоне, которая стала постоянным главным органом сначала трех (США, Великобритания, СССР), а затем четырех (с конца 1944г. присоединилась Франция) держав антигитлеровской коалиции по подготовке основных соглашений по германскому вопросу.

В течение 1944г. ЕКК обсуждала различные вопросы, касавшиеся Германии. В частности, неоднократно поднимался вопрос о консультациях с правительствами европейских союзников. 25 июля 1944 г. ЕКК разослала этим правительствам письмо с просьбой изложить свои взгляды и интересы в связи с условиями капитуляции Германии. Правительства Польши, Бельгии, Чехословакии, Греции, Нидерландов, Люксембурга и Норвегии представили соответствующие документы. Французский Комитет Национального освобождения обратился с просьбой допустить своего представителя к участию в обсуждении условий капитуляции «третьего рейха» [2, с. 111].

Представители Франции вследствие отрицательной позиции, занятой Великобританией и США на Московской конференции 1943г., не допускались к работе ЕКК, хотя Французский Комитет Национального Освобождения, признанный великими державами 25 августа 1943г., делал все возможное, чтобы добиться участия Франции в решении вопроса о будущем Германии. Ситуация несколько изменилась после того, как в августе 1944г. союзники заключили с французским временным правительством соглашение о гражданской администрации, разделив Францию на передовую зону, находившуюся в ведении верховного главнокомандующего союзников, и на внутреннюю зону, где администрация должна была находиться в руках французских властей. 20 октября 1944г. было объявлено, что с согласия верховного командования союзников создана внутренняя зона, включающая большую часть Франции, в том числе Париж [5, с. 465].

Таким образом, Комитет Национального Освобождения был окончательно преобразован во Временное правительство Франции, которое 23 октября 1944 г. было официально признано союзниками. 26 октября Совнарком СССР в памятной записке правительству Англии высказался «за участие представителя Французского временного правительства в делах Европейской Консультативной Комиссии в качестве четвертого постоянного члена этой Комиссии» [3, с. 133].

12 ноября 1944г. было опубликовано специальное коммюнике трех правительств о приглашении Франции к работе в ЕКК. Представителем Франции в ЕКК был назначен ее посол в Великобритании Р.Массигли. Было решено передать Франции все документы, относившиеся к прошлой и будущей работе комиссии. 27 декабря 1944г. Р.Массигли внес на обсуждение в ЕКК меморандум, в котором предлагалось следующее: участие Франции в осуществлении верховной власти в Германии; внесение необходимых изменений в документы о капитуляции и подписание их представителями французского командования; предоставление Франции определенной зоны оккупации; вхождение Франции в контрольный механизм для Германии; наличие документов о капитуляции также и на французском языке [2, с. 113-114].

На Крымской конференции, состоявшейся в феврале 1945г. между союзниками произошел обмен мнениями о послевоенном устройстве Германии и создана комиссия по ее расчленению. Были окончательно приняты решения об участии Франции в оккупации германии, о репарациях. Было решено, что Франции предоставлялась в германии зона, подлежащая оккупации французскими войсками. Эта зона выделялась из британской и американской зон, и ее размеры устанавливались англичанами и американцами в консультации с французским Временным правительством.

Было также решено, что французское временное правительство будет приглашено войти в качестве члена в Контрольный совет по Германии [4, с. 196].

После Крымской конференции в ЕКК были подготовлены и приняты «Декларация о поражении Германии» и соглашение о некоторых дополнительных требованиях к ней. Параллельно с этим различные аспекты

германского вопроса, главным образом границы Германии и возможное расчленение ее, были подвергнуты обсуждению во время двусторонних встреч глав правительств СССР, США, Англии и Франции на совещании Рузвельта и Черчилля в Квебеке, встрече Черчилля с де Голлем в Париже, в ходе визитов Черчилля и де Голля в Москву [2, с. 106].

2 декабря 1944 г. в беседе со Сталиным де Голль высказался за обеспечение в будущем безопасности Франции со стороны Германии. По его мнению, для этого необходим реальный географический барьер. Де Голль отметил, что если бы Рейнская область была отделена от Германии и присоединена к Франции, то такое решение очень бы устроило французов [3, с. 162]. Для бассейна Рура предлагалось установить не французский, а международный режим. В довоенной франко-германской декларации от 6 декабря 1938 г. подчеркивалось, что между этими странами «не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и <они> торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время», теперь же Франция имела свои виды на германские территории [1, с. 136]. Кроме возвращения Эльзаса и Лотарингии, Францию волновал принципиальный вопрос о возможности контроля над Руром и Сааром – небольшими районами германской территории, обладающими богатыми угольными месторождениями, важными металлургическими заводами и имеющими огромный военный потенциал. Но поскольку союзниками на Потсдамской конференции (17 июля–2 августа 1945 г.) было принято решение о сохранении единой, экономически целой, нерасчлененной Германии, французские претензии в русле политики СССР, США и Великобритании отстранялись на второй план. Несмотря на это, в результате деления британской и американской зон, Франция получила зону оккупации на юго-западе Германии, включающую в себя Рейнскую область и Саар. Рурский угольный бассейн вошел в зону британской оккупации.

Нельзя не отметить, что Франция в период окончания войны и после нее играла второстепенную роль в мировой политике и в германском вопросе, в частности, что вполне объяснимо с точки зрения союзников. Франция – страна, побежденная и фактически капитулировавшая в этой войне, практически не имела шансов для участия в «разделе мира» наряду с державами-победительницами. И только активная деятельность Французского Комитета Национального Освобождения и генерала де Голля позволила ей получить свою долю компенсации и до определенного уровня восстановить свое влияние в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. – Т.1. -М.: Политиздат, 1990. -С.136.
2. Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944-1945 гг. / Г.П. Кынин // Новая и новейшая история. – 1995. - №4. –С.111.
3. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945гг.- Т.2. -М.: Политиздат, 1983.- С. 133.
4. Тегеран – Ялта – Потсдам: Сборник документов / Сост.: Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. – 2-е изд. – М.: Издательство «Международные отношения», 1970. -С.196.
5. Черчилль У. Вторая мировая война/ У. Черчилль. – Т.6.-М.: Воениздат, 1991.- С.465.

ГИПОТЕЗА *GRANDDESIGN* В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Ковяко И.И. (г. Минск, Беларусь)

Изучение послевоенной германской политики великих держав в зональный период неслучайно занимает особое место в англо-американской историографии. Решения, принятые великими державами по германскому вопросу в данный период, определили рабочие рамки европейской политики СССР и США вплоть до 1990 года. Одним из вопросов, который выносятся на обсуждение в работах британских и американских исследователей, является гипотеза *GrandDesign* (великого проекта) в германской политике СССР в 1945–1949 гг.

Представители консервативного направления традиционно уделяют особое внимание наличию у СССР *GrandDesign* в отношении послевоенной Германии. Анализируя развитие германского вопроса в зональный период, они придерживаются основных положений геополитического реализма. Очевидно, что поражение Германии во Второй мировой войне создало вакуум силы в Центральной Европе. Однако ни один вакуум силы не может существовать на протяжении длительного времени, он неизбежно будет заполнен новой силой. В послевоенные годы СССР ввиду своего положения имел возможность заполнить вакуум в Центральной Европе и установить континентальное господство. Старые европейские державы, такие как Великобритания и Франция были слишком ослаблены, чтобы создать противовес советской мощи. В такой ситуации США, согласно консервативным историкам, были вынуждены взять на себя функции сдерживания коммунизма в Европе [1, с. 286; 6, с. 111; 14, с. 119].

Консервативные историки считают, что германская политика СССР первоначально была основана на долгосрочном плане. К элементам советского *GrandDesign* консервативные историки относят постепенное усиление влияния социалистов и коммунистов в восточной зоне, углубление экономического кризиса в Германии,

нарастание социальной напряженности и, наконец, объединение всех зон под властью правительства левых партий. Таким образом, окончательная цель *GrandDesign* – вхождение всей Германии в сферу влияния СССР без прямого столкновения с западными союзниками.

Следуя гипотезе *GrandDesign*, консервативные историки анализируют репарационную политику Москвы как преднамеренную попытку вызвать глубокий социально-экономический кризис в Германии и спровоцировать возникновение революционной ситуации. Они рассматривают первый Берлинский кризис как стремление СССР расширить свое влияние на континенте и прервать процесс формирования структур западногерманского государства. Блокада Берлина, с точки зрения консервативных историков, являлась частью *GrandDesign* СССР в отношении всей Европы. Показательным в данном отношении представляется анализ валютной реформы в Берлине. Ссылаясь на архивные документы, исследователи отмечают, что изначально западные страны не планировали вводить новую валюту в Берлине, поскольку стремились учитывать интересы СССР. Лишь появление новой валюты советского образца во всех секторах города вынудило их пойти на ответные меры. Предполагается, что И.В. Сталин санкционировал введение новой валюты с целью экономической и политической интеграции всех секторов Берлина в восточную зону. Успех такого шага мог открыть путь к разрешению германского вопроса на условиях СССР. Следовательно, уступки Запада по берлинскому вопросу были неприемлемыми. С точки зрения консервативных историков, атомная монополия США сделала агрессию со стороны СССР невозможной и способствовала завершению Берлинского кризиса на благоприятных для Запада условиях. К числу положительных последствий блокады исследователи относят военно-политическое объединение стран Запада в рамках НАТО, а также последующую интеграцию ФРГ в западные структуры [1, с. 313; 15, с. 75].

Гипотеза *GrandDesign*, однако, находит поддержку далеко не во всех работах британских и американских исследователей. Отражением иной позиции являются работы историков-рационалистов, которые склонны отрицать наличие у СССР *GrandDesign* в отношении послевоенной Германии. Рационалистическое направление сформировалось в британской исторической науке под влиянием рационалистической теории международных отношений. В отличие от консервативного подхода, рационалисты делают акцент на необходимости международного диалога и сотрудничества. При изучении исторических фактов и явлений они считают необходимым анализировать действия всех сторон с учетом их собственных интересов [9, с. 9].

Историки-рационалисты полагают, что различие интересов и идеологий великих держав на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы вынудило союзников выработать законодательную и дипломатическую основу для разграничения сфер влияния Германии и Европе. В условиях холодной войны это позволило предотвратить конфликт между сверхдержавами. В отличие от консерваторов, рационалисты отрицают наличие у великих держав, в том числе у СССР, *GrandDesign* в отношении послевоенной Германии [2, с. 162; 4, с. 18; 5, с. 13; 12, с. 467]. С их точки зрения, политика союзников в зональный период была в значительной мере основана на импровизации и реакции на действия другой стороны. Как писал в 1950 г. генерал Армии США в отставке Л. Клей: «Мне до сих пор сложно поверить, что СССР в то время имел четкие цели в Европе» [3, с. 19].

Представители рационалистического направления отмечают, что эволюция советской мысли в отношении будущего Германии в 1945–1949 гг. не следовала определенной траектории. Когда закончилась мировая война, у СССР не было готового ответа на германский вопрос. В первые послевоенные годы при проведении оккупационных мероприятий в советской зоне экономические цели превалировали над политическими. Историки-рационалисты прагматически подходят к оценке репарационной политики СССР, рассматривая ее как успешную в деле внутреннего восстановления страны [11, с. 595; 13, с. 307]. В 1949 г. американский исследователь Д. Миддлтон, отмечая бедственное положение белорусских и украинских земель после окончания войны, указывал на предсказуемость и объективную необходимость довольно жесткой репарационной политики СССР в Германии [10, р. 66].

При изучении блокады Берлина историки-рационалисты сходятся во мнении, что она стала ответом СССР на действия Запада по созданию ФРГ. Инициатива советской стороны рассматривается как прагматический шаг, предпринятый в ответ на решения Лондонской конференции западных держав по формированию западногерманского правительства. Первый Берлинский кризис квалифицируется как «дипломатическое приключение» И.В. Сталина, которое не было составной частью *GrandDesign* [7, с. 204; 8, с. 146]. Рационалистическое направление заметно усилилось в британской и американской историографии после объединения Германии и распада СССР. В научный оборот были введены многочисленные архивные документы СВАГ (фонды ГАРФ и РГАСПИ), которые свидетельствовали в пользу доводов историков-рационалистов и не подтверждали гипотезу о наличии у СССР *GrandDesign*.

В заключение необходимо отметить, что историки двух направлений сходятся во мнении относительно желания СССР установить контроль над всей послевоенной Германией. Однако консерваторы выражают уверенность в существовании советского *GrandDesign*, в то время как рационалисты отрицают его наличие в германской политике СССР. Исследователи рационалистического направления склонны анализировать советскую политику в Германии как ответную на действия западных союзников. Стратегическая важность Германии для СССР была отмечена в свое время еще В.И. Лениным. Он назвал это государство принципиальным звеном в цепи революций и выдвинул тезис «Кто владеет Германией, тот владеет Европой» [10, с. 72]. В первые послевоенные годы этот тезис приобрел особую актуальность, однако отсутствие продуманного *GrandDesign* не спо-

собствовало достижению контроля над всей Германией. Зональное разделение углублялось и постепенно привело к возникновению двух немецких государств.

Сорок лет спустя, в 1989–1990 гг., тезис В.И. Ленина о стратегической значимости Германии был позабыт, и последствия этой забывчивости оказались еще менее благоприятными для Советского Союза. В переломный исторический момент руководство страны оказалось не готово предоставить оперативный ответ на острый германский вопрос. Советский *GrandDesign* в отношении единой Германии отсутствовал. В результате объединенная ФРГ, а затем и значительная часть бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы вошла в экономические и военно-политические структуры западного мира. Старый тезис «Кто владеет Германией, тот владеет Европой» доказал свою актуальность в новых реалиях постбиполярной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Botting, D. From the ruins of the Reich. Germany 1945–1949 / D. Botting. – New York: Crown Publishers, 1985. – 341 p.
2. Calleo, D. The German problem reconsidered / D. Calleo. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – 239 p.
3. Clay, L. Germany and the fight for freedom / L. Clay. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1950. – 83 p.
4. Davidson, E. The death and life of Germany. An Account of the American occupation / E. Davidson. – New York: Alfred A. Knopf, 1959. – 422 p.
5. Fulbrook, M. Interpretations of the two Germanies, 1945–1990 / M. Fulbrook. – London: Macmillan, 2000. – 114 p.
6. George, A., Smoke, R. Deterrence in American foreign policy / A. George, R. Smoke. – New York: Columbia University, 1974. – 666 p.
7. Gimbel, J. The American occupation of Germany. Politics and the military, 1945–1949 / J. Gimbel. – Stanford: Stanford University Press, 1968. – 335 p.
8. Judt, T. Postwar. A history of Europe since 1945 / T. Judt. – New York: Penguin Press, 2005. – 967 p.
9. Lewkowicz, N. The German question and the international order, 1943–1948 / N. Lewkowicz. – London: Palgrave Macmillan, 2010. – 253 p.
10. Middleton, D. The struggle for Germany / D. Middleton. – Indianapolis; New York: Bobbs-Merrill, 1949. – 304 p.
11. Mosely, P. The occupation of Germany. New light on how the zones were drawn / P. Mosely // Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 28. – №4. – P. 580–604
12. Naimark, N. The Russians in Germany. A history of the Soviet zone of occupation, 1945–1949 / N.M. Naimark. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1996. – 586 p.
13. Nettl, P. German reparations in the Soviet zone / P. Nettl // Foreign Affairs – 1951. – Vol. 29. – №2. – P. 300–307
14. Slusser, R. Soviet policy and the division of Germany, 1941–1945 / R.M. Slusser // The impact of World War II on the Soviet Union / Ed. by S.J. Linz. – Irvine: Rowman&Allanheld, 1985. – P. 107–125
15. Smyser, W.R. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / W.R. Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.

ОСНОВНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ГЕРМАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 1945–1949 ГГ. В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Попов И.Д. (г. Вологда, Россия)

После Второй мировой войны наблюдается существенный рост политического значения регионов и их конституирование в качестве основы для новой демократической государственности. В крепкой земельной власти были отчасти заинтересованы и оккупировавшие Германию союзники, которые стремились, во-первых, путём децентрализации избежать возможности восстановления национал-социализма; во-вторых, сформировать новую руководящую элиту из самих немцев, допуская её первоначально лишь к региональному управлению. В постсоветский период было накоплено значительное количество исследовательских работ, которые в той или иной степени затрагивают региональное развитие [13, с. 49–50]. Далее будут представлены наиболее дискуссионные проблемы региональной политики периода союзнической оккупации.

Узловым предметом дискуссии является вопрос о причинах устойчивости федеративной модели Западной Германии. А. А. Ахтамзян связывает это с многовековой традицией, прерванной при национал-социализме [1, с. 88]. В свою очередь Н.В. Павлов объясняет это преимущественно послевоенными факторами. К таковым он относит, во-первых, опыт диктатуры, вызвавший стремление союзников и самих немцев выстроить демократические принципы управления на всех уровнях; во-вторых, новую, во многом случайную «нарезку» земель и ликвидацию Пруссии как очага милитаризма [11, с. 56]. М.А. Мурашов в качестве ключевого послевоенного фактора устойчивости федеративной модели рассматривает переговоры между политическими партиями и считает это устройство исключительно достижением послевоенных партий, выросшим в результате столкновения с оккупационными властями, внутри- и межпартийных дискуссий [8, с. 223, 226–228]. И.М. Бусыгина стабильность федерализма в Западной Германии обосновывает длительными традициями регионализации и политикой союзников, которые в качестве императива навязали это устройство, ставшее «инструментом создания... ослабленного, «неопасного» немецкого государства». [3, с. 112, 119]. Т. А. Некрасова, помимо влияния союзников, особое внимание обращает на внутренние предпосылки состоятельности федеративной модели, к

которым она относит следующее: 1) новые федералистские концепции с сильной демократической составляющей (В. Рёнке, Х. Навяски, Х. Петерс, В. Гreve, О. Штарк), которые подготовили для немецких партий и политиков широкую базу аргументации в пользу федерализма как прогрессивного явления; 2) популярность федералистских идей практически во всех политических партиях (кроме КПГ), особенно во французской зоне оккупации [10, с. 209-210, 216]; 3) увязка федералистской идеи с европейской, которая приветствовалась как внутри Германии, так и на международной арене; 4) процесс «спонтанной децентрализации» в первые месяцы после войны, что позволило землям стать самостоятельными факторами власти, заинтересованными в федеративной модели [9, с. 84-85]. О важности реанимирования федералистских идей в научных кругах говорит и политолог В.И. Васильев. По мнению автора, учёные были единодушны в одном: учитывая традиции германского федерализма, необходимо наполнять государственную модель новым содержанием [2, с. 151, 161-166].

Не менее дискуссионным вопросом является и общая оценка исторического значения Основного закона в области взаимоотношений центра и регионов. Так, юрист Е.Р. Кастель характеризует земли в ФРГ как государственные образования, за которыми было закреплено осуществление преимущественно исполнительно-распорядительных полномочий; при этом регионы были лишены суверенитета, а их компетенция в законодательной сфере была сведена «по существу к регулированию вопросов чисто местного значения» [6, с. 31, 33, 36]. Ещё более категоричен в своих оценках Н.В. Павлов, который называет ФРГ «унитарным федеративным государством». По его мнению, значительная свобода действий была предоставлена землям в 1949 г. только под влиянием оккупационных властей, со временем же она постепенно урезалась и ограничивалась под лозунгом «кооперативного федерализма» [11, с. 57]. Несколько более оптимистично федеративное устройство по Основному закону оценивает А.Ю. Ватлин, указывая, в частности, на расширение компетенции верхней палаты, по сравнению с имперским Бундесратом и веймарским Рейхсратом [4, с. 150-151]. Т.Г. Хришкевич утверждает, что земли получили обширные полномочия контролировать и дополнять действия центральных властей, поэтому до сих пор сам принцип федерализма в Германии под сомнение не ставился [15, с. 45]. И.М. Бусыгина одним из следствий Основного закона считает выработку землями своего сознания, чему способствовало существующее в ФРГ распределение компетенций: в частности, вопросы образования, СМИ и культуры находились в исключительном ведении земель, что стимулировало региональное разнообразие и плюрализм [3, с. 114-115].

Большое количество исследований было посвящено положению в отдельных оккупационных зонах. И хотя многие работы не ставили цели разбирать положение в землях и политику в отношении земельного руководства, исследователи так или иначе выходили на проблемы региональной политики. Особенно ярко это прослеживается на примере французской оккупационной зоны, где военная администрация старалась предпринять максимально возможные шаги для децентрализации Германии. Т.А. Некрасова признаёт, что французские власти изолировали регионы своей зоны оккупации от контактов с другими землями, однако ключевым посылом для этого являлось стремление к безопасности и предотвращению возобновления агрессии ближайшего соседа. При этом Париж старался продвигать федеративную модель и обеспечить развитие своей зоны в рамках общегерманских процессов. Так во время принятия земельных конституций французы воздерживались от содержательного вмешательства, поэтому основные законы земель французской зоны «в полной мере отражают идеи местных законодателей и в то же время вписываются рамки западногерманского конституционного развития» [10, с. 209-217].

Н.В. Величко напротив утверждает, что политика Парижа в отношении Германии преследовала цель её расчленения, именно поэтому Франция противилась свободной межзональной торговле. И только экономическая неэффективность изоляционистского курса и потребность в поставках угля и финансовой помощи вынудили Париж пересмотреть данную политику [5, с. 42]. Схожей позиции придерживается и В.А. Космач, утверждая, что изначально в 1945-1946 гг. Франция старалась не допустить политическое единство, и лишь учитывая отсталость регионов своей зоны и начало поставок по плану Маршалла, Париж вынужден был скорректировать свою политику в сторону германского единства. Исследователь также отмечает негативное воздействие на развитие земель перестройки экономики в угоду французским хозяйственным интересам [7, с. 160-161, 169].

В изучении американской оккупационной зоны, наиболее дискуссионной проблемой региональной политики является баварский регионализм. В.А. Космач связывает его с сепаратистскими настроениями в западногерманских землях. В Баварии носителем таких настроений являлась Баварская партия, которая требовала создания «самостоятельного, жизнеспособного баварского государства». Одновременно, по мнению историка, активизировался рейнский сепаратизм и идеи создания «независимого Рейнского государства», поддерживаемого Ф. Тиссенем. Однако данный проект, оказался нежизнеспособным ввиду дистанцирования от него К. Аденауэра [7, с. 251]. М.В. Стрелец и И.Д. Попов, напротив, отрицают реальную угрозу сепаратизма в Баварии, в том числе и в самой регионалистской партии – Христианско-Социальном союзе (ХСС). И несмотря на то, что именно Бавария являлась единственной землёй, которая отвергла Основной закон, её руководство было прямо заинтересовано в создании германской федерации, о чём свидетельствует один из лозунгов ХСС в 1949 г. – «Наше «нет» – Бонну, наше «да» – Германии» [12, с. 197-200; 14, с. 270-271].

Практически совсем неисследованной является региональная политика британской зоны, что было связано с ярко выраженной централистской политикой англичан и общей слабостью региональных органов власти. Редкое обращение к региональному уровню отмечается и в исследованиях советской зоны, несмотря на

обилие трудов по СВАГ. Первая работа, специально посвящённая советской региональной политике, была издана Р.Ю. Болдыревым лишь в 2019 г. [2]. Таким образом, основная проблематика дискуссий сосредоточена преимущественно вокруг общих вопросов становления федерализма, нежели развития отдельных регионов. Дальнейшие исследования положения германских земель позволят не только расширить поле научной полемики, но и дополнить понимание исторического развития Германии влиянием регионального расклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтамзян, А. А. Германский федерализм: опыт и современность / А. А. Ахтамзян // Международная научно-практическая конференция «Федерализм – глобальные и российские измерения»: материалы временных коллективов. – Казань : [б. и.], 1993. – С. 87-91.
2. Болдырев, Р.Ю. Региональная политика советских оккупационных властей в Германии, 1945-1949 гг.: от федерализма к унитаризму / Р. Ю. Болдырев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 57. – С. 70-74.
3. Бусыгина, И.М. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования / И. М. Бусыгина // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 5. – С. 110-120.
4. Ватлин, А.Ю. Германия в XX веке / А.Ю. Ватлин. – М.: РОССПЭН, 2002. – 334 с.
5. Величко, Н.В. Эволюция французской политики по германскому вопросу в 1945-1949 гг. / Н.В. Величко // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – №3. – С. 35-49.
6. Кастель, Е.Р. Германский федерализм: историко-правовое исследование (1849-1990 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01/ Е.Р. Кастель. – Екатеринбург, 1995. – 46 с.
7. Космач, В.А. Германия и германский вопрос в 1945-1949 гг.: страницы истории и оценки историков: монография / В.А. Космач. – Витебск: ВГУ имени В.П. Машерова, 2017. – 338 с.
8. Мурашов, М.А. Участие западногерманских политических партий в создании ФРГ :1948-1949 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / М.А. Мурашов. – М., 2004. – 259 с.
9. Некрасова, Т.А. Федерализм в противовес централизму: децентрализация как спасительная идея послевоенного западногерманского консерватизма / Т.А. Некрасова // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2016. – № 2 (5). – С. 78-88.
10. Некрасова, Т.А. Федерализм и политика в землях французской зоны оккупации Германии в 1945-1949 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Т.А. Некрасова. – М., 2009. – 244 с.
11. Павлов, Н.В. Германский федерализм: опыт реформирования/ Н.В. Павлов // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – №10. – С. 53-63.
12. Попов, И.Д. Христианско-социальный союз в Баварии : организационное и идейное становление (1945-1949 гг.) / И.Д. Попов. – Saarbrücken : Lambert acad. publ., 2011. – 243 с.
13. Попов, И. Д. Региональная политика Западной и Восточной Германии 1945–1990 гг. в постсоветской историографии / И. Д. Попов // Клио. – 2019. – № 4. – С. 40-52.
14. Стрелец, М.В. Христианско-социальный союз Баварии (ФРГ): идеология и политика / М.В. Стрелец. – Брест: Издательство БГТУ, 2004. – 410 с.
15. Хришкевич, Т.Г. Региональная диспропорция современной Германии в контексте проблем федерализма / Т.Г. Хришкевич // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 45-56.

ФЕДЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИСПРОПОРЦИИ ГЕРМАНИИ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Хришкевич Т.Г. (г. Псков, Россия)

Объединение Германии в 1990 г. стало одним из ключевых событий не только в немецкой, но и европейской истории XX в. Возвращение государственного и национального единства вернуло на европейскую сцену государство, которое принято называть «локомотивом Европейского Союза». Однако экономические успехи имеют обратную сторону – региональную диспропорцию, социально-экономический диспаритет, который восходит к последствиям Второй мировой войны и разделению Германии на оккупационные зоны.

Территория проживания немецких народов в течение ряда столетий характеризовалась наличием множества маленьких или крупных княжеств и королевств. Постепенно к ним добавились вольные города со всеми признаками государственности. Суверенные территории имели свою валюту, налоги, права. В течение многих веков управляла не центральная власть, а собственные государи. К новому времени они стали самостоятельными субъектами международного права. Объединение Германии в 1871 г. попыталось ввести признаки централизма. Единая монета, почта, железные дороги, при отсутствии единого гражданства делали государство по сути федеративным.

Федеральная традиция немцев была нарушена во времена национал-социализма. Нацистское руководство произвело унификацию страны. Закон о восстановлении рейха (Gesetz über den Neuaufbau des Reiches) от 30 января 1934 г. ликвидировал земельные парламенты [3]. Именно в этой концентрации власти страны-победительницы увидели одно из главных зол, которое привело к установлению диктаторского «государства-партии». Поэтому на военных и послевоенных конференциях было решено провести федерализацию страны.

Образование в 1949 г. двух германских государств породило две системы: федеративную и централистскую. Каждое государство состояло из своего набора исторических регионов. Территориальные изменения

в ФРГ до объединения в 1990 г. были незначительными. В 1952 г. Баден, Вюртемберг и Вюртемберг-Гогенцоллерн были слиты в новую федеральную землю Баден-Вюртемберг со столицей в Штутгарте. Дальнейшие попытки укрупнения земель в 1960-1970-х гг. успехом не увенчались.

Федеративное устройство созданной в 1949 г. ФРГ должно было решить важнейшую задачу – исключить концентрацию власти в руках центрального правительства. Поэтому Парламентский совет придавал большое значение защите и гарантированию прав земель при разработке Основного закона. Взаимный контроль был гарантирован, что не исключало структурные ошибки, которые создавали серьезные проблемы для немецкого федерализма. Размер и экономическая мощь земель были настолько разными, что им требовалась постоянная финансовая компенсация из центра.

В 1949 г. была образована унитарная Германская Демократическая Республика, состоящая из административных единиц. В 1952 г. в ГДР земли были ликвидированы и заменены на 14 округов. Федерализм в Восточную Германию вернулся с объединением. Одной из важнейших задач первой и единственной свободно избранной Народной палаты ГДР было восстановление старых земель. Благодаря Конституционному закону об образовании земель от 22 июля 1990 г. (Verfassungsgesetz zur Bildung von Ländern in der Deutschen Demokratischen Republik vom 22. Juli 1990) [5] этот шаг был завершен. ГДР была адаптирована к федеративной системе Западной Германии.

Можно утверждать, что после объединения сложившаяся социально-экономическая диспропорция является прямым следствием особенностей федеративной модели ФРГ. Согласно Основному закону 1949 г. ФРГ, федеральные земли располагают одинаковым объемом компетенций. Раздел IV Основного закона «Законодательство федерации» содержит в себе статьи с 71 по 75, раскрывающие положения о компетенции федерации и земель. Каждая земля имеет свою конституцию, парламент (ландтаг или сенат), правительство. Особенностью германской федеративной модели является принцип, согласно которому, на территории всего государства должен быть обеспечен единый уровень жизни, у граждан земель равные права и обязанности, кадры федеральных органов должны формироваться соответственно чиновниками всех земель, если же тот или иной федеральный орган действует в земле, его сотрудники должны набираться, как правило, из этой земли.

В сфере законодательной компетенции Основной закон ФРГ называет следующие виды разграничения: исключительная компетенция федерации, конкурирующая (совместная) компетенция и компетенция земель. Исключительная компетенция федерации охватывает 11 вопросов, зафиксированных в статье 73. В сфере конкурирующей компетенции отношения регулируются законодательством земель постольку, поскольку они не урегулированы федеральным законодательством; между тем федеральный законодатель по своему усмотрению может прибегнуть и к исчерпывающему регулированию той или иной сферы. К компетенции земель относятся все, что не относится к исключительной компетенции федерации и конкурирующей компетенции (ст.70) – конституционное законодательство и административное устройство земель, культура, средства массовой информации, школа, законодательство о местном самоуправлении [8].

В сложившейся в 1949 г. системе федерация имела явное преимущество в законодательной сфере. Однако, с того времени политические и экономические реалии изменились, и федеральные земли потребовали от центра предоставить им больше свободы, прежде всего на законодательном уровне. К примеру, землям необходимо было получать от центра разрешения на строительство новых промышленных объектов, а также на проведение строительных мероприятий в природоохранных зонах. Кроме того, земли хотели больше свободы при проведении реформ среднего и высшего образования. В первую очередь, больше автономии требовали богатые земли Бавария, Гессен.

На протяжении истории ФРГ можно выделить два основных этапа реформирования федеральной системы, имеющей целью перераспределение компетенций – до и после объединения Германии. С принятием Основного закона в 1949 г. власти Германии неоднократно предпринимали попытки усовершенствовать федеративную систему. Первая крупномасштабная реформа была осуществлена правительством «большой коалиции» (ХДС/ХСС-СДПГ) при канцлере Курте-Георге Кизингере в 1966-1969 гг. В результате реформы переплетение интересов земель и федерального центра получило новое измерение – до 1990 г. шло постепенное нарастание централизации. Поправки в Основной закон вносились 36 раз, причем более чем в 10 случаях речь шла о расширении компетенций федерации за счет компетенций земель. С 1970-х годов было несколько попыток реорганизовать распределение полномочий между федеральным правительством и штатами. Но, ни следственная комиссия по конституционной реформе, ни конституционная комиссия из бундестага и бундесрата после воссоединения двух германских государств не смогли договориться об эффективных изменениях.

В 2006 и 2009 гг. в ФРГ была проведена реформа федерализма, которая была необходима, чтобы упростить политические процессы в стране, сделать их более прозрачными для населения и менее зависимыми от сиюминутных партийных расчетов. Она должна была уточнить законодательную компетенцию между бундестагом и бундесратом. Как отметил премьер-министр земли Саар Петер Мюллер: «Земельному руководству нельзя самому определить, какого цвета будут такси в Сааре, потому что по всей стране они должны быть единого цвета светлой слоновой кости» [7]. Число законов, требующих обязательного одобрения бундесрата планировалось сократить до 35-40 % за счёт изъятия законов о принципах администрирования всех земель из механизма согласования с бундесратом, что предполагало наделение ландтагов большей ответственностью.

Конституционная реформа охватила следующие сферы: образование, бюджет, распределение доходов, борьба с терроризмом, безопасность, энергетика, государственная служба и ряд других. Федеральный центр сохранил за собой право напрямую перечислять средства из федерального бюджета, что исключило нецелевое использование полученных средств. В компетенцию земель вошли так же жилищное право, вопросы собраний, объединений и печати, законодательство об охоте, часы работы магазинов, правила открытия ресторанов и найм на работу и расторжение договоров государственных служащих.

Наиболее сложными в ходе федеральной реформы оставался вопрос о финансовом выравнивании земель. К статье 107 Основного закона была принята поправка, которая уточнила принцип горизонтального выравнивания различий в финансовых возможностях, подразумевающий перераспределение налоговых поступлений между землями с учетом «финансовых возможностей и потребностей общин» [8]. Для этого существовала процедура выравнивания бюджетной обеспеченности регионов, то есть часть средств «богатых» земель перераспределяется в пользу «бедных», иногда с вливаниями и из федерального бюджета. На новом этапе федеральной реформы, вступившей в силу с 1 августа 2009 г. были внесены дополнения в принцип вертикального выравнивания, по которому федерация может из своих средств предоставлять «слабым» землям дополнительные отчисления. С 2009 г. по 2019 г. пять финансово слабых земель должны получили так называемую «консолидированную помощь» в размере 800 миллионов евро в год, на общую сумму 7,2 млрд. евро (300 млн. в Бремен, 260 млн. Саар, и по 80 млн. Берлин, Саксонии – Анхальт и Шлезвиг-Гольштейн). Условием для предоставления помощи, является поддержание консолидации, которая ставит эти земли перед обязательством сбалансировать свой бюджет к 2020 г. [2].

В начале XXI в. процесс конвергенции постепенно ликвидирует разрыв между Восточной и Западной Германией, но она связана в первую очередь с развитием промышленной сферы, которая является двигателем реконструкции востока и уравнивания экономик новых и старых земель. Крупнейшими промышленными центрами востока стали Дрезден и Лейпциг. И всё же в 2012 г. промышленное производство новых федеральных земель составляло всего 8,9 % от общего объема промышленного производства Германии, а Берлин – 10,7%, что требовало дополнительных средств для финансового выравнивания [1, с. 7]. Лидерство Берлина во многом обусловлено развитием технологических и инновационных парков [4, с. 53]. Однако западные земли остаются пока лидерами в инновационном развитии. Из 15 высокотехнологических кластеров, определённых государством в качестве региональных лидеров, только два расположены на востоке [6, с.74].

Несмотря на то, что германская пореформенная федеративная модель выглядит вполне эффективной, дискуссии о продолжении реформ в этой области не утихают. По-прежнему продолжают обсуждаться перспективы территориальной реформы, в первую очередь это связано с экономическими проблемами. С 2020 г. субъектам германской федерации будет запрещено создавать новые долги, а богатые земли-доноры больше не желают делиться своими налоговыми поступлениями с более бедными. Следует отметить, что, несмотря на проведенную конституционную реформу, ФРГ не перестала быть централизованной федерацией. При уменьшении законодательной компетенции федерации в пользу земель, путём ограничения полномочий центра такими сферами, как оборона, правопорядок, права человека, внешняя политика и «рамочное» регулирование вопросов экологии, экономики и социальной политики, расширенная компетенция земель сохранила приоритет федерального центра. Однако дискуссия о сокращении количества земель (7 вместо 16 субъектов федерации) всё еще продолжается, а противодействие такой идее объясняет амбициями земельных политиков, которые не желают поступаться своими полномочиями и опасаются сокращения аппарата чиновников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Braun G., Güra T. Die Industrie als Motor der wirtschaftlichen Entwicklung / Braun G., Güra T., Henn S., Lang T., Schürmann C., Voß K., Warszycki P. Atlas der Industrialisierung der Neuen Bundesländer. – Rostock, 2013. – S. 6-9.
2. Entwurf eines Begleitgesetzes zur zweiten Föderalismusreform [Elektronische Ressource] – URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/132/1613223.pdf>. – Behandlungsdatum: 05.07.2019.
3. Gesetz über den Neuaufbau des Reichs. Vom 30. Januar 1934 [Elektronische Ressource] – URL: <http://www.documentarchiv.de/ns/neu-reich.html>. – Behandlungsdatum: 06.07.2019.
4. Güra T. Berlin: Hauptstadt mit kreativer Gründerszene / Braun G., Güra T., Henn S., Lang T., Schürmann C., Voß K., Warszycki P. Atlas der Industrialisierung der Neuen Bundesländer. – Rostock, 2013. – S.52-53.
5. Ländereinführungsgesetz (1990) [Elektronische Ressource] – URL: <https://www.kas.de/statische-inhalte-detail/-/content/text-des-laendereinfuehrungsgesetzes>. – Behandlungsdatum: 06.07.2019.
6. Белов В.Б. Хозяйственно-политическое и социально-экономическое пространство Германии // Современная Германия. Экономика и политика / Отв. ред. В.Б. Белов. – М.: Издательство «Весь мир», 2015. – С. 54-78.
7. Дик В. Нужны ли Германии 16 федеральных земель? [Elektronische Ressource] – URL: <http://www.dw.de/a-17156878>. – Behandlungsdatum: 06.07.2019.
8. ОсновнойЗаконФРГот 23 мая 1949 г. [Elektronische Ressource] – URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru. – Behandlungsdatum: 06.07.2019.

СЕКЦИЯ № 2 СТРАНЫ ЕВРОПЫ И МИРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА ГЕОПОЛИТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Романов В.А., Ярмолич Н.А. (г. Псков, Россия)

На фоне обширной литературы, посвященной изучению первой мировой войны, актуально выделить геополитический аспект концептуализации ее причин, последствий и уроков. Геополитический анализ помогает понять динамику политики и связать это с долгосрочными интересами стран с целью улучшения стратегической позиции государств по отношению к соперникам и конкурентам в новых международных условиях. Особое значение геополитического анализа заключается в том, что он помещает конкретные события в широкий контекст не только международных противоречий, разных проекций желаемых целевых результатов, но и возможного будущего ведущих держав. Во многом в зависимости от того, каким представляется этот контекст, инициируется смена историографических концепций и политических оценок, стратегических выводов. Именно вокруг этого всегда происходят так называемые информационные войны.

Общеизвестно, что в генезисе теории и практики геополитики выделяют такие этапы. Классическая геополитика второй половины XIX века органически связана с пространством и территориальными претензиями, которые были основными причинами конфликтов почти во всех европейских войнах. Это воспринималось как показатель могущества государств и амбиций правителей. К началу 20 века геополитические воззрения из военной области, где они имели узкоприкладной характер, перешли в сферу философии политики. На наш взгляд, уже в начале 20 века, классическая геополитика дополнилась формированием модели неклассической геополитики. Геополитика после “холодной войны” приобрела по преимуществу экономический характер и получила название геоэкономика (1991-2001 гг.). А в XXI веке геополитика приобрела цивилизационный характер. Для современной геополитической теории большое значение имеет изучение форм контроля над пространством с учетом технологических возможностей, которыми обладают государства (формы такого контроля: политический, военный, экономический, цивилизационный, коммуникационный, демографический, информационный).

Генезис феномена геополитики как теории и практики происходил на основе комплекса предпосылок.

Во-первых, наличие мощного философского обоснования. Становление западной геополитической традиции восходит идейно к философии эпохи Просвещения. Так, теории географического детерминизма сыграли в Европе решающую роль при возникновении геополитики как науки. Ш.Л.Монтескье политическое развитие народов и государств определил так: власть климата есть первейшая власть на земле. Огромное влияние идей Г.В. Гегеля, который впервые в истории мысли разработал методологию концептуального геополитического анализа на основе специфики и роли национального духа. Теории авангарда в истории, в котором воплощен мировой дух, трансформировались в тезис о гегемонизме в геополитике, что одинаково было воспринято сторонниками всех идейных течений в Европе с той разницей, что менялся субъект этого авангарда. Концептуальные нововведения о прогрессивном развитии и цивилизованности спровоцировали не только иерархический подход в оценке отношений государств и народов, но и политическое мышление с проекцией в будущее. Способность небольшой группы великих держав мыслить и оценивать свою и мировую ситуацию стратегически в начале XX в. воплощалась именно в геополитике. Ведь ресурс философии характеризует интеллектуально-проективный горизонт мышления ее элиты и народа.

Во-вторых, важную роль сыграли сдвиги в методологии научного познания. Поскольку в начале 20 в. стала очевидна специфика социально-гуманитарного знания. Начался этап неклассической рациональности, поскольку происходило изменение структуры духовного производства в европейской культуре. Неклассическая рациональность стимулировала конституирование новых наук, расширяла представления о реальности, которую можно с разных позиций изучать и изменять. Теория стала рассматриваться как гипотетико-дедуктивная система, с научными предположениями. Это в итоге привело к пониманию того, что сознание познающего субъекта зависит не только от социальных обстоятельств, но и от определяющих его целевых стратегиях.

В результате геополитика из фактора прикладного военного знания, приобрела статус самостоятельной науки, которая может в разных схемах и концептах описывать одну и ту же реальность. Геополитика стала наукой не только в целях познания действительности, но и для ее преобразования. Появляется множество геополитических концепций, которые уже имели стратегический вектор на переформатирование настоящего и будущего. Западная наука уже начале XX века создавала многовариантные геополитические парадигмы. Так что о геополитике в ее меняющихся формах никогда нельзя говорить только в прошедшем времени.

В-третьих, сама логика развития капитализма в условиях нового витка индустриализации порождала с неизбежностью противоречия между странами. Экономические возможности одной группы стран объективно уменьшались и, наоборот, возрастали у других. Это создавало самый мощный системный конфликт интересов в конкуренции великих держав и мировых войн. Это объективно переформатировало интересы правящих и владетельных групп. В начале 20 века в мировую борьбу включился уверенный в своей быстрорастущей промышленной мощи американский империализм с либерально-экспансионистской программой «интернационализации» международных рынков, которая бросала вызов всем европейским традициям. Великобритания стояла перед риском приобрести несколько врагов одновременно, не имея ни одного надежного союзника, необходимостью защиты имперских владений в разных частях земного шара. [3, с.201]. Успехи Германии в сфере промышленного производства и в строительстве военно-морского флота оказалась чрезвычайно опасными для Англии.

В-четвертых, российский фактор. Обратим внимание на то, что большинство европейских конфликтов и геополитических доктрин 20 века центрировались в связи и вокруг с фактором России. В России как союзнике нуждались западные державы и пытались вовлечь ее в зону достижения своих интересов, но при этом западные элиты были малотерпимы к инаковости России, понимая при этом одновременно ее объективную мощь. В том числе и в исторической перспективе. Ни одна из держав Европы, которые боролись за лидерство и будущее стратегического доминирования, не могла обойтись без России, но, как показала последующая история 20 века, при этом западные друзья-враги одновременно с геополитическими процессами интегрировались на русофобии. До 1820 г. Англия и Германия восхищались ролью России в освобождении Европы от наполеоновского нашествия. Когда наполеоновская угроза миновала, Россия перестала быть популярной в глазах либералов и консерваторов. Заметки А.де Кюстина (1843) – кульминация антирусских предрассудков.[5] Все они начинают противопоставлять якобы русское варварство европейской цивилизованности, но при этом даже А. Токвиль полагал, что главную роль в будущем будут играть две страны – Россия и США.

Первым крупным философом указавшим еще в конце 17 века на особую геополитическую/историческую роль России был Г.В.Лейбниц, который увидел ее будущий статус в качестве моста между крупными мировыми цивилизациями – европейской и китайской. Вольтер считали Россию страной возможностей. Но уже Ш.Монтескье в 18 веке в контексте изучения духа законов и режимов по сути оформил базовое клише антирусского характера на основе того, что в российском обществе отсутствует средний класс. Ж.-Ж.Руссо формулирует миф, что Россия хочет подчинить себе Европу. Но полный синтез идей будет по силам только Д.Дидро, который соединил отказ от естественного права и либерализм с идеей прогресса цивилизации. Подобная схема мышления искусственно отбрасывала Россию к подножию лестницы мировой цивилизации.

Таким образом, вышеприведенные позиции позволяют комплексно понять, на какой основе утвердились две господствовавшие в начале XX в. парадигмы геополитического мышления – теория «морской силы» А. Т. Мэхэна и концепция «Хартлэнда» Х. Дж. Маккиндера. Немецкая и англо-американская школа геополитики развивались на мощном философско-политологическом фундаменте единства реализма и прагматизма, рационализма и идеализма. Они сфокусировали в себе политический климат начала XX века, который характеризовался повышенным интересом к вопросам пространства и приверженностью к конкурентной разработке концептуальных геополитических схем.

Говоря о немецкой геополитике в целом, следует отметить, что ее представители рассматривали геополитические проблемы наиболее системно, в единстве с комплексом всех отраслей знания. В развитии немецкой геополитической школы стержневым стал геополитический закон соответствия политики, права и территории. Фундаментальность изначальной целевой установки состоит в том, что геополитику рассматривали как «немецкую науку» обоснование идеи и практики «жизненного пространства». Мощная философская традиция с диалектикой мышления в интеллектуальной жизни способствовала дискуссиям о месте и роли Германии в мире, в контексте которых было введено понятие «жизненное пространство. Идеи Ф.Ратцеля и геополитика К.Хаусхофера являлись важными компонентами интеллектуального и морального климата Германии в период с 1890 по 1945 год. Ф. Ратцель первым сформулировал положение о том, что пространство – это не просто территория, занимаемая государством, а его политическая сила, а будущей международной политике должны доминировать крупные государства, занимающие большие континентальные пространства. Так, К.Риттер – современник еще Г.В. Гегеля – выдвинул идею иерархического деления мира в глобальном пространстве на основе деления на континентальные и морские части. А в концепции К.Шмитта была обоснована фундаментальная идея «прав народа», которую он противопоставлял либеральной теории «прав человека». Он вплотную подошел к понятию глобального исторического и цивилизованного противостояния между цивилизациями суши и цивилизациями моря, как совершенно различных, несводимых друг к другу и враждебных цивилизациях, а не о вариантах единого цивилизационного комплекса.

У всех участников и субъектов геополитики начала 20 века были свои интересы и политическая дипломатия. Германия пыталась удержать Россию в орбите антибританской политики стратегия «объединения континента», предлагая создание грандиозного «евразийского» континентального блока. [4, с.37] А вот внешняя политика России характеризовалась режимом симптоматичных колебаний в разные стороны. Перетягивали как страны Европы, так разные группировки внутри властвующей элиты. Хотя русская геополитическая мысль в начале XX века имела наработки, политической элитой это не было востребовано. Российские политики консервативного толка, отдавали приоритет традиционной панславистской программе – пункт, который вызывал наибольшее раздражение Германии и, соответственно, больше всего подогревал в русском обществе антигерманские настроения [3]. Сторонники либеральной буржуазия с лагерем так называемых «европеистов», критиковала дальневосточную политику царизма. При этом русская геополитическая мысль начала выражала скепсис по поводу стратегической ценности для России союза с Великобританией, были сомнения в неразрешимости противоречий между Россией и Германией. В том, что касалось Германии, русские геополитики начала XX в. в не меньшей степени, чем сами немцы, демонстрировали понимание сложной дилеммы. Вандам А. Е. (Едрихин) определял суть назревавшей в Европе мировой схватки как цель англичан сохранить свою мировую гегемонию двумя путями: решить германский вопрос через общеевропейскую войну при обязательном участии России, которая возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше. Он понимал, что будет не только вероятное поражение Германии, но и «последующее ослабление России вследствие нового организуемого против нее Англией balance of power»[1, С.174]. Недооценка парадигм и идей геополитики дорого стоила. Однако, в этих условиях основатель евразийства П. Савицкий сформировал смысловое ядро российской геополитики («месторазвитие») и он считал, что судьба России зависит от того, будет ли у нас континентальная интеграция.

Англо-американская школа геополитики мыслила более глобально. Абсолютное доминирование англосаксонской «океанической» стратегии в анатомии мирового конфликта и второстепенная, подчиненная, в известном смысле жертвенная роль в нем России вполне ясно осознавались мыслящей частью русского общества. Геополитический маневр англо-американский Запад по расколу континентальных держав и с присоединения к Антанте России, – в результате чего стало возможным полное «окружение» Германии – был использован в первой и во второй мировой войне. Небезынтересно, что в гражданской войне в России участвовали персоны, которые и были главными интеллектуалами геополитического процесса. На Украине участвовал Х. Маккиндер, который по сути является духовно- интеллектуальным источником идей З.Бжезинского, и который предлагал расчленять Россию, поддерживать Белое движение, осознавая, что большевики являются континентальной, то есть евразийской силой.

Хотя Россия к началу XX века не имела сформированного комплекса геополитических теорий, но интуитивные наработки были, так как приходилось реагировать на внешние давления. Геополитическая мысль не трансформировалась в общегосударственные военно-политические и идеологические стратегии. Россия вступила в первую мировую войну в условиях отсутствия единой геополитической доктрины, не было рациональных проектов будущего, адекватных вызовам 20 века.[2]

В отличие от прошлых войн, часто возникавших спонтанно, мировые войны были тщательно спланированы и подготовлены не только в военно-политическом, но и в идейно-политическом плане. Именно геополитике суждено было стать идеологией великих держав, а мировой войне – способом глобального разрешения геополитических противоречий между ними

Таким образом, геополитической контур анализа вбирает в себя всю изменчивость конкретных ситуаций и изменения распределения сил и влияния государств. Позволяет фиксировать эпохальные сдвиги в балансе мировых сил. Выявлять угрозы мировой гегемонии и выстраивать стратегическую перспективу на последующие, как минимум, 20–30 лет. С этой точки зрения колебания в позициях великих держав в целом укладываются в логику соперничества их перспективных геополитических стратегий. Геополитическое могущество государства проявляется не просто в военной или экономической мощи, но и в стратегической проекции его будущих возможностей. Так, Россия, пройдя через мировые войны, осознала важность демонстрации геополитической мощи в виде собственных доктрин, аутентичных идей и системных намерений.

Как показал 20 век, в итоге исторически выигрывали те страны и силы, которые мыслили не ситуационно или в режиме прошлого опыта, а которые вырабатывали и апробировали во внешнеполитических действиях стратегические геополитические доктрины. Сейчас, спустя почти век можно сказать, что победа Антанты явилась до известной степени иллюзорной и случайной, поскольку ход войны, как ни парадоксально, выявил резко возросшее значение в мировой борьбе тех выгод стратегической диспозиции и источников ресурсной силы, которыми обладали именно континентальные державы.

Сейчас на рубеже 20-21 века идеи геополитики радикально могут изменить пространственные отношения между центрами многополярного мира, государствами и цивилизациями, так как сегодня геополитика вплотную подошла к освоению информационной парадигмы информационной безопасности и концептуального лидерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандам, А. Е. Геополитика и геостратегия : [Сборник] / Е. А. Вандам; Лига отечеств. культурного наследия. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. – 269с.

2. Дугин, А.Г. Геополитика России.- М.: Академический Проект: Гаудеамус. 2012.-424 с.
3. Дусинский И. И. Геополитика России. М.; Редакция Журнала "Москва", 2003. – 320 с.
4. Зубков, К.И. Геополитический поход к анализу причин первой мировой войны: дискуссионные проблемы теории. / Зубков К.И./Уральский исторический вестник.-2014.-№ 1 (42).- С.33-42.
5. Меттан, Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / Ги метан; [перевод Мария Аннинская, Светлана Булгакова]. – М.: Паулсен, 2016. – 464 с.
6. Философия и методология науки: учеб.пособие /Ч.С.Кирвель и др.; Под ред. Ч.С.Кирвеля. – Минск: Высш.шк., 2012.- 639 с.

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Косов А.П. (г. Витебск, Беларусь)

Практически тридцатилетний период развития отечественной науки о международных отношениях в Республике Беларусь позволяет подвести некоторые промежуточные итоги. На сегодняшний день в стране сложились и успешно функционируют научно-исследовательские центры в ряде университетов, сотрудники которых активно занимаются внешнеполитической проблематикой от древних времен до современности. Ниже хотелось бы проанализировать состояние современной белорусской историографии истории международных отношений и дипломатии периода Второй мировой войны.

Следует отметить, что в отечественной исторической науке военная проблематика является наиболее разработанной. Сегодня имеются тысячи исследований. Однако в основном наши историки занимаются изучением боевых действий, партизанского движения, оккупационной политики немецких властей на белорусских землях. Значительно меньше работ посвящено иным аспектам Второй мировой войны, в том числе и внешнеполитическим аспектам. Правда, в отличие от российской историографии [см. напр.: 6; 7] в Беларуси нет фундаментальных работ, в которых бы комплексно рассматривались международные отношения периода войны. Тем не менее отдельные сюжеты из истории международных отношений и дипломатии 1939–1945 гг. все же получили свое освещение в работах белорусских авторов, вышедших в конце XX – начале XXI века.

Анализ имеющихся публикаций показал, что одной из достаточно неплохо разработанных в отечественной историографии тем, является проблема советско-польских отношений накануне и в годы войны. Это неудивительно, ведь согласно Рижскому мирному договору 1921 г. часть белорусской территории оказалась в составе Польши. Разумеется, по мере усиления геополитических позиций СССР и наличия идеологического фактора во внешней политике Кремля советское руководство было не прочь вернуть утраченные ранее земли. Белорусские авторы исследуют основные этапы, главные формы и результаты дипломатической борьбы советского правительства за территорию Западной Белоруссии на протяжении Второй мировой войны. Многие из них обратились к дипломатическим аспектам процесса воссоединения Западной Белоруссии с БССР в контексте трансформации международных отношений в Европе [18; 19]. Так, профессор Гомельского госуниверситета Г.Г. Лазыко рассматривает западнобелорусский вопрос во внешней политике Советского Союза накануне войны сквозь призму желания Москвы уничтожить несправедливую Версальскую систему [26]. Рассматривая геополитическую ситуацию, сложившуюся в регионе после начала германской агрессии против Польши, брестский исследователь Л.И. Ермакович критически оценивает силовую дипломатию Сталина, которая привела к включению западнобелорусских и западноукраинских территорий в состав СССР. По его мнению, противоречия должны решаться мирными средствами, а не при помощи силы [17]. Со своей стороны, Л.П. Никитенкова из Брестского госуниверситета обратила внимание на польский вопрос в дипломатии европейских государств накануне войны. Однако, по ее мнению, которое вряд ли подлежит сомнению, нереальная оценка Варшавой международной обстановки, преувеличение роли и места Польши в европейской системе международной безопасности со стороны польского руководства, политика уступок Германии со стороны Англии и Франции поставили мир перед неизбежностью войны [27, с. 102].

Значительный вклад в исследование данной проблемы внес своими работами профессор БГУ В.Е. Снаповский. В частности, в одной из своих последних монографий автор касается судьбы Польши в контексте подписания пакта Молотова – Риббентропа, ввода частей Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и реакции Великобритании и Франции на этот шаг советского правительства, а также дипломатической борьбы вокруг восточной границы Польши в 1939–1945 гг. [59, с. 56–133]. В других своих публикациях ученый анализирует советско-германское сотрудничество на польском направлении в 1939 г. [49; 54], белорусскую карту в советско-германских отношениях в 1939–1941 гг. [57], деятельность прогермански настроенной белорусской эмиграции, связывавшей надежды на восстановление белорусской государственности с А. Гитлером [55].

К «белорусскому вопросу» в стратегии великих держав в период Второй мировой войны обратился гродненский историк В.В. Барабаш. Он осветил условия и главные политические силы, оказавшие влияние на позицию государств антифашистской коалиции в отношении Беларуси и пришел к выводу, что решение «проблемы Беларуси» было подчинено геополитическим интересам великих держав [2]. Коснулся В.В. Барабаш

и проблемы развития советско-польских отношений в период Второй мировой войны. Исследователь проанализировал причины и развитие кризиса советско-польского союза в конце 1942 – апреле 1943 г., выявил роль основных политических сил, оказавших влияние на данный процесс. С точки зрения В.В. Барабаша, заключенный в 1941 г. между СССР и польским эмигрантским правительством союз против Германии изначально имел неразрешимые противоречия, в первую очередь, по вопросам о межгосударственной границе и определения гражданства лиц на спорных территориях. Как известно, успех своей деятельности польское эмигрантское правительство связывало с поддержкой Великобритании и США. По мнению ученого, ошибочно преувеличивая возможности западных союзников, оно в то же время не замечало масштабов нарастающей силы СССР. В.В. Барабаш подчеркивает, что для кабинета В. Сикорского, позиция которого также не отличалась гибкостью, принятие основных стратегических целей советского руководства было неприемлемым. В результате по мере укрепления военно-политического положения СССР И. Сталин взял курс на свертывание отношений с польским эмигрантским правительством. Поводом для их прекращения послужил «катынский вопрос» [1]. К слову, свой взгляд на катынскую трагедию представил и Л.И. Ермакович, который отметил следующие мотивы сталинского руководства. По мнению исследователя, расстрел поляков НКВД был обусловлен, во-первых, апологетикой классового насилия, склонностью решать различные проблемы и вопросы силовыми методами. В облике польских военнопленных, многие из которых относились к элите польского общества, сталинский режим видел настоящего классового врага. Во-вторых, даже находясь в плену польские офицеры представляли силу, на которую советское руководство не могло рассчитывать в настоящем и будущем при решении польского вопроса в свою пользу. В-третьих, жажда мести за поражение в советско-польской войне. В-четвертых, косвенная вина за катынскую трагедию ложится и на польское эмигрантское правительство, которое вовремя, сразу после 17 сентября 1939 г., официально не определило состояние войны Польши с СССР. Это лишило интернированных поляков прав военнопленных, превращая их, в понимании советских властей, в контрреволюционные элементы, задержанные с оружием в руках на советской территории [16, с. 126].

Значительное внимание отечественные исследователи уделяют проблеме установления белорусско-польской границы в 1944–1945 годах. Данный аспект в своих работах затрагивают В.Е. Снапковский [58], В.В. Барабаш [3] и другие авторы. Так, В.В. Барабаш подробно освещает условия и главные политические силы, оказавшие влияние на процесс формирования белорусско-польской границы. По мнению ученого, именно ведущая роль в борьбе против фашистского блока дала возможность Советскому Союзу последовательно реализовывать свою программу формирования послевоенных границ в Восточной Европе. Указывается, что на Тегеранской конференции 1943 г. линия Керзона была признана основой для образования советско-польской границы, соглашение о которой было подписано лидерами СССР, США и Великобритании на Ялтинской конференции 1945 г. [5]. При этом ученый отмечает, что с советской стороны в этом процессе ведущая роль принадлежала Москве. Белорусское руководство, по его словам, фактически оказалось за кулисами политической сцены. Проблема белорусско-польской границы была подчинена решению стратегической задачи создания «зоны безопасности» на западных рубежах СССР. При этом меньше всего брались в расчет интересы простого населения, становившегося вновь заложником большой политики [4, с. 37].

Белорусско-польские отношения после освобождения Белоруссии Красной Армией нашли отражение в работах А.Ф. Великого из БГПУ имени М. Танка. Так, он рассмотрел их место и роль во внешней политике СССР [9]. Ученый подробно исследовал проблемы определения и демаркации белорусско-польского участка советско-польской государственной границы, становление и развитие приграничного сотрудничества [8].

Усилиями, в первую очередь, В.Е. Снапковского [51; 52; 56] и А.Ф. Великого [10] в современной белорусской историографии подробно рассмотрен путь БССР в Организацию Объединенных Наций. Рассматривая перипетии процесса создания ООН, профессор В.Е. Снапковский обращает внимание на то, что советское руководство начало готовиться к выходу союзных республик на международную арену с весны 1943 г., когда обозначился коренной перелом в войне в пользу антигитлеровской коалиции. В связи с разработкой планов послевоенного устройства мира, которая активно велась в США и Великобритании, перед Советским Союзом реальной становилась опасность оказаться в одиночестве или в лучшем случае иметь лишь несколько союзников как в будущей международной организации безопасности, так и на конференциях по вопросам послевоенного мирного урегулирования [60, с. 77]. Касается ученый и первой, правда неудачной, попытки Москвы вывести союзные республики на международную арену, чтобы они выполняли цели и задачи, поставленные центральным советским правительством. Это предполагалось сделать путем включения в состав Комиссии ООН по военным преступлениям семи западных советских республик, подвергшихся немецкой оккупации (Украинской, Белорусской, Молдавской, Литовской, Латвийской, Эстонской и Карело-Финской ССР). Таким образом СССР хотел нивелировать планы Лондона по введению в КОНВП британских доминионов. Однако британское правительство заявило, что международный статус советских союзных республик не соответствует аналогичному статусу британских доминионов. Неудача с членством советских республик в КОНВП подтолкнуло советское руководство к конституционной реформе – представлению им внешнеполитических полномочий [50]. По мнению исследователя, в феврале 1944 г. США и Великобритания с удивлением, подозрением и тревогой восприняли данную реформу советского правительства, которое не объяснило союзникам мотивы неожиданных для них решений [48]. Не обошел вниманием В.Е. Снапковский и деятельность нашего земляка – советского посла в США

А.А. Громыко. Ученый анализирует конкретные условия, связанные с выдвижением советским дипломатом в августе 1944 г. на конференции в Думбартон-Оксе амбициозного советского плана, направленного на укрепление международных позиций СССР в проектируемой международной организации, подразумевавшего включение в ООН всех шестнадцати советских союзных республик. Исследователь характеризует реакцию США на это советское требование, а также действия А.А. Громыко в период подготовки конференций в Ялте и Сан-Франциско, направленные на продвижение советского плана, в частности на приглашение делегаций БССР и УССР на учредительную конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско [53].

В белорусской историографии достаточно разработанной темой является история международных отношений и дипломатии в центральноевропейском регионе. В первую очередь, это заслуга сотрудников кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ – А.П. Салькова, М.С. Довгялло и др. В частности, имеется ряд публикаций, посвященных роли и месту Болгарии в политике великих держав [14; 31]. Так, М.С. Довгялло подчеркивает, что именно борьба за региональное и мировое господство, восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними державами и защита завоеваний другими во многом определила в предвоенные годы дипломатическую и политическую борьбу СССР и Германии за Балканы, которые стали регионом столкновения противоположных интересов Москвы и Берлина [12, с. 41]. Согласно ученому, попытки превратить Болгарию в союзника советской политики на Балканах, а также выработка нового курса Кремля в отношении Софии, основанного на осуждении ее присоединения к Тройственному пакту, завершились провалом для советской дипломатии. СССР не смог что-либо противопоставить Германии и оказался фактически в роли бессильного наблюдателя того, как на протяжении конца 1940 – начала 1941 гг. А. Гитлер усиливал давление на Болгарию к ее присоединению к Тройственному пакту и вступлению на ее территорию немецких войск. Тем самым дипломатическая и политическая борьба Советского Союза и Германии за Балканы завершилась в пользу Третьего рейха [12, с. 45]. Что касается политики Великобритании и США в отношении Болгарии, то, по мнению М.С. Довгялло, Лондон и Вашингтон не сумели найти действенных средств и эффективных методов воздействия на политическую ситуацию в этой балканской стране. Исследователь отмечает, что в мае 1945 г. страны коалиции предложили установить нормальные дипломатические отношения с Болгарией. При этом США и Великобритания были вынуждены отказаться от многих из своих первоначальных целей, что нашло отражение в решениях Московского совещания министров иностранных дел [13, с. 128].

Имеются также работы, в которых анализируются отношения между Болгарией и ее соседями в годы Второй мировой войны [32; 34; 42; 43; 44; 46].

Значительное внимание М.С. Довгялло и А.П. Сальков уделили роли и месту в международных отношениях военного периода другой балканской стране – Югославии [11; 33; 40; 41; 45; 47]. Кроме того, А.П. Сальков в ряде своих публикаций обратился к изучению трансильванской территориальной проблемы в международных отношениях [36; 37; 38], а также других конфликтов в центральноевропейском регионе [28; 29; 35; 39].

Среди других внешнеполитических проблем периода Второй мировой войны в белорусской историографии можно отметить некоторый интерес отечественных исследователей к поведению США на международной арене. Так, А.П. Косов из ВГУ имени П.М. Машерова в общих чертах рассмотрел политику Соединенных Штатов в отношении Советского Союза в 1939–1945 гг. [24; 25], а также охарактеризовал политику Вашингтона в отношении Китая во время японо-китайской войны [21; 22; 23].

Ряд аспектов, относящихся к истории международных отношений и дипломатии периода Второй мировой войны, нашел в современной белорусской историографии лишь эпизодическое освещение. К ним можно отнести рассмотрение Каирской конференции 1943 г. [30] и Ялтинской конференции 1945 г. [15], а также германского вопроса в годы Второй мировой войны [20; 61].

Таким образом, из вышеизложенного видно, что отечественные исследователи обращаются к изучению отдельных внешнеполитических проблем периода Второй мировой войны. Наибольший интерес у них вызывают вопросы, связанные с развитием советско-польских и советско-германских отношений, участием БССР в создании ООН, развитием международных отношений в центральноевропейском регионе и некоторые другие аспекты. При этом в современной белорусской историографии до сих пор нет обстоятельных, комплексных работ, характеризующих развитие международных отношений в мире в целом, а также в Европе, АТР и т.д. Отсутствуют и солидные исследования, посвященные внешней политике и дипломатии ведущих мировых держав того времени, как из числа участников антигитлеровской коалиции, так и государств оси. Кроме того, есть еще целый ряд внешнеполитических проблем периода Второй мировой войны, которых не касались или касались лишь поверхностно белорусские специалисты-международники. Поэтому для наших исследователей существует достаточно широкое поле деятельности.

Тем не менее, даже несколько фрагментарный обзор современной отечественной историографии, представленный выше, позволяет сделать вывод, что уже имеющиеся работы белорусских авторов могут быть интересны не только нашим специалистам, но и зарубежным коллегам. Данные публикации способны обогатить мировую науку о международных отношениях в сфере изучения внешнеполитических проблем периода Второй мировой войны, в первую очередь относительно исследования вопросов советско-германских отношений в 1939–1941 гг. и советско-польских отношений в 1939–1945 гг., а также участия советской дипломатии в создании ООН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш, В. Дипломатия польского эмигрантского правительства в отношении СССР в конце 1942 – апреле 1943 г. / В. Барабаш // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2009. – № 3. – С. 26–30.
2. Барабаш, В.В. «Проблема Беларуси» в политике государств антифашистской коалиции (1941–1945) / В.В. Барабаш // Веснік БДУ. – Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Права. – 2009. – № 3. – С. 24–28.
3. Барабаш, В. Проблема советско-польской границы в политике государств антифашистской коалиции (1941–1942 гг.) / В. Барабаш // Вялікая Перамога: Да 60-й гадавіны разгрому нацысцкай Германіі: Матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 29 крас. 2005 г. – Мн., 2006. – С. 45–48.
4. Барабаш, В. Процесс установления белорусско-польской границы в 1944–1945 годах / В. Барабаш // Беларуская думка. – 2009. – № 9. – С. 33–37.
5. Барабаш, В. Формирование белорусско-польской границы в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / В. Барабаш // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2008. – № 2. – С. 36–41.
6. Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. – М.: МГИМО – Университет, 2015. – Т. 13: Военная дипломатия. – 344 с.
7. Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. – М.: МГИМО – Университет, 2015. – Т. 14: Умиротворение Европы. – 364 с.
8. Вялікі, А. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах. 1944–1959 гг. / А. Вялікі. – Мінск: БДПУ ім. М. Танка, 2009. – 248 с.
9. Вялікі, А. Беларуская-польскія ўзаемаадносіны ў знешняй палітыцы СССР у сярэдзіне 40 – другой палове 50-х гг. XX ст. / А. Вялікі // Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2008. – № 1. – С. 25–29.
10. Вялікі, А.Ф. Беларуская дэлегацыя на канферэнцыі ў Сан-Францыска: да 70-годдзя стварэння ААН / А.Ф. Вялікі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 8. – С. 14–21.
11. Даўгяля, М.С. Савецка-югаслаўскія адносіны ў пачатковы перыяд другой сусветнай вайны ў кантэксце сусветных падзей (1939–1941 гг.) / М.С. Даўгяля // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений): материалы междунар. науч. конф., Витебск, 11–12 ноября 2008 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – С. 154–157.
12. Довгялло, М.С. Дипломатическая и политическая борьба между СССР и Германией за Болгарию (1939–1941 гг.) / М.С. Довгялло // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 41–45.
13. Довгялло, М.С. Политика США, Великобритании и СССР в отношении Болгарии в 1944–1945 гг. / М.С. Довгялло // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. ст. по мат. II Междунар. научн. конф., Пинск 24–25 ноября 2017 г.: в 2 ч. / Полес. гос. ун-т; под ред. Р.Б. Гагуа. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 122–129.
14. Довгялло, М.С. Советско-болгарские отношения накануне и в годы Второй мировой войны / М.С. Довгялло // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VIII Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 декабря 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Минский гос. ПТК полиграфии, 2015. – С. 67–72.
15. Ермаковіч, Л.І. Крымская (Ялцінская) канферэнцыя ў лёсе пасляваеннай Еўропы / Л.І. Ермаковіч // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 54–56.
16. Ермаковіч, Л.І. Міжнароднае рэха Катынскай трагедыі / Л.І. Ермаковіч // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 23–24 апреля 2015 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Косов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – С. 122–126.
17. Ермаковіч, Л.І. Савецкая ваенна-палітычная экспансія напачатку Другой сусветнай вайны (верасень 1939 – чэрвень 1941 г.) / Л.І. Ермаковіч // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы IV Междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 23–24 мая 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 95–98.
18. Козик, Л.А. Проблема западноукраинских и западнобелорусских земель в истории Польши (1939–1945 гг.) / Л.А. Козик // Проблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі (Мінск, 17–18 верасня 1999 г.). – Мн., 2000. – С. 216–227.
19. Козик, Л.А. Создание Крайовой Рады Народовой: польские предпосылки и советский фактор / Л.А. Козик // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории Нового и Новейшего времени / редкол.: В.С. Кошелев (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – С. 88–90.
20. Космач, В.А. Измена союзническому долгу: подписание капитуляции германского вермахта на Западном фронте в Люнебурге и Реймсе 4 и 7 мая 1945 года (из истории Второй мировой войны) / В.А. Космач // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 66–69.
21. Косов, А.П. Агрессия Японии в отношении Китая и позиция США (1931–1941) / А.П. Косов // Никто не забыт, ничто не забыто: сб. науч. материалов: (к 70-летию Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны) / сост.: Я.П. Безлепкина, А.В. Берянев, А.П. Соловьянов; редкол.: В.В. Данилович [и др.]. – Минск: Колорград, 2016. – С. 172–187.
22. Косов, А.П. Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг. / А.П. Косов // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 6 (72). – С. 27–31.

23. Косов, А.П. Политика США в отношении Китая во время японо-китайской войны (1937–1945 гг.) / А.П. Косов // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 19–24.
24. Косов, А.П. Политика США в отношении СССР в 1939–1941 гг. / А.П. Косов // Июнь 1941 г.: трагедия и героизм. Материалы регионального круглого стола, посвящённого 70-летию начала Великой Отечественной войны 31 мая 2011 года / ред.: Мошук А.В., Стрелец М.В., Баюра А.Н., Ковалёва Н.Н., Малыхина Л.Ю., Лисовская Т.В. – Брест: БрГТУ, 2011. – С. 49–52.
25. Косов, А.П. Советско-американские отношения в 1941–1945 гг. / А.П. Косов // Беларусь и народы СССР в победоносной войне с германским фашизмом (1941–1945). Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию начала Великой Отечественной войны и Победе советского народа во Второй мировой войне, 22 июня 2011 г. – Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», 2011. – С. 144–147.
26. Лазько, Р.Р. Крах Версальскай сістэмы ў Еўропе і аб'яднанне Беларусі / Р.Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 11. – С. 3–7.
27. Никитенкова, Л.П. Польский вектор в дипломатии европейских государств накануне Второй мировой войны / Л.П. Никитенкова // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы IV Междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 23–24 мая 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 98–102.
28. Репин, В.В. Изменение территориальной принадлежности Бессарабии в июне 1940 г. в контексте геополитических планов СССР и Германии / В.В. Репин // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Вып. 5 / рэдкал.: У.К. Коршук. – Мінск: БДУ, 2010. – С. 182–193.
29. Репин, В.В. Развитие бессарабского территориального конфликта в советско-румынских отношениях (1939 г.) / В.В. Репин // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Вып. 4 / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – С. 145–150.
30. Рубо, О.П. Итоги Каирской конференции 1943 года / О.П. Рубо // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 52–54.
31. Сальков, А.П. Западнофракийский фактор в дипломатическом противоборстве за внешнеполитическую ориентацию Болгарии (сентябрь 1939 г. – ноябрь 1940 г.) / А.П. Сальков // Славянский мир в социокультурном измерении. Сборник научных трудов. – Вып. 2. Ставрополь, 2005. – С. 198–215.
32. Сальков, А.П. Проблема «Беломорья» в период участия Болгарии в Тройственном пакте (март 1941 г. – сентябрь 1944 г.) / А.П. Сальков // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. – Вып. 7. – Брянск, 2005. – С. 243–253.
33. Сальков, А.П. Проблема Юлийской Крайны (Венеции-Джулии) в советской международной политике (1918–1945 г.) / А.П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Вып. 4. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – С. 9–30.
34. Сальков, А.П. «Процентное соглашение» Черчилля – Сталина (октябрь 1944 г.) и проблема Западной Фракии / А.П. Сальков // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2005. – № 2. – С. 25–32.
35. Сальков, А.П. Словацко-венгерский национально-территориальный конфликт и международные отношения в Карпато-Дунайском регионе (март 1939 – май 1945 г.) / А.П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Вып. 8. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2013. – С. 68–96.
36. Сальков, А.П. Советский Союз и трансильванская территориальная проблема в международных отношениях (август 1944 – май 1945 гг.) / А.П. Сальков // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2005. – Вып. 3. – С. 80–91.
37. Сальков, А.П. Советский Союз и трансильванская территориальная проблема в международных отношениях (июнь 1941 – август 1944 гг.) / А.П. Сальков // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2005. – Вып. 1. – С. 64–77.
38. Сальков, А.П. СССР и национально-территориальное переустройство в Карпато-Дунайском регионе (1938–1941 гг.) / А.П. Сальков // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 71–82.
39. Сальков, А.П. СССР и поиск путей решения албано-греческого конфликта в Северном Эпире (Южной Албании) в 1941–1945 гг. / А.П. Сальков // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Вып. 7 / рэдкал.: У.К. Коршук. – Мінск: БДУ, 2012. – С. 112–123.
40. Сальков, А.П. СССР и проблема Юлийской Крайны на I сессии Совета министров иностранных дел (1945 г.) / А.П. Сальков // Актуальные проблемы новой и новейшей истории Европы и США: материалы Респ. науч. конф., Минск, 31 марта 2005 г. / Бел. гос. пед. университет им. М. Танка; редкол. Г.А. Космач (науч. ред.). – Минск, 2005. – С. 135–139.
41. Сальков, А.П. Судьба Австрии и югославские территориальные претензии к ней: позиция СССР в межсоюзнических отношениях (июнь 1941 г. – май 1945 г.) / А.П. Сальков // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2017. – № 3. – С. 76–86.
42. Сальков, А.П. Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях (1919–1949 гг.) / А.П. Сальков // Вопросы истории. – 2008. – № 5. – С. 46–63.
43. Сальков, А.П. Территориальные аспекты болгаро-югославских отношений и СССР (1934–1944 гг.) / А.П. Сальков // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 27 апр. 2007 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.). – Минск: БГПУ, 2007. – С. 108–111.
44. Сальков, А.П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 гг.) / А.П. Сальков // Новая и новейшая история. – 2005. – № 5. – С. 65–78.
45. Сальков, А.П. Югославско-австрийские территориальные противоречия и СССР (40-е годы XX в.) / А.П. Сальков // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2004. – № 6. – С. 21–41.
46. Салькоў, А.П. Балгара-югаслаўскія тэрытарыяльныя супярэчнасці ў савецкай палітыцы на Балканах (1941–1945 гг.) / А.П. Салькоў // Веснік БДПУ. – Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2007. – № 3. – С. 37–41.

47. Салькоў, А.П. СССР і югаслаўска-італьянскія тэрытарыяльныя супярэчнасці ў раёне Істрыі – Трыеста (красавік 1941 – май 1945 гг.) / А.П. Салькоў // Весці БДПУ. – Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2008. – № 2. – С. 37–41.
48. Снапковский, В.Е. О реакции США на предоставление союзным республикам СССР внешнеполитических полномочий в феврале 1944 г. / В.Е. Снапковский // Труды факультета международных отношений: научный сборник. – Вып. 6. – Минск, 2015. – С. 49–53.
49. Снапковский, В.Е. О советско-германском сотрудничестве при подготовке и осуществлении военной кампании СССР против Польши в сентябре 1939г. / В.Е.Снапковский // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941гг.: Люди, события, документы. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 77–102.
50. Снапковский, В.Е. О советском требовании включить ряд союзных республик в состав Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям (июль – декабрь 1943 г.) / В.Е. Снапковский // Труды факультета международных отношений: научный сборник. – Вып. II. – Минск: БГУ, 2011. – С. 29–32.
51. Снапковский, В.Е. Путь Беларуси в ООН. 1944–1945 гг. / В.Е. Снапковский. – Минск: Навука і тэхніка, 1994. – 141 с.
52. Снапковскі, В. Спільны шлях Украінскай РСР та Білорускай РСР да складу дзяржав-засновніц Арганізацыі Аб'яднаных Нацый / В. Снапковскі // Зовнішні справы. – 2017. – № 11. – С. 39–43.
53. Снапкоўскі, У.Е.А.А. Грамыка і пытанне аб уключэнні саюзных рэспублік у склад першапачатковых дзяржаў-членаў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый / У.Е. Снапкоўскі // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2009. – № 3. – С. 20–25.
54. Снапкоўскі, У.Аб антыпольскім дыпламатычным і ваенным супрацоўніцтве СССР і Германіі (ліпень – верасень 1939 г.) / У.Снапкоўскі // Спрычныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі: зборнік навук. прац II і IV міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 2010–2012 гг. / пад навук. рэд. Э.Расоўскай, А.Вялікага. – Мінск: І.П.Логвінаў, 2013. – С. 74–88.
55. Снапкоўскі, У.Е. Аб прагерманскай арыентацыі лідэраў беларускай палітычнай эміграцыі ў Празе (1938–1941) / У.Е. Снапкоўскі // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2009. – № 1. – С. 4–10.
56. Снапкоўскі, У.Е. Ад Думбартон-Оксе да Сан-Францыска: этапы ўключэння Беларускай ССР у склад першапачатковых членаў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый / У.Е. Снапкоўскі // Беларусь в геополитических процессах XX – начала XXI в.: Сборник научных статей / редкол.: А.А.Коваленя (гл.ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 162–178.
57. Снапкоўскі, У.Е. Беларусь у геапалітыцы і дыпламатыі перыяду Другой сусветнай вайны / У.Е. Снапкоўскі // Беларускі журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 2. – С. 45–54.
58. Снапкоўскі, У.Е. Міжнародныя аспекты вызначэння савецка-польскай мяжы ў 1943–1945 гг. / У.Е. Снапкоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 3. – С. 9–14.
59. Снапкоўскі, У.Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг.: манаграфія / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2017. – 287 с.
60. Снапкоўскі, У.Шлях у ААН: Беларуская ССР – заснавальніца Арганізацыі Аб'яднаных Нацый / У.Снапкоўскі // Беларуская думка. – 2015. – № 5. – С. 77–82.
61. Стрелец, М.В. Отношение антигитлеровской коалиции к германскому вопросу в годы Второй мировой войны / М.В. Стрелец // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 64–66.

«КРАСНАЯ УГРОЗА» И РУСОФОБИЯ В США: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Буранок С.О. (г. Самара, Россия)

Изучаемая тема актуальна в практическом отношении – для анализа современных информационных процессов в американском обществе. Формирование идеи о "красной угрозе" в США наряду с целым рядом исторических процессов в СССР сформировало мощный задел для рождения и развития идеологии негативного отношения к Советскому Союзу и общего неприятия деятельности советского государства. Многие возникшие в XX веке негативные стереотипы оказывали сильное влияние на весь спектр советско-американских отношений и имеют сильное влияние и на современные взаимоотношения двух стран. Важно изучить процесс зарождения в Соединённых Штатах целого комплекса негативных идей и образов СССР в очень насыщенную глобальными событиями эпоху. Вызревание идеологической модели "Красной угрозы" при президентах В. Вильсоне, У. Гардинге, К. Кулидже, Г. Гувере и Ф. Рузвельте происходило на фоне глобальных перемен как в мире, так и в СССР, что нашло отражение в полном неприятии тех изменений, которые произошли в России после революции 1917 г.

Поэтому крайне важно определить как идеология американского мессианизма столкнувшись с коренным изменением самой России повлияла на традиционный образ России и изменила его внеся целый ряд негативных черт и оценок. Помимо этого, русофобские идеи, в разное время являвшиеся очень сильными и, наоборот, практически утрачивающими авторитетную роль в отношениях с СССР служили для американского общества важным инструментом для корректировки собственного образа и формирования таких важных имиджологических постоянных как "Свой"- "Чужой". Исходя из изложенных обстоятельств, актуальность и научная значимость темы исследования обусловлена следующими причинами. Во-первых, недостаточной изученностью

"Красной угрозы" как информационного феномена в американском обществе первой половины XX века и той роли, которую играла эта идеологическая конструкция в американском обществе. Во-вторых, необходимостью изучения распространения в обществе и укоренения во власти подобных идей через СМИ, публикации отдельных политиков, публицистов, деятелей спецслужб и т.д. В-третьих, важностью изучения опыта формирования СМИ и государством негативного образа СССР, как одного из средств манипуляции обществом и дополнительной саморепрезентации. В-четвертых, для понимания специфики развития общественно-политических процессов в США необходимо определить какое место феномен "Красной угрозы" трансформировавшийся на протяжении XX века занимает в современной Америке. В-пятых, изучения такого явления как "Красная угроза" поможет лучше понять, какие из традиционных черт активно используемых обществом США в конструировании образа СССР были усилены или, наоборот, отмечены. Какие оценки и черты появились лишь в период 1917 – 1941 гг., а какие сформировались давно и были лишь заострены.

В отечественной историографии тема русофобии в США не получила пристального внимания и рассматривалась либо как составляющая образа России\СССР в больших имагологических исследованиях, либо как сопутствующий фактор в работах посвящённых российско-американским отношениям.

В отечественной историографии проблематика образа России В США поднималась в таких работах как советского периода развития историографии, так и постсоветского [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Помимо этого отношение США и Великобритании к событиям в России 1917 – 1922 гг. рассматривалось в советской историографии в ряде крупных монографических исследований в комплексе с анализом событий Первой мировой войны, российской революции и Гражданской войны [7; 8; 9; 10; 11; 12].

Новый, более сбалансированный взгляд на восприятие России\СССР в США стал формироваться в конце XX – начале XXI вв. Особо значимыми стали работы ИВИ РАН "Мировые войны XX века" и «Война и общество в XX в», где на непредвзятой основе проанализирована политика и отношение Великобритании и США к революции и гражданской войне в России. Дополняют данные академические труды работы, А.И.Уткина, В.И. Журавлевой, С.В. Листикова, Е.Ю. Сергеева, С.Л. Ткаченко, В.В. Романова, В.В. Согрина в которых были поставлены новые проблемы и обнародованы новые подходы в изучении отношений США и России, а главное – начато исследование образа России в американском обществе. Нельзя не отметить значение работ В.Л. Малькова – в них был изучен процесс эволюции советско-американских отношений в XX в. [13; 14].

Таким образом можно сделать вывод о том, что в отечественной историографии сформирован значительный базис для исследования формирования таких явлений как русофобия и антикоммунизм в США.

Дополняют и раскрывают имеющиеся наработки труды по истории Второй Мировой войны и Холодной войны [15; 16; 17; 18]. В данных работах раскрываются многие детали преодоления антисоветских тенденций в общественном мнении США в годы войны. В данных работах сконцентрированных на всём спектре противоречий возникавших в российско-американских отношениях нашли определённые отношения и репрезентации СССР в американском обществе на разных этапах. Тем не менее, несмотря на огромный пласт фактического материала работы постсоветской историографии практически не затрагивали феномен «красной угрозы» как самостоятельного явления.

Зарубежная, в частности американская историография дополнила тему формирования и развития представлений о «красной угрозе» как общими работами по проблемам советско-американских отношений, так и исследованиями таких явлений как американская исключительность, мессианиззм, маккартизм-гугеризм [19; 20; 21; 22; 23; 24].

Хотя данные работы существенно дополняют представления о позиционировании России\СССР в американской внешней политике и обществе, они, тем не менее, подобно отечественным работам не концентрируют внимания на явлении радикально негативного восприятия России\СССР как самостоятельным явлением общественно-политической жизни США.

В методологическом плане исследование феномена «красной угрозы» основывается на синтезированном применении как традиционных подходов, принципов, методов исторического и историографического исследования, так и методов имагологии. В традиционной составляющей методологических основ данного исследования особое внимание будет уделено комплексному применению формационного и цивилизационного подходов к познанию истории, а также системному подходу, который позволил раскрыть целостность объекта исследования и обеспечивающих его механизмов, способствовал выявлению многообразных типов внутренних связей сложного объекта и сведение их в единую и последовательную историческую картину. Исходя из принципа историзма в процессе изменения и развития изучены восприятие разных исторических периодов развития СССР в США и выработка оценок в военно-политических и общественных кругах, что позволило рассмотреть влияние данных оценок на формирование общественного мнения и выявить закономерности информационного развития общества на различных этапах исторического процесса в двух странах; раскрыть специфику научных подходов различных школ к изучению данного исторического феномена и их влияние на последующую историографию. Использование принципов и методов исторической имагологии продиктовано тем, что с их помощью представляется возможным изучить наиболее радикальный в своей негативности образ России\СССР, сложившийся в американском обществе. В современной историографии большую популярность приобрели имагологические сюжеты, которые, как правило, раскрывают темы из истории международных от-

ношений. Особенное развитие получила историческая имагология применительно к изучению восприятия СССР в США. В настоящее время исследования строятся вокруг уже ставших классическими понятиями «воображаемая география», «воображаемые сообщества», «идентичность». В рамках проекта предстоит показать формирование и эволюцию радикально отрицательного образа России/СССР в американском обществе как конкретно-исторический процесс общественной жизни США, в котором нашли отражение и общие (характерные для цивилизации в целом), и национальные закономерности. Исследование эволюции русофобии в США строится на понимании важности социокультурного контекста, в котором данные образы создаются и функционируют, формируя тем самым, новый культурный контекст, прочно входя в мифологию американского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куропятник Г. П. Россия и США: Экономические, культурные и дипломатические связи, 1867-1881. М., 1981.
2. Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914-1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.
3. Козенко Б.Д. Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914-1917 годах // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 140-157.
4. Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.
5. Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830-1850-е годы. Волгоград, 2005.
6. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850-1880-е годы. М., 1998.
7. Алексеева К.В. Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте 1914-1917 гг. Л., 1990.
8. Васюков С.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966.
9. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий: в 4 т. М., 1957 – 1961.
10. Гершов З.М. "Нейтралитет" США в годы Первой мировой войны. М., 1972.
11. Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983.
12. Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1966.
13. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004.
14. Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. М., 2009.
15. Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945-1950 гг. М., 1995.
16. Мягков М.Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941-1945 гг. М., 2006.
17. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.
18. Юнгблуд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939-1945 гг. Киров. 1998.
19. Abbot P. Political Thought in America. Long Grove (IL), 2005.
20. Adler S. The Uncertain Giant, 1921-1941. American Foreign Policy Between the Wars. N.Y. 1965.
21. Bacevich A. American Empire. Cambridge (MS), 2002.
22. Collin R.H. Theodore Roosevelt, Culture, Diplomacy and Expansion: a New View of American Imperialism. Baton Rouge (LA), 1985.
23. Fleming D.F. Cold War and Its Origins, 1917-1960. Vols. 102. N.Y., 1960.
24. Foglesong D.S. The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" Since 1881. Cambridge (MS), 2007.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ БРИТАНСКИМ КОЛОНИАЛИЗМОМ В ИНДИИ

Злобин С.С. (г. Минск, Беларусь)

Историю первой половины XX в. невозможно писать без упоминания о колониализме. Особенно о британском колониализме в Индии. Британский колониализм оказал глубокое влияние на современный облик Южной Азии. Он проникал в повседневную жизнь, в систему образования и для своих целей использовал все, в том числе и исторические знания.

В этом плане перспективным видится применение достижений постколониализма, который ставит своей целью многостороннее и междисциплинарное изучение колониализма. Постколониализм [7] – направление в гуманитаристике, берущее начало с выходом в 1978 г. книги Э. Саида «Ориентализм». По постколониализму, дискурс о Востоке – сложный комплекс знания / власти, где знание является коррелятом властных интенций Запада, предписывающих Востоку посредством различных дискурсивных практик подчиненное географическое положение [1, с. 23–24]. Приращение Востока осуществлялось и осуществляется за счет монополии Западом на репрезентационные средства, что позволяет генерировать мифы, конструирующие единственно возможную реальность.

Согласно постколониальному дискурсу, основой британской колониальной власти было конструирование Индии как замкнутого в себе Другого по отношению к Британии, Другого, обладающего своей загадочной, скрытой сутью и выступавшего как цивилизация. Использование исторических знаний заключалось в конструировании двух разных миров. До-современность (Индия) – мир, в котором живет угнетенный (индеец, женщина,

угнетенный), мир, наполненный религиозными стереотипами, основанный на традиционных структурах, системе каст, подчинении. Современность (Британия) – мир передовой, либеральный, наполненный настоящим зрелыми категориями: политика, юриспруденция, нация; мир, требующий рывка от мира древности для перехода на более высокую ступень развития.

Наследие З. Фрейда занимает значительное место в постколониализме. Концепт «бессознательное» как совокупность неосознанных причин структурирования данных в нетребующие рефлексии очевидности не мог не привлечь внимания постколониальных авторов, основной пафос теорий которых заключается в отказе от объяснений, что же не так с угнетаемым миром при помощи формулировок наподобие «было сделано то-то и получилось следующее». Достижения З. Фрейда привлекаются посредством соединения их с постмодернизмом. Большим уважением в постколониализме пользуются теоретические достижения Жака Лакана, Жили Делеза, Феликса Гваттари. Например, Ж. Лакан активно занимался дискурс-анализом, имел сложные отношения с мировым сообществом психоаналитиков, не всегда готовым принять его нетрадиционный взгляд на психоанализ [4]. Ссылками на этих авторов наполнены работы лидеров постколониализма Г. Спивак, А. Нанди, Х. Бхабха. Х. Бхабха особенно интересуется творчеством врача-психиатра с Мартиники Ф. Фанона, работавшего в Алжире во время войны за независимость и которого некоторые исследователи называют отцом постколониализма вместо Э. Саида. Х. Бхабха – автор предисловий к работе Ф. Фанона. Например, «Черная кожа, белые маски» [2, р. xxi–xxxvii]. А. Нанди сделал психоанализ своим основным методом изучения колониальной власти в Индии [5, 6].

Целью применения психоанализа является артикуляция бессознательных мотивов за видимым происходящим. В случае изучения исторических знаний как стратегии британской колониальной власти в Индии целью будет являться раскрытие пространства бессознательного, в силу действия которого исторические знания находились в существенной зависимости от этой власти. То, как достигается эта цель, возможно описать, прибегнув к разработанной Ж. Лаканом триаде реальное-воображаемое-символическое и к ее проявлению в работах А. Нанди.

Объектом анализа является некая реальность, которая состоит из иллюзий, образов и обманов. Это и есть исторические знания в виде конкретных изречений, произведений, использования исторических стилей в архитектуре и т.д. В терминах Ж. Лакана эта реальность представляет собой воображаемое. Например, А. Нанди в своем произведении «Близкий враг: утрата и восстановление своей личности при колониализме» в качестве такой реальности рассматривает взгляды ориенталиста Макса Мюллера и теолога Альберта Швайцера на особенности истории и культуры Индии. Эти взгляды А. Нанди приводит как иллюстрацию двойственности колониальной идеологии. Во-первых, колониальная идеология постулировала четкое разведение между прошлым Индии и ее настоящим. Цивилизованная Индия была в отжившем прошлом. Настоящая Индия только номинально была связана с историей. Это была Индия только в степени, в какой она была дряхлой, немощной версией своей когда-то молодой, креативной сущности. Макс Мюллер запрещал своим ученикам посещать Индию; согласно ему, Индия, которая жила, была ненастоящая Индия, а Индия, которая была настоящая, хоть и существовала, но мертвая. Во-вторых и парадоксально, колониальная культура постулировала, что индийская последующая деградация была не вследствие колониального правления, а вследствие аспектов традиционной индийской культуры, которая несмотря на положительные моменты, несла семена последующего культурного падения. Так Альберт Швайцер сделал своим центральным пунктом интерпретации индуизма отсутствие в нем концепции, соответствующей пост-реформаторской христианской концепции греха, что рассматривалось как одно из главных доказательств рокового культурного недостатка Индии [6, р. 17–18].

Средством анализа этой реальности не может выступать обращение к другой реальности. Ответом, почему Макс Мюллер считал, что прошлое Индии мертво, не может быть реконструкция особенностей психического склада Макса Мюллера или окружения, в котором он жил, т.к. это повлечет за собой новый виток репрессивной истории об Индии, о Британии, о той оппозиции, деконструкция которой является целью исследования. Поэтому для того, чтобы добраться до причины этой репрессии, постколониальный исторический дискурс должен работать не с означаемым деконструируемой реальностью, исторического знания, а с его означающим, т.е. с тем дискурсом, с тем контекстом, в котором эта реальность описывается и что Ж. Лакан называл символическим и действие чего связывал со стихией языка.

А. Нанди, разбирая основные проблемы истории как дисциплины модерна, выстраивает психоаналитический дискурс развития колониальных исторических знаний в виде намеков на проявление исторических знаний, намеков на репрессивность истории как дисциплины модерна. А. Нанди рассмотрение прихода в Индию европейского концепта истории начинает с обращения к комментарию к Махабхарате первого, как отмечает А. Нанди, неевропейского психоаналитика Гириндрашекхара Боса (1886–1953). А. Нанди отмечает, что этот комментарий имеет так мало общего с психоанализом, что даже самые чуткие комментаторы Г. Боса в большинстве своем его игнорировали [5, р. 58]. Для Г. Боса было очевидно, что современные западные историки, Запад потеряли доступ к определенным формам сознания, которые были обязательны для более открытого, креативного прочтения пуранических текстов [5, р. 59]. Г. Бос принял психоанализ как способ понимания своего общества и культурных продуктов своего общества, включая пуранические тексты [5, р. 59]. Г. Бос пришел к заключению, что пураны были сами формой истории [5, р. 60]. Приступая к собственному анализу истории, А. Нанди задается вопросами, если бы Бос жил сегодня, говорил бы он о пуранах как об альтернативной истории или как об альтернативе для истории, должны ли мы интерпретировать пураны как историю и т.д. [5, р. 60].

Свой психоаналитический язык в отношении репрессивности пришедшей к Индии практике истории А. Нанди также ограничивает словами о забвении и молчании [5, р. 66], историческом сознании [5, р. 65].

Если нет четкой формулировки причин того, как исторические знания реализуются как стратегия британской колониальной власти, и работа ведется только лишь с целью продления ряда означающих, то что же тогда есть причина этого процесса? Трактовка причины зависимости исторических знаний от феномена власти в постколониализме напоминает использование Ж. Лаканом концепта «реальное». Концепт «реальное» не представляет реальности, но это нечто, что, находясь вне дискурса, в тоже время предопределяет его конфигурацию. Это травма, которая всегда с нами, оставаясь невыразимой. Функционирование «реального» схоже с тем, как Х. Бхабха раскрывает механизм действия оппозиции до-современная Индия – современная Британия, не обращаясь к конкретному анализу создания и развития понятий и категорий истории как дисциплины или формы общественного сознания, а утверждая, что современность – это никогда недостижимый объект желания для живущего в до-современности.

Что же такое бессознательное? Если причину репрессивности дискурса можно охарактеризовать лишь, используя сам же этот дискурс, то, следовательно, и бессознательное будет находиться в этом дискурсе. Так оно и есть. Бессознательное есть собственно история. Нельзя, например, написать историю бессознательного. А. Нанди не выходит за рамки разъяснения причин репрессивности истории, основывающегося на генеалогии отношения истории к понятию прошлого. А. Нанди приходит к выводу, что в цивилизации, где много прошлых, охватывающих много болезненных воспоминаний и враждебных чувств, абсолютизировать их при помощи европейской концепции истории значит атаковать организующие принципы цивилизации [5, р. 65].

Размывание психоаналитического языка, растворение его в дискурсивных практиках, потеря четко выстроенных рядов от сознания к бессознательному, потеря ссылок на структурирование психики личности неизбежно в условиях развития рассмотрения становления психоаналитического подхода в колониальных условиях Индии. В исследованиях взаимоотношений между британским колониализмом и психоаналитическими практиками, теориями, «психическим» в Индии недостатка нет [3, 8].

Психоаналитический метод ориентирует на более чуткое отношение к генеалогии исторического дискурса в колониальной Индии. Более чуткое, чем описание того, в каких произведениях каких британских и индийских историков появлялось то или иное историческое понятие. Изучение роли колониальных исторических знаний выходит за рамки работы с исторической дисциплиной. В сочетании с постколониальной деконструкцией оппозиции до-современная Индия – современная Британия, это позволяет применять концепты травмы, вытеснения, откладывания для оценки сложившегося исторического разрыва между постоянно убегающим вперед Западом, Европой и постоянно его догоняющими Индией, Пакистаном, Бангладешем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саид, Э. Ориентализм: западные концепции Востока / Э. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Рус. мир, 2006. – 636 с.
2. Fanon, F. Black skin, white masks / F. Fanon ; transl. C. L. Markmann. – New York : Grove Press, 1967. – 232 p.
3. Hartnack, C. British psychoanalysts in colonial India / C. Hartnack // Psychology in twentieth century thought and society / ed.: M. G. Ash, W. R. Woodward. – Cambridge, 1987. – P. 233–251.
4. Lacan, J. Écrits: a selection / J. Lacan ; transl. from the French A. Sheridan. – New York : Norton & Co, 1977. – XIV, 338 p.
5. Nandy, A. History's forgotten doubles / A. Nandy // History a. Theory. – 1995. – Vol. 34, № 2. – P. 44–66.
6. Nandy, A. The intimate enemy: loss and recovery of self under colonialism / A. Nandy. – New Delhi [etc.] : Oxford Univ. Press, 1983. – XX, 121 p.
7. Postcolonial studies reader / ed.: B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. – London ; New York : Routledge, 1995. – XVIII, 526 p.
8. Srinivasan, S. K. Freudian doubles: psychoanalysis and governance in colonial India / S. K. Srinivasan // J. of Humanities a. Social Science. – 2014. – Vol. 19, № 10. – P. 41–53.

ДОМИНИОНЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ФИНАНСОВО-ТОРГОВОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Семенова Л.Н. (г. Минск, Беларусь)

Характеризуя противоречия Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, приведшие ко Второй мировой войне, принято выделять два или три центра силы со своими метаидеологиями: капитализм и социализм, или либеральная демократия, фашизм и социализм. При любом раскладе Великобритания и США попадают в один центр: капиталистический и демократический, тем более во Второй мировой войне страны были союзниками по антигитлеровской коалиции и совместно открыли второй фронт в помощь Советскому Союзу. Между тем в межвоенный период ткань отношений между странами, прикрывавшая их внутренние неурядицы, превратилась в настолько болезненный нарыв, что излечить его в рамках существующей системы можно было лишь хирургическим, т.е. военным путем.

Болезнь настигла не внезапно, она была вызвана особенностями развития мировой капиталистической системы. Лидерство в ней не вечно, и даже не долго. Связанное с цикличностью капиталистического накопле-

ния, оно длится, как правило, не больше века. Уже у концу XIX в. лидерство Великобритании с появлением конкурентов в лице США и Германии пошатнулось. На протяжении практически пятивековой истории мировой капиталистической системы смена циклов капиталистического накопления и соответственно лидерства всегда происходила в результате войн. Главный нерв и Первой и Второй мировых войн был вызван стремлением Великобритании удержать свое лидерство в капиталистической миросистеме, что мировая капиталистическая верхушка умело использовала в своих финансовых интересах. По итогам Первой мировой войны поверженную Германию жестко наказали. А США, изрядно обогатившись, продолжали наращивать свою экономическую мощь. И между странами одной культуры и языка, связанных единой пуповиной, но по воле мировой по сути уже англо-американской финансовой олигархии оказавшихся на соседних ступенях капиталистической иерархии, неизбежно разгоралась нешуточная борьба, всполохи которой ощущались в разных концах земного шара.

Страна-лидер всегда была на пике мировой финансовой пирамиды, являясь мировым кредитором и определяя финансовую политику и валютный курс во всем мире. Финансовая система Pax Britannica была основана на принципе золотого стандарта и всесии английского фунта стерлингов. Однако, Первая мировая война привела к настоящему перевороту в финансовом мире. В решительное наступление на английский фунт пошел американский доллар, правда не столько доллар США, сколько доллар Федеральной резервной системы (ФРС).

Золотой запас США в период с 1914 по 1924 гг. увеличился с 1924 млн до 4499 млн долларов, что составляло по подсчетам экономистов примерно половину всего золота мира. В итоге доля США в мировом промышленном производстве возросла более чем в два раза, достигнув 43 %, а национальное богатство страны увеличилось на 40 % [2, с. 607]. Это привело к тому, что США из страны должника превратились в страну – мирового кредитора. На международной экономической конференции в Генуе в 1922 г. не только фунт стерлингов, но и доллар США были объявлены эквивалентами золота и международными платежными средствами. В 1918 г. Дж. М. Кейнс в письме к английскому министру финансов Б. Лоу прозорливо предупреждал: «Американское министерство финансов смотрит с удовлетворением на то, что мы ослабеваем до положения полной финансовой беспомощности и зависимости» [1, с. 184].

Это быстро почувствовали на себе британские доминионы: Канада, Австралия, Новая Зеландия. Все они активно развивались в качестве аграрно-индустриальных переселенческих колоний за счет средств из метрополии, имея перед ней большой внешний долг. Уже к концу XIX в. доминионы стали одними из самых высокооблагаемых различными налогами стран. Но будучи уверенными в богатстве и платежеспособности Великобритании, они не беспокоились по поводу собственных долгов. Рассуждали примерно так, что займы они берут не у собственных подданных, а в Колониальном банке Великобритании, который и был создан «мудрой метрополией» для помощи своим подопечным территориям. Высокий государственный долг не привел к появлению большой коррупции среди правящих кругов. Однако самым серьезным оправданием внешнего долга был аргумент, на что он тратится. А тратился он действительно на реальные нужды общества: на транспортную инфраструктуру, ирригацию, систему страхования, социальную политику, по результатам которой доминионы вышли на рубеже XIX–XX вв. в лидеры всего мира. И как бы ни критиковали правительства доминионов за то, что они поставили свои страны в полную зависимость от банковских интересов Англии, они считали такое положение вполне нормальным, а, например, новозеландские государственные деятели вообще полагали, что это они заставили банки Англии служить интересам рядовых граждан Новой Зеландии [7, р. 38]. Но теперь ситуация изменилась. Как метко определил австралийский историк С. Макинтайр применительно к Австралии, «проект национального строительства зашатался под тяжестью внешнего долга и увеличившейся зависимости» [3, с. 185].

Как должное доминионы восприняли программу всеобщего прощения долгов, которую премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж объявил в 1922 г. в надежде, что и американцы пойдут им на уступки. Но когда американцы проявили твердость, глава Английского банка М. Норман для укрепления фунта стерлингов повысил процентную банковскую ставку. Более того в 1925 г. Британия установила золотой стандарт, искусственно накачав заемными капиталами фунт, ставший «сильнее» доллара. Это привело к притоку капиталов в страну, в том числе и из доминионов, но ухудшило производственный климат во всей империи, существенно повысив безработицу. «Просперити» 1920-х гг. в доминионах было весьма вялым.

Доминионы со значительной долей сельского хозяйства в экономике с трудом преодолевали затяжной аграрный кризис. Приток фермерства практически прекратился или был крайне незначительным. Прибывавшие мигранты оседали в городах, пополняя и без того уже немалые ряды безработных. Так в Канаде в 1921–1931 гг. число ферм выросло с 711 до 728 тыс., но при этом число фермеров-собственников сократилось на 4,7% [6, с. 154].

Для оживления экономической активности нужны были не только люди, но и инвестиции. На имперских конференциях 1920-х гг. австралийский премьер-министр С. Брюс неустанно повторял броскую формулу: «Развитие империи зависит от трех вещей: людей, денег и рынков», ставшую известной, как проблема «3 m» (men, money, markets)» [3, с. 201]. Поскольку денежный поток из Великобритании иссяк, инициативу инвестирования уверенно перехватили США. В 1922 г. доля американских и британских инвестиций сравнялась в Канаде. В рамках интеграции экономик в единый регионально-хозяйственный комплекс при десятикратном превышении американского сегмента обозначилась полная зависимость канадской экономики от экономической конъюнк-

туры США. При этом канадское правительство У.Л. Макензи Кинга в 1924 г. отменило налоги на прибыль, что, конечно же, очень понравилось американским промышленникам [6, с. 159]. Американские компании напролом шли в Австралию и Новую Зеландию. Красноречивым примером тому стало нашумевшее дело американской пароходной компании «Мэтсон навигейшн компани». В 1931 г. компания, обслуживавшая пароходную линию Сан-Франциско – Сидней, продолжила ее до Окленда, нанеся английской компании «Юнион ройял мейл» болезненный удар. Против американской компании выступили профсоюзы моряков и докеров, с соответствующими меморандумами протестов выступили австралийское и новозеландское правительства [4, с. 186]. Но не каждому подобному делу придавалась широкая огласка. В конце концов, как сказал новозеландский премьер-министр Р. Стаут: «Людам в колониях трудно смотреть на Соединенные Штаты как на иностранную державу. Тот факт, что мы говорим на одном языке и в большинстве своем принадлежим к одной расе, связывает нас с ними гораздо больше, чем с европейскими государствами...» [5, с. 133].

В 1931 г. в разгар Великой депрессии, очень болезненно ударившей по доминионам, Великобритания учредила Стерлинговый блок, включивший в себя почти четверть населения Земли и до трети мирового товарооборота. Конечно же, Британия намеревалась включить в него все страны Британской империи. Но не получилось с Канадой, Ньюфаундлендом и Гонконгом, в которых уже хозяйничал доллар. В ответ США в 1933 г. создали аналогичный долларовый блок, в который вошла Канада. Кстати, в 1927 г. Канада и США установили прямые дипломатические отношения, минуя Великобританию.

Еще более активно США наступали на Великобританию в торговле, уже в 1920-е гг. серьезно потеснив ее даже на рынках доминионов. Так в 1929 г. доля экспорта Англии на рынках Канады составила всего 15 %, тогда как доля США – 68,6 % [1, с. 201]. Пытаясь справиться с мировым кризисом, доминионы стали активно искать рынки за пределами империи в США. В условиях отсутствия торговых договоров у США с Австралией и Новой Зеландией, у доминионов был постоянный дефицит в торговле с США. Так, в 1920-е гг. Австралия экспортировала в США товаров на сумму 85 756 тыс. ф. ст., а импортировала – на 296 215 тыс. ф. ст. [4, с. 186]. Доля Англии снижалась в торговом обороте и Новой Зеландии. Так, в 1934–1937 гг. доля экспорта в Великобританию сократилась с 81,6 % до 76 %. Английский импорт в 1937 г. составил 49,6 % в общем импорте Новой Зеландии [5, с. 124]. Вторым по значению торговым партнером Новой Зеландии стали США, только затем шла Австралия. Условия имперской торговли становились все менее благоприятными. Ее уверенно прибирали к своим рукам США. В настоящей торговой войне стороны использовали все возможные меры: манипулировали курсами валют, устанавливали протекционистские барьеры.

Попытка выйти из мировой торговой войны была предпринята на международной экономической конференции в Лондоне в 1933 г. СССР даже внес на рассмотрение пакт об экономическом ненападении. Однако участники конференции так и не смогли ни о чем договориться. Президент США Ф.Д. Рузвельт фактически заявил, что борьба с депрессией это внутреннее дело каждого государства, по сути признав, что мировая капиталистическая система с ней не справилась. Для выхода из депрессии американским капиталом и товарам нужен был простор в виде мировой свободной торговли. Более слабые, теперь уже и Британская империя, закрывали себя протекционистскими тарифами, валютными блоками и курсами. Неслучайно, важнейшей целью США в грядущей войне, к которой неизбежно катилась вся мировая капиталистическая система, стало уничтожение Британской империи. В августе 1941 г. Великобритания подписала предложенную США «Атлантическую хартию», в которой говорилось о свободе морей, свободе торговли и равного доступа к мировым сырьевым источникам. На Вашингтонской конференции в декабре 1941 г. было решено, что западная коалиция будет управляться из Вашингтона, чем, по словам Г. Гопкинса, Рузвельт «опустил англичан в ад» [1, с. 220]. Судьба Британской империи была решена. А доминионам нужно было думать о собственной серьезной реконструкции на долгом пути от колоний к нациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галин, В.В. Политэкономика войны. Как Америка стала мировым лидером / В.В. Галин. – М.: Алгоритм, 2012. – 400 с.
2. Кагарлицкий, Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
3. Макинтайр, С. Краткая история Австралии / С. Макинтайр; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 360 с.
4. Малаховский, К.В. История Австралии / К.В. Малаховский. – М.: Наука, гл. ред. восточной лит-ры, 1980. – 400 с.
5. Малаховский, К.В. История Новой Зеландии / К.В. Малаховский. – М.: Наука, гл. ред. восточной лит-ры, 1980. – 238 с.
6. Сороко-Цюпа, О.С. История Канады / О.С. Сороко-Цюпа. – М.: Высшая школа, 1985. – 304 с.
7. Hutchinson, R.H. The “Socialism” of New Zealand / R.H. Hutchinson. – N.Y.: The Linscott Publishing Co, 1916. – 134 p.

ІНСТЫТУЦЫЯНАЛІЗАЦЫЯ ЗНЕШНЯЙ КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫКІ КРАІН ЕЎРОПЫ Ў МІЖВАЕННЫ ЧАС (1919–1939 ГГ.)

Крывашэй Д.А. (г. Мінск, Беларусь)

Пасля вайны дзяржаўныя органы выступаюць ініцыятарамі стварэння разнастайных міжнародных устаноў, якія атрымліваюць дзяржаўнае фінансаванне і знаходзяцца пад непасрэдным куратарствам дзяржавы. Назіраецца ўсплеск дыпламатычнай актыўнасці ў сферы культуры.

Па прапанове лаўрэата Нобелеўскай прэміі міру Леона Буржуа пры Лізе Нацый быў створаны *першы міжнародны інстытут шматбаковага супрацоўніцтва* – Міжнародны камітэт па інтэлектуальным супрацоўніцтве. Аднак Ліга Нацый лічыла пытанні культуры і адукацыі ўнутранымі справамі дзяржаў і фінансава абмяжоўвала дзейнасць камітэта. У 1926 г. Францыя аказала дапамогу камітэту, і ў Парыжы быў заснаваны Міжнародны інстытут інтэлектуальнага супрацоўніцтва. Ён займаўся развіццём кантактаў паміж універсітэтамі, бібліятэкамі, навуковымі саюзамі, перакладам літаратурных твораў, юрыдычнымі пытаннямі інтэлектуальнай уласнасці, супрацоўніцтвам у галіне музеяў і мастацтва, сувязямі са СМІ.

У гэты перыяд з’яўляюцца *першыя міжнародныя няўрадавыя арганізацыі*, якія аб’ядноўвалі спецыялістаў культурнай сферы: ПЭН-клуб (Лондан, 1921 г.), Міжнароднае таварыства сучаснай музыкі (ISCM, 1922 г., Зальцбург), Міжнародная канфедэрацыя таварыстваў аўтараў і кампазітараў (Парыж, 1926 г.), Міжнародная Федэрацыя бібліятэчных асацыяцый і ўстаноў (IFLA, 1927 г., Зальцбург), Міжнародны Саюз лялечных тэатраў (1929 г, Прага).

Сталі праводзіцца розныя конкурсы і фестывалі. У 1920 г. аднавілася правядзенне музычнага фествалю ў Зальцбургу, заснаванага ў 1877 г. У 1927 г. быў заснаваны конкурс піяністаў імя Ф. Шапэна ў Польшчы. У 1933 г. – конкурс піяністаў імя Ф. Ліста у Венгрыі. З 1939 г. стаў праводзіцца конкурс выканаўцаў акадэмічнай музыкі ў Жэневе. У 1932 г. быў заснаваны Венецыянскі кінафестываль. У 1935 г. адбыўся Маскоўскі кінафестываль.

Распаўсюджанне набывае практыка культурных абменаў. Культурныя сувязі выкарыстоўваліся для дасягнення палітычных і прапагандысцкіх мэтай. Адной з галоўных было стварэнне станоўчага іміджу краіны за мяжою. Найбольш гэта вызначэнне датычыць знешняй культурнай палітыкі Германіі і СССР.

У Германіі на пачатку 1920 гг. ў Міністэрстве замежных спраў быў створаны Аддзел немцаў замежжа і культурных спраў (Abteilung für Deutschum im Ausland und kulturelle Angelegenheiten). Ён працаваў «па чатырох праблемных блоках: пытанні міграцыі і царквы, нямецкія школы за мяжой, выяўленчае мастацтва і спорт, а таксама нямецкая літаратура» [6, с. 115]. Яшчэ адной задачай новага аддзела стала падтрымка навуковых даследаванняў і акадэмічнага абмену, што было выклікана не толькі ўзрослым значэннем навукі для прамысловай вытворчасці і індустрыяльнага развіцця, але і неабходнасцю пераадолення духоўнай ізаляцыі пасля Першай сусветнай вайны.

Германскі палітолаг М.Абеляйн адзначае, што калі раней прэзентацыі дасягненняў нямецкай культуры за мяжой ажыццяўляліся на спарадычны аснове, то «пасля лістападаўскага рэвалюцыі 1918 г. ў Германіі МЗС пазначыў свой ўдзел у шэрагу міжнародных выстаў мастацтва і абвясціў, што будзе рабіць гэта на пастаяннай аснове ... А кніжныя выставы, якія МЗС арганізоўваў разам са знакамітымі кнігагандлярамі, мелі на мэце зноў абудзіць цікавасць да нямецкай навуковай літаратуры» [8, с. 113-114].

У той час быў створаны шэраг дзяржаўных і прыватных інстытутаў. Два з іх працягваюць існаваць да сёння. Гэта Нямецкая служба акадэмічных абменаў (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD, 1925) і папярэднік Гётэ-інстытута Нямецкая акадэмія (Deutsche Akademie, 1923). Пачынаючы з 1929 г. расло фінансаванне міжнародных культурных сувязей. У 1931 г. яно складала амаль 15 % ад агульнага бюджэту знешняй палітыкі на год [10, р. 10].

Дастатковую дзяржаўную падтрымку атрымлівала Deutsche Akademie для прасоўвання нямецкай мовы сярод замежнікаў. Але арганізацыя заставалася прыватнай. Толькі ў 1941 г. Гітлер зрабіў яе афіцыйнай дзяржаўнай установай па падтрымцы нямецкай мовы з мэтай “занняць сваё годнае месца ў якасці сусветнага мовы”. Нават тады, аднак, дзейнасць Нямецкай акадэміі была абмежавана “тымі часткамі Еўропы, якія, нават пры нацыстах, павінны былі валодаць пэўнай ступенню палітычнага і культурнага самавызначэння” [11, р. 224].

Савецкі ўрад вялікую ўвагу надаваў стварэнню устаноў, механізмаў і формаў, накіраваных на ўстанаўленне і развіццё культурных кантактаў з замежнымі краінамі. У 1922 г. быў утвораны Асобны камітэт па арганізацыі артыстычных турнэ і мастацкіх выстаў. Для інфармавання замежнай грамадскасці за мяжой ў 1923 г. была заснавана Камісія замежнай дапамогі (КЗД). Яна стала першым інстытутам «публічнай дыпламатыі» СССР. Дзейнасць Камісіі была накіравана на «фарміраванне пазітыўнага вобразу краіны за мяжой». Яе ключавымі напрамкамі работы сталі: маніторынг меркавання аб СССР у замежнай прэсе, міжнародны кнігаабмен, каардынацыя працы «Рус-Фота» і арганізацыя міжнародных гастроляў і выстаў [3, с. 12]. У тым жа годзе КЗД стварыла Аб’яднанае бюро інфармацыі (АБІ), мэтай якога складалася ў прапагандзе за мяжой «культурных заваёў і працоўных дасягненняў СССР». Іншымі словамі, АБІ выступала рупарам культурнага жыцця Савецкага Саюза за мяжой [2, с. 73].

Набыты вопыт міжнародных культурных абменаў і ўпэўненасць у неабходнасці яго падтрымліваць прывялі да стварэння ў 1925 г. Усесаюзнага таварыства культурнай сувязі з замежжам (УТКС), якое ўяўляла са-

бой адначасова грамадскую і дзяржаўную структуру і займалася ўсталяваннем і падтрыманнем культурных сувязяў за мяжой [1, с. 77].

Сярод напрамкаў прапаганды фашысцкай Італіі значнае месца займала прапаганда карпаратывізму і карпаратыўнай сістэмы ў цэлым, дасягненняў фашысцкай эканомікі і культуры, а таксама каланіяльнай палітыкі [7, с. 190].

Першапачаткова для прапаганды дасягненняў за мяжой была створана культурная асацыяцыя «Італіка» (1923) з рэзідэнцыяй у Фларэнцыі. У 1925 г. дзейнасць гэтай асацыяцыі была прызнана празмерна апалітычнай і нефашысцкай. Пасля гэтага «Італіка» была ператворана ў асацыяцыю з дзяржаўным удзелам і апынулася цалкам пад кантролем фашысцкага рэжыму [7, с. 190-191].

У 1925 г. быў заснаваны Фашысцкі інстытут культуры, які пазней атрымаў назву Нацыянальнага інстытута фашысцкай культуры (Istituto Nazionale di Cultura Fascista, INCF). Мэтай яго была “абарона, развіццё і распаўсюджанне ідэалаў і дактрыны фашызму ў краіне і за мяжой, італьянскай культуры ў цэлым” [9]. У 1930 г. «Італіка» была ўключана ў склад Нацыянальнага інстытута фашысцкай культуры ў якасці аддзела знешніх культурных сувязяў [7, с. 191].

Па ініцыятыве Мусаліні ў 1930 г. пры італьянскіх пасольствах за мяжой пачалі стварацца Італьянскія інстытуты культуры (Istituti italiani di cultura). Іх задачай была прапаганда італьянскай мовы і культуры за мяжой. Італьянскі палітык Каміла Пілелці ў 1932 г. падкрэсліваў, што такія інстытуты акрамя распаўсюджвання італьянскай мовы і культуры займаюцца распаўсюджаннем італьянскай думкі і італьянскіх ідэй. Ён адзначаў, што недастаткова стварэння аднаго інстытута пры пасольстве. Такія інстытуты павінны быць створаны ў дастатковай колькасці, каб усе зацікаўленыя грамадзяне прымаючай краіны маглі звярнуцца да іх рэсурсаў. Менавіта такія інстытуты “пакажучь, што Італія прыйшла ў сябе пасля вайны і абнавілася дзякуючы фашысцкай рэвалюцыі” [5, с. 109-110].

Як і нацысцкая Германія, фашысцкая Італія вялікая частку сваіх культурнага зносін за мяжой падпарадкавала інтарэсам палітычнай прапаганды. Абедзве краіны імкнуліся заручыцца падтрымкай сваёй суполкі эмігрантаў і мабілізаваць іх для пабудовы сяброўскіх палітычных колаў за мяжой. Гэта, напрыклад, датычылася ЗША, як патэнцыйнага ворага, і лацінаамерыканскіх дзяржаў, як стратэгічна размешчаных нейтралаў.

Па прыкладу Германіі і Італіі *Вялікабрытанія* распрацавала свой ўласны інструмент культурнай прапаганды. Напрыклад у 1934 г. быў створаны «Брытанскі камітэт па сувязях з іншымі краінамі» (з 1936 г. – Брытанскі Савет). Брытанскае ўрад заявіў, што ёсць іншы шлях ўмацавання ўплыву краіны за мяжой – праз развіццё культурных сувязяў. Першыя бюро Брытанскага Савета за мяжой былі адкрыты ў 1938 г. у Егіпце, Партугаліі і Румыніі.

Акрамя “вялікіх дзяржаў” пытаннямі замацавання сваёй культурнай прысутнасці за мяжой сталі займацца і іншыя краіны. Напрыклад, *Балгарыя* ў 1937 г. адкрыла свой першы цэнтр ў Будапешце. Найбольш шырокую сетку сваіх культурных інстытутаў (Collegium Hungaricum, Венгерскі інстытут, Інстытут Балаші) мела *Венгрыя*. Першы з іх быў адкрыты ў 1924 г. (Collegium Hungaricum) у Вене і Берліне. У 1927 г. быў прыняты спецыяльны закон адносна дзейнасці Венгерскіх інстытутаў за мяжой і садзейнічання вышэйшай адукацыі. У тым жа годзе быў адкрыты Collegium Hungaricum у Рыме і Венгерска-Французскі ўніверсітэцкі інфармацыйны офіс у Парыжы (з 1933 г. – Венгерскі вучэбны цэнтр).

У 1920 г. дэкрэтам прэзідэнта Пуанкарэ Бюро па справах *французскіх* школ і дабрачыннасці пры міністэрстве замежных спраў было рэфармавана і пераўтворана ў больш магутную Службу французскай культурнай дзейнасці ў рамках Упраўлення па палітычных і гандлёвых справах. Перад новай структурай была пастаўлена задача “забяспечыць інтэлектуальную экспансію Францыі ў свеце”. Адпаведна гэтаму дзяржава абавязвалася “натхняць і заахвочваць французскае інтэлектуальнае пранікненне, з упэўненасцю ў тым, што яно напэўна з’яўляецца адной з самых эфектыўных форм нашых дзеянняў за мяжой” [4, с. 34]. З гэтага часу пачалося сістэмнае стварэнне сеткі французскіх ліцэяў і культурных цэнтраў за мяжой. У 1919 г. былі адкрыты французскія культурныя цэнтры ў Барселоне і Неапалі, у 1924 г. – у Загрэбе, у 1933 г. – ў Амстэрдаме, у 1937 г. – у Стакгольме і Лісабоне. У 1930 г. быў заснаваны французскі інстытут у Кіота. Да 1936 г. ў асноўным у буйных гарадах Еўропы размяшчалася трыццаць французскіх культурных цэнтраў.

У перыяд паміж 1929 і 1939 гг. Францыяй былі заключаны першыя пагадненні аб культурных абменах з Іранам, Даніяй, Аўстрыяй, Швецыяй, Румыніяй і інш. Пашыралася сетка Альянс Франсэз ў Паўночнай і Лацінскай Амерыцы, Цэнтральнай Еўропе. Колькасць супрацоўнікаў Службы за міжваенны перыяд вырасла з чатырох да дванаццаці [4, с. 34].

У 1922 г. пад эгідаю міністэрства замежных спраў і міністэрства народнай адукацыі на грамадскіх пачатках была створана Французская асацыяцыя распаўсюджвання і абмену мастацтвам (Association française d’expansion et d’échanges artistiques, AFEEA). На яе былі ўскладзены задачы садзейнічання прасоўванню за мяжой французскага выканальніцкага мастацтва. Пачаліся шырокія і рэгулярныя культурныя і артыстычныя абмены Францыі з іншымі краінамі. У 1934 г. яна была пераўтворана ў Французскую асацыяцыю культурных мерапрыемстваў (Association française d’action artistique (AFAA) з бюджэтным фінансаваннем пад эгідай МЗС. Па сутнасці, рашэнне Міністэрства замежных спраў аб ўзяцці пад кантроль распаўсюджванне ўплыву французскай культуры за мяжой, было адказам на палітычную кан’юнктуру, што склалася ў Еўропе пасля сакавіка 1933 г., калі Гітлер прыйшоў да ўлады ў Германіі. Паказальнымі выпадкамі агрэсіўнасці культурнай прапаганды з’яўляюцца Алімпійскія гульні ў Берліне 1936 г. і сімвалічнае супрацьстаянне савецкага і нямецкага павільёнаў на Сусветнай выставе 1937 г. у Парыжы [4, с. 34-35].

Такім чынам ў міжваенны перыяд культурныя інстытуты, становяцца стандартнай формай афіцыйнай знешняй культурнай палітыкі вялікіх дзяржаваў, як правіла, пад кантроль міністэрстваў замежных спраў. Інстытуцыяналізацыя знешняй культурнай палітыкі супадае з узмацненнем умяшання дзяржавы ў сферу культуры грамадства і пачаткам фарміравання нацыянальнай культурнай палітыкі. Наступствы вайны і міжнародныя супярэчнасці дыктуюць залежнасць геаграфічнага распаўсюджвання інстытутаў у гэты перыяд ад геапалітычных прыярытэтаў і інтарэсаў розных дзяржаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Болотнова, А. А. Внешняя культурная политика России и Франции на современном этапе (сравнительный анализ): дисс. ... канд. полит. наук.: 23.00.04 / А. А. Болотнова. – Москва, 2015. – 197 с.
2. Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Майкл Дэвид-Фокс; [пер. с англ. В. Макарова]. – М.: Новое лит. обозрение, 2015. – 568 с.
3. Киселева, Н. В. Из истории борьбы советской общественности за прорыв культурной блокады СССР (ВОКС: сер. 20-х – начало 30-х гг.) / Н. В. Киселева. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1992. – 157 с.
4. Косенко, С. И. Генезис и эволюция культурной дипломатии Франции на протяжении эпох / С. И. Косенко // Вестник МГИМО. – 2013. – №4 (31). – С. 29–36.
5. Нестерова, Т. П. Деятельность Камилло Пеллици в Великобритании (1920 – 1939) / Т. П. Нестерова // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. – № 6. – Сер. Альбионика. Вып. 3. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 105–112.
6. Павлов, Н. В. Культура – третье измерение внешней политики / Н. В. Павлов // Международная жизнь. – 2008. – №8-9. – С. 114-126.
7. Политика итальянского фашизма в сфере культуры: по материалам II конгресса фашистских институтов культуры (1931) [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: elar.ufrj.br/bitstream/10995/4935/2/uvmi3-2005-17.pdf.
8. Abelein, Manfred. Die Kulturpolitik des Deutschen Reiches und der Bundesrepublik Deutschland/ Manfred Abelein. – Köln und Opladen: Westdeutscher Verlag, 1968. – 312 s.
9. Istituto fascista di cultura // Wikipedia. [Electronic resource]. – Mode of access: https://it.wikipedia.org/wiki/Istituto_fascista_di_cultura/ – Date of access: 05.07.2019.
10. McMurry, R. E. Foreign government programs of cultural relations / R. E. McMurry // Annals of the American academy of political and social sciences. – 1944. – Vol. 235. – P. 54–61.
11. Michels, E. DeutschalsWeltsprache? FranzThierfelder, the Deutsche Akademiein Munich and the promotion of the German language abroad, 1923–1945 / E. Michels // Germanhistory. – 2004. – Vol. 22 (2). – P. 206–227.

АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С СССР В 30-Е ГГ. XX В.

Жилинская И.В. (г. Минск, Беларусь)

В середине 1923 г. в Лондоне представители интеллигенции образовали инициативную группу по созданию Общества культурного сближения с СССР, позднее оно стало называться Общество культурных связей с СССР (Society of Cultural Relations with the USSR). 9 июля 1924 г. состоялось учредительное собрание, на котором завершилось образование этой организации и был принят ее устав. Главной целью Общества объявлялось установление тесного контакта между британскими и советскими работниками культуры. Организация ставила перед собой задачи: информирование британского народа о социальном прогрессе, достигнутом в СССР; знакомство советских людей с культурной жизнью Англии [15, с. 203]. На учредительном собрании было избрано руководство ОКС. Президентом стал профессор Лондонского университета Л. Аберкромби. В руководящие органы вошли известные писатели и ученые Англии и СССР: философ и математик Б. Рассел, экономист Дж. М. Кейнс, ученые М. Н. Покровский, А. Н. Крылов, писатели Б. Шоу, Г. Уэллс, А. Н. Толстой, В. Я. Брюсов и другие [16, с. 26]. Состав организации по социальному характеру и роду занятий был неоднороден. В основном в него входили представители интеллигенции и мелких слоев буржуазии. По политическим убеждениям большинство являлись либералами и лейбористами, меньшим количеством были представлены коммунисты и консерваторы. Ряд членов был тесно связан с СССР и советской политикой, вместе с тем среди основателей общества были и те, которые не имели никакого отношения к СССР. [1, р. 573]. Если оценивать общество по профессиональному критерию, можно отметить, что в основном это были педагоги, адвокаты, врачи, инженеры, художники и общественные деятели.

В момент образования Общество насчитывало около 200 членов [4, с. 10]. В дальнейшем это количество хоть и медленно, но увеличивалось. В 1929 году – 400 человек, 1930 – 435, 1931 – 621, до октября 1932 г. – свыше 1000 человек [13, л. 1]. Сегодня нет однозначной точки зрения по поводу того, насколько Москва влияла на работу Общества, но можно с уверенностью сказать, что ОКС имел самые тесные связи с Советским Союзом, и особенно с Обществом культурных связей с заграницией (ВОКС). Так, в ГАРФ в фонде ВОКС хранится достаточно обширная переписка членов ОКС с Правлением и с различными отделами ВОКС, особенно Anglo-американским. ВОКС всячески способствовал расширению работы ОКС: посылал материалы о Советском Союзе, и даже готовые статьи для опубликования в британской прессе, принимал членов Общества в СССР, устраивая им экскурсии и т.д. Тем не менее ОКС в 20-е гг. четко заявлял о своей аполитичности и нейтральности к

СССР. В 30-е гг. XX в. ситуация стала несколько меняться. В 1932 г. в Обществе прошли очередные выборы в правление, в результате председателем стала общественный деятель Э. Манселл-Мулин. В правлении была представлена и советская сторона, а именно: председатель Центросоюза в Англии Л.И. Гинзбург (он же и уполномоченный ВОКС в Англии) и его помощник [13, л. 2 – 3]. Англо-американский отдел ВОКС рассматривал правление ОКС, избранное в 1932 г., удачным, в отличие от предыдущего состава, который прилагал все усилия к тому, чтобы английское общество оставалось аполитичным и преследовало чисто культурные цели [13, л. 3].

В 1930-х гг. работало 3 секции: педагогическая, научная и музыкальная. Председатели педагогической и научной секций, педагог Б. Кинг и профессор физики Дж. Кроудер, входили в состав правления. Музыкальную секцию возглавлял профессор музыки У. Керридж [13, л. 4]. Позднее появились литературная и медицинская секции. Наиболее активной была работа научной и педагогической секций. При Обществе работала и библиотека, где насчитывалось до 1000 книг о СССР на русском и английском языках [14, л. 19]. В 30-е гг. XX в. расширяется и сеть региональных филиалов Общества. Так, в 1931 г. был открыт филиал в Кембридже [6, л. 50б.], в 1933 г. – в Манчестере [7, л. 68об.]. К 1934 году насчитывалось 11 отделений, в 1935 – 15 [8, л. 50].

Изменение настроений в пользу СССР, которое стало ощущаться в середине 30-х гг., привело к активизации культурных контактов и к расширению деятельности ОКС. В 1935 г. Общество насчитывало около 2000 членов, и кроме того не менее 35 организаций-коллективных членов. [8, л. 50, 68]. В отчетах Англо-американского отдела ВОКС работа Общества оценивалась как довольно активная [8, л. 21], но все же влияние Общества на английскую интеллигенцию оставалось ограниченным. Несмотря на наличие в списке почетных вице-президентов организации ряда видных деятелей культуры и науки Великобритании, большинство из них в ее практической деятельности не участвовали. В сентябре 1934 г. во время беседы с председателем ВОКС А. Я. Аросевым полпред в Великобритании И. М. Майский отмечал, что ОКС «можно охарактеризовать как Общество левой интеллигенции», при этом подчеркивал, что видные деятели в такую организацию не пойдут в силу ее политизированности [5, с. 262].

Мероприятия, проводимые ОКС, как правило посещали члены общества, индивидуальные связи оставались все еще слабыми. Отмечалась и слабость работы региональных отделений ОКС. [8, л. 22об.].

Основными направлениями деятельности общества являлись: организация лекций и воскресных собраний «Мы посетили СССР», выставок, экскурсий в СССР, участие в конференциях, снабжение материалами и информацией о Советском Союзе. Так, например, за 1931–1934 гг. ОКСом было организовано около 100 выступлений в различных городах страны приблизительно 150 английских и советских ораторов [13, л. 7; 8, л. 22об.]. В 1932 – 1934 гг. СССР посетило 11 групп из Великобритании, что составило свыше 200 человек [9, л. 60]. При этом задачей ОКС являлось формирование групп для поездок в Советский Союз. Отбор желающих производился по таким критериям, как: интерес и доброжелательное отношение к СССР, готовность сотрудничать в дальнейшем с ОКС и ВОКС.

Среди предпочтительных форм работы ОКС и ВОКС была организация выставок. С 1931 по 1936 гг. в Великобритании было организовано около 20 выставок о Советском Союзе, которые знакомили англичан с образованием, здравоохранением, социальным страхованием. Большой популярностью пользовались и выставки советской живописи и графики, фотографии и плаката. Активно велась работа и в области книгообмена.

Активизация деятельности английского Общества культурных связей с СССР в 1933-1935 гг. сменилась кризисом в 1936 г. Он был вызван, в первую очередь, тяжелым финансовым положением и разногласиями в руководстве в отношении дальнейшего направления работы. Некоторые настаивали на деполитизации деятельности ОКС, придания ему чисто просветительского характера. Бюджет ОКС состоял из членских взносов и выручки от организованных мероприятий. Этого было недостаточно для нормального функционирования организации. в такой ситуации ВОКС приняло решение профинансировать английское общество. Сумма была небольшой, всего 10 ф. ст. в месяц, поэтому положение радикально не изменилось [3, с. 332]. Отрицательно на англо-советском сотрудничестве отразились и начавшиеся в 1937 г. репрессии внутри ВОКС. В этом году был арестован А.Я. Аросев, подвергся чистке и сам аппарат Всесоюзного общества, что значительно ослабило его работу, а также негативно сказалось и на деятельности ОКС в Англии, так как некоторые его члены стали отходить от активной работы, в силу несогласия с проводимой в СССР политикой. Как отмечали в ВОКС, в 1937 г. в ОКС практически не было роста числа членов общества, слабо работали региональные отделения, слабо работали и секции общества, за исключением педагогической. В 1937 г. ОКС начал издание ежемесячного журнала «Англо-советский журнал» [11, л. 5], но вышло всего несколько номеров. И только в 1940 г. издание журнала было возобновлено как ежеквартальное, которое просуществовало до 1992 года.

2-ой секретарь полпредства СССР в Лондоне писал, что период с октября 1938 по октябрь 1939 г. в целом был благоприятным для дальнейшего развития ОКС: «Вплоть до начала военных событий и заключения СССР пакта о ненападении с Германией объем работы ОКС все время претендовал на большее, причем условия, сложившиеся за последние 2 – 3 предвоенных месяца способствовали расширению деятельности ОКС и его активизации» [10, л. 119]. Основной причиной слабой работы он видел в финансовом положении общества [10, л. 123]. Со стороны ВОКС также не принималось достаточных мер для стимулирования работы ОКС [15, л. 9]. Но несмотря на это за период с октября 1938 по октябрь 1939 г. СССР по линии ОКС посетили около 100 человек (за весь 1938 год – 65), в Великобритании Обществом было проведено 54 мероприятия [10, л. 124–132].

После заключения 23 августа 1939 г. советско-германского соглашения о ненападении в общественных кругах и организациях Англии господствовала растерянность. Это событие привело одних в замешательство,

других – к изменению своих позиций в сторону враждебности по отношению к СССР. Многие организации и лица, с которыми ранее работало Общество, стали отворачиваться от дальнейшего сотрудничества. Активность ОКС также снижалась. В 1939 г. практически не работали музыкальная и медицинская секции [37, л. 124]. Прекратили существование и ряд отделений организации. На протяжении второй половины 1939 г. действовало только 4 филиала из 15, существовавших в 1935 г.: в Оксфорде, Бристоле, Кардифе и Эдинбурге, число мероприятий, проводимых ими, было незначительным [13, л. 121].

Кроме того, Обществом были получены заявления со стороны отдельных рядовых членов ОКС, причем некоторые прямо указывали то, что выходят из общества в виду несогласия с позицией, занятой Советским Союзом во внешней политике, другие резко подчеркивали свою враждебность к СССР, обвиняя его в дружбе с Германией и измене демократическим странам [10, л. 120]. Всего из состава Общества в связи с пактом выбыло около 10 человек [10, л. 120].

Но, по данным британской исследовательницы Эмили Луго, которая опирается на годовые отчеты английского Общества, вопреки всему, членство в ОКС существенно не пострадало и оставалось около 1300 человек, при этом в 1939 г. из Общества вышел только 41 член, а вступило в общество 153 члена [1, р. 159]. Более того, в годовом отчете ОКС за 1940 г. было записано 25 крупных мероприятий, проведенных ОКС, включая 2 концерта в Королевском зале и выпуск Англо-советского журнала [2, р. 29].

Таким образом, Общество культурных связей с СССР в Великобритании являлось существенным элементом институциональных основ Англо-советского гуманитарного сотрудничества, опиралось на неподдельный интерес английской интеллигенции к советскому эксперименту, активную поддержку антифашисткой направленности советской внешней политики, ориентировалось в первую очередь на средние слои английской интеллигенции, стремилось к определенной аполитичности в своей работе. Хотя избежать политизированности так и не смогло, причиной тому являлось довольно существенное влияние Советского Союза, в частности, Все-союзного общества культурной связи с границей, через которое проводились в жизнь установки советского руководства по созданию внешнеполитического имиджа Советского Союза за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lygo, E. Promoting Soviet cultural in Britain: the history of the Society for Cultural relation between the peoples of the British commonwealths and the USSR, 1924 – 1942 / E. Lygo // The Modern Language Review. – 2013. – Vol. 8, No 2. – P. 571 – 596.
2. Todd, J. SCR 1937 – 1952 / J. Todd // The Anglo-Soviet Journal. – 1967. – October. – P. 28–32.
3. ВОКС в 30-е – 40-е гг. / Публикация А. В. Голубева и В. А. Невежина // Минувшее: исторический альманах. – М. : СПб.: Athenem: Феникс, 1993. – Т. 14. – С. 313–364.
4. ВОКС. Факты и цифры / ВОКС. – М. : ВОКС, 1930. – 64 с.
5. Голубев, А. В. Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур : сб. ст. / редкол.: Ю. С. Борисов (отв.ред) [и др.]. – М. : Издат. Центр ИРИ РАН, 1997. – С. 259–271.
6. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 159.
7. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 457.
8. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 725.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 274.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 1119.
11. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 909.
12. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 882.
13. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп.3. Д.191.
14. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп.3. Д. 577.
15. Кузьмин, М. С. Английское общество культурной связи с СССР / М. С. Кузьмин // Вопросы истории. – 1966. – № 2. – С. 204 – 206.
16. Кузьмин, М. С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917 – 1932) / М. С. Кузьмин – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 148 с.

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ В 1939 Г. И ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО РУКОВОДСТВА

Мигун Д.А. (г. Минск, Беларусь)

В этом году человечество отметит скорбную дату, связанную с 80-летием начала Второй мировой войны. Собираются отметить ее и в Польше. Но это мероприятие рассматривается нынешним политическим руководством Польши как крайне политизированное и носящее ярко выраженный русофобский характер. Так недавно министр иностранных дел Польши Яцек Чапутович объяснил, почему Россию, внесшую неоценимый вклад в разгром фашистской Германии и спасшую Польшу и поляков от уничтожения не пригласили на сентябрьские мемориальные мероприятия к 80-летию начала Второй мировой войны. По словам Чапутовича, РФ не получила и не получит приглашения, ведь отметить дату хотят "в европейском кругу" [1]. Польский министр также указал

на то, что в 1939 году именно Россия развязала руки Адольфу Гитлеру [1].

"Приглашены государства НАТО, Европейского Союза и Восточного партнерства. Мы хотим отмечать эту дату в нашем, европейском кругу. Также дело в том, что 1 сентября 1939 года Россия не была стороной войны, разве что в контексте пакта Риббентропа-Молотова, который в определенном значении развязал Гитлеру руки. Россия вступила в войну 17 сентября в качестве союзника Гитлера, совершив агрессию против Польши. В январе 2020 года мы будем отмечать 75-ю годовщину освобождения концлагеря Аушвиц, в этом случае визит российской делегации будет приемлемым", – заявил Чапутович[1].

А так ли это на самом деле? Давайте в преддверие 80 летия начала Второй мировой войны еще раз внимательно посмотрим на позицию польского руководства которую оно заняло в отношении попыток создания системы коллективной безопасности в Европе, которую намеревались в 1939 г. создать СССР, Англия и Франция.

В конце апреля – начале мая 1939 г. в Кремле Сталиным было принято решение о смене внешнеполитического курса в отношении Германии и стран Запада. 3 мая И. В. Сталин взамен М. М. Литвинова назначил народным комиссаром иностранных дел СССР более влиятельного политика – председателя СНК В. М. Молотова [2, с. 424], который стал проводить в отношении Германии новую линию.

15 июня 1939 г. в Москве В. М. Молотов начал переговоры с британским послом У. Сидсом и французским послом П. Наджаром, продолжавшиеся до начала августа. О ходе этих переговоров и атмосфере, царившей там, красноречиво свидетельствует «Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции» от 17 июля 1939 г. Там говорится: «... Остается разногласие о формулировке, определяющей понятие „косвенная агрессия“, так как в этом вопросе наши партнеры прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным уверткам. Мы настаиваем также на том, что военная часть есть неотъемлемая составная часть военно-политического договора, каким является проект обсуждаемого договора, и категорически отклоняем англо-французское предложение о том, чтобы прежде договориться о „политической“ части договора и только после этого перейти к военному соглашению. Это мошенническое англо-французское предложение разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой политической частью договора. Вам понятно, что без совершенно конкретного военного соглашения, как составной части всего договора, договор превратился бы в пустую декларацию, на которую мы не пойдем. Только жулики и мошенники, какими проявляют себя все это время господа переговорщики с англо-французской стороны, могут, прикидываясь, делать вид, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашений является в переговорах чем-то новым, а в прессе пустили даже утку, что мы требуем будто бы военного соглашения предварительно, т. е. до заключения политического соглашения. Непонятно только, на что они рассчитывают, когда пускаются в переговорах на такие неумные проделки. Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя» [3, с. 139-140].

Переговоры Молотова с английским и французским послами ни к чему ни привели. По образному выражению, они «топтались на месте». Начавшиеся 12 августа 1939 г. в Москве советско-англо-французские переговоры военных миссий также ни к чему не привели и закончились полной неудачей.

Г. К. Жуков в своих мемуарах упоминает, что в секретных переговорах военных миссий СССР, Англии и Франции в августе 1939 г. «отчетливо отразилась та серьезность и ответственность, с которой Советское правительство стремилось к созданию коллективной безопасности в Европе» [4, с. 191]. Однако, как далее отмечает Г. К. Жуков, в отличие от СССР «... Англия и Франция прислали на переговоры деятелей второстепенных, опять таки для прощупывания, зондажа, без искренней заинтересованности в успехе военного сотрудничества» [4, с. 191]. Посол Германии в Англии Г. Дирксен в своем донесении статс-секретарю министерства иностранных дел Э. Вайцзеккеру от 1 августа 1939 г. в Берлин сообщал: «... Военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения» [5, с. 117].

Из «Секретной инструкции для британской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции» от 2 августа 1939 г. следует, что «... правительство Англии не желает брать на себя какие-либо определенные обязательства, которые могут развязать ему руки. Миссии поручалось вести переговоры весьма медленно, с русскими обращаться сдержанно, в отношении военного соглашения стремиться к тому, чтобы ограничиться общими формулировками» [3, с. 166-193].

На причины подобной позиции английской и французской сторон в какой-то степени может пролить свет содержание одного из частных писем лидера консервативного правительства Великобритании Невилла Чемберлена. Данный документ приводит в своих мемуарах У. Черчилль. Н. Чемберлен замечает: «... Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я несколько не верю в ее способность провести действенное наступление, если бы даже она этого хотела. Я также не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она только хочет посорить всех остальных. Кроме того, многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния и Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением» [6, с. 188].

Как отмечает В. Я. Сиполс: «... министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс 4 июля 1939 г. ставил на заседании внешнеполитического комитета британского правительства вопрос о прекращении московских переговоров. В конце концов, он все же высказался за то, чтобы переговоры пока не срывать, но по-

прежнему был против заключения с СССР действительно эффективного пакта. Задачу английской дипломатии он видел в том, чтобы «предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией» [7, с. 29].

Однако в последнее время в современной российской исторической науке появились новые подходы к данному вопросу. Так, С. З. Случ сообщает: «... В 1992 г. стали известны секретные инструкции главе советской военной делегации маршалу К. Е. Ворошилову, написанные им под диктовку Сталина» [8, с. 584]. По мнению С. З. Случа, «все пункты этого документа были последовательно нацелены на то, как сорвать переговоры, возложив затем ответственность за неудачу на западные делегации и направившие их правительства» [9, с. 15]. С. З. Случ отмечает, что это позволяет утверждать: «... Жесткая привязка вопроса о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии с достижением какого-либо соглашения на англо-франко-советских военных переговорах. Поскольку ответ на этот вопрос в Кремле был известен давно, то есть серьезные основания полагать, что секретная инструкция главе советской военной делегации во многом проясняет, почему трехсторонние военные переговоры в Москве закончились неудачей» [9, с. 15].

В ходе этих переговоров предполагалось заключить военную конвенцию и пакт о взаимной помощи. На заседании 21 августа советская делегация поставила главный вопрос: «каким образом вооруженные силы СССР смогут войти в соприкосновение с немецко-фашистскими войсками в случае нападения Германии на Францию, Польшу или Румынию» [10, с. 394]?

Английские и французские миссии не были готовы к обсуждению этого вопроса. Переговоры зашли в тупик и были прерваны, поскольку они подтвердили безнадежность заключения с Англией и Францией пакта о взаимопомощи и военной конвенции.

Что касалось позиции польского руководства, то оно отказалось пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза. Известно, что в августе 1939 г. польское правительство располагало достоверными данными о готовившемся немецком вторжении. Тем не менее «начальник генерального штаба польской армии генерал В. Стахович заявил 20 августа 1939 г. английскому военному атташе, что не может быть и речи о том, чтобы разрешить пропуск советских войск через польскую границу» [11, с. 382].

Как четко явствует из «Интервью главы советской военной миссии К.Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции», данного им корреспонденту газеты «Известия» от 27 августа 1939 г. «...Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Подобно тому, как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и Советские Вооруженные Силы не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами и Франции и Англии, если он и не будут пропущены на территорию Польши.

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР. Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран. В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры» [3, с. 342-343].

Сегодня уже достоверно известно о том, что начав переговоры с СССР, в Англии правительство Невилла Чемберлена стало думать о дальнейших переговорах с Гитлером [11, с. 385]. Но пойти открыто на такой шаг они не могли, так как в Англии на тот момент, наряду со сторонниками, было также немало и противников Гитлера. Но все же такие переговоры было предложено начать в начале июля 1939 г. Они проводились в традиционной английской манере, не на прямую с официальными лицами, а посредством контактов с представителями бизнеса [3, с. 141]. Конечно же, все эти «политические игры» попали в поле зрения полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского. В своей телеграмме в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 24 июля 1939 г. он сообщал: «...Премьер делает сейчас отчаянную попытку ускользнуть от выполнения взятых на себя весной обязательств по гарантии Польшеи одновременно оживить свою прежнюю политику «умиротворения». В этих целях английское правительство продолжает усиленно давить на польское правительство, рекомендуя ему «умеренность» в вопросе о Данциге. Одновременно в отношении Германии проводится политика кнута и пряника: с одной стороны, мобилизация британского флота, военно-воздушная демонстрация во Франции (и, вероятно, в ближайшее время в Польше), а с другой стороны, «личные беседы» Хадсона с Вольфатом в Лондоне о возможности предоставления Германии грандиозных международных займов до миллиарда фунтов, если Гитлер серьезно откажется от «агрессивных намерений» (читай; оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку)» [3, с. 144-145]. В свете проводившихся в это время переговоров в Москве с представителями Англии и Франции политика Англии выглядит весьма интересно. Далее И. М. Майский сообщал: «...Имеются достоверные сведения, что через посредство неофициальных эмиссаров Чемберлен сейчас нащупывает у Гитлера возможность «урегулирования» или, по крайней мере, отсрочки обострения данцигской проблемы. Если ему это удастся, отпадет необходимость в быстром завершении англо-советских переговоров» [3, с. 144-145].

В конечном итоге переговоры, которые СССР проводил с Англией и Францией о взаимодействии на случай войны, проходившие в Москве весной-летом 1939 г., оказались в тупике. Такое стечение обстоятельств в конечном итоге привело к дальнейшей активизации германо-советских контактов на высшем уровне. Тем более, что германское руководство на протяжении 1939 г. не раз ставило перед советским руководством вопрос о принятии для переговоров министра иностранных дел И. Риббентропа. 20 августа оно вновь поставило вопрос о приезде в Москву Риббентропа. На этот раз советская сторона дала согласие на приезд Риббентропа и на переговоры с германской стороной [12, с. 54].

Риббентроп прилетел в Москву 23 августа 1939 г. на личном самолете Гитлера. После сложных многочасовых переговоров между Сталиным, Молотовым и Риббентропом уже около полуночи договор о ненападении и секретный протокол к нему были подписаны [8, с. 630-632]. Подписание этих документов открывало новый этап в германо-советских отношениях, продлившийся до 22 июня 1941 г.

Таким образом, утверждение о том, что именно заключение советско-германского договора о ненападении предопределило агрессию Германии против Польши, не соответствует действительности. Принципиальное решение об агрессии было принято в Берлине намного раньше до подписания «пакта Молотова-Риббентропа».

Подготовка к нападению на Польшу была начата в апреле 1939 года. 3 апреля верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) подготовило проект «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939 – 1940 годы», который был утвержден Гитлером 11 апреля. В соответствии с этим документом польская война планировалась как локальная кампания, в которую не будут вовлечены остальные державы. К моменту подписания «Директивы» нацистское руководство предполагало, что Англия и Франция вступаться за Польшу не станут, а от Советского Союза Польша помощь никогда не примет [13, с. 77].

23 мая можно считать окончательной датой принятия нацистским руководством принципиального решения о войне против Польши. Однако дата начала войны назначена не была; для этого Берлину, по-прежнему планировавшему боевые действия против Польши как локальный конфликт, следовало добиться политической изоляции Варшавы.

Немецкие войска уже были готовы к нападению, когда 25 августа 1939 г. стало известно о подписании польско-британского договора о взаимопомощи. Для Берлина это был серьезный удар: получалось, что Лондон собирается вступаться за Варшаву. Приказ о нападении на Польшу был отменен, после чего последовала новая серия дипломатических контактов между Берлином и Лондоном. Ситуация прояснилось, когда Лондон 28 августа 1939 г. передал через Муссолини в Берлин информацию о том, что «если урегулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков «коридора» Германии то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны» [13, с. 81].

ЛИТЕРАТУРА

1. В Польше напомнили РФ, что она помогла развязать Вторую мировую войну // ZN, UA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zn.ua/WORLD/v-polshe-napomnili-rf-chto-ona-pomogla-razvyazat-vtoruyu-mirovuyu-voynu-321893_.html. – Дата доступа: 28.06.2019.
2. Год кризиса. 1938–1939: док. и материалы: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. – Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / А. П. Бондаренко [и др.]. – 1990. – 555 с.
3. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 2: Январь – август 1939 г. / А. П. Бондаренко [и др.]. – 1981. – 415 с.
4. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. / Г. К. Жуков. – М.: Олма-пресс, 2002. – Т. 1. – 2002. – 415 с.
5. Документы и материалы кануна второй мировой войны: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. – Т. 2: Архив Дирксена (1938–1939 гг.). – 1948. – 287 с.
6. Черчилль, У. Вторая мировая война: Надвигающаяся буря. Адольф Гитлер. Сумерки войны. Национальная коалиция. Битва за Англию; Воспоминания. Мемуары / У. Черчилль; пер. А. И. Усачевой. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. – 576 с.
7. Сиполс, В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941 / В. Я. Сиполс. – М.: Междунар. отношения, 1997. – 448 с.
8. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / М-во иностр. дел Российской Федерации. – М.: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. / В. Г. Комплектов [и др.]. – 1992. – 712 с.
9. Случ, С. З. Внешняя политика СССР накануне и в начале Второй мировой войны. Образы советской историографии. Обзор советской историографии (1985–1991) / С. З. Случ // СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / [отв. ред. и сост. С. З. Случ]: Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 26–188.
10. Европа в международных отношениях 1917–1939: сб. науч. ст. / Ин-т всеобщей истории Акад. наук СССР; редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М., 1979. – 440 с.
11. История внешней политики СССР. 1917–1985: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. – 5-е изд. – М.: Наука, 1976. – Т. 1: 1917–1945 гг. / ред. А. А. Громыко [и др.]. – 1986. – 536 с.
12. СССР – Германия. 1939–1941: сб. док. / сост.: Ю. Фальштинский. – Нью-Йорк: Телекс, 1989. – 192 с.
13. Дюков, А. Р. «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах / А. Р. Дюков. – М.: Фонд «Историческая память», 2009. – 176 с.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НАКАНУНЕ ПОДПИСАНИЯ ПАКТА МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

Гавриловец Л.В. (г. Мозырь, Беларусь)

Сближение Третьего Рейха и Советского Союза, которое еще зимой 1938/1939 года казалось международным наблюдателям немислимым, тем не менее осуществлялось в рамках проводимой международной политики, которая возникла как дипломатическое примирение на руинах так называемой «мюнхенской системы». Первый этап европейской политики Германии начался с того, что польское правительство отказалось удовлетворить какие-либо требования Германии, а именно 21 марта 1939 г. Риббентроп предъявил польскому послу требования германской стороны передачи ей Гданьска и экстерриториальных магистралей и железной дороги в «польском коридоре». В марте этого же года последовало заявление с британской стороны о предоставлении гарантий для Польши. Тем более что Германии удалось добиться приобретения нового опорного пункта на Балтийском побережье в непосредственной близости и угрожающем соседстве с Польшей. Второй этап – это период с мая по июль 1939 г., когда одновременно западные державы и германская дипломатия заявили о своем благоприятном отношении к СССР. Третий и можно сказать последний этап в двусторонних отношениях – август 1939 г., когда Адольф Гитлер взял на себя инициативу провести решительные переговоры по вопросам, затрагивающим стратегические интересы Третьего рейха и СССР, в том числе вопрос о роли и месте Польши в нацистской концепции организации нового порядка в Европе.

26 января 1934 г. в Берлине была подписана польско-германская декларация о неприменении силы. Декларацию подписали министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрати польский посол в Берлине Юзеф Липский. Документ был подписан по инициативе А. Гитлера и Ю. Пилсудского и известен также как пакт Пилсудского – Гитлера, который способствовал временной нормализации отношений между двумя государствами. Для Польши заключение данного договора с Германией казалось в целом, благоприятным, тем более что это стало величайшим достижением польской дипломатии с момента подписания Версальского договора, заключения союза с Францией (февраль 1921 г.) и Рижского договора с Советской Россией (март 1921 г.). Соглашение о ненападении укрепило безопасность Польши и подтвердило ее статус-кво, но не затронуло вопрос о границах [3, s. 325].

Для А. Гитлера, который навязал германскому народу соглашение с Польшей явно против его стремлений – взаимоотношения с польским государством были лишь отправной точкой для реализации более широких планов германского руководства. Все указывало на то, что германское руководство во главе с Гитлером заключило данное соглашение по тактическим причинам и прежде всего для нейтрализации Польши, которой из всех стран Центральной и Восточной Европы наиболее угрожала Германия, и по этой причине она была заинтересована в проведении идеи «превентивной войны» против Германии.

В 1934–1938 гг. в связи с нормализацией польско-германских взаимоотношений руководство Германии приходит к убеждению, что Польша может быть полезным партнером, тесное сотрудничество с которым необходимо развивать и дальше. Географическое расположение Польши в планах германской дипломатии предопределило ее на роль «восточного барьера» во время войны в Европе, предусматривающего защитить Германию от возможного вмешательства Советского Союза, если последняя будет вовлечена в вооруженный конфликт на западе. Однако такая роль не устраивала польское руководство. А. Гитлер не мог понять, почему Польша, которая в 1920 г. пыталась ослабить и сломить большевиков, на рубеже 1938 и 1939 гг. не хотела возвращаться к антисоветской политике, тем более что Германия предложила ей свою поддержку. Германское руководство не понимало сущности польской «политики баланса» [2, s. 44].

В 1937 г. были реальными шансы на нормализацию польско-германских отношений и их дальнейшее развитие, но Германии следовало признать тот факт, что польское государство не эфемерно, что это нация со своим историческим прошлым, которая имеет право на жизнь. Только на этой платформе можно было обеспечить в Европе спокойное и светлое будущее. Многочисленные высказывания Гитлера в период с мая 1933 г. по январь 1939 г. создали у польских политиков впечатление о том, что германское правительство рассматривает польское государство как постоянный фактор в европейской политике и соседа, с которым Германия должна как-то формировать свои отношения. В действительности Польша нужна была Германии для того, чтобы сыграть роль антирусского «барьера», в свою очередь Польше следовало отказаться от политики «маневрирования» между Германией и СССР и принять статус союзника, который строго подчиняется. Польша должна была стать «младшим партнером» среди союзников Германии, и возможно заняла бы даже привилегированное место. Как считали некоторые германские исследователи «пакт с Польшей» в 1934 г. вывел Германию из изоляции и с самого начала Гитлер рассматривал Польшу как возможного союзника в борьбе против Советского Союза [5, s. 45].

Соглашение с Польшей на германских условиях позволило бы Третьему Рейху осуществить первое наступление на западе – против Франции, затем вести войну против Советского Союза во имя завоевания «жизненного пространства». Однако польское правительство не желало занимать обозначенное ей германским руководством место, и хотело проводить независимую «политику баланса» между двумя великими соседями, потому что только она способствовала бы сохранению независимости и политической самостоятельности польского государства в Европе [1, s. 9].

В декабре 1938 г. заместитель министра иностранных дел Польши Ян Сембек отметил, что «политика баланса» становится иллюзией, и как в дальнейшем будут строиться взаимоотношения с Германией не ясно. Тем более, как отмечал Я. Сембек, «сохранять баланс между СССР и Германией становится все труднее» [6, s. 58]. Таким образом, Польша столкнулась с проблемой выбора дальнейшей политики. Несомненно, польскую «политику баланса» Гитлер намеревался терпеть только временно. Осенью 1938 г. Польша занимает ключевую позицию во внешней политике Германии и от ее отношения относительно немецких планов зависели дальнейшие действия Третьего Рейха на международной арене.

24 октября 1938 г. министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп представил польскому послу в Берлине Йозефу Липскому проект «общей договоренности» по спорным вопросам в польско-германских отношениях. Предложения германской стороны, как известно, предусматривали включение свободного города Гданьска в состав Рейха и передачи экстерриториальных автомагистралей и железной дороги от Рейха до Восточной Пруссии через польскую территорию (Померания), а также правительство Германии требовало, чтобы Польша присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Взамен германская сторона предложила заключить сроком на двадцать пять лет Договор о дружбе и сотрудничестве, в котором обе стороны будут гарантировать неприкосновенность границы, правда с оговоркой о проведении консультаций, т.е. обязательством сторон согласовывать свою международную деятельность.

Принятие предложений Германии сделало бы Польшу зависимым союзником Третьего Рейха, поэтому польское руководство не спешило с ответом. Как известно германская сторона свой проект представила польскому руководству несколько раз с октября 1938 г. по март 1939 г. Окончательно германские предложения были отклонены в марте 1939 г., несмотря на то, что польское правительство высоко оценило нормализацию польско-германских отношений, выстроенных с 1934 года. Риббентроп в ультимативной форме пригрозил польскому послу и отметил, что польскому правительству не следует создавать у Гитлера впечатление, будто Польша отвергает все его предложения. 26 марта польское правительство вручило Германии меморандум, отклонявший ее требования. Передавая меморандум Риббентропу, посол Липский добавил, что, «если Германия в дальнейшем в какой-либо форме будет настаивать на своих планах, в особенности в отношении передачи Гданьска Рейху, это означало бы войну с Польшей» [2, s. 47]. Таким образом, Гитлеру не удалось включить польское государство в германскую систему восточных альянсов.

28 апреля 1939 г. Гитлер заявил с трибуны рейхстага, что Гданьск – немецкий город и что гданьская проблема так или иначе будет решена в пользу Германии. Принятие же Польшей английских гарантий представляет угрозу для Германии, и поэтому она денонсирует германо-польский пакт о ненападении от 26 января 1934 года. Еще 11 апреля 1939 г. А. Гитлер утвердил «директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939/1940 год». 10 мая 1939 г. был подписан дополнительный документ, касавшийся экономических целей Германии в предстоящей войне. В нем предписывалось захватывать польские промышленные предприятия «по возможности неразрушенными», быстро овладеть важнейшими промышленными районами – Верхней Силезией и Тешинской областью, имеющими «большое экономическое значение». Очевидно, что война с Польшей рассматривалась Гитлером лишь как ступень к решающей схватке с основными соперниками Германии – Англией и Францией [4, с. 17].

Необходимо отметить, что британское правительство считало лучшей гарантией для Польши удовлетворение германского требования о статусе вольного города Гданьска, правда, с предоставлением гарантий сохранения независимости Польши. Однако для двух стран не было никакой возможности пойти на компромисс, так как Польша не собиралась выполнять требования Германии, а Гитлер идти на какие-либо уступки.

В ходе предварительных секретных переговоров между Германией и СССР были достигнуты договоренности, приведшие к подписанию в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Риббентропом и народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым пакта о ненападении. В секретном протоколе к договору разграничивались «сферы интересов» Германии и СССР в Восточной Европе: большая часть Польши за исключением восточных областей становилась немецкой «сферой интересов», соответственно Восточная Польша – «сферой интересов» СССР. Гитлер таким образом пытался избежать опасности ведения войны на два фронта и обеспечить свободу действий Германии в Польше и на Западе.

Неоспоримым является тот факт, что в 1934–1938 гг. основной, хотя, вероятно слабой и недостаточной гарантией статус-кво в Центральной и Восточной Европе были мирные отношения между Польшей и Германией. Однако эти отношения рухнули в марте – апреле 1939 г. Европа оказалась перед лицом неизбежной войны, хотя многие из тогдашних политиков жили иллюзией того, что находящийся под угрозой исчезновения мир может быть спасен путем удовлетворения территориальных претензий Гитлера по примеру мюнхенской модели 1938 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fiedor, K. «Lebensraumideologie» w systemie przygotowań społeczeństwa Trzeciej Rzeszy do wojny / K. Fiedor // Niemcy w polityce międzynarodowej 1919–1939 / Pod red. S. Sierpowskiego. – T. IV Na przełomie pokoju i wojny. – Poznań, 1992. – S. 9–49.
2. Kornat, M. Droga Niemiec do paktu Ribbentrop-Mołotow i sprawy polskie (wydarzenia i interpretacje) / M. Kornat // Pamięć i sprawiedliwość. – 2008. – № 1(12). – S. 41–59.
3. Lapter, K. Pakt Piłsudski-Hitler. Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 r. / K. Lapter. – Warszawa : Książka i Wiedza 1962. – 329 s.

4. Павлов, Н. В. Внешняя политика третьего рейха (1933–1945) [Электронный ресурс] / Н. В. Павлов // МГИМО. – 2012. – № 1. – Режим доступа: https://mgimo.ru/files/210929/III_reich.pdf. – Дата доступа: 28.06.2019.
5. Wandycz, P. S. Historyczne dylematy polskiej polityki zagranicznej / P. S. Wandycz // Z dziejów dyplomacji. – London : Polonia, 1988. – S. 45–58.
6. Zacharias, M. J. Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936 / M. J. Zacharias. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. – 300 s.

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1937–1945 ГГ. И КОРЕЙСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В МАНЬЧЖУРИИ

Гайкин В.А. (г. Владивосток, Россия)

Общепринятая версия о начале 1 сентября 1939 г. глобального конфликта получившего название Вторая мировая война – это отражение европоцентристского взгляда на историю и мировую политику, согласно которого Европа является геополитической доминантой, «первой скрипкой» миросообщества. Если сменить «курс» то можно предположить, что глобальный конфликт начался с масштабных боевых действий на Дальнем Востоке – вторжения в Китай японской армии в июле 1937 г.

Одной из ярких страниц сопротивления японской агрессии была вооружённая борьба в районах Маньчжурии, граничащих с Кореей, в какой то (пусть в малой) степени препятствующая реализации агрессивных планов Японии против СССР. Главными «действующими лицами» здесь были корейские партизаны, поскольку это была территория населённая корейскими иммигрантами (1 млн. чел. на 1937 г.), которые и стали человеческим ресурсом антияпонской борьбы в этом регионе.

В 1936 г. партизанское антияпонское движение в Маньчжоуго вспыхнувшее в 1932 г. было в основном разгромлено. В 1937 г. значимые очаги сопротивления сохранились в основном только в горных и лесных районах Северной Маньчжурии, граничащей с СССР и Юго-Восточной Маньчжурии, возле границы с Кореей – Цзяньдао, Дунбяньдао (Цзяньдао – провинция Маньчжоуго с преимущественно корейским населением, Дунбяньдао – районы Маньчжурии, примыкающие к пограничной с Кореей р. Ялуцзян). Одним из известных партизанских командиров в этом районе был кореец Ким Сонджу, взявший псевдоним Ким Ирсен. Отряд, которым он командовал в разные годы насчитывал от 200 до 500 бойцов.

Для политической работы среди корейского населения Маньчжурии под эгидой компартии Китая в приграничных с Кореей районах в 1936 г. было создано «Общество возрождения отечества» и его отделения в Корее [4, 422]. Из материалов допросов членов «Общества возрождения отечества», арестованных японскими карательными органами, видно, что фактическим руководителем Общества был Ким Ирсен [6, т. 6, с. 586-648]. Основным районом действий отряда Ким Ирсена (численностью около 300 бойцов) был Дунбяньдао [4, 410]. Кроме отряда Ким Ирсена, в Дунбяньдао действовали партизанские отряды Цао Яфана, Чэ Хёна (впоследствии министр обороны КНДР), Ан Кучёна, Ван Тэтая, Цао Куана, Ман Суна, Ван Фэнко, У Ичана [8, 1936 №78-93, 1937, №1-26]. Общая численность бойцов партизанских отрядов Дунбяньдао (большинство из которых были корейцами) составляла к сентябрю 1936 г. по японским оценкам, 5520 человек. Из них в отрядах компартии сражалось 2590 бойцов, отряды националистов насчитывали 1720 человек, численность крестьянских отрядов и хунхузов составляла 1210 человек [9, 6].

Сами по себе рейды партизан в Корею не наносили большого ущерба колониальному режиму. Однако тот факт, что по ту сторону границы существуют корейские партизанские отряды, стимулировал антияпонское сопротивление в Корее. Кроме того, Дунбяньдао предстояло стать «Маньчжурским Руром» – районом, где на базе богатых рудных месторождений японцы планировали создать добывающую и металлургическую промышленность. В результате карательных операций численность партизан в Дунбяньдао уменьшилась к январю 1937 г. по сравнению с сентябрём 1936 г. более чем в два раза (до 2595 бойцов). Из них в отрядах под руководством компартии воевало 1340 человек, численность националистических группировок составила 395 человек (уменьшение в 4 раза), «беспартийные» крестьянские отряды и хунхузы насчитывали 860 человек [9; 65,66].

Осенью 1937 г. японские жандармы, напав на след «Общества освобождения отечества», провели серию арестов в уезде Чанпай (Маньчжурия) и в пограничных с Китаем районах Кореи. На маньчжурском берегу р. Ялуцзян в ноябре – декабре было схвачено 700 патриотов. В Корее полиция арестовала 166 подпольщиков [6, т.6, с.7]. Осенью 1937 г. японская полиция доложила о прекращении деятельности «Общества возрождения отечества». Трудно было и националистам. «Корейская революционная армия» таяла под ударами карателей. Остатки Армии влились в отряд Ким Ирсена в 1938 г. В том же году сдались японцам командующий «Корейской революционной армией» Ким Хвальсок, начальник военного отдела Ким Тухва [3, 77].

По японским данным, на декабрь 1938 г. в приграничных с Кореей районах Маньчжурии продолжали борьбу 3400 партизан – коммунисты, националисты, крестьянские (беспартийные) отряды. Из них в отрядах компартии сражались 2825 бойцов. По свидетельству японского полицейского издания, в этом районе «главные бандиты – Ян Цзиньюй и Ким Ирсен», уничтожение их – «важнейшая цель карательных операций» [4, 255].

Японцы продолжали операции по борьбе с партизанами в Восточной Маньчжурии. С октября 1938 г. по февраль 1939 г. в провинции Тунхуа в боях с карателями погибли 340 партизан, 106 были взяты в плен, 608 сдались. В 1938 г. в этой провинции из 900 партизан 500 были корейцами [11; 224, 225].

В 1940 г. в Дунбяньдао действовали корейско-китайские отряды Ян Цзиньюя, Пак Тыкпома, Ли Чхаммо, Ким Ирсена, Цао Яфана, Чэнь Ханьчжана, Вэй Чженминя, Ан Санкиля, Чон Гвана, Хан Инхва, Чэхёна (Ян Цзиньюй убит в бою в феврале 1940 г., Пак Тыкпом захвачен в плен в декабре 1940 г., Цао Яфан погиб в апреле 1940 г., Чэнь Ханьчжан убит в декабре 1940 г., Вэй Чженминь убит в марте 1941 г.). В январе 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (восточная часть провинции Цилинь, провинции Цзяньдао, Тунхуа), по данным японским военным сводкам, партизаны провели 37 боёв с карателями, в которых участвовало 4295 партизан [7, 1940]. В сентябре 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии произошло 34 столкновения партизан с японскими частями, в которых участвовало только 385 инсургентов [7].

В конце 1940 г. из 4-5 отрядов, действовавших на юго-востоке Маньчжурии, на первое место по значимости японцы ставили отряд Ким Ирсена. Однако реальной угрозы для японцев ни отряд Ким Ирсена, ни другие отряды этой зоны в 1940 г. уже не представляли. Партизаны в 1940 г. были чаще всего обороняющейся стороной. Инициативой полностью владели каратели. Основная цель партизан была уже не борьба с японскими оккупантами, а выживание в невероятно трудных условиях. В летне-осенний период партизаны нападали на «стратегические деревни» или на небольшие отряды лесной полиции для пополнения запасов продовольствия, одежды. С наступлением зимы активность инсургентов резко снижалась. Патриоты несли большие потери в боях с преследовавшими их карателями и поэтому старались избегать кровопролитных столкновений с превосходящими силами противника.

К концу 1940 г. японцам удалось почти полностью подавить вооружённое сопротивление корейских партизан в Маньчжурии (как и китайских). Так общее количество инсургентов на юго-востоке Маньчжурии, принимавших участие в боях, сократилось в сентябре 1940 г. по сравнению с январём 1940 г. в 11 раз [7]. Осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (основном районе действий корейских партизан) продолжало борьбу не более 400 патриотов (по всей Маньчжурии – 1600 партизан) [5, 26]. Для сравнения только полицейских-корейцев в Цзяньдао насчитывалось 4013 человек (по всей Маньчжурии 6890 человек), членов отрядов самообороны-корейцев в Цзяньдао – 12376 человек (по всей Маньчжурии 12875 человек) [2; 2,8]. С октября 1939 г. по март 1941 г. в боях в Дунбяньдао погибло 1282 партизана, захвачено в плен 896, сдались 1040 инсургентов [10, 293]. По мнению многих исследователей, после 1940 г. вооружённое анти-японское сопротивление практически сошло на нет [1; 99, 100, 12; 289, 290]. К 1941 г. в Маньчжурии, по японским оценкам, насчитывалось всего 510 партизан, из них 50% находилось в коммунистических отрядах, которые в 1942 г. перешли на территорию СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мазуров В.М. Антияпонская вооружённая борьба корейского народа. // В.М. Мазуров. – М. 1958.
2. Мансю кокунай бусо дантай тэсахё (Вооружённые формирования в Маньчжурии). – Б.м., 1940.
3. Мансюкоку кэйсацу гайё (Обзор полиции Маньчжоу-го). – Б.м., 1940.
4. Сайкин ни окэру тэсэн тиан дзёкё 1938 нэн (Общественный порядок в Корею в настоящее время 1938г.). – Токио, 1966.
5. Сина оёби Мансю но тиан дзёкё 1941 (Общественный порядок в Китае и Маньчжурии на 1941). – Б.м., 1942.
6. Тэсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей): в 10 томах. – Токио, 1970 – 1971.
7. Тиан гайкё гаппо (Ежемесячный бюллетень состояния общественного порядка). Б.м., 1940, №1,2,3,4,7,9).
8. Хокубу тохэндо тайбацу дзёхо (Сообщения о карательных операциях в северном Дунбяньдао). – Тунхуа, 1936, №78-93; 1937, №1-26.
9. Хокубу тохэндо тихон косаку сого хококу (Сводный доклад о работе по умиротворению северной части Дунбяньдао). – Б.м., 1937.
10. Chong-sik Lee. Revolutionary struggle in Manchuria. // Lee Chong-sik – Berkley-Los Angeles, London, 1983.
11. Scalapino R.A., Chong-sik Lee. Communism in Korea. // R.A. Scalapino, Lee Chong-sik. – Berkley-Los Angeles, 1972, part 1.
12. Suh Dae-Sook. The Korean communist movement 1918-1948. Sook Suh Dae. – Princeton (N.J.), 1967.

ЗНАЛ ЛИ ПИЙ XII О ХОЛОКОСТЕ: К ВОПРОСУ О МОЛЧАНИИ ПАПЫ

Жданова Е.С. (г. Москва, Россия)

Вопрос нацистской национальной политики не мог обойти стороной Святой престол. В Ватикан регулярно поступали сведения о депортациях и убийствах; основной поток информации шел через апостольских нунциев (особенно активными в этом деле были Йозеф-Эрнест ван Рой в Бельгии, Ронкалли в Турции, Кассуло в Румынии, Ротта в Венгрии – «выдающиеся спасители жизней» [6, с.205]). Благодаря их активным действиям, на некоторых территориях действительно удавалось приостанавливать депортации. Также информация поступала через дипломатических представителей, аккредитованных при Ватикане: так, Стефан Вайз, раввин Американского еврейского конгресса, получив информацию о производстве мыла из тел убитых в концлагерях, немедленно сообщил ее представителю Великобритании при Святом престоле Фрэнсису Осборну, чтобы тот далее передал новости в Ватикан [1, с.6].

По всей Европе церковь пыталась высказаться в поддержку евреев. В Голландии на предложение Рейхс-комиссариата оставить в покое лишь евреев, обращенных в католичество до 1941 года, католические священники ответили отказом, требуя сохранить жизнь всему еврейскому населению. Это послужило поводом для депортации абсолютно всех евреев из Нидерландов [2, с.286] (протестантские священники промолчали, чем сохранили жизни евреям-протестантам [6, с.132]). Такие действия нацистского главнокомандования пугали церковный клир: любое возмущение против существующего положения могло привести к более страшным последствиям. По воспоминаниям современников, Пий XII говорил: «Мы не должны забывать, что в Германии живут 40 млн. католиков. Какая участь постигнет их после подобной акции [протеста против депортаций] Ватикана?» [12, с.265]. Количество депортированных из Голландии евреев по официальной версии Святого престола составляло 40 тыс.человек. Однако по документам отправлено в концлагерь было 92 человека [2, с.287]. Стоило бы выступление Пия XII жизни 200 тыс.человек (как утверждал понтифик) – вопрос спорный.

Споры историков по теме молчания папы во время Холокоста обосновывается некоторыми апологетами Святого престола тем, что курия была не осведомлена об уничтожении людей, а слухи о газовых камерах и каторжных работах слухами и оставались [11, с.95], так как конкретные доказательства этому отсутствовали. Еще в 1933 году, будучи нунцием в Германии, Эудженио Пачелли говорил: «Нас, епископов, спрашивают, почему католическая церковь не выступает на стороне евреев? Это невозможно, так как борьба против евреев в то же время станет борьбой против католической церкви» [3, 43].

По факту, регулярно поступали письма польских священников, описывающие ужасы концлагерей, сообщения о резне евреев в Хорватии [11, с.97-98], уже упомянутый выше Осборн представил декларацию, содержащую сведения об уничтожении евреев [2, с.291], – эти донесения оставались безответными. В то же самое время, у Святого престола не было представителя в СССР, поэтому, видимо, информация о политике нацистов на территории Советского Союза до папы не доходила (не считая священников, направленных следом за Гитлером на Восток, но вскоре возвратившихся назад по указу понтифика). Однако BBC регулярно передавало сообщения о депортациях на территории СССР, и, даже не слушая радио, Пий XII так или иначе был осведомлен об этой проблеме.

18 марта 1942 года в Ватикане были получены первые официальные агентурные данные о массовом уничтожении евреев в Европе [12, с.409]. В Словакии уже к концу июня 1942 года было депортировано около 52 тыс. человек, а около 30 тыс. еще оставалось в стране [11, с.100-101]. 6 ноября 1942 года секретарь еврейского общества в Триесте Карло Морпурго описал Джованни Монтини (будущему папе Павлу VI) интернирование 1700 человек в лагерь Порто Ре [11, с.120]. Общественность призывала папу сделать официальное заявление, президент Рузвельт через своего представителя в Ватикане просил осудить геноцид [2, с.288-289]. Однако Пий XII продолжал молчать. Лишь в декабре 1942 года увидело свет Рождественское послание папы, в котором он говорил о сотнях тысяч людей, которые без вины и только из-за своей национальности или расы осуждены на смерть или на медленное вымирание [8, с.53]. Было выражено сострадание, сочувствие, но не было осуждения, не было выступления против античеловеческой политики нацистской Германии. Не были названы ни виновники геноцида, ни сами жертвы. Через пару дней после Рождественского послания Осборн сообщал, что на состоявшейся аудиенции с папой тот пообещал, что сделает все возможное для евреев. «Я сомневаюсь, – добавил от себя Осборн, – что будут какие-то публичные заявления» [3, с.316].

Только тогда, когда геноцид в своих огромных масштабах затронул Италию, Святой престол активизировался. Когда пал режим Муссолини, а северная и центральная части Италии были заняты немецкими войсками, возникла опасность массовых депортаций евреев из бывшей итальянской зоны оккупации Франции. До этого момента ни один еврей оттуда не был интернирован в концлагерь [2, с.302]. В сентябре депортировано было 1100 человек.

26 сентября 1943 года лейтенант СС Герберт Капплер предложил итальянским евреям сделку: в обмен на их жизнь СС требовало 50 кг золота в течение 36 часов [11, с.153]. Понимая невыполнимость условия, Капплер увеличил время сначала до 40, а затем и до 44 часов. При помощи всего населения Италии еврейская община начала собирать нужную сумму. Однако, 50 кг золота набрать не могли. Оставался последний вариант – обратиться к папе римскому за помощью. Понтифик предоставил евреям деньги, но только на условиях займа [2, с.302] (о таких условиях пишет исследователь Лапайд [6, с.132], однако исследователь Халецкий в свою очередь, пишет, что никаких условий выдачи денег не было [5, с.123]; в доступных источниках нет документов, касающихся этого конкретного вопроса).

Нужная сумма была собрана и доставлена к 16:00 28 сентября на Виа Тассо в штаб-квартиру гестапо [11, с.153], но депортация была всего лишь делом времени. Уже 29 сентября СС забрало из общества евреев в Риме списки взносчиков, а 16 октября нацисты начали стучать в каждый еврейский дом, сверяя проживающих со списком. Арестовано было 1259 человек, среди которых 896 женщин и детей [11]. **Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, с.155]. После пересмотра списков арестованными остались 1023 человека. Всех их собрали менее чем в полукилометре от Ватикана. 18 октября арестованные (в итоге их было 1007 человек [6, с.132]) были отправлены в Аушвиц. Рядом со Святым престолом тысяча людей была приговорена к смерти, однако протеста с его стороны не последовало.

Узнал Ватикан о депортации через арагонскую принцессу Эльзе Пиньятелли, которая, получив известие об интернировании, направилась прямо к папе. Приняв принцессу и выслушав ее, Пий XII сделал кому-то звонок. Никаких протестов в адрес германских войск не последовало [11, с.159]. Все были уверены, что папа вы-

ступит с заявлением против случившегося, Вайцзекера (представителя Германии при Ватикане) заверяли в готовящейся речи папы [2, с.306] с осуждением действий германского руководства. Луиджи Мальоне, госсекретарь Ватикана, обращался к Вайцзекеру с просьбой прекращения депортаций, Ватикан делал запросы об интернированных, отмечая, что интересуется «крещеными неарийцами» [11, с.167]. В энциклике «Mysticicorporis», появившейся летом 1943 года, Пий XII, давая определение людям церкви, писал, что к ним могут относиться лишь те, «кто принял баню второго рождения» [9]. Некрещеные папу не интересовали. Впоследствии именно Вайцзекер прекратил аресты, действительно обеспокоенный мыслью возможного папского выступления [2, с.312]. Депортации были остановлены. Из всех депортированных евреев выжили 16 мужчин [11, с.155] и одна женщина (Сеттиния Спиццичино) [2, с.310].

Однако не стоит думать, что Святой престол не оказывал никакой помощи «гонимому народу». Понтифик, обсудив с Монтини вопрос о возможном укрытии евреев, 1 октября разрешил принимать их в монастыри [7, с.177]. За период с 1939 до 1944 года Пий XII имел личный контакт со 150-200 евреями; 4000-6000 в этот период получили паспорта, деньги и билеты для бегства в Латинскую Америку [6, с.128]. Не стоит игнорировать и тот факт, что в то же самое время около 9600 евреев находились в Риме и 8500 из них были укрыты католическими монахами и монахинями [6, с.132]. По словам раввина Исраэля Золлера, существовало личное письмо Пия XII, в котором он обращался к священникам с просьбой прятать преследуемых «неарийцев» [6, 133] (существование этого письма не подтверждено). В письмах от трех еврейских деноминаций в концлагерях можно увидеть благодарности папе за особые дары и за живой интерес, проявленный к судьбам несчастных [10, с.340].

В то же самое время 6 февраля 1944 года Ватикан принимает постановление о запрете ношения священнической одежды несвященниками [7, с.224]. Таким образом, многие скрывавшиеся под видом священников и монахов евреи изгонялись из церквей и конвентов. Вероятнее всего, Святой престол пошел на такой шаг, чтобы обезопасить себя от обвинений в покровительстве евреям.

Дипломатические приоритеты для Пия XII стояли на первом месте. Святой престол не хотел рвать отношения с Германией и ее союзниками, так как это могло угрожать позициям самой церкви, и, как великий дипломат, Пий XII сумел официально сохранить нейтралитет своего государства в мировом конфликте. Безусловно зная о мероприятиях, которые проводило нацистское правительство в отношении «неарийцев», понтифик хранил молчание. Однако, до сих пор его молчание у многих вызывает осуждение и непонимание, так как вопрос о том, кто же такой папа в первую очередь – наместник Бога или дипломат – остается актуальным и в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Breitman R. The architect of Genocide: Himmler and the Final Solution / R. Breitman. – London, 1992. – 348 p.
2. Cornwell J. Hitler's Pope: The secret history of Pius XII / J. Cornwell. – New York, 1999. – 512 p.
3. Friedlander S. Nazi Germany and the jews: The years of persecution, 1933-1939 / S. Friedlander. – New York, 1997. – 436 p.
4. From Mr Osborne to Mr Kelly, 28 december 1942 // Stenton M., Hall C. Conditions and Politics in Occupied Western Europe, 1940-1945: (Selected from British Public Record Office FO 371). Brighton, 1984. FO 371/37537. Brighton, 1984. File № 158.
5. Halecki O. Pius XII / O. Halecki. – London, 1954. – 394 p.
6. Lapide P. E. The last three popes and the Jews / P. E. Lapide. – London, 1967. – 384 p.
7. Morley J. F. Vatican diplomacy during the Holocaust / J. F. Morley. – New York, 1980. – 327 p.
8. Phayer M. Pius XII, the Holocaust and, the Cold War / M. Phayer. – Bloomington, 2008. – 333.
9. Pius XII. Mystici corporis Christi [Электронный ресурс] // The Holy See. – Режим доступа – http://w2.vatican.va/content/pius-xii/en/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_29061943_mystici-corporis-christi.html. – Дата доступа: 11. 07. 2019.
10. Rhodes A. The Vatican in the age of the dictators, 1922-1945 / A. Rhodes. – Holt, Rinehart and Winston, 1974. – 383.
11. Zuccotti S. Under his very windows: The Vatican and the Holocaust in Italy / S. Zucotti. – Yale University Press, USA, 2000. – 408 p.
12. Токарева Е. С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии 1922-1943 гг. / Е. С. Токарева. – М., 1999. – 365 с.
13. Фраттини Э. Священный Альянс: Палачи и шпионы / Э. Фраттини. – М., 2007. – 576 с.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУЦИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945): ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИСКУРСЫ

Циватый В.Г. (г. Киев, Украина)

2020 год – станет юбилейным годом для многих важных всемирно-исторических событий, и прежде всего – годом 75-летия окончания Второй мировой войны. Но также в этом году мы будем отмечать и 75-летие создания универсального форума межгосударственного общения и главного институционального элемента современной многосторонней дипломатии – ООН (Организация Объединённых Наций).

ООН – международная организация, созданная в эпоху кардинальных мировых изменений, для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государства-

ми. Процессы институционализации ООН как новой международной институции происходили в особенных международно-политических и дипломатических условиях периода Второй мировой войны как ответ на новые вызовы и угрозы системе международных отношений середины XX века. Устав ООН был утверждён на Сан-Францисской конференции, проходившей с апреля по июнь 1945 года, и подписан 26 июня 1945 года представителями 50 государств. Дата вступления Устава в силу (24 октября) отмечается как День Организации Объединённых Наций. Среди государств-основателей, фундаторов ООН по праву были внесены две союзные республики – Белорусская ССР и Украинская ССР, сыгравшие в последующем важную роль в институциональном развитии новосозданной международной институции.

Накануне 75-летия победы во Второй мировой войне особо актуализируются исторические исследования этого направления. Особое внимание в них уделяется тем объективным и субъективным факторам (институциональным, дипломатическим, социокультурным, внешнеполитическим, военно-стратегическим, геополитическим, экономическим, и т.д.), которые легли в основу достижения великой Победы.

И в историческом прошлом, и в современном мире различные государства в формате международных организаций реализовали свои национальные интересы. Международная организация – это инструмент совместного решения международных проблем, которые касаются интересов нескольких государств или групп их граждан. Международные организации появились из практики работы международных конференций – формы международного сотрудничества, которое имеет древние традиции и исторически обусловленные институциональные основы [9, с. 158-160].

В данной статье основное внимание сосредоточено на анализе международных институтов, которые появились во время Второй мировой войны как ответ на угрозы и новые вызовы военного времени.

Как только началась Вторая мировая война, почти все существовавшие к этому времени международные институты по обеспечению мира, безопасности и сотрудничества перестали функционировать. Начали складываться институты сотрудничества стран, входивших в противостоявшие друг другу блоки – стран «Оси» и стран антигитлеровской коалиции. Естественно, что эти институты имели специфический характер, обусловленный экстремальными условиями, а потому все они являлись временными.

Это были, как правило, встречи глав государств и правительств стран-союзниц, конференции глав государств и правительств и министров иностранных дел. Учреждались комитеты и комиссии для вынесения рекомендаций по решению встававших перед союзниками проблем. На конференциях представителей стран антигитлеровской коалиции определялись: структура руководящих органов, а также цели, задачи и принципы деятельности универсальной организации в послевоенном мире.

В это время родился и очень важный в тот период специфический институт, сыгравший значительную роль в ходе войны. Это был институт *ленд-лиза*. Период Второй мировой войны имеет огромное количество примеров деятельности различных форм международных институтов. Антигитлеровская коалиция – военнополитическая коалиция государств и народов, боровшихся против агрессивного блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов. К окончанию войны в эту институцию входили более 50 государств, но главенствующие позиции занимали её организаторы – СССР, США и Великобритания [2; 3; 5].

Государства, участвовавшие во Второй мировой войне, одним из своих приоритетов в геополитических планах стремились как можно точнее коррелировать экономический потенциал, военные и материальные запасы, пространственные резервы, мобилизационные силы и коммуникационные возможности своих противников. Отсюда вполне природно, что геополитический фактор и оценка потенциальных возможностей отдельных регионов в ходе политико-дипломатических переговоров и в ходе военных действий занимали особое место в расчётах стратегов, как гитлеровского блока, так и антигитлеровской коалиции [7, с. 36-51].

Международные конференции как форма (институция) межгосударственного общения и международного сотрудничества стала нормой в дипломатической практике военного времени. 14-23 января 1943 г. состоялась очередная конференция с участием президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля в Касабланке.

Конференция «Большой тройки» в Тегеране началась 28 ноября 1943 года с общей оценки положения дел на фронтах мировой войны и обсуждения мероприятий по её ускоренному завершению. Главным из них было открытие второго фронта в Европе. Руководители трёх стран уделили значительное внимание в Тегеране будущей международной институции – универсальной организации мира и безопасности, речь о которой шла в декларации Московской конференции четырёх держав.

Важные для судеб мира решения о послевоенном устройстве мира были приняты на второй встрече «Большой Тройки» в г. Ялта. По своей значимости решения Ялтинской конференции (4-11 февраля 1945 г.) могут быть сравнимы с решениями Вестфальского и Венского конгрессов, а также Версальской и Вашингтонской конференций вместе взятых, с которыми связывают новое институциональное развитие и установление качественно нового мирового порядка после крупнейших континентальных и мировых войн. Именно Ялтинская конференция считается самой знаменитой встречей, повлиявшей на дальнейший ход истории и во многом обусловившей особенности современной геополитики [6].

Конференция проходила ещё во время войны, но уже всем было вполне ясно, что Германия геополитически обречена на поражение. Институционализация новой политико-дипломатической конфигурации биполярного мира требовала чёткого раздела сфер влияния, именно поэтому встала острая необходимость заранее предопределить геополитические контуры нового мирового порядка второй половины XX века.

На конференции государств антигитлеровской коалиции и присоединившихся к ним стран в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) был согласован, утверждён и подписан Устав Организации Объединённых Наций. Берлинская (Потсдамская) конференция «Большой тройки», состоявшаяся уже после капитуляции Германии (17 июля – 2 августа 1945 г.), по существу, подтвердила все решения Ялтинской конференции. Свою особую роль в становлении ООН как институции сыграли Белорусская ССР и Украинская ССР [8].

Сфера сотрудничества СССР, США, Великобритании и других держав антигитлеровской коалиции во время войны была весьма разноплановой: они нашли общую почву для организации и координации совместных действий против Германии, а затем и против Японии; выработали общую политику в отношении вывода из войны Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии – союзников гитлеровской Германии; договорились о поддержке национально-освободительной борьбы народов оккупированных гитлеровцами европейских стран; согласовали дипломатическую и разведывательную деятельность; сформулировали и одобрили основные принципы ООН как всемирного органа по обеспечению коллективной безопасности; пришли к соглашению об основных условиях послевоенного мирного урегулирования и институционального устройства, и т.д. [1; 4; 8].

Антигитлеровская коалиция сумела обеспечить победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, продемонстрировав тем самым свой потенциал и институциональные возможности демократического сотрудничества среди большинства государств мира. Но прекратила она своё существование с началом «холодной войны» под давлением новой волны геополитических проблем, не выдержав испытания миром [10; 11].

Таким образом, пять великих держав тогдашнего мира договорились решать все проблемы мира и безопасности на планете путём их единогласия. Они согласились, что итогом работы таких международных институтов как международные конференции военного периода, институциональным закреплением итогов Второй мировой войны станет создание Организация Объединённых Наций (ООН), которая призвана решать все проблемы мира и безопасности на планете путём их единогласия. Итоговая институциональная точка международного сотрудничества по итогам Второй мировой войны была успешно поставлена. Война закончилась, создав геополитический вакуум и институциональное пространство глобального масштаба.

Реалии послевоенного международного порядка, новой институционально-дипломатической и международно-политической системы неотлагательно требовали серьёзного геополитического осмысления. В соответствии с политико-дипломатическими итогами Второй мировой войны – внешнеполитические дилеммы были локализованы, а геополитическая карта и политическая картина мира были всецело изменены. Регулятором международно-политических и межгосударственных отношений должна была стать теперь новая институция – Организации Объединённых Наций (ООН).

ЛИТЕРАТУРА

1. Боротьба за Україну в 1943-1944 рр.: влада, збройні сили, суспільство: Збірник наукових праць / за ред. В.А. Смолія, О.Є. Лисенка. – Київ: Інститут історії України, 2014. – 622 с.
2. Вениамин Аркадьевич Космач: биобиблиографический справочник / сост.: Е.А. Михайлова, Г.А. Тимченко; под ред. Л.В. Потаповой. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – 48 с.
3. Винокуров В.И. История военной дипломатии / В.И. Винокуров. – М.: Светлица, 2010. – Т. 2: Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами (1991-1945). – 640 с.
4. Київ: війна, влада, суспільство. 1939-1945 рр.: За документами радянських спецслужб та нацистської окупаційної адміністрації / Ред. кол. В.А. Смолій, О.Г. Бажан, та ін. – К.: Темпора, 2014. – 864 с.
5. Кондрашов В. В. Военные разведки во Второй мировой войне / В.В. Кондрашов. – М.: Кучково поле, 2014. – 399 с.
6. Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – Кн. 4: Вторая мировая война: Документы и материалы. – 677 с.
7. Мунтян М.А. Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнёрства / М.А. Мунтян // 65 лет Великой Победы: в 6 томах. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – Т. 3: Победа. – С. 36-51.
8. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). – Ф. 62. – Оп. 1. – Спр. 47. – Арк. 7; Ф. 62. – Оп. 2. – Спр. 294. – Арк. 20-25.
9. Ціватий В.Г. ООН у системі координат глобалізованого світу XXI століття: інституціональні традиції, цивілізаційний вимір, сучасні виклики / В.Г. Ціватий // Актуальні проблеми міжнародних відносин: Збірник наукових праць: Інститут міжнародних відносин КНУ імені Тараса Шевченка. – К., 2005. – Вип. 58. – Ч. II. – С. 158-166.
10. Chasseaud Peter. The Times Second World War / Peter Chasseaud. – London, 2019. – 363 p.
11. Feis Gerbert. Churchill, Rusevelt, Stalin. The War They Wayged and the Peace They Sought. A diplomatic History of World War II / Gerbert Feis. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. – 704 p.

ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВОПРОСЕ ПРИЗНАНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ. 1939–1945 ГГ.

Барабаш Н.В. (г. Минск, Беларусь)

Вторая мировая и Великая Отечественная войны привлекали и привлекают отечественных историков к различным ее темам и, в том числе к таким значимым, как вопросы территориально-государственного устройства и проблема границ. Этот вопрос самым непосредственным образом затрагивал национально-государственные интересы Беларуси. Это прежде всего относилось к определению белорусского участка советско-польской границы, который проходил по так называемой «линии Керзона». Великобритания, являясь в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн участником «большой тройки» (СССР, США и Великобритания), активно участвовала в обсуждении послевоенных границ в Европе и, в том числе, послевоенной советско-польской границы. Значительное влияние Великобритании на решение вопроса границ СССР и Польши обуславливалось тем, что в годы войны там находилось польское эмигрантское правительство, которому англичане оказывали всяческое содействие и поддержку.

Отметим, что правительство и лично Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в двухсторонних советско-английских и многосторонних международных конференциях стран-участников антигитлеровской коалиции рассматривали исключительно советско-польские взаимоотношения в вопросе границы. БССР как объект международной политики упоминалась лишь постольку, поскольку линия Керзона, принятая в качестве советско-польской границы, частично проходила по территории Беларуси. Это обуславливалось тем, что БССР до марта 1944 г. (до предоставления республике Конституционного права осуществления международной деятельности и образования Наркомата иностранных дел), не являлась субъектом международного права. Тем не менее и БССР, и ее территориальный статус «незримо» присутствовали и являлись объектом активного обсуждения руководителями стран-участников антигитлеровской коалиции.

Позиция правительства Великобритании в вопросе признания линии Керзона и тем самым белорусского участка-советско-польской границы претерпела кардинальную эволюцию на протяжении Второй мировой и Великой Отечественной войн. Ее возможно разделить на два периода: 1939–1943 гг. и 1943–1945 гг.

Первый период характеризуется тем, что правительство и парламент Великобритании отказались признать советско-польскую границу, установленную в результате воссоединения Западной Беларуси с БССР и подписанием советско-немецкого договора о границе в сентябре 1939 г. Красноречиво это проявилось во время переговоров министра иностранных дел Великобритании А. Идена с И. Сталиным в декабре 1941 г. Так, И. Сталин, обсуждая с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в декабре 1941 г. условия будущего англо-советского соглашения о военной взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, старался добиться согласия Великобритании на признание восточной границы Советского Союза, которая существовала до начала Великой Отечественной войны. Однако А. Иден без одобрения парламента не мог на это согласиться, поэтому переговоры закончились безрезультатно и 22 декабря 1941 г. он вернулся в Лондон [1, С. 83; 2, С. 77].

Нежелание английской стороны учитывать мнение Советского Союза в вопросе послевоенной советско-польской границе заставила И. Сталина очень жестко отреагировать на позицию английской стороны. В мае 1942 г. согласовывая условия англо-советского соглашения И. Сталин жестко заявил: «Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой» [3, С. 105]. Это свидетельствовало о том, что правительство СССР и лично И. Сталин не будут учитывать позицию Великобритании в этом вопросе и учитывая свой военный, экономический, политический потенциал «силой» будут отстаивать границы 1939 г.

На конференции в Тегеране главы СССР, США, Великобритании достигли договоренности о западной границе СССР, за основу которой приняли линию Керзона, без консультаций с представителями польского эмигрантского правительства [4, С. 435–436]. И. Сталин, после того как обосновал позицию СССР относительно советско-польской границы, заявил, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские – Беларуси. Советское правительство придерживается этой точки зрения относительно данной границы и считает это правильным. В результате переговоров, состоявшихся на конференции, было принято предложение У. Черчилля о том, что «очаг польского государства и народа должен располагаться между так называемой линией Керзона и линией реки Одер» [5, С. 133]. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в Тегеране занял принципиальную позицию в вопросе советско-польской границе, что свидетельствовало об изменении позиции английской стороны в этом вопросе по сравнению с 1939 г. Таким образом, решения Тегеранской конференции положили начало второго этапа в эволюции позиции Великобритании в вопросе послевоенной советско-польской границы.

Отметим, что и в парламенте Великобритании, в заявлениях У. Черчилля стали поддерживать законность и обоснованность требований Советского Союза на установление его послевоенной границы по линии Керзона. В начале 1944 г. ряд членов парламента Великобритании поддержали позицию СССР. Так, 24 января 1944 г. «Известия» перепечатали публикацию из шотландской газеты «Скотсмен», в которой было опубликовано письмо члена парла-

мента Великобритании Р. Бутби. В нем подчеркивалось, что «Интересы русских (в противоположность польским) даже не рассматривались комиссией, которая наметила границу, одобренную верховным советом союзных держав в 1919 г. и затем рекомендованную отнюдь не русофилом Керзоном в качестве базы для постоянного соглашения» [6, С. 4]. Здесь же была помещена перепечатка из бюллетеня «Форин корреспондент» о советско-польских отношениях, в которой подчеркивалось, что «Имеются основания полагать, что американское и английское правительства считают советские предложения линии Керзона дружественными и приемлемыми» [6, С. 4].

23 февраля 1944 г. У. Черчилль выступая в Палате общин заявил, что «Россия имеет право обеспечить себя от нападения с запада в будущем и мы намерены всячески помогать ей добиться этого не только силой своих армий, но одобрением и согласием между Объединенными нациями. [...] Я не могу считать, что русские требования обеспечения западных границ страны выходят за пределы разумного или справедливого. Мы со Сталиным также согласились насчет необходимости для Польши получить компенсации за счет Германии как на севере, так и на западе» [7, С. 4].

Позиция У. Черчилля в вопросе советско-польской границы по линии Керзона прозвучала и на советско-польских переговорах в Москве в октябре 1944 г., в которых приняли участие И.В. Сталина, У. Черчилля, С. Миколайчика и представители Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Дискуссии показали, что И.В. Сталин принципиально придерживался позиции «силы» в переговорах с польским эмигрантским правительством С. Миколайчика, несмотря на усилия и посредничество У. Черчилля, склонить последнего к принятию линии границы, предложенной советской стороной. Когда 15 октября 1944 г. С. Миколайчик попытался дискутировать с И.В. Сталиным о линии Керзона, то последний не только не стал учитывать аргументы С. Миколайчика, но демонстративно покинул переговоры [8, С. 65].

Важнейшее значение для международно-правового урегулирования вопроса о советско-польской границе имели решения Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.). Выступив в дискуссии о границах Польши, И. Сталин заявил, что согласие советского правительства с линией Керзона в качестве советско-польской границы – это принципиальная позиция СССР и на большие уступки Советский Союз не пойдёт. После дискуссий главы трёх правительств согласились, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от неё в некоторых районах от 5 до 8 км в пользу Польши [9, С. 322]. На Потсдамской конференции руководителей СССР, США и Англии (17 июля – 2 августа 1945 г.) вопрос о советско-польской границе активно не обсуждался. Участники переговоров согласились, что восточную границу Польши решила Ялтинская конференция [9, С. 322–323].

Таким образом, действия руководства СССР на всех направлениях – военно-политическом, дипломатическом, обеспечили ему успех в вопросе советско-польской границы на условиях, которые удовлетворяли его стратегические национально-государственные интересы. На заключительном этапе Второй мировой и Великой Отечественной войн (1943–1945 гг.) Великобритания согласилась с требованиями Советского Союза и поддержала их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 83;
2. Жуков, Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков / Ю. Жуков. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2000. – 688 с.
3. Носкова А. Ф. Сталин и Польша. Из рассекреченных документов российских архивов // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 105.
4. Ржешевский, О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы и комментарии / О.А. Ржешевский. – М., 2007. – 567 с.
5. Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. – 280 с.
6. Член английского парламента Бутби о советско-польских отношениях // Известия. – 1944. – 24 янв. – С. 4.
7. Выступление У. Черчилля в Палате общин // Известия. – 1944. – 23 февр. – С. 4.
8. Илизаров Б. Польша и поляки в оценках и представлениях Сталина. Между Польшей довоенной и Польшей послевоенной // Историк и художник. 2008. № 1–2 (15–16). С. 65.
9. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.]; рэд-кал.: А. А. Каваленя [і інш.]: Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. Навука, 2008. – 615 с.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ ПЛАНА ООН ПО РАЗДЕЛУ ПАЛЕСТИНЫ

Стрелец М.В. (г. Брест, Беларусь)

29 ноября 2019 года исполнится 72 года с того момента, как Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций (ГА ООН) приняла Резолюцию 181 (II). В Резолюции был прописан план ООН по разделу Палестины. С позиции сегодняшнего дня этот план представляет не только академический интерес. Именно здесь следует искать корни современного ближневосточного проблемного комплекса [3].

Логика дальнейшего изложения требует показать, что представляла собой Палестина до принятия указанного плана. Она управлялась Великобританией на основании мандата, полученного официальным Лондо-

ном от Лиги Наций. Здесь одна часть подданных Георга шестого образовала колониальную администрацию, а другая – была представлена колониальными войсками. Самыми большими этническими группами в структуре населения Палестины были евреи и арабы. Каждая из этих этнических групп, имевшая численное преобладание на определённой территории, стремилась к созданию собственного государства. Это стремление было хорошо известно на Даунинг-стрит, 10. После окончания Второй мировой войны первые лица в системе исполнительной власти британского королевства демонстрировали готовность к предметному обсуждению данного вопроса с заинтересованными сторонами. Но арабских представителей удовлетворяло лишь создание охватывавшего всю Палестину одноименного государства, что означало похороны идеи еврейского государства. Естественно, с этим никак не могла согласиться еврейская сторона. Возник тупик и британское правительство, возглавляемое К. Эттли, посчитало, что будет лучше, если этой проблемой займётся ООН. Реакция ООН была позитивной. Были запущены соответствующие механизмы [2].

Оперативно был решён вопрос о созыве специальной сессии ГА ООН. Именно с ней была генетически связана Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины (ЮНСКОП). Участники спецсессии чётко определились с функциональным назначением комиссии, её составом. Что требовалось от сторон для того, чтобы работа ЮНСКОП оказалась успешной? Договороспособность, высокая политическая ответственность, умение услышать друг друга, непредвзятый разбор аргументов партнёров по переговорному процессу, исключение постоянного стремления к достижению односторонних выгод, способность идти на уступки при соблюдении баланса интересов. Именно это продемонстрировало Еврейское агентство по Палестине (ЕАП), но никак не Высший арабский комитет (ВАК). Позиция первой из названных структур вписывалась в настроения тамошних евреев, а второй – в подходы проживавших на Святой Земле арабов. ВАК поставил во главу угла создание единого независимого палестинского государства с упором на арабизацию Палестины. Большинство членов ЮНСКОП с этим не согласилось и ВАК хлопнул дверью [3].

Комиссия отнюдь не поставит точку в поисках путей решения указанной проблемы. На её заседаниях были высказаны «мнение большинства», «мнение меньшинства». ЮНСКОП приняла их к сведению и проинформировала об их содержании ближайшую регулярную, вторую по счёту сессию ГА ООН, одновременно заявив о прекращении её деятельности.

В чём же выражалось мнение большинства? Большинство государств – членов ЮНСКОП были едины с ЕАП в том, что есть и территориальные, и этнические, и исторические обоснования для того, чтобы возродить еврейскую государственность на Святой Земле при параллельном возникновении арабского государства. Хорошо известно, что история государственности в Палестине начиналась с еврейского государства, покинувшего после себя уникальное цивилизационное наследие. Решившись на исторической важности компромисс, ЕАП согласился с тем, что часть палестинской территории будет совпадать с новым арабским государством, имевшим такой же полный суверенитет, такую же независимость, как и еврейское государство. По «мнению большинства», Иерусалим не должен был входить ни в еврейское, ни в арабское государство, а иметь особый статус. Предполагалось, что ткань отношений между двумя государствами будет формироваться на базе экономического союза. Было чёткое понимание того, что совсем не уместен автоматизм в вопросе о провозглашении независимости указанных государств, что этот акт должен предваряться двухлетним переходным периодом.

«Мнение меньшинства» на корню отсекало двугосударственность. Оно склонялось к тому, что наилучшим решением будет только одно государство, ничем не отличающееся от федеративного. Полностью исключалось гражданство на уровне субъекта федерации. Признавалось гражданство исключительно на федеральном уровне. Предполагалось, что центром федерации станет Иерусалим, что его столичный статус будет подкреплён нахождением здесь федеральных органов исполнительной, законодательной, судебной власти [2].

На второй сессии ГА ООН в течение девяти недель велась детальнейшая разработка плана ООН по разделу Палестины. В качестве отправного варианта было взято указанное выше «мнение большинства». В основном всё было учтено. Ставилась жирная точка в британском контроле над Палестиной. Ушёл в небытие статус подмандатной территории. В полном составе возвращались на туманный Альбион британцы, которые были завязаны на обеспечении этого статуса. Были, конечно, и нюансы по сравнению с «мнением большинства». Евреям и арабам давалось максимум 10 месяцев на провозглашение собственного независимого государства. Новым было и выделение восьми регионов по принципу «шесть плюс два». Шесть – это количество регионов, чётко очерченных на карте и относившихся к новым государствам. Три региона полностью совпадали с арабским государством. Точно такой же была регионализация еврейского государства. Особый статус получал не только священный для трёх мировых религий Иерусалим, но и Вифлеем, который по библейскому преданию является родиной Иисуса Христа. В плане ООН по разделу Палестины Яффо фигурировал как часть территории арабского государства, полностью окружённая территорией еврейского государства. На территории, которая отводилась под еврейское государство, евреи составляли 54,9% всего населения. Что касалось территории проектируемого арабского государства, то здесь нетитульные этносы представлял каждый двенадцатый житель.

Анализируемый план был одобрен 33 голосами «за». 11 членов ООН голосовали «против», 10 воздержались. То, что произошло 29 ноября 1947 года в стенах ООН, имело и прямое отношение к Беларуси.

Во-первых, делегация БССР проголосовала за Резолюцию 181 (II) [3].

Во-вторых, принятие данного документа во многом стало возможным благодаря блестящему выступлению нашего земляка Андрея Андреевича Громыко, который в то время являлся Постоянным представителем СССР в ООН. Эта речь была из разряда тех, которые называют дипломатической классикой. Выдающийся дипломат двадцатого века всё сказанное подчинил доказательству тезиса: альтернативы созданию еврейского государства на территории Палестины нет и быть не может.

Он прекрасно знал, что арабские дипломаты вели активнейшую обработку своих коллег из разных государств с целью недопущения принятия Резолюции 181 (II). Поэтому в речи акцент был сделан на показе несостоятельности их доводов. Приведём, пожалуй, самый сильный пассаж из речи будущего главного советского дипломата: «Представители арабских стран указывают на то, что будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы уже потому, что еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени. Кроме того, мы не можем упускать из виду положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны. Нелишне напомнить и сейчас о том, что в результате войны, навязанной гитлеровской Германией, евреи как народ претерпели больше, чем какой-либо другой народ. Вы знаете, что в Западной Европе не оказалось ни одного государства, которое сумело бы защитить в должной степени интересы еврейского народа от произвола и насилия со стороны гитлеровцев» [1].

Выступление советского постпреда гармонировало с подходами ЕАП, горячо приветствовалось евреями всего мира. В Палестине появился даже киббуц имени Громыко.

На следующий день после принятия Резолюции 181 (II) арабская сторона стала с помощью военного аргумента добиваться того, чтобы от неё не осталось камня на камне. Ещё за пять дней до утверждения плана ООН по разделу Палестины первое лицо в ВАК Джамал аль-Хусейни расставляет все точки над «i»: «Палестина будет охвачена огнём и кровью, если евреи получат хоть какую-нибудь её часть» [4]. К сожалению, война 1947–1949 гг., которая с провозглашением Государства Израиль станет называться арабо-израильской, окажется далеко не единственной. Надо иметь в виду и то, что ближневосточный узел не развязан до сих пор.

И всё-таки хотелось бы закончить доклад на оптимистической ноте. Не лишне вспомнить, за что наши земляки Менахем Бегин и Шимон Перес были удостоены Нобелевской премии мира. 26 марта 1979 года президент Арабской Республики Египет Анвар Садат и премьер-министр Государства Израиль Менахем Бегин скрепили своими подписями египетско-израильский мирный договор. 13 октября 1993 года премьер-министр Государства Израиль Ицхак Рабин и председатель Организации Освобождения Палестины Ясер Арафат подписали Декларацию о принципах временного управления палестинцев, в подготовке которой ключевую роль сыграл тогдашний глава израильского внешнеполитического ведомства Шимон Перес [5]. Остаётся надеяться, что в арабских странах вновь появятся руководители, с которыми израильская сторона сможет достичь прорывных соглашений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громыко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/59380>. – Дата доступа: 02.05.2019.
2. Организация Объединённых Наций и урегулирование арабо-израильского конфликта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: elar.urfu.ru/bitstream/10995/39477/1/uiibch_2007_02_73.pdf. – Дата доступа: 12.04.2019.
3. План ООН по разделу Палестины – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/План_ООН_по_разделу_Палестины. – Дата доступа: 22.04.2019.
4. Семьдесят назад начался новый этап войны Израиля за независимость – Газета.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru> › Наука › История. – Дата доступа: 12.02.2019.

НДХ У ХАРВАЦКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯШІ: КАНСТРУКТЫВІСЦКІ ПАВАРОТ І ПРАБЛЕМЫ РЭВІЗІЯНІЗМУ

Кірчанаў М.В. (г. Варонеж, Расія)

У заходняй гістарыяграфіі тэрмін «рэвізіянізм» выкарыстоўваецца для апісання інтэлектуальных і гістарыяграфічных з'яў, якія прадугледжваюць радыкальны адмову ад старых інтэрпрэтацый, ранніх формаў і метадаў апісання / напісання гісторыі. На Захадзе рэвізіянізм развіваецца як некалькі розных формаў антысэмітызму і спробаў перапісвання гісторыі ў рэчышчы акадэмічнай гістарыяграфіі. Прэзідэнт Амерыканскай Гістарычнай Асацыяцыі Джэймс Макфэрсон ў 2003 годзе падкрэсліваў прыняццё значэнне рэвізіянізму і перагляду уяўленняў пра мінулае для гісторыка [11]. У цэнтры аўтарскай увагі ў гэтым артыкуле будуць формы і праявы рэвізіянізму ў харвацкай гістарыяграфіі ў кантэксце тых момантаў нацыянальнай гісторыі, якія ў значнай ступені з'яўляюцца прычынамі шматлікіх адначасова акадэмічных і палітычных дэбатаў і супярэчнасцяў.

Рэвізіянізм стаў важным фактарам у гістарыяграфічнай харвацкай сітуацыі. Гістарычны рэвізіянізм у Харватыі з'яўляецца «новым рэвізіянізмам», які адрозніваецца ад класічнага, «старага», гістарычнага

рэвізіянізму. Новы рэвізіянізм заклапочаны пераглядам наратыву, прапаноўваючы новы дыскурс напісання гісторыі. Гістарычныя наратывы, якія ў харвацкай гістарыяграфіі, былі падвергнуты дэканструкцыі былі следствамі інстытуцыяналізацыі аўтарытарнага палітычнага рэжыму і абслугоўвалі яго інтарэсы. Харвацкі гранд-наратыў актыўна апелюе да ідэй дзяржаўнай і палітычнай пераемнасці і бесперапыннасці ў гісторыі дзяржаўнасці. Харвацкія інтэлектуалы схільныя пераглядаць гісторыю НДХ – Незалежнай Дзяржавы Харватыі – якая існавала ў перыяд сусветнай вайны, што стымулюе дэбаты з сербскай гістарыяграфіяй, схільнай дэманізаваць НДХ, суадносячы яе ў гістарычнай памяці сербаў з генацыдам і ваеннымі злачынствамі.

Нягледзячы на адносна кароткую гісторыю НДХ, яе палітычная і гістарычная спадчына ў гісторыі як Харватыі, так і Сербіі не выклікае сумненняў, але ў сербскай і харвацкай гістарычнай памяці склаліся розныя версіі ўспрымання гісторыі НДХ. У сербскай гістарыяграфіі перыяду СФРЮ [1] НДХ падвяргалася паслядоўнай дэманізацыі. Харвацкая гістарыяграфія ўспрымала НДХ некалькі інакш [9]. З аднаго боку, харвацкія гісторыкі, сутыкаючыся з выклікамі і патрабаваннямі ідэалагізацыі, фармальна асуджалі НДХ, але фактычна гістарычная і палітычная памяць ўспрымала НДХ як форму харвацкай незалежнай дзяржаўнасці, і мясцовыя гісторыкі аддавалі перавагу пісаць гісторыю НДХ як падзейную, пазбягаючы крайніх ідэалагічных ацэнак.

Распад СФРЮ прывёў да радыкальных зменаў у гістарыяграфіі як Сербіі, так і Харватыі [2], дзе нацыяналізм стаў асноўным модусам апісання і напісання гісторыі. Гэтыя тэндэнцыі справакавалі своеасаблівы выбух памяці ў сербскім і харвацкім грамадствах. Калі ў СФРЮ харвацкія і сербскія гісторыкі былі вымушаныя шукаць кампраміс, то з распадам федэрацыі неабходнасць у гэтым фактычна адпала, дазволіўшы як сэрбскім, так і харвацкім гісторыкам культываваць каштоўнасці і прынцыпы сербскага і харвацкага нацыяналізмаў.

Рэвізія гісторыі з боку харвацкіх інтэлектуалаў мела стымулы ў форме ініцыятывы прадстаўнікоў палітычных элітаў, уключаючы Фр. Туджмана, які паклаў пачатак перагляду гістарычных фактаў харвацкай гісторыі ў сваёй кнізе «Пусткі гістарычнай рэчаіснасці: даследаванне пра гісторыю і філасофію гвалту» («Bespruca povijesne zbiljnosti: rasprava o povijesti i filozofiji zlosilja» [13]). Распад СФРЮ і з'яўленне новых дзяржаў прывёў да палітызацыі гісторыі і яе міграцыі са сферы акадэмічных дыскусій ў цэнтр палітычных дэбатаў. Гісторыкі Харватыі апынуліся закладнікамі палітычнай і ідэалагічнай кан'юнктуры і былі вымушаныя актуалізаваць не самыя лепшыя якасці сваёй карпарацыі, уключаючы сервільнасць.

Харвацкая гістарыяграфія пакутуе ад родавых траўмаў аўтарытарнага вопыту. Таму такія інтэлектуальныя з'явы як міталагізацыя, а таксама крайняя палітызацыя гістарыяграфіі і гістарычных дэбатаў паспелі стаць агульным месцам у гістарычным уяўленні. НДХ ў харвацкай і сербскай гістарыяграфіі фактычна стала полем бітвы двух ідэнтычнасцяў і двух розных версій гістарычнай памяці, але толькі харвацкія гісторыкі апынуліся здольныя на абмежаваны рэвізіянізм гісторыі НДХ у той час, як сербскія інтэлектуалы ў сваіх інтэрпрэтацыях харвацкага палітычнага і дзяржаўнага вопыту перыяду сусветнай вайны дасягнулі кансенсусу, які зводзіўся да дэманізацыі Харватыі як дзяржавы.

Харвацкі рэвізіянізм у яго дачыненні да гісторыі НДХ мае абмежаваныя формы і праявы на фоне не-фармальнага кампрамісу, які праяўляецца ў ідэалізацыі харвацкай незалежнасці ў перыяд вайны. Перагляд гісторыі ў Харватыі зрабіў бачнымі старыя гістарыяграфічныя траўмы аўтарытарнай эпохі. Падобна таму, як спадчына класікаў ленынізму ў СССР рэальна не вывучалася, але была толькі аб'ектам ідэалагізацыі – НДХ дрэнна вывучалася ў харвацкай і сербскай гістарыяграфіі ў СФРЮ, таму што гісторыкі аддавалі перавагу імкненню ігнараваць і замоўчваць непрыемныя факты ва ўзаемнай гісторыі. НДХ стала ахвярай гістарыяграфічных маніпуляцый і палітычных спекуляцый, тактык «супакаення» мінулага, якія маюць самыя розныя формы і праявы: напрыклад, у харвацкай гістарыяграфіі гэта выяўляецца ў залішняй гераізацыі, а ў сербскай – у актуалізацыі ахвярнасці гістарычнага вопыту.

Распад СФРЮ і аднаўленне харвацкай незалежнасці натхнілі рэвізію гісторыі НДХ.

Па-першае, змяніўся падыход да гісторыі НДХ, якая пачала ўспрымацца як рэальная спроба аднаўлення незалежнай харвацкай дзяржаўнасці пасля храналагічнага правалу ў некалькі стагоддзяў – прыхільнікі гэтага пункту гледжання настойваюць, што ў НДХ значная частка харватаў пазітыўна ставілася ў ідэі незалежнасці, і масавы апазыцыйны рух быў слабы.

Па-другое, НДХ ўспрымаецца як ахвяра вялікасербскага шавінізму, нацыяналізму і этнічнага тэрору – таму, у віну этнікаў [4], як сэрбскім нацыяналістам, ставіцца пераслед і забойствы каталіцкіх святароў, разбурэнне цэркваў і мячэцяў, забойства мусульман, ўспрыманых як частка харвацкай палітычнай нацыі [6]; сербам таксама прыпісваецца і пасляваенны тэрор супраць харвацкіх нацыяналістаў, у тым ліку – на тэрыторыі сумежнай Аўстрыі («rokoljuBleiburgu» або «Блайбургская бойня» [5]). Таму, пакуль у грамадства, як харвацкага, так і сербскага, будзе існаваць патрэба ў гістарычных міфах і вялікіх гістарычных наратывах, кампраміс у напісанні гісторыі НДХ уяўляецца малаверагодным, што, праўда, не выключае перыядычных з'яўленняў яе рэвізіянісцкай інтэрпрэтацыі ў гістарыяграфіі.

Па-трэцяе, харвацкія інтэлектуалы часткова гатовыя паступіцца прынцыпамі і каштоўнасцямі этнічнага нацыяналізму і адмовіцца ад ўспрымання НДХ як толькі і выключна харвацкай дзяржавы: таму яны трансплантавалі ў кантэксты гісторыі НДХ канцэпты палітычнай і грамадзянскай нацыі як ўяўнай супольнасці – у сучасных даследаваннях НДХ пазіцыянуецца як адначасова каталіцкая дзяржава, дзяржава харватаў-мусульман і нават праваслаўных сербаў, якіх улады абвясцілі харватамі, стварыўшы для іх рэлігійных патрэбаў Харвацкую Праваслаўную Царкву [8].

Гэтыя наратывы фармуюць акадэмічную версію гістарычнага рэвізіянізму ў харвацкай гістарыяграфіі, якая суіснуе з больш радыкальнай рэвізіянісцкай інтэрпрэтацыяй гісторыі харвацкай незалежнасці перыяду сусветнай вайны [10]. Радыкальныя рэвізіяністы не задаволены спробамі інтэлектуальнай рэабілітацыі НДХ і інтэграцыі яе гісторыі ў вялікія харвацкія гістарычныя наратывы праз кантэксты культурнай, інтэлектуальнай і рэлігійнай гісторыі, адмаўляючы патэнцыял мадэрнісцкай метадалогіі, бачачы ў ёй пагрозу этнацэнтрызму, які працягвае заставацца значным фактарам ў сучаснай харвацкай гістарыяграфіі.

Радыкальныя рэвізіяністы гісторыі НДХ мяркуюць, што 1) НДХ была нармальнай дзяржавай, якая не адрознівалася ад сучасных краін, імкнулася развіваць канцэпты палітычнай ідэнтычнасці, настойваючы, што харваты-каталікі і баснійцы [7] ўтвараюць адзіную грамадзянскую нацыю – у гэтай сітуацыі не мае сэнсу праводзіць водападзел паміж НДХ і СР Харватыяй, якая была складовай часткай СФРЮ, таму, што пасля вайны частка ўстахоў змагла інтэгравацца ў новае грамадства [14]; 2) спланаваны тэрор і генацыд супраць меншасцяў адсутнічаў, а асноўнымі ахвярамі рэпрэсій былі самі харваты; адказнасць за пераслед габрэяў нясуць немцы і іх балканскія калабаранты [15]; 3) некаторыя харвацкія інтэлектуалы мяркуюць, што Ясенавац ня быў канцэнтрацыйным лагерам [12]: харвацкія гісторыкі разыходзяцца з сербскімі апанентамі [3], схільнымі дэманізаваць НДХі ўяўляць яе як краіну масавага тэрору і гвалту.

Гістарычны рэвізіянізм у Харватыі мае ўнутраныя вытокі, звязаныя з гістарычнымі развіццём палітычных культур і ідэнтычнасцяў. Працэсы палітычнага і дзяржаўнага будаўніцтва, значна роля нацыяналізму ў гістарыяграфіі сталі тымі фактарамі, якія стымулявалі рэвізію гісторыі і перагляд гістарыяграфічных стэрэатыпаў аб НДХ. Гістарычны рэвізіянізм стымулюецца культурнай і інтэлектуальнай спадчынай аўтарытарнай эпохі, няздольнасцю нацыянальных акадэмічных супольнасцяў адмовіцца ад ідэалагізаваных наратываў. Спробы рэвізіі гісторыі НДХ маюць канструктывісцкі характар таму, што харвацкія інтэлектуалы мадэрнізуюць гісторыю, уяўляючы і прасоўваючы новы і прывабны вобраз НДХ, яка, як яны лічаць, можна інтэграваць у сучасныя дэмакратычныя культуры памяці свету нацый-дзяржаў. Рэвізія гісторыі НДХ прынесла свае вынікі, але аналіз формаў і праяваў гістарычнага рэвізіянізму ў Харватыі не можа быць завершаны ў поўным аб'ёме ў рамках аднаго артыкула, таму аналіз гістарыяграфічных праяў рэвізіянізму можа стаць стымулам для вывучэння аналагічных працэсаў у іншых гістарыяграфіях краін Балканскага рэгіёну, дзе нацыяналізм і яго гістарычныя міфы з'яўляюцца не толькі стабільнымі, але значнымі фактарамі развіцця гістарычнага ўяўлення, палітычных ідэнтычнасцяў і культур памяці.

ЛІТАРАТУРА

1. Basta M. Agonija i slom Nezavisne Države Hrvatske / M. Basta. – Beograd: Rad, 1971. 411 s.
2. Bekić J. "Crni" i "crveni" u Hrvatskoj i Srbiji / J. Bekić // Političke analize. – 2011. – Br. 8. – S. 33 – 36.
3. Bulajić M. Jasenovac: ustaški logor smrti – srpski mit? / M. Bulajić. – Beograd: Muzej žrtava genocida, 1999. 200 s.
4. Dizdar Z., Sobolevski M. Prešućivani četnički zločini u Hrvatskoj i u BiH / Z. Dizdar, M. Sobolevski. – Zagreb: Dom i svijet, 1999. 790 s.
5. Dusper Z. U vrtlogu Bleiburga / Z. Dusper. – Rijeka: Vitagraf, 1996. 203 s.
6. Kisić Kolanović N. "Islamska varijanta" u morfologiji kulture NDH 1941. – 1945. / N. Kisić Kolanović // Časopis za suvremenu povijest. – 2007. – God. 39. – Broj 1. – S. 63. – 95.
7. Kisić Kolanović N. Muslimani i hrvatski nacionalizam 1941. – 1945 / N. Kisić Kolanović. – Zagreb: Hrvatski institut za povijest i školska knjiga, 2009. 450 s.
8. Krišto J. Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj / J. Krišto. – Zagreb: Nakladni zavod Globus, 2001. 460 s.
9. Krizman B. Ante Pavelić i ustaše / B. Krizman. – Zagreb: Globus, 1986. 606 s.
10. Kursar T. Revizionistički izazovi historiografiji hrvatske političke znanosti / T. Kursar // Anali Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju. – 2008. – Vol. 5. – No. 1. – S. 51 – 69.
11. McPherson J. Revisionist historians / J. McPherson // Perspectives on history. The newsmagazine of the American Historical Association. – 2003. – September 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians>
12. Pečarić J. Srpski mit o Jasenovcu / J. Pečarić. – Zagreb: Dom i svijet, 1998. 216 s.
13. Tuđman Fr. Bespuća povijesne zbiljnosti: rasprava o povijesti i filozofiji zlosilja / Fr. Tuđman. – Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1989. 505 s.
14. Ustaški put u socijalizam u teoriji i praksi NDH / ured. N. Mihaljević. – Zagreb: Naklada Pavičić, 2016. 488 s.
15. Zuckerman B. Psihologija holokausta: protužidovska propaganda u NDH i Srbiji 1941 – 1945 / B. Zuckermann. – Zagreb: Židovska vjerska zajednica, 2011. 373 s.

СЕКЦИЯ № 3 ИСТОРИЯ РОССИИ И СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ НАЧАЛА XX В. О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПАВЛА I

Кашинская О.А. (г. Москва, Россия)

Внутренняя и внешняя политика Павла I, как и сама личность императора, всегда получала противоречивые оценки историографов. Закономерно проводилось сравнение с предшествующей политикой Екатерины II, играли значительную роль противоречащие друг другу свидетельства современников, существенное влияние на интерпретацию оказывали социокультурные и политические условия, в которых работали сами историки.

Начало XX в. – сложный период в истории российской историографии. С одной стороны, в это время в научный оборот вводится большое количество новых источников: личных архивов, переписка и т.д. С другой стороны, экстраординарные события российской истории прямо влияют на ценностные установки и историографические концепции исследователей. Историки XIX века ищут основания и историографические аналогии для подтверждения сближения и единения монарха с дворянством, исчезают или затушевываются упоминания о поворотах политики, прежде трактовавшихся как неоправданные либо неадекватные.

Иначе относились к Павлу Петровичу историки периода XIX-начала XX века, прежде всего В.О. Ключевский. В 1883–1884 гг. он прочел курс лекций по русской истории, охвативший период с древнейших времен до XIX века включительно, в котором смог дать новую трактовку и личности Павла и его правлению. Прежде всего, В. О. Ключевский, вписав царствование Павла I в контекст русской истории, отметим, что это будет сделано впервые. Он полагает, что деятельность Павла Петровича есть реакция на просвещенный абсолютизм Екатерины II, в конце концов, поставивший империю в труднейшие условия, таким образом, тезис историков XIX века по историографии об отсутствии каких-либо традиций в павловских начинаниях будет решительно отброшен. Деятельность императора Павла I, по Ключевскому, представляет, с одной стороны, протест против предыдущего царствования, а с другой, – всего лишь неудачную попытку решить насущные задачи, вставшие перед Россией конца XVIII века: при этом отрицается, какая бы то ни была программа реформ [1].

Не отказывается историк и от анализа личностных качеств Павла, высказав предположение о «безобразно исковерканном» характере государя с указанием причин этого несчастного явления В. О. Ключевский предполагает душевную болезнь Павла, объясняя ее, «не столько политическим, сколько патологическим характером его деятельности». Конечный вывод: Павел есть «царь-деспот», время же его есть «царство страха» [1]

Иначе говоря, оценки В.О. Ключевского качественно иные, чем у историков XIX века. Другими словами он предлагает новую концепцию и эпохи Павла, и его личности. Тем самым, отказ от традиций историографии XIX века произойдет не случайно. В.О. Ключевский использовал как вспомогательный источник для характеристики Павла вопиющее несоответствие мемуарных свидетельств современников павловского правления построениям и выводам историков XIX века, и продолжавшуюся публикацию мемуаров.

Например, он писал: «... Он не лишен был дарований, все знавшие его в то время отлично отзывались о его нравственных качествах; у него было природное чувство порядка и дисциплины, он вынес довольно хорошие и разнообразные сведения, но они были беспорядочны... Притом это был очень набожный человек; в Гатчине потом указывали на место, где он молился по ночам: здесь был выбит паркет...»[1].

Характеризует политику Павла I, Ключевский подчеркивал: «...В ней мы не встречаем коренных перемен: государственный и общественный порядок остается на прежних основаниях, действуют прежние отношения, но из-под этих старых основ и отношений начинают пробиваться новые стремления или, по крайней мере, новые потребности, которые готовят переход государственного порядка на новые основания. Эти новые идеи, или стремления, обнаруживаются как во внешней политике государства, так и в его внутренней жизни. Во внешней политике в продолжение первой половины истекшего века продолжается и завершается старое дело территориального и национального объединения русской земли» [1].

В другом месте историк пришел к выводу: «Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи. Я не разделяю довольно обычного пренебрежения к значению этого кратковременного царствования; напрасно считают его каким-то случайным эпизодом нашей истории, печальным капризом недоброжелательной к нам судьбы, не имеющим внутренней связи с

предшествующим временем и ничего не давшим дальнейшему: нет, это царствование органически связано как протест – с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников – с будущим...» [1].

Таким образом, оценки В. О. Ключевским личности и царствования Павла I оказывают огромное влияние на развитие историографии проблемы.

Осмыслить историю павловского царствования и личность Павла I с новых методологических позиций постарался М. Н. Покровский в ряде своих работ.

М. Н. Покровский трактует павловское царствование не как своеобразный «вывих» русской истории, некий переход от эпохи Екатерины к эпохе Александра, а как явление, имевшее самостоятельную ценность. Он настаивает на закономерности попыток русского абсолютизма в условиях начавшегося разложения крепостнического хозяйства и войн с Францией изменить методы внутренней политики в сторону ужесточения.

Политика Павла I, таким образом, преследовала те же цели, что и политика его матери, его сыновей, и в этом смысле «оригинального мало было в павловском царствовании». Историк постоянно подчеркивает «наследственность ... социальную, от Потемкина и Зубова» [4, с. 168].

Если В. О. Ключевский сумел вписать эпоху Павла в русскую историю, то его ученик первым доказывает преемственность политики Павла Петровича, а также огромное влияние его личности и его акций на сыновей, Александра и Николая. М. Н. Покровский настаивает на насущной необходимости, для российского абсолютизма в конце XVIII века править методами «железной лозы».

Другими словами, Покровский не находит оснований для выделения личности Павла на общем фоне царствующих особ дома Романовых. Напротив, он характеризует его как типичного представителя правящей династии. Характеризуя личность Павла, Покровский называет его «прирожденным полицмейстером», отмечает его мундиромание и парадоманию, причем в отличие от историков XIX – начала XX века не видит в этом чего-то нового, особенного, появившегося лишь в павловское царствование. Историк писал, что «центральной фигурой всех толков были не "министры", надежные или нет, ею был все тот же Павел Петрович, имя которого с уст не сходило у всех "болтунов" без исключения. Эту фигуру было не так легко убрать. И пока на это не решались, оставалось терроризировать сторонников Павла, назначая за "детские шалости" такие кары, что впору хоть очень зрелым людям» [3]

Своеобразно решает Покровский вопрос о душевной болезни Павла Петровича. Признавая «ненормальную психику» императора, он отказывается считать его деяния «бредовой идеей». Более того, Покровский полагает, что историку даже не очень интересно знать, наверное, был Павел Петрович безумцем, поскольку его болезнь мало влияет на его политику. Покровский, разбирая времена Павла, привлекает, как и его предшественники, широкий комплекс мемуарной литературы, он первым из историков сумел серьезно подняться над мемуарным источником, т.е. подошел критически к сообщениям современников, пытаясь объяснить предвзятость по отношению к Павлу того или иного мемуариста [3].

По мнению историка, «выдающийся интерес представляют донесения иностранных дипломатов из Петербурга зимой 1773/74 года: известия об успехах пугачевщины систематически переплетаются в них с новостями о несогласиях в царской семье; то Павел, рассказывают, сделал матери сильную сцену, обвиняя своего обер-гофмаршала, Салтыкова, в постоянном шпионстве за ним, Павлом; то Екатерина требует сына к ответу по поводу какой-то неосторожно подписанной им бумаги, попавшей в руки уже действительного екатерининского шпиона, причем английский посланник "из, безусловно, авторитетного источника" располагает сведениями, что речь шла не более ни менее, как о том, чтобы заставить императрицу поделить власть с Павлом. Все это – сплетни, но для психологии тех, кто руководил борьбой с пугачевщиной, они не менее характерны, нежели уверенность того же английского посланника в том, что движениями пугачевской армии руководят трое сосланных гвардейских офицеров» [4]

Нельзя не упомянуть здесь и высказывания о дворцовом перевороте 1801 года, которое приводит Покровский, беря это у мемуариста Саблукова: «В промежутке между 1801 и 1825 годами мы не встречаем ни на минуту полной паузы: в течение всего этого промежутка "общественное движение" ориентируется все в одном и том же направлении. Немудрено, что связь между событиями этих двух годов улавливали уже современники, хотя не менее естественно, что современников больше поражало внешнее сходство: внутренняя связь была для них менее заметна. Рассказав об ужине, предшествовавшем экспедиции гвардейских офицеров в Михайловский дворец в ночь с 11 на 12 марта 1801 года, один современник прибавляет: "Говорят, что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибилов, прекрасный офицер, находившийся в родстве со всею знатью, будто бы высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла, что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше было бы отделаться от них всех сразу..."» [3].

Итак, в начале XX в. историография, рассматривая внешнюю и внутреннюю политику Павла I, во многом возвращается к историографической традиции, заданной еще в начале XIX в. Н.М. Карамзиным в «Записке о древней и новой России». В это время наиболее актуальным для историографов стало стремление найти и обосновать внутренние, кажущиеся объективными, социальные и экономические мотивы изменений во внешней и внутренней политике самодержавия как исторического феномена.

Таким образом, автор статьи демонстрирует как «кочуют» мнения о Павле I и его политике от одного исследователя к другому, но у Покровского «прослеживается программа» изучения личности и политики Павла I, он затрагивает проблему изучения заговоров 1801 и 1825 годов.

Их, однако же, не принято сопоставлять, и это опять правильно, потому что этой стороной дело далеко не исчерпывалось, и не в ней было главное. Идеология некоторых декабристов могла очень напоминать идеологию Григория Орлова – их психика будет совсем иная, и это новое настроение даст нам право резкой чертой отделить первых русских революционеров от устроителей дворцовых переворотов предшествовавшего столетия. И вот эта новая психология дает себя чувствовать уже около 1801 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1904. Лекция 82 – [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=7814&chapter=451299. – Дата доступа: 12.06.2019.
2. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / При участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М., 1899. Т. 2. Глава XI – [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pokrowskij_m_n/text_1899_rus_istoria-2.shtml– Дата доступа: 12.06.2019.
3. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / При участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М., 1914. Т. 4. 336 с.

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Кононова Е.Н., Глушинская И.А. (г. Псков, Россия)

Институт отечественной государственной службы прошёл достаточно сложный и долгий путь становления и развития. Законы Российской империи ставили гражданскую государственную службу в особое привилегированное положение по отношению к обществу. Правовое положение (статус) государственных служащих гражданского ведомства в Российской империи XIX – начала XX века представляло собой упорядоченную совокупность не только публичных прав, обязанностей, гарантий и поощрений, но и достаточно серьезную систему ограничений и запретов.

Система правовых ограничений государственных служащих начала складываться при Петре I. Основная их группа была направлена на выработку трудовой дисциплины чиновников (разговоры только по службе, ведение дел только в коллегиях). Ограничения, связанные с имущественными и неимущественными выгодами чиновника, в петровском законодательстве не прослеживались.

Только в начале XIX в. группа имущественных ограничений нашла отражение в законодательных актах. Так, в 1804 г. чиновникам запрещено было вступать в откупа по тем ведомствам, в которых они служили. С 1806 г. им запрещалось записываться в гильдии. 15 мая 1822 г. вышел указ, которым предписывалось министру юстиции «иметь строгое наблюдение за тем, чтобы вольноотпущенные, вышедшие в классные чины и считающиеся в службе, не были употребляемы в службу в домах господских».

По задумке законодателя, правовые ограничения были направлены в первую очередь на недопущение использования чиновником служебного положения в личных, корыстных целях. Примером такого ограничения может служить то, что государственным чиновникам административных учреждений было категорически запрещено приобретать имущество, если продажа этого имущества поручена им по службе. Чиновники, уличенные в служебном проступке, связанном с продажей имущества от лица государства и купившие его сами могли быть лишены дворянства (если таковыми являлись), лишались чина и отправлялись рядовыми в войска. Таким образом, пресекались попытки использования служебного положения в корыстных целях[3. с.196].

Императором Николаем I в 1836 году, был издан Указ, по которому чиновникам запрещалось одновременно занимать две или более должности с получением по ним окладов, если эти должности были зависимы или в подчинении одна от другой[1, с. 168].

Впоследствии такое ограничение стало касаться только высших государственных чиновников. Этот указ продолжал действовать до 1917 года. Очевидно, что подобная правовая позиция законодателей заслуживает положительной оценки. В настоящее время данный запрет нашёл свою интерпретацию в нормах Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Следующим шагом в регламентации ограничений государственных служащих стало издание «Свода Уставов о службе гражданской». В нем ограничения государственных служащих содержались в третьем разделе «Об общих правах и обязанностях гражданской службы». По сравнению с законодательством предыдущих лет для Устава о службе характерен более высокий уровень систематизации. Все ограничения общего плана вынесены в отдельную главу. Наличие правоограничений специальных родов службы говорит о том, что законодатель четко представлял себе, какие злоупотребления возможны в рамках той или иной должности, и поэтому

использовал как предупредительные, так и карательные меры по борьбе с ними. Данный факт свидетельствует о стремлении государства на законодательном уровне искоренить негативные проявления в деятельности бюрократии, поставить нормативный заслон на пути должностных злоупотреблений. Положения Устава, с одной стороны, ограничивали возможности служащего иметь дополнительные, не предусмотренные законом источники доходов, с другой стороны, являлись превентивной мерой должностных злоупотреблений.

Чиновник был обязан хранить государственную тайну и раскрытие ее приравнялось к государственной измене. Он не имел право без разрешения начальства публиковать в печати какие-либо сведения, касающиеся внутренней и внешней политики Российской империи. Особенно карался ущерб, который чиновник мог нанести своим действием или бездействием территориальной целостности Отечества. Согласно Уголовному уложению «уполномоченный России, виновный в действиях, направленных к заключению договора с иностранным правительством заведомо во вред России, или в дипломатических с иностранным правительством переговорах, клонящихся заведомо ко вреду России», наказывался каторжными работами.

В середине XIX в. система ограничений чиновников существенно дополнялась и изменялась. По указанию Александра II впервые в Российской империи вводится то, что мы сейчас называем декларацией доходов чиновников. Отныне начинает официально издаваться список госслужащих Российской империи, где были собраны сведения о положении чиновника, его наградах, доходах и недвижимости семьи.

Александром II в 1868 году был введен запрет для государственных чиновников на участие государственных служащих «в учреждении товарищества железных дорог». Император этим постановлением предпринял попытку законодательно препятствовать сделкам и сговору государственных чиновников и предпринимателей, а значит расхищению фискальных денег. Но в действительности это постановление только декларативно ограничивало права чиновников, а в реальность показала, что уже в 1884 году 225 высших чиновников министерства финансов состояли не только на государственной службе, но и имели должности в частных коммерческих компаниях. Статистические данные четко говорят о том, что из 1006 инженеров из имеющихся на тот момент в России 370 человек одновременно несли как государственную службу, так и состояли в коммерческих предприятиях, а именно в частных железнодорожных компаниях [2, с.294]. Поэтому следующим шагом стало создание по решению Сената специального комитета, задачей которого было выяснение причин повальной коррупции (лихоимства) российского чиновничества.

Несколько дальше с ограничениями пошел Александр III, он для укрепления авторитета государственной гражданской службы издает указ от 3 декабря 1884 года «О порядке совмещения государственной службы и участия в торговых и промышленных товариществах и компаниях», где, согласно указа, государственная служба для высших должностных лиц была несовместима с участием:

- в железнодорожном, пароходном, страховом и других торговых и промышленных товариществах;
- в общественных и частных кредитных ассоциациях.

Кроме этих ограничений чиновники не имели права быть поверенными в делах производственных и коммерческих объединений [5, с.88].

При этом, весьма интересен был круг чиновников, на которых распространялись данные ограничения. Перечень был четко обозначен, так в него были включены следующие государственные служащие: члены совета министров, вице-директор и помощники начальников: главных управлений, департаментов, канцелярий, вице-губернаторов, преподаватели гимназий. Всего в этом перечне указывались около 100 должностей. Таким образом, одинаково законодательно ограничивались как член совета министров, так и преподаватель.

Чиновникам более низких классов разрешалось участвовать в коммерческих компаниях, но только с тем условием, что они получили от собственного начальства разрешение и подтвердили, что их деятельность не идет во вред государству и государственной службе [7, с.136]. Частная жизнь государственных служащих также была подвержена некоторым ограничениям, с одной стороны эти ограничения могли показаться незначительными, но в приватную жизнь человека они все же вмешиваясь.

Ярким примером такого ограничения может служить указ императора Николая I от 2 апреля 1837 года «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду» [6, с. 134]. Этот указ разъяснял, что Император находит ношение усы и бород гражданскими чиновниками совершенно неприличными. Усы и борода это привилегия военных чинов, и гражданский чиновник этой привилегией не обладает, а значит, ограничен в своих желаниях. Начальникам гражданских ведомств было строго наказано следить за исполнением этого указа.

Еще одним примером ограничения частной жизни и права государственного чиновника может считаться запрет на вступление в брак без разрешения вышестоящего начальства. При этом служащий, нарушивший введенный порядок, должен был нести дисциплинарную ответственность, в послужной список нарушителя заносился строгий выговор.

Ограничению подвергались не только служебная деятельность, не только частная жизнь, но и политические взгляды. Они также подлежали проверке и постоянному контролю. «Верность службе», политическая лояльность, подчинение дисциплине и защита интересов государства должны были отличать государственного чиновника.

Указом от 23 июля 1824 года император запретил издавать чиновникам любые сочинения, касающиеся как внешних, так и внутренних дел России, не только без обычной в таких случаях цензуры, но и без разрешения начальства таким образом, вводя дополнительный контроль.

Пришедший на смену Александру I Николай I также стал требовать письменное обязательство о том, что «они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, впредь принадлежать не будут» [4, с. 73].

Все последующие императоры пытались контролировать государственных чиновников. Император Николай II 1 августа 1902 года утвердил постановление, согласно которому чиновники административных органов подлежали увольнению со службы за противодействие распоряжениям правительства, за несовместимые со служебным долгом поступки и за политическую неблагонадежность. Причем, политическая неблагонадежность могла стоить чиновнику пенсии. К таким чиновникам применяли «третий пункт» закона от 7 ноября 1850 года, где говорилось, что уволить можно даже в том случае, если вина «не может быть доказана фактами» [8, с. 164].

Правоограничения всегда были направлены лишь на то, чтобы государство могло полностью контролировать государственных чиновников не только в профессиональном плане, но и в частной жизни. Государство всегда искало решения для своевременного устранения неблагонадежных от государственной службы. Широко известна фраза, сказанная когда-то лордом Эктоном: «Любая власть развращает, но абсолютная власть развращает абсолютно». Причина лежит в самой природе абсолютной власти, стремящейся контролировать всех и вся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 2-е издание / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дм. Буланин, 2000. Т. 2. – 566 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. В 55 т. Т. 26. Отд. 2. – СПб., 1852. – № 25804.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. В 55 т. Т. 12. Отд. 1. – СПб., 1838. – № 10092.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. В 33 т. Т. 4. – СПб., 1887. – № 2559.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. В 33 т. Т. 4. – СПб., 1887. – № 2559.
7. Свод законов Российской Империи. В 15 т. Т. 3. Кн. 1. – СПб., 1896. – Ст. 736; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. В 33 т. Т. 5. – СПб., 1887. – № 3065.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Т. 1565. – СПб., 1912; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. В 33 т. Т. 20. Отд. 1. – СПб. 1900. – № 19283.

ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Табунов В.В. (г. Могилев, Беларусь)

В конце XIX – начале XX столетия население белорусских земель было поликонфессиональным. Доминирующим вероисповеданием в данный период было православие. По данным переписи 1897 г. на территории Беларуси проживало 5 120 667 православных, что составляло около 60% от общей численности населения [4, с. 252].

Официально провозглашённое равенство всех религий в империи на деле существовало лишь формально. Все религии, действующие в стране, делились на три группы: 1) государственная религия (православие); 2) покровительствуемые религии (римо-католицизм, ислам, иудаизм); 3) нетерпимые религиозные организации (духоборы, скопцы, хлысты, молокане и другие секты).

Правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением православной церкви, что было законодательно закреплено. В конце XIX – начале XX столетия государство продолжало сохранять надежду на то, что церковь останется опорой существовавшего политического строя. Чиновники полагали, что интересы церкви и государства совпадали. Но многие церковные деятели видели, что они различны [2, с. 45]. Православное духовенство в своей большей части пришло к выводу о том, что положение церкви, опекаемой светской властью, является неканоничным.

Противоречивость политики российского правительства в отношении к православной церкви во время обер-прокурорства К.П. Победоносцева заключалась в том, что она, с одной стороны, пыталась активизировать её деятельность, а с другой, усиленный контроль за этой деятельностью практически лишал церковь самостоятельности. Поэтому в конце XIX – начале XX в. в среде православного духовенства был поставлен вопрос о необходимости предоставления церкви реальной самостоятельности. При этом главное средство оживления церковного института виделось в восстановлении принципа соборности. Как в церковной, так и в светской печати постоянно обращалось внимание на необходимость освобождения церкви от государственной опеки. Поднимались вопросы о проведении реформ, которые должны были поднять авторитет церкви, улучшить нравственный и материальный уровень духовенства.

Предложения о преобразовании православной церкви нашли отклик в среде православного духовенства внутрироссийских и белорусских земель. Они имели как общие черты, обусловленные социально-

экономическими процессами российского общества рубежа XIX–XX вв., так и некоторые особенности, связанные со спецификой развития белорусской культуры, динамикой межконфессиональных отношений. Это проявилось в том, что православное духовенство в западных епархиях придерживалось в основном более умеренных взглядов относительно церковных реформ. Но, несмотря на это, православное духовенство объединяло стремление преобразовать церковь таким образом, чтобы она вновь стала эффективно воздействовать на сознание верующих [3, с. 5, 9].

В начале XX века большая часть православного духовенства белорусских земель осознавала необходимость реформирования церковного института. Такого рода намерения получили официальную поддержку на правительственном уровне. В указе Сенату от 6 декабря 1904 г. Николай II обратил внимание на необходимость принятия мер по восстановлению прихода, а указом от 12 декабря 1904 г. правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. Но в нём ничего не говорилось о положении православной церкви, что вызвало широкую дискуссию между сторонниками и противниками преобразований церкви [1, л. 3].

Под влиянием революции 1905–1907 гг. власти были вынуждены пойти на существенные уступки в конфессиональной области. На разработку документа о свободе вероисповеданий оказали влияние и европейские события, положившие конец многовековым спорам о взаимоотношениях между церковной и светской властью. С выходом указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» православное духовенство активизировало свою деятельность, направленную, прежде всего, на предотвращение переходов верующих в другие вероисповедания.

После введения в стране религиозных свобод особую актуальность приобрёл вопрос о созыве Поместного собора. Следует заметить, что ещё 22 марта 1905 г. Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и созыв в Москве для выборов патриарха Всероссийского собора. Сам же Синод должен был стать совещательным органом при патриархе.

Сменивший 20 октября 1905 г. К.П. Победоносцева на посту обер-прокурора Синода А.Д. Оболенский смог убедить Николая II в необходимости созыва церковного собора. К уступкам царя подталкивало и обострение внутрисполитической обстановки в стране. 27 декабря 1905 г. был обнародован правительственный указ об учреждении Предсоборного присутствия с целью выработки повестки дня для предполагаемого собора. 14 января 1906 г. Синод вынес постановление об учреждении Предсоборного присутствия для подготовки Поместного собора. Предсоборное присутствие проработало с 6 марта по 15 декабря 1906 г. В ходе работы тщательно изучались присланные епископами с мест материалы. На пленарных заседаниях, состоявшихся 5–15 мая 1906 г., были подведены итоги работы присутствия: высшим церковным органом должен был стать Поместный собор, состоявший из епископов и лиц, уполномоченных архиереями присутствовать на нём с правом решающего голоса. Священники и миряне также избирались на собор, но они обладали только совещательным голосом. Было рекомендовано проводить Поместные соборы раз в 10 лет, а в промежутке между ними высшая церковная власть должна была принадлежать «малому собору» из 12 епископов и председателя. Предсоборное присутствие также подготовило итоговый доклад «Об обособлении Церкви от государственных учреждений и определении её полномочий в отношениях с государством». В соответствии с ним верховной государственной инстанцией по церковным делам признавался монарх, с которым согласовывались все решения, имеющие общегосударственное значение. Для общения с царём назначалось полномочное лицо, которое должно было наблюдать за тем, чтобы принимаемые церковными органами постановления не противоречили государственным законам [5, с. 710–719].

Создавалось впечатление, что появилась реальная возможность для проведения кардинальных реформ в сфере государственно-церковных отношений. Однако спад революции 1905–1907 гг. во многом обусловил отложение созыва Поместного собора на неопределённое время.

Под влиянием обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева выборам патриарха воспротивился Николай II. Следует заметить, что проблема заключалась не в желании или нежелании самодержца, а в политических возможностях государства, переживавшего революцию и, естественно, опасавшегося новых потрясений. Против созыва Поместного собора выступал и председатель Совета министров П.А. Столыпин, считавший, что существовавшее положение церкви в государстве не нуждается в каких-либо изменениях, и что правительство в своей дальнейшей политике будет строго выдерживать линию на сохранение тесной связи государства и церкви [6, с. 34–35].

К вопросу о реформировании института православной церкви и пересмотру сложившихся отношений между государством и церковью неоднократно обращались в последующем. Проблема созыва Поместного собора актуализировалась в 1911 г. после назначения обер-прокурором В.К. Саблера. Снова она встала на повестку дня после убийства П.А. Столыпина. Но конкретных решений так и не было принято.

28 февраля 1912 г. на прошение Синода учредить Предсоборное совещание, которое должно было работать до созыва Поместного собора, дорабатывая материалы Предсоборного присутствия было получено разрешение Николая II. Однако 2 марта В.К. Саблер получил от монарха бумагу, в которой говорилось о невозможности установления срока созыва Поместного собора [7, с. 64–65].

К вопросу о созыве Поместного собора обращались в связи с празднованием трёхсотлетнего юбилея царствования дома Романовых в 1913 г., но вновь реального результата достигнуть не удалось, а в 1914 г. Российская империя вступила в Первую Мировую войну и на повестку дня встали уже совсем иные вопросы.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века доминировавшим вероисповеданием на белорусских землях являлось православие, имевшее в соответствии с действовавшим законодательством статус «первенствующей и господствующей» религии. Её тесная взаимосвязь с государством обусловила распространение среди большинства духовенства убеждений о необходимости преобразования института церкви с тем, чтобы обеспечить ему большую эффективность деятельности. Такого рода предложения в умеренной форме, что было обусловлено спецификой положения Беларуси и особенностями её исторического развития, получили распространение и среди православных священников края. В условиях социального катаклизма 1905 – 1907 гг. власти выразили намерение о преобразовании церкви. Но с отступлением революции, не желая нарушать сложившееся положение дел во взаимоотношениях церкви и государства, вопрос о её реформировании отложили до окончательной стабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1729. Оп. 1. Д. 139.
2. Канингем, Д.В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д.В. Канингем; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London : Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.
3. Кожич, Н.М. Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности: автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.03 / Н.М. Кожич; Гос. науч. учреждение «Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2007. – 20 с.
4. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Троицкого. – СПб. : Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
5. Смолич, И.К. История русской церкви. 1700–1917 гг. Кн. 8: в 2 ч.: [пер. с нем.] / И.К. Смолич. – Москва : Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – Ч. 2 / пер. Б.Б. Вика, ред. пер. А.В. Назаренко; худож. Н.Г. Ордынский. – 798 с.
6. Столыпин, П.А. Отечество наше должно превратиться в государство правовое / П.А. Столыпин // П.А. Столыпин: программа реформ: документы и материалы: в 2 т. – Москва : РОССПЭН, 2003. – Т. 1 / под общ. ред. П.А. Пожигайло. – С. 32–42.
7. Фирсов, С.Л. Церковь в Империи: очерки из церковной истории эпохи императора Николая II / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2007. – 523 с.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛТАВСКОГО ДАМСКОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ПЕРИОД РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905 ГГ.)

Тронько Т.В. (г. Полтава, Украина)

Полтавский Дамский комитет был создан ещё во второй половине XIX века и, будучи составной частью РОКК, имел определённый опыт оказания помощи во времена военных конфликтов. Однако российско-японская война, по словам современников, а потом и исследователей, стала наиболее серьёзным испытанием со времён его создания, проверкой эффективности самой организации и её деятельности [12, с. 231].

Уже в начале февраля 1904 года Полтавский комитет Красного Креста в прессе объявил о сборе пожертвований, определив в Полтаве (в трёх местах) и ещё в пяти городах губернии – Константинограде, Кременчуге, Лубнах, Переяславе и Золотоноше – пункты сбора этой помощи [10, с. 255]. Был определён перечень наиболее нужных вещей, среди которых назывались нательное и постельное бельё, тёплые вещи, перевязочные материалы и медикаменты [10, с. 256].

В начале войны основным направлением деятельности РОКК стала организация медицинской помощи больным и раненым воинам непосредственно на театре военных действий или вблизи него. Так, уже 31 января 1904 года из Петербурга был отправлен специально сформированный медицинский отряд для работы в плавучем госпитале [9, с. 306]. В дальнейшем планировались подготовка и отправка на Дальний Восток ещё нескольких полностью обеспеченных всем необходимым на три месяца лазарета [8, с. 592]. К этим работам присоединился и Полтавский Дамский комитет. В апреле для формируемого в Полтаве отряда Красного Креста в 200 человек комитет выделил имеющиеся комплекты белья [2, л. 5], а недостающие пошили до начала лета и передали по назначению [3, л. 34–36]. При этом ещё на собрании 2 февраля 1904 года, члены комитета высказали готовность устроить в Полтаве собственный лазарет на 25 коек [2, л. 2].

С первых же дней военных действий Дамский комитет озаботился сбором пожертвований в пользу больных и раненных воинов на Дальнем Востоке. Все пожертвования тщательно фиксировались и сведения о них регулярно публиковались. Первый такой список (за период с 9 по 17 февраля 1904 года) был напечатан в Приложении к №20 неофициальной части «Полтавских губернских ведомостей». Благотворителями выступали частные лица разного социального статуса – крестьяне, казаки, купцы, священники, чиновники, владельцы магазинов. Среди пожертвований упоминались одежда (рубашки, кальсоны, фуфайки, носки, чулки, платки, перчатки), обувь (валенки, калоши), постельные принадлежности (одеяла, подушки, простыни), разного рода ткани (холст, бязь, фланель, бумазья и т. п.), санитарно-гигиенические средства (карболовая кислота, хинин, мыло, клеёнка, вата, марля) и другие вещи (иголки, пуговицы, тесьма, нитки) [3, л. 1].

Последующие публикации списков содержали ещё больший перечень вещей. Добавились посуда, продукты и ценности, предназначенные для проведения лотерей или аукционов. Среди благотворителей упоминаются прихожане отдельных церквей, казахи и крестьянские общества, местные комитеты Красного Креста, учебные заведения. Например, Крутобалковская церковноприходская школа передала сшитые под руководством учительницы Головновой 12 комплектов простыней, наволочек, полотенец и рубаш [3, л. 3]. Весной 1905 года помощь пришла даже из Франции. Жена французского посла в Петербурге госпожа Бампер организовала сбор тёплых вещей для раздачи их семьям, призванных на войну [6, л. 25]

«В виду заявленного желания принести пожертвования на выдачу пособий семействам воинских чинов как призванных на войну на Дальнем Востоке, так и осиротелым за смертью на поле брани или от ран и увечий членов семейств» Дамский комитет в феврале 1904 года разработал порядок сбора, учёта и выдачи денежной помощи [2, л. 3]. Способы сбора средств были разнообразными – специальные подписные книги [3, л. 30] или листы для сбора добровольных пожертвований на больных и раненных воинов [4, л. 31], кружечный сбор [2, л. 15], проведение благотворительных спектаклей [4, л. 40-41]. В начале июля, накопив достаточно средств, комитет признал возможным выдавать денежное пособие семьям убитых и раненных воинов, о чём опубликовали объявление в «Полтавском вестнике», определив при этом порядок подачи прошений [2, л. 7].

Протокол заседания правления Полтавского Дамского комитета от 18 сентября 1904 года зафиксировал обсуждение первого прошения о предоставлении помощи семействам нижних чинов, находящихся на войне с Японией [2, л. 6]. В дальнейшем рассмотрение таких ходатайств стало регулярным. При назначении пособия обращали внимание на состав семьи (количество и возраст детей), имущественное состояние (наличие дома, земли), получение каких-либо иных пособий, например, от земства. Иногда требовали дополнительные сведения. Например, к рассмотрению просьбы мещанки Парасковей Шабдашевой кроме Дамского комитета были привлечены земский начальник, уездный исправник, городское полицейское управление, полицмейстер, губернское по воинским провинностям присутствие. Всё это растянулось с конца июля до ноября 1904 года, когда просительнице наконец выдали 10 руб. [4, л. 28-42]. Сама помощь от комитета могла быть одноразовая или ежемесячная. Размер её тоже колебался. Например, от 5 руб. ежемесячно до 100 руб. одновременно [2, л. 6].

Осенью 1904 года с просьбой о помощи начали обращаться и военнослужащие, которые из-за ранений начали возвращаться домой [2, л. 10-12]. Дамскому комитету «в виду на будущее время значительного числа таких случаев» пришлось обратиться к Полтавскому Губернскому по воинской повинности присутствию чтобы согласовать свои действия [4, л. 51, 76]. Однако в марте 1905 года комитет принял решение об отмене ежемесячных пособий семьям раненых, поскольку они имели право на получение такового от земств [2, л. 30].

Ещё одним направлением деятельности Дамского комитета стало обустройство дневных приютов для детей из семейств запасных солдат, находящихся на войне. Матери, уходя на работу, оставляли своих детей одних без присмотра в неотапливаемых домах. Это и подтолкнуло выделить в конце ноября 1904 года 200 руб. для обустройства яслей в одном из районов Полтавы [4, л. 143, 186].

Полтавский Дамский комитет не прекратил своей благотворительной деятельности об участниках российско-японской войны и после её окончания. Так, в заседании 17 декабря 1905 года обсуждалась ситуация, которая сложилась в связи с прекращением выдачи земского пособия семьям запасных в связи с их возвращением. Самим демобилизованным тяжело было найти какую-либо работу в зимнее время, из-за чего их семьи оказались в трудном материальном положении. Поэтому комитет принял решение об оказании им помощи из своих средств, направив по 300 руб. (всего 4500 руб.) в каждую уездную земскую управу «на предмет раздачи, через посредство волостных попечительств, наиболее нуждающимся семьям, вернувшимся с войны запасных» [2, л. 49-50].

Заботясь о последующей судьбе ветеранов этой войны, возникла идея о создании инвалидного дома для них. 20 августа 1906 года общее собрание правления Дамского комитета рассмотрело предложение полтавского губернатора князя Н. П. Урусова принять от него 12 130 руб. 96 коп. на постройку на Шведской Могиле (район г. Полтавы) такого дома, а также участок земли, предоставленный для этой цели духовным ведомством. Кроме того С. А. Скифосовская обещала передать для постройки приюта десятину своей земли, при условии одну из комнат учреждения назвать в честь её мужа – известного хирурга Н. В. Скифосовского, разместив там же его портрет [2, л. 68]. Закончить сооружение инвалидного дома удалось лишь в 1908 году (ныне в нём находится музей «Поле Полтавской битвы») [7].

Таким образом, с первых дней войны на Дальнем Востоке Полтавский Дамский комитет РОКК организовал значительную помощь военнослужащим и членам их семей. Основными направлениями его работы стали комплектация лазаретов, отправляемых в район военных действий, сбор вещей для мобилизованных, оказание помощи семьям призванных в армию, а со временем и самим военнослужащим, получившим ранения, а потом и демобилизованным, инвалидам. Такая масштабная работа была бы невозможной без взаимодействия с населением губернии, его благотворительности. Полтавчане активно откликнулись на призыв о помощи военнослужащим и членам их семей, помогали и собственным трудом, и деньгами, вещами, продуктами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова Н. О. Дворяни Херсонської губернії в діяльності Російського товариства Червоного Хреста наприкінці XIX – на початку XX ст. / Н. О. Гончарова // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету.- 2014. – Вип. 41. – С. 71–76.

2. Государственный архив Полтавской области.- Ф. 998. Оп. 1. Д. 29.
3. Государственный архив Полтавской области.- Ф. 998. Оп. 1. Д. 30.
4. Государственный архив Полтавской области.- Ф. 998. Оп. 1. Д. 31.
5. Государственный архив Полтавской области.- Ф. 998. Оп. 1. Д. 32.
6. Государственный архив Полтавской области.- Ф. 998. Оп. 1. Д. 34.
7. Гужва Ю. Госпіталь та інвалідний будинок на Шведській Могилі / Юрій Гужва // Збірник наукових статей за матеріалами круглих столів, присвячених пам'яті історика, архівіста, музейника І.Ф. Павловського. Випуск І (2011 – 2015 рр.). – Полтава: ФОП Говоров С.В., 2015. – С. 212-222.
8. Доклад исполнительной комиссии Главного Управления Российского общества Красного Креста 4 апреля 1904 года об организации помощи раненым и больным воинам на Дальнем Востоке // Полтавские епархиальные ведомости Часть неофициальная. – 1904. – №15. (20 мая). -С. 590–606.
9. Известия и заметки. Деятельность Главного Управления Российского общества Красного Креста по случаю войны // Полтавские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1904. – №7 (1 марта). -С. 306–310.
10. Объявления // Полтавские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1904. – №5. (10 февраля). -С. 255.
11. Огорокова О. В. Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.). -Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-metody-pomoschi-rossiyskogo-obschestva-krasnogo-kresta-tomskoy-gubernii-voinam-sibiryakam-v-period-rusko-yaponskoj-voyny-1904>. – Дата доступа 10.02.2019.
12. Чистяков О. В. Деятельность Российского общества Красного Креста в вооруженных конфликтах (1867–1917 гг.). / О. В. Чистяков // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 1(54). Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. Под редакцией Е. А. Степановой.-С. 223 – 238. -Режим доступа:https://www.imemo.ru/jour/PMB/index.php?page_id=697&id=8732&jid=&jj. – Дата доступа: 10.02.2019.

«СЛУХИ» И «ШПИОНОМАНИЯ» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Никитина Н.П. (г. Псков, Россия)

В последние годы в информационных потоках Интернета появляется множество новостей, в том числе и фейковых. Если мы обратимся к истории России начала XX века, то информация подобного плана подчас распространялась по средствам «слухов». Тема «слухов» как объекта исторического исследования в получила в последние годы свое развитие в ряде работ [15; 8], изучаются слухи периода Первой мировой войны [9]. Официальные власти Российской империи под «слухами» понимали недостоверную информацию, распространяемую устным способом. Именно в такой трактовке мы и будем использовать термин «слухи» в данной работе.

«Слухи» очень часто распространяются в преддверье кризисных явлений, событий. На кануне Первой мировой войны они также активно функционировали причем не только в устной форме, подчас информация о них выплескивалось на страницы местных периодических изданий. В данной работе предпринята попытка анализа «слухов», нашедших отражение на страницах периодических изданий той эпохи. Газеты в период войны начинают играть очень значимую роль не только в контексте информирования общества о событиях, но и в определенной степени, в плане формирования общественного мнения [1]. Мы обратимся к периодическим изданиям Псковской губернии. Стоит отметить, что выбор территории определялся не только слабой изученностью периодики этого региона, но и тем обстоятельством, что Псковская земля обладала особым геополитическим положением. Губерния располагалась вблизи экономически развитого Прибалтийского региона и столицы страны Санкт-Петербургу. Территория губернии с севера на юг и с запада на восток была прорезана сетью железных дорог. С началом Первой мировой войны 18 июля 1914 г. г. Псков и Псковский уезд находились на военном положении. С августа 1915 г. в Пскове располагался штаб Северного фронта. В годы войны в губернии выходили следующие периодические издания: «Псковские губернские ведомости», «Вестник Псковского губернского земства», «Псковские епархиальные ведомости», «Псковская жизнь», «Псковский голос». Первые три издания являлись печатными органами губернской, власти, церкви и самоуправления, то «Псковский голос» являлся изданием партии кадетов, а «Псковская жизнь» – эсеровской. На страницах двух последних изданий разворачивалась подчас острая полемика друг с другом.

«Слухи» военного характера начали распространяться в губернии еще накануне войны, что свидетельствовало о том, что население чувствовало ее приближение и тревожилось по этому поводу. Так газета «Псковская жизнь» 19 июля 1914 г. опубликовала заметку под заголовком «Вздорный слух», в которой говорилось о том, что Петербург взбудоражен информацией о приближении германской эскадры к Либаве (Либапе). Незвестный автор заметки, ссылаясь на собственные «справки», указывал на ложность данных слухов. В конце автор выступил с призывом «...в эти тревожные дни с необычайной осторожностью и спокойствием относиться к многочисленным слухам, порожденным слабонервными и легковверными людьми. Военные действия без объявления войны начаться не могут» [3]. Стоит подчеркнуть, что автор статьи упоминает о «многочисленных слухах», данный факт свидетельствует о том, что среди населения Российской империи ощущение ожидания вой-

ны было столь велико, что обрастало множественными «слухами» о возможности ее внезапного начала. Количество «слухов» с началом войны не уменьшилось, в сентябре 1914 г. эта же газета с удивлением сообщала, что «...всевозможные слухи плодятся как грибы после дождя» [13].

Слабонервностью и легковерием населения объясняли псковские газеты причины распространения ложной информации, отмечая, что функционирование «слухов» происходит не только в среде малограмотного населения, но и среди интеллигенции. Стоит согласиться с мнением Ю.В. Варфоломеева, о том, что «слухи», ходившие в народной и интеллигентской среде не имели глубокого различия [2]. В сентябре 1914 г. «Псковская жизнь» признала, что причина распространения слухов заключается в слабой информированности населения. Распространяемая правительством и земством информация о ходе военных действий в форме печатных бюллетеней явно в недостаточном количестве доходит до населения. В начале войны спрос на газеты был крайне велик. Население в уездах получала газеты на второй день после их выхода, порой они разбирались еще на почте. Однако уже к концу сентября такой ажиотаж несколько стих. «Теперь у газетного киоска значительно меньше толпиться публики, чем две недели назад» – констатировала «Псковская жизнь» [14]. Данный факт может служить свидетельством того, что население стало воспринимать войну как явление чуть ли не повседневной жизни, подспудно чувствуя, что она начинает принимать затяжной характер и интерес к ней постепенно снижается. Губернские власти предпринимали значительные меры по информированию населения в сельской местности. Так волостные правления в 1914 году бесплатно раздавали крестьянам телеграммы со сводками с театра военных действий. Бесплатные листки «Обзор войны», наряду с «Молитвами» и «Поучениями», раздавались и в храмах после праздничной литургии [5, с. 13]. Сельские учителя читали лекции для крестьян о событиях войны, так учитель Чирского министерского училища Григорий Васильевич Горский рассказывал о военных событиях и демонстрировал картины военных действий [6, с. 15]. Однако, важно не только получить информацию, но и правильно ее воспринять и интерпретировать. При этом многое зависит не только от образовательного уровня потребителя информации, но и той информационной среды, которая его окружает. Журналисты «Псковской жизни» отмечали, что на адекватное восприятие событий населением оказывала внимание не только официальная информация, но и лубок. Лубочные книжки и картинки были популярны в народе, подчас их размещали в витринах псковских магазинов, однако ряд из них отличало низкопробное содержание [4].

«Слухи», распространяемые в Псковской губернии были самые разнообразны и подчас определялись близостью ее к столице. Население полагало, что враг должен непременно двинуться на Петербург (Петроград). Так в начале войны среди крестьян Сухловской и Ниже-Шелонской волостей Порховского уезда Псковской губернии и Вшельской волости Лужского уезда Петроградской губернии (15 селений) циркулировал слух о том, что 200 немецких солдат, прилетевших на воздушном аппарате, вырезали все население деревни Морицко и идут уничтожать другие селения. Слухи о лелетательном аппарате, по-видимому имела под собой следующую базу. Поскольку Псковская губерния относилась к числу прифронтовых и была объявлена на военном положении. Исполняя распоряжения правительства, органы крестьянского самоуправления на волостных сходах в августе 1914 г. доводили до крестьян информацию «... о возможном пролете германских аэропланов и необходимости в случае их появления немедленно доносить в волость и уряднику» [7, с. 15]. Летательные аппараты в то время были редким явлением, информация о возможном пролете была воспринята буквально, как уже осуществленное действие. На фоне патриотического подъема начала войны население было готово поддерживать меры со стороны правительства, направленные на обеспечение безопасности и старались «бдить». Крестьяне Порховского уезда встревоженные информацией о «прилетевших немцах» обратились к уряднику и приставу с требованием задержать врага. Ряд крестьян, поверив слуху, начали собирать пожитки, чтобы они не достались «германцам». Несколько вооруженных топорами селян отправились на разведку в Морицко, где выяснили, что данная информация является ложной [13]. Отправляясь в «разведку» крестьяне боялись, чтобы их самих не приняли за «немцев». Эти опасения не были случайными. Параллельно с распространением «слухов» среди местного населения начала развиваться и «шпиономания». Так в октябре 1914 г. жителями г. Острова были задержаны и доставлены в полицию два незнакомца, которых приняли за шпионов [10]. На деле они оказались лесопромышленниками, которые прибыли в город для участия в публичных торгах. Подчас крестьяне подозревали в шпионаже не только зрелых мужчин, но и даже дряхлых стариков. Так жители деревни Наволок заподозрили в прибывшем к ним в деревню и просившемся на ночлег 80-летнем старике «немца», даже устроили ему досмотр «...обыскали, ошупали даже волосы, не фальшивые ли» [11]. Однако чем ближе к Псковской губернии подходила война, тем тревожнее были «слухи». В августе 1915 г. жители Опочецкого уезда, пограничного с Витебской губернией были встревожены приближением театра военных действий к ее границам. Как следствие стали циркулировать «слухи», что чуть ли не каждую ночь над уездом летают немецкие аэропланы. Население активно обсуждало вопрос о путях бегства, если враг приблизится к уезду. Напряженность усиливалась из-за «слухов» о том, что состоятельные жители города эвакуируют ценные вещи, которые вывозят целыми возами, забирают из банков вклады [12]. Однако уже с осени 1915 г. на страницах местных периодических изданий информация о «слухах» не появляется. Газеты пестрят статьями о беженцах, проблемах с продовольствием и инфляцией.

Таким образом, анализируя информацию о слухах, появляющуюся на страницах псковских периодических изданий можно сделать вывод о том, что все слои общества чувствовали приближение войны и ожидание ее с минуты на минуту, приводило к распространению недостоверной подчас информации. Однако в основе

«слухов» лежала не только слабая информированность населения, но и конкретные действия правительства, направленные на обеспечение безопасности. Слухи начала войны тесно переплетались с патриотическим подъемом и являлись основой для шпиономании. Нелепость слухов определялась и низким уровнем грамотности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белогурова, Т. А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: дис.... канд. истор. наук: 07.00.02 /Т.А. Белогурова – Брянск, 2006.- 240 с.
2. Варфоломеев, Ю.В. Проблема измены и шпионажа в годы Первой мировой войны: слухи, факты, расследования (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства/ Ю.В. Варфоломеев // Современные евразийские исследования. – 2014. – № 3. – С. 17 – 24.
3. Вздорный слух// Псковская жизнь. – 1914. – 19 июля.
4. Война и лубочная литература// Псковская жизнь. – 1914. – 20 сентября.
5. Голубев, П.С. Дневник крестьянина/ П.С. Голубев //Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. – 1915. – № 42. –С.12 – 14.
6. Голубев, П.С. Дневник крестьянина/ П.С. Голубев //Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. – 1914. – № 44. – С.15 – 16.
7. Голубев, П.С. Дневник крестьянина/ П.С. Голубев //Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. – 1914. – № 40. – С.15.
8. Егоров, А.К. Слухи как объект исторического исследования / А.К. Егоров //Ученые записки Петрозаводского государственного университета. –2015. – № 3. – Т.2. – С.7 – 10.
9. Колоницкий, Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914 – 1917)/ Б.И. Колоницкий // Вестник истории, литературы, искусства. – Т.1. – М.: Собрание; Наука, 2005. – С. 362-378.
10. Мнимые шпионы // Псковская жизнь. – 1914. – 7 октября.
11. Мытарства // Псковская жизнь. – 1914. – 14 октября.
12. Настроения// Псковская жизнь. – 1915. – 6 августа.
13. Нелепые слухи// Псковская жизнь. – 1914. – 23 сентября.
14. Ослабление интереса// Псковская жизнь. – 1914. – 16 сентября.
15. Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. – Челябинск: Каменный пояс, 2011. – 368 с.

БАЗА ДАННЫХ «ОФИЦЕРЫ ФЛОТА» КАК ИНСТРУМЕНТ СПЛОШНОГО ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «СТАРОГО» РУССКОГО МОРСКОГО ОФИЦЕРСТВА ПОСЛЕ 1917 Г.

Назаренко К.Б. (г. Санкт-Петербург, Россия)

В 2015-2017 гг. коллективом исследователей под руководством автора статьи осуществлялся научно-исследовательский проект «Русский морской офицерский корпус Первой мировой и Гражданской войн: сплошное просопографическое исследование». В рамках этого проекта была создана общедоступная база данных «Офицеры флота» (далее БДО)[1]. БДО является первым и единственным на сегодняшний день проектом, объединяющим биографические данные всех офицеров флота и морского ведомства России времен Первой мировой войны.

На сегодняшний день БДО включает в себя 9902 персональные страницы. В их числе данные на 8830 человек, которые служили на флоте в офицерских чинах во время Первой мировой войны и были произведены в офицерские чины по флоту и морскому ведомству до начала ноября (ст. ст.) 1917 г., т.е. до фактической отмены чинов. Также БДО включает данные на 343 зауряд-офицера (временный чин, дававший чин, на время текущей войны лицам, которые по различным причинам не могли быть произведены в чин прапорщика). В ней имеются сведения о 2 корабельных гардемаринах, погибших во время Первой мировой войны, не успев получить офицерский чин. Кроме того, в БДО содержатся данные на 727 человек, закончивших обучение в различных учебных заведениях морского ведомства, но не произведенных в офицерские чины из-за их отмены.

Справочная часть БДО является общедоступной. Закрытым является доступ к редактированию БДО, к ее словарям и к фильтрам, позволяющим анализировать данные.

Следует кратко охарактеризовать структуру БДО. Она состоит из персональных страниц. Каждая страница имеет типовую структуру и включает в себя разделы: Имя; Рождение и смерть; Место рождения и погребения; Вероисповедание, сословие, национальность; Текстовая информация; Архивные материалы; Образование; Служебное положение; Должности военные; Служба; Награды; Семья; Преступления; Боевые действия; Владение имуществом; Дружеские связи; Выборные должности; Адреса, Должности гражданские; Политическая деятельность; Антропометрические параметры; Источники; Библиография. Каждый из разделов состоит из ряда подразделов, которые, в свою очередь, состоят из полей.

Например, в разделе «Служебное положение» содержится подраздел «Чин», который подразделяется на поля: Чин; Нарращение чина; Дата производства; Старшинство в чине; Какое старшинство; Дата упоминания;

Как произведен; Какой властью произведен; Приказ; Место службы; Примечание. Большинство полей имеет выпадающие списки возможных значений: Чин; Наращение чина; Какое старшинство; Как произведен; Какой властью произведен; Место службы. Другие поля являются календарными (допускают введение только даты в формате дд.мм.гггг): Дата производства; Старшинство в чине; Дата упоминания. Лишь два поля: Приказ и Примечание являются текстовыми и требуют заполнения в каждом отдельном случае.

В общей сложности каждая персональная страница на данный момент включает 346 полей. В будущем предполагается развитие БДО в направлениях:

- пополнение контента;
- распределение контента по полям БДО;
- ликвидации технических сбоев в работе фильтров;
- совершенствования структуры разделов, подразделов и полей;
- облегчения работы с файлами изображений (прежде всего, отсканированных фотографий).

Большой трудностью является ввод данных в базу, поскольку заполнение большого количества полей (на сегодня БДО включает примерно 3,5 млн. полей) весьма трудоемкая задача. Для облегчения работы был введен раздел «Текстовая информация», включающий разделы, каждый из которых предназначен для текста, скопированного в основных изданиях справочной литературы и Интернет-ресурсах (11 источников) [2], а также раздел, предназначенный для текста, скопированного из прочих изданий и Интернет-ресурсов. На сегодня в общей сложности при работе с БДО использовано 355 источников информации, не считая архивных фондов. Такой прием позволит со временем обработать введенную информацию, заполнив соответствующие поля БДО. В данном случае мы употребляем выражение «источник информации» в значении, отличном от выражения «исторический источник», подразумевая под «источником информации» как источники, так и литературу.

Пользуясь БДО удалось достичь серьезных научных результатов, которые, в основном, изложены в опубликованной монографии, посвященной количественному анализу русского морского офицерства Первой мировой войны [3]. С помощью БДО было проанализировано изменение численности морского офицерского корпуса (и удельного веса его основных категорий) за время Первой мировой войны в сравнении с офицерским корпусом сухопутной армии. Среди других исследовательских задач удалось проанализировать сословное происхождение офицеров флота; подсчитаны количественные показатели офицерских династий; установлено влияние дворянского титула на успешность офицерской карьеры; изучен вероисповедный состав офицеров флота; их образовательный уровень; средний возраст для каждого чина и корпуса флота; средние показатели карьерного роста; проанализирована наградная практика; уровень преступности; боевые и небоевые потери; численность и состав жертв самосудов; установлена численность офицеров флота, произведенных из нижних чинов; установлена численность офицеров морской авиации и др.

К важным процессам, ход которых был изучен с помощью БДО, относится, в частности, процесс ликвидации вероисповедных ограничений в русском флоте после уравнивания Временным правительством иудеев в правах с другими гражданами – установлено что к концу 1917 г. в русском флоте служило не менее 17 офицеров иудейского вероисповедания.

В процессе ввода информации в БДО удалось уточнить биографические сведения о сотнях флотских офицеров. Например, по данным Н. Н. Рутыча, «Лейтенант Николай Иванович Сахаров был арестован и расстрелян как “заговорщик” по приговору петроградской ЧК 28 февраля 1920 г.» [4, с. 553], а в действительности он продолжал служить в РККФ и в 1924 г. занимал должность старшего помощника командира транспорта «Смольный» [5, с. 224]. Подобных примеров можно привести множество.

Немаловажно, что благодаря сплошному просопографическому анализу удалось установить, что многие известные деятели культуры искусства, науки, общественной жизни являлись морскими офицерами Первой мировой войны. Среди них:

- Прапорщики по адмиралтейству: Б. М. Белоусович (художник), А. Г. Малышкин (писатель), Ч. Б. Станчик (латвийский футболист), У. И. Токумбетов (татарский общественный деятель);
- Старшие гардемарины МКК: С. А. Колбасьев и Л. С. Соболев (писатели);
- Подпоручики по адмиралтейству: Б. С. Житков (писатель), В. И. Пентковский (разведчик, историк), Б. Я. Серебряков (поэт, переводчик);
- Мичманы военного времени: В. П. Евладов (географ), А. В. Ефимов (историк), Б. Г. Чухновский (выдающийся летчик);
- Кадровые мичманы: В. Я. Боголюбов (скульптор), В. Г. Гельфрейх (архитектор), С. В. Голицын (биолог), Г. Г. Гульбин (этнограф и филолог-востоковед), В. Е. Дьяченко (математик);
- Лейтенанты: И. Е. Стеблин-Каменский (священник РПЦ в 2005 г. причисленный к лику святых) и А. И. Нагурский (первый в мире полярный летчик);
- Капитан 2 ранга А. М. Толстопяттов (архиепископ РПЦ).

И это не считая тех, кто продолжал военную службу и достиг высоких постов в 20-40-е гг. в вооруженных силах СССР, Эстонии, Польши, Латвии, Финляндии, Литвы и др. стран, включая такие экзотические, как Парагвай.

В настоящее время БДО является основным инструментом анализа данных в рамках исследовательского проекта «"Старое" русское морское офицерство после 1917 г.: Сплошное просопографическое исследование», поддержанного РФФИ. В рамках этого исследования стоят задачи:

- Существенно уточнить биографии большинства бывших офицеров морского ведомства, участников Гражданской войны, поскольку достоверные данные об их политическом выборе имеются лишь примерно для половины тех, кто являлся офицером морского ведомства к концу 1917 г.;
- Исследовать процесс пополнения офицерского состава белых военно-морских формирований во время Гражданской войны лицами, не являвшимися «старыми» офицерами флота (гардемарины, кадеты, офицеры сухопутной армии, гражданские лица);
- Изучить процессы перехода офицеров с одной стороны гражданского конфликта на другую, зачастую целыми соединениями флота;
- Специально изучить «национальные» военно-морские формирования, возникавшие во время Гражданской войны, в первую очередь, эстонские и финские военно-морские силы, а также военно-морские формирования Латвии, Украины, Грузии, Азербайджана и др.;
- Существенно уточнить масштабы репрессий, красного террора, применявшегося к бывшим морским офицерам органами Советской власти;
- Исследовать влияние национального фактора на политический выбор бывших морских офицеров, особенно применительно к эстонцам и латышам, доля которых была велика, прежде всего, среди офицеров запаса и военного времени;
- Оценить степень ускорения или замедления карьерного роста «старых» морских офицеров во время Гражданской войны, с учетом стороны конфликта;
- Исследовать механизмы и динамику эмиграции «старых» флотских офицеров, оценить, какая доля эмигрантов покинула Россию «организованно», в рамках тех или иных вооруженных формирований, а какая сделала это самостоятельно, во время Гражданской войны или после ее окончания;
- Оценить степень вовлеченности офицеров-эмигрантов в заграничные морские офицерские общественные организации и их участие в вооруженных конфликтах 20-30-х гг. XX в.;
- Изучить положение «старого» морского офицерства в СССР после окончания Гражданской войны, динамику изменения этого положения вплоть до конца 40-х – начала 50-х гг. XX в.;
- Исследовать поведение «старых» морских офицеров во время Великой Отечественной войны, как тех, кто в межвоенный период жил в СССР, так и тех, кто в то время находился в эмиграции.

Мы полагаем, что эти цели могут быть успешно достигнуты с помощью БДО. В то же время, нельзя забывать, что при всех возможностях БДО она остается лишь инструментом. Важнейшие задачи исследования – сбор и верификацию данных – она решить не может.

ЛИТЕРАТУРА

1. Офицеры флота. [Эл. док.] URL: <http://офицерыфлота.рф>
2. Например: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. Исправлено по 11 апреля 1916 г. СПб., 1916; Список личного состава Рабоче-Крестьянского Красного флота по состоянию на 1 февраля 1924 г. Л., 1924; Вторая база данных «Участники Белого движения в России» [Электронный ресурс] // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова URL: <http://swolkov.org/info1.htm>; Ohvitseride andmekogu. Eesti sõjajamuseum – Kindral Laidoneri muuseum. Eesti ohvitserid. 1918-1940. [Электронный ресурс] URL: <http://prosopos.esm.ee/>; Kadry morskie Rzeczypospolitej. T. 5. Polska marynarka wojenna. Dokumentacja organizacyjna i kadrowa oficerów, podoficerów i marynarzy (1918–1947). Gdynia, 2011; Melderis J. Latviešu virsnieku reģistrs (1915–1945). Rīga, 2016.
3. Назаренко К.Б. Закат царского флота: Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018.
4. Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М.; Берлин, 2016.
5. Список личного состава Рабоче-крестьянского красного флота по состоянию на 1 февраля 1924 г. Л., 1924.

БЕЛОРУССКАЯ ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОЗИЦИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА БРЕСТСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1917–1918 ГГ.

Рожкова С.Н. (г. Псков, Россия)

Проблема изучения подготовки Брестского мирного договора является актуальной в постсоветский период белорусской историографии. Заключение данного договора было очень важным событием как для Советской России, так и для стран Четвертного союза. Белорусские историки отмечают, что после принятия декрета о мире советское правительство предложило воюющим государствам заключить перемирие и начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций. Страны Антанты не отреагировали на данное предложение, после чего советское руководство решило начать переговоры самостоятельно.

А. П. Грицкевич определил следующие этапы переговоров в Брест-Литовске: первый этап переговоров проходил с 9 (22) по 15 (28) декабря 1917 года, когда обсуждались принципы всеобщего мира и основные вопросы мирного договора; второй этап с 27 декабря 1917 (9 января 1918 г.) по 28 января (10 февраля) 1918 года, когда обсуждались условия сепаратного мира между Советской Россией и Германией, после отказа стран Антанты от участия в переговорах; третий этап проходил с 28 февраля по 3 марта 1918 года, по итогам которого делегацией Советской России в Брест-Литовске был подписан мирный договор [1, с.66].

А. В. Тихомиров отметил, что 22 декабря в Брестской крепости начались переговоры о мире. В состав советской делегации на переговорах входили представители РСДРП(б) – А. Иоффе, Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников и представители левых эсеров – А. Биценко, С. Масловский-Мстиславский. Немецкую сторону на переговорах представляли Р. фон Кюльман, М. Гофман, а также были представители австрийской, турецкой и болгарской сторон [2, с.44]. Советская сторона на переговорах не имела четкой программы, констатирует А. Тихомиров, и рассматривала их как средство пропаганды и ускорения мировой революции. Такой подход проявился особенно четко на первом этапе переговоров, отмечает автор [2, с. 45].

С. А. Третьяк акцентирует внимание на том, что на первом пленарном заседании советская сторона предложила программу, в основе которой была идея заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. В основе позиции немецкой делегации лежали директивы Людендорфа, которые предполагали ослабление России и превращение ее в германскую полуколонию [3, с. 21–22]. Германский блок на пытался навязать Советской России свою программу фиктивных самоопределений Польши, Литвы, Курляндии и части Лифляндии и Эстляндии. Также немцы собирались освободить оккупированные их войсками территории только после заключения всеобщего мира и полной демобилизации русской армии. Автор делает вывод, что Советская Россия фактически обязывалась провести под германским контролем референдумы о политических самоопределениях в тех районах, на которые укажет Германия [3, с. 23].

Д. А. Мигун делает акцент на то, что на первом заседании мирной конференции советская делегация предложила державам Четвертного союза отказаться от принудительного присоединения захваченных во время войны территорий, вывести войска с оккупированных территорий, восстановить самостоятельность народов, которые утратили ее во время войны и дать им право решить вопрос о государственной самостоятельности путем референдума, отказаться от выплаты контрибуций. Автор подчеркивает, что Германия, прежде всего, хотела выхода России из войны, чтобы создать для себя более благоприятные условия для продолжения военных действий на Западном фронте. Большевики затягивали переговоры, так как ожидали начала всемирной революции на Западе. Для маскировки грабительского мира государства Четвертного союза первоначально согласились принять советские предложения мира «без аннексий и контрибуций» при условии, что к переговорам присоединятся и державы Антанты. Поскольку государства Антанты не ответили на советские предложения, Германия и ее союзники 9 января 1918 года отклонили идею ведения переговоров с целью заключения мира без аннексий и контрибуций [4, с. 31–32].

В. А. Космач подтверждает мнение, сложившееся в белорусской историографии, о том, что советская делегация затягивала мирные переговоры, чтобы дожидаться мировой революции. 18 января немецкая сторона предъявила советской делегации ультимативные требования, согласно которым от Советской России отторгались большие территории. В. А. Космач акцентирует внимание на расхождениях, существовавших внутри большевистской партии по поводу заключения мирного договора между Советским государством и Четвертным союзом. Так, например. В. И. Ленин всегда отстаивал необходимость заключение мира даже на германских империалистических условиях, а Л. Д. Троцкий отказывался его подписывать [5, с.61].

А. В. Тихомиров констатирует, что второй этап мирной конференции, начавшийся 9 января 1918 года, отличался острыми дискуссиями относительно условий мира. Центральное место в ходе их занимал вопрос самоопределения наций. Л. Троцкий потребовал от немецкого руководства подтвердить отсутствие намерения аннексировать территории бывшей Российской империи. Немецкая сторона обвинила советскую делегацию в нежелании учитывать стремление народов к самоопределению. Немецкие представители на переговорах вынудили советскую сторону признать независимость Украины и дать согласие на ее участие в переговорах. 18 января Германия предъявила советской делегации территориальные требования, по которым территорию бывшей Российской империи уменьшалась в 150 тыс. кв. км. Предложения немецкой стороны были охарактеризованы как скрытая форма аннексии и были переданы в Петроград. Л. Д. Троцкий вынужден был вернуться в столицу для обсуждения ответа на предложения Германии. В. И. Ленин выступал за принятие условий немецкого мира, чтобы, как считает А. В. Тихомиров, сохранить власть любой ценой. Сторонников заключения мира с Германией было меньшинство. На следующем этапе мирных переговоров, который начался 29 января, по мнению названного автора, Л. Троцкий придерживался тактики затягивания переговоров, фактически провоцируя их срыв и ожидая ультиматум со стороны Германии и ее союзников. Ультиматум был предъявлен с требованием немедленного подписания мира, иначе будут возобновлены боевые действия на Восточном фронте. Л. Троцкий покидает Брест на условиях «ни войны, ни мира». Советское руководство приказало прекратить военные действия на всех фронтах и демобилизовать армию. Немецкое руководство расценило поведение советской стороны как разрыв перемирия, поэтому Германия возобновила боевые действия против Советской России. По мнению А. В. Тихомирова именно немецкое наступление вынудило ЦК РСДРП(б) принять предло-

жение В. И. Ленина о подписании мира на немецких условиях. Руководству Германии 19 февраля была направлена радиограмма о готовности советского руководства подписать мир на условиях, предложенных делегациями Четвертного союза [2, с.46-47].

С. А. Третьяк отмечает, что на втором этапе мирной конференции Германия взяла назад заявление о присоединении к советскому проекту мира без аннексий и контрибуций, так как страны Антанты отказались от участия в конференции. Он считает, что для Советской России переговоры служили способом выиграть время и дожидаться революции на Западе, особенно после того, как генерал Гофман предъявил немецкие условия мира советской делегации, согласно которым менялась линия российско-германской границы в пользу Германии [3, с.24-25]. С. А. Третьяк отметил, что на следующем заседании Л. Троцкий объявил, что Советская Россия отказывается от подписания мира, демобилизует армию и выходит из войны. После данного заявления советская делегация покинула Брест. Это, по мнению данного автора, дало Германии повод отказаться от перемирия и возобновить военные действия. Германское наступление заставило Советскую Россию запросить мир [3, с. 27-28].

Д. А. Мигун отмечает, что статс-секретарь фон Кюльман предъявил 27 января 1918 Л. Троцкому ультиматум с требованием дать ответ на предложенные немцами условия мира, иначе военные действия будут продолжены. Делегация Советской России попросила сделать перерыв. Советское руководство было уверено, что наступление против Советской России не состоится из-за революционного подъема в Германии и Австро-Венгрии. 28 января 1918 г. Л. Троцкий ответил, что Первая мировая война для России закончена, армия демобилизована, но мир с Германией Россия подписывать не будет. После того, как немецкое руководство в ответ на срыв Л. Троцким переговоров начало военное наступление, большевики во главе с В. И. Лениным заявили о готовности заключить мир на германских условиях. Таким образом, было достигнуто прекращение состояния войны между Советской Россией и странами Четвертного союза [4, с. 33-34].

Близкую точку зрения высказывает В. А. Космач. Он отмечает, что советское руководство в ответ на германский ультиматум распорядилось прекратить военные действия и начать демобилизацию армии. Германия в ответ на срыв переговоров возобновила наступление на Восточном фронте, после чего советское правительство запросило мир. На этот раз Германия предъявила еще более жесткие требования, которые были приняты большевистским руководством [5, с. 61-62].

Характеризуя третий этап переговоров, А. В. Тихомиров указывает, что Германия предъявила новые более тяжелые условия мира, ответ на которые советскому руководству нужно было дать в течении 48 часов. Указывая на наиболее тяжелые германские требования, он пишет, что советское правительство должно было признать независимость Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Финляндии, Украины и вывести войска с их территории, передать Турции Анатолийские провинции, демобилизовать армию, разоружить флот в Балтийском и Черном морях, Ледовитом океане, признать невыгодный для России русско-германский торговый договор 1904 г., предоставить Германии право наибольшего благоприятствования в торговле до 1925 г., разрешить беспошлинный вывоз в Германию руды и иного сырья, прекратить агитацию и пропаганду против держав Четвертного союза. 1 марта возобновилась мирная конференция, а 3 марта был подписан мирный договор [2, с. 48].

По мнению В. А. Космача, после успешного наступления Германия предъявила еще более жесткие требования относительно будущего мира, которые были приняты большевистским руководством. Причина этого, по его мнению, заключалась в том, что русская армия продемонстрировала полную неспособность вести боевые действия, а мировая революция так и не наступила [5, с. 61-62].

Таким образом, в белорусской постсоветской историографии распространено положение, согласно которому Советская Россия пошла на переговоры из-за сложной ситуации в стране, а Германия хотела использовать ситуацию, чтобы избавиться от войны на два фронта и сосредоточить все силы на Западе. Белорусские историки-германисты показали, что советская делегация в ходе переговоров несколько раз изменяла свою позицию. После отклонения немцами предложения о мире без аннексий и контрибуций, она стала затягивать переговоры, ожидая революции в Германии и других странах. А затем сорвала переговоры. Немецкое наступление вынудило большинство лидеров большевиков поддержать В. И. Ленина и согласиться на заключение грабительского мира с Германией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицкевич, А. П. Борьба за Украину 1917-1921 / А. П. Грицкевич. – Минск : Современная школа, 2011. – 528 с.
2. Тихомиров, А. В. Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 2. – С. 44-57.
3. Трацяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Трацяк. – Мінск : Беларуская навука, 2009. – 207 с.
4. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
5. Космач, В. А. Переговоры и подписание мирного договора в Брест-Литовске между Советской Россией и Германией в январе – марте 1918 г. / В. А. Космач // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы II научно-практической Международной конференции. – Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2015. – С. 60-66.

УЧАСТИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ СТРАН ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА)

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. (г. Сыктывкар, Россия)

Общественно-политической жизни российской провинции революционного периода и, в частности, событиям тех лет, происходивших на Европейском Северо-Востоке, посвящено немало работ [5; 6; 7; 8; 15]. Авторы настоящего доклада хотели бы специально остановиться на одном из немаловажных аспектов этого сложного периода, а именно – на участии военнопленных стран Четверного союза в общественно-политической жизни этого отдаленного от места непосредственных военных действий обширного региона.

В годы 1 Мировой войны Коми край (основная территория которого входила в состав Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и Печорского уезда Архангельской губернии) стал местом массового содержания подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших до войны на территории Российской империи. На 1 мая 1916 г. в Яренском уезде насчитывалось 554 ссыльных иностранца, из них 472 чел. являлись военнопленными Германии, а 27 чел. были австрийскими подданными [9; 10, л. 5]. В общественно-политической жизни региона они практически не участвовали.

Весной 1916 г. в Коми край стали прибывать военнопленные Австро-Венгерской армии. На 15 июля 1916 г. в г. Усть-Сысольске находилось 16 офицеров-военнопленных: один румын, три чеха, пятеро русинов, шестеро поляков и один западный украинец [11, л. 38-39]. Все военнопленные проживали в Усть-Сысольске на квартирах, свободно передвигались по улицам города и даже имели возможность заниматься издательским делом.

На территории Печорского уезда обязательными постановлениями архангельского губернатора общественная жизнь военнопленных фактически ставилась под запрет [1]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других уездах региона. Но военнопленные стали обходить этот запрет, более того, в Коми крае одно время было даже налажено производство собственного журнала военнопленных. Это стало одним из важнейших событий общественной жизни региона тех лет.

Этот журнал под названием «Pur la Rate» выходил в Усть-Сысольске в 1916 г. Журнал размножался на гектографе и распространялся полулегально. 26 декабря 1916 г. уездный воинский начальник подполковник С.Д.Колпаков запретил издание журнала: «Сего числа мной произведено расследование по отобранию от военнопленных офицеров Австрийской армии, находящихся на пункте в Усть-Сысольске, издаваемого ими журнала, причем оказалось: журнал под названием “Pur la Rate” в количестве трех номеров был обнаружен у военнопленного офицера Австрийской армии Штабс-капитана Цепнек. Обнаружен и гектографический станок» [11, л. 922]. Э. Цепнек являлся, по всей видимости, редактором журнала, поскольку именно его арестовали за организацию издания и отправили под конвоем в Ярославль. В Коми крае до 1917 г. не издавалось ни газет, ни журналов, так что «Pur la Rate» явился первым печатным органом в регионе.

В феврале 1917 г. в Усть-Сысольск прибыла колонна военнопленных («было расквартировано в городских помещениях военнопленных нижних чинов Австрийской Армии... четыреста тридцать человек») [13, л. 31]. Примерно в мае 1917 г. для военнопленных был устроен специальный лагерь. Численность военнопленных в первой половине 1917 г. в районе г. Усть-Сысольска возросла до 962 чел. [13, л. 34]. В числе офицеров Австро-Венгерской армии были 13 чехов, 1 словак, 3 русина, 4 хорвата, 1 серб, 11 поляков, 1 румын, 1 еврей (список не полный) [12, л. 111].

После неудачи с изданием собственного журнала военнопленные обратились к властям за разрешением выписывать им из Москвы и Петрограда распространяемые там и «дозволенные военной цензурой» иностранные журналы. Граф В.Ростворовский написал в Ярославль прошение от имени усть-сысольской группы военнопленных офицеров-поляков Австро-Венгерской армии о подписке на польские издания, так как «польский язык не есть в Русском государстве иностранным языком» [12, л. 278]. В ходе обысков полиция изымала все подозрительные бумаги и рукописи. У подпоручика Г. Уона, например, изъяли рукописи (как оказалось, работы по литературоведению и истории искусства) [12, л. 255].

Летом 1917 г. российское Временное правительство разрешило формирование в Киеве Чешско-Славянской бригады из австрийских военнопленных славянской национальности. Многие чехи из усть-сысольского лагеря военнопленных подали прошение властям с просьбой о переводе в Киев и зачислении в Чешско-Славянскую Бригаду. Так поступил, например, рядовой А.Свобода. В своем прошении в Ярославль он писал: «Прошу о скором отправлении в охотническую Бригаду, чтобы мне было возможность участвовать в борьбе между славянами и германцами. Причины к моему распоряжению есть: 1. народность - чешская. 2. за людей с.д. (имеются в виду социал-демократы - авт.)» [12, л. 571]. По всей видимости, последнее утверждение Свободы (что он за социал-демократов) и задержало его в Усть-Сысольске - в Киев он не поехал. Тогда он решил бежать, но был пойман. Военнопленные офицеры-австрийцы решили наказать строптивого чеха, желавшего «участвовать в борьбе между славянами и германцами», и обратились к усть-сысольскому уездному воинскому начальнику с просьбой о наказании Свободы [12, л. 834].

В августе 1917 г. начался отъезд военнопленных на родину. К концу 1917 г. усть-сысольский лагерь прекратил существование, военнопленные были вывезены. Но часть их перевели в г. Яренск. Здесь они содержались еще полтора года. В апреле 1919 г. в Яренском уезде находилось 64 военнопленных бывших Австро-Венгерской и Германской армий. В числе офицеров были 7 венгров, 2 болгарина, 8 австрийцев, 2 немца, 1 турок и 1 хорват [14]. В середине 1919 г. военнопленных из Яренска вывезли.

Существенно более заметную роль в революционных событиях на крайнем Северо-Востоке Европы сыграл Мориц Мандельбаум –австрийский еврей, профессиональный актер, член социал-демократической партии. С 1914 г. он – младший офицер (феенрих) Австро-Венгерской армии, воевавший в пехоте и пулеметной части на Восточном фронте. В 1916 г. попал в русский плен, оказался в Ташкенте, где во время Октябрьского переворота 1917 г. включился в революционную деятельность, возглавив один из отрядов Красной гвардии. Весной 1918 г. он, будучи в Поволжье, стал одним из лидеров интернациональной группы, объединявшей про-большевистски настроенных военнопленных, говоривших на немецком языке, являлся делегатом Всероссийского съезда военнопленных социал-демократов – интернационалистов в Москве, где был избран председателем Всероссийской организации иностранных рабочих и крестьян, вступил в Немецкую группу РКП(б), объединившую немецкоязычных коммунистов и входившую в федерацию иностранных групп РКП(б), стал членом коллегии комиссариата по делам военнопленных [4].

В 1-й половине 1918 г. М.Мандельбаум во главе «отряда интернационалистов» (в составе которого были немцы, венгры, чехи) воевал со своими бывшими сослуживцами по Австро-Венгерской армии, «белочехами», на Волге и Каме. Из «интернационалистов» стал в значительной мере формироваться Корпус войск советской охраны (войска ВЧК). С Волги Мандельбаума отправили на Север в качестве одного из руководителей архангельской роты этого корпуса, после эвакуации советских органов из Архангельска он служил в г. Котласе, по соседству с Коми краем.

В начале сентября 1918 г. М.Мандельбаум во главе небольшого (10-12 латышей, немцев и венгров) «летучего отряда прифронтовой Чрезвычайной комиссии» прибыл в Усть-Сысольск для организации операции по захвату больших запасов хлеба, находившихся в. Ляпино за Уралом, принятия мер против появившихся на нижней Печоре немногочисленных белых и проверки деятельности местных волостных органов Советской власти. В Усть-Сысольске к «летучему отряду» присоединилось четыре с половиной десятка местных коммунистов и сочувствующих. Отряд Мандельбаума двинулся в сторону Уральских гор, по пути осуществляя (в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР «О красном терроре») реквизиции, конфискации, допросы и расстрелы в селениях на берегах Вычегды и Печоры. Именно с деятельностью М.Мандельбаума связывают начало «красного террора» в Коми крае [2].

Деятельность М.Мандельбаума на Европейском Северо-Востоке протекала с переменным успехом. Вначале он занял весь регион, разогнав белые отряды, был признан «героем Печорской экспедиции», получил полную поддержку Реввоенсовета Республики, а бойцы его отряда называли его «Печорским Чапаевым» [17]. Но зимой 1918-1919 гг. ситуация резко изменилась из-за жесточайших репрессий против местного населения. Упал авторитет Мандельбаума и среди его подчиненных [3].

В конце концов в апреле 1919 г. Мандельбаума отстранили от командования, арестовали и отдали под суд из-за многочисленных жалоб. Реввоентрибунал приговорил его к пяти годам тюремного заключения, но благодаря амнистии и ходатайства Центрального комитета Немецкой группы РКП(б) оставил на свободе. Мандельбаум остался на военной службе, воевал на Каховском плацдарме, в Северной Таврии, участвовал в переходе через Сиваш и взятии Турецкого вала, в захвате Ишуньских укреплений, а в декабре 1920 г. был направлен в распоряжение Коминтерна [16]. Какой вклад он внес в дело подготовки мировой революции, нам пока неизвестно.

Литература

1. Государственный архив Ненецкого автономного округа. Ф. 223. Оп. 1. Д. 11. Л.7, 10, 18.
2. Жеребцов И.Л. Мориц Мандельбаум и начало «красного террора» в Северном Приуралье // Оренбургская провинция: экономика, право, культура. – Оренбург, 2001. – С.73–79.
3. Жеребцов И.Л. Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны. – Сыктывкар, 2016. – 20 с.
4. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. – Сыктывкар, 2001. – 320 с.
5. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Русская революция в национальной провинции (на материалах европейского Северо-Востока) // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века. – Витебск, 2017. – С. 53–57.
6. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны // История. Журнал Белорусского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 23–30.
7. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 2. – С. 183–235.
8. История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. 2. – С. 176–226.
9. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.7. Оп.1. Д. 674. Л. 155, 164, 174, 176, 189.
10. НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 675. Л. 5.
11. НАРК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 9. Л. 38-39.
12. НАРК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 11. Л. 323.
13. НАРК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 13. Л. 31.

14. НАРК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-8.
15. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // Историография Коми. – Сыктывкар, 1999. – С. 48–57.
16. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. – Сыктывкар, 2011. – Ч. 1. – С. 89–95.
17. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. К вопросу о революции и гражданской войне на территории современного Ненецкого автономного округа // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар–Вологда, 2012. – Вып. 12. – С. 265–272.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ЛЕТА–ОСЕНИ 1921 Г.

Мезга Н.Н. (г. Гомель, Беларусь)

Подписание временного торгового соглашения между РСФСР и Германией 6 мая 1921 г. не означало коренного поворота в сторону улучшения советско-германских отношений. Как обоснованно отметил А. А. Ахтамзян, вплоть до конца 1921 г. с германской стороны не было проявлено серьезного намерения нормализовать политические отношения» [1, с. 25]. Отношение к самому этому соглашению в правящих кругах Германии было неоднозначным. 25 марта 1921 г. министр внутренних дел Германии обратился в правительство с письмом, в котором высказал опасения, что заключение торгового соглашения с Советской Россией создаст возможность большевистскому правительству вести в Германии широкую пропагандистскую работу [2, с. 304–306]. Даже предложение советского руководства организовать выставку русского изобразительного искусства в Берлине встретило отказ со стороны германского министерства иностранных дел [3, с. 39–40].

Для подозрений относительно подрывной деятельности Советской России на территории Германии у немецкой стороны имелись основания. 23 января 1921 г. малое бюро ИККИ постановило «послать несколько товарищей для работы в Германии». На этом же заседании было принято решение ходатайствовать перед НКВД и НКВТ о том, чтобы в число дипломатических курьеров был включен «товарищ, назначаемый Коминтерном, и исполняющий поручения Коминтерна» [4, с. 229, 233]. 4 мая были приняты Тезисы Политбюро ЦК РКП(б) о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна. Они санкционировали использование дипломатической почты для переправы в другие государства денег и пропагандистских материалов [4, с. 264–266].

При этом советское руководство проявляло высокую степень заинтересованности в развитии экономических связей с Германией. В. И. Ленин следующим образом оценивал значение торговли с капиталистическими странами для Советской России: «Громаднейший фактор, позволяющий нам существовать при этом сложном и совершенно исключительном положении, это тот фактор, что социалистическая страна вступает в торговые сношения со странами капиталистическими» [5, с. 24]. Но, как уже отмечалось выше, позиция германской стороны относительно налаживания торговых связей с РСФСР была иной. Следует согласиться с мнением Г. М. Трухнова, что лишь решение Лондонской репарационной комиссии и подписание советско-английского торгового соглашения подтолкнули Германию к соглашению с Советской Россией [6, с. 26].

На этом не очень благоприятном фоне летом 1921 г. направлением, где советско-германские отношения развивались более активно, стало военное сотрудничество. 8 июня Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о «переговорах с приехавшими немцами». Было принято решение предложить председателю РВС Республики Л. Троцкому «переговорить» с ними, проявляя при этом «особую осторожность». Также Политбюро 10 июня посчитало целесообразным поездку в Германию В. Коппа по «особому делу» [7]. Имелись ввиду переговоры с находившейся в Москве германской военной делегацией и их продолжение В. Коппом в Берлине, куда планировалось его назначение в качестве полномочного представителя Советской России. А. А. Ахтамзян в своих исследованиях пришел к обоснованному выводу, что на первых встречах военных представителей Германии и Советской России речь шла об установлении сотрудничества в случае конфликта одной из этих стран с Польшей [8, с. 5].

25 июня Политбюро было принято решение назначить В. Коппа временным полномочным политическим представителем РСФСР в Берлине [9]. Однако деятельность В. Коппа вышла за дипломатические рамки. Негативную реакцию германского правительства вызвало вмешательство советского представительства во внутренние дела страны. В этой связи 2 июля Г. Чичерин направил письмо В. Коппу в Берлин, в котором подтверждал прежние инструкции воздерживаться от какого бы то ни было «соприкосновения с немецкой внутренней политикой» [3, с. 201–202].

Однако через две недели после решения о назначении В. Коппа позиция советского руководства относительно кандидатуры полпреда в Берлин была уже совершенно другой. Видимо это было связано с тем, что в Берлине в это время работала комиссия, которая занималась расследованием деятельности представительства Центросоюза. В. Копп попал под подозрение в связи с возможными злоупотреблениями. На заседании Политбюро 16 июля 1921 г. было решено поручить Г. Чичерину повторно «предложить немецкому правительству в

самой любезной и ласковой форме» кандидатуру А. Иоффе. В случае отрицательного ответа германского правительства полпредом в Берлине назначить Н. Крестинского [10]. Неуверенность Политбюро в согласии германского правительства принять А. Иоффе в качестве советского полпреда была связана с тем, что, будучи представителем Советской России в Германии в 1918 г., он вел активную деятельность по подталкиванию революции. Кроме проблемы с назначением представителя РСФСР в Германии советско-германские отношения были омрачены с конца июля 1921 г. и в связи с вторжением германских судов в советские территориальные воды в районе Мурманска и инцидентом с советским судном «Трансбалт» [3, с. 286]. Как и предполагалось Политбюро, полпредом в Берлин пришлось назначать не А. Иоффе, а Н. Крестинского. В результате процесс затянулся, и только 15 ноября Н. Крестинский вручил верительные грамоты канцлеру Й. Вирту. Длительное отсутствие официально назначенного советского полпреда также тормозило развитие советско-германских отношений.

Несмотря на отказ от назначения В. Коппа полпредом в Берлине, для советского правительства было важно, чтобы он все же оказался в Германии для ведения «специальной работы». 25 августа Политбюро приняло решение о его назначении главноуполномоченным Красного креста в Берлине [11]. 4 сентября Политбюро снова вернулось к вопросу о выезде В. Коппа в Берлин и поручило Г. Чичерину выдать ему точные предписания относительно того, что он является «только представителем Красного Креста без права вмешательства в другие дела» [12]. Можно предположить, что внутри советского руководства не было устоявшейся позиции, относительно того, чем В. Копп должен заниматься в Берлине. Дальнейший ход событий позволяет сделать вывод, что перед ним была поставлена задача по ведению с немцами переговоров о военном сотрудничестве. В рамках возложенной на него «специальной миссии» В. Копп 24 сентября сообщил немцам цифры первого советского заказа на производство вооружений в Германии [13, с. 7].

У германского правительства вызывала постоянную озабоченность возможность пропагандистской деятельности советских представителей, а также их усилия по поддержке коммунистической партии Германии. Так, в связи с предполагавшимся открытием прямого пароходного сообщения между РСФСР и Германией министр внутренних дел обратился с письмом в МИД, в котором выражал беспокойство, что прямое пароходное сообщение позволит советскому правительству значительно активизировать пропаганду и усилия для «дальнейшего расширения и внутреннего укрепления коммунистических ячеек, действующих в Германии» [2, с. 341–343]. 12 августа последовало новое письмо министра внутренних дел Германии в МИД. В нем ставился вопрос о мерах, чтобы «воспрепятствовать въезду русских агитаторов» в Германию под видом торговых агентов. При этом министр указывает на решения III Конгресса Коминтерна, которые подтверждали стремление советского руководства осуществить мировую революцию. Беспокойство министра вызывало то, что в советско-германском соглашении от 6 мая отсутствовали положения, которые ограничивали бы численность персонала в советском торговом представительстве в Берлине. Министр также высказался против открытия советского консульства в Штетине, так как это «означало бы открыть доступ большевистской пропаганде в Германию» [2, 359–360]. Именно проблема противодействия большевистской пропаганде была в основе инцидента с судном «Трансбалт».

Одним из ключевых моментов, которым руководствовалось советское правительство, выстраивая свою политику в отношении Германии, было стремление не допустить создание единого фронта капиталистических стран против РСФСР. В письме на имя В. И. Ленина Г. В. Чичерин писал 14 июля, что важнейший вопрос для Советской России – «объединятся ли капиталисты всех крупных стран в один монополярный блок для эксплуатации России». Не допустить такого развития событий можно было, по его мнению, препятствуя «блокированию немцев с англичанами и французами» [2, с. 347]. Следует огласиться с А. А. Ахтамзяном, что в конце 1921 г. произошел поворот в политике германского правительства в сторону налаживания экономического сотрудничества с Советской Россией [1, с. 31]. В ноябре 1921 г. начались советско-германские переговоры, которые, правда, шли очень медленно.

Таким образом, летом – осенью 1921 г. советско-германские отношения развивались противоречиво. С одной стороны, два государства подписали торговое соглашение, было положено начало переговорам о военном сотрудничестве. В то же время в советско-германских отношениях оставалось достаточно большое число проблем. Важнейшей из них представляется недоверие правящих кругов Германии к Советской России в связи с ее политикой, нацеленной на экспорт революции. Кроме того правительство Вирта не теряло надежду договориться с Антантой. Данные факторы, а также затягивание решения вопроса о назначении советского официального представителя в Берлине, привели к тому, что межгосударственные переговоры, имевшие целью урегулирование советско-германских отношений в целом, начались лишь в середине ноября 1921 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика: советско-германские отношения в 1922–1932 гг. / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 304 с.
2. Советско-германские отношения от переговоров Брест-Литовские до подписания Рапалльского договора : сб. докум. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
3. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное политическое издание, 1960. – Т. 4. – 838 с.
4. Коминтерн идея мировой революции. Документы. – М. : Наука, 1998. – 949 с.
5. Ленин, В. И. Московская губернская конференция РКП(б). Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь 21 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин : в 55 т. – М. : Издат. полит. литерат., 1981. – Т. 42. – С. 17–38.
6. Трухнов, Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 72 с.

7. Протокол Политбюро (ПБ) № 38 от 8 и 10 июня 1921 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=13406>. – Дата доступа: 02.08.2018.
8. Ахтамзян, А. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. / А. А. Ахтамзян // Новая и новейшая история. – 1990 – № 5. – С. 4–13.
9. Протокол ПБ № 42 от 25 июня 1921 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58720>. – Дата доступа: 04.08.2018.
10. Протокол ПБ № 52 от 16 июля 1921 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58821;tab=img0056>. – Дата доступа: 09.10.2018.
11. Протокол ПБ № 55 от 25 августа 1921 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58907>. – Дата доступа: 14.01.2018.
12. Протокол ПБ № 56а от 4 сентября 1921 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58929;tab=img0082>. – Дата доступа: 15.11.2018.
13. Горлов, С. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы / С. А. Горлов // Военно-исторический журнал. – 1991 – № 9 – С. 4–13.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.

Филимонов А.В. (г. Псков, Россия)

Победа в 1917 г. в России первой в мире пролетарской революции оказала решающее воздействие на обстановку в мире. Свержение власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата в интересах строительства нового общества, выход из мировой войны – все эти явления стали очень притягательными для трудящихся зарубежных стран, а рабочее движение в Европе переживало небывалый подъем. Пролетарские революционеры, исходившие из убеждения о начале новой эпохи – перехода от капитализма к социализму, увидели в этом исторический шанс для победы над буржуазией, свершения мировой революции. На это же надеялись и трудящиеся Советской России, полагая, что пролетариат мира последует их примеру, и в скором времени флаг революции взвоет если не во всех, то во многих капиталистических странах. При этом о зрелости объективных и субъективных предпосылок для социалистической революции, готовности стран к социалистическим преобразованиям чаще всего не задумывались: для участников событий первых после 1917 г. лет ситуация не была прозрачной и легко предсказуемой, а главные надежды возлагались на переживаемый Европой революционный подъем.

В этой обстановке крепла интернациональная солидарность населения Советской России с пролетариатом зарубежных стран, которая выражалась в организации массовых кампаний протеста против террора и судебных преследований заключенных в капиталистических странах, наступления буржуазии на жизненные права трудящихся, оказании материальной помощи и поддержки борцам революции и их семьям, моральной поддержки революционного движения за рубежом. Подобного рода мероприятия проводились регулярно, привлекая к участию в них широкие слои населения разных мест РСФСР, в том числе Псковской губернии.

Так, уже 10 июля 1921 г. профсоюзы Пскова организовали городской митинг солидарности на Советской площади и манифестацию по улицам города. Мощными звуками боевых революционных песен, лозунгами с начертанными на них словами «Рабочие Запада, мы с вами!», жители города выражали свою готовность прийти им на помощь [2, 1921. 12 июня].

С 1923 г. наряду с морально-политической поддержкой международного пролетариата они смогли оказывать ему и посильную материальную помощь. Преодоление тяжелых последствий голода 1921 г., начало восстановления народного хозяйства создавали для расширения такой помощи реальную возможность. В решении этой задачи решающую роль играла Международная организация помощи борцам революции (МОПР), созданная по инициативе старых русских большевиков в конце 1922 г. День Парижской Коммуны – 18 марта – был объявлен днем МОПРа.

В конце 1922 г. МОПР обратилась со специальным воззванием к рабочим и крестьянам страны, ко всем трудящимся, предлагая организовать сбор средств в фонд помощи борцам революции в капиталистических странах. Трудящиеся Псковской губернии откликнулись на этот призыв созданием на предприятиях и в учреждениях ячеек МОПРа, большинство из которых было организовано в 1924 г. (в конце года в губернии прошла «Неделя МОПРа»). Ряды губернской организации быстро росли: в ноябре 1924 г. она насчитывала около 20 тыс. членов, а через год – уже 32 тыс.; число ячеек увеличилось с 270 в начале 1925 г. до 550 в июле того же года [2, 1924. 23 ноября; 1925, 28 февраля, 18 ноября; 3, 1925. 24 июля]. Хотя промышленность в губернии была развита чрезвычайно слабо, а рабочий класс был немногочисленным, в авангарде участников МОПРа шли именно рабочие: 48 рабочих ячеек объединяли в своих рядах свыше 9000 членов. Например, ячейка на псковском кожзаводе «Пролетарий» насчитывала 217 чел., типографии – 120 чел., железнодорожной станции Псков – 740 чел.; коллективно выступили в ряды МОПРа рабочие завода «Лесник», подавляющая масса работников фабрики «Шпагат» и т.д. [2, 1924. 25 апреля; 1925. 28 февраля, 17 ноября, 10 декабря]. Об успешной деятельности МОПРа свидетельствует рост ее финансовых поступлений: в конце 1925 г. губернская организация послала в ЦК МОПРа 16310 руб.,

собранных на территории губернии [2, 1925. 18 ноября]. Средства эти складывались главным образом из поступлений от членских взносов, добровольных пожертвований, продажи литературы, проведения вечеров и др.

В августе 1925 г. губернская организация МОПРа приняла шефство над тюрьмами белой Латвии – Митавской, Либавской, Виндавской и Вольмарской. «Принимая на себя шефство, – указывалось в обращении губкома МОПРа, – наша МОПРовская организация должна заботиться не только о материальной помощи подшефным, но и о моральной поддержке изнывающих в тюрьмах наших братьев. Каждый политический заключенный будет безмерно рад, если вместе с материальной помощью получит также и братское письмо с освещением жизни и работе псковских рабочих... Пусть знают латвийские буржуи, что 30000 членов Псковской губернской организации МОПРа солидарны с революционными рабочими Латвии» [2, 1925. 20 августа].

Шефство над тюрьмами в соответствии с решением губкома МОПРа осуществляли: над Митавской – город Псков и Псковский уезд; Вольмарской – Опочецкий, Островский, Новоржевский и Холмский уезды; Либавской – Торопецкий, Великолукский и Невельский уезды; Виндавской – Порховский, Себежский и Велижский уезды. 26 августа 1925 г. губком МОПРа обратился к заключенным Латвии с письмом, содержащим сведения об СССР и его хозяйственном строительстве, обещание моральной и материальной помощи томящимся в тюрьмах и просьбу писать о своей жизни. Одновременно с этим губком МОПРа обратился с предложением широко повести сбор средств и подарков. В результате только за два первых месяца заключенным латвийских тюрем была оказана помощь в размере 1000 руб. и послано от имени производственных ячеек МОПРа четыре письма [2, 1925. 10 сентября, 18 ноября].

Помимо помощи по линии МОПРа трудящиеся Псковской губернии оказывали моральную и материальную поддержку зарубежным рабочим по многим другим направлениям. По существу, не было ни одного крупного международного события, ни одного факта революционного выступления пролетариата капиталистических и колониальных стран, к которому жители Псковщины не выразили бы своего отношения и который не получил бы поддержки с их стороны. Оказывалась ими помощь трудящимся зарубежья и порой в ситуациях, не связанных с революционной борьбой.

Так, посильную помощь они оказали трудящимся Японии, тяжело пострадавшим в сентябре 1923 г. от сильного землетрясения: в фонд помощи делались денежные взносы, отчислялась часть заработка, принимались решения о сверхурочной работе и др. Общее собрание псковских печатников, например, вынесло постановление об отчислении в течение двух месяцев 0,5% жалованья, а помимо этого, всего за полчаса коллектив пожертвовал японским рабочим 500 руб. (подписалось 37 чел.). Аналогичное решение об отчислении части заработка приняли рабочие фабрики «Шпагат»; устроенный комсомольцами Дновского железнодорожного узла субботник в пользу японских рабочих дал 43 руб. 76 коп. золотом; 7500 руб. собрала молодежь Порховского уезда [1, Ф. Р-550. оп. 1. д. 407. л. 53; 2, 1923. 13 15 и 18 сентября; 4, 1923, 27 сентября].

В 1924-1925 гг. население СССР решительно выступило в поддержку революционно-освободительного движения китайского народа, против угрозы открытой военной интервенции капиталистических держав в Китае. В связи с расстрелом демонстрации рабочих и студентов Шанхая в мае 1925 г. повсеместно прошла волна митингов и собраний, на которых советские люди выражали свою солидарность с китайским народом и протест против зверств империалистов. Так, рабочие псковской фабрики «Шпагат», заслушав доклад о событиях в Шанхае, вынесли следующую резолюцию: «Мы, рабочие фабрики «Шпагат» заявляем, что все попытки буржуазных акул поработить китайский народ встретят решительный отпор не только со стороны китайского народа, но и всего международного пролетариата. Пусть знает китайский народ, что он не один. Мы, рабочие и работницы всецело поддерживаем его законное требование. Прочь кровавые руки мировых хищников!» [2, 1925. 16 июня].

Митинги состоялись также на кожзаводе «Пролетарий», электростанции, на лесопильном заводе им. Урицкого, а 15 июня почти весь рабочий Псков вышел на Советскую площадь с плакатами «Руки прочь от Китая!», «Китай – китайцам!», «Да здравствует революция в Китае!». На 5000-тысячном митинге единогласно была принята резолюция, в которой, в частности, отмечалось: «...Мы ежедневно и ежечасно следим за вашей героической борьбой. Мы в любой момент готовы вам помочь, ибо мы знаем, что ваша победа есть начало победы рабочего класса над капиталом во всем мире. Смелей бейте по хребту мирового империализма. Не останавливайтесь на полпути. Истребляйте международных хищников, забравшихся в вашу страну» [2, 1925. 17 июня; 3, 1925. 19 июня].

Свои обещания трудящиеся подкрепляли делом: работники леса пожертвовали в пользу китайских рабочих 1000 руб., деревообделочники – 500 руб., швейники – 300 руб., бумажники и кожевники – по 100 руб., металлисты – 20 руб. и т.д. [2, 1925. 23 июня, 1 июля].

Широкий размах в 1920-е гг. получили массовые кампании протеста против террора и судебных репрессий в отношении революционных борцов в Германии, Польше, Эстонии и др. странах.

В ноябре 1924 г. на предприятиях и в учреждениях губернии состоялись собрания и митинги протеста против белого террора в Эстонии, и, в частности, против расстрела видного деятеля Компартии, бывшего члена Государственного собрания Яна Томпа, обвиненного в так называемом «оскорблении» суда на процессе участников революционного движения. В Пскове состоялся с участием рабочих, служащих и красноармейцев 15-тысячный митинг, которому предшествовали собрания и митинги на предприятиях. «Кровавые палачи и жалкие предатели! – говорилось в принятой резолюции. – Тысячи пролетариев еще теснее сомкнутся вокруг Коммунистической партии, тысячи пролетариев еще больше закалятся классовой ненавистью к буржуазии... Пусть

помнит эстонская буржуазия, что за каждого расстрелянного рабочего ей придется отвечать своей головой перед будущим пролетарским судом, и никакие социал-предатели ей не помогут. Мы шлем братский привет нашим эстонским товарищам. Через границу, через проволочные заграждения, через глухие стены суда мы единовременно им, закованным в кандалы, заявляем: «Мы всецело с вами, мы следим за вашей борьбой, мы уверены, что наступит скоро час вашей победы!» [2, 1924. 18 ноября]. Выражением моральной поддержки Я. Томпу явилось присвоение в январе 1925 г. его имени национальной эстонской школе I ступени в Великих Луках [1, ф. Р-590. оп. 1. д. 1660. л. 247-249].

В марте 1925 г. в тюрьму был брошен депутат парламента Польши коммунист Станислав Ланьцуцкий, которому грозила смертная казнь. Уже 17 марта голос в защиту его подняли трудящиеся Пскова: на Советской площади состоялся многолюдный митинг под лозунгами «Долой белый террор!», «Руки прочь, польская шляхта, от авангарда мирового пролетариата – Коммунистической партии!». «От имени десяти тысяч рабочих и красноармейцев города Пскова мы вместе с рабочими и крестьянами всего Советского Союза шлем польской буржуазии из многомиллионной крестьянской груди свой могучий поток проклятий, – было записано в резолюции митинга. – Товарищи польские рабочие и крестьяне! Крепитесь! Не ослабляйте ни на одну минуту своей борьбы. Вы не одиноки. С вами рабочие и крестьяне всего Советского Союза. С вами рабочие и крестьяне всего мира!» [2, 1925. 18 марта].

Движение мировой общественности против белого террора в Польше заставило польскую буржуазию отложить готовящийся процесс над Ланьцуцким, надеясь решить дело, когда волна протестов пройдет и о процессе рабочие забудут. Через пять месяцев – в августе 1925 г. о суде над Ланьцуцким было объявлено вновь. Протесты во всем мире возобновились, и снова трудящиеся Пскова присоединили свои голоса к заявлению пролетариев других стран: «Руки прочь от Ланьцуцкого!». Общее собрание рабочих и служащих завода «Металлист» приняло решение: «Мы требуем от польской шляхты прекратить издевательства над вождями рабочего класса и крестьянства. Мы снова требуем освобождения представителя лучшей передовой части рабочего класса Польши – тов. Ланьцуцкого. Руки прочь от Ланьцуцкого!». Свое мнение выразили и рабочие электростанции: «Не забывайте, что наш протест – это протест трудящихся всего мира против казней и издевательств над арестованными товарищами. Знайте, что коммунизма расстрелями и пытками не уничтожить. За кровь рабочих вождей слетят тысячи ваших голов» [2, 1925. 6 и 7 августа].

Протест международной общественности заставил польскую буржуазию ограничиться вынесением Ланьцуцкому вместо ожидаемой смертной казни трех лет каторги. Жизнь польского революционера была спасена.

Приведенные выше примеры (которых в действительности было гораздо больше) показывают, как трудящиеся Псковской губернии демонстрировали свой интернационализм и солидарность с пролетариатом зарубежных стран. Оказывая ему моральную поддержку и посильную материальную помощь, отказывая порой в самом необходимом себе, они искренне верили, что приближают время свершения мировой революции, утверждения «светлого царства социализма» на всей планете. И не их вина в том, что революционный подъем начался 1920-х гг. в Европе вскоре пошел на спад, а перспективы мировой революции отодвинулись на неопределенный срок. Мечты же о ней, окрашенные революционной романтикой, не могут заслонить того факта, что скромная помощь трудящихся Псковской губернии «братьям по классу» кому-то, возможно, не позволила умереть голодной смертью в условиях забастовки, другого поддержала в обстановке стихийного бедствия, а третьему спасла жизнь от грозившей судебной расправы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО).
2. Газета «Псковский набат»: Орган Псковского губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета.
3. Газета «Псковский пахарь»: Еженедельная крестьянская газета.
4. Газета «Листок молодежи»: Орган Псковского губкома РКСМ.

КУЛЬТУРА ПЕТСЕРСКОГО (ПЕЧОРСКОГО) КРАЯ: ПЕТСЕРСКОЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1920–1930-Е ГГ.

Вариксоо Е.Ю. (г. Печоры, Россия)

В настоящее время тема «русские в Эстонии в 1920–30-е гг.» представлена в ряде исследований. Один из аспектов этой темы – история Петсерского общества культурно-просветительского общества – частично освещена в рамках исследований профессора Сергея Геннадьевича Исакова [5], а также в статьях Н.В. Сахаровой [10] и О.А. Калкина [7].

Источниками по теме являются эстонские периодические издания и сборники 1920–1930-х гг., воспоминания участников культурной жизни Печорского края, в том числе – членов Петсерского культурно-просветительского общества.

Сфера культуры, культурная деятельность для русских Эстонии в 1920–1930-е гг. имела особый смысл. Как известно, Печорский край вошел в состав Эстонии по Тартускому мирному договору 1920 г. В 1925 г. в республике был

принят «Закон о культурном самоуправлении национальных меньшинств». Вследствие политики государства по усилению эстонизации русского населения особенно остро встал вопрос о сохранении русскими своей национальной идентичности. Большинство считало, что путь к этому лежал через сохранение и развитие родной культуры и языка. Центрами русской культурной жизни повсеместно в Эстонии, в том числе в г. Печоры (Петсери), стали многочисленные русские культурно-просветительные, профессиональные, спортивные и прочие организации [5].

Важное значение для жизни Петсерского уезда имела деятельность Петсерского русского общества просвещения (Петсерского культурно-просветительского общества). Главной своей задачей оно ставило заботу об умственном и физическом воспитании населения, возбуждение его самодеятельности в области внешкольного образования и пробуждения среди населения интереса к науке и искусству [12, с.83].

Днем основания Петсерского русского общества просвещения считается 5 декабря 1922 г. [2, с.144]. Общество продолжило традиции основанного еще в довоенные годы местного просветительского общества [10, с.146]. У его истоков стояли печорские общественные деятели Ф. Прам, М. Дондуков, С. Куликов, М. Шкоков, Е. Узай и священник Карп Устав [2, с.144]. Первой председательницей правления общества была местная общественная деятельница Е.В. Узай, которую затем сменил М.В. Пимкин, занимавший должность председателя правления 14 лет (по 1938 г.), когда должность председателя занял А.В. Смирнов [12, с.83]. Общество являлось наиболее крупной культурно-просветительной организацией Печорского края, объединяя в своих рядах до 200 членов к началу 1940 г. У Общества в 1939 г. было пять отделений: Пачковское, Бутырское, Рагозинское, Паниковское и Шумилкинское [12, с.83].

В 1924 г. при поддержке Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии, который выделил 130 книг, при Обществе появляется библиотека. Первые три года ее фонд пополнялся исключительно за счет Общества. Позднее участие в финансировании принимали правительство Эстонской республики и городское управление. В 1926 г. за пользование книгами начали взимать плату. Открыта библиотека была три раза в неделю. При этом постоянными сотрудниками библиотеки на безвозмездных началах были члены Общества. Бессменным главой библиотеки был М.П. Шкоков, его помощницей была С.В. Селюгина. К 1936 г. фонд библиотеки насчитывал уже 3936 книг [3, с.6]. До 1940 г. эта библиотека была единственной на весь Печорский край [2, с. 145].

Долгое время у Общества были серьезные проблемы с собственным помещением. Своего дома не было и вечера устраивали в арендованном доме Вайко на Рижской улице, в неприглядном зале. Позднее печорские купцы построили на Рижской улице, 2-а сдаваемый в аренду «театр» (открыт 5 февраля 1922 г.), где было удобнее устраивать вечера, но и этот «Белый зал» через два года сгорел и в его буфете погибло два человека [9, л. 12].

В 1932 г. Общество начинает строительство Русского дома и для сбора средств проводит ряд культурных мероприятий. Например, 28 августа 1932 г. в Печорах был устроен концерт – бал с разнообразной программой, чистый сбор с которого пошел в фонд постройки Русского народного дома [8, с.3].

При участии Петсерского общества зародилась уникальная традиция – Дни русского просвещения в зарубежье. Первый День русского просвещения состоялся 26 мая 1924 г. и был посвящен 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина. В дальнейшем на территории Эстонии в разных городах использовалось два названия – «День русского просвещения» и «День русской культуры».

В 1925 г. Дни русской культуры прошли по всему Печорскому краю – в Печорах, Лаврах, Изборске, Залесье, Новоизборске, Городище, Кулье, Печках. Эти праздники приурочивались к юбилейным датам русских писателей, композиторов, художников. В программу неизменно включались и выступления русских хоров. Звучала русская песня в исполнении самодеятельных хоровых коллективов уезда; стали выступать оркестры народных инструментов [4]. При этом Дни русского просвещения являлись еще и главным источником доходов Общества [12, с. 84].

К концу 1930-х гг. при правлении Общества работало множество кружков: спортивный, изобразительно-го искусства, литературный кружок молодежи (под руководством Бориса Семенова (с 1927 по 1940 г. – инструктор Союза русских просветительных и благотворительных обществ по Печорскому краю). Кружок любителей изобразительных искусств (председатель Г. Копьев) организовывал выставки картин местных художников. Дамский кружок (председатель Н. Потина, в конце 1930х гг. – С.М. Бюнтинг) много забот уделая детскому саду. Женщины занимались рукоделием в пользу бедноты, организовывали курсы эстонского языка [2, с. 145]. Кроме того под управлением Софьи Михайловны Бюнтинг дамский кружок играл значимую роль в хозяйственной деятельности общества: женщины занимались организацией лотерей, базаров, буфета и др. [12, с. 84] В детском саду под руководством учительницы Е.Я. Пимкиной воспитывалось до 100 детей, преимущественно из бедных семей, которым Общество оказывало и материальную помощь [12, с. 84]. Под покровительством Общества находились русские скауты [12, с.84]. Появилась задумка создать в г. Печоры русский народный музей, и начался сбор экспонатов крестьянского быта [2, с. 144]. К сожалению, экспонаты музея пострадали во время пожара в мае 1939 г. При Обществе был свой Великорусский хор и оркестр народных инструментов [12, с. 84].

Уже в 1935 г. началась подготовка к памятной дате – столетию со дня смерти А.С. Пушкина. В связи с этим 21 августа 1935 г. при Обществе была образована Пушкинская комиссия, а позднее – и Пушкинские курсы инструкторов для работы в деревнях. В октябре-ноябре 1935 г. в г. Печоры прошли 4-х дневные бесплатные курсы для подготовки докладчиков и организаторов юбилейных пушкинских торжеств [6, с. 8].

В 1937 г. в г. Нарва состоялся первый Всегосударственный слет русских хоров Эстонии, который был приурочен к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. В празднике принял участие и хор Петсерского общества [11].

Решение о проведении в Печорах в июле 1939 г. 2-го Всегосударственного слета русских хоров и оркестров Эстонии дало большой толчок к активизации работы правления Общества. Праздник едва не был отменен из-за грандиозного пожара в мае 1939 г., уничтожившего почти треть города. Тем не менее, праздник было решено проводить. Было получено согласие на устройство праздника от президента государства К.Я. Пятса. Был создан общественный комитет по проведению праздника, в который вошли русские депутаты Государственной Думы (парламента) Эстонии, настоятель Псково-Печерского монастыря, городской голова, члены правления Петсерского общества просвещения, представители всех кружков и отделов, работающих в этом обществе, русские волостные старшины, представители комитетов содействия в Таллине, Тарту, Нарве и др. [12].

Во втором общегосударственном русском певческом празднике в Печорах приняли участие 60 хоров и 25 оркестров народных инструментов – не только из Эстонии, но и из Финляндии и Литвы – всего около 3500 певцов и музыкантов. Участвовал в празднике и знаменитый русский певец – тенор Д. Смирнов [12].

Однако работа правления Петсерского русского общества просвещения в 1938-1939 гг. не ограничивалась только подготовкой к певческому празднику. Проводились циклы лекций, вечера, посвященные юбилеям русских классиков [2, с.146].

Деятельность Общества прекратилась вскоре после включения Эстонии в состав СССР. Уже в июле 1940 г. из-за временного запрета на проведение собраний, шествий, демонстраций стала свертываться работа некоторых общественных организаций, но это первоначально не коснулось Петсерского общества просвещения [2, с.147]. У правления появились новые заботы. Надо было приобщаться к новой советской культуре; шел просмотр репертуаров, разучивание новых песен, комплектование библиотеки. Последнее довоенное правление общества было избрано в июле 1940 г. Председателем стал юрист В. Петерсон. В середине 1940 г. общество насчитывало около 200 человек. Последний сохранившийся в архиве протокол заседания правления Петсерского общества просвещения датирован 10 сентября 1940 г. (№ 53) [2, с.148].

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономия национальных меньшинств. [Глава государства высказывается за проведение законопроекта в срочном порядке] // Последние известия 1925. 18 янв. № 14. С.3. Государственное Собрание // Последние известия 1925. 22 янв. № 17, с. 3. Государственное Собрание // Последние известия 1925. 6 февр. № 30, с. 3. Закон о культурной автономии национальных меньшинств, принятый государственным собранием 12 февр. и опубликованный в "Riigi Teataja" № 31/32 – 1925 // Последние известия 1925. 22 февр. № 44, с. 2-3.
2. Гордеев Л.М. Одной семьей. Воспоминания о Петсерском русском обществе просвещения (1922-1940) // Просветители. Сборник к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллинн, 1998. С. 144-148.
3. День русского просвещения. Издание Союза Русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллин. Май-июнь 1936.
4. День русского просвещения в Печерском крае 31 мая 1925 года: сборник / под ред. А. А. Булатова. Печеры, 1926
5. Исаков С.Г. Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918-1940. Статьи. Очерки. Архивные публикации / Отв. ред. Т. К. Шор. – Tallinn, 2011. – 368 с.
6. К юбилею А.С. Пушкина. Издание Петсерского русского общества просвещения. Петсери, 1936
7. Калкин О.А. Участие псковских эмигрантов в общественной и культурной жизни Печорского края (1920-1940 гг.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 22/ 2005.
8. Печорский край. 1932. 28 авг. № 31. С. 3.
9. Рясса А. Воспоминания о Печорах (1920-1928)// Рукопись. Перевод с эстонского М. Шувалова. 1974 г. Хранится в фонде Музея истории города Печоры.
10. Сахарова Н.В. Культурная жизнь русского населения Печорского края 1920-1930-е годы // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 30/ 2009.
11. Сборник 1-го Всегосударственного слета русских хоров в Нарве, 26-27 июня 1937 г. Нарва, 1937.
12. Сборник 2-го Всегосударственного слета русских хоров в Эстонии. Печоры, 1939.

«МАСКАРАДОМАНИЯ» КАК ЯВЛЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАЧАЛА 1920-х ГГ.

Костякова Ю.Б. (г. Абакан, Россия)

Повальное увлечение самодеятельностью в начале 1920-х гг. неофициально, в том числе и в газетных статьях того времени, называли «болезнью маскарадомании». Действительно, по количеству включенных в это движение людей, прежде всего, молодых, его можно назвать одним из наиболее массовых культурных движений того времени. И, несмотря на заметную политизацию и начинавшуюся его бюрократизацию, в нем преобладала инициатива, импровизация и изрядная доля творческого хулиганства.

Активное развитие самодеятельности в 1920-е гг. исследователи, в частности, В. В. Глебкин, трактуют как «защитную, терапевтическую, так сказать, реакцию на изменившийся быт», а инсценировки – как способ решения проблемы потери ориентации [1, с. 102] в стремительно изменяющейся действительности, заполненной новыми политическими терминами и установками. Театральную самодеятельность 1920-х гг. можно рас-

смаковать и как результат пробуждение творческой активности масс, вызванной сильными в эмоциональном плане событиями: свержением царизма, окончанием Гражданской войны, декларацией устремлений на свержение мировой революции и объединение трудящихся всех стран. Это определило ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер такой самодеятельности.

Но советский любительский театр имел и дореволюционные «корни» в виде школьных кружков и постановок, которые местная интеллигенция организовывала к значимым церковным праздникам для сбора средств на благотворительные цели (ремонт школы, покупка учебников, материальная помощь нуждающимся ученикам и т. д.). Этой позиции придерживается и Е. М. Кривда, связывая появление самодеятельного искусства с политическими революционными преобразованиями, происходившими в России с 1910-х гг. Самодеятельность являлась альтернативой творчеству профессиональных мастеров и предоставляла возможность непрофессиональному творцу «создавать новый идеал, не будучи обремененным багажом старых знаний» [2, с. 97].

Возникновение театральных кружков, на наш взгляд, являлось продолжением данной традиции и, в то же время, средством выполнения новых политических задач, что и объясняло поддержку таких объединений со стороны власти. Это подтверждает в своем исследовании М. Рольф, сообщая, что дореволюционную концепцию самодеятельности «извлек на свет божий» и предложил взять за основу новой праздничной культуры известный партийный деятель и идеолог П. М. Керженцев. В его трактовке многочисленные и непрофессиональные коллективы, созданные на предприятиях или в клубах, должны были обеспечивать «творческое исполнение директив в рамках общего плана праздничных действий» [5, с. 83].

Комплексный анализ представлений самодеятельных провинциальных коллективов затрудняет недостаток их описаний очевидцами. Авторы заметок в прессе чаще всего ограничивались упоминанием о том, что участникам торжественного мероприятия (собрания, пленума и т. д.) «силами местного кружка» был показан спектакль. Иногда встречается перечисление представленного зрителям: частушки, сценки, «живые газеты», гимнастические и музыкальные номера. Но основу действия составлял именно «маскарад», то есть сценки, в которых главным был элемент «наряжания» участников. Поэтому самодеятельность начала 1920-х гг. и называли «болезнью маскарадомании», по своей «кошмарности в несколько раз превосходившей желтуху». Ею было охвачено, как утверждали современники, 90% молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет. С наступлением вечера они «натягивали на себя все, что попадет под руку из домашнего обихода: лохмотья, простыни, скатерти, платки, газетную бумагу, куриные перья», разрисовывали надписями лицо и другие части тела и бежали в клуб или театр [4, с. 1–2].

Несмотря на свою эпатажность, участники самодеятельных кружков использовали (пусть и неосознанно) традиции дореволюционных любительских театров. Их объединял непрофессионализм актеров, благотворительный характер представлений (сбор денег на нужды школы/комсомольской ячейки или клуба), приуроченность постановок к праздничным датам. Отличия мы видим в том, что в дореволюционном любительском театре соблюдались театральные традиции в оформлении сцены, подборе реквизита. В основе представления лежала пьеса, тексту которой следовали актеры. Такие постановки служили дополнением праздничной атмосферы религиозного праздника. А самодеятельные «спектакли» в начале 1920-х гг. активно использовались в антирелигиозной пропаганде, для отвлечения молодежи от церкви. Это определяло, по нашему мнению, провакционность их тематики и поведения «актеров» на сцене.

Второй составляющей самодеятельности можно назвать традиции маскарада. Основной его целью являлось развлечение публики с целью получения коммерческой выгоды для организаторов. Маскарады иногда имели тему, что определяло стилистику костюмов. Но главным в них было отсутствие сюжета, импровизационность происходящего и включение в действие всех присутствующих. Эта всеобщая включенность наблюдалась и в ходе самодеятельных спектаклей начала 1920-х гг., когда зрители не просто реагировали на происходящее, но и могли присоединяться к действию.

Однако, в отличие от любительских театральных кружков, которые существовали и в селах, маскарад был по большей части городским развлечением для людей с достатком, позволявшим приобрести или пошить маскарадные костюмы. А участниками самодеятельности были молодые люди из «низов», в среде которых сохранялись деревенские традиции. Поэтому в «маскарадомании» активно использовались элементы «ряжения», то есть обрядового перевоплощения человека. Используя маски, разрисовывание лица и частей тела, условные костюмы, участники самодеятельности ставили не спектакли, а, скорее, мистерии, в том числе и антирелигиозного содержания.

В качестве примера приведем газетную зарисовку, автор которой подробно и с собственными комментариями описал одну из таких постановок. Она была приурочена к празднованию «комсомольской антитроички», поэтому носила ярко выраженный антирелигиозный характер. Автором постановки «Сошествие св. духа на апостолов. Апостолиада – шарж в 2-х картинах» указывался местный автор. Но, судя по описанию действия, актеры придерживались лишь общей смысловой и сюжетной линии, дополняя ее импровизациями.

Представление было построено на принципе контраста: знакомая по описаниям Тайная вечеря сопровождалась «веселой разухабистой песней и лихой пляской отцов церкви». Когда разошедшихся апостолов забрали в тюрьму блюстителя порядка, «тут уже такой кавардак пошел на сцене, – сообщал наблюдатель, – что, наверное, настоящим «отцам» не раз икалось». Апофеозом спектакля стало раскаяние «батюшки» и «разоблачение» апостолов, которые, сорвав с себя парики под бодрые звуки «противотроичкой марсельезы», представили перед зрителями «честными комсомольцами» [6, с. 3].

Заметим, что сценические работы самодеятельных кружков трудно назвать спектаклями. Их, скорее, можно отнести к инсценировке – одной из наиболее распространенных сценических форм 1920-х гг. Такая форма подачи материала давала «возможность оперативно и адекватно выразить сознание революционных масс в период Гражданской войны и военного коммунизма. Основу ее составляли живые аллегорические картины, хоровая декламация, литературно-музыкальные композиции» [3].

Отчасти «маскарадоманию» можно назвать продолжением политкарнавалов – массовых костюмированных шествий и демонстраций начала 1920-х гг. По времени расцвет маскарадного движения совпал с запретом на такие уличные мероприятия, поскольку они сложно поддавались контролю и часто выходили за рамки сценария мероприятия. Кроме этого, в ходе политкарнавалов участники нередко допускали нападки на обывателей – «противников нового строя» и оскорбления чувств верующих. Поток жалоб во все инстанции, повышение напряженности во взаимоотношениях с населением заставило власти локализовать подобные мероприятия, ограничив их пространством клубов. Данное решение, как мы полагаем, стимулировало развитие самодеятельных кружков в русле именно сценического, а не площадного искусства.

Популярность «маскарадомании» среди молодежи можно объяснить, прежде всего, демократичностью этого движения. Организация представления не требовала от участников серьезной подготовки, допускала условность в оформлении сцены, реквизита и костюмов, позволяла быстро откликаться на актуальные события. В отличие от профессионального театра, посещение которого было дорогим удовольствием и требовало определенных знаний для понимания спектакля, самодеятельные представления были более доступными для зрителей из «низов». Заметим также, что из-за неразвитости или разрушения в ходе Гражданской войны в провинции других форм культурного досуга самодеятельный театр, как наиболее доступная форма интересного и полезного времяпрепровождения для детей и молодежи, отчасти помогал решать и проблему преступности.

Частотность проведения выступлений самодеятельных коллективов можно объяснить тем, что с их помощью можно было привлечь и удержать в зале максимальное число участников. Поэтому спектаклем заканчивалось любое значимое торжественное мероприятие: собрание, пленум, антирелигиозный вечер и проч. Продажа билетов позволяла собрать средства, столь необходимые для работы ячеек. Кроме того, такие спектакли использовались и в агитационно-пропагандистской работе, наиболее активно – в борьбе с религией, что объясняет поддержку самодеятельного творчества со стороны партийной и комсомольской власти.

Согласимся с мнением А. И. Щербинина о том, что революционный «спектакль выполняет важную коммуникативную функцию, позволяя его зрителям здесь и теперь охватить взором весь мир, все время от прошлого до будущего, редуцируя пространство и время, политические в первую очередь, до пространства революционной «сцены» и «времени» революционного спектакля» [7, с. 66]. Постановщики самодеятельных спектаклей не претендовали на такую всеохватность пространства и времени. Но их творения позволяли зрителям «освоить» окружающий мир, соотнести его с прошлым и декларируемым будущим, эмоционально включиться в процесс усвоения транслируемых политических мифов и установок. В результате спектакль – его постановка и демонстрация зрителям – становился коллективным действием – «маскарадоманией», в которое были вовлечены и актеры и публика. Они эмоционально заряжали друг друга и участвовали в создании массовой советской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. – М.: «Янус-К», 1998. – 168 с.
2. Кривда Е. М. К вопросу о самодеятельном и профессиональном искусстве (в рамках деятельности ленинградского ИЗО рабочей молодежи) / Е. М. Кривда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9(71). – С. 95–100.
3. Кустова Э. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ [Электронный ресурс] / Э. Кустова // Журнальный клуб «Интелрос. Неприкосновенный запас». – №3. – 2015. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz3-2015/27690-sovetskiy-prazdnik-1920-h-godov-v-poiskah-mass-i-zrelisch.html>. – Дата доступа 1.07.2019.
4. Начинаящий. Маскарадомания. Попытка научного исследования / Начинаящий // Власть труда. – 1923. – № 13. – С. 1–2.
5. Рольф М. Советские массовые праздники / [пер. с нем. В. Т. Алтухова] / М. Рольф. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 439 с.
6. Свой. Комсомольская троица / Свой // Власть труда. – 1923. – 8 июня. – С. 3.
7. Щербинин А. И. Революционный спектакль: опыт и современная постановка / А. И. Щербинин // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 3(27). – С. 65–73.

СУДЬБА ЗДАНИЙ РИЖСКИХ ГОРОДСКИХ ТЕАТРОВ 1914–1920

Бартеле Т. (г. Рига, Латвия), Шалда В. (г. Даугавпилс, Латвия)

Рига начала 20 века была многонациональным городом. В 1913 году латыши составляли 42% жителей (немцы 13%, русские 19%). [22] Культурная жизнь города была разнообразна, и значительное место в ней занимал театр, которому городское самоуправление уделяло большое внимание. Во второй половине 19 и начале 20 веков было построено два здания для городских театров – немецкого и русского. [1;2] Сегодня в них расположены Латвийская национальная опера и Национальный театр. Постоянный латышский театр появился в Риге в конце 60-х годов 19 века, и городское управление, начиная с 1887 года, выделяла ему субсидию, «как театру всех рижских латышей». [27, 52] Перед Первой мировой войной в Риге работало уже четыре латышских театра, но ни один из них не имел статуса городского театра и своего здания.

В конце первого десятилетия 20 века Рижская Дума признала, что латышский театр заслужил большую поддержку со стороны города, и у него должно быть свое здание. Для будущего театра выбрали место, провели конкурс проектов, определили победителя. Однако подготовка к строительству растянулась на несколько лет. Началу работ мешало строительство железнодорожного моста через Даугаву и временного здания Рижского центрального вокзала. Когда оба объекта были готовы, латышская пресса в июне 1914 года сообщила, что строительство театра задерживает отсутствие ясности о расположении конечной станции электрической железной дороги из Юрмалы и общего плана развития города. Перед латышами-членами городской Думы ставилась задача позаботиться о том, чтобы территория, признанная «наиболее пригодной» была использована именно для строительства театра. [18]

Начало Первой мировой войны принесло резкие перемены и в театральную жизнь города. Первый Рижский городской (немецкий) театр прервал работу, т.к. почти все ангажированные актеры были гражданами Германии или Австро-Венгрии и не могли приехать в Россию. Театральная комиссия разорвала уже заключенные договоры и временно закрыла театр. Здание Немецкого театра стояло пустым и не использовалось. Предлагали отдать его под госпиталь Красного Креста, однако другие помещения оказались более пригодны для этой цели.

В первый год войны в Риге продолжал работать Рижский русский театр, которым в сезонах 1913 – 1915 годов руководил известный русский актер, режиссер и антрепренер Константин Незлобин (1857–1930) [13] а также три латышских театра: Новый Рижский театр, Интеримтеатр (с латинского „interim” – „в это время”, т.е. – временный) и Латышская опера.

Осенью 1914 года появилось предложение использовать здание Немецкого театра для спектаклей других театров. Какой-то русский предприниматель «с согласия Нового Рижского театра», обратился с таким проектом в городскую управу. Однако оказалось, что по договору здание на много лет было отдано в распоряжение Большой гильдии. Поэтому и вопрос должна была решать она. „Rīgas Avīze” («Рижская газета») полагала маловероятным осуществление этого предложения, т.к. Новый Рижский театр, по ее мнению, был «материально слишком слаб». [26] К сожалению, авторы не нашли сведений, как Большая гильдия смотрела на возможные варианты использования театрального здания и как долго она им распоряжалась.

После этого в прессе прозвучало сообщение, что здания обоих театров решило перенять Общество гарантов Рижского русского театра. На это в газете „Jaunais Vārds” («Новое слово») появился протест «латышей» против «такого непомерного аппетита руководства русского театра». Его авторы требовали отдать здание Первого городского (немецкого) театра в пользование Новому Рижскому театру вместе с Латышской оперой «до тех пор, пока город не построит и не предоставит им уже давно обещанный третий Городской театр». Латышские газеты отстаивали это предложение с помощью различных аргументов. Автор статьи в „Jaunais Vārds” считал, что латышам здание театра полагается потому, что у них не хватает соответствующих помещений, а у русских уже есть построенное городом здание. Газета же „Dzimtenes Vēstnesis” («Вестник Родины») писала, что «латышская опера почти сильнее русской». Такое утверждение местная русская и немецкая пресса встретила с иронией, а сторонники редактора газеты «Рижский Вестник» Леонида Витвицкого (1856–1919) даже обвинили латышей в шовинизме. [11]

В полемику вступил известный писатель и музыковед Всеволод Чехихин (1865–1934). Он предложил, чтобы в военное время в помещении Первого городского (немецкого) театра проводились спектакли обоих оперных трупп по формуле: 4 рабочих дня русским, 2 латышам, а воскресенья делить «по-христиански»: одно русским, другое латышам. После войны, по его мнению, в помещении могли бы работать все три оперные труппы (русская, немецкая и латышская). Порядок использования здания мог бы быть следующим: 3 дня русским, 2 немцам и 1 день латышам. Воскресенья же по очереди каждой труппе. И. Чехихин свою точку зрения основывал на идее, высказанной им в Либеральном клубе еще в 1911 году. Тогда он предлагал в городских и земских учреждениях предусмотреть 10 мест, разделив их следующим образом: «4 русским, как главной нации в государстве; 3 – национальности, которую в годы войны называть неприятно [немцам] за их прошлые достижения в культуре; 2 – местным жителям – латышам и эстонцам; а 1 оставшееся – другим нациям (евреям и т.д.), из соображений гуманности». Таким же образом предполагалось делить помещения Первого городского театра между тремя оперными труппами. [9]

Вторжение немцев на территорию Латвии в 1915 году, вызванное им беженское движение не дало осуществиться ни одному из этих замыслов. Жители Риги покидали город, прекратил работу Второй городской (русский) театр, в Петербург перебрался Новый рижский театр, эвакуировались многие актеры Рижского латышского театра. Однако оставшиеся в городе актеры продолжали работать. Одна труппа выступала в помещении Интеримтеатра, вторая, под руководством актера Карлиса Бривниекса (1854–1934) в зале «Улей». Постоянная труппа Кристапа Кошкина (1875–1931) давала представления в зале Верманского парка. [23] Кроме того, пытались работать и кружки «других актеров и дилетантов», но безуспешно. Газета „Baltija” (Балтия) в 1916 году писала, что «прошлой зимой Рига была мертвым городом. Вся общественная жизнь (за исключением обеспечения беженцев) остановилась и умерла. <...> В таком мрачном окружении работал латышский театр». [8] При этом интерес рижских зрителей, живших в прифронтовой полосе, к театру был достаточно высок. Журнал „Varavīksne” (Радуга) весной 1916 года отмечал, что «все представления хорошо посещаются, как латышами, так и другими, т.к. латыши почти единственные, организующие в Риге спектакли или концерты» [14, 111]

Помимо упомянутых трупп, действовали и «другие группы актеров и любителей». Одна из них сняла помещение Городского русского театра и устроила там представление, но, как писал автор театрального обзора, «организаторы все-таки потерпели как моральные, так и материальные убытки, так что они лишатся желания снова проводить подобные эксперименты». [8]

Вызванный войной упадок сил, экономические трудности все больше давали о себе знать. Новый сезон 25 сентября 1916 года Рижский латышский театр (Интеримтеатр) начал «без постоянного помещения» в здании Рижского городского русского театра, зал, однако, был полупустым. Корреспондент газеты „Līdums” (Подсека) констатировал, что причиной этого были «необычно высокие цены». [7]

После Февральской революции в латвийском обществе прозвучали две идеи, связанные с налаживанием театральной жизни. Первую – основать Национальный театр – высказал писатель и политик Янис Акуратерс (1876–1937), а вторую – создать Рабочий театр – писатель и литературовед Андреис Упитс (1877–1970). Однако ни одна из них в 1917 году не была осуществлена, т.к. 21 августа 1917 года Ригу заняли германские войска. Обе идеи начали реализовывать в Валке, где в январе 1918 года в условиях существования Советской власти открыли Валкский рабочий театр, а в апреле 1918 года, уже в оккупированном немцами городе – Латышский временный национальный театр. [24; 16, 159-160]

Актеры, оставшиеся же в Риге, и боровшиеся за выживание, возобновили профессиональную деятельность. В конце января 1918 года, хотя и без лучших исполнителей, произошло первое после перерыва, вызванного войной, представление латышской оперы. [10] 50-летие со времени показа первой пьесы на латышском языке Рижский латышский театр отпраздновал в помещении бывшего Второго городского (русского) театра, которое оккупационные власти отдали ему в постоянное пользование. Один из театральных критиков (О. Кроллс) в газете „Baltijas Ziņas” (Балтийские известия) писал, что после недавних споров «нужно ли и где строить латышский театр», теперь «неожиданно латыши получили свой театр после прихода немцев. Маловероятно, что у латышей даже в мирное время мог бы появиться свой театр» [15] Это помещение использовала и латышская оперная труппа. Очередное представление Рижского латышского театра прошло и 17 ноября 1918 года, накануне дня провозглашения в нем Латвийской республики. [21]

Немецкие оккупационные власти попытались восстановить и работу Первого городского (немецкого) театра. Вновь были приглашены профессионалы из Германии. Первая серьезная постановка (В. Шекспир «Ромео и Джульетта») в сезоне 1918 года прошла 29 октября, когда руководство Германии уже три недели вело переговоры о перемирии. В отзывах латышской прессы прозвучало: «Персонал новый, несыгранный <...> Зрителей было много» [17]

Поздним вечером 2 января 1919 года, накануне того, как в Ригу вошли большевистские латышские стрелки, в Первом городском (немецком) театре произошел большой пожар. Огонь появился в пристройке, в хранилище реквизита и декораций. Вызванные пожарники появились со значительной задержкой, однако им удалось закрыть железную дверь, которая отделяла пристройку от остальных помещений. Пристройка сгорела полностью, задняя стена обрушилась. Огонь долго бушевал в библиотеке театра. Зрительный зал, хотя и пострадал от жара и дыма, остался цел. Таким образом, не повторилось трагедия 1882 года, когда театр сгорел полностью, и его восстанавливали пять лет. Подозрения вызвали условия, в которых произошел пожар. В это время «персонал немецкого театра», «подданные Германии» поковали чемоданы, чтобы отправиться «домой». Выяснить ничего не удалось, но циркулировали слухи, что театр подожгли умышленно. [6]

8 февраля 1919 года декретом правительства Советской Латвии оба Рижских городских театра были национализированы и переданы в ведение Комиссариата народного образования, отдел искусства которого тогда возглавлял Андреис Упитс. [16, 180-181] 11 февраля большевистская газета „Cīņa” (Борьба) сообщала, что в ближайшие дни «прекратятся прежние постановки» и начнет работать «рабочий театр и опера», «бывший Немецкий театр станет Первым советским латышским рабочим театром и бывший Русский городской театр Вторым рабочим театром». Драматические представления и концерты предполагалось проводить в обоих театрах, а оперы только в первом. Газета также сообщала, что уже подобрана театральная труппа «из большого числа наших лучших художников сцены». [12] Представления латышской оперы в бывшем Городском немецком театре начались уже 23 января 1919 года. На приглашение советских учреждений вернуться в Латвию отозвались

латышские драматические актеры, бежавшие в Советскую Россию и хотевшие спастись от царивших там нестерпимых условий жизни. Их первое собрание прошло 12 февраля, а премьера – пьеса Л. Паэгле (1890-1926) «Вознесение» 23 февраля [16, 181]

В бывшем здании Немецкого театра теперь собиралась публика, которую раньше нельзя было там встретить. А. Упитс был вынужден опубликовать предостережение: «Посетитель театра не должен забывать, что он не на улице или в кабаке, что его возня и шум мешают актерам и обижают остальных серьезных зрителей <...> Сознательной части зрителей самой надо помочь поддерживать порядок <...> Если это не поможет, управление театром будет вынуждено назначить дежурных, которые шумящих, свистящих, комкающих программки и им подобных, попавших в театр по недоразумению, будут выводить на улицу». [5] Вероятно, что воспитание зрителей не успело дать результат, т. к. Ригу 22 мая 1919 года заняли немецкие части под командованием Ридигера фон дер Гольца (1865–1946). Но и после этого театры, отбросив из своего названия слово «рабочие», продолжили работу. [25]

Затем последовал период борьбы латышских национальных войск с большевиками и войсками П. Бермондта (Павел Рафа(й)лович) Бэрмон(д)т-Авалов, 1877–1973(?)). Во время обстрелов Риги бермонтовцами пострадало здание Первого городского (немецкого) театра (в него попало 8 снарядов). Однако уже к концу ноября 1919 года «все повреждения были устранены так, что уже не мешали творческому процессу». Театр после вынужденного полуторамесячного простоя возобновил свою деятельность, но уже как «государственная опера» [20] и получил название Латвийской Национальной оперы.

В сентябре Театральный совет Министерство образования Латвийской Республики решил основать латвийский национальный театр [16, 182], что было сделано решением руководителя отдела писателей и театра Янисом Акуратерсом 23 сентября 1919 года. [4] Предполагалось, что театр каждую неделю будет давать пять представлений, «причем организованных так, чтобы они не совпадали с оперными спектаклями». [20] Новый сезон должен был открыться 29 ноября в помещении бывшего Второго городского (русского) театра постановкой «Zeltazirgs» («Золотой конь») Райниса (1865–1929). В связи с этим газета „Baltijas Vēstnesis” (Балтийские Вестник) писала: «Только сейчас, когда театр получил приличные помещения, которых раньше не хватало, когда государство благосклонно выделяет средства, у латышского театра будет возможность вложить все силы в творческую художественную работу...». [19] Однако первым представлением, ознаменовавшим начало работы Национального театра, стал показ пьесы Рудольфа Блауманиса (1863–1908) „Ugunī” (В огне) 30 ноября 1919 года. [21]

Изложенные факты дают возможность сделать вывод, что в 1914–1918 годах разные власти не обращали должного внимания на использование зданий рижских городских театров. Национальные правительства Латвии, как демократической республики, так и советской, оба здания хотели использовать в соответствии со своими взглядами на задачи искусства. Одно замыкалось на поддержке национального, второе классового искусства. С политической победой демократической Латвийской Республики и в искусстве победила национальная идея.

В результате всех событий 1914–1920 годов в Риге по сравнению с 1913 годом существенно уменьшилось число немецких и русских жителей, таким образом, и численность потенциальных зрителей этих национальных театров. В 1920 году в Риге осталось только 166 500 жителей, из которых 52,1% латышей, 16,8% немцев, 6,9% русских (общие данные о русских, белорусах и украинцах). В литературе встречаются и другие данные. [3] И хотя в абсолютных числах количество латышей тоже снизилось, но они теперь были в большинстве. Здания рижских городских театров, фактически оставшиеся без своих предыдущих хозяев, перешли в руки тех претендентов (художников сцены и зрителей), которые и после войны остались на прежнем месте жительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартеле, Т. Открытие Второго городского (русского) театра в Риге. / Т. Бартеле // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: Шестые международные Михоэлсовские чтения. Москва, 2010. – С. 193-203.
2. Шалда, В. Латышская печать о рижском Городском (немецком) театре в конце XIX века. / В. Шалда // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: Шестые международные Михоэлсовские чтения. Москва, 2010. – С. 244-253.
3. Федотов А.Н. Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html> – Дата доступа: 20.06.2019.
4. Akuraters J. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://memorialiemuzeji.lv/personibas-ru/janis-akuraters/?lang=ru> – Дата доступа: 29.06.2019.
5. A.U. Strādnieku Teātra apmekletājiem / A.U. // Cīņa. – 1919. – 4.maijs. – 3.-4. lpp.
6. –app. – Rīgas Pilsētas Pirmajā (vācu) teātri... / –app. // Baltijas Ziņas. – 1919. – 3.janv. – 3.lpp.
7. –atis Rīgas Latviešu Teātrs: / –atis // Līdums. – 1916. – 28.sept. (8.okt.) – 2.lpp.
8. Bērziņš, A. Latviešu teātris pēdējā kara gadā. / A. Bērziņš // Baltija. – 1916 – 14.jūnijs. – 1.-2.lpp.
9. Čehihins, V. Rīgas pilsētas vācu teātra lieta... / V. Čehihins // Jaunākās Ziņas. – 1915. – 2.apr. – 2.lpp.
10. Drm. Latviešu teātris. / Drm. // Rīgas Latviešu Avīze. – 1918. – 26.janvārī. Pielikums.
11. E-rs. Latvieši un pils. vācu teātra ēka. / E-rs. // Jaunais Vārds. – 1915. – 4. martā. – 2.-3.lpp.
12. J. Strādnieku Teātris / J. // Cīņa. – 1919. – 11.febr. – 3. lpp.
13. K.F. Teātris kara laikā. / K.F. // Skatuve un dzīve. – 1914. – 173.–176.lpp.
14. Krolls, O. Rīgas latviešu teātri. / O. Krolls // Varavīksne. – 1916. – 9. aprīlis. 111.lpp.
15. Krolls, O. Rīgas Latviešu Teātri / O. Krolls // Baltijas Ziņas. – 1918. – 4. jūnijs. – 3.lpp.

16. Kundziņš, K. Latviešu teātra vēsture. / K. Kundziņš. – Rīga: Liesma, 1972. – 448 lpp.
17. L.-Kr. Rīgas 1 Pilsētas Teātra (vācu)... / L.-Kr. // Baltijas Ziņas. – 1918. – 30.oktobris. – 3.lpp.
18. Latviešu pilsētas teātra lietas: // Dzimtenes Vēstnesis. – 1914. – 18.jūn. – 3.lpp.
19. Latvijas nacionālā opera... // Baltijas Vēstnesis. – 1919. – 25 nov. – 3.lpp.
20. Latvijas Nacionālā Opera... // Brīvā Zeme. – 1919. – 26.nov. – 6.lpp.
21. Novus. Mākslas sezona sākums. / Novus // Jaunākas Ziņas. – 1919. – 1. dec. 2.lpp.
22. Rīgas iedzīvotāju sastavs. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.russkije.lv/lv/lib/read/the-population-of-riga.html>– Дата доступа: 15.06.2019.
23. Rīgas vēstules // Strādnieks. – 1916. – 25.marts – 1. lpp.
24. Rozits, P. Latviešu Pagaidu Nacionāls Teatrs / P. Rozitis... // Līdums. – 1918. – 23. jūn. – 2.-3. lpp.
25. S. Rīgas latviešu pilsētas teātris... / S. // Baltijas Vēstnesis. – 1919. – 21 jūn. – 3.lpp.
26. Vācu pilsētas teātra namu jautājums. // Rīgas Avīze. – 1914. – 9(22) septembris. – 2.lpp.
27. Volfarte, K. Latviešu Rīga. / K. Volfarte // Katram bija sava Rīga. Izdevniecība AGB. Rīga, 2004. – 295 lpp.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПАРКИ ОТДЫХА СССР В ВИДОВЫХ ОТКРЫТКАХ 1930–1950-х ГГ.

Баранова Е.В. (г. Калининград, Россия)

Центральные парки культуры и отдыха занимали особое место в советской городской культуре. Идеологически парк должен был выражать идеи гармоничного пространства, идеального места, в котором человек находится в единстве с природой, миром духовных ценностей и идеалов, с другими людьми и с самим собой [6, с. 83]. Парки отдыха появились в СССР в конце 20-х гг. и выражали, прежде всего, советские идеалы будущего коммунистического мира и общества.

Развитие центральных парков нашло свое отражение в видовых открытках. Документальные открытки города являются ценным массовым источником, дающим представление о градостроительстве и планировке города, его улицах, застройке, отдельных памятниках, общественных событиях и торжествах. Определенно, что такого рода изображения лишь отчасти можно назвать документальными. Работа фотографов и ретушеров безусловно была детерминирована не только представлениями об эстетике городских видов, но и политическими установками на создание процветающего советского города. В ракурсе данного исследования понимание этого важно не только в историкокультурном смысле, но в смысле воздействия «облагороженных» образов на «субъективное» восприятие действительности историческими акторами. Концептуально это означает, что подобное восприятие представляет собой не менее действенную силу, чем «объективные» процессы и структуры [5, с. 3].

В 1928 г. организация досуга трудящихся была возведена в ранг одной из самых важных государственных задач. Было решено создать в городах СССР комплексные центры, где можно было бы, помимо спортивно-развлекательных мероприятий, проводить среди трудящихся культурно-просветительскую и политико-воспитательную работу. Первым таким центром было решено сделать наиболее людное место в центре Москвы, у Голицынского пруда рядом с Нескучным садом и 12 августа 1928 г. открылся первый в Советском Союзе парк культуры и отдыха [3, с. 30-35].

Парк Горького стал значимым объектом не только для москвичей, но и для всех жителей Советского союза, что нашло свое отражение в многочисленных видовых открытках, которые издавались центральными издательствами «Изогиз» и «Советский художник». Тиражность таких открыток составляла 100 – 130 тыс. экземпляров. Помимо непосредственно документальных, встречаются и отрисованные художниками фотографии. На всех видовых открытках запечатлён летний период функционирования парков, чтобы наиболее ярко отразить атмосферу выходного праздничного дня: разнообразие зеленых насаждений, многочисленные фонтаны, праздничные наряды людей. Стоит отметить, что в основном на открытках мы видим одни и те же объекты: центральный вход, розарий, набережная, зона фонтанов.

Успешный опыт работы ЦПКиО в Москве стал основанием для его трансляции по всему Советскому Союзу. Подобные парки культуры и отдыха были построены во всех крупных городах страны. Созданная система парков обеспечивала отдых миллионов граждан в СССР. Программа работы парков предполагала активное участие в ней большинства предприятий города как в качестве организаторов отдыха (городские театры, цирк, кинотеатры, спортивные организации, книжные издательства и др.), так и потребителей (отдых производственных коллективов в парке, профессиональные праздники, централизованная сдача норм) [6, с. 85].

Уже к 1975 г. в СССР действовал 1181 парк культуры и отдыха. Крупнейшие парки культуры и отдыха были: центральные парки – им. С. М. Кирова в Ленинграде, им. М. Горького в Казани, им. В. В. Маяковского в Свердловске, им. М. Горького в Майкопе, им. М. Горького в Виннице и др. Почти сразу, как свидетельство и туристической значимости парков они стали появляться и в серийных видовых открытках, как одни из значимых городских объектов наряду с архитектурными достопримечательностями. Такие серии выпускались сотнями тысяч экземпляров и продавались во всех городах Советского союза. Наиболее известными издательствами являлись: «Изогиз», «Искусство», «Ленфотохудожник», которые выпускали видовые открытки многотысячными тиражами.

Главный вход (1925 г.)

Рис. 1. Центральный парк имени Горького, Москва, открытки 1920–1950-х гг.

Гос. Челябинск. Вход в Центральный Парк Культуры и Отдыха.

Рис. 2. Центральный вход в парки городов Челябинск и Алма-Ата, 1930-е гг.

Заметно, что видовые открытки, изданные в разных городах, очень похожи как по объектам съемки, так и окружающей обстановке (погоде, расположению людей и др.). Часто невозможно понять, что за город перед нами: одинаковые широкие зеленые аллеи, большое количество колумбариев, фонтаны и центральные площадки.

С одной стороны, это обусловлено тем, что к съемке в городских условиях предъявлялись определенные требования. Большинство видов на парковых открытках, это летние пейзажи, когда погодные условия были наиболее благоприятны для съемок. Как отмечали фотожурналисты: «Как прекрасно смотрятся на фотографиях пейзажи, снятые с воздушной дымкой: плоское фотоизображение, становится пространственным, объемным, пластичным. Но всегда ли условия природы естественного освещения благоприятны для съемки? Приходится выжидать погоду, тратить время, мучиться, разочароваться в снимках».

С другой стороны, «одинаковость» фотосюжетов объясняется строгим регламентом в устройстве парковых зон, наличием тех или иных объектов. Центральные парки культуры и отдыха четко зонировались. Как отмечалось в труде «Архитектурная композиция садов и парков», территория центрального парка делилась на 6 зон [2, с. 48-53], самой крупной являлась область массовых мероприятий, где размещались аттракционы. В 1930-е гг. самыми популярными были простые по конструкции «Бегунок», «Ракетоплан», «Передвижные театры». У детей младшего возраста признанием пользовался аттракцион «Скачущие лошадки» – на платформе по кругу были вращаются лошадки, и одновременно дети могли использовать их как традиционные качалки, нагибая вперед-назад. Самым массовым аттракционом, ставшим преобладающим объектом на всех открытках стало колесо обозрения. Один из старейших аттракционов Советского союза высотой 14 метров был построен в 1931 г. в Москве в ЦПКИО им Горького [4, с. 148-151]. Как правило, во всех городах использовались стандартные колёса. Кроме «большого», в большинстве городов имелись маленькие детские колёса, известные под названием «аттракцион Солнышко». Колеса обозрения – неизменные спутники любой туристической фотографии, они доминирует в любом городском виде.

Рис. 3. Колесо обозрения в Центральном парке г. Москвы и Мелитополя, 1930–1940-е гг.

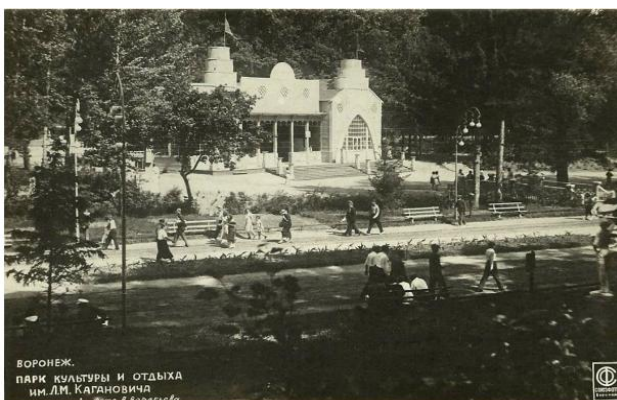

Рис. 4. Парки культуры и отдыха в Омске и Воронеже, 1950-е гг.

В парках предусматривались также места тихого отдыха (50-75%), культурно-просветительских мероприятий (требующих изоляции от шумных форм отдыха (3-8%)), физкультурно-оздоровительные (10-20%), отдыха детей (5-10%), хозяйственные (1-5%) [2, с. 89-93].

Рис. 5. Парк им. Дзержинского, Москва, 1940–1950-е гг.

Почти все зоны попали в объектив советских фотоаппаратов. Места тихого отдыха на открытках были представлены тихими тенистыми зелеными аллеями со скамейками и большими открытыми пространствами с фонтанами. Почти в каждом парке была крытая площадка для выступлений и проведения просветительских мероприятий типа лекций. Предусматривалось отдельно место для отдыха детей, это чаще всего были детские городки.

Лишь изредка на открытках встречаются не стандартные виды парков, а самобытные, отражающие местные национальные и природные особенности. Так в кемеровском ПККО «Рудничный бор» почти все сооружения были сосредоточены в 3 «сгустках» (у р. Томь, у восточного и западного входов), остальная среда была занята естественной средой леса. Иногда специализация парка предопределялась самим его происхождением. Например, историческим ядром парка им. Дзержинского в Москве стал Дворец-музей творчества

крепостных, включающий в себя церковь XVIII в. и старый регулярный сад [2, с. 100-103].

Таким образом, появление и развитие парков отдыха было одним из маркеров благосостояния советского города, что нашло отражение в многочисленных видовых открытках. Социалистический парк стал выразителем идейного богатства своей эпохи. В советское время параллельно благоустройству и реконструкции городов шел процесс по созданию визуального ряда, отражающего все эти процессы. Благоустройство и фотофиксация дополняли друг друга, создавая именно такой образ города, каким он виделся в будущем, иногда, игнорируя ту реальность, которая оставалась еще не преобразованной в соответствии с велением власти. Поэтому одним из ярких фотообразов, тиражируемых в советское время стали центральные парки культуры и отдыха, как не просто места отдыха и просвещения трудящихся, но и как воплощение представления об идеальном месте («коммунистическом рае»), обусловленном советской идеологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунимович, Д.З. Фотография. М., – 1949. – С. 54.
2. Вергунов, А.П. Архитектурная композиция садов и парков. М., –1980. 129 с.
3. Голбин, А.В. Культурная революция: становление системы парков культуры и отдыха в СССР 1928-1941 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. – С. 30-56.
4. Кухер, К. Парк Горького: Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / пер. с нем. А. И. Симоновой; науч. ред. Л. В. Лейтнер. М.: РОССПЭН, – 2012. 369 с.
5. Ларина, А.Н. Документальная открытка конца XIX-начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., – 2010. – С. 3.
6. Шайгарданова, Н.Л. Парк культуры и отдыха: из советского прошлого в российское настоящее // Дискуссия. – 2014. – № 5 (46). – С. 81-97.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936–1939 ГГ.

Малай В.В., Крупская С.Ю. (г. Белгород, Россия)

Прерванные в октябре 1917 г. дипломатические отношения между Испанией и Россией были восстановлены на уровне посольств в июле 1933 г. Назначенный послом в Испанию А. Луначарский умер во Франции по пути в Мадрид. В 1934 г. были приостановлены двусторонние переговоры о полномочиях и условиях работы посольств.

Новый этап переговоров начался весной 1936 г. после прихода к власти правительства Народного фронта. На середину августа 1936 г. пришлось восстановление испано-советских дипломатических отношений - обмен послами. Обострение испанской проблемы в связи с эскалацией начавшейся в июле 1936 г. гражданской войны побудило советское руководство принять решение первым запросить агреман для намеченного полпреда. На роль полпреда в Испанию был определен М.И. Розенберг (1896-1938). 24 августа он прибыл в Испанию, а уже 31 вручил президенту Республики М. Асанье верительные грамоты. Вопрос о работниках полпредства СССР в Испании рассматривался Политбюро ЦК ВКП (б) 22 августа 1936 г. 19 сентября нарком по иностранным делам СССРН. Крестинский сообщал Розенбергу о решении советского руководства направить генерального консула в Барселону, а 21 сентября 1936 г. Политбюро назначило им В.А. Антонова – Овсеенко (1883—1938) [3, л.35-36, 79;12, с. 797].

Розенберг и Антонов-Овсеенко не были профессиональными дипломатами, опыт межгосударственной работы они приобретали на практике: Розенберг в 1930-е гг. работал полпредом СССР во Франции и исполнителем секретарем в Лиге наций (и хорошо знал испанскую проблему), а Антонов-Овсеенко - полпредом в Чехословакии, Литве, Польше в 1920-1930-х гг.

Деятельность советских диппредставителей в Испании 1936-1939 гг. нужно, безусловно, рассматривать в контексте политики невмешательства, провозглашенной в конце августа 1936 г. 27 европейскими государствами с целью сдержать разрастание испанского конфликта, и предполагавшей запрет поставок оружия, амуниции и др. товаров военного назначения обеим воюющим сторонам [16, с.45-55].

В начале испанского конфликта советское руководство, несмотря на неоднократные обращения республиканского правительства о помощи, придерживалось установки о «невозможности посылать что-либо отсюда». Нарком иностранных дел М.М. Литвинов аргументировал это мотивами технического (дальность расстояния и опасность перехвата «транспортов мятежниками»), военно-технического («отсутствие у нас тех калибров винтовок и патронов, которые нужны в Испании») и политического (желание не дать Германии и Италии повод «для совершения открытой интервенции и снабжения мятежников в таких размерах, в которых мы поспевать за ними не могли бы») плана [3, л.43]. Но углубление ситуации в первой половине сентября 1936 г. вызвало заметную трансформацию советской позиции. В результате правительственного кризиса 4 сентября 1936 г. было сформировано правительство политической коалиции под руководством социалиста Ф. Л. Кабальеро. Советское руководство готовилось к началу помощи республиканской Испании. Аккредитованные во Франции советские дипломаты, журналисты в течение сентября 1936 г. проверяли и уточняли потенциальные пути сообщения с Испанской Республикой и возможные маршруты переправки ей помощи [3, л.73-74]. Как известно, советское решение об оказании военно-технической помощи Испанской Республике было принято 28 сентября 1936 г. [12, с.808].

Тактика советских представителей в Испании была значительно политизирована и не всегда была дипломатически корректна [3, л.81-84, 97-107, 100, 116]. В сентябре 1936 г. Розенберг сообщал в Москву о своих «попытках влиять на состав правительства» [11, с.158]. Литвинов неоднократно одергивал советских дипломатов (скорее, речь шла о формах и степени вмешательства), говоря о необходимости «воздержаться от всякого рода влияния на правительственные комбинации» [3, л.57].

Деятельность Антонова-Овсеенко в Барселоне тоже не ограничивалась политико-дипломатическими вопросами. Он активно консультировал республиканцев по военным вопросам и считал возможным вмешиваться в военные проблемы: в ноябре 1936 г. докладывал в Москву о разработке им проекта правительственного воззвания о

создании народной армии и декрета о такой армии и попытках навязать испанскому руководству данный проект. Послание М. Литвинову, в котором присутствовал отчет, он заканчивал словами: «Здесь придется сильно, упорно и систематически нажимать» [3, д.54, л.80]. Антонов-Овсеенко также консультировал советника по внутренним делам Испании Агуадера по вопросу создания и функционирования органов госбезопасности по советскому образцу (октябрь 1936 г.): «Он выслушал очень внимательно, обещает, что многое из этого постарается провести в жизнь» [5, л.24]. Весной 1937 г. временный поверенный в делах СССР в Испании Гайкис писал по этому поводу Н. Крестинскому: «Вмешательство консульства льет лишь воду на мельницу наших врагов» [2, л. 33].

Известное противостояние Мадрида и Барселоны не могла не усугубляться тактикой Антонова-Овсеенко. «Для него вообще существует только одна Каталония, вся остальная Испания представляется ему чем-то вроде Туркестана», - считал министр финансов Х. Негрин. Советник полпредства СССР С. Марченко подчеркивал в личных беседах с Негрином, что позиция Антонова-Овсеенко, «ни в какой степени не отражает позицию советского правительства» [8, л.5]. По убеждению Марченко, испанское руководство в итоге дезавуировало в Барселоне Антонова-Овсеенко именно «за его недопустимое поведение в отношении к Негрину» [8, л.5].

В марте 1937 г. назначенный накануне полпредом СССР в Испании Л.Я. Гайкис докладывал в Москву, что, несмотря на передаваемые им лично Антонову-Овсеенко "авторитетнейшие указания и указания руководства НКВД о линии нашего поведения в Испании", генконсульство СССР в Барселоне затеяло очередную полемику с органом анархистов "*Solidaridad Obrera*". Гайкис считал особенно вредной такую тактику в период обострения межпартийной борьбы в Испании и просил заместителя наркома по иностранным делам СССР Н.Н. Крестинского еще раз дать генконсулу указания "не повторять впредь подобного рода ошибок" [2, л.33]. Заметим, что разногласия между Розенбергом, Гайкисом и Антоновым-Овсеенко пытались использовать различные политические силы в самой Испании.

Каталония (особенно в лице президента Компаниса) неоднократно высказывала претензии советской стороне в недополучении ожидаемой помощи, обвиняла советскую дипломатию в большем внимании Мадридскому правительству [3, д.54, л.53]. В телеграммах в Москву Антонов-Овсеенко постоянно настаивал на перераспределении военной помощи между Мадридом и Барселоной в пользу последней, считая совершенно неправильным направлять сколько-нибудь значительные вооруженные силы в Мадрид: «В Мадриде они разложатся» [3, д.54, л.4,6,10,40; 2, л.33].

Антонов-Овсеенко, активно поддерживавший сепаратистские настроения лидеров Барселоны, неоднократно предупреждался Москвой о «некорректности» такого поведения. Ему напоминали, что основная задача - установление тесных личных и политических контактов с каталонскими политическими организациями, их лидерами: «быть в курсе всех решений и шагов правительства и настроений широкой общественности...и подробно информировать об этом Москву и наше полпредство в Мадриде» [3, д.53, л.117-118]. Тактика советского консула не могла не усугубить противостояние Мадрида и Барселоны и негативно сказаться на конечных итогах Гражданской войны.

Можно говорить о расхождении в позициях советских дипломатов в Испании: точка зрения полпреда Розенберга, например, далеко не всегда совпадала с взглядами консула в Барселоне Антонова-Овсеенко. Жалобы друг на друга присутствовали едва ли не в каждом послании в Москву [2, оп.16. п.119; 3, д.53; 4, п.4. д.35; 6, оп.11. п.102; 7, д.15,17]. В документах весьма красноречиво отражены трения между советскими представителями в Испании, одергивания их руководством [3, д.53. л.158, 170; 2, оп.16. п.119. д.62,64; п.17, п.131. д.49. л.33; 4, д.35,37; 8, оп.11. п.102. д.14, оп.12. п.102. д.15,17].

Республиканская Испания в течение всей гражданской войны подавалась большинством европейских СМИ как «плацдарм советских экспериментов»: «Один из трех человек, которые сегодня фактически управляют всем в Мадриде – Розенберг» (*l'Il Messaggero*, Италия); «Правительство Кабальеро является фикцией, действительный «диктатор» в Мадриде и в Валенсии - полпред СССР в Испании Розенберг», «Работой испанского правительства руководит советский агент Розенберг» [13; 14; 15; 9, л.37-38].

В связи с известными внутривнутриполитическими событиями авторитет СССР в 1936-1937 г. в европейских странах заметно снизился. Сообщениями об исчезновении советских специалистов по возвращению из Испании пестрела не только европейская печать, но и лаконичные дипломатические донесения из Москвы. Полпред в Испании Розенберг, игравший весьма заметную роль в испанских событиях в первые месяцы войны, был отзван в феврале 1937 г. в СССР. Его судьбой как «подвергающегося преследованиям» интересовались почти все европейские политические круги. Литвинов писал 4 августа 1937 г. полпреду СССР во Франции Я.3. Сурицу: в случае очередных разговоров на эту тему указывать на вымышленный характер слухов об аресте Розенберга - дипломат недавно вернулся из отпуска и «находится сейчас в Москве в ожидании нового назначения». В конце письма есть приписка: «Для Вашего сведения сообщаю, что оформляем его в качестве Уполномоченного при одной из союзных республик» [10, л.8]. Речь шла о работе до декабря 1937 г. при правительстве Грузинской ССР представителем Наркомата иностранных дел. После чего последуют репрессии и расстрел М. Розенберга 5 марта 1938 г. Его дело будет пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 27 июня 1957 года.

Антонов-Овсеенко был отозван из Испании в разгар кампании Большого террора, в конце 1937 г.: не прошли бесследно его расхождения и дискуссии с Розенбергом и Гайкисом, конфликт с Х. Негрином, симпатии барселонским анархо-синдикалистам и ПОУМовским марксистам. 11(12) ноября 1937 г. его арестовали, почти

одновременно с женой («знала о террористической деятельности своего мужа») [17, с. 178]. Они были расстреляны в один день, 10 февраля 1938 г. Антонов-Овсеенко будет реабилитирован 25 февраля 1956 г.

Таким образом, СССР в Испании в годы гражданской войны представляли люди яркие, не всегда толерантные (что не совсем уместно для дипломата). Фактически всех советских представителей в Испании постигла трагическая судьба: М. Розенберг, Л. Гайкис, В. Антонова-Овсеенко стали жертвами репрессий первой волны (1937-1938), С. Марченко - позже (1941).

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики РФ (далее: АВП РФ). Ф.05, оп.16, п.119, д.62-64.
2. АВП РФ. Ф. 05, оп.17, п.131, д.49.
3. АВП РФ. Ф.010, оп.11, п.71, д.53,54.
4. АВП РФ. Ф. 011, оп. 1, п. 4, д. 35, 37
5. АВП РФ. Ф.082, оп.19, д.4.
6. АВП РФ. Ф.097, оп. 11, п. 102, д. 14;
7. АВП РФ. Ф. 097, оп. 12, п. 102, д. 15, 17;
8. АВП РФ. Ф. 097, оп.13, п.103, д.24.
9. АВП РФ. Ф.098, оп.19, п.141, д.658.
10. АВП РФ. Ф. 0136, оп. 21, п. 169, д. 837.
11. Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М.: Наука, 2001.
12. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Каталог. Т. 2. 1930-1939. М., РОСПЭН, 2001.
13. Liberté, 1936, 1 Nov.
14. Les Jours, 1936, 20 Oct.
15. Völkischer Beobachter, 1936, 3 Okt, 3, 14, 20 Nov.
16. Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. и Европа: международные аспекты конфликта/ В.В. Малай; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: НАУКА, 2011.
17. Ракитин А. Именем революции. М.: Издательство политической литературы, 1965.

СИСТЕМА ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кузьминых А.Л. (г. Вологда, Россия)

В годы Второй мировой войны практически во всех странах-участницах войны были сформированы специальные структуры, отвечавшие за прием, содержание, трудовое использование и репатриацию «узников войны». Не было исключением и Советский Союз, на территории которого размещались около 4,5 млн иностранных военнопленных и интернированных.

Уже в начальный период Второй мировой войны в СССР сложились правовые и организационно-структурные основы системы военного плена и интернирования. Учреждения военного плена были представлены приемными пунктами, лагерями-распределителями, а также тыловыми специальными и трудовыми лагерями. Руководство ими осуществляло Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. Одновременно был отработан механизм приема, содержания и трудового использования военнопленных и интернированных, большинство которых являлось обезоруженными солдатами и офицерами польской и финской армий [2; 7].

Великая Отечественная война оказала значительное влияние на развитие системы военного плена и интернирования в СССР. Нападение нацистской Германии вызвало необходимость эвакуации лагерей и содержащегося в них контингента в тыловые районы страны. После амнистии польских военнопленных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. большинство лагерей, созданных в начальный период Второй мировой войны, были расформированы. Одновременно происходило становление фронтовых и тыловых учреждений для приема обезоруженных солдат и офицеров германской армии и ее союзников.

Первоначально организационная структура системы военного плена и интернирования предусматривала подчинение каждого лагеря непосредственно УПВИ НКВД СССР. Руководство же приемными пунктами осуществлялось через территориальные НКВД-УНКВД, что сопровождалось значительными трудностями из-за частой смены дислокации приемных пунктов. В целях упорядочения приема военнопленных в июне 1942 г. была развернута сеть лагерей-распределителей, в подчинение которым переданы приемные пункты. Трудности управления лагерями, располагавшимися в глубоком тылу, отсутствие четкого механизма взаимодействия с военным командованием и территориальными органами НКВД, недостаточная материально-техническая база негативным образом отражались на деятельности Управления.

После разгрома немецких войск под Москвой в структуре УПВИ создаются специальные лагеря НКВД для бывших военнопленных Красной армии, находившихся во вражеском плену или окружении. Во время пребывания в спецлагере бойцы и командиры РККА проходили спецпроверку (фильтрацию), целью которой было выяв-

ление вражеских разведчиков, диверсантов и прочих лиц, сотрудничавших с врагом. После завершения фильтрационных мероприятий красноармейцы передавались в районные военкоматы для направления на фронт [4].

В 1942 г. формируется сеть производственных лагерей УПВИ. В это же время создаются антифашистские школы для пленных. Появление новых учреждений военного плена привело к созданию в августе 1942 г. в структуре УПВИ политинструкторской группы и организационно-производственного отдела, которые осуществляли руководство политической работой с пленными и их трудовым использованием.

Массовое поступление пленных в завершающий период Сталинградской битвы привело к кризису системы УПВИ, которая оказалась не в состоянии организовать прием и содержание многотысячного контингента обезоруженных вражеских солдат и офицеров, ослабленных длительным нахождением в сталинградском «котле». Результатом этого стала крайне высокая смертность пленных. Перед руководством УПВИ была поставлена задача по реорганизации лагерной сети и развертыванию новых лагерей. В феврале-марте 1943 г. при штабах фронтов вводятся штатные должности уполномоченных НКВД, при управлениях войск НКВД по охране тыла фронтов – отделения по делам военнопленных (ОПВ), а в составе областных и республиканских НКВД-УНКВД – отделения по руководству лагерями для военнопленных. Немаловажное значение имела организация системы снабжения лагерей через Управление военного снабжения НКВД. Для лечения больных и раненых военнопленных создается система спецгоспиталей [3].

Наряду с организационной перестройкой структуры Управления и периферийной сети, проводилась планомерная работа по приведению существующих лагерей в должное состояние, расширению и благоустройству жилого фонда, организации дополнительных лагерей, лагерных отделений, приемных пунктов. Создание широкой сети лагерей позволило частично разместить пленных по национальному признаку, что в свою очередь, упорядочило содержание пленных и значительно облегчило проведение среди них политической работы и оперативных мероприятий. Период перелома в Великой Отечественной войне (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.) стал периодом завершения адаптации системы УПВИ к условиям военного времени, оптимизации ее организационно-управленческой структуры, постепенной интеграции в экономическую и политическую систему советского государства [6].

В 1944 г. завершается становление системы фронтовых и тыловых органов и учреждений военного плена. Фронтовые учреждения были представлены полковыми, дивизионными, армейскими и сборными приемными пунктами, а также фронтовыми приемно-пересыльными лагерями. Руководство сетью учреждений в масштабах фронта осуществляли отделы НКВД по делам военнопленных при начальниках тыла фронтов (ФОПВ), управление всей фронтовой сетью – фронтовой отдел УПВИ НКВД СССР. В систему тыловых учреждений входили производственные, офицерские, оздоровительные и режимные лагеря, специальные госпитали и спецобъекты.

Большое значение советское руководство придавало политической работе с военнопленными, которая курировалась специальным органом при ЦК ВКП(б) – Институтом № 99. Под его патронатом функционировали антифашистские школы и курсы, а также организации из числа военнопленных – Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Из числа пленных формировались национальные военные части, которые принимали участие в боевых действиях на советско-германском фронте и других театрах Второй мировой войны.

Завершающий год войны стал годом наибольшего поступления военнопленных в СССР. Если за 1941–1944 гг. лагеря военнопленных приняли менее 1 млн чел., то за 1945 г. – свыше 2 млн. чел. Лагерный контингент в 1945 г. пополнился интернированными иностранными гражданами, в первую очередь, немецкой национальности, для содержания которых было сформировано 220 рабочих батальонов. Механизм интернирования при этом был аналогичен сталинским этническим депортациям, а положение интернированных, в целом ряде случаев, было значительно хуже не только положения военнопленных, но и заключенных ГУЛАГа, вследствие того, что интернированные находились на балансе наркоматов-работодателей, которые не уделяли должного внимания их содержанию.

Для управления учреждениями военного плена и интернирования в январе 1945 г. в составе Наркомата внутренних дел формируется Главное управление по делам военнопленных и интернированных, а также региональные органы управления в лице республиканских, краевых или областных управлений (отделов, отделений) по делам военнопленных и интернированных. Внедрение территориально-отраслевого принципа руководства повысило эффективность управления лагерной периферией. К концу войны сложилась окончательная структура лагеря военнопленных. Основной единицей лагерного комплекса являлись лагерные отделения, которые организовывались поблизости от производственных участков. Контроль и руководство за деятельностью лаготделений осуществляли управления лагерей.

С окончанием войны в Европе ГУПВИ начинает подготовку к массовой репатриации военнопленных, что требовало тесного взаимодействия с органами репатриации. Решение о репатриации того или иного военнопленного принималось в зависимости от его гражданства, чина и звания, принадлежности к роду войск, а также состояния здоровья. Приоритет последнего фактора позволяет заключить, что пребывание военнопленных и интернированных в СССР объяснялось прежде всего экономическими причинами, а именно, потребностью советской экономики в массовой рабочей силе.

В августе 1945 г. в результате советско-японской войны, завершившейся пленением 640 тыс. военнослужащих Квантунской армии, происходит экспансия лагерной системы ГУПВИ на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока [1]. С прекращением боевых действий начинается процесс расформирования фронтовой сети ГУПВИ, которая прекращает свое существование в конце 1945 года. Завершающий период Великой Отечест-

венной войны (1944 г. – сентябрь 1945 г.) стал периодом окончательного организационно-функционального оформления системы военного плена и интернирования, способной решать весь спектр задач по приему, содержанию, трудовому использованию и репатриации обезоруженных неприятельских военнослужащих. УПВИ из второстепенного подразделения в структуре НКВД превратилось в мощный главк, который по численности контингента и масштабу выполняемых задач превзошел систему ГУЛАГа.

Развитие системы УПВИ-ГУПВИ в период войны характеризовалось возрастающей динамикой. В 1941 г. было сформировано 10 лагерей, в 1942 г. – 31, в 1943 г. – 25, в 1944 г. – 116, в 1945 г. – 222. В связи с освобождением значительного контингента военнопленных из фронтовых учреждений и началом массовой репатриации в течение 1945 г. было расформировано 111 лагерей (каждый второй из развернутых за этот период). Рост лагерной системы напрямую зависел от интенсивности и характера военных действий. Наибольшее количество военнопленных поступало в период крупномасштабных наступательных операций, сопровождавшихся окружением вражеских войсковых формирований. География развертывания лагерей обуславливалась, с одной стороны, необходимостью скорейшей эвакуации военнопленных из фронтовых районов, с другой, потребностью того или иного региона в дополнительных трудовых ресурсах. В завершающий период войны дислокация лагерей все более обуславливается не военными, а экономическими факторами [3].

На протяжении войны менялась приоритетность направлений деятельности системы УПВИ-ГУПВИ. Если в первый период войны определяющее значение имели вопросы приема, учета, эвакуации пленных, то в завершающей период войны на первый план выходят задачи их трудового использования и репатриации. Окончание Второй мировой войны не означало ликвидацию учреждений для содержания военнопленных и интернированных. Напротив, в послевоенные годы система ГУПВИ не только не утрачивает, но и усиливает свои позиции в качестве одного из ведущих подразделений в структуре НКВД-МВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катасонова, Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений / Е.Л. Катасонова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 256 с.
2. Катынь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р. Пихои, А. Гейштора. – М.: Демократия, 1999. – 608 с.
3. Кузьминых, А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2014. – 579 с.
4. Кузьминых, А.Л. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника / А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 48–53.
5. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 328 с.
6. Попов А.Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. / А.Б. Попов. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2000. – 286 с.
7. Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки / Д.Д. Фролов. – Хельсинки, Финляндия: RME Group Oy; СПб.: Алетейя, 2009. 640 с.

«...ВАМ НЕ БУДЕТ СТЫДНО ЗА МЕНЯ...»: К ДОВОЕННОМУ ПЕРИОДУ БИОГРАФИИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К.Ф. ОЛЬШАНСКОГО

Ямпольская Л.Н. (г. Харьков, Украина)

Термин «десант Ольшанского» вошел в историю Второй мировой войны как пример воинской доблести всего подразделения – десантной группы в составе 68 участников, получивших за выполнение боевого задания звание Героя Советского Союза. Десантная операция, проведенная 384-м Отдельным батальоном морской пехоты (далее – ОБМП) под командованием 28-летнего командира роты автоматчиков, старшего лейтенанта Константина Федоровича Ольшанского 25–28 марта 1944 г. в порту г. Николаева – центра судостроения, военно-морской базы на Черном море, стала началом Одесской наступательной операции 26 марта – 14 апреля 1944 г.

Принимая во внимание относительную изученность военного периода биографии К.Ф. Ольшанского [7; 8], задачи данного доклада заключаются в следующем: выделить и проанализировать этапы его довоенной биографии в контексте истории детства, устной истории, истории повседневности, обозначить особенности формирования характера, лидерских и командирских качеств, приведших в дальнейшем к командованию Николаевским морским десантом 25–28 марта 1944 г. В ходе исследования использованы источники краеведческого характера – материалы экспозиции и фондов (семейный архив Ольшанских) Коммунального учреждения «Музей Героя Советского Союза К.Ф. Ольшанского» (пгт. Приколотное Великобурлукского района Харьковской области).

История рода Ольшанских на Харьковщине имеет прочные корни. Строительство маслозавода в период модернизационных реформ в Российской империи 60-х – 90-х гг. XIX в. оживило социально-экономическое развитие с.

Приколотное Волчанского уезда Харьковской губернии. Возможность получить хорошую работу привлекла в 1900 г. деда К.Ф. Ольшанского – Луку Акимовича, крестьянина Новооскольского уезда Курской губернии, в эти места: сначала в с. Федоровку, затем с. Приколотное. Из воспоминаний родного брата К.Ф. Ольшанского – Николая Федоровича: «В 1900–1918 гг. дед работал при волах в экономии «Поляна» помещика Ребендера, неподалеку от Шебекино; в с. Федоровка имел свое хозяйство, дом, корову, 4 га земли; дал образование четверым своим сыновьям, в том числе и Федору, в Марьинской сельскохозяйственной школе при экономии по специальности «полеводство» [7, с. 378].

В 1910–1913 гг. Федор Лукич Ольшанский проходил военную службу в Севастополе в чине младшего фейерверкера береговой артиллерии, в 6-м артиллерийском дивизионе. Там же служил и в годы Первой мировой войны, был награжден Георгиевскими крестами и медалями, о чем свидетельствуют фотографии семейного архива Ольшанских. За несколько месяцев до начала Первой мировой войны, 2 февраля 1914 г., Ф.Л. Ольшанский обвенчался в Преображенском храме слободы Великий Бурлук с В.Ф. Белозеровой, о чем свидетельствует запись в церковной книге. В том же храме в июне 1915 г. был крещен первенец молодоженов – сын Константин, родившийся 26 мая (9 июня по н. ст.) 1915 г. [4]. В 1919 г. в семье Ольшанских родился второй сын – Николай. Вскоре Федор Лукич расстался с первой женой и женился на Н.И. Андрушкевич, которая заменила детям мать.

Из воспоминаний Н.Ф. Ольшанского: «После того, как помещичьи земли были реорганизованы в совхозы, с 1919 по 1929 гг. Ф.Л. Ольшанский работал в Купянской группе совхозов Курского сахсвеклотреста (села Приколотное, Федоровка, Литвиновка)» [7, с. 378]. Детские годы Константина прошли в с. Приколотное. Живой и любознательный мальчик быстро овладел грамотой в сельской начальной школе. «Играли в различные игры, в «войну» между «белыми» и «красными» (типичные для советского детства 1920-х гг. [см. 2; 5]). В Приколотном катались на вагонетках узкоколейной дороги Приколотное – Федоровка. В Литвиновке и Федоровке ходили смотреть на работу четырехколесного парового трактора «Джон Фавлер» с канатной тягой для плуга» [7, с. 380]. Осознавая необходимость дальнейшего обучения старшего сына, отец отправил его в г. Белгород, где с 1925 по 1930 г. Константин учился в школе-семилетке, о чем свидетельствуют фотографии и документы из экспозиции Музея Героя Советского Союза К.Ф. Ольшанского [6]. Успешно закончив школу, он поступил в Белгородское железнодорожное ФЗУ. Прочувшись с 1930 по 1932 гг., получил удостоверение помощника машиниста паровоза.

Краткий экскурс в историю семьи Ольшанских также приводит исследователей к пониманию того, что Курская, Белгородская и Харьковская губернии были составляющими Слобожанщины – своеобразного «пограничья», поликультурного пространства на юго-западных окраинах Российской империи, что оказывало влияние на формирование семейных традиций Ольшанских, этническую самоидентификацию Константина (сохранившиеся записи в алфавитных книгах Севастопольской электромеханической школы, боевых характеристиках, наградных листах и других документах свидетельствуют: в графе «национальность» встречается и «украинец», и «русский») [1; 3]. Детство и ранняя юность Константина проходили в получении образования (Белгородская школа-семилетка), овладении профессией помощника машиниста паровоза (Белгородское ФЗУ). Имея склонность к точным наукам и технике, он развил эти задатки в дальнейшем обучении и формировании военной карьеры. Историческая память, отраженная в воспоминаниях отца о военной службе в Севастополе в 6-м дивизионе береговой артиллерии, повлияли на дальнейший выбор юноши.

Н.Ф. Ольшанский вспоминает, что «...в 1932 г. семья переехала в поселок Ивня Курской области, поскольку Ф.Л. Ольшанского назначили заместителем директора Ивнянского свеклосовхоза им. Тельмана» [7, с. 378]. Константин работал автослесарем в совхозной мастерской. Самостоятельно изучил устройство автомобиля, сдал экзамены и получил удостоверение водителя транспортного средства 1-й категории. Работал водителем в Ивнянском свеклосовхозе на автомобилях ГАЗ-АА, ЗИС-5. В Ивне вступил в ряды ВЛКСМ, начал серьезно заниматься спортом – волейболом, футболом; в конькобежных соревнованиях (бег на 500 м), а также в соревнованиях по стрельбе занимал призовые места. Из воспоминаний товарища К. Ольшанского Виктора Янковского: «В январе 1934 г. Костя в составе команды свеклосовхоза участвовал в соревнованиях по зимним видам спорта в г. Шебекино. На льду р. Нежеголь на коньках «Нурмис» он показал 6 секунд, а из мелкокалиберки выбил 50 очков из 50-ти на расстоянии 50 м» [7, с. 381], что было свидетельством исключительной физической подготовки, умения работать на результат, а также высоких лидерских качеств.

В 1934 г. Константина пригласили на работу в Курский сахсвеклотрест водителем автомобиля М-1; параллельно он учился на рабфаке. Из воспоминаний Н.Ф. Ольшанского: «В 1934–1935 гг. Константин работал водителем в Курске в дорожно-строительном управлении (ДСУ-5) на 5-тонном грузовом автомобиле Я-5 на участке Курск – Белгород, жил в доме по ул. Большевиков, 51, где познакомился с Дмитрием Поповым. Увидев его сестру Екатерину, влюбился в нее с первого взгляда. К своему чувству относился серьезно, как и ко всему, что делал в жизни. Вскоре состоялась скромная свадьба» [7, с. 382].

20 октября 1936 г. К.Ф. Ольшанский был призван на срочную военную службу. Став курсантом электромеханической школы Учебного отряда Черноморского флота в г. Севастополь (далее – УО ЧФ), Константин, знакомый с основами техники, быстро освоил морские специальности. Такие качества характера, как серьезность, собранность, ответственность, дисциплинированность, умение подавать пример другим способствовали стремительному росту его карьеры. Через несколько лет он получил должность командира-инструктора. Записи из алфавитной книги электромеханической школы УЗ ЧФ 1939 г. подчеркивают его воинское звание и квалификацию: «Ольшанский К.Ф. – старшина 1-й статьи, инструктор, машинист-турбинист» [3]. Из воспоминаний

Н.Ф. Ольшанского о брате: «В электромеханической школе он был одним из лучших учеников. После ее окончания был направлен в бригаду эсминцев командиром отделения машинистов-турбинистов. Для прохождения дальнейшей службы направлен в электромеханическую школу на должность преподавателя. За отличную подготовку кадров был награжден значком «Отличник ВМФ» [7, с. 382]. Должность инструктора в электромеханической школе К.Ф. Ольшанский совмещал с увлечением парусным спортом. По результатам летних соревнований в Севастопольском яхт-клубе в 1940 г. получил жетон чемпиона ЧФ по парусному спорту.

В 1939 г. из Курска в Севастополь к мужу приехала любимая жена Екатерина. 8 августа 1940 г. в семье Ольшанских появились счастливые заботы – родился сын, названный в честь летчика Валерия Чкалова. Великая Отечественная война подвела черту довоенной биографии К.Ф. Ольшанского, застав его за преподавательской деятельностью командира-инструктора электромеханической школы УО ЧФ. В январе 1941 г., после окончания курсов младших лейтенантов с отличием, ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Документы свидетельствуют о том, что К.Ф. Ольшанский «зачислен в начальствующий состав школы УО ЧФ» [1].

Анализ «Приколотнянского» (1915–1925 гг.), «Белгородского» (1925–1932 гг.), «Курского» (1932–1936 гг.), «Севастопольского» (1936–1941 гг.) периодов биографии К.Ф. Ольшанского дает основания утверждать о его самореализации как выходца из крестьянско-рабочей среды, с акцентом на осуществление основного замысла жизни – военной службы на ЧФ (от курсанта до командира-инструктора Севастопольской электромеханической школы). Отличная физическая подготовка, достижения в различных видах спорта, успешная педагогическая деятельность в электромеханической школе свидетельствовали о стремительном росте его военной карьеры, овладении лучшими лидерскими и командирскими качествами. В дальнейшем К.Ф. Ольшанскому предстоит пройти самые яркие этапы своей военной биографии: участие в Севастопольской битве (30.10.1941 – 4.07.1942 гг.) в качестве командира взвода УО ЧФ; служба на Кавказе (база УО ЧФ в г. Потти); формирование 384-го ОБМП в г. Ейске (1942–1943 гг.); участие в Таганрогской и Мариупольской десантных операциях (1943 г.); командование легендарным Николаевским морским десантом 25–28 марта 1944 г.

ЛИТЕРАТУРА

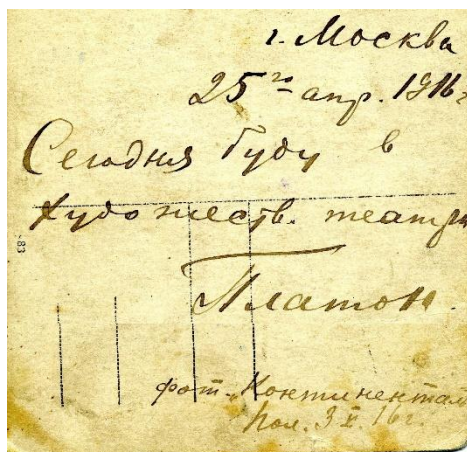
1. Аттестационный лист о присвоении воинского звания младшего начальствующего состава (младший лейтенант) по приказу Народного Комиссара ВМФ, 10 января 1941 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского, пгт. Приколотное Великобурлукского района Харьковской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyanskyy-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
2. Димке, Д. В. Советское детство: модель для сборки / Д. В. Димке // Седьмые чтения памяти В. Иоффе. Право на имя. Биографика XX в. – СПб., 2010. – С. 114–120.
3. Запись из алфавитной книги электромеханической школы УО ЧФ г. Севастополь, 1939 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyanskyy-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
4. Запись из метрической книги о рождении Константина Ольшанского 26 мая 1915 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyanskyy-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
5. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 640 с.
6. Свидетельство об окончании К. Ольшанским 7-летней Белгородской школы, 16 июня 1930 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyanskyy-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
7. Цыганов, В. И. «...от «Меча» и погибнет!» / В. И. Цыганов. – Николаев : Издатель Гудым И. А., 2011. – 448 с.
8. Ямпольська, Л. М. Миколаївський морський десант під командуванням К.Ф. Ольшанського (25–28 березня 1944 року): подвиг чи трагедія міфу? / Л. М. Ямпольська // Військово-історичний меридіан. Електронний науковий фаховий журнал. – Вип. 1 (23) / Національний музей історії України у Другій світовій війні. Меморіальний комплекс, Ін-т історії України НАН України. – К., 2019. – С. 104–119.

МНЕ ЕСТЬ КЕМ ГОРДИТЬСЯ...

Карчевский Г.И. (г. Москва, Россия)

С 28 июля 1914 года по 11 ноября 1918 г. в Европе полыхала I Мировая война, принёсшая человечеству много бед. Не обошла она стороной и род Карчевских, ведь 100 лет назад на фронтах этой войны погиб мой родной дядя, юный офицер русской армии Платон Карчевский. Ему, в основном, и посвящаю свой очерк.

Прошёл век с начала той далёкой войны. Пора уже разобраться, кто с кем воевал. К 1913 году на первое место в Европе вышла Германия – могущественное империалистическое государство. По праву сильного в этом империалистическом мире потребует Германия для себя места под солнцем, то есть колониальных пространств. Однако ход истории не очевиден. Есть и второй план у этой войны. Англо-саксонский мир в лице Великобритании из века в век, добиваясь мирового господства, подлыми и коварными способами сталкивает между собой народы и государства, чужими руками уничтожает своих соперников. У Германии был план запо-

лучить колонии, а у Великобритании – превратить в пыль и пепел Германию, Францию и Россию. Это была не просто империалистическая война, это была война в интересах Антанты, а точнее, одного государства – Великобритании. Единственной страной, которая вела тогда справедливую войну, была Сербия, явившаяся после Сараевской провокации 1914 года объектом австро-германской агрессии. Именно события в Сербии и желание помочь славянским братьям по вере ускорило ответ России на австро-венгерскую агрессию на Балканах. Ровно через 85 лет Россия снова заступится за сербов, правда, безрезультатно...

Всем известны итоги той мировой бойни, а они весьма печальны: в войну было вовлечено тридцать восемь государств. Численность действо-

вавших армий превышала двадцать девять миллионов человек. Потери воевавших стран составили более десяти миллионов человек. Были сравнены с землёй некогда цветущие города и сёла, а с политической карты Мира исчезли четыре могучих империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. Десятки стран схватились на континенте, забыв про колонии. Миллионы людей исчезли в пожарах сражений, а кому это выгодно? Куда отправился золотой запас? Всё туда же, к нашим «союзникам». Цвет германской, российской и французской наций покинул этот мир. Но самые большие людские потери понесла Россия, оставив на полях сражений пять миллионов человек.

Война задела и нашу семью, ведь среди погибших героев был и мой дядя Платон Карчевский, родной старший брат моего отца Иосифа Карчевского. А многие родственники как по линии моей матери, так и по линии отца стали в ту пору беженцами, гонимые войной. Как о настоящем герое рассказывали о дяде Платоне моя покойная матушка Надежда Мартиновна и старшая сестра Прасковья Иосифовна.

Выпуск Свислочской Учительской семинарии. 1910-1914 г. Слева лежит Платон Карчевский, будущий участник Первой мировой войны.

Снимок из архива семьи Карчевских. Платон Карчевский (справа) со своим другом-однополчанином. На обороте рукой Платона надпись: 1915 г., г. Козлов. Память дней, прожитых вместе в 64 запасном батальоне.

Платон Евстафиевич Карчевский по национальности белорус, родился в 1895 году в деревне Рыболы Бельского уезда Белостокской губернии Западной Белоруссии, ныне это Польша. Там прошло его детство, а учился он в Учительской семинарии тихого белорусского городка Свислочь, что находится на территории нынешней Гродненской области Белоруссии. Семинария готовила народных учителей, по нынешним меркам это что-то вроде педагогического училища. Мои родственники вспоминали, как дедушка Евстафий (отец моего отца) частенько ездил на подводе в Свислочь провести своего сына семинариста даже зимой, в мороз. Вспоминали, как юноша, приезжая домой на каникулы, делал по утрам зарядку – на удивление своим домочадцам и соседям... После Семинарии Платон поступил в военное училище, но вот в какое именно, семейная память не сохранила. Возможно, дядя учился в Москве, однако утверждать точно не берусь. Знаю лишь, что к моменту, когда Российская империя ввязалась в Первую мировую войну, Платону Карчевскому было девятнадцать лет, и он, молодой офицер, был направлен в действующие войска где-то на Западно-Белорусском участке русско-германского фронта.

История России сохранила образ русского офицера как человека образованного, интеллигентного, воспитанного в духе патриотизма, беззаветной преданности Царю и Отечеству. Именно такие офицеры (не в пример некоторым нынешним...) составляли в большинстве своём интеллигентную прослойку, элиту общества. Не сомневаюсь, что имен-

но таким офицером был и мой дядя – Платон Евстафиевич Карчевский. Порядочный человек, честный и смелый офицер. Помимо отличного знания военного дела и хорошей физической подготовки, его отличало уважительное отношение к своим подчинённым – солдатам, с которыми надлежало вместе идти в бой, вести себя по-солдафонски – не было в его правилах... А ещё, мой дядя неплохо разбирался в искусстве, музыке, любил театр, который непременно посещал, если появлялась хотя бы редкая возможность. Косвенное свидетельство этому – его собственноручная надпись на обороте фотографии: «г. Москва, 25 апреля 1916 г. Сегодня буду в Художественном театре. Платон». Родственное чутьё подсказывает мне, что дядька мой был жизнерадостным, с открытой душой, нежным и горячим сердцем, и я очень горжусь тем, что в нашем роду есть такой славный и достойный подражания человек.

Уцелевшая часть Свислочской Учительской семинарии, в которой в 1910-1914 годах учился Платон Карчевский. Гродненская область, Белоруссия. Снимок начала 90-х гг. XX века (фото из архива автора)

Много добрых и правдивых слов найдёте вы о наших офицерах в русской литературе. Именно о них писал Михаил Булгаков в своей «Белой гвардии». Правда, в отличие от булгаковских героев, Платону Карчевскому не довелось воевать ни за «белых», ни за «красных». По словам моей матушки (а ей в свою очередь рассказывали родители мужа), в одном из жестоких боёв Платон был тяжело ранен в голову. Его срочно направили на лечение в военный госпиталь, предстояло непростое и длительное лечение. Однако чувство долга перед Отечеством оказалось выше боли. Платон, ещё не вполне выздоровев, покинул госпиталь и вернулся на фронт. Только недолго пришлось ему воевать на этот раз. Судьба готовила герою смерть в юном возрасте: ему едва исполнился двадцать один год. Где-то в конце 1916 – начале 1917-го года во время очередного вражеского артобстрела прямым попаданием снаряда был уничтожен блиндаж со всем находившимся в нём на тот момент командным составом. Был там и мой дядя Платон... О последних минутах жизни Платона Карчевского рассказал его денщик, доставивший родным фанерный чемодан с вещами своего командира.

Моя старшая сестра Прасковья Иосифовна хорошо помнит выпавшее на нашу долю голодное и холодное послевоенное детство. Помнит, как уже после смерти отца четверо детишек согревались в стужу на железной кровати под тонким стареньким одеялом защитного цвета – это было одеяло из того самого фанерного чемодана нашего любимого дяди. Долгие годы оно бережно хранилось как семейная реликвия – ведь кроме него да пары фотографий, больше, по-видимому, ничего и не осталось. А офицерское одеяло долго согревало нас, как сейчас согревает семейная память.

Никто не знает, где именно погиб и захоронен Платон Евстафиевич Карчевский... Когда мне, кадровому офицеру, довелось в девяностых годах прошлого столетия служить в Гродненской области Белоруссии, я нередко посещал тихий, приветливый и такой светлый городок Свислочь в десятке километров от границы с Польшей. Вполне естественно, что я постарался отыскать здание той самой Семинарии, в которой учился когда-то юноша Платон Карчевский. Эти посещения всегда доставляли мне волнительную радость – радость прикосновения к святой для меня памяти. Часть строения была разрушена во время Второй мировой войны, зато на сохранившейся (в ней частично размещена городская больница) была прикреплена мемориальная доска, напоминающая о тех, кто когда-то учился в этом учебном заведении. Чувствовалось, что в Белоруссии умеют хранить свою историю, берегут народную память, и за это я искренне благодарен своим землякам.

Интересное совпадение: как и у дяди Платона, у меня основное образование педагогическое, и единственному из Карчевских, мне довелось продолжить дело, начатое дядей Платоном. Я также всегда старался верой и правдой служить своему народу, Отечеству. Побывал и в горячих точках за пределами нашей страны (ветеран боевых действий...), всегда нёс в себе память о юном герое той давней войны. Он является для меня добрым примером, мой дядя Платон...

В дополнение к рассказу о моём дяде Платоне хочется сказать о том, что это далеко не единственная потеря в роду Карчевских, связанная с войнами в XX веке. Через 20 с небольшим лет в Европе начнётся новая, ещё более жестокая мировая война, а для Советского Союза – Великая Отечественная. Она унесёт жизни ещё двоих славных представителей рода Карчевских. Об этом можно было бы написать отдельный очерк, как и о дяде Платоне, но за скудностью имеющейся у меня информации и краткости ради я ограничусь лишь основными моментами.

К началу Второй мировой войны семья Карчевских проживала на территории Западной Белоруссии в той самой деревне Рыболы. Всего в семье моих прародителей было четверо детей: дочь Соня (самая старшая) и

три брата – Платон, Георгий и Иосиф (мой отец). Платона на ту пору в живых уже не было. Дядя Егор (Георгий) до войны работал телеграфистом, затем он стал радистом. У него была переносная радиостанция (рация). Имея на руках радиостанцию, Егор со своим братом Иосифом сумел наладить подпольную работу в тылу врага. Вместе они осуществляли связь партизанских отрядов с центром. Таким образом, братьев можно было смело называть партизанами-подпольщиками. По рассказам мамы мой отец Иосиф прятал в подвале своего дома евреев, которых разыскивали по всей Белоруссии. Коммунист Иосиф Карчевский подвергал смертельной опасности свою семью, так как немцы уничтожали не только евреев, но и любых людей, скрывавших их от нацистов. Какой же храбростью нужно было обладать и отцу моему и матери, когда они предоставляли пищу заходившим в их дом немцам, а в подвале их дома в это время, не издавая ни звука, спасались евреи.

Мне не известно как долго велась подпольная деятельность братьев Карчевских. Известно лишь то, что их выдал сосед по фамилии Шкраб. Шкрабать по-белорусски – скрести, царапать, шаркать ногами, а по-польски szkrab – малыш. Так вот этот «малыш» часто гостевал у братьев, ел, пил за одним столом, видимо, втёрся к ним в доверие, а оказался предателем... Георгий был подвергнут жестоким пыткам в ГЕСТАПО. От него требовали информацию о дислокации партизанских отрядов, о родственниках партизан, о членах их группы и т.п. Рация, по всей видимости, была конфискована и служила главным вещественным доказательством, не считая, разумеется, доносов и показаний предателя (в конце войны он сбежал вместе с немцами в Германию). Оба брата были членами Польской коммунистической партии, идейными и преданными народу людьми. Довоенные польские власти ненавидели коммунистов, уничтожали их... «В дополнение к социальному и национальному притеснению в Западной Белоруссии господствовал жестокий политический режим и полицейский террор. Репрессировали в первую очередь коммунистов либо сочувствовавших коммунистическому движению. Согласно Уголовному кодексу от 11 июля 1932 г., за принадлежность к Коммунистической партии предусматривалось наказание вплоть до пожизненного заключения. За содействие коммунистам было установлено наказание до 5 лет тюрьмы» [2, стр. 199]..... «После заключения в январе 1934 года германо-польского договора в стране ускорился процесс насаждения фашизма. В этом же году на территории Западной Белоруссии возле местечка Берёза-Картузская был создан концлагерь, куда без суда и следствия заключали активистов национально-освободительной борьбы, в первую очередь коммунистов и комсомольцев» [2, стр. 205]. Мой отец Иосиф за свои убеждения был подвергнут пыткам ещё до войны в польской тюрьме, где ему заливали в рот, нос и уши горячее молоко, избивали резиновыми дубинками, и эти удары, не оставляя следов на теле, отбивали внутренние органы.

Ничего не добившись от Георгия Карчевского, гестаповцы застрелили его с виска на висок и разбили череп на четыре части прикладами. Его изуродованное тело бросили под забором, не разрешая забрать для захоронения. Однако моей матери удалось задобрить солтыса (soltys) – сельского старосту – принесённым ему на своих плечах бараном, и он позволил ей забрать тело Георгия и похоронить его. Иосифа ожидала не менее тяжкая участь, но ему каким-то чудом удалось бежать из плена.

Война находила своих жертв не только в боях, многие вскоре после Победы уходили из жизни от полученных ранений и увечий. Так случилось и с Иосифом Карчевским, моим отцом – он был настолько искалечен, что ушёл из жизни в возрасте 43 лет 8 августа 1947 года, когда мне было всего 2 годика, и случилось это на земле Северной Осетии. После освобождения Белоруссии Советской Красной армией летом 1944 года её Западная часть отошла к Польше. Вполне естественно, что у отца не было никакого желания оставаться жить дальше на территории Польши после всех описанных здесь событий. Поэтому он охотно согласился на предложение советских властей переехать жить в Советский Союз. «Я хочу жить со своей семьёй в Советском Союзе, а не в Польше...» – сказал тогда мой отец и отправился на воспетый Пушкиным и Лермонтовым Кавказ, куда ещё в середине девятнадцатого века уехал жить один из моих предков – Илья Карчевский. Это было начало 1945 года, когда всё наше семейство: отец, беременная мною мать, брат и две сестры выехали из Западной Белоруссии, вошедшей в состав Польши, в СССР. Так что матери нашей досталась тяжкая женская доля: оставшись вдовой в 33 года среди незнакомых ей людей, в неизвестной для неё стране, с четырьмя детьми мал мала меньше (старшему Ивану было 13 лет, а младшему, мне – всего 2 года, и, вполне естественно, я не знал и не помню своего отца) – она полностью отдала всё своё здоровье и силы на то, чтобы поднять своих деток в те тяжкие, голодные послевоенные годы.

По маминим рассказам отец очень любил своего брата, сильно скучал по нему и, когда в семье появился ещё один мальчик, то он, не задумываясь, назвал его в честь своего погибшего брата. Вот так и появился ещё один Георгий Карчевский, так была заложена продолженная из поколения в поколение семейная традиция имени Георгий и традиция победоносной борьбы за достоинство человека и справедливое общество.

В семейном архиве, к сожалению, не сохранилось фотографии Георгия, но есть фото моего отца – Иосифа Карчевского.

Этот очерк был готов ещё в феврале 2014 года, то есть до Майдана и последующих событий на Украине. И мне захотелось вернуться к написанному уже в свете именно этих событий. Не ради славы бесстрашно рвался в бой молодой офицер Платон Карчевский: «Надо идти сражаться за Веру, Царя и Отечество...» – именно с такими словами покидал он госпиталь, не долечившись, когда возвращался на фронт в свою часть, где продолжали драться с врагом его верные боевые товарищи и где сложил он свою голову... Да будут прокляты все захватнические, несправедливые войны! Войны, в пламени которых сгорает столько людей. Пусть сгинут те, кто их разжигает!

Многие историки до сих пор размышляют: «Могли ли эти войны обойти Россию?». Задаюсь этим вопросом и я, когда думаю о своём юном дяде Платоне, так рано ушедшем из жизни, о дяде Георгии и моём отце Иосифе Карчевском, светлую память о которых я попытался воскресить.

Негодование вызывает во мне тот факт, что по прошествии столетия с Первой Мировой войны, снова гибнут русские люди, славяне, снова полыхает пожар новых военных конфликтов, развязанных всё теми же англосаксонскими подстрекателями, например, украинскими националистами и фашиствующими молодчиками. И происходит всё это совсем рядом с российской и белорусской границей!.. Гибнут наши герои. А быть может пора чётко увидеть своего подлинного врага, прописать его характерные черты и подлый принцип «разделяй и властвуй!» в средствах массовой информации, в учебниках и вывести наших противников на чистую воду? Необходимо погасить внутренние конфликты на нашей славянской земле! Для наших героев найдётся другая работа, пусть враг останется наедине с самим собой и безвозвратно угаснет, осознавая свои чудовищные злодеяния.

Автор очерка выражает признательность своему научному консультанту к.ф.н. Сабодиной Е.П., научному сотруднику МГУ им. М.В.Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал «Российская литература» № 6 за 2014 год. М. : ООО «Издательство «Спутник +» 2014г., стр. 189-194.
2. Пособие для вузов «Гісторыя Беларусі» под редакцией профессоров Я.К. Новика и Г.С. Марцули. Том 2, стр. 199 и 205, (196-214). Мінск, «Універсітэцкае» 1998.
3. Семейный архив Карчевских.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ ПЕЧАТИ В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Грибков И.В. (г. Москва, Россия)

Одним из наиболее активно используемых в современных исследованиях, посвященных тематике оккупации, источником является периодическая печать. Это связано с усиленным вниманием исследователей к вопросу информационно-пропагандистского противоборства на временно оккупированных территориях СССР. И основой этого противоборства являлись различные виды печатной пропаганды: листовки, плакаты, газеты, журналы, книги. Исследователи информационного пространства оккупации, независимо от научных позиций, политических пристрастий, в большинстве своем солидарны: газетно-журнальный сегмент печатной пропаганды занимал ведущее место в оккупационном информационном поле.

Достаточно традиционно под новейшей историографией понимают научные работы постсоветского периода. Однако, на наш взгляд, под новейшей историографией в контексте темы нашей статьи целесообразно понимать период после 2000 г., когда вышла первая специализированная работа, посвященная русской коллаборационистской периодической печати – исследование Д. Жукова [3]. До этого периода использование материалов периодической печати носило иллюстративный или формальный характер. Своеобразным «завершением» данного историографического этапа стала защита двух кандидатских диссертаций, посвященных комплексному источниковедческому изучению русских газет на оккупированных территориях СССР [1] и комплексному изучению коллаборационистской печати конкретного региона [8].

В современной историографии снят вопрос об источниковедческой ценности коллаборационистской печати: она признана равноправным и одним из важнейших источников по периоду оккупации [7, с. 30]. Тем не менее, в историографии существует ряд проблемных и дискуссионных вопросов.

Прежде всего, дискуссионным является вопрос терминологии. Значительное количество исследователей по сложившейся в советской историографии традиции очень часто для обозначения газет, выходивших на оккупированной территории, использует термины «фашистская газета» (иногда – «профашистская») или «нацистская газета». На наш взгляд использование этих терминов неправомерно, так как обозначение газеты как фашистской (нацистской) подразумевает, что данное издание является полноценным проводником соответствующей идеологии. Термин «пронемецкие газеты» сознательно ограничивает круг изданий исключительно немецкой зоной оккупации, поэтому также не подходит для комплексного обозначения данного источника.

Не до конца верным, по нашему мнению, является наиболее часто употребляемый иногда термин «оккупационные газеты», так как данное определение в узком (структурном) толковании охватывает издания, вы-

пускавшие исключительно оккупационными структурами, оставляя за рамками издания, которые выпускались и распространялись местными органами власти (которые нельзя определить как оккупационные), церковью и эмигрантскими организациями. В ряде стран, например, в Украине, утвердился термин «легальная печать», что, с одной стороны, правомерно, так как данный термин синонимичен понятию «официальная печать», а с другой стороны ставит вопрос о легальности и легитимности оккупационных властей, что в настоящее время неприемлемо для российской историографии.

В наших работах мы используем термин «русская печать» и «коллорабационистская печать». На оккупированной территории присутствовали также газеты на русском языке, издававшиеся советскими партизанами и подпольщиками и присылаемые из-за линии фронта, но этот массив печатных изданий по устоявшейся традиции определяется в историографии термином «советские (фронтовые, военные, подпольные, партизанские и т.д.) газеты».

К этому вопросу тесно примыкает проблема неправильной атрибуции и некорректного переноса информации из архивных ведомостей в научные работы. В литературе, в том числе справочной, фигурирует ряд изданий, которых никогда не существовало. Неправильно атрибутированные в советское время, они продолжают «жить» и в трудах ряда современных исследователей, которые не удосужились самостоятельно изучить архивные коллекции и библиотеки. Наиболее яркой иллюстрацией этой проблемы служит журнал «Сигнал», русская версия одноименного немецкого издания. Место его издания в трудах отечественных исследователей, особенно региональных, «кочует» практически по всей оккупированной территории. Подобные ошибки порождены процессом некритичного перенесения в литературу материалов партизанских донесений в советское время или сплошного переписывания архивных описей без непосредственной работы с изданиями у современных исследователей.

Иногда случайные ошибки закрадывались и в коллаборационистские издания. Например, крестьянскую газету «Колокол» иногда при перечислении многочисленных аналогичных смоленских изданий также называли журналом. Подобное происходило и с газетой «Кавказский вестник». Эти ошибки невольно дублируются исследователями.

К сожалению, иногда речь идет не об ошибках, а о некомпетентности. Ошибки и неточности в партизанских донесениях, послевоенных мемуарах и работах советского периода. Вряд ли можно ожидать точности от авторов научно-популярных очерков, хотя именование брошюры «Гитлер – освободитель» журналом можно отнести к разряду курьезов [6, с. 44]. Но иногда в современных диссертациях встречаются вопиющие ошибки: «в оккупированном Ставропольском крае печатались на русском языке также и журналы: «Сигнал» и «Современная Германия» [2, с. 60].

Дискуссионным остается вопрос о классификации. Первую классификацию изданий на русском языке предложил Д. Жуков [3, с. 8-15, 29], в основу которой он положил достаточно узкий ведомственный критерий. Выделялись две большие группы изданий: оккупационная гражданская пресса и пресса вооруженных формирований. Отдельно также выделялась пресса для восточных рабочих, казачьих войск, Комитета освобождения народов России. Схожая классификация дана в работе С. Чуева [10, с. 544-553]. Периодика разделяется на издания «русских формирований и органов местного самоуправления» и «инонациональных воинских частей» немецкой армии. Подобное разделение является непонятным и, на наш взгляд, терминологически некорректным. Ведомственный принцип попытался развить А.А. Костюченков [5, с. 44], но слабое владение номенклатурой изданий и неучет принципа «государства компетенций» не позволили ему эффективно развить этот подход.

Д.Е. Комаров отошел от ведомственного принципа деления оккупационной прессы. Всю «прессу германских властей» он делит на три группы: издававшуюся в Германии, в подразделениях вермахта и оккупационной администрацией на местах [4, с. 44-45]. Но при подобном подходе последняя группа включает в себя несколько сот самых разнообразных изданий и весьма сложна для рассмотрения.

Малоэффективным, на наш взгляд, для комплексного анализа также представляются классификации по географическому принципу (Украина, Прибалтика, Северный Кавказ и т.д.), так как в группы попадают издания самого разного содержания и направленности. Подобный подход имеет смысл только при изучении конкретного региона, а также при рассмотрении статистических и количественных характеристик. Л.А. Молчанов отметил, что газеты на оккупированных территориях имеют существенные отличия в зависимости от аудитории, к которой обращены [7, с. 31], т.е. в качестве одного из важнейших критериев классификации необходимо учитывать целевые группы изданий. На основе методологических принципов Молчанова мы сформулировали классификацию, основанную на учете следующих признаков: место издания, тематическая направленность, целевая группа, ведомственная принадлежность [1, с. 76-77].

Наиболее актуальным, на наш взгляд, остается вопрос о численности периодических изданий. Современный российский исследователь С. Чуев в своем исследовании привел список 199 изданий только на русском языке [10, с. 544-553], а историк А. Окроков, суммировав, по-видимому, хаотичным способом материалы предшественников, составил список из 260 изданий [9, с. 198-215]. Ранее, в своем исследовании мы говорили о 300 русских газетных изданиях [1, с. 240-253]. Этот вопрос имеет, на наш взгляд, принципиальное значение при учете охвата населения пропагандой, масштаба пропагандистских усилий оккупантов, направленности пропаганды.

Автор в настоящее время располагает данными о 423 русских газетах (включая 16 изданий, которые можно отнести к внутренним изданиям эмигрантских организаций), 98 русских журналах, издававшихся на подконтрольной нацистам и их союзникам территории Европы, а также о 12 изданиях русских скаутов.

Таким образом, вопросы изучения коллаборационистской печати достаточно актуальны и активно развиваются, что подтверждается наметившейся специализацией и увеличением количества региональных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибков И.В. Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой отечественной войны (1941-1944 гг.): источниковедческое исследование. Дисс. ...канд. ист. наук / Грибков Иван Владимирович. – М.: Б.и., 2016. – 267 с.
2. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942-1943 гг.: цели, особенности, крах. Дисс. ... канд. ист. наук / Доронина Наталия Викторовна. – Ставрополь: Б.и., 2005. – 181 с.
3. Жуков Д. Власовцы и нацистская пропаганда / Дмитрий Жуков. – М.: Жуков, 2000. – 40 с.
4. Комаров Д.Е. Пресса германских властей на оккупированной территории СССР / Д.Е. Комаров // Отечественные архивы. – 2005. – №2. – С. 44-52.
5. Костюченко А.А. периодическая печать на оккупированной территории Смоленщины / А.А. Костюченко. – Вестник «Катынского мемориала». – 2010. – №10. – С. 40-45.
6. Михайлов И.В. Оккупация, или 160 дней по германскому времени / Игорь Михайлов. – Ставрополь: Сервисшкола, 2007. – 132 с.
7. Молчанов Л. «Первая цель, которую мы перед собой ставим, – это свержение кровавой власти большевиков». К истории русских газет, издававшихся на оккупированной территории СССР в 1941-1944 гг. / Леонид Молчанов. – Посев. – 2006. – №5. – С. 30-34.
8. Нечай Е.Н. Коллаборационистская печать на Дону в период Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.): особенности функционирования. Дисс. ... канд. филолог. наук / Нечай Елена Николаевна. – Воронеж: Б.и., 2016. – 164 с.
9. Окорочков А.В. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны / А.В. Окорочков. – М.: Русский путь, 2007. – 288 с.
10. Чувев С. Проклятые солдаты / Сергей Чувев. – М.: Яуза-Эксмо, 2004. – 256 с.

НАЧАЛО ПОСТАВОК ИЗ США В СССР ПО ЛЕНД-ЛИЗУ (1941–1942 ГОДЫ)

Монин С.М. (г. Москва, Россия)

Первые месяцы после нападения фашистской Германии на СССР Соединенные Штаты оказывали Советскому Союзу военно-экономическую помощь за наличный расчет или на основе кредитов. Условия ленд-лиза (неоплачиваемые поставки всего необходимого во время войны с последующим расчетом за неистраченные материалы после войны) поначалу не применялись. Еще летом на заседании правительства, как записал в своем дневнике министр внутренних дел Г. Икес, "зашел разговор о золотых запасах, которые могут иметь русские. Мы, по-видимому, стремимся к тому, чтобы они передали нам все свое золото в погашение за поставки товаров, пока оно не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе" [Цит. по: 8, с.371]. Подобную схему американцы к тому времени уже обкатали на англичанах, выкачав у них практически все золотовалютные резервы прежде чем распространить на них ленд-лиз.

Однако катастрофическая ситуация на советско-германском фронте, где в октябре вермахт, казалось, неудержимо рванул к Москве, заставила американское руководство поторопиться с определением своей позиции. Если промедлить с помощью, то СССР, как считали в Вашингтоне, мог или рухнуть, или пойти на сепаратный мир, и тогда Третий рейх сможет всей своей мощью обрушиться на англосаксов, не говоря уже о том, что захватит все поставленные Советам материалы.

30 октября президент США Ф.Рузвельт сообщил в Москву, что он одобрил все списки вооружения и военного снаряжения, принятые на Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании (29 сентября – 1 октября), и приказал начать поставки незамедлительно. Чтобы избежать при этом финансовых затруднений, он отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могли производиться согласно закону о передаче вооружений взаймы или в аренду (т.е. о ленд-лизе) на сумму до 1 млрд. долларов. Причем платежи по этому беспроцентному займу должны были бы начинаться через 5 лет после окончания войны и производились бы в течение 10 лет. В ответном послании И.В.Сталин подчеркнул, что возглавляемое им правительство принимает это решение президента "с искренней благодарностью, как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом" [6, с. 8-10].

7 ноября США наконец-то распространили на СССР действие закона о ленд-лизе, сделав, таким образом, своего рода подарок к главному советскому празднику. Задним числом ленд-лизские поставки стали исчислять с момента подписания 1 октября протокола Московской конференции. Англичане, кстати, объявили о переводе своих поставок Советскому Союзу в режим ленд-лиза еще в сентябре. В феврале 1942 г. Ф.Рузвельт сообщил о выделении еще одного миллиарда долларов на тех же условиях, причем с готовностью при взаимном желании пересмотреть финансовые соглашения.

Однако принятие этих принципиальных решений на уровне высшего государственного руководства США еще отнюдь не гарантировало, что дело сразу же сдвинется с мертвой точки. Никуда не делись распространенные в американском обществе и особенно в политическом истеблишменте антисоветские предубеждения, представления о коммунизме как чуть ли не большем зле, чем нацизм, неверие в способность Красной Армии устоять против казавшегося тогда непобедимым вермахта, и, наконец, сложности законодательного оформления, бюрократического исполнения и организационно-технического обеспечения ленд-лизских поставок [см.: 2, с. 107-120; 5, с. 66-70].

Нерасторопность, пассивность, а то и откровенное нежелание разворачивать военно-экономическое сотрудничество с СССР были заметны в то время на многих этажах американского военного и гражданского чиновничьего аппарата. В вашингтонских коридорах власти поначалу даже ощущались своего рода иждивенческие настроения. Ближайший советник Ф.Рузвельта Г. Гопкинс, побывавший в Москве и Лондоне, отмечал: "Дела в России, похоже, убедили всех в том, что она возьмет все боевые действия на себя. Поэтому нам и всем остальным можно не очень беспокоиться о помощи ей. Этот настрой проник почти повсюду, кроме президента, который считает, что именно сейчас надо усилить давление на Гитлера" [Цит. по: 7, с. 27].

Перевод экономики США на военные рельсы в 1941 г. только начинался. В этой связи возможности выделения требуемых объемов военных материалов для поставок в СССР были отнюдь не безграничны. Да еще надо было обеспечить транспортировку все возрастающего потока грузов в порты СССР, и это при наличии ограниченного торгового тоннажа. Даже без учета противодействия противника не все поначалу получалось гладко. То вооружение придет к адресату в плохой упаковке, а то и в разбитом виде, то его отдельные компоненты окажутся на разных судах, то докеры откажутся грузить материалы для "этих большевиков", то команда оставит свое судно при отнюдь не гибельном его повреждении, то еще какие-нибудь сбои случатся. Не говоря уже о том, что сроки зачастую не выдерживались, а качество некоторых видов продукции оставляло желать лучшего.

Сказывалось отсутствие единого механизма управления поставками в СССР. Лишь в октябре 1942 г. был создан Комитет советского протокола, который возглавил Г.Гопкинс. В огромной степени именно усилиями последнего и был раскручен поначалу скрипевший и то и дело застревавший бюрократический маховик советских поставок. Ему даже приписывалась формула "Давать, давать и не спрашивать", подчеркивавшая особую важность оперативного исполнения советских запросов. Карт-бланш на такой подход Г.Гопкинс получил от своего босса. Президент Ф.Рузвельт, в отличие от многих своих подчиненных, прекрасно понимал значимость поддержки СССР с точки зрения интересов самих Соединенных Штатов [7, с.39-51].

Были серьезные проблемы с организацией приема ленд-лизских грузов с советской стороны. Надо было определиться со своими потребностями, правильно их оформить, заказать, проконтролировать получение от производителя, доставку, разгрузку, перевозку материалов до места назначения, перевести на русский язык инструкции по эксплуатации и т.д. Тут возникало множество своих трудностей, от огромных транспортных заторов в Архангельске и Владивостоке – главных в начале войны портов по приему ленд-лиза – до острой нехватки людей, имеющих инженерное образование, желательно военный опыт, да еще знающих английский язык.

Особо долго расслабляться, надеясь, что воевать за них будет кто-то другой, американцам не удалось. Ровно через месяц после предоставления СССР режима ленд-лиза им пришлось уже по настоящему пустить в ход свои собственные вооруженные силы. 7 декабря 1941 г. Япония атаковала Перл-Харбор и началась война на Тихом океане, а 11 декабря Германия объявила войну Соединенным Штатам. Выступая в рейхстаге с заявлением об объявлении войны США, Гитлер, в частности, ссылаясь на то, что президент Ф. Рузвельт "обременил американский народ законом о ленд-лизе", который позволял "предоставлять на условиях аренды военную помощь" противникам Германии, и на то, что американцы обеспечивали военно-морское сопровождение трансатлантических поставок этой помощи.

Став воюющей державой, Соединенные Штаты ускорили развертывание своих вооруженных сил и, естественно, основные ресурсы направили на обеспечение их нужд. Это еще больше осложнило выполнение обязательств по ленд-лизу. После Перл-Харбора поставки в СССР были вообще прекращены и возобновились по указанию Ф.Рузвельта, отданному 28 декабря. До конца 1941 г. США отгрузили в СССР материалов на 545 тыс. долларов (0,1% всех их поставок по ленд-лизу в этом году) и еще продали ему товаров на 41 млн. долларов [8, с.372, 388]. По данным наркомата внешней торговли на середину декабря (разгар битвы за Москву!), недопоставка американцами самолетов против принятых на Московской конференции обязательств составила 296 штук (из 500), танков – 473 (из 625) и множество других материалов [1, с.546-551]. В первой половине 1942 г. положение несколько улучшилось, но все равно Первый (Московский) протокол в стоимостном отношении был американцами выполнен лишь на 80% [7, с.43].

Не обошлось без неприятных для советской стороны "сюрпризов" от западных союзников. Главный из них – это невыполнение англосаксами обещания по открытию второго фронта в 1942 г. Причем под эту сурдинку (суда нужны будут для переброски войск и грузов через Атлантику на Британские острова, а затем при вторжении на континент!) СССР согласился на уменьшение поставок, и годовой (с 1 июля 1942 г.) план сразу уменьшился с 8 до 2,5 млн. тонн. В итоге – ни второго фронта, ни ожидаемого количества столь необходимых военных материалов. К концу ноября, на пике Сталинградского сражения, из запланированных 1 608 тыс. тонн было отгружено только 840 тыс. тонн [8, с.400, 403]. Это не удивительно. Дело не только в желании (или нежелании)

союзников помогать СССР, их собственных военных потребностях, в возможностях их экономики или наличии тоннажа. В 1942 г. заметно изменились возможности и условия для транспортировки ленд-лиза.

Поначалу основное внимание союзников было обращено на самый короткий путь в Архангельск и Мурманск, позволявший быстрее доставить грузы на фронт и в промышленные центры СССР. Первые арктические конвои прошли фактически беспрепятственно. Немцы, надеясь на свой блицкриг, не обращали на них внимания. Но война затянулась, и с начала 1942 г. фашисты развернули настоящую охоту за конвоями. Самым известным ее эпизодом стала до сих пор вызывающая много вопросов печальная судьба конвоя PQ-17. Из 35 его судов было потоплено 22, вместе с которыми на морском дне оказались 210 самолётов, 430 танков, 3350 автомобилей и почти 100 тыс. тонн других грузов. Крупные потери понес и следующий конвой PQ-18 (потеряно 13 грузовых судов из 39). В результате союзники на три месяца прекратили отправку арктических конвоев. На фоне развернувшегося грандиозного Сталинградского сражения это вызвало крайнее раздражение советской стороны.

Свои трудности возникли на тихоокеанском маршруте. После Перл-Харбора там могли ходить только суда под советским флагом и с советскими экипажами. Поэтому И.В.Сталин просил Ф.Рузвельта "уступить... хотя бы 2-3 десятка судов". Последовало согласие "для использования на Тихом океане 20 торговых судов"[6, с.32, 33].

Но были и радостные для всех союзников события. Все активнее использовались новые маршруты ленд-лиза. 25 августа 1941 г. в Иран (Персию) были введены советские и британские войска, имевшие задачу не только предотвратить прогерманский переворот в этой стране, но и обеспечить создание, как тогда говорили, Персидского коридора поставок в СССР [3, с.193-213; 4, с.192-200; 9, р.225-255]. Грузы поступали в порты Персидского залива и далее через Иран в советские Закавказье и Туркмению или на Каспий с последующей транспортировкой вглубь советской территории. Это был долгий (до 75 суток), но относительно спокойный путь. Однако требовалась срочная коренная реконструкция всей транспортной системы Ирана. Со стороны западных союзников этим сначала занялись англичане, но их возможностей явно не хватало.

Со второй половины 1942 г. за дело с размахом и энергией взялись американцы. Было создано Командование Армии США в Персидском заливе. Достаточно быстро появилась по сути новая сеть железных и шоссейных дорог, портов, аэродромов, складов. Сооружались авто- и авиасборочные заводы, чтобы собранная на них техника дальше могла своим ходом идти в СССР. До Ирана был продлен трансафриканский маршрут, по которому следовали самолеты из США. Советская сторона проводила аналогичные работы на севере Ирана, на каспийском берегу, и принимала ленд-лизозовские грузы. Если в 1941 г. доля Персидского коридора составила 3,7% от общего объема поставок, то в 1942 г. увеличилась до 28,8% , а всего за годы войны этим маршрутом поступило 23,8 % грузов (больше только через Тихий океан) [4, с.199].

С конца 1941 г. развернулись потребовавшие гигантских усилий работы по созданию воздушной трассы АлСиб (Аляска–Сибирь) со всей необходимой инфраструктурой (с другой стороны к ней примыкала трасса Аляска-Канада, АлКан). С сентября-октября 1942 г. началась массовая перегонка самолетов от Фэрбенкса на Аляске через Чукотку, Колыму, Якутию до Красноярска (и далее на фронт). В тяжелейших природно-климатических условиях советские летчики пяти перегоночных полков переправляли самолеты эстафетным способом по маршруту длиной 6300 км.

В 1942 г. отношения по ленд-лизу между СССР и США были поставлены на твердую юридическую почву. 11 июня в Вашингтоне было подписано межправительственное соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. В этом документе говорилось о взаимном предоставлении оборонных материалов, обслуживания и информации в порядке ленд-лиза и о расчетах за них. Аналогичные соглашения Соединенные Штаты заключали со всеми странами, получавшими помощь по ленд-лизу.

6 октября в американской столице представители СССР, США и Великобритании подписали протокол о ленд-лизозовских поставках сроком на один год – с 1 июля 1942 по 30 июня 1943 г. После оформления Вашингтонского протокола Ф.Рузвельт, как бы подтверждая свое желание лично гарантировать выполнение обещанного, написал И.В.Сталину: "Я отдал распоряжение не щадить никаких усилий в целях полного обеспечения наших маршрутов судами и грузами и в соответствии с Вашими желаниями соблюдать приоритет по обязательствам, которые мы дали Вам" [6, с. 34].

Рост военно-экспортного потенциала США, отладка всех звеньев и ступеней продвижения ленд-лизозовских грузов, логистическое обустройство старых (Арктика, Тихий океан) и все шире задействованных с 1942 года новых маршрутов (Персидский коридор, АлСиб), накопление опыта сотрудничества, юридическое обеспечение и, наконец, укрепление на этой основе взаимного доверия и желания вместе бить общего врага позволили в последующий период еще больше увеличить объем, разнообразить номенклатуру и обеспечить стабильность поставок по ленд-лизу из США в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Том XXIV. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 632с.
2. Монин С.М.Налаживание военно-экономического сотрудничества СССР с США и Великобританией в 1941 году / С.М. Монин // Великая Победа: в 15 т./ под общ. ред. С.Е.Нарышкина, А.В.Торкунова. Т. 15. – М., МГИМО-Университет, 2015. – 404 с.
3. Монин С.М. «Немцы назначили адмирала.... на Каспийское море». К вопросу об обеспечении ленд-лизозовского транзи-

та через Иран и Каспий в 1941-1942 годах // Великая Победа: в 15 т./ под общ. ред. С.Е.Нарышкина, А.В.Торкунова. Т.11. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 496с.

4. Монин С.М. Советская дипломатия и создание "Персидского коридора" // На грани катастрофы: к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы Международной научной конференции (Москва, 22-23 июня 2016 г.). – Ч. I. – Брянск: ООО Издательский дом "Историческое сознание", 2017. – 624 с.
5. Монин С.М. Американская программа ленд-лиза и распространение ее действия на СССР /С.М.Монин//Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы III Международной научно-практической конференции. Витебск, 17-18 мая 2018 г. /Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.П.Косов (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ имени П.М.Машерова, 2018. – 192 с.
6. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 2. Переписка с Ф.Рузвельтом и Г.Трумэном (Авг. 1941 г. – дек. 1945 г.). М.: Политиздат, 1976.– 328 с.
7. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – 752 с.
8. Яковлев Н.Н. Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс! /Николай Яковлев. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. – 496 с.
9. Coakley R.W. The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR // Command Decisions. Washington: UnitedStatesArmyCenterofMilitaryHistory, 2000.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМЕЦКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В КЁНИГСБЕРГЕ/ КАЛИНИНГРАДЕ И ОБЛАСТИ В 1945-1947 ГОДАХ

Маслов В.Н. (г. Калининград, Россия)

Общая линия по отношению к немцам была определена советскими верховными властями, требовавшими разделять фашистов и нефашистское население Германии. Потсдамская конференция утвердила основы политики союзников в оккупированной Германии.

В северной части Восточной Пруссии советская политика была специфичной, так как эту территорию на Тегеранской конференции союзники обещали передать СССР. Это была не только оккупированная территория, но и потенциально советская земля, ставшая такой после решений Потсдамской конференции. В регионе осталось значительное число немцев, которые не сумели эвакуироваться в «большую» Германию или же пришли сюда из других частей Восточной Пруссии. Этот факт зафиксирован в документах Потсдамской конференции, на которой И.В. Сталин сообщил, что «в Восточной Пруссии немцы поступили так: большая часть ушла на запад, в тыл к своим войскам, другая часть ушла в район Кёнигсберга, к русским» [14, с. 113]. Проблемы этого немецкого населения нужно было решать с самых первых дней оккупации.

При этом советские должностные лица подозрительно относились к немцам. От гитлеровцев многие носители власти пострадали во время войны, что негативно отражалось на их отношении к германскому населению. Конечно, сказывалось и превосходство победителей, торжество над побежденными. Кроме того, многие острые вопросы не могли быть быстро и в полной мере разрешены из-за экономических проблем в самом Советском Союзе. Политика по отношению к немцам носила противоречивый характер.

Прежде всего, требовалось провести учет немецкого населения. Уже на 26 апреля 1945 г. комендатура Кёнигсберга сумела зарегистрировать свыше 23 тыс. человек, но по данным Смерша незарегистрированными осталось около 40 тыс., и немцы продолжали прибывать в Кёнигсберг из других районов Восточной Пруссии. Немцам, приписанным к населенным пунктам, запрещалось покидать селения без специальных пропусков. Однако есть несколько приказов, в которых говорится, что в 1945 г. наблюдалось такое перемещение немцев по дорогам в разных направлениях, что оно затрудняло передвижение советских войск [10, л. 74].

Одна из целей проводившегося учета – проверка немцев на благонадежность, выявление шпионов и других, по мнению победителей, затаившихся врагов. Отражение вполне естественных опасений – приказы того времени. Например, 1 мая 1945 г. военный комендант Кёнигсберга в праздничном приказе говорил о повышении революционной бдительности и воинской дисциплины в Кёнигсберге, «бывшей колыбели реакционного пруссачества, в которой гитлеровцы ушли в подполье и создают террористические и диверсионные группы» [10, л. 3-4]. Впрочем, в отчетных документах не фиксировались террористические акты и диверсии в Кёнигсберге в 1945 г.

Однако второй секретарь Калининградского обкома ВКП(б) П.А. Иванов писал в письме И.В. Сталину в конце мая 1947 г., что немцы представляют собой более чем 100-тысячную массу озлобленных людей, готовых на все, чтобы подорвать или ослабить безопасность, задержать хозяйственное освоение и развитие области. Иванов обвинял немцев в диверсиях, саботаже и вредительстве, контактах с американской, английской и другими разведками [13, с. 14]. В этом обращении отразилось крайнее недоверие к немцам, попытка оказать давление на центральную власть – немцев надо выселить.

При всём, казалось бы, жестком отношении к немцам наблюдались и такие факты. Некоторые воинские части привлекали немцев на работы без специальных разрешений, даже не пускали их регистрироваться, чтобы скрывать излишнюю рабочую силу. В данном случае речь шла не о рабском труде. Военный комендант Кёнигсберга в одном из приказов (30 июля 1945 г.) подчеркивал, что такие немцы особо не контролировались и бездельничали, самовольно бросали работу и шли туда, где лучше кормят и работа легче [8, л. 20-21]. Комендант города 20 июня 1945 г. констатировал, что немецкое население имеет доступ и свободно ходит в расположении военных комендатур, а в некоторых комендатурах немцы допускаются даже до приготовления пищи. Среди военнослужащих повысился процент венерических заболеваний из-за связей с немками [10, л. 83]. Фиксировались неофициальные браки офицеров с немками. За что офицерам объявлялись выговоры [10, л. 94].

Немаловажным было направление деятельности советских властей, связанное с пресечением правонарушений среди немцев. Часть преступлений немцев квалифицировалась как контрреволюционные деяния. В 1946 г. немцы проводили антисоветскую агитацию, распространяли слухи о неизбежности войны Англии и США с СССР. Некоторые немцы, по данным советских силовых ведомств, призывали соотечественников быть готовыми выступить против советской власти, восхваляли Гитлера и фашистский строй. В 1947 г. к этим деяниям добавились обвинения в распространении прокламаций, пении песен и чтении стихов антисоветского содержания, проведении тайных собраний [11, л. 26-27; 12, л. 38, 40-40 об.]. Однако во время судебных процессов ряд подсудимых оправдали в связи с отсутствием в их действиях контрреволюционного содержания.

В июне 1946 г. арестовали врача немецкой гражданской больницы Гертруда К. Ее обвинили в контрреволюционной агитации, в призывах организовать немецкие партизанские отряды и начать войну против Красной Армии, в создании при больнице нелегального притона. Однако следователь отдела контрразведки 11-й гвардейской армии установил, что она только агитировала немцев заражать военнослужащих венерическими болезнями, поэтому обвинение переквалифицировали. Несколько немцев, которых арестовали вместе с врачом, освободили из-за отсутствия улик. Дело Гертруды К. военный трибунал 11-й гвардейской армии возвратил на доследование. Однако военный трибунал Прибалтийского военного округа отменил это решение, а областной суд 28 декабря 1946 г. все-таки приговорил ее к 10 годам лишения свободы [3, л. 24-26; 12, л. 11].

Имелись случаи насилия по отношению к немцам. В докладе прокурора Калининградской области Генеральному прокурору СССР в сентябре 1946 г. отмечалось, что нередко случаи, когда среди дня вооруженные люди в военной форме нападают на немецкие квартиры, грабят их; были убийства немцев. Прокуратура проводила расследования, и, например, в июле-августе 1946 г. за подобные преступления и против немцев, и против советских граждан осудили 407 человек [2, л. 10-12].

В документах зафиксированы случаи создания преступных групп из немцев и советских граждан. В таких группах немцы занимались хранением и продажей краденого имущества.

Органы немецкого самоуправления в северной части Восточной Пруссии не создавались. И.В. Сталин на Потсдамской конференции заявил: «Если в Кёнигсберге появится немецкая администрация. Мы её прогоним, обязательно прогоним» [14, с. 57]. Победители утверждали своё право на завоеванную территорию. Такая политическая линия предопределялась предстоящим выселением немцев. Однако без низового самоуправления обойтись не смогли. Уже 11 июня 1945 г. последовал приказ военного коменданта Кёнигсберга о том, чтобы районные коменданты назначили из немцев старших в домах, где проживали немцы, чтобы они отвечали за количество немцев в каждом доме [10, л. 74]. Затем на них возложили обязанность доводить до немцев распоряжения советских властей. В документах 1946 г. упоминались уличные ответственные из немцев в Кёнигсберге [4, л. 15-19]. Представители немцев участвовали в регистрации немецкого населения. Этот факт зафиксирован в приказе начальника управления по гражданским делам Хайлигенбайльского района от 25 июня 1946 г. [5, л. 2-3]. В этом же году попытались выполнять роль некоего органа самоуправления немецкие клубы в районах Кёнигсберга. Они выступали ходатаями по жалобам перед советскими властями, пытаясь воздействовать на них. Однако претензии клубов такую своеобразную форму самоуправления были жестко отвергнуты.

Для советских военных властей одной из важнейших и сложнейших задач являлось обеспечение немецкого населения продуктами питания. В 1945 г. только вторую половину апреля и май можно считать благополучными по снабжению немцев продуктами за счет фронтовых ресурсов, трофейного продовольствия и местных продовольственных запасов. Гражданское население, привлекаемое к работам, первоначально снабжали капустой и картофелем из трофейного фонда, выдавая по 200 г хлеба на человека в сутки [9, л. 1].

Ситуация с обеспеченностью продуктами ухудшалась. Уже 21 мая 1945 г. помощник военного коменданта Кёнигсберга сообщил комендантам районов, что мясо немцам отпускаться не будет. Было введено снабжение немцев в зависимости от местных ресурсов [6, л. 5]. Это означало не увеличение норм, а их снижение.

В ноябре 1945 г. немцы снабжались только хлебом, работавшие получали по 400, а нетрудоспособные и иждивенцы по 200 г хлеба в день. Жиры и овощи не выдавались. Правда, сохранилось одноразовое горячее питание для тех, кто в Кёнигсберге работал на строительстве, восстанавливал канализацию и водопровод. Рацион питания больных, лечившихся в четырех кёнигсбергских больницах, был более разнообразным, не выдавались только сухие овощи. Однако к середине ноября прекратился отпуск продовольствия для местного насе-

ления со складов Народного комиссариата обороны, это обострило ситуацию с продовольственным снабжением немцев [7, л. 61-63].

Необходимо понимать, что победители с трудом обеспечивали собственные потребности в продовольствии, а побежденные, естественно, оказались на втором плане. Впоследствии голод в СССР не позволил радикально изменить ситуацию. От недостатка продуктов и психологического стресса страдали, прежде всего, нетрудоспособные немцы. В результате резко возросла смертность среди немцев на почве дистрофии [4, л. 8-11]. Советские переселенцы нередко помогали продуктами немцам [1, с. 285-286].

Таким образом, немецкое население находилось в центре внимания советских военных и гражданских властей. Проблемы в зависимости от объективных и субъективных факторов решались или частично, или полностью. В октябре 1947 г. и феврале 1948 г. приняты постановления Совета министров СССР о переселении немцев в советскую зону оккупации Германии. В итоге к началу 1950-х годов немецкого населения в Калининградской области почти не осталось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / ред. Ю.В. Костяшов. 3-е изд., испр. и доп. Калининград: Калининградская книга, 2018.
2. Государственный архив Калининградской области (Далее – ГАКО). Ф. Р-231. Оп. 7. Д. 2.
3. ГАКО. Ф. Р-231. Оп. 8. Д. 9.
4. ГАКО. Ф. Р-237. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 5.
8. ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 1.
9. ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 9.
10. ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 10.
11. ГАКО. Ф. Р-361. Оп. 5. Д. 1.
12. ГАКО. Ф. Р-361. Оп. 5. Д. 3.
13. Первые секретари...: Документы и материалы о деятельности парт. руководителей Калинингр. обл. и Калининграда в 1947-1991 гг. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.
14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Сборник документов / М-во иностр. дел СССР. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). М.: Политиздат, 1984.

СЕКЦИЯ № 4

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Снапковская С.В. (г. Минск, Беларусь)

Педагогическое образование в дореволюционной Беларуси развивалось во взаимодействии внутренних и внешних факторов. Исследование историко-культурного, языкового, конфессионального, социально-политического, организационного (создание земской школы) аспектов показывает, что уже к концу XIX в. в осуществлении поставленных правительством целей и задач в Беларуси были достигнуты существенные результаты. Целью правительственного направления было сближение белорусского населения с русским народом путем выдвижения на первый план общероссийского и православного элементов в системе образования. Этого удалось достигнуть в результате осуществления комплекса образовательно-культурных мероприятий. Укрепились позиции русского языка в области просвещения, культуры и науки. Распространение церковной школы привело к усилению роли и влияния православной религии и церкви на развитие образования. В результате кадровой политики все высшие и средние должности в учебных и церковно-школьных учреждениях были заняты лояльными правительству лицами. Новой формой культурно-просветительской политики в Северо-Западном крае явилось создание земской школы, которая также имела своей главной задачей распространение грамоты среди белорусов-крестьян. К 1913 г. тенденция демократизации и доступности уже дала первые результаты, о чем свидетельствовало намерение Минского губернского земства открыть белорусскую гимназию [18, с. 119-121].

Основными проводниками целей и задач правительственного направления в области народного образования были учительские, культурно-просветительские и духовные кадры. Идеал народного учителя представлялся российскому школьному руководству в виде толерантного, скромного, неприметного труженика на ниве народного просвещения, который хорошо осознает важность учительского долга и преданно служит церкви и царскому трону. На первом плане в отношении развития просвещения и подготовки учительских кадров в Северо-Западном крае стояли цели политические, а потом только просветительские и образовательные. МНП стремилось дать народной школе послушного самодержавию учителя, который обладал бы элементарными знаниями. МНП сознательно ограничивало образовательный ценз учителя и считало, что преподавателем народной школы может быть только человек, вышедший из крестьянской массы, где ему потом придется работать [8, с. 16-18]. В Виленском календаре на 1900 г. отмечалось: «Учителя в преимущественном большинстве являются действительно пионерами русского дела в крае, морально устойчивыми и целиком надежными в религиозно-политических убеждениях. Даже в смутное время конца 70-х – начала 80-х годов почти не было случаев, чтобы народный учитель был замечен в каком-нибудь политическом деле» [6, с. 202].

На территории белорусско-литовских губерний с 1864 г. в жизнь твердо проводился основной принцип кадровой политики – ограничить допуск белорусов, хотя бы и «западнорусского» облика на высшие и средние должности. Местным уроженцам было запрещено занимать должности, прежде всего по МНП, выше 5 класса, а по духовной службе – выше священника. М.О. Коялович писал в начале 80-х годов XIX в.: «В Западной России нет ни одного архиерея из местных уроженцев, все они приехали из внутренних российских губерний, в то время как «западноруссы скитаются по всей России» [21, с. 281].

После закрытия Виленского университета в 1832 г. высшее педагогическое образование белорусская молодежь могла получить только в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове и других университетских городах. Белорусы, получившие университетские дипломы, обязаны были ехать работать в губернии России и только через 4 года им разрешалось вернуться на родину. Однако значительная часть молодых людей оставалась работать по распределению и домой не возвращалась.

Чтобы привлечь в западные губернии чиновников, священников и учителей из Центральной России, правительство установило режим отдельных льгот, закрепленных в «Положении об отдельных привилегиях гражданской службы в отдаленных местностях, а тоже в губерниях Западных и Царстве Польском». В соответствии с редакцией этого «Положения» от 1896 г. устанавливались 50-процентные надбавки к окладам в 9 западных губерниях для чиновников, священников, занимавших классные должности, и учителей приходских училищ. Эти правила распространялись только на лица русского происхождения за исключением местных уроженцев. Лица, занимавшие должности от 14 до 8 класса включительно, в том числе служащие духовно-учебных учреждений, канцелярий попечителей учебных округов, учебных учреждений МНП и дирекций народных училищ,

смотрители и учителя городских и уездных училищ, получали к окладам 120-процентные надбавки. Лицам русского происхождения, которые назначались на должности по учебной и воспитательной части в учебные заведения Виленского учебного округа (далее – ВУО), выдавались прогонные деньги на проезд от места препровождения до места назначения и другая денежная помощь [14, с. 198 – 199].

Положение 1896 г. предусматривало, что отдельные преимущества гражданской службы в отдаленных местностях не представляются уроженцам той местности, куда они направляются, за исключением лиц, получивших высшее образование, и тех лиц отдаленной местности, которые находились за ее границами не менее 10 лет подряд перед поступлением туда на службу [14, с. 194]. Таким образом, белорусы, закончившие российские университеты или прожившие за границами Беларуси 10 лет и, в результате чего, по мнению правительственных чиновников, достаточно русифицировались, также могли рассчитывать на льготы [19, с. 76-77].

Общий порядок преимущества гражданской службы в отдаленных местностях выделял в отдельную льготную категорию законоучителей средних учебных учреждений и учительниц женских гимназий, прогимназий и соответствующих им учебных учреждений МНП и Святейшего Синода [14, с. 194]. Режим отдельных льгот для служащих западных губерний распространялся также на получение пенсий и одноразовой материальной помощи [14, с. 198 – 199].

Правительству были нужны такие учительские кадры, которые могли бы стать опорой его политики в Северо-Западном крае. Для осуществления этой цели в 60-70-е годы XIX в. были открыты 4 учительские семинарии: в Молодечно, Полоцке, Несвиже и Свислочи, которые относились к разряду низших учебных учреждений (в отличие от центральных российских губерний), поскольку были лишены преемственной связи со средней школой по причине ограниченности общеобразовательной подготовки. Поэтому на территории Беларуси учительские семинарии не давали права поступления в средние учебные учреждения, а тем более, в высшие.

Программы и учебные планы учительских семинарий определялись «Положением о Молодечненской учительской семинарии» от 17 марта 1870 г. и ограничивались только теми предметами, которые были необходимы учителю в начальной школе (Закон Божий, главные основы педагогики, методики преподавания учебных предметов, русский и церковнославянский языки, чистописание, арифметика, главные основы геометрии, география и история, церковное пение). Использование белорусского языка было строго запрещено [8, с. 13]. В 1886 г., согласно распоряжению МНП, была составлена новая инструкция для управления учительскими семинариями ВУО и новые учебные программы, согласно которым количество часов на Закон Божий и церковнославянский язык увеличилось за счет снижения числа уроков на педагогику, естествознание и чистописание [1, с. 279-280]. Для учительских семинарий, школ белорусско-литовских губерний создавались отдельные учебные программы и планы, а также правила внутреннего распорядка с тем, чтобы укрепить у учеников верноподданнические чувства. В учительских семинариях под управлением преподавателей постоянно проводилось чтение русской художественной литературы, велась систематическая работа по привитию воспитанникам правильного русского разговорного языка, как на занятиях, так и в быту [15].

В Беларуси укоренялась функционально-государственная модель подготовки учителя, сформулированная в официальных документах и педагогических работах охранительно-пропагандистской направленности [17]. Как справедливо отмечает исследователь И.Д.Лельчицкий, основной задачей учителя считалось проведение государственного курса в процессе своей профессиональной деятельности путем выполнения учителем строго фиксированных функциональных обязанностей. Согласно этой модели, содержание педагогического образования должно было опираться на такие социально-политические и духовные ценности, как самодержавие, православие, народность [11, с. 263]. Функционирование белорусского учителя в рамках именно такой модели гарантировало ему дальнейшее социальное продвижение [16]. В 1874 г. в Вильно были открыты два учительских института: христианский с 3-летним сроком обучения и еврейский – с 4-летним. Они должны были обслуживать соответствующий конфессиональный и национальный состав населения Северо-Западного края. С целью повышения квалификации учителей уездных училищ до уровня городских при учительских институтах создавались дополнительные курсы. Таким образом, Виленские учительские институты явились фактически семинариями повышенного типа.

Учительские семинарии готовили учителей преимущественно для белорусских губерний и давали всего лишь звание учителя начального народного училища. А имеющиеся финансовые возможности не позволяли готовить даже необходимое количество учителей. Зачастую в школах работали малограмотные священнослужители, отставные солдаты, выпускники более низких церковно-приходских школ. Молодечненская учительская семинария ежегодно (с 1867 г.) выпускала не более 20 народных учителей. В 1899 г. все 4 семинарии подготовили только 79 учителей [1, с. 283-284]. Создав в 60-70-е годы на территории Беларуси 4 учительские семинарии, МНП и вовсе прекратило расширение сети педагогических учебных учреждений. Этот процесс был восстановлен только после революции 1905 – 1907 гг. [16, с. 287- 293]. Однако, в целом учительские семинарии играли позитивную роль в подготовке учителей для начальных народных училищ. Они были единственными, не считая нескольких педагогических курсов, педагогическими учебными учреждениями ВУО, которые готовили учителей для начальных училищ. Эти учреждения давали своим выпускникам, хотя и ограниченные, но специальные профессиональные знания и навыки. В результате уровень подготовки учителей в рассмотренный период повысился. Если в 60-70-х гг. XIX в. учителями в народных школах служили люди без специального обра-

зования, то в 1899 г. учителей, получивших специальную подготовку, в среднем составляло 30-35 % от общего количества учителей начальных школ [2, с. 76]. Тем не менее, и в последующие годы неудовлетворительные темпы роста контингента учащихся педагогических учебных учреждений вели даже к ухудшению обеспечения школ квалифицированными кадрами. Так, в Могилевской губернии в 1909 г. 65,7 % учителей народных училищ не имели педагогического образования, а в 1913 г. уже 73 %. Квалифицированных учителей не хватало и в других белорусских губерниях [1, с. 385].

В 1909 – 1916 гг. на территории Беларуси было открыто еще 5 учительских семинарий: мужская в Рогачеве и 4 женские в Орше, Борисове, Гомеле и Бобруйске. Но несоответствие между ростом количества начальных школ и подготовкой учительских кадров в последней трети XIX в. еще более увеличилось. В 1910 г. в 8 973 начальных школах ВУО работало 10 965 учителей, среди которых более 50 % подчинялись МНП. Возросло количество школ, которые комплектовались учителями без специального педагогического образования [13, с. 4-5].

Согласно Однодневной переписи 1911 г. учителя в начальных школах ВУО распределялись соответственно своему образовательному цензу следующим образом: со средним светским образованием – 14,1 %; средним духовным образованием – 17,5 %; средним специальным педагогическим образованием – 16,1 %; а с более низким и домашним образованием – 52,3 %. В последнюю категорию вошли лица, которые окончили более низкие педагогические учреждения (церковно-учительские школы и непродолжительные курсы), а также те, кто не закончил средние учебные учреждения [13, с. 13-14]. Как видим, в начальных школах ВУО более половины всех учителей не имели даже среднего общего или специального образования.

К 1916 г. в Беларуси действовало 3 учительских института (187 учащихся), 9 учительских семинарий (около 1000 учащихся), 7 двухлетних педкурсов (288 учащихся) и 14 учебных заведений Святейшего Синода (епархиальные училища и церковно-учительские школы) [7, с. 385 – 386; 15, с. 58]. Значительным шагом вперед в деле подготовки учительских кадров было открытие на территории Беларуси трех учительских институтов: в Витебске – в 1910 г., Могилеве – 1913 г., Минске – 1914 г. На территории Беларуси учительские институты в сравнении с центральными губерниями России не являлись даже средними учебными заведениями. В то же время программа обучения в них была более развернутой по сравнению с семинариями. Они готовили учителей для начальных школ повышенного типа. Преподаватели Минского учительского института ориентировались на уровень средней школы. Но качество преподавания педагогических дисциплин, русского языка и литературы, истории здесь было выше, чем в гимназиях. Учебных учреждений по подготовке учителей для городских училищ и средних школ в Беларуси не было, поэтому учителей для них присылали из Москвы и Петербурга.

Штабом реализации образовательной политики на территории Беларуси и Литвы было управление ВУО, которым в XIX в. руководили попечители округа А.П. Ширинский-Шихматов (1861 – 1864 гг.), И.П. Корнилов (1864 – 1868 гг.), Б.Н. Батюшков (1868 – 1869 гг.), Н.А. Сергиевский (1869 – 1899 гг.). Они придавали развитию просвещения личностную значимость в воспитании народа в духе православия, самодержавия и русской народности [5, с. 369]. Школьная политика правительства практически последней трети XIX в. персонифицировалась в личности Н.А. Сергиевского. Как отметил преподаватель Виленской гимназии А. Круковский, автор «Очерков педагогического прошлого Северо-Западного края», Н.А. Сергиевский ценил внешнюю, формальную сторону обучения, был горячим сторонником классической системы [9, с. 93]. При нем особую роль начали играть педагогические советы. Все вопросы, которые предлагались для обсуждения на попечительском совете, предварительно рассматривались педагогическими советами учебных учреждений, причем, руководство округом требовало их детальной, строго мотивированной переработки. Не случайно постановления попечительского совета ВУО особенно ценились в МНП. Однако, в период руководства Сергиевского «всем управляла чиновничья линейка, все свободное, что выходило из узких границ условных казенных форм, осуждалось на постепенное вымирание» [9, с. 90]. Управляющий ВУО А. В.Белецкий, в течение долгого времени работавший с Н. А.Сергиевским, отмечал, что он «ревниво охранял русский характер более низких учебных учреждений и был твердым исполнителем заветов Муравьева» [3, с. 11]. Н.А.Сергиевский особое внимание придавал улучшению преподавания русского языка, литературы и истории, пополнению библиотек новыми документами и книгами, которые трактовали историю «Западной России» с официальных позиций. В итоге А.В. Белецкий констатировал, что «к концу 30-летней деятельности Н.А.Сергиевского на должности попечителя ВУО русская школа уверенно стояла на ногах» [3, с. 16-18]. Эти же слова можно было отнести к характеристике самого А. В.Белецкого. Управление ВУО в 1908 г., в день памяти А.В.Белецкого, отмечало, что он «отдавал все свои силы служению русскому просветительству и благодаря своей длительной (35 лет работал в ВУО – С.С.) многосторонней, энергичной деятельности оказал очень значительные услуги русской школе и русской государственности в Северо-Западном крае» [17, с. 182-183]. 26 ноября 1908 г. МНП выдало распоряжение «По вопросу о процентной надбавке для удержания служащих в западных губерниях». Документ отменял или существенно ограничивал положение «Временных правил...» 1863 – 1864 гг. о надбавках к жалованию учительницам, русским по рождению, которые приезжали в западные губернии и «Положение об отдельных надбавках по гражданской службе в отдаленных местностях, а тоже в губерниях Западных и Царства Польского» (в редакции 1896 г.). Эти надбавки признавались не соответствующими «современным бытовым и служебным условиям», а их сохранение считалось «не-

своевременным и неугодным» [12, с. 38].

Кадровая политика в отношении белорусского учительства подчинялась общим целям и задачам правительственного направления в Северо-Западном крае. Ее главными персонажами выступали русский православный учитель и священник. Местным кадрам белорусского, польского, литовского, еврейского происхождения высказывалось недоверие. Но политика привлечения уроженцев центральной России к началу XX в. перестала себя оправдывать, чем и была вызвана отмена льгот и надбавок к окладам учителям и другим категориям служащих в западных губерниях. Учительские семинарии не смогли до конца выполнить роль, предначертанную МНП в белорусских губерниях, ведь вместе с лояльными власти готовили и национально сознательных выпускников. Белорусы составляли только 10 % учительского корпуса. И эта малочисленность объясняла общие позиции учительства относительно белорусского национально-культурного движения, его лояльность к правительству. Учительство Беларуси в своей массе оставалось надежным проводником правительственной политики в области образования. Так, идеологический вектор надежно превалировал над профессиональным в системе педагогического образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / Ткачоў М.А., Пасэ У.С., Сянькевіч Г.Р.-Мінск.: Народная асвета. – 1985. – 464с.
2. Белецкий, А. Виленский учебный округ в XIX в. // Вилен. календарь на 1904 простой год царствования Императора Николая II. – Вильна, 1903. – С. 76 – 93.
3. Белецкий, А. Попечитель Виленского учебного округа Н.А.Сергиевский (24 октября 1869 г. -25 июня 1899 г.). – Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1903. – 18 с.
4. Высочайшее повеление «О расширении власти попечителей учебных округов» от 12 октября 1906 г. // Циркуляр по Виленскому учебному округу.- 1906.- № 12.- С. 568.
5. Доўнар-Запольскі, М.В.Гісторыя Беларусі.-Мінск:Бел.энцыкл.,-1994.-509 с.
6. Историко-педагогические исследования и проблемы стратегии развития современного отечественного образования: Тез. докл. и выступл. на XIII сессии Науч. Совета по проблемам истории образования и пед. науки (25-26 мая 1993 г.) / Под ред. З.И.Равкина. – М.: Ин-т теорет. пед-ки и междунар. исслед. в образ. РАО, 1993. – 227 с.
7. К введению всеобщего обучения в России // Народное образование в Вилен. учеб. округе. – 1911. – № 1.- С.66-67.
8. Кравцов, А.И. Педагогическое образование в Белоруссии в дооктябрьский период // Ученые записки минского государственного педагогического института иностранных языков. Сер. педагогическая. – Минск: Госуд. уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения БССР, 1958. – Вып. I. – С. 3 – 63.
9. Круковский А. Очерки педагогического прошлого в Северо-Западном крае // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – Июль-август. – С. 86-104.
10. Кушнер, А.И. Этнический состав интеллигенции Белоруссии в конце XIX в.: По матер. переписи 1897 г.// Наш радавод. Гродна, 1991. Кн.3. С.515-520.
11. Лельчицкий И.Д. Аксиологические основания моделирования профессиональной подготовки учителя в России (вторая половина XIX в. -- октябрь 1917 г.) // Национальные ценности образования: История и современность. – М.: Ин-т теории образ. и пед-ки РАО, 1996.- С.263-266.
12. Министерское распоряжение «По вопросу о процентной прибавке к содержанию служащих в западных губерниях» от 26 ноября 1908 г. за № 30823 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. – 1909. – № 1-2.-С.38.
13. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 г. Ред. В.И.Покровского. Вып. 16. Диаграммы и картограммы. – СПб.: тип. «Экономия», 1916.- 26 с.
14. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдельных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Изд. 1896 г.// Свод Законов Российской империи . Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге. / Под ред. А.Ф. Волкова и Ю.Д. Филипова. –2-е стереот. изд.–СПб.: Изд. Товарищество «Общественная польза», 1899.–Т.3: Свод уставов о службе гражданской. Кн.3.–С.193-201.
15. Снапковская, С.В. Белорусскоязычная учебная литература в ретроспективе: синтез национального основания и общероссийского опыта // Историко-педагогический журнал. – 2015. – № 3. – С.151-161.
16. Снапковская, С.В. В поисках новой образовательной модели //Белая вежа. – 2016. – № 3. – С.105 – 111.
17. Снапковская, С.В. Педагогическая историография Беларуси: содержание и этапы развития // Историко-педагогический журнал. – 2018. – №2. – С.125-146 .
18. Снапковская, С.В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. – Москва: УРАО ИТИП, 2011. – 316 с.
19. Снапкоўская, С.В Культуралагічная думка Беларусі: вучэб. дапам./С.В.Снапкоўская, К.У.Антановіч. – Мінск: РІВШ, 2017. – 216 с.: іл.
20. Циркулярное распоряжение «О сборе пожертвований на устройство в г. Вильно ремесленной школы имени А.В.Белецкого» от 4 апреля 1908 г. № 4998// Циркуляр по Виленскому учебному округу.- 1908.-№ 5-6. – С.236-237.
21. Цьвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 348 с.

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Мизярска Н.А. (г. Витебск, Беларусь)

Дворянские усадьбы Витебской губернии являются богатой частью архитектурного наследия Беларуси. Притягивает внимание и повседневная жизнь дворянского сословия, которое на протяжении своего существования активно участвовала в общественно-политической и культурной жизни страны. До 1917 г. усадьбы являлись своеобразными центрами культуры, где собирались высокопоставленные персоны, художники, писатели и музыканты. Экономическое состояние дворянских имений также было на высоком уровне. Политика советской власти и войны содействовали уничтожению национального богатства нашей страны. Так, из многочисленных дворянских усадеб Витебской губернии большинство утрачено, множество сожжено, а некоторые пришли в запустение от нерационального использования в советское время.

Чрезвычайным съездом Советов Витебской губернии, который в резолюции предложил в соответствии с Декретом о земле, конфисковать помещичьи и монастырские земли [1, с. 109]. В газете «Патриот» за 1967 год А. Михайлов писал: «Местные помещики, духовенство и эсеры стремились отвлечь ликвидацию помещичьих владений, распределение их земель, инвентаря, животных. Граф Забелло, например, открыто доказывал крестьянам Бельской волости, что «смутное время» долго не продлится, и советы быстро пострадают крах, божья справедливость на земле восторжествует. Однако сообщение о победе социалистической революции в Петрограде, в Москве и Минске рабочие восприняли с большой радостью [2]. В середине ноября 1917 г. в Ушачах Собрание валревкома постановило: безоговорочно признать советскую власть, активно поддержать все мероприятия правительства. Было решено конфисковать имущество местных помещиков: Гребницких, Полавинского, Аскерко, церковных земель в Новоселье, а также национализировать ушачскую мельницу, которая принадлежал графу Плятеру. Конфискованной землёй должны были наделить батраков и малоземельных крестьян Ушачской волости [3]. Так, все земли, принадлежавшие помещикам, были переданы жителям окресных деревень. Позже, в 1930-х гг. здесь был создан колхоз «Большевик», под руководством А. В. Радиевского [4, с. 91].

В первые годы советской власти дворянские имения были разграблены, а их владельцы, как представители "эксплуататорских классов", подвергались преследованию, выселению и, иногда, физическому уничтожению [5]. Так, в имении Паулье Антоний и Иосиф Селявы были замучены в 1918 году, а их усадьба разрушена и разорена [6]. Имение Плескуново Станиславской волости в ноябре 1917 г. разграбила разъяренная толпа крестьян во главе с матросом Григорием Товстовым. Хозяйка усадьбы, Мария Крукович, благодаря помощи своих крестьян, переоделась в мужскую одежду и убежала [7].

Известно, что некоторые представители дворянского сословия Витебской губернии не были подвержены выселению. Так, из документов Государственного архива Витебской области известно несколько таких примеров: Ренард Г. Г. 1879 г.р., дворянин, имел в своём фольварке 49 десятин земли, купленной у своей матери помещицы. Заграницей, в Польше, имеет родственников – мать, сестру, с которыми ведёт переписку. Отношение к советской власти враждебное. Был отнесён к 1 категории, но по постановлению центральной комиссии по выселению помещиков был оставлен на месте. Открыто себя ни в чём не проявляет, занимается сельским хозяйством и проживает в деревне Лесное-Сидорково, Толочинского района; Шестак А.Ф. 1858 г.р. по национальности поляк, до революции имел 150 десятин земли. Родной племянник живёт в Польше, с которым он поддерживает связь. Во время выселения бывших помещиков был отнесён к 3 категории, но постановлением Оршанской окружной комиссии оставлен на месте жительства. К советской власти относится враждебно. Занимается сельским хозяйством на хуторе Сельцы Толочинского района [8].

После революции в имениях создавались советской властью коммуны, артели, мастерские, школы. Так, в бывшем имении Большие Дольцы после 1917 года работали мастерские: сапожная и по изготовлению овчины. Были также созданы 2 колхоза: «Победителю» и «Согласие». В имении Белое, принадлежавшему до 1917 г. графу Забелло, а с 20.08.1924 г. была создана артель «Красный восток», которая в 1930 г. была преобразована в одноименный колхоз [9, с. 590-596].

Из мемуаров В. Быкова известно о имении Беляковщина Кублицкой волости Лепельского уезда Витебской губернии: «Калісьці над возерам ля вёскі Белякоўшчына стаяў маёнтак пана Рудаміна (дарэчы славуці род часоў ВКЛ), у якім колькі год мясьцілася школа. Пасьля школу перавялі ў Двор-Слабодку, а Рудамінаў маёнтак разабралі на бярэвеньне і перавезьлі ў Вушачу пад райвыканкам, які там і быў да самай вайны» [10].

Властители имения Иванск, Володковичы после революционных событий оставили почти всё нажитое добро и уехали за границу [11, с. 43]. Удалось спасти только свою знаменитую конюшню, которую сумели перевезти в Польшу, а серебро, которое закопали в парке, кто-то ночью выкопал и унес себе. Последние годы жизни бывшие владельцы имения Иванск жили в г. Быдгоще (Польша), где и умерли [12]. Известно, что с Иванска зимой 1917 г. большевиками было вывезено 15 портретов, нарисованных масляными красками, много серебра, икона Божьей Матери, которая передавалась из поколения в поколение. В неизвестном направлении исчез

и архив Володковичей вместе с богатой коллекцией первобытных орудий труда, которая состояла из нескольких десятков каменных топоров, отбойников эпохи неолита, найденных в свое время хозяином под Демидовичами. Имение в Иванске было национализировано в 1919 г., где была создана коммуна «Красный борец», под руководством С. Федоровича. Коммунары жили во дворце, где также располагался сельсовет [11, с. 34-44]. У 1922 г. была открыта первая школа в Иванске, которая размещалась в пристройке имения [11, с. 79].

Из дворца в Бочейково в 1916 г. в связи с приближением фронта самые ценные вещи из дворца были вывезены тремя вагонами в Москву, где бесследно исчезли [13]. При жизни профессор искусствоведения Анжей Цехановецкий, последний наследник из рода князей Мстиславских-Заславских, который жил в Лондоне, вспоминал, что их семейные ценности попали из Москвы в Орёл [14]. Дворец и парк в Бочейково еще существовал во время Первой Мировой войны. После революции во дворце была коммуна, затем школа и детский дом (находились в одном здании, но на разных этажах), который просуществовал до 01.07.1941 г. [15].

В бывшей усадьбе Козел-Поклевских в Быковщине (сейчас Полоцкий район) после революции был организован детский дом, где должно была вестись образцовое хозяйство и работать различные мастерские. Из документов Полоцкого государственного зонального архива известно, что после основания детского дома в бывшее имение в течение нескольких месяцев были переведены 3 детских дома: Булавский детский дом, дом 3-го Интернационала и детский дом 1-го Мая. Из описаний жилищных условий известно следующее: помещение офиса было пригодна для жилья, побелено внутри, требовался небольшой ремонт (вставка стекла в окна). Остальные, второстепенные постройки, кроме каменного флигеля, требовали гораздо большего ремонта, местами даже капитального [16]. По словам краеведа С.П. Леоненко из Бешенкович известно о судьбе имения графа Хрептовича в советское время: «Во дворце Хрептовича после революции и до 1970 г. находилась средняя школа, а в здании для прислуги с 1925 по 1938 гг. – еврейская школа [17].

Таким образом, в первые годы советской власти большевики начали национализацию частных дворянских и монастырских владений. Многие представители дворянского сословия были вынуждены оставить всё нажитое состояние и эмигрировать за границу. В первые годы советской власти дворянские усадьбы были разграблены, а их владельцы подверглись преследованию. В бывших усадьбах создавались коммуны, артели, мастерские, школы, приюты для детей-сирот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Януш, І.Ю. Кастрычніцкая рэвалюцыя / Памяць: Лепел. р-н: Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-на ў Беларусі / Укл. В. Я. Ланікіна, А. У. Стэльмах: Рэдкал.: В. Я. Ланікіна і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мн.: Беларусь, 1999. – 640 с.: іл.
2. Міхайлаў, А. Наш родны кут. Да 50-годдзя савецкай улады / М. Міхайлаў // Ушацкая раённая газета —Патрыёт . – 1967г. – № 44 – С. 2
3. Міхайлаў, А. Наш родны кут. Да 50-годдзя савецкай улады / М. Міхайлаў // Ушацкая раённая газета —Патрыёт . – 1967г. – № 16 – С. 2
4. Крокі станаўлення // Памяць: Гіст. – дакум. хроніка Ушацкага раёна. – Мн., БЕЛТА, 2003. – С. 91-92.
5. Амосаў, У. Залатаносны ўчастак Полаччыны [Электронны рэсурс] / Westki.info. Навіны паўночнай Беларусі і Вільні. – Рэжым доступу: <http://westki.info/blogs/8553/zalatanosny-uchastak-polachchyny> – Дата: 20.02.2019.
6. Архіў касцёла Святога Лаўрэна ў г.п. Ушачы Віцебскай вобласці
7. Мясцаедава, С. Тыдзень з жыцця маёнтка Плескунова / С. Мясцаедава // Бешанковіцкая грамадска-палітычная газета «Зара». – 2015. – № 88 (10096). – С. 2 – 6.
8. Государственный архив Витебской области. Фонд. 967. – Оп.4. – Д.1.
9. Віталёва, В.В. 3 гісторыі населеных пунктаў / В.В. Віталёва // Памяць: Гіст. – дакум. хроніка Ушацкага раёна. – Мн., БЕЛТА, 2003. С. 578 – 636
10. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому // Беларуская палічка. Беларуская электронная бібліятэка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу:http://knihi.com/Vasil_Bykau/Douhaja_daroha_dadomu.htmlchapter1. – Дата доступу 04. 04. 2019
11. Грыбко, В.В. Іванскі і ваколіцы: гісторыка-краязнаўчы нарыс / Віктар Грыбко. – Мінск: Медысонт, 2011. – 124 с.
12. Chmielewska, G. Karabela z rubinami / Gazeta pomorska. Album bydgoski [Электронны рэсурс]. – Режим доступу: <http://www.pomorska.pl/serwisy/albumbydgoski/art/6872407,karabela-z-rubinami,id,t.html> – Дата доступу: 03.05. 2019.
13. Мальдис, А. —Последний из князей Мстиславских и Заславских / А. Мальдис // СБ Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <https://www.sb.by/articles/posledniy-iz-knyazey-mstislavskikh-i-zaslavskikh.html> – Дата доступу: 14.02. 2019.
14. Мальдис, А. —Последний из князей Мстиславских и Заславских / А. Мальдис // СБ Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <https://www.sb.by/articles/posledniy-iz-knyazey-mstislavskikh-i-zaslavskikh.html> – Дата доступу: 14.02. 2019.
15. Запісана Мізярска Н.А. у 2018 г. ад Арловай Аллы Генадзьеўны, 1958 г.н. в. Бачэйкава Бешанковіцкага р-на.
16. Зональны государственный архив в г. Полоцке. Фонд 104. Оп. 1. – Д. 49.
17. Запісана Мізярска Н.А. у 2016 г. ад краязнаўцы Леаненка Станіслава Пятровіча, 1970 г.н. у г.п. Бешанковічы.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ БССР: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

Иванова Т.П. (г. Витебск, Беларусь)

2019 год – год 100-летия образования БССР, появления на международной арене нового субъекта международных отношений. БССР – целая эпоха в истории Беларуси, которая просуществовала почти весь XX век. Историки вновь обращаются к событиям данного исторического периода, с тем, чтобы оценить сложность пути создания белорусской советской республики и значение этого исторического события.

Процесс формирования белорусской государственности в начале XX века проходил чрезвычайно трудно. Составным элементом кардинальных изменений явился рост национального самосознания белорусского народа, оформление идеи государственной независимости и попытка ее реализации в форме БНР и БССР, что обеспечило превращение Беларуси как объекта в самостоятельный субъект международного сообщества [1, с. 184–190].

С 1917 до 1919 года, до образования Социалистической Советской Республики Беларуси, на не оккупированной немецкими войсками белорусской территории официально функционировала такая административная единица, как Западная область в составе РСФСР. Органами, осуществляющими советское государственное строительство в Беларуси, являлись: Северо-Западный обком РКП(б), Центральное бюро белорусских секций при РКП(б), Областной исполнительный комитет Западной области (Облискомзап), Белорусский национальный комитет при Наркомате национальностей РСФСР (Белнацком).

Историк И. Марзалюк полагает, что уже в 1917 году и у В.Ленина, и у наркома по делам национальностей И. Сталина сформировалось мнение о необходимости создания советской белорусской государственности. Г. Атаманов показывает, что идея получить свою национальную государственность просто витала в воздухе. Однако при этом шла мощная политическая борьба, и были две основные точки зрения: иметь автономию в составе России либо полностью независимое государство. Во время подготовки образования БССР проходила острая полемика между Д.Ф. Жилуновичем, выступавшим за признание белорусов самостоятельной нацией и А.Ф. Мясниковым и В.Г. Кнориным, по взглядам – «автономистами». Но к тому, что белорусская государственность в конечном итоге все же состоялась, приложили огромные усилия именно большевики.

30-31 декабря 1918 г. в Смоленске состоялась историческая VI Северо-Западная областная конференция РКП(б). 30 декабря конференция приняла решение о создании Социалистической Советской Республики Беларуси. Мотивировалось это решение международным фактором, необходимостью «замкнуть цепь самоопределившихся образований», формально независимых советских республик на западной границе РСФСР. Конференция объявила себя I съездом Коммунистической партии Беларуси.

В постановлении о территории республики основным ее ядром считались Минская, Смоленская, Могилевская, Витебская и Гродненская губернии с прилегающими к ним местностями соседних губерний, населенных преимущественно белорусами.

Есть и такая точка зрения современных историков, что на образование белорусской государственности правительство РСФСР вынуждено было пойти под влиянием движения в поддержку национально-государственного строительства, а также с целью создания в сложных политических условиях буферного государства на границе с капиталистическим Западом.

31 декабря 1918 г. и 1 января 1919 г. состоялись заседания Центрального бюро КП(б)Б, на которых развернулись дискуссии в связи с формированием Временного правительства республики. Поздно вечером 1 января было окончательно сформировано Временное рабоче-крестьянское советское правительство Беларуси (ВРКПБ), в состав которого вошли 7 представителей Белнацкома и белорусских секций РКП(б) и 12 представителей Облискомзапа [1, с. 193]. Председателем правительства был утвержден Дмитрий Фёдорович Жилунович (известный белорусский писатель Тишка Гартный) – личность, сыгравшая большую роль в становлении белорусской государственности. Д. Жилунович – автор текста «Манифеста», который он писал несколько дней. И. Сталин внес поправки в текст документа, Д. Жилунович его подписал.

1 января 1919 г. Манифестом Временного революционного рабоче-крестьянского правительства провозглашена Социалистическая Советская Республика Беларуси (ССРБ). Манифест закреплял власть Советов, провозглашал земли и недра достоянием белорусского народа, объявлял недействительными все акты и законы Рады БНР.

В данном документе был довольно полно определен статус нового государства. Республика выделялась из состава РСФСР как самостоятельная государственная единица. Беларусь объявлялась свободной, независимой республикой, а ее народ – свободным и равноправным хозяином своего государства. В документе содержалась фраза «Вольная Советская Белорусская Республика» [4; 2]. Понятия «независимая», «вольная», «свободная» республика в документах и публикациях того времени воспринимались как суверенная республика. Таким образом, Манифест от 1 января 1919 года, объявляя республику, определял суверенность государства.

Вместе с тем, суверенность не обозначала разрыва политических, экономических, социальных и партийных связей, которые объединяли Советскую Россию и Беларусь. В «Манифесте» был пункт, который касался передачи Белорусской республикой Российской Федерации функций обороны и организации военной структуры Красной Армии. В «Манифесте» было объявлено о расширении действия на БССР декретов РСФСР.

Затрагивался и международно-правовой аспект суверенитета. Объявление БССР означало появление на международной арене нового субъекта международных отношений. 5 января 1919 г. столицей БССР объявлен Минск, и из Смоленска в Минск переехало белорусское правительство.

В связи с созданием ССРБ 2 января 1919 г. (по другим источникам – 3 января 1919 г.) Облискомзап принял постановление о самороспуске и переходе всей власти к ВРКПБ [2, с. 60; 9, с. 14]. Это постановление утверждено Президиумом ВЦИК 11 января 1919 г.

На первом же заседании белорусского правительства 7 января принято решение о созыве I Всебелорусского съезда Советов, в целях юридически-правового оформления факта образования республики. Однако практическое строительство белорусского советского государства претерпевало дальнейшие трансформации, и было осложнено принятым решением Пленума ЦК РКП(б) от 16 января 1919 года о передаче Витебской, Могилевской и белорусской части Смоленской губернии в состав РСФСР и последующим созданием унитарной Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики на основе объединения Минской и Гродненской губерний с Литвой.

В белорусской историографии длительное время доминировал тезис, что это решение было продиктовано наступлением войск Польши, однако оно началось позже – 14 февраля 1919 г. Против искусственного деления этнической Беларуси протестовала не только группа Д. Жилуновича. Материалы заседания ЦБ КП(б)Б от 22 января 1919 г. свидетельствуют, что все 8 членов ЦБ отклонили предложение о разделе республики. Заседание проходило бурно, реального согласия центр не получил. Доводы уполномоченного Москвы не убедили присутствующих, и они решили обратиться в ЦК РКП(б) с просьбой повторно рассмотреть вопрос о восточных губерниях Беларуси.

Телеграммой 26 января 1919 г. из Москвы председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Я.М. Свердлов подтвердил решение РКП(б) о включении Витебской, Могилевской и Смоленской губерний в состав РСФСР. Отстаивать позицию ЦБ КП(б)Б в Москву были направлены Р.В. Пикель и И.И. Рейнгольд, однако, было решено не настаивать на оставлении в составе ССРБ Витебской губернии. 29 января 1919 г. депутатов принял В.И. Ленин. На встрече звучали слова о белорусском государстве как о буферном. «Республика буферная нужна постольку, поскольку граничит с другими странами; поскольку Смоленская, Витебская и Могилевская (губернии) не граничат, постольку их можно исключить». О результатах встречи Я.М. Свердлов 30 января 1919 г. вновь телеграфировал в Минск: «Делегатам Центрального Бюро самым решительным образом было отказано в отмене решения ЦК, подтверждаю: Витебская, Могилевская, Смоленская отходят, остаются в Белоруссии 2 губернии – Минская, Гродненская». Свое несогласие выразили 8 членов белорусского правительства в письме на имя А.А. Иоффе, копии которого посланы В.И. Ленину, Я.М. Свердлову, И.В. Сталину. В письмах справедливо замечалось, что пересмотр границ повлечет сложности в решении «белорусского вопроса» [3, с. 83–93].

Идея государственности Беларуси находила все большую поддержку советско-партийного актива бывшей Северо-Западной области. Для конституирования белорусской государственности 2-3 февраля 1919 г. был созван I Всебелорусский съезд Советов, на котором было зачитано постановление ВЦИК РСФСР от 31 января 1919 г. о признании независимости ССРБ. РСФСР явилось первым государством, которое на официальном уровне признало государственную независимость Беларуси.

Съезд принял Конституцию БССР, утвердил герб и флаг, избрал высшие органы власти [5]. В состав ЦИК БССР вошло 50 человек. Функции постоянного правительства БССР возлагались на Большой президиум, который формировался ЦИК БССР. В его составе основное место заняли бывшие руководители Западной области.

На съезде также приняты декларации об установлении федеративных связей с РСФСР и объединении Советских Социалистических Республик Беларуси и Литвы в единое государство. С созданием этого искусственного государственного образования вопрос о правомерности включения этнических белорусских земель в состав РСФСР в сложившихся условиях временно был снят с повестки дня.

Таким образом, политическая ситуация во время создания БССР была достаточно сложной. Для того, чтобы свершилось это событие исторической важности, понадобилась политическая воля руководства Западной области, национальных сил страны, стремление поддержать данный процесс со стороны коммунистического руководства страны, совершенствование аппарата взаимодействия структур управления на республиканском, областном и региональном уровнях.

В Институте истории Национальной академии наук разработана концепция истории белорусской государственности. В ней государственность рассматривается, прежде всего, как внутренний потенциал народа, который формируется тысячелетиями. Первая реальная форма белорусской национальной государственности – это ССРБ и БССР как ее продолжение.

Историческое сообщество Беларуси всегда уделяло самое пристальное внимание изучению истории белорусской государственности. И год 100-летия образования БССР не стал исключением, более того, представите-

ли общественных наук активизировали свои исследовательские усилия. Вышли новые публикации, направленные на изучение истории страны [6-10]. Прошли «круглые столы» с участием ученых Института истории Национальной академии наук Беларуси, приуроченные к 100-летию образования белорусской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь: страницы истории / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редсовет А.А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 408 с. С. 190-193.
2. Круталевіч, В.А. Абвяшчэнне рэспублікі (гістарыяграфічны аспект) / В.А. Круталевіч; рэд.: А.А. Галаўко. – Мінск: ВТАА «Права і эканоміка», 2004. – 119 с.
3. Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919 гг.) / В.А. Круталевич; под ред. А.Ф. Хацкевича, И.А. Юхо. – АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника. – 1979. – 399 с.
4. Маніфест Часовага Работніча-Сялянскага Савецкага Правіцельства Беларусі / История Беларуси в документах и материалах. – Минск: Амалфея. – 2000. – С. 340-343.
5. Конституция Социалистической Советской Республики Беларуси (извлечение). 3 февраля 1919 г. – Там же. – С. 347-350.
6. Лазько Р. Беларускае пытанне на трэцім Усерасійскім з'ездзе Саветаў. Канец ілюзій / Р. Лазько // Беларускі гістар. часопіс. – 2018. – № 2. – С. 3–8.
7. Іоффе Э. Аляксандр Мяснікоў і яго роля ў гісторыі Беларусі / Э. Іоффе // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 2.
8. Мазец В. Першая спроба стварэння беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове / В. Мазец // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 1. – С. 3–8.
9. Куніцкая, З.А. Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці: стварэнне, структура, дзейнасць: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / З.А. Куніцкая. – Мінск: БДУ, 2006. – 20 с.
10. Тарасенкова Т.И. Образование БССР в историографии 1990-2010-х годов / Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. – 2018. – № 4. – С. 211-229.

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА МОЛОДЕЖИ НА СБОРНЫХ ПУНКТАХ ССРБ В НАЧАЛЕ 1919 ГОДА

Крюковский В.Д. (г. Минск, Беларусь)

Система руководства военным обучением населения в социалистической советской республике Белоруссия складывалась на основе марксистской концепции всеобщего вооружения народа, ленинского учения о защите социалистического отечества, решений VII экстренного съезда РКП(б), IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов (март 1918), декретов СНК Российской республики «О создании Красной Армии» (январь 1918), ВЦИК и СНК Российской советской республики «Об обязательном обучении военному искусству» (апрель 1918) и уже накопленного опыта работы в Западной области. В Москве с 5 по 25 июня 1918 года прошел первый, а с 15 по 29 декабря – второй Всероссийский съезд по всеобщему военному обучению (всевобучу), на которых утверждена и уточнена программа военной подготовки трудящихся [1, лл.33–36; лл.25–35].

Вопросы военного строительства и всевобуча обсуждались на первом съезде КП(б)Б, заседаниях ЦБ КП(б)Б 10 и 20 января 1919 года. Была поставлена задача создать в республике эффективную систему всеобщего военного обучения населения [2, л.13; лл.22, 33а]. В соответствии с решениями партийных органов 22.01.1919 г. временным рабоче-крестьянским советским правительством Белоруссии принят декрет «О всеобщем военном обучении и мобилизации». Обязательному военному обучению подлежали граждане Белорусской советской республики в возрасте: а) школьном, низшая ступень которого определялась комиссариатом просвещения; б) подготовительном, от 16 до 18 лет и в) призывном от 18 до 40 лет. Обучение подготовительно-го и призывного возрастов возлагалось на все местные комиссариаты по военным делам; школьного – на комиссариат просвещения при ближайшем участии комиссариата по военным делам.

К военным занятиям привлекались рабочие, работающие на заводах, фабриках и мастерских, экономиях и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда. За организацию обязательного обучения на местах отвечали губернские, уездные и волостные военные комиссариаты. Учебный процесс должен был производиться непрерывно в течение 8 недель, не менее 12 часов в неделю, итого – 96 часов [3]. В местах непосредственного обучения программа военного обучения корректировалась специалистами сборных пунктов волостных и уездных (городских) военкоматов. Контролирующая функция возлагалась на отделы всевобуча, инспекторов, военных руководителей и комиссаров от волостного до республиканского уровня. Общее руководство военной подготовкой населения осуществлялось комиссариатом по военным делам и Реввоенсоветом РСФСР.

Обучение военному искусству складывалось на территории республики не одновременно. В не занятых немецкими войсками восточных уездах Витебской, Могилевской и всей Смоленской губерний обучение уже проходило с лета – осени 1918 года, освобождаемых от кайзеровских частей волостях Беларуси военные занятия стали проводиться после формирования местных органов советской власти. В Минской и Гродненской губерниях налаживание учебного процесса осуществлялось с января, практические занятия с населением (главным образом с молодежью) в пунктах военного обучения с февраля – марта 1919 года.

Формирующаяся организационная структура управления военной подготовкой молодежи Беларуси включала несколько уровней от волостных пунктов до республиканского народного комиссариата по военным делам. Низовое звено составляли сборные пункты отделов всеобщего волостных военкоматов, пункты и бюро обучения уездных и губернских городов.

Задачи по военному обучению молодежи в январе 1919 года успешно решались на сборном пункте села Белое Замшанской волости. Бюро и пункт всеобщего созданы решением Полоцкого уездного военного комиссариата осенью 1918 года. В соответствии с новым штатом волостных военных комиссариатов (приказ РВСР № 484 от 28.12.1918 г.), волостным военным руководителем назначен Сергей Васильевич Ботвинов, 1897 года рождения, во время империалистической войны – начальник команды конных разведчиков, руководителем бюро и пункта обучения сотенный инструктор-организатор Архип Матвеевич Медведев, бывший прапорщик, командир нестроевой роты. Для обучения призывников дополнительно утверждены один сотенный, четыре взводных и четыре отделенных инструкторов из младших офицеров и унтер-офицеров старой армии. Все они имели боевой опыт и определенное образование: сотенные инструкторы окончили школу прапорщиков, остальные инструктора – учебные команды воинских частей. Все инструктора сочувствовали партии большевиков.

Коллектив бюро совместно с военкоматом, волисполкомом, руководством школ, партийными и комсомольскими активистами навели строгий учет лиц необученных военному делу. Волисполком выделил помещения для занятий, участки земли для стрельбища, строевой, тактической, инженерной подготовки. Уездный военный комиссариат на призывной пункт передал 12 винтовок, учебные и боевые патроны, станки для прицеливания, уставы, наставления, другую документацию. 13 января губернский военкомат перевел средства на погашение задолженности по зарплате инструкторам, приобретение и изготовление наглядных пособий (плакатов по устройству оружия, мишеней, чучел солдат противника и др.). По просьбе бюро всеобщего волостной отдел лесного хозяйства выделил без оплаты поваленный лес на дрова для обогрева помещений. Под руководством работников волостного военкомата местные активисты и призывники оборудовали возле пункта обучения простейшие спортивные сооружения: турники, бруссы, бревно, спортивную лестницу.

Системная работа давала результаты. Призывники проявляли интерес и сознательное отношение к военному обучению, количество случаев неявки на занятия без уважительных причин было минимальным. Все 122 юноши, призванных на обучение в Замшанской волости с первого января 1919 года, успешно прошли итоговое испытание третьего февраля, возраст обучающихся составлял от 18 до 19 лет. [4, л.18; л. 49; лл.14–16, 189–193, 213; л. 88].

Результативно проходила военная подготовка молодежи на пункте всеобщего города Невеля. На декабрьское 1918 года заседание исполкома по вопросам военного обучения населения были приглашены военком Платонов, инспектор Адамантов и заведующий отделом обучения Пашковский, руководители местных предприятий, организаций и учреждений. Были определены помещения для занятий, место стрельбища, участок местности для тактических передвижений, финансовая и организационная помощь, социальный и возрастной состав подлежащих обучению. Руководителей городских учреждений, предприятий и организаций обязали обеспечить явку призываемых.

Руководитель городского бюро и сборного пункта обучения сотенный инструктор – организатор Шендвер тщательно проанализировал типовую программу, разработал учебный план и расписание занятий применительно к местным условиям. Основное внимание уделялось изучению основных видов винтовок и пулеметов, обучению прицеливания и стрельбе, строевой, тактической, инженерной подготовке. Отделенный инструктор Алексей Чекулаев совместно с работниками учетного отдела военкомата составили списки подлежащих обучению, организовали доставку повесток по их месту жительства.

Занятия проводились с 1 января по 1 февраля, исключая праздники и воскресенья, ежедневно по 4 часа, 6 дней в неделю, итого – 96 часов. С молодежью работали 10 отделенных, 4 взводных и 2 сотенных инструкторов из числа офицеров и унтер-офицеров старой армии, имеющих специальное военное образование (сокращенный курс военного училища, школы прапорщиков и подпрапорщиков, учебные команды воинских частей, инструкторские курсы всеобщего). По партийной принадлежности все инструктора были беспартийными, но сочувствующими советской власти. На занятиях поддерживалась воинская дисциплина, ход учебного процесса ежедневно контролировался уездным инспектором, заведующим отделом всеобщего, инструктором – организатором, итоги работы еженедельно вдумчиво анализировались на совещании в пункте всеобщего и уездном военкомате.

Главное внимание обращалось индивидуальной подготовке будущих красноармейцев и коллективным действиям в составе звена. Из-за сильных морозов часть полевых занятий проходила в стрелковом тире и классе тактической подготовки, оборудованном ящиком земли с макетом местности. Большое значение придавалось тактической подготовке. Призывники учились эффективно действовать в дозоре, разведке, передвигаться на поле боя шагом и бегом, рассыпаться в стрелковую цепь, проводить штыковую атаку, врываться в окопы противника.

Военная учеба проходила интересно, пропуски занятий были, но, как правило, по уважительным причинам. По курсу всеобщего все юноши успешно сдали итоговое испытание специальной комиссии, состоящей из представителей городской партийной организации, исполкома, уездного военкомата и инструкторов призывного пункта. В январе 1919 года Невельском призывном пункте прошли обучение 145 человек, все они были в возрасте от 18 до 20 лет. Высокое качество военной подготовки молодежи Невельской школы всеобщего отмечалось губернским военкоматом, сослуживцами частей Красной армии в годы польско-советской войны, военной прессой [5, лл.82–87, 89, 97; л. 39 (об.)].

Эффективно работали с молодежью в январе – феврале 1919 года партийные активисты, инструктора, общественность на сборных пунктах Старосельской, Жеребычской волостей Витебского, Войханской, Болецкой Городокского, Бононской, Ефросиньевской Полоцкого, 1, 4 и 5 Лобановской волости Чериковского, местечек Клецк, Погост Слуцкого уезда, 1 – 4 Витебска, 1, 2 Борисова, 1 – 3, 5 Минска [6, лл. 68, 275, л. 189; лл. 83–88; л.159 об.; 16; 1, 78] и других.

Налаживанию военного обучения препятствовали недостаток оружия, финансовых средств на закупку оборудования и снаряжения. Так, на пунктах обучения Барановской, Будницкой, Вязьменской, Ильинской, Маклаковской, Сертейской, Церковищенской волостей Велижского, Бобиничской, Несинской, Тяпинской, Ульской, Ушачской, Черствятской волостей Лепельского уезда в январе 1919 года не имелось исправных винтовок, станков для прицеливания, военного снаряжения и спортивного инвентаря. Изучение оружия происходило по рисункам самодельно сделанных плакатов и некомплектным 3-х линейкам, тактические занятия на пересеченной местности проводились с использованием неисправных или деревянных винтовок. Все это придавало не-серьезность процессу обучения, снижало интерес молодых людей к военной подготовке и не позволяло в полном объеме выполнить учебную программу.

В некоторых волостях местные исполкомы самоустраивались от помощи сборным пунктам в проведении агитационно-просветительной работы с населением о необходимости военного обучения, что способствовало уклонению некоторых жителей от обязательных занятий. Например, инспектору Витебского уездного военного комиссариата Соколову при проверке (по итогам января 1919 года) посещаемости населением волостных пунктов всеобщего, военный руководитель Ловжанской волости заявил, что исходя из опыта январского обучения призывников первой очереди, обращаться за помощью в волостной исполком бессмысленно, это только отнимет время и испортит настроение. Воздействовать на пропускавших занятия граждан инструкторам приходилось главным образом угрозами их административного и уголовного наказания [7, лл. 68а., 198, 200, 200об., 202, 204, 206].

Несмотря на имеющиеся проблемы объективного и субъективного характера, непродолжительный срок функционирования, складывающаяся в ССРБ система всеобщего военного обучения молодежи обеспечила в основном потребности Красной армии в обученном резерве. Большинство прошедших систему всеобщего получили хорошие основы военных знаний и успешно защищали территорию Беларуси от польских легионеров в 1919–1920 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1680. Оп. 1. Д. 774; Всеобщее военное обучение. Основы агитации и популяризации идей милиционной системы по 2-му Всероссийскому съезду в Москве: [сб. статей] / Марьясин [и др.]; под ред. Марьясина. Составил: В. Златолинский. – Петербург: Библиотека журнала «Военно-революционная мысль», 1919. – 63 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3; Д.38.
3. Звезда. 1919. 24 янв.
4. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 3; ГАВт. – Ф. 56. Оп. 6. Д. 43; – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203; – Ф. 1680. Оп. 1. Д. 774.
5. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203; Красноармейская правда. 1922. 11 авг.
6. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203; Д.202; Государственный архив Могилевской области (ГАМг). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 18; НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 3; Д. 6; Звезда. 1919. 26 февр., 27 февр.
7. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203.

ВЫДЗЯЛЕННЕ ВІЦЕБСКОЙ ГУБЕРНІ СА СКЛАДУ ССРБ У 1919 Г. (ПАЗІЦЫЯ КІРАЎНІЦТВА ВІЦЕБСКОЙ ГУБЕРНІ, РСФСР І ССРБ)

Бараноўскі А.В. (г. Мінск, Беларусь)

1 студзеня 1919 г. у Смаленску быў абвешчаны Маніфест аб утварэнні Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь. Асноўным тэрытарыяльным ядром рэспублікі сталі Віцебская, Гродзенская, Мінская, Магілёўская і Смаленская губерні. Аднак, ССРБ толькі некалькі тыдняў праіснавала ў гэтых межах, пакуль Віцебская, Магілёўская і Смаленская губерні не былі выдзелены з яе складу.

Мэтай даследавання было прасачыць, якія пазіцыі займала кіраўніцтва Віцебскай губерні, РСФСР і ССРБ адносна адміністрацыйнай прыналежнасці тэрыторыі губерні і як гэтыя пазіцыі паўплывалі на ход і вынікі тэрытарыяльнага размежавання паміж Беларуссю і Расіяй.

2 студзеня 1919 г. партыйны камітэт Віцебскай арганізацыі РКП(б) прыняў выказу супраць стварэння ССРБ [1, арк. 1]. Далейшыя ўзаемаадносіны паміж Віцебскім губвыканкамам і Часовым рабоча-сялянскім урадам Беларусі абмяркоўваліся 9 студзеня на пасяджэнні партыйнага камітэта Віцебскай арганізацыі РКП(б). Старшыня губвыканкама П. Сяргіеўскі, нягледзячы на адмоўнае стаўленне камітэта РКП(б) да ўваходжання ў склад Беларускай рэспублікі, лічыў неабходным падпарадкоўвацца ўраду Беларусі. Пагаджаўся з ім і старшыня Віцебскага камітэта РКП(б) С. Крылоў. Але пры гэтым ён заявіў, што паколькі ў Цэнтры маюцца ваганні адносна адміністрацыйнай прыналежнасці губерні, у Маскву дэлегавана С. Шэйдліна (жонка С. Крылова), якая павінна

там высветліць, ці магчыма губернскаму з'езду Саветаў і партыйнай канферэнцыі ўзняць пытанне супраць стварэння ССРБ [1, арк. 4 аб. – 5].

С. Крылоў быў правы, сапраўды ў Цэтры меліся ваганні адносна тэрытарыяльнага ўладкавання Беларускай рэспублікі, якія вырашыліся 16 студзеня. ЦК РКП(б) на сваім пасяджэнні разгледзеў пытанне аб Беларусі і прыняў наступныя рашэнні: “1) для агульнапалітычнага кіраўніцтва камандзіраваць у Беларусь т. Іофе. 2) даручыць яму правесці праз мясцовыя Саветы, а затым праз з'езд Саветаў Беларусі вылучэнне з Беларускай рэспублікі губерняў Віцебскай, Смаленскай, Мінскай, а ў далейшым, у выпадку магчымасці, і Магілёўскай” [2, арк. 49].

У гэты ж дзень у Віцебску адбыўся агульны сход Віцебскай арганізацыі РКП(б). Віцебскія бальшавікі яшчэ не ведалі пра рашэнні ЦК РКП(б). Абмяркоўваючы даклад аб утварэнні Беларускай рэспублікі, старшыня губернскага Савета народнай гаспадаркі М. Еўсцігнееў заявіў аб магчымасці вылучыць Беларусь у палітычных, але не ў эканамічных адносінах, бо тады прыйдзеца ламаць гаспадарку, а таму з эканамічнага пункту гледжання з Беларускай рэспублікай нельга працаваць [3, арк. 2]. Былы старшыня Рэжыцкага гарвыканкама М. Пяскоўскі адзначыў, што “калі мы гаворым аб выдзяленні Беларускай рэспублікі ў палітычным значэнні, то мы з гэтым згодныя, але калі гаворым і ў эканамічным дачыненні, то гэта для нас з'яўляецца небяспекай” [3, арк. 2 адв.]. Агульны сход самым рашучым чынам выказаўся супраць далучэння да ССРБ. У прынятай пастанове адзначалася: “лічыць неабходным ўключэнне Віцебскай губерні назад у склад Расіі, але пры гэтым да вырашэння паўнамоцнымі партыйнымі з'ездамі і канферэнцыямі гэтага пытання, савецкім установам часова падтрымліваць сувязь з беларускім урадам” [3, арк. 3].

20 студзеня з Масквы вярнулася С. Шэйдліна, яна азнаёміла партыйны камітэт з рашэннем Цэнтра аб выдзяленні Віцебскай губерні са складу ССРБ і далучэнні да РСФСР [1, арк. 8]. Увечары гэтае рашэнне было замацавана ў рэзалюцыі III Віцебскай губернскай партыйнай канферэнцыі. “Стварэнне Беларускай рэспублікі не апраўдваецца ніякімі меркаваннямі. Край ужо даўно русіфікаваны, мовы і нацыянальнай культуры няма. Беларускіх тэндэнцый у шырокіх пралетарскіх і сялянскіх масах не мелася і не маеца. Акрамя таго, ніякімі тактычнымі меркаваннямі гэты крок не можа быць апраўданы” [4].

22 студзеня 1919 г. А. Іофе, як прадстаўнік ЦК РКП(б), прыняў удзел у пасяджэнні ЦБ КП(б)Б, на якім азнаёміў прысутных з прапановай ЦК РКП(б) “абмежаваць памеры Беларускай рэспублікі геаграфічна неабходнымі граніцамі, г.зн. Мінскай і Гродзенскай губернямі” [5, арк. 20 адв.]. Дадзеная прапанова тлумачылася рашэннем ЦК РКП(б) стварыць паміж Савецкай Расіяй і імперыялістычнымі дзяржавамі шэраг буферных рэспублік, якія павінны былі выконваць ролю бар'ера і стрымліваць націск імперыялістаў. Прапанова ЦК РКП(б) не знайшла падтрымкі сярод членаў ЦБ КП(б)Б. Старшыня Цэнтрапалонбежа Р. Найдзёнкаў лічыў, што вяртанне трох губерняў у склад РСФСР нанясе вялікую шкоду справе партыйнай арганізацыі, паколькі ўжо наладжаны ўрадавы апарат. Наркам фінансаў ССРБ І. Рэйнгольд адзначаў: “Прапанову ЦК аб адрэзку ад Беларусі 3-х губерняў нельга назваць удалай, бо яно ў корні разбурае ўвесь тэхнічны і харчовы апарат” [5, арк. 21]. Старшыня ЦБ КП(б)Б А. Мяснікоў заявіў: “спачатку рэспубліка, нягледзячы на пратэсты, была створана, зараз яна расчляняецца” [5, арк. 21]. Абмеркаваўшы даклад А. Іофе, ЦБ КП(б)Б вырашыла фармальна пагадзіцца з прапановай ЦК РКП(б), пакінуўшы за сабой права звярнуцца ў ЦК для яго перагляду.

Неадкладна ў ЦК РКП(б) быў накіраваны ліст у якім члены Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі выступілі супраць вяртання Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў у склад РСФСР. На іх думку, перадача губерняў павінна была змяніць усю палітычную сітуацыю, абавіраючыся на якую магло быць станюча вырашана беларускае пытанне. Члены беларускага ўрада адзначалі, што пастанова ЦК РКП(б) парушае прыцып свабоднага самавызначэння народаў і “згубна адаб'еца на жыццёвых інтарэсах беларукага пралетарыату і сялянства” [2, арк. 54 – 55], у гэтай сувязі яны хадайнічалі аб пераглядзе рашэння ЦК РКП(б).

Адначасова кіраўніцтва ЦБ КП(б)Б накіравала старшыню УЦВК Я. Свядлову тэлефанаграму з просьбай адмяніць пастанову ЦК РКП(б) аб межах Беларускай рэспублікі, паколькі вылучэнне Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў ЦБ палічыла немэтазгодным. У гэтай сувязі партыйнае кіраўніцтва прасіла Я. Свядлова паспрыць другаснаму разгляду пытання аб межах Беларускай рэспублікі [6, арк. 11 – 12]. Аднак у сваім адказе Свядлоў адзначыў, што “ЦК пацвярджае сваё ранейшае рашэнне, агучанае т. Іофе. ЦК ўпэўнена ў поўным правядзенні ў жыццё яго рашэнняў, выкліканага агульнапалітычнымі меркаваннямі” [7, с. 86].

На пасяджэнні партыйнага камітэта Віцебскай арганізацыі РКП(б) 22 студзеня 1919 г. С. Крылоў праінфармаваў прысутных, што згодна з пастановай Віцебскай губернскай партыйнай канферэнцыі, Віцебская губерня выдзелена са складу Беларускай рэспублікі. Ён адзначыў, што гэта стала магчымым дзякуючы дапамозе кіраўніцтва Цэнтра [1, арк. 9]. Пасля пасяджэння Віцебскі партыйны камітэт РКП(б) накіраваў тэлеграму “Аб выдзяленні са складу ССРБ” у ЦК РКП(б) і ЦБ КП(б)Б [7, с. 80].

IV з'езд Саветаў Віцебскай губерні 26 студзеня 1919 г. пастанавіў вылучыць губерню са складу ССРБ і далучыць да РСФСР. Гэтая пастанова была прынята ў сувязі з тым, што паміж Віцебскай губерняй і Беларускай рэспублікай адсутнічаюць эканамічныя сувязі, а само насельніцтва губерні даўно русіфікаванае [8].

27 студзеня 1919 г. ЦБ КП(б)Б азнаёміла мясцовае кіраўніцтва з рашэннем вылучыць Віцебскую губерню са складу Беларускай рэспублікі. У атрыманай на імя губкама РКП(б) і губвыканкама тэлеграме адзначалася: “ЦБ КП(б)Б, заслухаўшы рэзалюцыю партыйнай канферэнцыі Віцебскай губерні аб неўваходжанні ў склад Беларусі, пастанавіла адмовіцца, як у савецкіх, так і ў партыйных адносінах ад Віцебскай губерні, даўшы апошняй поўную свабоду звязвацца непасрэдна з Цэнтрам ці ўваходзіць у іншае абласное аб'яднанне” [9].

27 студзеня 1919 г. ЦБ КП(б)Б на сваім пасяджэнні зноў разгледзела пытанне аб межах Беларусі. Пасля дакладу старшыні ЦБ КП(б)Б А. Мяснікова і абмену меркаваннямі было вырашана для перамоваў аб межах ССРБ дэлегаваць у Маскву Р. Пікеля і І. Рэйнгольда. Пры гэтым беларускія камуністы палічылі магчымым выключыць са складу Беларускай рэспублікі Віцебскую губерню [6, арк. 49]. Чарнавы пратакольны запіс тлумачыць чаму было прынята менавіта гэта рашэнне. Старшыня Савета народнай гаспадаркі Р. Пікель падчас выступу адзначыў, што пытанне пра выдзяленне Віцебскай губерні ставяцца рабром, паколькі старшыня Віцебскага губвыканкама П. Сяргіеўскі катэгарычна выказаўся супраць стварэння Беларускай рэспублікі. У гэтай сувязі Р. Пікель лічыў, што «варта адмовіцца ад Віцебскай губерні, бо яна дрань» [10, арк. 41]. Наркам фінансаў І. Рэйнгольд, заявіў: «Віцебская губерня для нас не ўяўляе каштоўнасці ў савецкім дачыненні, але адмаўляцца ад яе не варта» [10, арк. 41]. Пасля далейшага абмеркавання і было вырашана «лічыць магчымым выключыць са складу Беларусі толькі адну Віцебскую губерню» [6, арк. 49]. У атрыманай на імя губкама РКП(б) і губвыканкама тэлеграме адзначалася: «ЦБ КП(б)Б, заслухаўшы рэзалюцыю партыйнай канферэнцыі Віцебскай губерні аб неўваходжанне ў склад Беларусі, паставіла адмовіцца, як у савецкіх, так і ў партыйных адносінах ад Віцебскай губерні, даўшы апошняй поўную свабоду звязвацца непасрэдна з Цэнтрам ці ўваходзіць у іншае абласное аб'яднанне» [9, арк. 29].

Вяртанне Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў у склад РСФСР, а таксама зліццё Беларускай і Літоўскай рэспублік было замацавана на І Усебеларускім з'ездзе Саветаў, які праходзіў у Мінску ў пачатку лютага 1919 г. [11].

Такім чынам, кіраўніцтва віцебскіх бальшавікоў былі катэгарычна супраць утварэння ССРБ і ўваходжання ў яе склад Віцебскай губерні. Аднак тут няма нічога дзіўнага, сярод кіраўнікоў губерні пераважалі выхадцы з цэнтральных рэгіёнаў Расіі. Цэнтр адыгрываў велізарную ролю ў эканамічных адносінах для губерні, таму кіраўніцтву Віцебскай губерні былі лепей зразумелыя ўнутраныя сувязі з Масквой і Петраградам, чым з Мінскам.

Што тычыцца кіраўніцтва РСФСР, то яшчэ напярэдадні стварэння Беларускай рэспублікі ў ЦК РКП(б) меўся свой погляд адносна тэрытарыяльнага ўладкавання рэспублікі, які зводзіўся да скарачэння яе тэрыторыі. Польская Рэспубліка прэтэндавала на шэраг беларускіх тэрыторый і адмаўлялася прызнаць ССРБ. Кіраўніцтва РСФСР імкнулася пазбегнуць канфлікту, а таму дапускала магчымасць ахвяры беларускімі землямі, але не ўсёй тэрыторыяй Беларускай рэспублікі, а таму было вырашана вярнуць Віцебскую, Магілёўскую і Смаленскую губерні ў склад РСФСР.

Кіраўніцтва ССРБ было супраць перагляду межаў рэспублікі. Згода ЦБ КП(б)Б на вяртанне Віцебскай губерні ў склад РСФСР тлумачыцца тым, што кіраўніцтва Віцебскага губкама РКП(б) выступіла катэгарычна супраць стварэння Беларускай рэспублікі і ўваходжання ў яе склад.

ЛІТАРАТУРА

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей – ДАВВ). – Ф. 10050-п. Воп. 1. Спр. 27.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 478.
3. ДАВВ. – Ф. 10050-п. Воп. 1. Спр. 24.
4. ДАВВ. – Ф. 10069-п. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 66.
5. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 8.
6. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 498.
7. Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов. В 2 т. – Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост. : В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – 495 с.
8. ДАВВ. – Ф. 1821. Воп. 1. Спр. 309.
9. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 27. Арк. 29.
10. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 38.
11. Звезда. – 1919. – 4, 5 февр.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» В УСЛОВИЯХ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В УКРАИНЕ (1919–1921 ГГ.)

Корновенко С.В. (г. Черкассы, Украина)

1917 – 1921 гг. – непродолжительный отрезок времени, насыщенный судьбоносными событиями, которые кардинально изменили судьбы многих европейских народов. Прежде всего речь идет о революциях, прервавших многовековую историю континентальных империй и активизировавших национально-государственное строительство славянских народов. В частности, для Украины своеобразным «Рубиконом» стала Украинская революция.

Анализ современной украинской и зарубежной историографии позволяет убедительно говорить о том, что феномен Украинской революции 1917 – 1921 гг. стал объектом пристального научного изучения [9, с. 146 – 154; 20, с. 27 – 36; 21; 22; 23; 24; 27]. Считаем справедливым определять Украинскую революцию 1917 – 1921 гг. как многомерное, целостное историческое и социокультурное явление, наиболее активным субъектом которого было крестьянство. Это дает нам основания говорить о крестьянском характере Украинской революции [6; 7; 5]. В то же время это не противоречит тому, что Украинская революция – национально-демократическая.

Невзирая на действительно «революционный бум» в современной исторической науке, не все аспекты такого многомерного явления, как Украинская революция 1917 – 1921 гг., отражены полно и равномерно. На наш взгляд, перспективным есть изучение влияния крестьянского фактора на трансформацию политики «военного коммунизма» в Украине в 1919 – 1921 гг. в условиях крестьянской революции.

В марте 1917 г., внимательно наблюдая за общественно-политической эйфорией по поводу свержения династии Романовых, П. Сорокин высказал ряд обоснованных предостережений о возможных в будущем конфликтах между теми силами, «которые создали революцию». Одним из них, как утверждал П. Сорокин, мог стать конфликт между городом и деревней [26].

Предвидения ученого, подтвержденные объективной реальностью 1917 – 1921 гг., не были услышаны представителями революционной демократии. Прежде всего их проигнорировали большевики. Отношение их лидеров к крестьянству вообще и украинскому в частности сформировалось под влиянием нескольких факторов. Главными из которых были следующие. Во-первых, общественно-политическая имперская практика второй половины XIX – начала XX в. Во-вторых, крестьянская революция, начавшаяся в 1902 г. В-третьих, теория марксизма.

В своей доктринальной концепции большевики рассматривали крестьянство, как второсортную составляющую советской государственности [13, с. 362 – 366; 11, с. 235, 313, 325 – 326]. Гегемоном в крестьянской стране провозглашался пролетариат, которому нечего было терять, как известно, кроме собственных оков [24]. В контексте марксистского понимания, крестьянин – субъект с «двойной психологией»: пахарь и спекулянт в одном лице [14, с. 58].

По глубокому убеждению большевистских лидеров, культурно и политически крестьянство существенно отставало от гегемона революции, представляя собой архаичную массу. Вследствие этого, на пути к светлому будущему в марксистско-ленинской интерпретации ему требовался поводирь. Эта роль возлагалась на большевистскую партию и пролетариат. В связи с этим В. Ленин однозначно утверждал, что интересы пролетариата и крестьянства различны. Крестьяне не хотят того, чего хотят рабочие [12, с. 82].

«Диалог» советской власти с крестьянством во время революции 1917 – 1921 гг. вообще, и с украинским в частности, строился на принципах «военного коммунизма», «коммунистического штурма», «социалистического фронта в деревне». В нем доминировала агрессивная риторика и практика, конфронтация и противостояние. Статус крестьянства, как союзника пролетариата, большевики интерпретировали по-своему. В первую очередь, в союзнике по построению коммунизма – крестьянстве они видели источник продовольствия, человеческих ресурсов. Союзник, как и его интересы и чаяния, сами по себе не были интересны и важны для большевиков. Он их интересовал только как инструмент для достижения цели – утверждения советской власти и строительства коммунизма. Само по себе крестьянство доктринально не вписывалось в концепт советской модели государства.

На самом деле, украинское крестьянство к началу XX вв. существенно изменилось. На авансцене истории появился новый активный субъект истории – крестьянин-идеоман [8, с. 83 – 94]. Крестьяне Украины осознали себя отдельным субъектом социокультурного пространства начала XX вв. Объединяющей ценностью была «Идея Земли», ее распределение на справедливых, в крестьянском понимании, началах.

В Украинскую революцию 1917 – 1921 гг. крестьянство вошло со значительным багажом поведенческого опыта активного субъекта истории [8, с. 83 – 94]. Более глубокое изучение дальнейшего развития революционных событий в 1919 – 1921 гг. совершенно отчетливо показывает, что в основе большевистско-крестьянского противостояния было различное представление большевиков о себе и крестьянстве, крестьянства о себе и большевиках. Именно поэтому политика «военного коммунизма», как практическое воплощение представлений большевиков о себе и крестьянстве, не могла быть комплементарной к крестьянству – второсортной составляющей советской государственности [13, с. 362 – 366; 11, с. 235, с. 313, с. 325 – 326], всего лишь инструменту в достижении их политических целей. В свою очередь, такой подход вызвал зеркальную реакцию крестьянства на предложенный большевиками вариант «диалога».

В современной украинской историографии 1919 год обоснованно считается годом радикализации недовольства крестьянства советской властью, переходом крестьян к активной фазе антисоветского движения сопротивления, вооруженным формам и методам борьбы. Как справедливо пишет В. Масненко, на 1919 г. приходится пик крестьянского антисоветского повстанческого движения [18, с. 54]. По данным Д. Михайличенко, в апреле 1919 г. особенно угрожающей для большевиков была ситуация на Киевщине, Полтавщине, Черниговщине [13, с. 158]. Представляют интерес сведения, которыми оперирует А. Зинченко. Согласно им, в первых двух декадах июля 1919 г. в Украине было зарегистрировано 207 вооруженных крестьянских антисоветских выступлений. Из которых 111 – на Киевщине, 37 – на Полтавщине, 20 – на Волыни, 14 – на Херсонщине, по 12 – на Подолье и Черниговщине [4, с. 137].

По сути крестьянский фактор в 1919 г. стал определяющим и решающим в поражении большевиков в Украине. Крестьянство массово отвергло политику «военного коммунизма». Вместе с этой политикой, непринятой в Украине оказалась и советская власть. Крестьяне не восприняли большевистский образ-представление о них, коммунистический штурм в реализации политики «военного коммунизма».

Крестьянский фактор стал также определяющим и решающим в пересмотре большевиками отдельных положений политики «военного коммунизма». Восстановить советскую власть в Украине можно было только

путем усовершенствования большевистского образа-представления о крестьянах. Именно поэтому произошли изменения в содержательном компоненте политики «военного коммунизма». Во-первых, большевикам стало очевидно, что украинское крестьянство – не российское, а самостоятельный, оригинальный, активный субъект истории, требующий отдельного подхода и понимания [28, л. 35]. Во-вторых, середняк в официальной большевистской риторике поменял статус: из классового врага стал союзником [29, л. 22; 30]. В-третьих, государство принимало на себя решение таких социально-экономических проблем крестьянства, как обеспечение семенным фондом, ремонт техники, снаряжения и т.д. [31, л. 3]. В-четвертых, под влиянием крестьянского фактора весной 1920 г. большевиками был принят земельный закон – тактический шаг советской власти по отношению к украинскому крестьянству [16, с. 296]. По этому поводу Х. Раковский делегатам IV Всеукраинского съезда в мае 1920 г. открыто говорил, что документ принят для того, чтобы «вырвать у контрреволюции один из способов агитации против нас» [1, с. 40].

Изменения в содержательном компоненте политики «военного коммунизма» не затронули ее основополагающего принципа. Украинское крестьянство не устраивали реквизиция продовольствия, запрет торговли. Инструментом реализации политики «военного коммунизма» в 1920 – 1921 гг., как и в предыдущие годы, оставалось крестьянское налогообложение. В это время налоговое бремя составляло 25,1% условно-чистой прибыли крестьянского хозяйства [2, с. 120]. Непомерная для крестьян тяжесть налогообложения стала основной причиной глубокого экономического и политического кризиса весны 1921 г. Об этом прямо говорил В. Ленин [15, с. 159]. Таким образом, даже модифицированная политика «военного коммунизма» носила потребительский характер по отношению к крестьянству.

Ответ революционно активного крестьянства на такую политику большевиков был радикальным и безотлагательным. Территория Советской Украины в конце 1920 – в начале 1921 гг. была охвачена антибольшевистскими крестьянскими вооруженными восстаниями. Советская власть в Украине воевала со своим же народом. От нее отвернулось даже беднейшее крестьянство. Подтверждением этому есть сведения советских, партийных работников, ВЧК [25, с. 259 – 261, с. 267 – 276]. Красноречиво о реальном положении в Украине весной 1921 г. свидетельствует сообщение А. Цюрупы руководству партии: «Везде деморализация и уничтожение нашего аппарата. Только на украинском продовольственном фронте погибло 1700 заготовителей» [3, с. 422]. Пройгнорировать очередной крах крестьянско-советских отношений не смог и В. Ленин. Он откровенно написал: «Крестьянство, формой отношений, которая у нас сложилась, недовлестворено, оно этой формы отношений не желает и так далее быть не может. Это однозначно. Эта воля его проявилась однозначно. Это – воля общественных масс трудящегося населения» [10, с. 59].

Известно, что март 1921 г. – это апогей кризиса, охватившего советскую власть [10, с. 387]. Весной 1921 г. крестьянский фактор стал определяющим и решающим в отказе большевиков от политики «военного коммунизма» и переходе к новой экономической политике. Крестьянская революционность предопределила пересмотр большевиками экономической теории и практики марксизма. Под давлением крестьянства советская власть открыла двери товарно-денежным отношениям, экономическим стимулам развития крестьянского хозяйства.

Таким образом, политика «военного коммунизма» в Украине в условиях крестьянской революции в 1919 – 1921 гг. не была воспринята крестьянством Украины, поскольку не отвечала его интересам. Большевики ошибочно рассматривали крестьян в контексте своих политических иллюзий, явно недооценив те кардинальные изменения, которые произошли в крестьянской среде. Они «не увидели» крестьянина-идеомана – активного субъекта истории и участника Украинской революции 1917 – 1921 гг. Крестьянский фактор стал определяющим в реализации политики «военного коммунизма», ее трансформации в более приемлемые для крестьян формы, а в конечном результате – в новую экономическую политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень IV Всеукраинского съезда Советов. – Х., 1920. – № 2. – 18 мая. – 280 с.
2. Валенштайн А. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время / А. Валенштайн. – М. : Экономист, 1924. – 180 с.
3. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 год. Стенографический отчет. – М., 1963. – 915 с.
4. Зінченко А. Нариси історії Подільського селянства: 1917 – 1930 рр. / А. Зінченко. – Вінниця, 2008. – 344 с.
5. Корновенко С. Селянська революція 1917–1921 рр.: ліквідація поміщицького землеволодіння в Україні / С. Корновенко // Український селянин : зб. наукових праць. – Черкаси : Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2015. – Вип. 15. – С. 55–61.
6. Корновенко С. Селянська революція в Україні початку ХХ ст.: хронологія і внутрішня періодизація / С. Корновенко // Український селянин : зб. наук. праць. – Черкаси : Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2017. – Вип. 17. – С. 48–56.
7. Корновенко С. Селянська революція 1902–? рр. / С. Корновенко, Ю. Кононенко // Український селянин : зб. наук. праць. – Черкаси : Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2016. – Вип. 16. – С. 50–57.
8. Корновенко С. Суб'єктний складник аграрного питання як одна з передумов Української революції 1917 – 1921 рр. / С. Корновенко // Український історичний журнал. – 2017. – № 4. – С. 83–94.
9. Кузнецов И. Зерновое производство в России конца XIX – начала XX вв.: «модернизация Империи» vs «Русская Революция» / И. Кузнецов // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. – Уфа, 2013. – С. 146–154.
10. Ленін В. Повне зібрання творів : у 55 т. – К. : Видавництво політичної літератури, 1974. – Т. 43. – 527 с.

11. Ленин В. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 – 1907 годов / В. Ленин // Полное собрание сочинений. – М., 1976. – Т. 16. – 520 с.
12. Ленин В. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта / В. Ленин // Ленин о товарном производстве в период строительства социализма. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. – 326 с.
13. Ленин В. Объединительный съезд РСДРП. 10-25 апреля 1906 г. / В. Ленин // Полное собрание сочинений. – М., 1917. – Т. 12. – 480 с.
14. Ленин В. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г. / В. Ленин // Ленин о товарном производстве в период строительства социализма. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. – 326 с.
15. Ленін В. Повне зібрання творів: у 55 т. – К. : Вид. політ, 1973. – Т. 44. – 360 с.
16. Малик Я. Насадження радянського режиму в українському селі (жовтень 1917–1920 рр.) : дис. ... д-ра іст. наук / Я. Малик. – Л., 1997. – 495 с.
17. Масненко В. Консервативна концепція історії революції 1917–1921 рр. в українській історіографії / В. Масненко // Новітні тенденції вивчення актуальних проблем революційної доби. – К. ; Черкаси, 2012. – С. 68–79.
18. Масненко В. Як українські селяни стали воїнами (до соціокультурних і мілітарних аспектів революції 1917–1921 рр.) / В. Масненко // Український Селянин :: зб. наук. праць. – Черкаси : Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького. – 2018. – Вип. 19. – С. 49–59.
19. Михайличенко Д. Політика «воєнного комунізму» і селянський повстанський рух 1919 р. / Д. Михайличенко // Війна з державою чи за державу? Селянський повстанський рух в Україні 1917 – 1921 років. – Х. : Клуб сімейного дозвілля, 2017. – С. 148–169.
20. Морозов А. Роль аграрного питання в долі Української революції / А. Морозов // Новітні тенденції вивчення актуальних проблем революційної доби. – К. ; Черкаси, 2012. – С. 27–36.
21. Падение империи, революция и гражданская война в России / сост. С.М. Исаков. – М. : Издательство «Социально-политическая Мысль», 2010. – 600 с.
22. Пиріг Р. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси / Р. Пиріг. – К., 2011. – 336 с.
23. Посадский А. Эхо гражданской войны: линии вражды в пореволюционной деревне / А. Посадский // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 121–128.
24. Сафонов Д. Крестьянство как объект и субъект процесса модернизации / Д. Сафонов // Вісник Черкаського університету. Серія історичні науки. – Черкаси : Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2012. – № 35 (248). – С. 15–18.
25. Советская деревня ВЧК – ЦГПУ – НКВД. Документы и материалы : в 4 т. / ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 1. 1918–1922 гг. – 800 с.
26. Сорокин П. Возможные конфликты и необходимые выводы / П. Сорокин // Дело народа. – 1917. – март.
27. Ткаченко В. Історіософія революції / В. Ткаченко // Новітні тенденції вивчення актуальних проблем революційної доби. – К. ; Черкаси, 2012. – С. 106–125.
28. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). – Ф. 1. ЦК КПУ. – Оп. 20. – Д. 44. – 38 л.
29. ЦГАООУ. – Ф. 1. ЦК КПУ. – Оп. 20. – Д. 11. – 29 л.
30. ЦГАООУ. – Ф. 1. ЦК КПУ. – Оп. 20. – Д. 8. – 120 л.
31. ЦГАООУ. – Ф. 57. Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины. – Оп. 2. – Д. 342. – 159 л.

МЕСТО И РОЛЬ КОМСОМОЛА В ЖИЗНИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ (1920-Е ГОДЫ)

Мусина Н.Е. (г. Витебск, Беларусь)

В сентябре 1920 года состоялся I съезд Коммунистического Союза Молодежи (КСМ) советской Белоруссии. Эта дата связана с организационным оформлением молодежной общественно-политической организации. Впрочем, ее история началась несколько ранее, когда стали появляться первые ячейки рабочей молодежи на территории Беларуси. Подобные ячейки возникали повсеместно в российских губерниях, как правило, в промышленных центрах. Представители из Беларуси принимали участие и в работе I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи, состоявшегося 29 октября – 4 ноября 1918 г.¹

Приближающаяся юбилейная, столетняя дата создания комсомола Беларуси побуждает вновь обратиться к событиям тех лет с тем, чтобы глубже понять и осознать место и роль КСМ в жизни молодого поколения советского общества первых лет существования (1920-е годы).

Тема истории комсомола, на наш взгляд, остается актуальной, поскольку осмысление уроков прошлого через призму молодежных проблем, ее интересов важно для понимания места и роли молодежи в происходящих процессах и общественных преобразованиях. Очевидно, что в переломные периоды истории роль и значение молодежи особенно возрастает. Исторический опыт может позволить избежать негативных тенден-

¹ На съезде было принято решение о создании РКСМ (Российский коммунистический союз молодежи). От Витебской губернии принимали участие в работе съезда Гайдук, Симунин, Тумаркин. 18-летний Гайдук в следующем – 1919 г. был мобилизован на Восточный фронт и погиб в бою.

ций и различных деформаций в молодежном движении, использовать положительные стороны в укреплении преемственности, связи поколений. Интерес со стороны зарубежных авторов к молодежной проблематике в условиях трансформации советского общества 1920-х годов [1] подтверждает актуальность данной темы.

На сегодняшний день тема истории комсомола, в том числе и КСМБ, занимает достаточно большое место в отечественной исторической науке. Однако, отдавая должное той работе, которую проделали историки ранее, следует отметить ее односторонность и тенденциозность. Это проявилось, как в подборе фактов, так и оценке событий. Так случилось, что не только сама комсомольская организация, но и ее история становились важнейшим фактором идейно-воспитательного воздействия на подрастающее поколение. Кроме этого, история комсомола представлялась именно как история организации. Основное внимание уделялось ее участию и роли в послереволюционном общественном переустройстве, связанном со строительством социализма, под руководством коммунистической партии. Подобное представление вполне оправдано в силу активной вовлеченности комсомола во все социалистические преобразования, мероприятия 1920-х годов (впрочем, как и в последующие годы). В исследованиях, публикациях прошлых лет, посвященных КСМ, в большей степени отражалась событийно-фактологическая сторона деятельности данной молодежной организации. При этом недостаточно изученными оказались проблемы места и роли комсомола в жизни самих молодых людей, его влияния на мотивы вступления в союз, характер участия (или неучастия) в его деятельности и т.п., одним словом, все то, что отражало бы «изнутри» представителя молодого поколения в переломную эпоху, его взгляд на происходящее. Такие источники, как заметки в периодической печати, протоколы, материалы «обследований» комсомольских организаций, проводимых опросов во многом позволяют взглянуть на все глазами обычного молодого человека изучаемого времени и по-новому осмыслить происходящее.

Особый статус Коммунистического союза молодежи, его место в политической системе общества, государственное финансирование, политический характер деятельности с самого начала обеспечивали ему значительные ресурсы и позволяли использовать разнообразные методы для воздействия на широкие слои молодежи.

Задачи коммунистического воспитания подрастающего поколения становились приоритетными по отношению к задачам, связанным с защитой интересов рабочей молодежи. Все это позволяло вполне определенно сформулировать систему ценностей и идеалов для подрастающего поколения. Проводимые анкетные опросы [2] свидетельствуют о том, что с первых лет существования для значительной части молодежи КСМ начинал играть существенную роль. При том, что, какие бы собственные мотивы не преследовали молодые люди, в союзе они видели не просто организацию, способную удовлетворять их потребности и запросы, а с ней связывали представления об определенном этическом идеале. Исходя из такого идеала «вырисовывались» типаж: «активист», «отсталый», «рядовой», «отрицательный» [2]. Подобные «типаж» свидетельствуют о том, что молодые люди членство в КСМ связывали с определенными обязанностями, активностью, поведенческими формами, приверженностью коммунистической идеологии. При этом членство в организации налагало обязательства на молодого человека во всех сферах жизни и во взаимоотношениях с различными людьми, включая членов семьи.

Положение, статус, место КСМ в обществе, в его политической системе, вовлеченность союза в социалистические преобразования обуславливали ту роль, которую он сыграл в жизни молодого поколения. Наряду с государством, партией он становился важнейшим социализирующим фактором (институтом). Вытесняя из процесса социализации подрастающего поколения прежние институты – семью, церковь – КСМ брал частично на себя их функции – социальной помощи, поддержания коллективности, формирования идентичности, например [3, с. 49-50]. Вместе с этим, комсомол, выполняя такие функции, как организация, мобилизация, воспитание, позволял удовлетворять потребности молодых людей в решении их возрастных задач, связанных с образованием, трудоустройством, реализацией активности, творческого потенциала и т.д. Для молодого человека членство в КСМ становилось значимым статусным фактором в реализации своих жизненных планов. Именно сочетание интересов государства, коммунистической партии с одной стороны и интересов самой молодежи – с другой, обеспечило бесконфликтное включение комсомола в качестве социального института в систему общественных отношений в тех условиях.

Спустя 100 лет со времени создания комсомольской организации, оценивая место и роль ее в жизни молодого поколения (пусть и в рамках довольно ограниченного хронологического периода), невозможно закрыть данную тему простым перечислением функций этой организации. Остаются и дискуссионные вопросы, и неоднозначные оценки некоторых сторон деятельности КСМ. Но, пожалуй, самое главное заключается в признании того, что комсомол – это довольно уникальное явление в истории нашего общества, осмысливать которое предстоит и в дальнейшем.

Литература

1. Anne E. Gorsuch. Youth in Revolutionary Russia: enthusiasts, bogemians, delinquents / Anne E. Gorsuch. P.cm. – (Indiana – Michigan series in Russian and East European studies)/ - 274 p.
2. Материалы комиссии ЦК ЛКСМБ и редакции газеты «Чырвоная змена» по обследованию производственных ячеек Борисовской организации ЛКСМБ (октябрь-ноябрь 1928 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 830.
3. Мусина, Н.Е. Комсомол Беларуси в процессе социализации молодежи (1920-е гг.) / Н.Е. Мусина // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. - 2016. - № 1. - С. 46-50.

АЖЫЦЦЯЎЛЕННЕ КАМСАМОЛАМ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ ПРАЦЫ СЯРОД ЛАТЫШСКОЙ МОЛАДЗІ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ Ў 1920-я ГГ.

Даніловіч В.В. (г. Мінск, Беларусь)

Разгортванне сацыялістычнага будаўніцтва ў Савецкай Беларусі патрабавала вырашэння многіх праблем, сярод якіх даволі важнае месца займалі міжнацыянальныя адносіны. Як вядома, на хвалі рэвалюцыйнага ўздыму СНК РСФСР яшчэ 2 лістапада 1917 г. прыняў адзін з першых дэкрэтаў савецкай улады – “Дэкларацыю правоў народаў Расіі”. Дакумент прадугледжваў роўнасць і суверэннасць народаў Расіі, іх права на свабоднае самавызначэнне аж да аддзялення і будаўніцтва самастойнай дзяржавы; адмену ўсіх нацыянальных і нацыянальна-рэлігійных прывілеяў і абмежаванняў; свабоднае развіццё нацыянальных меншасцей і этнічных груп [17, с. 19 – 20].

Менавіта на аснове гэтай дэкларацыі і будавалася нацыянальная палітыка бальшавікоў, у тым ліку і на тэрыторыі Савецкай Беларусі. Таму важнай складаючай у дзейнасці савецкіх улад было ажыццяўленне нацыянальнай палітыкі ў духу інтэрнацыяналізма.

Гістарычна так склалася, што на тэрыторыі Беларусі пражывала насельніцтва розных нацыянальнасцяў. Акрэсленая дэмаграфічная асаблівасць у значнай ступені вызначала разгортванне нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Савецкія палітычныя лідары надавалі выключна вялікую ўвагу ўключэнню маладога пакалення ў сацыялістычную перабудову грамадства. Стаўка ў гэтай справе рабілася на камуністычны саюз моладзі. Пры чым гэта былі не проста заявы, а палітычныя ўстаноўкі партыі бальшавікоў уладным структурам, накіраваныя на ідэйна-палітычнае забеспячэнне пабудовы новага сацыялістычнага грамадства, у якім пануе дух інтэрнацыяналізму.

Абраная мадэль дзяржаўнага будаўніцтва аб’ектыўна падштурхоўвала да мэтанакіраванага ўключэння маладога пакалення ў працэс пабудовы сацыялістычнага грамадства, бо менавіта моладзь у сілу сваіх біялагічных і псіхалагічных узроставых асаблівасцяў, неабцяжаранасці мінулым вопытам лёгка ўспрымае ўсё новае і з’яўляецца рухавіком ператварэнняў. Таму з першых крокаў пабудовы сацыялістычнай сістэмы кіраўніцтва краіны надавала асаблівую ўвагу ўключэнню ў гэты працэс падростаючага пакалення.

Адпаведна са згадымі ўстаноўкамі структуры камсамола імкнуліся весці актыўную працу з моладдзю нацыянальных меншасцяў, у тым ліку маладымі латышамі. Так, напрыклад, ужо з пачатку 1920-х гг. у складзе Віцебскага губернскага камітэта РКСМ дзейнічала латышкае бюро, але праца на латышскай мове ў камсамоле амаль не вялася [1, л. 22; 6, л. 79].

Аднак першапачаткова праца з латышскімі юнакамі і дзяўчатамі ажыццяўлялася толькі на Віцебшчыне. Толькі 15 верасня 1924 г. латышкае бюро было ўтворана пры Цэнтральным камітэце (ЦК) ЛКСМБ. Нягледзячы на тое, што ў саюзе на канец года мелася толькі 1 латышская ячэйка з 4 членаў у Бабруйскай акрузе, на тэрыторыі БССР дзейнічалі 19 маладзёжных латышскіх драматычных, сельскагаспадарчых і палітычных гурткоў, арганізаваных камсамольцамі [3, л. 38; 4, л. 166; 5, л. 11; 12, л. 1].

Праца сярод маладых латышоў БССР, якіх у 1925 г. налічвалася каля 5 тыс., арганізоўвалася з цяжкасцямі з-за адсутнасці штатных адзінак у акруговых камітэтах ЛКСМБ. У акругах і раёнах, дзе пражывала латышская моладзь замацоўваліся камсамольскія ўпаўнаважаныя для працы сярод яе. Аднак рэальна да лютага 1926 г. яны працавалі выключна ў Мінску, але і тут агітацыйна-прапагандысцкая праца сярод латышскіх юнакоў і дзяўчат была пастаўлена слаба. Толькі ў 1927 г. у Віцебскім акруговым камітэце саюза з’явіўся штатны работнік для працы з латышскімі юнакамі і дзяўчатамі [2, л. 182; 3, л. 38; 7, л. 20; 13, л. 206].

Акрамя таго ўлады накіроўвалі камсамольцаў у латышскія школы ў якасці настаўнікаў [20, с. 115]. Тым не менш, як вынікае з архіўных дакументаў і апублікаваных матэрыялаў, у 1928 г. па-ранейшаму была слабой культурна-гаспадарчая і грамадска-палітычная праца структур ЛКСМБ у латышскіх вёсках [9, л. 8; 15, л. 128; 18, с. 5 – 6].

У камсамольскіх структурах на вёсцы існавала агульнае стаўленне да маладых латышоў як да кулакоў. На самой жа справе ў большасці гэта былі сярэдніякі, меліся таксама беднякі і батракі. Працу з імі ўскладняла іх раскіданасць па хутарах. Латышоў-камсамольцаў налічвалася ўсяго 100 чалавек. Толькі 3 ячэйкі саюза працавалі на латышскай мове. Але актыўнасць маладых латышоў расла: удзел у культурна-асветных гуртках, стварэнне карэспандэнцкіх гурткоў [11, л. 23; 12, л. 3].

Разам з тым, у латышскіх вёсках (Віцебская, Магілёўская і Полацкая акругі) асабліва выразна праяўлялася актыўная барацьба заможных сялян супраць уплыву камсамола на моладзь, за ўмацаванне ў яе свядомасці нацыяналістычных перакананняў і настрояў. У выніку моцнага супрацьдзеяння нават развальваліся арганізаваныя камсамольцамі піянерскія атрады. Адначасова меліся выпадкі, калі маладое пакаленне заможнага латышкага сялянства імкнулася патрапіць у саюз і ўзяць кіраўніцтва яго вясковымі ячэйкамі ў свае рукі. Такія праявы не атрымлівалі ў значным шэрагу выпадкаў дастатковага адпору з боку мясцовых арганізацый КП(б)Б і ЛКСМБ [14, л. 6 – 8; 16, л. 1].

Тым не менш, дзякуючы ўзмацненню ўвагі з боку кіраўніцтва ЛКСМБ на чале з першым сакратаром М. Паляковым да працы з латышскай моладдзю з 1929 г. павялічылася колькасць камсамольцаў-латышоў з ліку беднякоў і сярэднякоў, палепшыўся сацыяльны склад латышскіх ячэек саюза, вырасла іх роля ў грамадскім, гаспадарчым і куль-

турным жыцці. Але буйным недахопам у латышскай камсамольскай рабоце заставалася адсутнасць маладзёжнага друку на латышскай мове. Да таго ж ужо ў красавіку 1930 г. па патрабаванні ЦК КП(б)Б на чале з першым сакратаром К. Геям адзінка інструктара па рабоце сярод латышскай моладзі ў ЦК ЛКСМБ была скасавана і нацыянальная праца ў асяроддзі латышскіх юнакоў і дзяўчат пачала згортвацца [8, л. 3; 10, л. 125 – 126; 16, л. 1 – 2].

У цэлым у 1920-я гг., нягледзячы на разнастайныя складанасці і перашкоды, маладыя прадстаўнікі нацыянальных меншасцяў, у тым ліку латышоў, актыўна ўдзельнічалі ў грамадскім, палітычным і гаспадарчым жыцці Савецкай Беларусі праз структуры камсамола і прафсаюзаў [19, с. 56, 256].

Такім чынам, кіруючым структурам кампартыі і камсамола ў разглядаемы перыяд даводзілася вырашаць складаныя задачы арганізацыі працы з моладдзю латышскай нацыянальнай меншасці. У прыватнасці камсамольскае кіраўніцтва праз мясцовыя арганізацыі саюза імкнулася аказваць уплыў на падростаючае пакаленне нацыянальнай меншасці латышоў з мэтай актыўнага ўключэння яго ў працэс пабудовы сацыялістычнай грамадскай сістэмы. Аднак нацыянальна-культурная дзейнасць сярод маладых латышоў ажыццяўлялася з вялікімі цяжкасцямі і хібамаі.

Нягледзячы на пэўныя станоўчыя зрухі, напрыканцы 1920-х гг. з-за адсутнасці штатаў і недастатковай увагі кіраўніцтва КП(б)Б і ЛКСМБ нацыянальна-культурная работа ў асяроддзі латышскіх юнакоў і дзяўчат аслабела. Увогуле к пачатку 1930-х гг. адбыўся адыход ад ажыццяўлення спецыяльнай нацыянальна-культурнай працы ў асяроддзі моладзі латышскай нацыянальнай меншасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 10112п. Воп. 1. Спр. 15.
2. Дзяржаўны архіў грамадскіх арганізацый Магілёўскай вобласці. – Ф. 6577. Воп. 1. Спр. 269.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 12. Спр. 36.
4. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 33.
5. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 35.
6. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 49.
7. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 59.
8. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 78.
9. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 79.
10. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 101.
11. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 127.
12. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 150.
13. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 174.
14. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 306.
15. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 396.
16. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 499.
17. Образование СССР. Сборник документов. 1917–1924 / Под ред. Э. Б. Генкиной. – Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. – 472 с.
18. Панцюхаў. ЛКСМБ на павароце: даклад на студзеньскім пленуме ЦК ЛКСМБ аб выніках абследавання работы камсамолу Беларусі, праведзенага ЦК УсёлКСМ / Панцюхаў. – Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1930. – 43 с.
19. Пушкін, І. А. Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919 – 1990 гг.) / І. А. Пушкін. – Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2010. – 319 с.
20. Пушкін, І. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці (20-я гады XX ст.) / І. Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А. Куляшова, 2004. – 168 с.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «КРУГА М. БАХТИНА» В ВИТЕБСКЕ В 1919–1924 ГГ.

Никонов А.Н. (г. Витебск, Беларусь)

В первой четверти XX века Витебск переживал творческий расцвет и стал одним из крупнейших в мире центров современной культуры. Особенно плодотворными для развития науки, искусства и образования стали 1918-1922 годы. Этот период даже получил название «Витебского Ренессанса». В эти годы в городе трудились многие выдающиеся деятели науки и искусства, которые в будущем получили мировую известность и признание. Весьма активно в это время в Витебске развивалось и социально-гуманитарное знание. Огромная роль в этом принадлежит деятельности т.н. «круга М. Бахтина», который существовал в городе с 1919 по 1924 г.

Возникновение данного творческого объединения единомышленников-интеллектуалов произошло в г. Невель в 1918 г., когда там оказались одновременно три его ведущих представителя: М. Бахтин, Л. Пумпянский и М. Каган. Данное творческое содружество просуществовало в Невеле меньше одного года с 1918 по 1919 г. В этот период М. Бахтин, Л. Пумпянский и М. Каган постоянно виделись и общались, обмениваясь своими идеями и взглядами. Кроме того, в их собраниях и беседах часто принимали участие М. Юдина, Б. Зубакин, В. Волошинов и другие. В 1919 г. М. Бахтин возглавил Невельскую научную ассоциацию, которая объединяла наиболее

активных представителей интеллектуальной элиты города и занималась проведением диспутов, чтением лекций, организацией выступлений и т.д. Был даже издан альманах «День искусства», в котором М. Бахтин опубликовал свою первую работу «Искусство и ответственность» [5].

В 1919 г. занятия «невельского кружка» переносятся в Витебск. Большую роль в формировании данного объединения интеллектуалов-единомышленников в Витебске сыграл Павел Николаевич Медведев, последний витебский городской голова. После Октябрьского переворота 1917 г. он активно включился в культурную, научную и образовательную жизнь Витебска, поставив перед собой целью создание в городе профессиональной гуманитарно-интеллектуальной среды. В это время он постоянно и плодотворно сотрудничает с М. Добужинским, М. Шагалом, Н. Малько и другими представителями научной и творческой интеллигенции.

В ноябре 1918 г. П. Медведев организовал в Витебске Народный университет (позднее он был переименован в Пролетарский) и был избран на должность его ректора. В этом университете читались лекции в основном в области гуманитарных наук. Сам Медведев читает курс русской литературы и общества XIX в. и издаёт «Записки Пролетарского университета». Кроме того, в 1918 г. он организует при университете витебское «Общество свободной эстетики» и семинар по социологии [4, с. 79].

В июле 1919 г. Медведев приглашает на работу в Пролетарский университет профессора философии из Петербурга С. О. Грузенберга и Л. Пумпянского из Невеля. Осенью 1919 г. в Витебск приезжает и М. Каган, который тоже стал лектором университета [3].

Важной целью, которую стремился реализовать в Витебске Медведев, стало намерение открыть в 1919 г. Института гуманитарных наук и искусств. Это должно было быть самостоятельное высшее учебное и научное заведение, в котором бы имелось всё необходимое для творческой реализации витебских интеллектуальных сил в философии, психологии, эстетике, искусствознании и других сферах. Работавший на тот момент в городе Институт народного образования не мог выполнить данную цель. Важную роль, по мнению Медведева, в работе будущего института должны были сыграть представители петербургской интеллектуальной элиты, которых было довольно много в Витебске в эти годы. Оргкомитет по созданию нового института возглавил сам П. Медведев, а в его состав вошёл С. Грузенберг [4, с.80]. П. Медведев прилагал все усилия для открытия данного учебного заведения, вёл обнадеживающие переговоры с наркомом просвещения Луначарским. Но институт открыть так и не удалось. В основном это произошло по финансовым причинам, но частично и по идеологическим [3].

Параллельно с организационной работой П. Медведев активно занимается научной и преподавательской деятельностью. Он готовит труды по теории художественного творчества и истории новейшей литературы, читает лекции по литературе и эстетике в различных учебных заведениях города, а также везде, где была заинтересованная аудитория: в клубах, библиотеках, театрах и т.д. [4, с. 79] Среди тем его лекций можно выделить следующие: «Значение И. С. Тургенева в истории русской литературы» (к 100-летию со дня рождения), «Творческий путь Гоголя», «О пролетарской поэзии», «Разложение натурализма и новые веяния в русской литературе» и др. [6, с. 126].

Сближение взглядов членов «круга Бахтина» с идеями Медведева стало заметно в сентябре 1919 года, когда Бахтин, Каган и Пумпянский прочитали в Пролетарском университете лекции на тему «Роль личности». Похожие идеи за несколько дней до этого выдвинул Медведев в своей лекции «Личность Герцена».

В 1920 г. по приглашению Л. Пумпянского в Витебск перебирается и сам М. Бахтин. В этом же году на работу в подраздел искусств, возглавляемый Медведевым, приезжает В. Волошинов. В это время в отделе работал молодой И. Соллертинский [2].

После переезда в Витебск М. Бахтин начинает активную просветительскую деятельность. Он преподаёт в Институте народного образования на кафедре истории западноевропейской литературы, а также читает курс лекций философии музыки в Народной консерватории [7, с. 199], ведёт занятия в Витебской литературной студии. Кроме чтения основных лекций в институте и консерватории, он также ведёт предметы литературной студии Губрабиса, среди которых были эстетика, теория художественного творчества, западная и русская литература, теория русской поэзии, история искусств и русская журналистика.

С момента приезда в Витебск М. Бахтин, как и другие члены его «кружка», приступает к чтению публичных лекций. Их тематика весьма разнообразна. В одних его выступлениях видны попытки связать и соотнести религиозно-философские проблемы с социальными проблемами («Бог и социализм», «Искусство и социализм»), в других внимание уделяется будущей «эстетике словесного творчества» («О слове», «Поэзия Вячеслава Иванова») и т.д. Постепенно постоянные слушатели М. Бахтина организовали кружок по изучению русской литературы, занятия которого проходили у него дома на улице Смоленской (ныне Ленина). Именно в это время происходит знакомство и сближение М. Бахтина с Медведевым. Со временем в круг его знакомых входят также В. Волошинов и И. Соллертинский [1, с. 53-54].

Деятельность «круга Бахтина» оказала огромное влияние на формирование духовной среды Витебска начала 1920-х гг. Все члены «кружка» вели активную научную и просветительскую работу. Их творчество было объединено общими идеями, а труды одного автора часто дополнялись материалами другого. Например, ряд литературно-творческих проблем, выдвинутых Л. Пумпянским, были подхвачены в дискуссиях, а потом глубоко и оригинально разработаны М. Бахтиным. Публичные лекции В. Волошинова, которые он читал по истории драматургии и театра, костюма и внешнего быта, часто дополнялись комментариями М. Бахтина. Бахтин также часто оказывал консультативную помощь и П. Медведеву при подготовке к литературным диспутам.

Необходимо также отметить, что члены «кружка Бахтина» кроме активной творческой и просветительской деятельности занимались также и важной государственной работой. Они занимали должности в различных государственных учреждениях образования, культуры и искусства. Например, Л. Пумпянский был членом «лекторской коллегии» Пролетарского университета и входил в комиссию по улучшению и пересмотру учебников школьного подотдела ГубОНО; М. Бахтин выполнял обязанности инструктора по охране памятников старины и искусства по Невельскому уезду; Волошинов сначала занимал должность заместителя, а потом заведующего секцией музыкального образования в Губнаркомпросе [6, с. 124-125].

В ноябре 1920 г. Л. Пумпянский покинул Витебск и перебрался в Петроград, а вскоре уехали М. Каган и И. Соллертинский. В Витебске из друзей М. Бахтина оставались только В. Волошинов и П. Медведев. Именно они становятся его главными собеседниками и соратниками в этот период, особенно П. Медведев. Круг для общения подобрался по взаимному влечению и общности взглядов. Например, С. Грузенберг, который работал в это же время в тех же учебных заведениях и общавшийся с П. Медведевым, в этот круг не вошёл и его имя М. Бахтин не упоминает ни разу. В беседах этого круга, по словам М. Бахтина, и сформировалась та общая для всех троих концепция словесного творчества, которая определила дальнейшее направление деятельности «круга Бахтина» и была отражена в их трёх знаменитых монографиях [4, с.83-84].

Витебский период становится важнейшим в творческом формировании М. Бахтина. Именно в Витебске М. Бахтин продумывает темы своих будущих работ и начинает их писать, а также работает над незаконченными ранними философскими трактатами [1, с. 55]. И только величайшей ответственностью Бахтина перед каждым словом и постоянным сомнением в готовности текста можно объяснить отсутствие его персональных публикаций в эти годы [2].

В 1922 г. из Витебска в Петроград уезжают П. Медведев и В. Волошинов. Последующие годы М. Бахтин проводит в Витебске, но он постоянно подумывает о переезде в другое место. Одной из главных причин этого являлось то, что в провинциальном Витебске не было достаточной научной базы для реализации его идей и проектов. Поэтому весной 1924 г. и сам М. Бахтин покидает город и переезжает в Ленинград, где и продолжилась творческая деятельность «круга Бахтина» [7, с. 200].

Даже спустя почти сто лет нам сложно оценить вклад, который внесли представители данного творческого содружества в развитие науки, культуры и образования Витебска. Их деятельность вместе с деятельностью других представителей науки и искусства Витебска 1910-1920-х гг. создала многослойный и многообразный культурный феномен, который и получил название «Витебский Ренессанс».

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов, А. Витебский период деятельности М. М. Бахтина /А. Козлов // Материалы докладов 50-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов, посвящённой Году науки: в 2 т. // УО «ВГТУ». – Витебск, 2017. – Т.1. – С. 53-56.
2. Медведев, Ю. Круг М. М. Бахтина как «мыслительный коллектив» [Электронный ресурс] / Ю. Медведев, Д. Медведева // Звезда. – Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=567>. – Дата доступа: 16.08.2019.
3. Медведев, Ю. Круг М. М. Бахтина. К обоснованию феномена [Электронный ресурс] / Ю. Медведев, Д. Медведева // Звезда. – Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1806>. – Дата доступа: 15.08.2019.
4. Медведев, Ю. Творческое наследие П. Н. Медведева в свете диалога с М. М. Бахтиным / Ю. Медведев, Д. Медведева //Диалог. Карнавал. Хронотоп. –2001. – №2. – С. 73-94.
5. Михаил Бахтин [Электронный ресурс] // Наследие Земли Псковской / Культура и история. – Режим доступа: <http://www.culture.pskov.ru/ru/persons/object/43>. – Дата доступа: 20.08.2019.
6. Русецкий, А. В начале пути: литературная жизнь Витебщины в послереволюционные годы (1918-1924) / А. Русецкий, Ю. Русецкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2008. – Т. 7. – С. 110-130.
7. Семёнова, Н. Роль витебского периода в жизни и творчестве М. Бахтина / Н. Семёнова // Психологический Vademecum: Витебщина М. М. Бахтина: сб. науч. ст. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 197-201.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЁТА БССР ЗА 1919–1939 ГГ.

Приборович А.А. (г. Минск, Беларусь)

Материалы довоенного централизованного статистического учёта БССР представляют собой сложный по составу и происхождению корпус документов, в которых размещены сведения, собранные в результате осуществления учёта объектов экономики и населения центральными органами статистики (ЦСБ, ЦСУ, УНХУ) совместно с государственными организациями.

Традиционно отечественные и зарубежные исследователи истории к материалам по статистическому учёту относят программу текущего учёта и специальных работ, первичные документы учёта, сводки данных, публикации результатов исследований. Однако на практике обращаются они в основном к конкретным количественным сведениям, взятым из статистических сборников. Данный подход не всегда позволяет оценить зна-

чимость статистических сведений, поскольку статистические материалы представляют собой источник, сформировавшийся в результате многоэтапной работы по сбору, обработке и публикации сведений. Окончательные сведения в статистических сборниках являются обобщенными, поэтому выявление информационного потенциала статистических материалов невозможно осуществить без их систематизации, в которой общими признаками группировки статистических материалов следует считать: формы и виды статистического исследования; основные направления (объекты) статистического учёта; уровни и формы агрегирования сведений в статистических материалах.

Систематизация статистических материалов в зависимости от форм и видов статистического исследования делит их на следующие группы: статистическая отчётность государственных организаций, учреждений и предприятий (материалы ведомственной статистики); материалы специально организованных учётно-статистических наблюдений (перепись, единовременный учёт), материалы сплошного и выборочного учёта.

Основной формой разработки статистических сведений в советской Беларуси было получение отчётности от государственных организаций, учреждений и предприятий. Статистическая отчётность представляла собой систему показателей, характеризующую результаты работы государственных объектов хозяйственной деятельности за отчётный период времени и заполняемую по строго отведённым формам учёта. Принято считать, что отчётность государственных организаций имеет три вида: общегосударственная, внутриведомственная, межведомственная [1]. В статье к числу материалов центральных органов статистики относилась только общегосударственная отчётность, так как она была обязательна для всех и представлялась непосредственно органам власти через соответствующие отделы ЦСБ, ЦСУ, УНХУ БССР.

Большая часть форм общегосударственной отчётности была представлена типовыми статистическими формами, которые содержали одни и те же показатели для предприятий или учреждений конкретной отрасли или нескольких отраслей народного хозяйства. Малая часть форм отчётности имела специальный набор показателей, которые являлись видоизменением типовых форм, с отражением каких-либо региональных или профильных особенностей, учесть которые центральному статистическому аппарату СССР было непосильно.

Для более детального изучения разных сторон социально-экономической жизни БССР, центральные органы статистики проводили специальные статистические обследования: переписи, единовременные учёты, выборочные обследования.

Во время переписи обследовались практически все единицы объекта статистического наблюдения, каждая из них подлежала непосредственному изучению. Преимущество переписи заключалось в проведении её в строго определённое время на всей территории советской Беларуси. Результаты переписи позволяли получать больше сведений об объекте наблюдения и проверить общую закономерность развития его единиц за определённый промежуток времени. Однако организационная форма проведения довоенных переписей в БССР была громоздкой, особенно в части касающейся прохождения переписных документов. Документы во время переписи проходили долгий путь по всей многозвенной сети статистических органов советской Беларуси, что в свою очередь растягивало на несколько лет окончательное подведение итогов переписи.

Ряд явлений и процессов социально-экономической жизни в советской Беларуси изучался центральными органами статистики на основе сведений единовременного учёта. Как и перепись, единовременный учёт представлял собой сплошное статистическое обследование. Однако, в отличие от переписи, единовременный учёт в качестве основного источника получения данных использовал сведения первичного учёта, собранные на самом предприятии, учреждении или организации [2].

В первые годы существования государственной статистики советской Беларуси переписи проводились на основе специально организованной регистрации, т. е. при отсутствии в первой половине 1920-х гг. в БССР надёжного внутриведомственного учёта и отчётности, сбор статистических сведений проводился корреспондентским способом. По мере развития системы централизованного статистического учёта и статистики, переписи в советской Беларуси проводились на основе данных учёта и отчётности учреждений, предприятий и организаций.

Наряду со сплошным наблюдением государственная статистика БССР проводила выборочное статистическое наблюдение. В 1919 – 1939 гг. центральные органы статистики постоянно испытывали нехватку финансовых и трудовых ресурсов для проведения сплошных статистических обследований. Поэтому в государственной статистике советской Беларуси широко использовался выборочный метод обследований. По мнению руководства центрального аппарата государственной статистики, выборочное обследование отдельных единиц объектов учёта позволяло рационально распространить получаемые сведения на всю изучаемую совокупность. Например, в 1920-е гг. основные статистические сведения о развитии сельского хозяйства в советской Беларуси центральные органы статистики получали путём проведения следующих не сплошных статистических мероприятий: весенние и осенние выборочные опросы, гнездовая динамическая перепись, бюджетное обследование крестьянских хозяйств.

Систематизировать статистические материалы возможно по выбранным объектам и показателям учёта. Статистическая информация, которая содержится в системе статистических показателей, представляет собой количественное выражение признаков обследуемого в результате учёта объекта. Под объектом в государственной статистике БССР понималось население, культура, здравоохранение и отрасли народного хозяйства. Соответственно для каждого объекта может существовать собственное разделение материалов учёта, но уже по конкретным единицам объекта, имеющие общие и специальные показатели [3].

Исходя из изложенного ранее, можно представить следующие группы материалов статистического учёта, выделенных на основе системы показателей: материалы, связанные с характеристикой условий материальной жизни населения (географическая среда, демография, производственные силы); материалы, связанные с характеристикой социально-экономических типов предприятий и отраслей народного хозяйства; материалы, связанные с характеристикой процесса общественного производства; материалы по статистике культуры и здравоохранения.

Перед тем как рассмотреть систематизацию материалов статистического учёта в зависимости от уровней и форм агрегирования в них сведений отметим, что во время работы центральных органов статистики формировалась своя иерархия статистических материалов, где первичные источники использовались в качестве основы составления сводных материалов и разработок на момент проведения обследований и в последующей деятельности этих органов. Первичные статистические материалы представлены разными формами статистического учёта промышленности, сельского хозяйства, населения и др. Содержание этих документов бралось для изучения объектов хозяйственной деятельности, групп населения и граждан БССР. Соответственно первичные документы делятся на две группы: первичные документы в первоначальном виде, первичные документы в окончательном оформлении. Под первой группой имеются виду материалы, которые непосредственно передавались в статистические отделы и требовали от статистиков точного переноса сведений в уже утверждённые формы, имеющие окончательный вид.

Для того чтобы упростить процесс обращения к статистическим сведениям органы статистики проводили дальнейшую обработку первичных материалов учёта [4]. Под результатом такой агрегации следует понимать сводку статистических сведений, взятых из первичных материалов учёта, когда появлялись уже вторичные документы. В этих документах были включены основные вычисления и сопоставления статистических сведений уже с учётом требований разработанной программы (каких-либо конкретных запросов органов власти, общества, партии и др.) или сводка сведений по территориальному принципу (от наименьшего звена статистической сети к центральному органу).

Немаловажным признаком формы статистического учёта служит оформление статистических сведений (данных). Внешний вид представляемых данных в материалах учёта играл роль в их дальнейшем анализе и интерпретации.

Материалы статистического учёта в зависимости от вида представляемых в них сведений можно разделить на: материалы, представленные текстуальным методом; материалы, имеющий табличный вид; материалы, отображаемые графическим методом. Текстуальный метод оформления позволял статистикам представить ряд статистических данных без какого-либо подчинения к внешней систематизации или включить эти данные в краткое описание или рассуждение (мнение). Обычно текстуальным методом пользовались для приведения статистических данных в периодических изданиях, так как этот способ был удобен для печати. Однако наиболее востребованным видом представления статистических данных в материалах был всё же табличный вид. Целью составления таблиц было желание сотрудников статистики облегчить дальнейшее пользование данными. С практической точки зрения табличные материалы статистического учёта разделяются на информационные (констатирующие) и аналитические (интерпретирующие).

Целью же графического метода оформления данных является визуализация важных фактов, установленных статистическим исследованием, и выводов, сделанных на основании этих фактов. Несмотря на разнообразие видов статистических графиков в советской методологии статистики, широкой практики этот метод в Беларуси не приобрел. Как правило, графическое сопровождение статистических данных ЦСУ и УНХУ БССР использовали в юбилейных статистических сборниках или справочниках, где с целью усиления внимания читателей вместе с таблицами приводились графики.

Таким образом, предложенная систематизация материалов централизованного статистического учёта демонстрирует всё разнообразие данного вида источника. Она различается по регулярности регистрации сведений и охвату единиц, объектам учёта, формам и видам статистического исследования, характеру обработки (агрегирования) сведений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Писарев, И. Система учёта и статистики народного хозяйства СССР / И. Писарев. – М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП (б). – С. 11–22.
2. Рябушкин, Т. В. Развитие статистической науки в СССР / Т. В. Рябушкин, В. М. Симчера, Е. А. Машихин. – М.: Наука, 1985. – С. 192.
3. Рябушкин, Т. В. Статистические методы изучения народного хозяйства / Т. В. Рябушкин. – М.: Госстатиздат, 1957. – С. 11–29. Рябушкин, Т. В. Развитие статистической науки в СССР / Т. В. Рябушкин, В. М. Симчера, Е. А. Машихин. – М.: Наука, 1985. – С. 192.
4. Юнг, Б. Ф. Статистический учёт: организация и техника / Б. Ф. Юнг. – М.: Техника управления, 1931. – С. 51.

«ПАДАЛЬ ПОЛОВОГО ВОПРОСА»: ОТЗВУКИ НАШУМЕВШИХ ДИСКУССИЙ НА СТРАНИЦАХ ВИТЕБСКИХ ГАЗЕТ 1920-х ГОДОВ

Яковлева Г.Н. (г. Витебск, Беларусь)

Длительное время такие произведения, как «Без черемухи» П. Романова, «Содружество» И. Рудина, «Собачий переулочек» Л. Гумилевского, «Луна с правой стороны» С. Малашкина, были словно бы вычеркнуты из истории советской литературы, их обходили вниманием, а если уж и упоминались эти некогда сенсационные произведения, то с непременным разъяснением ошибочности идеологической позиции авторов, занимающихся изучением «падали полового вопроса». А между тем без «Собачьего переулочка» и «Луны с правой стороны» трудно представить как историю советской литературы 1920 – 1930-х годов, так и социальную историю Советской России первых послереволюционных десятилетий [1].

Рассмотрим, как дискуссии об этих произведениях проявились на страницах газеты «Заря Запада», сохранившихся в Государственном архиве Витебской области. Газета, с одной стороны, сыграла важную роль в пропаганде безрелигиозного советского быта, транслировала товарищеские отношения между полами, а с другой стороны, на ее страницах запечатлелись многочисленные примеры того опрошения нравов, которое охватило советское общество в послереволюционный период. Сохранила она для нас и споры о знаковых литературных произведениях тех лет. В местной печати наибольшие споры вызвали произведения П. Романова и С. Малашкина.

Нашумевший рассказ П. С. Романова (1884-1938) «Без черемухи» (1926) вызвал острую полемику в молодежной среде. По мнению А. М. Пушкарева, «метафорическое его название быстро стало нарицательным – как синоним грязных, пошлых, невозвышенных эмоциональных отношений, тех самых, против которых протестовала героиня рассказа («Без черемухи не можешь?» – «Нет, могу. Но с черемухой лучше, чем без черемухи»). Написанный от лица молодой девушки, признающей в своем первом сексуальном опыте, рассказ ставил задачу отобразить существовавшие в то время – и названные позже «эксцессами полового анархизма и упрощенчества в молодежной среде» – отношения между полами и художественно-заостренно представить нормы и практику половой морали» [7].

Знакомы были с дискуссиями «о черемухе» и на региональном уровне. «Заря Запада» сначала сообщила о том, что 30 января 1927 г. юношеской секцией Дома просвещения организуется литературный суд по произведению Пантелеймона Романова «Без черемухи» и пригласила на него членов партийной и комсомольской ячейки, членов профсоюза работников просвещения. Сообщалось, что председателем суда назначена тов. Метлина, а основными оппонентами – тт. Рубинштейн и Чернецкий. Через несколько дней в рубрике «За здоровую молодежь» появились две заметки: «С черемухой или без неё?» и «Без черемухи», посвященные состоявшемуся суду. Авторы излагали взгляды основных оппонентов в ходе суда на рассказ Романова и поднятые им вопросы двух, а также свои размышления по этому поводу. Один из оппонентов Чернецкий посчитал рассказ Романова клеветой на студенческую молодежь, произведением ненужным, не отражавшим типичное и характерное в студенческой среде. Не согласился он и с тем, как показан студенческий быт (грязь, нечистоплотность, небрежность). Главную героиню, утверждавшую, что среди студентов нет любви, а есть половые отношения, и желавшую любви с черемухой, обозвал мещанкой, «воспитанницей нежной мамочки», не имевшей твердой опоры в современности. Она – мещанка, поклонница поцелуев и «нежной скотской любви (?)». По его мнению, если допустить (?), что такой «герой есть, то он – запутавшийся интеллигент, прогнившая личность, жеребец, не заслуживающий нашего внимания». Мнение второго оппонента было противоположным. Он отметил, что Романов хотел показать «наш быт и его изъяны», которые действительно есть. Есть некультурность, распущенность, безответственность, хулиганство. Об этом писали комсомолки в «Комсомольской правде». О недостатках говорят, чтобы их исправлять, а не впадать в пессимизм. Не согласился он и с тем, что «желание черемухи» – это мещанство. В черемухе ничего опасного нет. Мы вполне понимаем студентку, которая тянется к хорошему, светлому, приятному. «Пьянство, хулиганство, половые извращения не способствуют пролетарской революции, поэтому это безнравственно». По мнению Рубинштейна, П. Романов устами героини хотел протестовать против есенинских типов, против неряшливости, против животной любви. Но он просмотрел светлую сторону нашей жизни.

Авторы заметок отметили, что в ходе суда было много выступавших, но суд так и не вынес приговора. Вопрос «С черемухой или без?» остался без ответа. Что же надо было судить: П. Романова за клевету, героев повести за поведение или судить факты общественной значимости? Как понимать мещанство? [2, л. 46 об., 54 об.].

Еще через несколько дней в газете появилась статья «Против “упрощенцев” и “вырожденцев”» (В дискуссионном порядке) автора под псевдонимом Рупор, который посчитал, что надо на вопрос “о черемухе” дать ясный и полный ответ. Упрекая одного из участников суда в игнорировании очевидного, автор вспомнил и «десятикратные и двадцатикратные связи с загсом и без», тысячи аборт, муки тысяч женщин-алиментщиц, растущий сифилис и «десятки тысяч детей, родившихся без черемухи, брошенных и завшивленных». Упрощенчество в виде низведения любви к половому акту уничтожает любовь, в результате «пресыщение, отвращение, а в случае частой практики – и размягчение мозга или прогрессивный паралич». «Черемуха – это совсем не мещанская герань, цветочки, вздохи и ахи. Черемуха – это человеческое отношение к любимому существу, нежное,

бережное, чуткое». Выражается оно по-разному, но решительно исключает взгляд на женщину, как на постельную принадлежность. Убежденный, что в коммунистическом обществе «любовь даст такую глубину и такой остроты счастья, о которой мы даже не способны иметь представление», Рупор утверждал, что она точно не будет «беспорядочной, случайной, жеребьей». Вывод автора был категоричен: любовь будет моногамной, но не лицемерной буржуазной, любовь только с черемухой, без сифилиса, без полного телесного и душевного развала. Другого выбора нет! [2, л. 61 об.].

Рупор, таким образом, в своей статье внес ясность в «вопрос о черемухе» совсем в духе новых партийных установок. А они ясно свидетельствовали о курсе партии на укрепление семьи и её ориентацию на ответственность за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. Государство не справлялось с провозглашенными ранее планами взять на себя заботу об общественном воспитании и содержании детей. На эту тему начинают высказываться видные члены партии и правительства, чье мнение тут же начинают перепечатывать газеты на местах. «Заря Запада» на своих страницах разместила несколько статей наркома просвещения А. В. Луначарского и наркома здравоохранения Н.А. Семашко, направленных против «гримас» нового быта. Н.А. Семашко писал, что брак в стране «не насильственный и лицемерный, а свободный», но «свободу брака» неустойчивые элементы поняли, как свободу разврата и постоянной смены жен. Женщина стала «страдающей стороной в семейных неурядицах», а дети часто остаются без воспитания и надзора родителей. Эти «гримасы нового быта», эти отрицательные стороны переходного периода должны быть изжиты [3, л. 127]. Автор «Зари Запада», скрывшийся под инициалами М.К., транслируя новые установки власти, пересказывает лекцию Луначарского о быте и семье. И вслед за ним называет разрушителем, «бытовым контрреволюционером» всякого, кто «порхает с цветка на цветок», не заботясь о последствиях [3, л. 166]. Луначарский не только призывал к общей ответственности за содержание и воспитание детей пусть даже и разведенных родителей. «Отцом и матерью быть легче, чем воспитывать ребенка – воспитание дело сложное, и вместо семейного кустарничества мы должны организовать правильно поставленный дом младенца, правильно поставленный детский сад, правильно поставленное общественное образование. Но мы только постепенно придем к этому, а пока нам придется исходить из тех ресурсов, какими мы располагаем», – писал он [5].

Дискуссия имела продолжение. Теперь объектом критики стал С. Малашкин и его «Луна с правой стороны». «Персонажи повести были выведены С. Малашкиным сторонниками безудержного разврата, приукрашенного притягательными революционными лозунгами извозглавляемого «идеологом» (тут педалировалась еще и национальная тема) – неким Исайкой Чужачком, с гордостью называвшим себя «маленьким Троцким из Полтавы» [7]. Действительно, со страниц повести перед нами предстают беспорядочные половые связи, вино, анаша, «афинские ночи» в студенческой среде, разочарованность главной героини (Тани Аристарховой) в жизни, которая «прошумела и ушла» [6 с. 185]. «Теперь все комсомолки курят, плюются через колено не хуже мужчин, обрезают волосы, ругаются и даже, чтобы не отстать от мужчин, стараются ходить... и тоже по-мужски», – говорит она о своей среде [6, с. 191].

В апреле 1927 г. «Заря Запада» сообщила о состоявшемся диспуте по произведению С. И. Малашкина (1888-1988) «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь». Оно отражало жизнь и быт студенческой молодежи того времени. «Вопрос об упадочности нашей современной молодежи и ненормальных половых отношений между мужчиной и женщиной вызывает у нас частые споры и является у нас большим и острым вопросом нашего быта», – написал автор «Зари Запада» Л. Южин и этим объяснил такое большое число молодежи, пришедшей на диспут. Задавая тон диспуту, выступил с докладом т. Бенде, резко осудивший произведение Малашкина как «попытку неверную, исковерканную и фальшивую» отразить жизнь студенчества. В своих выступлениях и многие студенты осудили автора за незнание жизни, клевету на молодежь и смешивание ее с грязью. Лев Южин кратко пересказал сюжет. Дочь деревенского кулака Таня Аристархова стала закаленной защитницей ленинского дела, поехала учиться в Москву в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова. Попав там в омут разврата, она докатывается до 23-го мужа, капитулирует перед жизнью и покушается на самоубийство. Л. Южин в своих оценках произведения особое внимание обратил на внешний вид героев Малашкина. Действительно, главный идеолог новой свободной любви Исайка Чужачок одет «не только хорошо, но изысканно». Автор повести его подчеркнуто не очень приятный внешний вид дополнил «изысканными» атрибутами: серый костюмчик в клеточку, белая в синюю полоску рубашка, широченный желтый ремень, замшевые остроносые полуботинки и серые в крупно-белую клеточку носки. А девушки щеголяли на вечеринке в газовых платьях, надетых на голое тело, что так возмущало положительного героя рассказа по имени Петр. «Надо куринная слепота, чтобы изобразить студентов Свердловского университета «в желтых ботинках, английских костюмчиках, а девушек – в газовых платьях. Это ли не абсурд? Нелепость?», – возмущался Л. Южин [2, л. 190 об.].

Отзвуки споров и борьбы мнений проявились и осенью 1927 г., когда М. Левина в стихотворении «О черемухе», опубликованном в «Заре Запада», писала: «Много споров, всяк по своему // Этот понимает запах. // Что так дорого бывает одному, // То другой срывает лапой». Однозначно поддержав вариант с черемухой, она в конце стихотворения задавалась вопросом: «Но почему-ж строительные дни // Черемухой не освежить?» [4, л. 51]. А в клубе «Профинтерн» в декабре того же года был организован литературный диспут на тему «Тип женщины в современной художественной литературе» [4, л. 306 об.]. Проблема, вынесенная для обсуждения, была такова, что, безусловно, не могла не затронуть вышеупомянутых произведений.

Таким образом, «половой вопрос», так активно обсуждавшийся комсомольцами 1920-х гг., был известен и местной молодежи. Партийные руководители Витебщины задавали тон в восприятии и оценках проблем взаимоотношения полов в коммунистической среде. Газета играла важную роль в трансляции новых установок власти на этот щепетильный вопрос. И сохранила для нас множество примеров удивительной открытости того времени для обсуждения вопросов, скоро ставших табу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беззубцев-Кондаков, А. Без черемухи [Электронный ресурс] / А. Беззубцев-Кондаков // Урал. – 2006. – № 6. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/ural/2006/6/bez-cheremuhi.htm> – Дата доступа: 26.08.2019.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110.
3. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 б.
4. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110а.
5. Луначарский, А. О быте [Электронный ресурс] / А. Луначарский – Ленинград, Гослитиздат, 1927. – Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/lunacharskiy-o-byte/lunacharskiy-o-byte.html>. – Дата доступа: 07.06.2018.
6. Малашкин С. Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь / С. Малашкин // Маруся отравилась: секс и смерть в 1920-е : антология / Сост. Дмитрий Быков. – Москва : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – С. 181-236.
7. Пушкарев, А. М. Из «Тьмы» приватности на «свет» публичности (сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг.) [Электронный ресурс] / А. М. Пушкарев // Женщина в российском обществе. – 2006. – №4. – С. 64-75. – Режим доступа: <https://womaninrussiansociety.ru/article/pushkarev-a-m-iz-tmy-privatnosti> – Дата доступа: 25.08.2019.

БЫТАВОЕ АБСЛУГОЎВАННЕ СТАХАНАЎЦАЎ БССР (1935–1941 ГГ.)

Субоцін А.А. (г. Віцебск, Беларусь)

Стаханаўскі рух, які разгарнуўся ў БССР з 1935 г. паўплываў не толькі на павышэнне прадукцыйнасці працы, але на паліпшэнне матэрыяльна-бытавога становішча працоўных рэспублікі. Адным з кірункаў дзяржаўнай палітыкі становіцца прыярытэтнае бытавое абслугоўванне ўдзельнікаў стаханаўскага руху з мэтай далейшага стымулявання іх працоўнай актыўнасці.

Па прычыне захавання нарміравання прамысловых тавараў да 1 студзеня 1936 г. стаханаўцам часта пры наяўнасці вялікіх сум грошай не ўдавалася купіць усе неабходныя рэчы. На такую праблему ўказваюць, напрыклад, апытанні ЦК КП(б)Б, зробленыя сярод стаханаўцаў БССР у снежні 1935 г. Згодна з гэтымі апытаннямі, у Гомелі стаханавец Ляошка меў праблемы з набыццём сваёй жонцы паліто і бялізны, а стаханавец Бекнераў скардзіўся на адсутнасць у продажы дзіцячага абутку. Сярод 25 апытаных стаханаўцаў Магілёва 15 чалавек не маглі купіць сабе адзенне, абутак і бялізну [7, арк. 50]. Сітуацыя не змянілася і пасля адмены нарміравання, калі дэфіцыт прамысловых тавараў перанайшаму захоўваўся. Так, стаханаўцы торфазавода «Асінторф» у студзені 1936 г. скардзіліся ў прафсаюзную арганізацыю на кепскую працу аддзела рабочага забеспячэння. Адзін з перадавікоў заявіў: «Грошы ёсць, а купіць няма чаго» [11, арк. 30]. Ад стаханаўцаў шклозавода «Ільіч» (Быхаўскі раён) у сакавіку 1936 г. у рэдакцыю газеты «Рабочий» паступіў ліст наступнага зместу: «На заводзе адных штатных рабочых 500 чалавек, из них 250 стахановцев. Рабочих завода обслуживает лавка сельпо, но в ней почти никогда не бывает необходимых товаров... Промтоваров же здесь в продаже совершенно не бывает» [4, с. 3].

Цяжкасці, звязаныя з немагчымасцю стаханаўцаў купляць дэфіцытныя тавары, звычайна вырашаліся за кошт выдзялення гэтых тавараў у якасці прэміі, што таксама з’яўляліся матэрыяльным стымулам да захавання ўзятых тэмпаў вытворчасці. Напрыклад, стаханавец І. Трацэўскі за выдатную працу быў прэміраваны ад кіраўніцтва свайго прадпрыемства ў студзені 1936 г. касцюмам коштам у 200 рублёў, пазней, у лютым 1936 г. Беларускае галоўнае ўпраўленне спіртавой, крухмальнай і лікёра-гарэлачнай прамысловасці прэміравала яго патэфонам з пласцінкамі на суму 400 рублёў [18, с. 30]. У час правядзення стаханаўскай пяцідзёнкі ў студзені 1936 г. на торфазаводзе «Асінторф» па рашэнні адміністрацыі былі прэміраваны найлепшыя стаханаўцы-канаўшчыкі: Сімчанка – радыёпрыёмнікам і патэфонам, брыгадзір Калеснікаў – крэсламі, шафай і сталом [11, арк. 29].

Важным стымуляванне стаханаўскага руху за кошт выдачы прамысловых тавараў з’яўлялася на вёсцы. Тут праблема з іх пастаўкай у гандлёвыя кропкі стаяла больш востра, чым у горадзе, больш таго, стаханаўцы сельскай гаспадаркі не мелі такіх вялікіх грашовых сродкаў для іх набыцця, як стаханаўцы прамысловасці. Таму амаль кожны стаханавец калгаса ці саўгаса ў якасці прэміі атрымліваў рознага роду рэчы, неабходныя ў побыце. Падчас правядзення акруговага злёту стаханаўцаў земляробства Полаччыны 4–6 студзеня 1936 г. усе найлепшыя перадавікі атрымалі прэміі ў выглядзе прамысловых тавараў. Напрыклад, стаханаўка А. Гендзелева была прэміравана швейнай машынкай, стаханавец І. Яронька – мужчынскім касцюмам, А. Яфімаў – мужчынскай кашуляй і джэмперам, А. Сямашка – сукенкай і джэмперам [5, арк. 264–265].

Для падтрымкі якасных умоў жыцця стаханаўцаў як працоўнай эліты і далейшага стымулявання вытворчага энтузіязму дзяржава актыўна прадастаўляла гэтай катэгорыі перадавікоў разнастайныя прывілеі ў матэрыяльна-бытавым забеспячэнні. У прыватнасці, для стаханаўцаў быў усталяваны прыярытэтны доступ да тавараў і

паслуг. Прыкладам гэтага можна назваць спецыяльны продаж прамысловых тавараў гандлёвымі прадпрыемствамі па месцы жыхарства з усталяваннем сістэмы папярэдніх заказаў. У студзені 1936 г. Мінскі гарадскі аддзел гандлю прамысловымі таварамі арганізаваў прыём заказаў і дастаўку тавараў на дом стаханаўцаў прадпрыемстваў сталіцы. Брыгада выдатнікаў гандлю наведла кватэры стаханаўцаў абутковай фабрыкі імя Кагановіча, станкабудаўнічых заводаў імя Кірава і імя Варашылава. Гандлёвыя работнікі паказвалі сем'ям стаханаўцаў узоры высакакасных тавараў, давалі рэкамендацыю наконт таго, які тавар выбраць, пасля гэтага атрымлівалі заказ і дамаўляліся пра час дастаўкі тавараў дадому. У першы дзень правядзення гэтых гандлёвых аперацый стаханаўцы заказалі сабе тавараў на 15000 рублёў. Напрыклад, стаханавец завода імя Варашылава С. Харнас заказаў сваёй жонцы гадзіннік за 200 рублёў, туплі, галёшы, бялізну, гардзіны для вокнаў і коўдры. Кошт яго заказу склаў 500 рублёў. Стаханавец абутковай фабрыкі Ганіч на 600 рублёў купіў патэфон, фотаапарат, гадзіннік, мэблю, шоўк [14, с. 4]. Меншыя маштабы адзначаная гандлёвая паслуга мела на рэгіянальным узроўні. 52 стаханаўцаў Уздзенскага леспрамгаса мясцовыя гандлёвыя прадпрыемствы за снежань 1935 г. прадалі па месцы жыхарства прамысловых тавараў на суму 2162 рублі [6, арк. 44].

Акрамя гэтага, адміністрацыя прадпрыемстваў перыядычна вылучала стаханаўцаў дэфіцытныя тавары ў выглядзе бясплатнай выдачы. Так, дырэкцыя і фабрычны камітэт фабрыкі “Камунарка” закупілі для стаханаўкі Цыгельніцкай канапу і 6 венскіх крэслаў [17, с. 34]. Прафсаюзнай арганізацыяй торфазавода “Бальшавік” стаханаўцаў было раздадзена прамысловых тавараў на суму 400000 рублёў (у пералік гэтых тавараў уваходзілі зімнія і асеннія паліто, касцюмы, абутак) [11, арк. 86 адв.].

Паказчыкам высокага статусу стаханаўцаў у бытавой сферы служыў таксама шэраг іншых паслуг, якія не аказваліся астатнім працоўным. Напрыклад, распаўсюджанай была паслуга бясплатнага рамонту і пашыву абутку стаханаўцаў. За студзень 1936 г. на Віцебскім шчацінна-шчотачным камбінаце стаханаўцаў адрамантавалі 60 пар абутку [12, арк. 56], за той жа месяц для стаханаўцаў Магілёўскага гарбарнага завода імя Сталіна была адрамантавана 71 пара абутку і пашыта 15 новых пар [12, арк. 165]. У Мінску гарадскі аддзел унутранага гандлю выдзеліў каля 300 талонаў на пашыў абутку стаханаўцаў па індывідуальных заказах [1, с. 4].

Прыярытэт для стаханаўцаў існаваў і пры матэрыяльнай падтрымцы іх дзяцей. Так, для дзяцей 53 стаханаўцаў Мінскай абутковай фабрыкі імя Тэльмана пры садзейнічанні прафсаюза былі закуплены новыя пары абутку [3, арк. 174]. Кіраўніцтва Мінскай механічнай пральні аплачвала 50 % кошту ўтрымання ў дзіцячым садку дзіцяці найлепшай стаханаўкі Сідаровіч [10, арк. 26]. Для таго, каб атрымаць грашовую дапамогу па доглядзе дзіцяці, стаж працы саўгасных рабочых, якія былі стаханаўцамі, павінен быў складаць мінімум 4 месяцы, у той час як для астатніх сельскагаспадарчых рабочых – ад 8 да 12 месяцаў [13, арк. 152].

Пры выдзяленні стаханаўцаў жылля дзяржавай ставілася задача і яго добраўпарадкавання, таму перадавікам у якасці прывілей бясплатна аказваліся некаторыя камунальныя паслугі. Так, напрыклад, усім стаханаўцаў Барысаўскай запалкавай фабрыкі, што пражывалі ў інтэрнатах і кватэрах, было бясплатна праведзена радыё [16, с. 9]. На фабрыцы “Сцяг індустрыялізацыі” за снежань 1935 г. – люты 1936 г. было адрамантавана 39 кватэр стаханаўцаў і ўстаноўлена 13 радыёкропак [8, арк. 116]. Для некаторых стаханаўцаў Беларускага энергетычнага камбіната ў кватэры былі бясплатна праведзены тэлефоны [9, арк. 12]. У Мазыры стаханаўцаў вызвалілі ад аплаты за электрычнае асвятленне [9, арк. 52].

Хоць на афіцыйным узроўні ўмовы жыцця ўдзельнікаў стаханаўскага руху дэклараваліся дзяржавай як прыклад дасягнення працоўнымі заможнасці, а прыярытэтныя паслугі ў бытавой сферы павінны былі пацвярджаць прэстыжны сацыяльны статус стаханаўцаў, сапраўднае прывілеяванае становішча з атрыманнем найбольш якасных бытавых даброт захоўвалася толькі за вузкай катэгорыяй самых лепшых перадавікоў БССР, так званымі “маякамі” стаханаўскага руху. Большасць жа стаханаўцаў магла задаволіць толькі самыя элементарныя жыццёвыя патрэбы, пры гэтым у некаторых выпадках матэрыяльная падтрымка ўдзельнікаў стаханаўскага руху была вельмі абмежаванай, калі іх побыт мала чым адрозніваўся ад побыту астатніх працоўных або назіраліся пэўныя праблемы ў стварэнні нават мінімальна неабходных умоў жыцця. Напрыклад, на Мінскім дрэваапрацоўчым заводзе імя Р. Люксембург адміністрацыя змагла забеспечыць стаханаўцаў толькі некаторымі льготамі ў сферы харчавання і не звяртала пільнай увагі на ўладкаванне ўсіх астатніх бакоў іх побыту. Так, рамшчык-стаханавец Садаўнічэнка некалькі разоў звяртаўся ў заводскі камітэт, каб яму не давалі зніжкі на абед, а лепш бы на гэтыя грошы даставілі дровы [9, арк. 99]. Увогуле пры абследаванні ЦСПСБ матэрыяльна-бытавога становішча стаханаўцаў адзначанага завода ім задалі пытанне: “Ці адчуваецца розніца паміж абслугоўваннем стаханаўцаў і не стаханаўцаў?” На што быў дадзены адзін з адказаў: “Пакуль розніцы ніякай няма, толькі абед на 40 капеек таннейшы” [9, арк. 99]. Кур'ёзная сітуацыя склалася на Барысаўскай запалкавай фабрыцы, дзе стаханаўка Булыгіна з-за цяжкага матэрыяльнага стану мела намер кінуць сваіх дзяцей, якіх не магла забяспечваць усім неабходным для іх росту і выхавання [9, арк. 100–101].

Найбольш востра недахопы матэрыяльнага забеспячэння стаханаўцаў праявіліся ў жыллёва-камунальнай сферы. Так, на працягу жніўня 1936 г. ніхто з адміністрацыі фабрыкі “KIM” не быў у найлепшых стаханаўцаў на кватэрах па пытаннях вырашэння камунальных праблем. Разам з тым Віцебскі гарадскі камітэт КП(б)Б выявіў, што гэтыя стаханаўцы жывуць у дрэнных умовах і маюць патрэбу ў дапамозе фабрычнай прафсаюзнай арганізацыі [2, арк. 51–52]. Частка стаханаўцаў, не атрымаўшы належных жыллёва-бытавых умоў, сама скардзілася на камунальныя цяжкасці ў органы ўлады ці газеты. Напрыклад, у 1936 г. шэраг лістоў з такімі скаргамі паступіў у газету “Звязда”. Стаханаўка Н. Бенік

(Мінская швейная фабрыка “Кастрычнік”) адзначала ў сваім лісце наступнае: “Кватэрныя ўмовы мае дрэнныя. Жыву ў памяшканні, якое вось-вось абваліцца. Нягледзячы на гэта, фабкам не ідзе мне насустрач. Абмежаваліся толькі тым, што яшчэ ў 1935 г. зрабілі абследаванне маёй кватэры. І колькі б я пасля гэтага ні зварочвалася ў фабкам, заўсёды атрымлівала адказ: “Мы нічым не можам дапамагчы” [15, с. 3].

Такім чынам, стаханаўцы па выніках сваёй выдатнай працоўнай дзейнасці атрымалі ад дзяржавы шэраг прывілей у выглядзе выдзялення ім дэфіцытных тавараў, аказання бясплатных або льготных бытавых паслуг. Усе пералічаныя меры былі звязаны з задавальненнем толькі самых элементарных жыццёвых патрэб. У некаторых выпадках з-за фармалізму мясцовых кіраўнікоў і кепскага фінансавага становішча преравагі ў бытавой сферы мела толькі абмежаванае кола найлепшых перадавікоў, а астатнія стаханаўцы не маглі атрымаць нават належных умоў для жыцця.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выкананы гадавы план // Звязда. – 1935. – 20 лістап. – С. 4.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 102. Воп. 1. Спр. 364.
3. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 5451. Воп. 19. Спр. 240.
4. Заводская лавка без товаров (письмо рабочих стахановцев) // Рабочий. – 1936. – 14 марта. – С. 3.
5. Занальны дзяржаўны архіў у горадзе Полацку (ЗДА у г. Полацку). – Ф. 104. Воп. 1. Спр. 92.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 8961.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 9040.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 10776.
9. НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4238.
10. НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4313.
11. НАРБ. – Ф. 277. Воп. 1. Спр. 444.
12. НАРБ. – Ф. 283. Воп. 1. Спр. 694.
13. НАРБ. – Ф. 297. Воп. 1. Спр. 60.
14. Предварительные заказы стахановцев на промтовары // Рабочий. – 1936. – 27 янв. – С. 4.
15. Прыходзілі розныя камісіі (пісьмо стаханаўкі) // Звязда. – 1936. – 18 крас. – С. 3.
16. Стаханаўскім шляхам: стаханаўцы Барысаўскай запалкавай фабрыкі : [зб. арт.]. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
17. Стаханаўцы “Камунаркі” : [зб.]. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
18. Стахановцы спиртовой промышленности БССР : [сб.]. – Минск : Гос. изд-во Белоруссии, 1936. – 78 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ КОНТРОЛЯ (1920–1934 ГГ.) (НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБЩИНЫ)

Бондарева Е.М. (г. Витебск, Беларусь)

Главнейшим ленинским принципом контроля являлось участие в нем широких масс трудящихся, а сам контроль должен был стать первой массовой школой управления хозяйством в условиях диктатуры пролетариата.

С образованием в 1920 г. Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) новой формой контрольной работы явились массовые обследования, проводимые с участием сотен активистов. Участники массовых обследований выделялись коллективами промышленных предприятий, учреждений, жителями сельских населенных пунктов. В массовых обследованиях, проводимых Витебской губернской РКИ в январе–августе 1921 г., приняло участие 223 рабочих и крестьян [5, л. 1].

Другой формой участия активистов в деятельности органов контроля являлось делегирование трудящихся в РКИ. Работа делегированных на практике осуществлялась следующим образом: они разбивались на группы и во главе с опытным инспектором РКИ посылались как на летучие, так и на плановые ревизии. Как правило, делегированные избирались не более чем на четыре месяца, но после проверки на практических делах часть из них включалась в штат инспекции в качестве постоянных сотрудников.

В 1921 г. из 150 делегированных от фабрично-заводских комитетов и предприятий г. Витебска по окончании срока делегирования изъявили желание продолжить службу в Витебской губернской РКИ и были приняты в число постоянных сотрудников инспекции 10 человек [5, л. 1]. Однако впоследствии в инспекции остались только 2 человека из числа делегированных, остальные вернулись на фабрики и заводы, где их труд гораздо лучше оплачивался. Как свидетельствуют архивные документы, «были и такие делегированные, которых через некоторое время приходилось откомандировывать обратно за непригодностью, ...в инспекцию посылались такие лица, которые не нужны были предприятию» [3, л. 2]. По мере внедрения присущего нэпу хозрасчета стал затруднительным отзыв рабочих и специалистов в распоряжение РКИ, поскольку руководители предприятий отказывались выплачивать им зарплату.

Попыткой найти другую форму привлечения трудящихся к деятельности органов контроля явилась раз-

работка Наркоматом РКИ в августе 1923 г. «Положения о ячейках содействия РКИ» [1, с. 74]. Члены ячеек избирались из среды рабочих и служащих, административных прав они не имели, но зато были уполномочены сообщать в органы РКИ обо всех замеченных недочетах и упущениях в работе организаций и учреждений. На 1 июля 1921 г. на предприятиях и в учреждениях Витебской губернии насчитывалось 70 ячеек содействия РКИ с числом 2 210 членов в них [4, л. 18]. Как свидетельствуют архивные документы, «ячейки содействия не проявляли почти никакой деятельности, а большая их часть существовала лишь на бумаге» [6, л. 5 оборот]. Существенным препятствием в работе ячеек содействия РКИ являлось низкое образование их членов, отсутствие опыта и поддержки со стороны руководства. Так, «ячейка содействия РКИ на обувной фабрике поставила себе в задачу выяснить накладные расходы предприятия в целях их уменьшения. Задача остается не выполненной, так как попытка уменьшения накладных расходов не дает результатов из-за неумения их оценить» [7, л. 26].

В целях рассмотрения жалоб и заявлений граждан о фактах бюрократизма и волокиты, невнимательного отношения к нуждам трудящихся, неправильных действиях государственных и общественных организаций, других недостатках в работе госаппарата при Витебской губернской РКИ, окружных, городских и районных РКИ функционировало Бюро жалоб.

В работе бюро жалоб принимали участие рабочие заседатели. Они избирались сроком на 1 год на общих фабрично-заводских собраниях рабочих наиболее крупных предприятий. В Бюро жалоб Витебской окружной РКИ было избрано 34 рабочих заседателя [10, л. 175]. В работе Бюро жалоб Оршанской окружной РКИ принимало участие 20 рабочих заседателей [14, л. 43]; Полоцкой окружной РКИ – 50 рабочих заседателей [13, л. 22]. Широкое привлечение трудящихся масс к рассмотрению жалоб должно было способствовать достижению наибольшей объективности, значительному сокращению сроков их разрешения. Так, в апреле 1929 г. Бюро жалоб Витебской окружной РКИ были изучены причины длительного рассмотрения жалоб граждан в налоговой комиссии финансового отдела Витебского окрисполкома. Жалобы налогоплательщиков здесь разбирались в среднем 143 дня. Причем около 18% из них возвращались на дополнительную перепроверку. По инициативе Бюро жалоб при поддержке профорганизации руководством финансового отдела Витебского окрисполкома были приняты меры к улучшению постановки разрешения жалоб: установлены дни заседаний налоговой комиссии, определены сроки дачи заключений по жалобам инспекторами и районными налоговыми комиссиями. В результате принятых мер на подавляющее большинство жалоб стали поступать ответы в основной двухнедельный срок, улучшился прием посетителей [12, л. 22-26].

Немалое значение в борьбе с бюрократизмом, косностью аппарата и его пренебрежительным отношением к нуждам трудящихся имели отряды (группы) «Легкой кавалерии». Группы «Легкой кавалерии» создавались с 1928 г. на предприятиях, в учреждениях, вузах. Они формировались на добровольных началах из комсомольцев и беспартийной молодежи. Руководили ими комитеты комсомола через штабы, выбираемые на слетах «Легкой кавалерии». По состоянию на 1 мая 1930 г. в г. Полоцке действовало 12 групп «Легкой кавалерии» в количестве 125 человек, в каждом районе округа также имелись группы «Легкой кавалерии» с количеством от 20 до 35 человек в каждой [13, л. 16]. Совместная работа «кавалеристов» и РКИ заключалась, во-первых, в привлечении групп «Легкой кавалерии» для расследования поступающих жалоб, во-вторых, они широко вовлекались в массовые проверки и обследования. Одним из эффективных методов работы групп «Легкой кавалерии» являлось проведение «налетов» (так назывались проверки различных организаций, учреждений и предприятий по соблюдению трудовой дисциплины). Например, в октябре 1930 г. такие «налеты» «кавалеристов» были проведены на организации и учреждения г. Лепеля. В результате были выявлены многочисленные случаи опоздания на работу, а учреждениям было предписано завести журналы учета прихода сотрудников на работу [8, л. 2]. Группами «Легкой кавалерии» в августе 1933 г. был проведен ряд «налетов» по проверке ночных сторожей в колхозах и совхозах Бегомльского района. В результате был «выявлен ряд случаев, когда сторожа вместо дежурства спали дома» [15, л. 11]. По итогам проверок были приняты соответствующие меры к нарушителям трудовой дисциплины.

Помощь окружным и районным РКИ в искоренении волокиты, бюрократизма и халатного отношения к работе оказывали комиссии (секции) РКИ при местных Советах, созданные в марте 1929 г. Секции РКИ состояли из добровольно записавшихся в нее членов горсовета, сельских и местечковых Советов, представителей профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, месткомов, делегатских собраний рабочих, комсомольских и партийных организаций и др. Как свидетельствуют архивные документы, секция РКИ при Полоцком горсовете по состоянию на 1 мая 1930 г. насчитывала 38 человек. Хотя члены секции участвовали в проверке приема посетителей в учреждениях г. Полоцка, однако активность работы секции была слабой. Полностью отсутствовало руководство работой секции со стороны президиума горсовета [13, л. 15]. Секция РКИ при Витебском горсовете по состоянию на 1 ноября 1931 г. насчитывала 30 человек. Проверки работы Витебской льнопрядильно-ткацкой фабрики «Двина», Витебской государственной очковой фабрики им. Р. Люксембург, Витебского государственного пивоваренного завода им. Бебеля вследствие некомпетентности членов секции РКИ «превратились в поверхностное ознакомление с деятельностью указанных предприятий» [11, л. 13].

Согласно постановлению Президиума ЦКК КП(б) и Коллегии РКИ СССР от 7 августа 1931 г. на промышленных предприятиях, в совхозах, МТС и колхозах создавались группы содействия РКИ [2, с. 359]. В первую очередь они создавались на крупных предприятиях, в совхозах и колхозах. Группы содействия организовывались из людей, добровольно желающих в них работать и выдвинутых в порядке общественной нагрузки низовыми

партийными, комсомольскими организациями, инженерно-техническими секциями, депутатскими группами, женскими делегатскими собраниями. Они боролись за правильную организацию труда, укрепление трудовой дисциплины, повышение качества выпускаемой продукции, внедрение рационализаторских предложений, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, с бесхозяйственностью, растратой, бюрократизмом и волокитой. По состоянию на 1 ноября 1931 г. группы содействия РКИ были созданы на 15 крупных предприятиях г. Витебска (Витебском заводе сельскохозяйственных машин и орудий № 3 «Красный металлист», Витебской государственной швейной фабрике «Знамя индустриализации», Витебской льнопрядильно-ткацкой фабрике «Двина» и др.) и 6 групп – в управлении Витебского железнодорожного узла [9, л. 16]. Члены групп привлекались к расследованию жалоб, газетных заметок, проведению проверок.

Таким образом, становление и развитие форм и методов работы РКИ проходило на основе ленинских принципов контроля. Однако привлечение трудящихся к обследованиям было связано с немалыми трудностями: отсутствие подготовленных кадров, проблемы с оплатой труда рабочих, привлекаемых к заданиям, выполняемым в рабочее время или связанным с выездом в другую местность. Хотя в работе органов контроля принимали участие ячейки содействия РКИ, секции РКИ при Советах, группы «Легкой кавалерии», группы содействия РКИ, бюро жалоб и др., привлечение к деятельности РКИ широких масс рабочих и крестьян не было выполнено. Идея В.И. Ленина об отмирании государства и выполнении государственных функций населением, в первую очередь рабочими и крестьянами осталась не реализованной. Система контроля, формы и методы работы РКИ были далеко не совершенны.

Вместе с тем, всестороннего изучения и осмысления требует феномен массовости контроля, механизм контрольной деятельности. Решение этих задач должно исходить из признания того факта, что контроль стоял у истоков тоталитаризма, формировал соответствующий ему политический облик страны, способствовал складыванию бюрократической государственной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деятельность органов партийно-государственного контроля по совершенствованию государственного аппарата: Сборник документов. – М.: Мысль, 1964.
2. Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917-1975). Сборник документов и материалов. М.: Политиздат, 1975.
3. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (ГАВО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 18 А.
4. ГАВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 146.
5. ГАВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 186.
6. ГАВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 521.
7. ГАВО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 524.
8. ГАВО. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 15.
9. ГАВО. Ф. 10058п. Оп. 1. Д. 26.
10. ГАВО. Ф. 10073п. Оп. 1. Д. 54.
11. ГАВО. Ф. 10073п. Оп. 1. Д. 67.
12. ГАВО. Ф. 10073п. Оп. 1. Д. 652.
13. ГАВО. Ф. 10075п. Оп. 2. Д. 106.
14. ГАВО. Ф. 10077п. Оп. 1. Д. 41.
15. ГАВО. Ф. 10089п. Оп. 1. Д. 34.

КОНТРОЛЬ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ЗРЕЛИЩ ГОМЕЛЬСКИМ ОКРЛИТОМ В 1927–1930 ГГ.

Козлов А.А. (г. Витебск, Беларусь)

Массовые мероприятия и зрелища всегда являлись важной частью общества и конец 1920-х гг. не был исключением. Все мероприятия, независимо от их вида, контролировались органами цензуры. В настоящее время эта тема еще более актуализировалась в связи с появлением новых средств массовой коммуникации, таких как телевидение и интернет.

Цель статьи – показать основные направления в работе Гомельского окрлита по контролю массовых мероприятий и зрелищ. Система цензуры того времени была представлена следующим образом: во главе – центральный аппарат Главлита, в союзных и автономных республиках – республиканские главлиты, в округах – окрлиты, областях и краях – соответственно облкрайлиты, в городах – горлиты, районах – райлиты и, наконец, – уполномоченные при крупных издательствах, газетах, радио, а позднее и телестудиях [1]. В состав Главлита первоначально входил Главрепертком (Комитет по контролю за зрелищами и репертуаром), созданный 9 февраля 1923 г. (с 1928 г. вошел в состав Главискусства). Помимо драматического репертуара, Главрепертком с течением времени стал контролировать любые публичные зрелища и выступления, начиная с лекций, докладов и заканчивая эстрадными и даже музыкально-танцевальными вечерами [2, с. 115]. На местном уровне эти же

функции выполняли окрлиты, среди которых было и Гомельское управление. В районах округа 18 райполномоченных осуществляли цензорский контроль [3, л. 67]. Но окрлит не был единственным органом, контролировавшим проводимые мероприятия. Были также и другие структуры (Культотдел ОСПС, Посредрабис) с разными и смежными функциями, что создавало сложности при осуществлении контроля. Поэтому в 1927 г. назрела проблема регулирования их взаимоотношений.

1. При Культотделе ОСПС был организован худсовет из представителей Культотдела ОСПС, культотделов союзов и представителя окрлита, Политпросвета, Инспектуры Наробразования и Посредрабиса.

2. Культотдел ОСПС разрабатывал инструкции завклубам о работе художников и приглашения различных артистов, обязывая этим не заключать договора без разрешения на это Культотдела ОСПС, пьесы не репетировать без предварительного просмотра в худсовете.

3. Лекции в клубах должны были согласовываться с Культотделом ОСПС и Агитпропом ОКП(б)Б.

4. Посредрабис должен был разрабатывать планы на весь летний период в пределах Гомельского округа с указанием работы по театрам, кино, летним открытым эстрадам.

5. При Посредрабисе организовывались квалификационные комиссии из представителей Посредрабиса, окрлита и ЗКультотдела ОСПС.

6. Посредрабису вменялось в обязанности разработка формы путевки при каждой отсылке артиста на работу, снабжать таковой для предоставления окрлиту по месту назначения с отметкой в Культотделе ОСПС.

В непосредственную работу окрлита входили:

1. Выдача разрешений артистам на каждый район округа в отдельности. Такого же порядка следовало придерживаться по клубам.

2. При выдаче разрешений эстрадникам, окрлит разрабатывал репертуар, согласно аудитории и с отметкой для клубов и районов с литерой «А», а для театров и кино допускалась литера «Б».

3. Окрлиту, совместно с уполномоченными и коллективами артистов необходимо было разрабатывать репертуар пьес на весь сезон в Гомельском округе. Для клубов разрабатывался отдельный репертуар, согласованный с Культотделом ОСПС.

4. Рассылать райлитам точную информацию о проверке на местах приезжающих эстрадников или коллективов артистов. Райлиты, без разрешения окрлита не должны были допускать к выступлениям эстрадников и коллективов без разрешения на то Гомельского окрлита.

5. Постановка в клубах разрешалась после получения визы Культотдела ОСПС.

6. Завклубам вменялась в обязанность проверка на местах выступления эстрадников и коллективов артистов. Характеристика об их работе должна была высылаться в письменной форме в окрлит [3 л. 223].

До 1927 г. органы цензуры работали на основе финансовой самоокупаемости. Выдача разрешений и просмотр рукописей были платные – за эти «услуги» издательства, учреждения и частные лица вносили оплату в размере 1 рубль за просмотр каждого печатного листа, а также гербовый сбор [4, с. 11]. Затем постановлением НКФ все сборы, как полистный, просмотр произведений, пьес, эстрадных материалов, кинофильмов, фотографий и др. отменялись. Это касалось всех организаций, как частных, так и государственных. Сохранялся лишь гербовый сбор [5, л. 26]. Впрочем, Гомельский окрлит не имел инструкцию о гербовом сборе и его работники по своему усмотрению освобождали от гербового сбора. Так, в течение всего своего существования и до ревизии 1927 г. окрлит его не взимал за постановки кинокартин. В результате возникла задолженность в сумме 211 рублей, взысканная потом с виновных [5, л. 79 – 116].

Допуская к выступлению того или иного артиста, в документах, представленных в органы цензуры, перечислялся точно весь его репертуар. Например, при подготовке гастролей популярного в это время артиста Якова Канданова в документах к выступлению все 21 песни артиста были не просто перечислены, но была дана характеристика каждой (шуточная, бытовая, комическая) [6, л. 12].

Наличие в стране многоуровневой системы цензуры, которая контролировала различные сферы, не гарантировало защиту от проходимцев. В 1927 г. были запрещены выступления физиономистов, френологов, графологов и т.д. Поскольку те в большинстве случаев являлись шарлатанами. Не имея каких-либо научных предпосылок, их цель была вытащить как можно больше денежных средств у населения. Исключения были сделаны лишь в тех случаях, когда подобные выступления носили характер экспериментов. Подобные выступления разрешались артистам, которые состояли в Союзе работников искусства [7, л. 47]. Так, циркуляром СССР всем ГубОНО и ОкрОНО было разослано предупреждение, что некто Адам Стеер, не имея даже начального образования, нанимал машинисток, которые печатали ему рекламные афиши и предлагал различным ОкрОНО, УОНО и РОНО открывать курсы «бухгалтеров-машинисток». Естественно, что деньги брал вперед (сам лично нигде не появлялся) и курсы не проводил. Этого мошенника разыскивали до 20 Угро [3, л. 28 – 35].

Одним из массовых развлечений того времени были танцевальные вечера, на проведение которых также требовалось разрешение окрлита. Для этого в органы цензуры писалось заявление с просьбой разрешить провести данное мероприятие. Так как вход на такие вечера в большинстве случаев был платный, то в заявлении указывалось, куда пойдет весь чистый сбор. Например, Гомельский Залинейный райисполком отправлял его в пользу китайского комсомола [8, л. 67]. Окрлит позволял себе вмешиваться в работу клубов и с воспитательной целью. Было признано недопустимым надпись на афише Ново-Белицкого клуба кустарей «Танцы до

упаду». После этого окрлит обязал выдавать райуполномоченным выдавать разрешения не только на устройство вечера, но и просматривать тексты афиш, даже написанные от руки [9, л. 74].

У окрлита просили разрешения и на постановку фильма. Так, отдел Здравоохранения Западной железной дороги просил разрешить к показу фильм «Двуногие шакалы» (чистый сбор шел в пользу борьбы с туберкулезом) [9, л. 107]. Такие же заявления, с указанием в пользу чего идет сбор, писались и на проведение платных лекций [3, л. 28].

В принципе любые организаторы массовых предприятий представляли сценарии их проведения. Не составляли исключения и спортивные соревнования, такие как футбол, волейбол, баскетбол и легкая атлетика. Указывалось начало, план проведения, мероприятия, цены билетов [5, л. 175].

В 1927 г. в целях более строгого регулирования театрального репертуара в борьбе с частным посредничеством, которое развилось в то время, разрешение на печатание афиш о различных частных выступлениях давалось только в том случае, когда на них стояла виза Посредрабиса, которому постановлением СНК СССР от 8 марта 1927 г. представлялось монопольное право на посредничество по найму работников искусств [7, л. 20]. Именно по этой причине директорам гомельских театров окрлитом было сделано серьезное предупреждение. Афиша «Среди хищных зверей» была расклеена без разрешения Гомельского окрлита. Имелись нарушения при проведении концертов. При повторе нарушений окрлит грозил привлечением к уголовной ответственности [9, л. 117]. Для обеспечения осуществления контроля над исполнением произведений на все зрелищные мероприятия отводилось по одному постоянному месту не далее второго ряда для органов центрального комитета и Политконтроля, ГПУ и представителя НКВД [7, л. 54].

Запрет спектаклей имел место в это время. При чем, разрешение спектакля в Москве не означало, что пьеса допущена в других театрах. Так, была запрещена пьеса «Партбилет» [5, л. 36].

В 1929 г. началось давление на коммерческих артистов. Так, Главрепетком уведомлял окрлит, что артистам-эстрадникам Е. и Ю. Стукаровым было разрешено выступать только в коммерческих предприятиях. В рабочих коллективах их выступления были категорически запрещены. Репертуар этих артистов был разрешен Главрепеткомом, но причиной запрета было «плохое его исполнение» [10, л. 9 -11].

В 1929 г. прошла переквалификация эстрадников, которые стремились уклониться от нее, так считали, что найдут себе работу и без ее прохождения. В связи с этим Главрепетком БССР проверял прошел то или иной эстрадник переквалификацию. Однако не прохождение переквалификации не могло стать причиной остановки выступления [10, л. 28].

В конце 1920-х гг. усиливается цензурный натиск на цирк и эстраду, которых стали обвинять в том, что они не в достаточной мере изжили дореволюционные пережитки, основанные на «нездоровых инстинктах, проявлениях порнографии, проявлений халтуры». В области эстрады одной из ближайших задач ставилась «вытеснение ничтожного по своей ценности репертуара» [7, л. 26].

Таким образом, Гомельский окрлит выполнял на местном уровне функции Главрепеткома. Цензура 1927–1930 гг. отличалась относительной либеральностью, запреты еще не получили широкого распространения. Были распределены полномочия между организациями, контролирующими массовые мероприятия. Окрлит, в основном, стремился упорядочить проведение массовых мероприятий, предотвратить проявления мошенничества в отношении советских граждан. Постепенно цензура начинает усиливаться, к ней присоединяются органы центрального комитета и Политконтроля, ГПУ и представители НКВД, начинается давление на частного посредника, идеологический напор на массовые зрелища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матох, В.М. Цензура в БССР / В. Матох [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455/ Дата доступа: 27. 11. 2014.
2. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т 6. Кн. 2. Усвея-Яшын. Дадатак / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. – Мн. БелЭн, 2003. – 616 с.: іл.
3. ГАГомО. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 1.
4. Гужалоўскі, А.А. Чырвоны аловак : Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР. У 2 кн. Кн. 2. 1943 – 1991 гг. / А.А. Гужалоўскі. – Мінск : А.М. Янушкевіч, 2018. – 320 с.
5. ГАГомО. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 4.
6. ГАГомО. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 9.
7. ГАГомО. – Фонд 968. – Оп. 2. – Д. 2.
8. ГАГомО. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 6.
9. ГАГомО. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 3.
10. ГАГомО. – Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 7.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1939 ГОДУ

Тетерник А.В. (г. Минск, Беларусь)

После вторжения 1 сентября 1939 г. немецких войск на территорию Польской Республики правительство СССР начало подготовку к освободительному походу в Западную Беларусь и Западную Украину, в том числе и по линии НКВД.

Согласно приказу НКВД СССР № 001064 от 8 сентября 1939 г. в БССР было направлено 15 оперативных работников из аппарата НКВД СССР. Еще 50 сотрудников и 150 оперативно-политических работников погранвойск предписывалось отобрать наркому внутренних дел БССР из вверенных ему органов и подразделений, стянув их 9 сентября к 22.00 в г. Минск [4, с. 71].

Все прибывшие были распределены в 4 оперативно-чекистские группы (далее – ОЧГ), к которым дополнительно придавалось по одному батальону погранвойск (численностью 300 человек каждый), которым 15 сентября 1939 г. были доведены цели задачи по организации работы на освобождаемой территории:

- создание в городах временных органов власти и аппарата НКВД;
- взятие под контроль учреждений связи, банков, типографий и государственных архивов;
- создание агентурно-осведомительной сети;
- проведение операций по аресту представителей польских госорганов и политических партий;
- вскрытие подпольных организаций, групп и лиц, ставящих целью проведение диверсий и террора;
- организация охраны общественного порядка;
- участие в подготовке и проведении народных собраний [6, с. 64–65].

Ночью 17 сентября спецгруппы пограничных отрядов пересекли советско-польскую границу и изолировали подразделения Корпуса пограничной охраны Польской Республики. Вслед за ними на территорию Западной Беларуси и Западной Украины вступили части РККА и ОЧГ.

По мере продвижения войсковых частей, во всех значительных городах ОЧГ создавали на занятой территории аппараты НКВД (за счет выделения из своего состава более мелких групп с небольшими отрядами красноармейцев-пограничников, количественный состав которых варьировался в зависимости от важности конкретного населенного пункта) и брали на себя функции временных органов госбезопасности.

В короткие сроки ОЧГ удалось наладить работу по наведению порядка на освобожденной территории, предотвратить значимые вспышки бандитизма в период боевых действий и после их окончания, частично наладить агентурно-осведомительную работу и получить первые результаты по агентурной разработке дезорганизованных на тот момент антисоветских сил.

Новый этап организации органов государственной безопасности в Западной Беларуси был положен с принятием Верховным Советом СССР 2 ноября 1939 г. Закона «О включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой». В тот же день Народный комиссар внутренних дел СССР подписал приказ № 001337 «Об организации органов НКВД Западной Белоруссии» в соответствии с которым организовывались четыре управления НКВД: по Белостокской, Вилейской, Новогрудской и Пинской областям, а также 29 подчиненных им уездных и один городской (Белостокский) отдел НКВД [3, с. 22–24].

Одновременно утверждались их временные штаты, а Народному комиссару внутренних дел БССР поручалось произвести расстановку личного состава (с последующим утверждением ее в отделе кадров НКВД СССР) и укомплектовать вновь организованные органы.

Новые штаты в целом соответствовали существующей структуре местных УНКВД, введенной в СССР еще в сентябре 1938 г., и включали в себя управления госбезопасности (состоящие из секретно-политических и контрразведывательных отделов, а также шифровальных отделений), экономические отделы, водно-транспортные отделы, следственные части и спецотделения: учетно-архивные, оперативной техники и оперативные [5, с. 33–34]. Подбор кадров предлагалось осуществить за счет прибывших в Западную Беларусь одновременно с частями РККА в сентябре 1939 г. оперативных сотрудников оперативно-чекистских групп, которые с этого момента стали официально считаться переведенными в созданные УНКВД на постоянную работу.

Некомплект (315 единиц) планировалось устранить, откомандировав в БССР из НКВД республик и УНКВД областей (краев) 100 дополнительных сотрудников, а также 150 представителей особых отделов НКВД БОВО и 65 военнослужащих погранотрядов НКВД. Помимо этого в распоряжение НКВД БССР должны были быть направлены 20 секретарей отделов и 50 машинисток, а из личного состава батальонов погранвойск НКВД, ранее приданных оперативным группам НКВД БССР, еще 137 человек – на должности вахтеров и комендантов [3, с. 23].

Спустя две недели, 17 ноября 1939 г., пятью приказами по личному составу НКВД БССР по управлениям НКВД, дислоцировавшимся на территории Западной Беларуси, были произведены первые назначения, что позволило укомплектовать 375 должностей или около 32 % от объявленной штатной численности [1, л. 149–171].

При этом на должности руководителей уездных отделов и областных управлений НКВД не было назначено ни одного человека. Больше половины укомплектованных должностей приходилось на аппарат УГБ – 192 единицы (из них – 116 оперативных сотрудников), еще 75 единиц – на следственные и 64 – на экономические подразделения.

Примечательно, что, несмотря на продекларированные планы подбирать кадры из числа сотрудников НКВД республик и УНКВД областей, 27 % от общего количества вновь назначенных (101 человек) составили выпускники межкраевых (Горьковской, Ленинградской, Новосибирской, Свердловской) и Высшей школ НКВД СССР, не имеющие оперативного опыта. Более того, следующим приказом, касающимся расстановки личного состава в Западной Беларуси, в уездные отделы было распределено еще 30 человек, недавно окончивших Ташкентскую межкраевую школу НКВД СССР [1, л. 183–185].

Конец ноября не принес существенных изменений в расстановку сил. Тремя приказами было назначено лишь несколько оперативных сотрудников контрразведывательных отделений, 1 следователь, а также 7 работников финансовых отделений, 2 секретаря и 9 машинисток [1, л. 175–176, 178]. Такое «затишье» обуславливалось тем фактом, что в это же время активно начали решаться вопросы административно-территориальных преобразований на воссоединенных землях, о чем руководство НКВД, безусловно, знало. В итоге, 4 декабря 1939 г. на территории Западной Беларуси было создано 5 областей: Барановичская (в составе 8 уездов), Белостокская (в составе 9 уездов), Брестская (в составе 3 уездов), Вилейская (в составе 7 уездов) и Пинская (в составе 5 уездов, один из которых – Камень-Каширский, был упразднен уже спустя девять дней). Исходя из этого, практически одновременно были внесены соответствующие изменения и в штатные расписания УНКВД, за которыми последовали новые назначения.

Очередной этап комплектования УНКВД Западной Беларуси был реализован 8 декабря 1939 г. (в этот день было подписано 8 приказов НКВД БССР по личному составу) [1, л. 1–29, 32–35]. На этот раз расстановка кадров охватывала практически весь спектр должностей, начиная от шоферов и заканчивая руководителями различных уровней. В частности, были назначены временно исполняющие дела начальников в 23 из 32 уездных отделов, а также начальники и заместители четырех областных управлений НКВД (за исключением Брестской области).

Обращает на себя внимание тот факт, что из 301 человека, получивших в этот день назначения на новое место службы, большинство (203) прибыло из Управления пограничных войск НКВД БССР и только 19 – из территориальных органов и аппарата НКВД БССР, 1 был направлен в органы из ЦК КП(б)Б. При этом практически половина прибывших из УПВ НКВД БССР (91 человек) заняли должности оперативного состава секретно-политических и контрразведывательных отделений УГБ (45 и 46 человек соответственно).

Доукомплектование вакантных должностей оперативного состава и подразделений обеспечения продолжалось вплоть до начала 1940 г. За оставшиеся три недели уходящего года НКВД БССР принял еще 14 приказов, дополнительно назначив 186 человек (из них 97 – на должности оперативного состава) в уездные отделы и аппараты управлений НКВД по областям Западной Беларуси [2, л. 1–56]. Тогда же, 25 декабря 1939 г. было утверждено руководство УНКВД по Брестской области.

Таким образом, процесс организации органов госбезопасности на территории Западной Беларуси, начавшийся с создания ОЧГ накануне Освободительного похода Красной Армии, к концу 1939 г. был завершен. К этому времени практически полностью были укомплектованы личным составом как аппараты УНКВД, так и уездные отделы. При этом назначения на должности оперативного состава преимущественно получили выпускники межкраевых школ НКВД, а также военнослужащие Управления пограничных войск НКВД БССР, которым в дальнейшем в условиях сложной оперативной обстановки пришлось противодействовать не только структурам антисоветского подполья, но и спецслужбам нацистской Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив информационно-аналитического управления Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 5. Д. 19 А.
2. Архив информационно-аналитического управления Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 5. Д. 19 Б.
3. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сб. документов / сост.: Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин – М. : Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. документов в 2 т. / сост.: В. П. Ямпольский [и др.]. – М. : А/О «Книга и бизнес», 1995. – Т. 1. Накануне. Кн. 1: ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. – 452 с.
5. Петров, Н. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 : справочник / Н. В. Петров, К. В. Скоркин ; Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. – М. : Звенья, 1999. – 504 с.
6. Суворов, А. М. Незримый рубеж : Управление КГБ по Брестской области / А. М. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2014. – 248 с. : ил.

ЗАКРЫЦЦЁ РЫМА-КАТАЛІЦКІХ КАСЦЁЛАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ СУЧАСНАЙ ВІЦЕБСКАЙ ДЫЯЦЭЗІІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД

Лаўрыненка К.В. (г. Віцебск, Беларусь)

У 1917 г. на тэрыторыі сучаснай Віцебскай дыяцэзіі знаходзілася больш за 30 парафій: Віцебск — дзве парафії, Сянно, Талачын, Орша, Абольцы, Дуброўна, Бабінавічы, Станькова, Смаляны, Непароты, Лепель, Камена-Губін, Ушачы, Ула, Стараселле, Вядзец, Чарэя, Асвея, Гарбачэва-Абытокі, Рукшаніцы, Загацце, Заскоркі, Бешанковічы, Селішча, Забялы, Дрыса, Замошша, Росіца, часткова — Веліж [1, с. 160–167]. На тэрыторыі кожнай з парафій, акрамя парафіяльнага касцёла, знаходзіліся таксама філіяльныя касцёлы і капліцы. Аднак да 1937 г. усе гэтыя парафії спынілі сваё існаванне, бо касцёлы былі зачыненыя, а святары, якія служылі там, былі арыштаваныя. Лёс усіх святароў, якія служылі на Віцебшчыне ў міжваенны перыяд, склаўся трагічна. Звяртае ўвагу і той факт, што ў міжваенны перыяд святары ў парафіях змяняліся кожныя некалькі гадоў.

Частка парафій на тэрыторыі сучаснай Віцебскай дыяцэзіі спыніла сваё існаванне яшчэ ў 1920-ых гг. Верагодна, адной з першых была зачыненая капліца ў Гарадку. Яшчэ ў верасні 1924 г. у Гарадок з душпастырскай паслугай даязджаў ксёндз Уладзіслаў Хшчановіч з віцебскага касцёла Святой Барбары, які служыў там да восені таго ж года. Няма дакладных звестак, ці даязджалі ў Гарадок іншыя святары з Віцебска і калі капліца спыніла сваё існаванне. У адсутнасць святара яшчэ пэўны час вернікі збіраліся на малітвы на могілках.

Адметна гісторыя капліцы Святога Мікалая ў фальварку Янатруд (каля станцыі Глушаніна; на сённяшні час не існуе). У 1917 г. фальварак Янатруд набыў на пазычаныя грошы ксёндз Францішак Будзька (23.01.1884–1907–02.02.1920). Гэты святар матэрыяльна падтрымліваў выданне першай беларускай газеты “*Bielarus*”, з’яўляўся адным з пачынальнікаў беларускага каталіцкага выдавецкага руху. На працягу сваёй рэлігійнай і культурна-асветніцкай дзейнасці ксёндз Францішак Будзька паслядоўна і актыўна выступаў за ўвядзенне беларускай мовы ў рэлігійнае жыццё беларусаў-католікаў. Каб споўніць сваю мару — прамаўляць да сваіх парафіянаў казанні па-беларуску, — святар, які ўсё жыццё быў толькі вікарыем, а таксама доўгі час вымушаны быў служыць па-за межамі Беларусі, набыў фальварак Янатруд з капліцай у драўлянай хаце. Аднак за сваю дзейнасць святар пераследаваўся бальшавікамі і, захварэўшы на запаленне лёгкіх, памёр 2 лютага 1920 г. [2, с. 28]. У 1922–1925 гг. рэктарам янатрудскай капліцы Св. Мікалая быў ксёндз Вітольд Пашкевіч (1882–30.06.1906–01.07.1941). У тыя ж гады святар выконваў абавязкі Генеральнага вікарыя Магілёўскай архідыяцэзіі. Пасля 1925 г. капліца была закрыта.

У сярэдзіне 1920-ых гг. быў зачынены велічны касцёл Святога Антонія ў парафії Камена-Губін. У 1919 г. ксёндз Фелікс Зарэмба (1876–1902–1919), які служыў у парафії з 1902 г., баючыся пераследу савецкай улады, пакінуў парафію і накіраваўся з польскім атрадам у Польшчу, але па дарозе захварэў на тыф і памёр.

4 снежня 1919 г. у парафію быў прызначаны ксёндз Юзаф Барадзюля. Падчас савецка-польскай вайны касцёл быў разрабаваны. Цэнтральныя дзверы касцёла былі выламаныя, кнігі і касцёльныя рэчы былі раскіданыя на падлозе. У такім выглядзе святар прыняў касцёл 8 снежня 1919 г. [3, с. 13]. Аднак 29 снежня 1926 г. ксёндз Барадзюля быў арыштаваны Мясцовыя жыхары сцвярджалі, што пасля арышту ксяндза Барадзюлі касцёл яшчэ пэўны час дзейнічаў і апошняя Імша цэлебравалася ў 1929 г. (Верагодна, да таго часу туды даязджаў з душпастырскай паслугай святар з іншай парафії). Пэўны час касцёл стаяў закрыты. Затым, пасля зняцця з яго крыжоў, касцёл выкарыстоўваўся пад клуб.

Напрыканцы 1920-ых гг. спыніла сваё існаванне парафія ў Гарбачэве — адбылося гэта пасля арышту ксяндза ксяндза Адольфа Філіпа, які служыў тут у 1924–1927 гг. Святар быў арыштаваны 10 студзеня 1927 г. і асуджаны 10 чэрвеня 1927 г. “асобай нарадай” пры АДПУ за “шпіянаж і сувязь з польскімі разведорганами” на 10 гадоў пазбаўлення волі. Пакаранне святар адбываў у Салавецкім лагеры АДПУ. Быў вызвалены ў студзені 1937 г. [4, с. 413–414].

Парафія Абольцы спыніла сваё існаванне ў 1927 г., калі быў арыштаваны апошні пробашч парафії, што служыў тут з 1925 г. Ксёндз Уладзіслаў Жаўняровіч (20 ці 26.12. 1885–1915–5.10.1937) быў арыштаваны ўначы з 26 на 27 лютага 1927 г. ў Віцебску і 18 красавіка таго ж года асуджаны калегіяй АДПУ за “антысавецкую агітацыю” і “выдаванне сакрэтных звестак” на 5 гадоў пазбаўлення волі. Пакаранне ксёндз Жаўняровіч адбываў у Салавецкім лагеры АДПУ Карэльскай АССР. У 1930 г. зняволенне святару было заменена трохгадовай высылкай, падчас якой ён знаходзіўся ў Краснаярскім краі. Ксёндз Жаўняровіч быў вызвалены 3 мая 1933 г. З 1934 г. ён жыў у Веліжы Смаленскай вобласці, дзе і быў паўторна арыштаваны 20 жніўня 1937 г., а 27 верасня прыгавораны да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [4, с. 170–171].

У 1939 годзе Абольцы наведаў пісьменнік Юрка Віцьбіч. Ён пакінуў такое апісанне касцёла: “Неўзабаве я падыходзіў да касцёла з могільнікам вакол, паасобку стаяла невялічкая званіца, званыя якой колькі год таму, як дазнаўся, былі здрушчаныя. Сам драўляны, ён быў абшалаваны старчма грубымі дошкамі, на якіх дзе-нідзе захаўалася цёмна-блакітная фарба. Ягоны адзіны купал, як і ганак, пакрывіліся...”

8 жніўня 1927 г. у Дрысе быў арыштаваны пробашч парафії ксёндз Ян Вярсоцкі, які служыў тут з 1919 г. 31 кастрычніка святар быў асуджаны “асобай нарадай” пры АДПУ за “антысавецкую агітацыю” да 5 гадоў пазбаўлення волі і накіраваны ў Салавецкі лагер [4, с. 103]. Пасля арышту святара касцёл быў зачынены. У той

час каштоўныя абразы і арнаты з элементамі сліцкіх паясоў былі разрабаваныя і бясследна зніклі, іншая касцёльная маёмасць была знішчана. Касцёл стаў складам для збожжа.

Большая частка парафій Віцебшчыны спыніла сваё існаванне ў 1930-ыя гг., у асноўным па прычыне арышту святара.

У Дуброўне ксёндз Казімір Сівіцкі (29.01.1884–1912–26.10.1939, Сяміпалацкі, Казахстан), які служыў тут з 1925 г., быў арыштаваны 28 мая 1927 г. і ўжо 2 ліпеня таго ж года асуджаны асобай нарадай пры АДПУ за «контррэвалюцыйную дзейнасць» на 5 гадоў пазбаўлення волі. Пакаранне святар адбываў на Салаўках. У ліпені 1930 г. ён быў пераведзены на востраў Анзер. У 1932 г. быў узят у лагеры пад варту і абвінавачваўся па групавой справе каталіцкага духавенства. Другі раз святар быў арыштаваны 11 чэрвеня 1937 г.. Ён быў асуджаны 26 кастрычніка 1938 г. «тройка» НКУС Усходне-Казахскай вобласці за «шпіянаж» да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [4, с. 375].

Верагодна, пасля арышту святара запужаныя вернікі баяліся наведваць касцёл. У выніку налічаных непамёрных падаткаў на касцёл, якія парафія не была ў стане аплаціць, вернікі былі вымушаны здаць ключы ад яго у гарсавет. Цэнтрам рэлігійнага жыцця парафіі стала капліца у вёсцы Бахава, дзе пражывала шмат католікаў.

9 лютага 1929 г. на пасяджэнні Аршанскай акруговай камісіі па аддзяленні царквы ад дзяржавы касцёл быў афіцыйна перададзены гарадскому савету. Такое рашэнне было прынята па прычыне таго, што вернікі нібыта не рамантавалі касцёл. Рэчы і мэбля музейнай вартасці з касцёла былі перададзены ў музей [5, ф. 10062, воп. 1, спр. 621, арк. 66]. 13 студзеня 1930 г. касцёл ў Дуброўне быў аддадзены пад Дом культуры [6, с. 166].

Да сярэдзіны 1930-ых гг. існавала парафія ў Полацку. У 1917–1919 гг., а потым з 1921 г. пробашчам парафіі быў ксёндз Юзаф Дзем'ян (06.02.1888–1912–03.11.1937, ГУЛАГ). У 1917 г. святар быў арыштаваны як закладнік. У 1919–1921 гг. пробашчам парафіі быў ксёндз Леанард Бараноўскі. Як і ягоны папярэднік, у 1919 г. святар таксама быў арыштаваны як закладнік [4, с. 44].

У 1919 г. улады ініцыявалі раскрыццё рэліквій бласлаўлёнага Андрэя Баболі, які захоўваўся ў полацкім касцёле Маці Божай Ружанцовай. Аднак на той час гэта здзейсніць не ўдалося, паколькі да горада падышоў фронт [5, ф. 2268, воп. 4, спр. 1, арк. 168]. 20 ліпеня 1922 г. улады здолелі зрабіць сваю чорную справу. 7 жніўня за адмову прысутнічаць пры раскрыцці рэліквій былі арыштаваны пробашч парафіі ксёндз Юзаф Дзем'ян і вікарыі ксёндз Юзаф Лук'янін (1888–03.04.1914–03.11.1937) [7, с. 32; 8]. Ксёндз Лук'янін і дагэтуль неаднаразова выклікаўся ў Надзвычайную Камісію (ЧК). З 12 верасня 1922 г. святар знаходзіўся пад следствам у Віцебскай турме. Дзякуючы хадайніцтву парафіян 12 кастрычніка 1922 г. ён быў вызвалены пад падпіску аб нявыездзе, а 4 верасня 1923 г. апраўданы Віцебскім губерньскім судом, пасля чаго выехаў у Петраград. Потым святар арыштоўваўся яшчэ некалькі разоў. 6 месяцаў знаходзіўся пад следствам у ЧК і ксёндз Юзаф Дзем'ян [4, с. 154, 257].

У 1925 г. наступным пробашчам полацкай парафіі стаў ксёндз Міхал Цакуль (23.10.1885–1908–08.01.1938). У 1924 г. святар ужо быў арыштаваны, але праз некалькі дзён вызвалены. 14 лютага 1927 г. ён быў арыштаваны паўторна, але праз тры гадзіны вызвалены. Пасля 1927 г. ксёндз арыштоўваўся яшчэ некалькі разоў ужо ў Маскве [4, с. 426].

У 1932–1933 г. пробашчам парафіі быў ксёндз Мікалай Канцэвіч (1880–1906– пасля 1933). У 1933 г. святар быў арыштаваны ў Полацку, яго далейшы лёс невядомы. Пасля 1934 г. у полацкім касцёле служыў ксёндз Казімір Яновіч (1891–1916– пасля 1934), які перад гэтым адбыў пакаранне ў 1930–1934 гг. Верагодна, у 1934 г. ксёндз Яновіч быў арыштаваны зноў [9, с. 204]. Пасля арышту святара касцёл у Полацку быў зачынены.

Некаторыя парафіі спынялі сваё існаванне ў сувязі з выездам святара ў іншую мясцовасць. Адной з такіх парафія была парафія у Сянно. У 1917–1919 гг. пробашчам парафіі быў ксёндз Вінцэнт Грашыс. У 1919–1921 гг. у парафіі служыў ксёндз Аляксандр Астравіч (26.11 (7.12.) 1878–1910–17.01.1921), знаны беларускі паэт, які друкаваўся пад псеўданімам Андрэй Зязюля, аўтар паэтычнага зборніка “З роднага загону” (1913). За нацыянальна-рэлігійную дзейнасць святар пераследаваўся бальшавікамі: быў арыштаваны і некалькі тыдняў правёў у турме Віцебскай губчэка. 17 студзеня 1921 г. святар памёр у Сянно, дзе і быў пахаваны на мясцовых могілках [2, с. 10–11]. У 1922–1924 гг. у парафіі служыў ксёндз Адольф Лясатовіч (1870–1894–?); у 1925–1928 гг. — ксёндз Юзаф Дзем'ян. Апошнім святаром, што афіцыйна служыў у парафіі ў міжваенны перыяд у 1928–1933 гг., быў ксёндз Ян Баравік (2.06.1877–1903–27.08.1937, Мінск, турма НКУС) [4, с. 40]. Пасля выезду святара каля 1933 г. касцёл у Сянно быў зачынены. Пасля выезду ксяндза Яна Баравіка, які служыў у Талачыне ў 1925–1932 гг., быў зачынены і талачынскі касцёл. Паводле дакументаў Талачынскага райвыканкама, касцёл быў зачынены ў 1932 г. Старажылы ж сцвярджалі, што апошняя Імша ў касцёле цэлебравалася 8 мая 1936 г. У 1930-я гг. мясцовыя ўлады спрабавалі зрабіць у касцёле тэатр, але па невядомых прычынах гэта не было здзейснена.

Пасля 1930 г. былі зачынены касцёлы ў парафіях Ушачы і Селішча. Ужо ў 1920-ыя гг. у гэтых парафіях не было пастаяннага ксяндза — тут служылі святары з навакольных парафіяў. Вядома, што ў 1924–1928 гг. у гэтых касцёлах служыў ксёндз Павел Казюнас (1877–1901–31.10.1937, Магілёў) з парафіі Заскоркі і Загацце [9, с. 471, 494]. Пасля 1930 г. былі зачынены касцёлы ў Заскорках і Загацці.

Ксёндз Станіслаў Ожал (1862–1887–17.10.1936) з парафіі Валынцы, што служыў тут у 1905–1919 гг., быў арыштаваны ў 1919 г. разам з арцыбіскупам дэ Ропам і іншымі святарамі як закладнік [5, ф. 56, воп. 6, спр. 51, арк. 28-29]. Аднак праз некаторы час святар быў вызвалены праз абмен палітвязнямі паміж Польшчай і СССР. У

1920–1927 гг. у парафії служыў ксёндз Ян Вярсоцкі. Пасля яго выезду, каля 1930 г. касцёл быў зачынены і разрабаваны. З падзямеляў былі выкінуты труны з парэшткамі манахаў і фундатараў.

Дакладна невядома, калі былі зачынены касцёлы ў Бешанковічах і Чарэі. Верагодна, адбылося гэта напрыканцы 1920-х ці на пачатку 1930-х гг.

Пасля 1930 г. быў забраны ў вернікаў касцёл у вёсцы Рамні. Доўгі час будынак выкарыстоўваўся як калгасны склад, што моцна яго руйнавала.

Пакручастым быў лёс касцёла ў Сар’і. Перададзены ў XIX стагоддзі Праваслаўнай царкве святыня ў 1919 г. была вернута католікам. З гэтага часу адміністратарам парафії быў ксёндз Бярнард Капуста, які адначасова служыў у Росіцы. У 1923 г. пачаліся спрэчкі паміж католікамі і праваслаўнымі, каму павінен належаць касцёл. Летам 1923 г. мясцовыя ўлады вырашылі перадаць храм праваслаўным вернікам, аднак суд пастанавіў, што пераважнае права на валоданне касцёлам належыць католікам. Каля 1930 г. касцёл быў зачынены, пасля чаго быў ператвораны ў склад, дзе сартавалі лён.

Толькі некалькі парафій на тэрыторыі сучаснай Віцебскай дзяржавы функцыянавалі да 1937 г. У 1922–1923 гг. пробашчам парафії Святой Барбары ў Віцебску быў ксёндз Пётр Бараноўскі (21.03.1882–1908–03.11.1937, ГУЛАГ). Затым у касцёле служыў ксёндз Уладзіслаў Хшчановіч (1884–1907–?), які ў 1924 г. пад націскам агентаў ДПУ прылюдна адрокся ад веры, што выклікала вялікае абурэнне ў вернікаў [2, с. 373]. На ратаванне сітуацыі духоўнымі ўладамі ў касцёл Святой Барбары быў спешна высланы ксёндз Баляслаў Слосканс (19.08.1893–21.01.1917–май 1926–18.04.1981). Ён служыў у касцёле з канца 1924 г. да мая 1925 г. 4 снежня 1926 г. ужо як біскуп і Апостальскі адміністратар Магілёўскі і Мінскі Баляслаў Слосканс служыў у касцёле Святой Барбары пантыфікальную Імшу.

6 ліпеня 1925 г. наступным пробашчам касцёла Святой Барбары і адначасова касцёла Святога Антонія Паданскага быў прызначаны ксёндз Пётр Аўгла (пасля вызвалення з арышту, дзе праходзіў па справе арцыбіскупа Яна Цепляка і 14 петраградскіх святароў). Аднак у 1927 г. святар быў паўторна арыштаваны [4, с. 27].

У 1927–1930 гг. наступным адміністратарам парафії быў ксёндз Юзаф Вярыга (1866 ці 1867–1891– пасля 1933). Святар быў арыштаваны 28 лютага 1933 г. у Віцебску і асуджаны 5 мая 1933 г. асобай нарадай пры АДПУ за “антысавецкую агітацыю і як арганізатар антысавецкай арганізацыі” да 3 гадоў высылкі ў Казахстан, дзе і загінуў на чужыне [4, с. 104].

У 1930-я гг. разам са святарамі былі арыштаваны і шматлікія вернікі парафії, якія затым былі расстраляны.

У кастрычніку 1933 г. пасля вяртання з адбыцця пакарання і ссылкі ксёндз Язэп Барадзюла быў прызначаны пробашчам двух касцёлаў — Святой Барбары і Святога Антонія. Аднак пасля дзесяці дзён працы, 14 кастрычніка, святар быў паўторна высланы ў Архангельск [3, с. 16].

У 1930–1933 гг., верагодна, у касцёле служыў святар з парафії Святога Антонія. Апошнім пробашчам парафії быў ксёндз Станіслаў Райко, які служыў тут у 1933–1935 гг. Аднак яшчэ некаторы час набажэнствы без святара праводзіў Мацей Княжышча, які за сваю дзейнасць быў арыштаваны 14 лютага 1937 г. і пасля 25 жніўня расстраляны.

У 1937 г. касцёл Святой Барбары быў зачынены. У 1939 г. ўлады вырашылі разбурыць касцёл — тады ж была знішчана ўся касцельная маёмасць [10]. Аднак знішчэнню святыні перашкодзіла Вялікая айчынная вайна.

Апошнім святаром, што служыў у касцёле Святога Антонія ў міжваенны час, быў ксёндз Адольф Філіп (5.1.1885 ці 1886–1909–1937). Пасля адбыцця 10-гадовага тэрміну на Салаўках святар быў вызвалены і ў лістападзе 1936 г. прыехаў у Віцебск, дзе 28 сакавіка 1937 г. адслужыў у касцёле Святога Антонія апошнюю рэзурэкцыю перад закрыццём святыні [6, с. 212]. У жніўні 1937 г. ксёндз Філіп зноў быў арыштаваны, асуджаны да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [4, с. 413–414]. У 1938 г. з дапамогай падатковага ціску Віцебскі гарсавет забраў касцёл у вернікаў [11, с. 79].

Да 1937 г. функцыянавала парафія Святога Юзафа у Оршы. Да 1919 гг. пробашчам парафії быў ксёндз Вінцэнт Грашыс (20.07.1870–1893–1930), які быў арыштаваны як закладнік у красавіку 1919 г. Вызвалены святар быў толькі ў ліпені 1921 г. У 1921–1925 гг. наступным пробашчам парафії быў ксёндз Ігнат Жаўняровіч (7.11 ці 20.12.1890–1915–жнівень 1937, в. Далінскае каля Караганды, Казахстан), які пэўны час з душпастырскай паслугай даязджаў у парафію ў Сянно (верагодна, каля 1922–1923 гг.).

Наступны святар, ксёндз Казімір Сівіцкі, пачаў служыць у Оршы ў 1925 г., адначасова даязджаючы з душпастырскай паслугай у парафію Святога Юрыя ў Дуброўне. Аднак 28 мая 1927 г. святар быў арыштаваны і асуджаны на 5 гадоў пазбаўлення волі. У 1933–1934 гг. адміністратарам парафії быў ксёндз Яўген Крулікоўскі [9, с. 510].

Апошнім святаром, які служыў у Оршы ў міжваенны перыяд, быў ксёндз Адольф Кашыц (1888–1914–1938). Святар неаднаразова арыштоўваўся. Падчас першага арышту ў 1927 г., які адбыўся ў сяле Белагародка Ізяслаўскага дэканата, святар быў абвінавачаны ў “марнаванні грамадскай маёмасці і грошай” супольнасці, якая дала яму працу, і асуджаны на 3 месяцы прымусовых работ. У 1931 г. яго зноў арыштавалі і кінулі ў вязніцу ў Бярдычаве. Гэтым разам абвінавачанне было больш сур’ёзным: “правядзенне сістэматычнай контррэвалюцыйнай агітацыі супраць сацыялістычных уладаў сярод грамадзян польскай нацыянальнасці”. Ксяндза вінавацілі таксама ў тым, што, “выкарыстоўваючы рэлігійныя пачуцці, ён рыхтаваўся да пераходу мяжы”. У абвінавачаным заключэнні следствам было прапанавана справу ксяндза Кашыца накіраваць на разгляд сумнавадамай «тройкі» з прапановай прымяніць у адносінах да яго спецыяльную меру — змясціць у лагер на восем гадоў. 26 верасня

1937 г., у самы пік сталінскага тэрору, святар быў арыштаваны НКУС. 22 кастрычніка камісія НКУС СССР і пракуратура СССР абвінавачіла ксяндза Кашыца ў супрацоўніцтве з польскай разведкай і ў адпаведнасці з артыкулам 68 Крымінальнага кодэкса БССР асудзіла яго да вышэйшай меры пакарання — расстрэлу. У вязніцы, чакаючы выканання прысуду, святар правёў 113 дзён. 17 студзеня 1938 г. ксёндз Кашыц быў расстраляны [12]. Пасля арышту святара касцёл у Оршы быў закрыты.

Доўгі час існавала парафія ў Смалянах. У 1921–1927 гг. у Смалянах служыў ксёндз Уладзіслаў Жаўняровіч, пасля яго — ксёндз Станіслаў Райко (1873–1902–27.08.1937, Мінск, турма НКУС). Святар быў арыштаваны 13 лютага 1937 г., а 25 жніўня асуджаны пастановай калегіі НКУС за «шпіянаж на карысць Польшчы» да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [4, с. 345]. Пасля арышту святара касцёл быў зачынены. Аднак у будынку кляштара, што знаходзіўся пры касцёле, ужо ў 1920-я – пачатку 1930-х гг. размяшчалася польская школа, у 1930-я гг. (па некаторых звестках у 1937 г.) будынак кляштара заняла МТС.

У 1923 г. пробашчам парафіі Ула быў прызначаны ксёндз Станіслаў Цыбулевіч (1862–1888–18.10.1937). 12 жніўня 1936 г. святар быў арыштаваны, аднак у сакавіку 1937 г. вызвалены без права выезду. 14 чэрвеня 1937 г. ксёндз Цыбулевіч быў арыштаваны паўторна і 22 верасня 1937 г. асуджаны разам з Антонам Нячаем, верагодна, старастам касцёла, паводле пастановы калегіі НКУС як “кіраўнік контррэвалюцыйнай арганізацыі” і “за антысавецкую агітацыю” да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [4, с. 435]. Пасля арышту святара касцёл быў закрыты. З касцёла знялі вежы, ён выкарыстоўваўся пад збожжасховішча, пасля чаго быў перароблены пад клуб.

Верагодна, да 1937 г. функцыянавала і парафія Непароты. Ужо з 1920 г. пастаяннага святара ў касцёле не было і ў 1922 г. святыня была зачынена. Аднак у 1924 г. святыня зноў пачала функцыянаваць. Па некаторых звестках да 1937 г. – часу свайго арышту вернікамі Непаротаў апекаваўся ксёндз Станіслаў Цыбулевіч [9, с. 180].

У многіх парафіях, нягледзячы на арышт святара і закрыццё касцёла, вернікі змагаліся за далейшае існаванне сваёй парафіі.

Святар з лепельскай парафіі Святога Казіміра, ксёндз Павел Карповіч (1868–1893–пасля 1931?), які служыў тут з 1905 г., быў арыштаваны 5 красавіка 1927 г. і высланы на 3 гады ў Вяцкую вобласць. У лісце з высылкі ў Польшкі Чырвоны Крыж за 9 студзеня 1931 г. святар пісаў, што захварэў на сухоты. Пасля вызвалення ксёндз вярнуўся ў Беларусь і жыў у вёсцы каля Магілёва, а далейшы яго лёс невядомы [4, с. 215]. Па іншых звестках, святар быў арыштаваны 4 сакавіка 1935 г., ва ўрачыстасць святога Казіміра. Калі ў касцёле пачыналася святая Імша, туды зайшлі энкаведысты і загадалі выйсці з яго ксяндзу разам з арганістам і двума яго сынамі, а каля брамы іх чакаў “чорны воран”. Вернікам таксама было загадана выйсці з касцёла [13]. Магчыма, што, адбыўшы пакаранне пасля першага арышту, святар вярнуўся ў сваю парафію, дзе і быў арыштаваны другі раз, альбо ў 1935 г. быў арыштаваны іншы святар.

Пасля арышту святара касцёл быў зачынены, потым з касцёла былі знесеныя вежы і яго пераўтварылі ў электрастанцыю. Тым не менш вернікі змагаліся за свой касцёл. У 1936 г. яны збіраліся на малітвы па хатах касцёльных актывістаў, а парафіянка па прозвішчы Навіцкая збірала подпісы за адкрыццё касцёла [5, ф. 10063, воп. 1, спр. 8, арк. 148]. У 1937 г. дэлегацыя вернікаў падала заяву з просьбай аб адкрыцці закрытага раней касцёла, аднак беспаспяхова.

У парафіі Найсвяцейшай Тройцы ў Бабінавічах святара не стала ўжо ў 1926 г. Апошні пробашч парафіі — ксёндз Казімір Юршан, які служыў тут з 1912 па 1926 г., быў арыштаваны 31 студзеня 1926 г. і асуджаны 18 чэрвеня 1926 г. асобай нарадай пры АДПУ за “связь з латвійскімі разведвальнымі органамі” на 3 гады пазбаўлення волі. Для адбыцця пакарання святар быў этапаваны ў Салавецкі лагер АДПУ. Пасля сканчэння тэрміну ксёндз Юршан быў высланы ў Краснаярскі край, дзе зноў быў арыштаваны і 20 жніўня 1933 г. пераведзены ў Бутырскую турму Масквы. Вызвалены 19 кастрычніка 1933 г. з 9 іншымі святарамі праз абмен вязнямі паміж Літвой і СССР. Аднак пасля арышту святара парафія існавала яшчэ каля 10 гадоў, пра што сведчыць просьба парафіяльнага камітэта касцёла, дасланая вясной 1936 г. у Генеральнае консульства Другой Рэчы Паспалітай. Вернікі прасілі прадстаўнікоў консульства дапамагчы ім атрымаць згоду савецкай улады на прыезд у касцёл святара з Віцебска. Яны пісалі, што ўжо два разы звярталіся да ўлад з гэтай просьбай, што ад іх патрабуюць вялікія падаткі за касцёл, якія яны выплочваюць, а дазволу на прыезд святара ім не даюць [6, с. 205]. Аднак прадстаўнікі консульства не сталі ўмешвацца ў гэтую справу, паколькі ў тыя часы гэта толькі зашкодзіла б вернікам. Хутчэй за ўсё, у гэтым жа годзе касцёл быў зачынены, самае позняе — у 1937 г.

28 чэрвеня 1934 г. быў арыштаваны пробашч касцёла Найсвяцейшай Тройцы у Росіцы ксёндз Эдвард Вайцяховіч (22.01.1884–1907–1935, Мінск, турма НКУС), які служыў тут з 1930 г. 3 лютага 1935 г. святар быў асуджаны “асобай нарадай” пры НКУС за “антысавецкую контррэвалюцыйную дзейнасць” да вышэйшай меры пакарання і расстраляны. Пасля арышту святара росіцкая парафія афіцыйна спыніла сваё існаванне, аднак вернікі змагаліся за свой касцёл. У 1937 г. браты Блажэвіч збіралі сярод вернікаў подпісы за адкрыццё касцёла [5, ф. 10063, воп. 1, спр. 62, арк. 14]. Аднак у 1940 г. касцёл быў пераабсталяваны пад сельскі клуб, з яго былі знятыя вежы.

Такім чынам, за няпоўныя пятнаццаць гадоў, улады здолелі закрыць ўсе касцёлы і, адпаведна, ліквідаваць усе парафіі на тэрыторыі сучаснай Віцебскай дыяцэзіі ў міжваенны перыяд. Азначала гэта знішчэнне легальнага рэлігійнага жыцця на гэтай тэрыторыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Directorium divini officii et missarum pro archidioecesi Mohiloviensi nec non pro dioecesi Minscensi in annum Domini 1917. Druk: Tow. Akc. Sztuki drukarskiej w Piotrogradzie
2. Гарбінскі Ю. Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст. Нав.рэд.савет: У. Конан (адказны рэдактар) і інш. – Мн.: МЮК “Беларускі кнігазбор”, 1999.
3. Ксёндз Язэп Барадзюля. Дваццаць пяць гадоў турмы, лагераў і ссылак // Наша вера. – 1995 – № 1 – С. 12–18
4. Маракоў Леанід. Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі 1917–1964. Мн: “Смэл-так”, 2009
5. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці
6. Dzwonkowski Roman, SAC. Religia i Kościół katolicki w ZSSR oraz w krajach i na ziemiach okupowanych 1917–1991. Kronika. Lublin: Tow. Naukowe KUL, 2010
7. Ірэна Задарожная. Не дарэмна кроў была праліта // Ave Maria. – 2009. – № 11. – С. 11
8. Юзаф Лук’янін. Святар (1888-1937) // Ave Maria. – 1998. – № 8–9. – С. 32–33
9. Fibek Jan. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi. Część 1. Diecezja Witebska. Tom 1. Wschodnia część diecezji Witebskiej. Lomża: Zakon Braci Mniejszych Kapucynów, Prowincja Warszawska, 2016
10. Пётра Пашкавец. Касцёл Святой Барбары // Дыялог. – 2000. – № 2. – С. 25
11. Віцьбіч Юрка. Не змоўклі віцебскія арганы // Наша вера. – 1995. – № 1. – С. 78–79.
12. Ігар Станкевіч. Стаў вядомы лёс яшчэ аднаго расстралянага бальшавікамі святара // Catholic.by. 16.07.2018
13. Фэст у Лепелі // Ave Maria. – 2001. – № 4. – С. 19.

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХА

Белащенко Д.А., Егорушина Н.С. (г. Нижний Новгород, Россия)

Накануне Второй Мировой войны «украинский вопрос» постепенно занял важное место в международной повестке дня. Это связано с тем, что территории современной Украины входили в состав четырех государств (СССР, Польша, Румыния, Чехословакия, что создавало благоприятную почву для формулирования и развития различных геополитических планов. В результате «украинский вопрос» стал причиной масштабных дипломатических игр, в которых главную роль играли как территориальные притязания, так и националистические аспекты.

Стоит отметить, что существовало несколько стран, заинтересованных в решении так называемого «украинского вопроса» в свою пользу. Во-первых, это СССР, Польша, Румыния и Чехословакия в состав которых входили современные украинские земли. Во-вторых, это представители «оси» Германия, в планах которой была борьба за расширение «жизненного пространства», и Венгрия, которая активно добивалась возвращения Закарпатской Украины. В данный период судьба украинских земель зависела не от населения данных территорий и деятельности националистических украинских организаций, базировавшихся в Европе, а от баланса интересов других государств, прежде всего, великих держав.

В 1933 г. в Германии к власти пришли представители национал-социалистической партии, провозгласившие впоследствии создание Германского (Третьего) рейха. Практически сразу же новые лидеры страны объявили о необходимости геополитических изменений в Европе, а также о своем стремлении к переделу мира. В первую очередь, внешняя политика Германии была направлена на завоевание новых земель в Европе. Лидеры партии обозначили украинские территории как составляющую своих интересов на Востоке. Причиной послужил их исключительный экономический потенциал, включающий как промышленную инфраструктуру, так и большое количество плодородных земель, которые делали украинские земли привлекательным регионом для ведения сельского хозяйства. Украина стала важным объектом немецкой политики, так как ей предстояло стать регионом для увеличения немецкого сельского населения. Украинские земли должны были стать мощным сырьевым и продовольственным придатком Третьего рейха. Одним из стратегических планов нацистской Германии был план «Ост», нацеленный на выселение с восточных земель славянских народов и заселение их немцами. Фактически, это поставило бы Украину и другие территории в статус аграрных колоний.

Кроме того, по мере нарастания напряженности в германо-польских отношениях, германское руководство стремилось использовать украинский фактор как инструмент давления на руководство восточного соседа. Таким образом, предполагалось, что Германия будет оказывать содействие украинскому населению Польши, а также активно работать с украинскими эмигрантами, обещая им материальную и моральную помощь и создание так называемого «Украинского легиона». Также, для осуществления своих планов Германия планировала спровоцировать восстание в Польской Украине под руководством Организации украинских националистов (ОУН), чтобы под этим предлогом осуществить вторжение в Польшу, не выступив в роли агрессором.

Еще одним аспектом во взаимодействии Германии и украинских организаций был т.н. «закарпатский вопрос». Берлин был готов пойти на уступки для определения статуса Закарпатской Украины, повлияв на правительство Венгрии, для предоставления данной территории автономии. Сам А. Гитлер рассматривал Украину также и в качестве плацдарма для завоевания СССР. Считалось, что захват территории УССР серьезно ослабит

советский экономический, производственный и сельскохозяйственный потенциал. Стоит отметить, что вариантов использования территории Украины было несколько: от предоставления формальной независимости и превращения в марионеточное государство до включения в состав Германского рейха. Выбор зависел от того, насколько успешно будут развиваться события в будущей войне.

Таким образом, украинские земли фигурируют в планах Германии и в довоенный период – как средство давления на противников, и в военный – как плацдарм для войны против СССР, и в предполагавшийся послевоенный – как одно из лучших мест для германизации и колонизации.

В апреле 1941 г. А. Розенберг – один из идеологов национал-социализма в Германии – представил А. Гитлеру «Памятную записку №1», в которой проанализировал будущее положение территорий, оккупированных Германией. Украину он видел как самостоятельное государство, необходимое, чтобы сдерживать Москву, тем самым обеспечивая безопасность Германии. Для А. Розенберга главной целью было ослабление СССР, для чего он стремился создать вокруг него ряд государств, зависимых от Германии. В качестве таких предполагались Восточная Польша, прибалтийские и балканские государства, а также Украина, Поволжье и Грузия, которые должны были объединиться в зависимый от Германии «Восточный союз» – союз вспомогательных народов, не имеющих ни армии, ни собственной политики, ни собственной экономики [2].

Тем не менее, планы А. Розенберга не соответствовали планам фюрера, поэтому была разработана вторая «Записка». Данный план предполагал создание на оккупированной советской территории колониальных сатрапий в виде германских рейхскомиссариатов Остланд (Прибалтика и Белоруссия), Украина, Московия, Кавказ. Украина по этому плану должна была простирается вплоть до Волги, захватывая территорию автономной республики немцев Поволжья [3].

Германское руководство планировало молниеносный удар по западным рубежам СССР с целью как можно более быстрого продвижения вглубь страны. Благодаря успеху стратегии «блицкрига», ошибок и просчетов командования Красной Армии и руководства страны, немецким войскам удалось оккупировать большую часть УССР.

В результате, в период оккупации украинские территории эксплуатировались по-разному. Галиция, включавшая в себя Львовскую, Дрогобычскую, Тернопольскую и Станиславскую области, перешла под контроль польских земель, ранее захваченных Германией. Часть Левобережной Украины, Правобережная Украина и часть южных земель были преобразованы в рейхскомиссариат «Украина». Восточные районы и Крым управлялись военными. Черновицкая и Измаильская области были переданы под контроль фашистской Румынии. Ей разрешили создать провинцию Транснистрия, в состав которой вошли Одесская область, южные районы Винницкой и западные районы Николаевской областей. Закарпатская Украина с согласия Германии была оккупирована Венгрией. Донбасс, Черниговскую, Сумскую и Харьковскую области включили в военную зону, находившуюся во власти немецкого командования.

Рейхскомиссаром Украины был назначен Э. Кох, который считал население подконтрольных территорий рабами, а те, кто представлял даже потенциальную угрозу для Германии, должны были уничтожаться физически. По его мнению, славяне должны быть истреблены, выселены, а оставшаяся часть стать чернорабочими для немцев. Так, план «Ост» предполагал, что вся украинская территория будет поделена между немцами, особенно участниками войны. К первым действиям по колонизации и германизации украинских земель гитлеровцы приступили еще в 1942 г. В результате, украинские земли вынуждены были обеспечивать армию и население Германии продовольствием, а германскую промышленность – рабочей силой. С начала оккупации Украины до осени 1944 г. в Рейх отправили 9,2 млн т зерна, 622 тыс. т мяса, миллионы тонн другой сельскохозяйственной продукции, для перевозки которой было задействовано 1418 вагонов. 85% всего объема снабжения нацистской Германии продуктами с территории СССР поступало из Украины [1]. Украина была также объектом получения сырья, в котором нуждалась немецкая военная промышленность.

Стоит отметить, что украинские националисты до и во время Второй Мировой войны стремились к сотрудничеству с Германией с расчетами на то, что в будущем Берлин позволит создать независимое украинское государство. Украинские националистические организации активно готовились к войне с СССР, занимались разведывательно-диверсионной деятельностью, при этом они активно поддерживались военной разведкой Германии. В 1940 г. даже было создано так называемое «Управление по украинским делам» для контроля украинского националистического движения [4].

Руководство ОУН начало сотрудничество с Германией еще до начала войны. Однако, когда 30 июня 1941 г. был провозглашен Акт Восстановления Украинской державы, Германия не признала данный документ легитимным. В планы Германии не входило создание независимой Украины, она подлежала оккупации и должна была стать частью великой Германской империи. После данного выступления украинских националистов ряд наиболее активных членов ОУН (на тот момент уже не являвшейся единой организацией из-за идеологического раскола) подвергся репрессиям, а лидеры и идеологи провозглашения Акта были отправлены в тюрьмы и концлагеря. Не были реализованы и планы украинских националистов на создание западно-украинского государства, которое было обещано германскими руководителями как «буферное» на границе с СССР [5, с.103].

Исходя из всего вышесказанного, следует отметить, что украинские земли рассматривались в перспективе как одна из основных целей завоевательной политики нацистской Германии. Во-первых, удобное геополитическое

тическое расположение Украины позволяло Германии использовать ее земли в качестве плацдарма для ведения дальнейших военных действий против СССР. Во-вторых, раздробленность украинских земель и их нахождение в составе нескольких государств, позволяло Германии разыгрывать «украинскую карту» в качестве средства давления сразу на нескольких противников. В-третьих, мощная промышленная и сельскохозяйственная база Украины рассматривалась Германией в качестве хорошей платформы для обеспечения нужд фашистской армии, а также в качестве приоритетного региона для германизации и колонизации в послевоенный период. При этом руководство Германского рейха активно использовало в своих интересах украинские националистические организации, рассчитывавшие на помощь Берлина в реализации собственных проектов создания независимого государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев, В. Украина в планах Третьего рейха. О чем рассказал Нюрнбергский процесс [Электронный ресурс] / В.Гусев // Аргумент. – 17.11.2016. – Режим доступа: <http://argumentua.com/stati/ukraina-v-planakh-tretego-reikha-o-chem-rasskazal-nyurnbergskii-protsess>. – Дата доступа: 12.07.2019.
2. Лавренов, С.Я. Особенности политико-стратегического планирования Германией войны против СССР [Электронный ресурс] / С.Я. Лавренов // Обозреватель. – 2015. – №1 (300). – Режим доступа: <http://www.materik.ru/upload/iblock/bee/bee88ebd3656ffa07a081c51eb8c8cef.pdf>. – Дата доступа: 06.07.2019.
3. Украинская государственность в XX веке (историко-политологический анализ) [Электронный ресурс] / под. ред. В. Дергачева. – Киев, 1996. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/ukrxr/zmist.htm>. – Дата доступа: 06.07.2019.
4. Украинские нацисты на службе у Третьего рейха [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – 20.12.2018. – Режим доступа: <https://topwar.ru/151510-ukrainskie-nacisty-na-sluzhbe-u-tretego-rejha.html>. – Дата доступа: 06.07.2019.
5. Черкасов, А.А., Кринко, Е.Ф., Шмигель, М. Украинский национализм в годы Второй мировой войны: природа и проявления / А.А. Черкасов, Е.Ф.Кринко, М. Шмигель // Русин. – 2015. – №2(40). – С. 98–117.

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ПОЛЬШИ, ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Белащенко Д.А., Сюзева Ю.С. (г. Нижний Новгород, Россия)

«Украинский вопрос» накануне Второй Мировой войны занимал достаточно важное место во внешнеполитических планах сразу нескольких государств. Это связано с тем, что украинские земли были разделены между четырьмя государствами (СССР, Польша, Румыния, Чехословакия), что, несомненно, оказывало влияние не только на их судьбу, но и вызывало интерес со стороны других ведущих акторов международной политики. В результате, «украинский вопрос» стал частью активной дипломатической игры, наложив определенный отпечаток на восточноевропейскую политику.

С одной стороны, «украинский вопрос» включает в себя комплекс проблем, связанных с ролью и местом украинского фактора во внутренней жизни государств, в состав которых входили украинские земли. С другой стороны, это вопрос об условиях и механизме их воссоединения и о создании собственной государственности. Кроме того, украинские земли оказались в центре событий, связанных со Второй Мировой войной, вследствие того, что занимали выгодное геополитическое расположение и имели значительный военно-экономический потенциал и человеческие ресурсы [4].

Накануне Второй Мировой войны определился ряд стран, заинтересованных в решении украинского вопроса. Во-первых, это СССР, Польша, Румыния, Чехословакия, в состав которых входили украинские земли. Во-вторых, Германия, нацеленная на расширение «жизненного пространства» на Востоке Европы. В-третьих, Венгрия, которая была недовольна результатами Первой Мировой войны и стремилась вернуть себе Закарпатье. Фактически, судьба украинских земель находилась в руках различных великих держав.

Германия стала первой страной, включившей «украинский вопрос» в сферу своих внешнеполитических и геополитических интересов. Планы нацистских лидеров определялись нарастающим экспансионистским устремлением, связанных с желанием расширить свое жизненное пространство на Востоке европейского континента. Кроме того, А.Гитлер и его соратники отлично понимали, что для победы над СССР им необходимо всеми силами отторгнуть Украину от советского государства. Причем рассматривалось не только удачное геополитическое расположение украинских земель, но и их экономический потенциал. Необходимо отметить, что вследствие конфронтационной политики Германии в отношении Польши, для А.Гитлера и его окружения Украина становилась важным рычагом давления на Варшаву [3]. Это связано с тем, что Польша опасалась потерять западноукраинские земли, входившие в её состав и граничившие с территорией УССР, поэтому была вынуждена считаться с планами Германии. Можно сказать, что Германия использовала «украинскую карту» с выгодой для себя вплоть до Второй Мировой войны, а затем и при подготовке к войне с СССР.

Таким образом, украинские земли были одной из основополагающих проблем внешнеполитического курса Польши на протяжении межвоенного периода. Особенно остро эта проблема проявилась в отношении

Восточной Галиции, которая считалась неотъемлемой частью Польской Республики. Еще до войны, польское руководство попыталось изменить негативное отношение населения Галиции к польскому государству, опираясь на поддержку Украинского национально-демократического объединения (УНДО). В результате, были заключены соглашения 1931 и 1935 гг., направленные на нормализацию отношений. Однако они не смогли изменить ситуацию во взаимоотношениях между украинцами и поляками, поэтому межнациональные отношения продолжали обостряться, особенно в результате целенаправленной ассимиляционной политики властей. Несмотря на то, что данный политический курс был направлен на «ополячивание» украинцев, главной его чертой было то, что польское руководство стремилось показать национальное превосходство поляков над украинцами.

Вследствие данной политики, проводимой Польшей в отношении украинского народа, а также препятствования образованию независимого украинского государства, в польско-украинских отношениях назрел серьезный конфликт, который во время Второй Мировой войны вылился в жестокую резню польского народа на территории Западной Украины. Польским руководством Волынская резня была расценена как геноцид польского народа [2]. До сих пор эти события являются серьезной проблемой в польско-украинских отношениях.

Также необходимо отметить, что с сентября 1939 г. украинские земли, входившие в состав польского государства, стали территорией СССР. Таким образом, Польша, утратившая свою самостоятельность в ходе начавшейся Второй Мировой войны утратила свое влияние на «украинский вопрос».

Другим государством, непосредственно заинтересованным в «украинском вопросе» была Румыния, в состав которой входила часть украинских земель. С началом Второй Мировой войны у Бухареста появились планы на захват новых территорий. В связи с тем, что Румыния вынуждена была отдать часть Трансильвании Венгрии, Германия обещала компенсацию за счет украинских земель. Так, захватнические амбиции Румынии получили дополнительную стимуляцию. Этому поспособствовало установление военно-фашистского режима И. Антонеску, и впоследствии присоединение Румынии к странам «оси». В случае победы в войне Румыния получила бы Бессарабию, Северную Буковину и южные районы Украины [3].

Военные успехи первого этапа войны породили еще более масштабные притязания на украинские земли со стороны румынского руководства. Так, на одном из совещаний по оккупационной политике А. Гитлер заявил: «Антонеску хочет Бессарабию и Одессу с полосой земли в направлении на запад – северный запад от Одессы». При этом он дал понять, что желание румынского диктатора будет удовлетворено [3].

В ходе войны Черновицкая и Измаильская области были переданы под контроль фашистской Румынии. Ей разрешили создать провинцию Транснистрия, в состав которой вошли Одесская область, южные районы Винницкой и западные районы Николаевской областей. Однако, несмотря на то, что румынский диктатор рассчитывал на практическую помощь Германии в захвате украинских земель, военные поражения немецкой армии не только перечеркнули румынские планы захватов, но и привели к быстрому падению фашистского режима в Румынии.

Еще одним крупным политическим актором, заинтересованным в разделении украинских земель была Венгрия, недовольная результатами Первой Мировой войны. Согласно Трианонскому договору, Венгрия потеряла часть стратегически важных территорий и в межвоенный период активно вынашивала планы по их реинтеграции. В ноябре 1938 г. состоялся Первый Венский арбитраж, согласно которому Венгрия получила южную Словакию и Закарпатскую Украину. Стоит отметить, что А. Гитлер предлагал венгерскому руководству всю территорию Словакии в обмен на военный союз, однако получил отказ. А уже в марте 1939 г. в результате раздела Чехословакии Венгрия с согласия Германии оккупировала оставшуюся часть Закарпатской Украины [1, с. 284].

Несмотря на экспансионистские планы стран-союзниц Германии, важным итогом Второй Мировой войны можно считать завершение объединения украинских земель. Данный результат был достигнут благодаря подписанию договоров между СССР и Польшей, Румынией и Чехословакией. Согласно условиям договоров 1945-1947 гг., граница с Польшей проводилась по «линии Керзона», восстанавливались границы с Румынией от 1940 года, а Чехословакия передавала СССР Закарпатскую Украину, которая воссоединилась с украинскими территориями в составе Советского Союза. Впервые почти все этнические украинские земли объединились в составе одного государства. Из всех украинских земель лишь Холмщина, Надсянье, Лемковщина и Подляшье остались в составе Польши согласно решению И.В. Сталина.

Украина, несмотря на отсутствие независимой внешней политики, сразу начала выходить на международную арену как новый политический актор. Согласно договоренностям между И.В. Сталиным и руководством УССР, Украина имела право на самостоятельную внешнюю политику, чему способствовало образование народного комиссариата иностранных дел УССР, но рамки дозволенного она не нарушала, т.к. монополия на внешнюю политику принадлежала Москве. Тем не менее, будучи страной-основательницей ООН, 25 апреля 1945 года, Украина вошла в состав Организации Объединенных Наций. Таким образом, страны признали существенный вклад Украины в разгром национал-социализма и фашизма, что отразилось на росте ее международного авторитета.

Таким образом, «украинский вопрос» фигурировал во внешнеполитических интересах сразу нескольких государств. Так, Румыния и Польша претендовали на сохранность украинских территорий, уже входивших в их состав, а Бухарест, в свою очередь, с помощью А. Гитлера стремился приумножить свои территории за счет включения в состав новых земель. Целью Германии было расширение своего «жизненного пространства» за счет оккупации и колонизации украинских земель. Венгрия же стремилась вернуть себе земли, утраченные в результате Первой Мировой войны, в первую очередь, Закарпатскую Украину.

В результате сложных дипломатических, геополитических и военных процессов ни одна из вышеперечисленных стран не смогла реализовать свои планы по сохранению в своем составе украинских территорий, либо расширению своих владений за счет них. Итогом этих событий, происходивших накануне и во время Второй Мировой войны стала консолидация украинских земель в составе одного государства, что, можно сказать, завершило долгий исторический процесс и стало важным этапом для возникновения в будущем независимого украинского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Контлер, Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / Л. Контлер. – М. : Весь Мир, 2002. – 656 с.
2. Уварова, Т.О. Польско-украинский конфликт во время Второй мировой войны [Электронный ресурс] / Т.О. Уварова // Инфоурок. – Режим доступа: <https://infourok.ru/statya-na-temu-polskoukrainskiy-konflikt-vo-vremya-vtoroy-mirovoy-voyni-1678109.html>. – Дата доступа: 11.07.2019.
3. Украинская государственность в XX веке (историко-политологический анализ) [Электронный ресурс] / под. ред. В. Дергачева. – Киев, 1996. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/ukrxr/zmist.htm>. – Дата доступа: 11.07.2019.
4. Украинский вопрос в политике европейских государств накануне и в начале войны [Электронный ресурс] // Мир науки. – Режим доступа: <http://worldofscience.ru/istorija/5245-ukrainskij-vopros-v-politike-evropejskikh-gosudarstv-nakanune-i-v-nachale-vojny.html>. – Дата доступа: 11.07.2019.

СОВЕТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Болтрушевич Н.Г. (г. Витебск, Беларусь)

В сфере государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории БССР произошли существенные изменения. По инициативе самих верующих с разрешения немецких оккупационных властей были открыты православные церкви, католические костёлы, начали функционировать протестантские общины.

Это происходило несмотря на то, что накануне Второй мировой войны, к 1939 г, православная церковь как зримая церковная организация оказалась на грани исчезновения. Советской власти за короткое время удалось закрыть более 97,6% всех церквей, действовавших в 1916 г., истребить или отправить в ссылку православную интеллигенцию, закрыть духовные семинарии, академии и монастыри. Летом 1939 г. в Минске прекратились службы в последней ещё открытой православной церкви и два года во всей епархии не совершались богослужения (по крайней мере, публично) [7, с. 113].

В основу деятельности всех конфессий был заложен принцип оказания материальной поддержки Красной Армии и населению и поддержание патриотических чувств. Священнослужители православной церкви в своих проповедях поддерживали верующих (местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей выступил с призывом к защите Отечества уже 22 июня 1941 года), укрепляли дух армии, оказывали большую материальную помощь: организовывали пожертвования в фонд Красной Армии, помогали сиротам и семьям погибших. Это явилось одной из причин, обозначившей либерализацию политики государства в вопросах религии: церковь в данном случае рассматривалась как фактор, укрепляющий мобилизационные возможности общества в его противостоянии врагу [1, с. 102].

В годы войны рост религиозности населения стал массовым, что вполне объяснимо: часто люди находили в вере необходимую точку опоры, утраченную вместе с потерей близких, семьи, дома. Обретенная или возрожденная вера давала людям если не надежду, то утешение [1, с. 103]. Изменение политики государства по отношению к религии было продиктовано не только стремлением властей использовать церковь как дополнительную мобилизационную силу в сложный военный период.

Осознание патриотической позиции церкви во время Великой Отечественной войны, оживление религиозных настроений и стремление создать противовес религиозной политике фашистской Германии на оккупированных территориях побудили советское правительство частично отказаться от антирелигиозной пропаганды, нормализовать государственно-церковные отношения. Так, в сентябре 1941 года прекратил деятельность Союз воинствующих безбожников и перестал издаваться его журнал «Безбожник». В 1943 – 1944 годах были созданы 2 государственных органа для связи с религиозными организациями – Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов.

Особые изменения советского государства произошли в отношении к Русской православной церкви, которая содействовало всенародному патриотическому подъёму. Была возобновлена деятельность Московского патриархата Русской православной церкви (в 1943 году впервые после 1925 года был избран патриарх Сергей, после его кончины – Алексий I), церковь получила право открывать мастерские и маленькие фабрики для производства предметов церковного обихода, использовать типографское оборудование для издания религиоз-

ной литературы. Из лагерей и ссылок освобождались репрессированные священники и архиереи. Начался выпуск «Журнала Московской Патриархии» [6, с. 462].

Уже в конце войны Сталин санкционировал проведение в Москве Поместного Собора. Деятельность Собора, открывшегося 31 января 1945 г., довольно широко освещалась на страницах печати: газета «Правда» 5 февраля 1945 г. опубликовала не только сообщение о Соборе, но и ряд его материалов (речь Председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова, Обращение Поместного Собора к Правительству СССР, биографическую справку о вновь избранном Патриархе Московском и всея Руси Алексии I) [1, с. 103].

Либерализация религиозной политики отнюдь не означала ослабления контроля государства за церковной деятельностью. Так, созданным Советам отводилась роль посредника в отношениях между государством и церковью, основной функцией данных структур являлся контроль за церковью и верующими (Совет по делам Русской православной церкви возглавил полковник госбезопасности Г.Г.Карпов). Также следует отметить, что данный «поворот» в государственно-церковной политике произошёл в первую очередь к Русской православной церкви и в меньшей степени затронул другие религиозные организации.

И, тем не менее, именно в годы Великой Отечественной войны произошло активное оживление религиозного движения, количественный рост почти всех церквей.

Данная тенденция продолжалась и во второй половине 1940-х гг., чему способствовало принятие ряда нормативных документов. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР от 1 декабря 1944 г. № 1643-486/с «Закрытие действующих православных церквей и использование их под какие-либо другие нужды без разрешения Совета по делам Русской православной церкви категорически запрещалось» [3, л. 45]. В результате, к началу 1945 г. количество православных церквей в БССР достигла 1044, по другим сведениям – 1093 [2, с. 219]; в 1949 году в БССР было зарегистрировано 1060 православных общин, действовали 757 православных священников, 56 диаконов и 564 псаломщиков [6, с. 462].

На территории БССР в 1945 году действовали 3 монастыря: 1) в г. Гродно женский монастырь имени «Рождества Пресвятой Богородицы» (количество монахинь и послушниц – 63); 2) в Барановичской области в Жировичах мужской монастырь имени «Святого Успения» (количество монахов – 41); 3) в г. Полоцке Спасо-Ефрасиньевский женский монастырь (количество монахинь и послушниц – 50) [5, л. 75].

После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков православные общины активизировали работу по сбору средств в Фонд обороны страны и в фонд помощи семьям, сиротам и раненым воинам. В Брестской области, которая объединяла 131 приход, с 1 августа 1944 г. по 31 января 1945 г. было собрано 440 тыс. рублей, внесено в банк 350 тыс. рублей, в Фонд обороны и на помощь семьям и детям бойцов красной Армии – 86 тыс. рублей [5, л. 35].

В некоторых местах Беларуси стали обращаться детские дома, госпитали непосредственно к православным церквям, монастырям с просьбой оказать им помощь (зерно, патефон и т.д.) [5, л. 43]. Несмотря на то, что верующие испытывали тяжелейшие материальные трудности, они отдавали последнее, что у них было. В то же время, исходя из инструктивного письма Совета по делам Русской православной церкви, руководителям церковных общин запрещалось организовывать шефство над госпиталями и детскими домами, распределять по своему усмотрению средства семьям красноармейцев, инвалидам войны, отдельным гражданам. Это осуществлялось с «профилактической» целью, чтобы уменьшить влияние религиозных организаций на население [2, с. 224]. В 1947 г. сбор средств по всем церквям на патриотические цели был прекращён, начались внутренние сборы средств на строительство и восстановление храмов [4, л. 38].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны и сразу после освобождения на территории Беларуси были открыты церкви, собиравшие многочисленных прихожан. Это объясняется тем, что именно в годы Великой Отечественной войны произошли коренные изменения в государственно-церковных отношениях, вызванные в первую очередь вкладом церкви в победу над фашизмом, оказанием моральной и материальной помощи населению и фронту, пересмотром роли церкви во внешней политике. Созданные по инициативе советского правительства два Совета демонстрировали начало нового этапа во взаимоотношениях между государством и церковью. Верующие получили возможность регистрации и легализации своих общин, церкви было предоставлено право, пусть и ограниченное, юридического лица. Следует отметить, что в первую очередь данные уступки коснулись православной церкви. И, тем не менее, несмотря на значительную либерализацию государственно-церковных отношений в годы войны и сразу после её завершения, это не означало полной свободы действий ни для церкви, ни для верующих в осуществлении своих религиозных потребностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945 – 1953 гг. / Е.Ю. Зубкова. – М.: (РОССПЭН), 2000. – 229 с.
2. Канфесіі на Беларусі (к. 18-20 ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.]; пад навук. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
3. Переписка с Обласными уполномоченными Совета по делам Русской православной церкви о деятельности русской православной церкви // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. – Опись. 1. – Дело. 3.

4. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви, Уполномоченного Совета по БССР, отчёты, сведения, переписка Уполномоченного Совета по Витебской области о деятельности Русской православной церкви // Государственный архив Витебской области – Фонд. 4131. – Описание. 1. – Дело. 3.
5. Протоколы заседаний Совета и переписка с Советом по делам Русской православной церкви при СНК СССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. – Описание. 1. – Дело. 1.
6. Республика Беларусь: энциклопедия : в 6 т. / редкол.: Г.П. Пашков (гл. ред) [и др.]. – Минск: БелЭн, 2005-2007. – Т.1. – 2005. – 1040 с.
7. Роккуччи, А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917 – 1958 / Адриано Роккуччи; [пер. с итал. О.Р. Щелоковой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с. – (История сталинизма).

БЕЛАРУСЬ В ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН. АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ

Великий А.Ф. (г. Минск, Беларусь)

Окончание Второй мировой и Великой Отечественной войн привело к масштабным перемещениям населения, обусловленных сменами границ в послевоенной Европе. В принятии решений и их практическому осуществлению принимал и Советский Союз. Отметим, что все страны, вовлеченные в массовые перемещения гражданского населения исходили прежде всего из своих государственно-политических и этнонациональных интересов. БССР была вовлечена в массовые европейские переселенческие процессы в связи с тем, что изменился ее послевоенный белорусско-польский участок советско-польской государственной границы и часть территории (практически вся Белостокская область и три района Брестской области) отошла к Польше. Последствия массовых послевоенных этнических переселений (как добровольных так и принудительных), ощущаются между государствами и до настоящего времени. В частности, это проявляется в различной трактовке этих переселений и их использовании в проведении исторической политики отдельными государствами. Не стало исключением и переселение гражданского населения между БССР и Польшей в 1944-1946 гг.

Современная отечественная и зарубежная историография – польская, украинская, российская, англоязычная, немецкая относительно массовых переселений населения в Европе после Второй мировой и Великой Отечественной войн употребляет различные термины: «репатриация», «эвакуация», «обмен населением», «переселение», «вынужденное переселение», «депортация», «этническая чистка», «выселение», «трансфер», «оптация»[1; 2; 3; 4; 5-6; 7; 8; 9; 10; 11-12].

Такое широкое использование терминов обуславливается объективными причинами – недостаточной разработанностью темы, и, в значительной степени субъективными – зависимостью исследователя от господствующих в обществе взглядов и общественной мысли на этот процесс в целом и на его отдельные элементы.

На современном этапе среди польских историков нет единства в оценке процесса переселения из БССР в Польшу. Часть историков придерживается что это было «переселение», «взаимный обмен населением», «вынужденное переселение» и т.д. [13; 14], другие категоричны в оценках и характеризуют этот процесс как «этническая чистка» или «депортация» [15; 16].

Отдельные немецкие и англоязычные историки, которые исследуют историю Беларуси используют и поддерживают тезис о том, что переселения гражданского населения между БССР и Польшей в 1944-1946 гг. – это «депортации» и «этнические» чистки территории западнобелорусского населения от «польского элемента». Так, известный немецкий историк Б. Кьяри относительно переселения поляков из БССР в Польшу отмечает, что «с этого момента начался процесс этнических чисток в Беларуси, на протяжении которых около 274 тыс. человек были перселены в Польшу»[8]. Другой немецкий историк Ф. Аккерман так рассматривает переселение населения между БССР и Польшей в 1944-1946 гг. как одну «из наиболее массовых депортаций в Польшу бывших польских граждан»[9, С. 109].

Не менее известный американский исследователь Т. Снайдер так же подчеркивает, что «[...] на территориях, которые до войны принадлежали Польше (в том числе и западная Беларусь. – А.В.), национальные вопросы решались при помощи этнических чисток. [...] В 1944-1946 гг. польское население депортировали с западных регионов СССР в Польшу» [12]. В своей новой работе [13], он посвящает специальную главу «Этнические чистки» в послевоенной Европе, в том числе и из Беларуси в Польшу.

Вместе с тем, известный американский ученый Д. Шехтман, специалист в области массовых перемещений населения в послевоенной Европе в своих двух работах [18–19], которые не утратили научной ценности и до настоящего времени, анализируя процесс переселения из БССР в Польшу даже не поднимает эту проблему.

Современный американский исследователь Н. Неймарк в фундаментальной работе [10], рассматривая проявления этнических чисток в Европе после окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн, не отмечает Беларусь как страну, в которой национальные меньшинства, в том числе и поляки подвергались бы «этни-

ческим чисткам» или «депортациям». Так же американские исследователи Э.Бригс и П.Клевин в работе, посвященной истории Европы новейшего времени, отмечают, что райбольший размах перемещений населения был характерен для Польши [4]. Однако переселение поляков из СССР в Польшу (они отдельно не выделяют переселение между БССР и Польшей), они не рассматривают как этнические чистки» или депортации».

В коллективной энциклопедии европейских ученых (историков, социологов, демографов), посвященной проблемам этнических чисток, депортаций и перемещений гражданского населения в XX ст., относительно массовых перемещений поляков и евреев с территории Советского Союза (они употребляют термин «бывшие польские восточные территории». – А.В.), после Второй мировой и Великой Отечественной войн, также отмечается, что к этим группам населения не правомерно употреблять термин «депортации» и «этнические чистки»[20].

Российские историки также придерживаются точки зрения, что послевоенные миграции населения из/в СССР неправомерно рассматривать как «депортации», а как «[...] как трансфер, т.е. взаимообмен населением со сменой гражданства на основании межгосударственных соглашений»[21].

Известный российский исследователь П. Полян также не рассматривает переселение населения из БССР в Польшу как «этническую чистку» или «депортацию». По его мнению это была «оптация» населения, которая была связана с отходом части территории СССР к Польше [22].

Белорусский ученый-правовед А.Н. Сорокин так же отмечает, что установление новых границ между СССР и Польшей потребовало «[...] проведение добровольной эвакуации определенных групп населения из одной территории на другую»[23].

Сознательное и неоднократно использование историками терминов, которые несут общественно-политическое звучание «депортация», «этническая чистка», имеет цель формирования мысли о неправомерности этой акции и юридической, финансовой и моральной ответственности одной стороны – СССР (в том числе и БССР. – А.В.), за ее осуществление. Вместе с тем, научная объективность не позволяет характеризовать переселение между БССР и Польшей как «этническую чистку» или «депортации» польского населения.

Принцип добровольности доминировал на всем протяжении переселения в 1944-1946 гг. Отказы десятков тысяч зарегистрированных поляков от переселения, повторная их регистрация, отказы в выезде в Польшу и неприятие репрессивных мер к ним, возможность перевозки движимого имущества (до 2 тонн), финансовые расчеты за оставленное движимое имущество, право выбора места жительства в Польше не дает никаких правовых оснований утверждать, что это была «этническая чистка» или «депортация» польского населения.

Анализ исторической и правовой литературы дает основания утверждать, что переселение населения из БССР в Польшу в 1944-1946 гг., результатом которого, как свидетельствуют архивные данные, стал безвозвратный выезд в Польскую Республику более 240 тыс. человек, необходимо рассматривать как взаимное переселение населения. Этот термин широко использовался и используется в настоящее время в международной практике дипломатами, историками социологами и политологами. Переселение происходило на основе двух или многосторонних соглашений или договоров. Субъектами этих соглашений или договоров выступали страны, между которыми осуществлялось переселение, а также страны, которые выступали его инициаторами и гарантами осуществления.

Взаимное переселение включает такие важнейшие элементы как: а) определение группы людей, которые подлежат организованному переселению со страны их проживания в другую страну на основе международного права и межгосударственных соглашений; б) финансово-экономический – взаиморасчеты государства с переселенцами за движимое и недвижимое имущество, которое они оставляли на прежнем месте жительства; в) организованный переезд к месту жительства железнодорожным транспортом; г) предоставление на новом месте жительства жилых и хозяйственных построек, выдача льготных кредитов и т.д.

Переселение населения между БССР и Польшей полностью отвечало этим требованиям. Он осуществлялся на основе двухстороннего белорусско-польского соглашения от 9 сентября 1944 г., дополнительного протокола к нему от 25 ноября 1945 г., заключительного соглашения о его окончании от 15 июля 1946 г. и при гарантиях его осуществления со стороны СССР, США и Великобритании. После проведения переселения были осуществлены взаиморасчеты обеих стран с населением за оставленное недвижимое имущество, а также проведено расселение и социально-экономическое обустройство переселенцев на новых местах жительства.

Таким образом, анализ терминов, которые употребляются при характеристике переселенческого процесса между БССР и Польшей дает нам основание утверждать, что это было взаимное переселение польского населения из БССР в Польшу, а белорусского из Польши в БССР. Другие термины не правомерны и не имеют юридических и научных обоснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белаза́ровіч, В.А. Рэпатрыяцыя на Гродзеншчыне ў 1944–1948 гг. / В. А. Белаза́ровіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэсп. навук. канф.: у 4 ч. / Гродзенскі дзярж. ун-т. – 2003. – Ч. 3. – С. 84–98.
2. Бородин, С.П. Некоторые закономерности государственной политики в отношении национальных меньшинств в БССР (1919–1991 гг.) / С.П. Бородин, Ф.А. Шумский// Европа, актуальные проблемы этнокультуры: материалы междунар. науч.-теор.конф., Минск, 27 апреля 2007 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.В. Тугай (отв. ред) [и др.]. – Минск, 2007. – С.284–290.

3. Бригадин, П.И. История Беларуси в контексте европейской истории; курс лекции / П.И. Бригадин. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 336 с.
4. Бриггс, Э. Европа нового и новейшего времени с 1789 года и до наших дней / Э. Бриггс, П. Клэвин; пер. с англ. А.А. Исе-рова, В.С. Неверова. – М.: Весь мир 2006.–600 с.
5. Елизарова, Г. В. Послевоенная Гомельщина: проблема «польских белорусов». / Г. В. Елизарова // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, ўзаемадзеянне і ўзаемаўплывы: матэрыялы міжнар. навук. канф. Гомель, 28–29 верасня 2006 г. – Гомель, 2006. – С. 274–279.
6. Елизарова, В. Г. Переселение белорусского населения из Польши в БССР (1944–1947 гг.) / В. Г. Елизарова // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэспуб. навук. канф.: у 4 ч. / Гродн. дзярж. ун-т. – Гродна, 2003. – Ч. 3. – С. 196–200.
7. Злотнікаў, А. Міграцыйныя працэсы ў Беларусі ў канцы XIX–XX ст. / А. Злотнікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 11. – С. 25–32.
8. К'яры, Бернгард. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944.) / пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2005. – 390 с.
9. Акерман, Ф. Галоўныя рысы саветызацыі ў Заходняй БССР у 1939–1991 гг. / Ф. Акерман // Беларусь і беларусы сярод суседзяў: гістарычныя стэрэатыпы і палітычныя канструкты : Матэрыялы міжнар. канферэнцыі. Рэд.: А. Лагвінец, Т. Чуліцкая. –Варшава, 2013. – С.109.
10. Неймарк, Н. М. Этнические чистки в Европе в XX веке / Н. М. Неймарк. – М. – СПб.: АИРО-XX, 2005. – 320 с.
11. Рыбак, Н. Обмен населением между БССР и Польшей в 1944–1948 гг.: некоторые аспекты проблемы / Н. Рыбак // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэспуб. навук. канф.: у 4 ч. / Гродн. дзярж. ун-т. – Гродна, 2003. – Ч. 3. –С. 42–47.
12. Снайдэр, Т. Спрэчкі за літоўска-беларускую Айчыну / Т. Снайдэр // Дзеяслоў. 2004. – № 13 (лістапад–снежань). – С. 197–208.
13. Снайдэр, Т. Крыжавыя землі. Еўропа паміж Гітлерам і Сталіным / Тымаці Снайдэр ; пер. з англ. мовы С. Петрыкевіча ; навук. рэд. Г. Сагановіч, У. Калаткоў. – Мінск : Зміцер Колас, 2015. – 640 с.
14. Eberhardt, P. Migracje polityczne na ziemiach polskich (1939–1950). Wyd. Instytut Zachodni, Poznań, 2010. – 264 s.
15. Kersten, K. Repatriacja ludności Polskiej po drugiej wojnie światowej: studium historyczne / K. Kersten. Wrocław: Ossolineum, 1974. –277 s.
16. Matelski, D. Wyszędlenia – wypędzenia Polaków i Niemców w latach 1939–1949 w historiografii polskiej / D. Matelski // Polska w Europie: zeszyt specjalny / red. Hainicz A. Lasota E., Sakson A. – Warszawa, 1996. – Т. XIX. – S. 104–124.
17. Rymaszewski, S. Wykarczowani z Bugu / S. Rymaszewski. –Gdańsk:Wyd. Bernardinum, 2001. – 592 s.
18. Schechtman, Joseph B. European population transfer 1939–1945 / Schechtman.B. Joseph. – New York: Oxford University Press, 1946. – 532 s.
19. Schechtman, Joseph B. Postwar population transfer in Europe 1945– 1955 / Schechtman, B. Joseph. – Philadelphia: University of Pensilvania Press, 1962. – 417 s.
20. Энциклопедия изгнаний : Депортации, принудительное выселение и этнические чистки в Восточной Европе в XX в. / редкол. : Д. Бранзес, Х. Зундхаузен, Ш. Трёбет ; при участии К. Кайзеровой, К. Рухневича : отв. ред. Д. Мешков ; [перевод с нем. Л. Ю. Пантинной]. М. РОССПЭН. – 2013. – 727 с.
21. Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы : сб. научных ст. Вып.2. / Новосибирск. Национальный исследовательский государственный университет ; Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. – Новосибирск : Наука, 2013. – 236 с.
22. Полян, П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР / П. Полян. –М.: Мемориал, 2001. –328 с.
23. Сорокин, А.Н. Дороги Отчизны: княжества – Республика Беларусь / А.Н. Сорокин. – Минск : Право и экономика, 2015. – 638 с.

БЕЛАРУСЬ І МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ТРУДА: ІСТОКІ ВЗАЯМДЭЙСТВІЯ

Стаценко В.Г. (г. Витебск, Беларусь)

В мае 2019 году исполнилось 65 лет участия Беларуси в деятельности Международной Организации Труда (МОТ) – одной из старейших и крупнейших международных организаций системы ООН. За эти годы накоплен значительный опыт взаимодействия с этой влиятельной и весьма сложной с точки зрения ее построения и содержания деятельностью международной организацией, опыт участия в ее правотворческой и правоприменительной деятельности.

В силу сложных поворотов истории Беларуси формирование ее современной внешней политики шло по пути синтеза исторических традиций, положительных наработок советского периода с принципиально новыми подходами, диктуемыми кардинальными изменениями как в Республике Беларусь, так и на мировой арене. Именно поэтому исторический анализ участия Беларуси (БССР) в деятельности МОТ не утратил своей актуальности, позволяя правильно понять и оценить особенности и проблемы современного (постсоветского) периода сотрудничества Республика Беларусь с МОТ.

До Второй мировой войны Белоруссия, входя с 1922 года в состав СССР, также, как и другие союзные республики, не обладала международной правосубъектностью и внешнеполитическими полномочиями, что было закреплено Конституциями БССР 1927 и 1937 гг.

1 февраля 1944 года 10 сессия Верховного Совета СССР первого созыва приняла закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании, в связи с этим, Народно-комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» [7, с.13]. Закон внес изменения в Конституцию СССР 1936 года, дополнив ее ст.18а, закрепившей право каждой союзной республики вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами. Конституция БССР была дополнена ст.16а, устанавливающей, что «Белорусская ССР имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями» [3, ст.16а]. Заметим, что эти изменения формально не предусматривали право БССР участвовать в деятельности международных организаций, речь шла только об отношениях с иностранными государствами. Это право было закреплено лишь в Конституции БССР 1978 года [4, ст.74].

Главной причиной предоставления союзным республикам внешнеполитических полномочий в 1944 году, как отмечает В.Е.Снапковский, являлся расчет советского руководства получить в их лице множественное представительство СССР на международной арене и, прежде всего, в создаваемой Организации Объединенных Наций [7, с.19]. Удалось это, однако, лишь в отношении Беларуси и Украины. Решением конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско (апрель-июнь 1945 года) БССР и УССР, наряду с СССР, были включены в состав «первоначальных» членов ООН. 26 июня 1945 года их правительственные делегации подписали Устав ООН, который был ратифицирован в августе того же года.

Ретроспективно следует признать, что хотя международная правосубъектность БССР в составе СССР носила чисто формальный характер, а ее внешнеполитическая деятельность ограничивалась в основном представительскими функциями в международных организациях и осуществлялась под диктовку союзного руководства [8, с.43-83], вхождение Беларуси в ООН имело большое историческое значение. Членство в ООН и ее специализированных организациях означало формальное признание международной правосубъектности Беларуси, что в последующем – после прекращения существования СССР – способствовало процессу конституирования Республики Беларусь как самостоятельного субъекта международного права и ее международному признанию.

В Международную Организацию Труда БССР вступила в 1954 году, после того, как свое членство в МОТ 26 апреля 1954 года возобновил СССР. Точной датой вступления БССР в МОТ является 12 мая 1954 года. В этот день Генеральным директором Международного Бюро Труда (МБТ) было официально зарегистрировано письмо Правительства БССР о принятии БССР обязательств, вытекающих из Устава Международной Организации Труда [6, д.165, л.65], что, в соответствии с п.3 ст.1 Устава МОТ [10], означало формальное вступление в члены МОТ. С этого дня БССР стала полномочным членом организации и приняла на себя все обязательства по ее Уставу, включая и обязанность в соответствии со ст.13 нести свою часть расходов МОТ в виде оплаты ежегодного взноса в ее бюджет.

В июне 1954 года делегации СССР, БССР и УССР, впервые после почти двадцатилетнего перерыва, приняли участие в 37 сессии ГК.

Какие же цели преследовало советское руководство, принимая решение о вхождении СССР, УССР и БССР в МОТ, как отразилось оно на ее деятельности?

Прежде всего следует отметить, что в 50-70-ые годы в советской науке и законодательстве господствовал принцип примата внутригосударственного права над международным правом. Так, известный советский международник Д. Б. Левин писал: «Теория примата международного права над внутригосударственным, будучи сугубо реакционной в политическом отношении, несостоятельна и с теоретической, и с практической точек зрения» [5, с.207]. Естественно, что подобный подход распространялся и на международное трудовое право. Как отмечалось в тогдашней юридической литературе, «влияние международного трудового права на законодательство социалистических стран не может иметь того же значения для правового регулирования труда, что и в других странах», поскольку «социалистическое правовое регулирование труда ныне является наиболее прогрессивной формой правового регулирования труда, а права трудящихся социалистических стран защищены шире тех, которые записаны в конвенциях и значительно лучше обеспечены» [2, с.132]. МОТ оценивалась, прежде всего, как «инструмент в руках правых социалистов, социал-демократов и профсоюзных лидеров, а также правящих кругов капиталистических государств для реализации реформистской идеи сотрудничества труда и капитала, призванной отвлечь трудящихся от классовой борьбы за свои интересы» [9, с.232].

Как это ни парадоксально, но с самого начала советские представители, участвуя в работе МОТ, организации, полностью построенной на принципах социального партнерства, откровенно отвергали саму идею социального партнерства, которая трактовалась советской идеологией как «социал-реформистские идеи, ведущие к усилению эксплуатации трудящихся» [1, д.665, л.216].

Участие в деятельности МОТ преследовало в качестве основных цели почти исключительно политические и пропагандистские, что отражалось во всех без исключения отчетах об участии делегаций БССР в работе сессий МКТ и в других документах советского периода. Показательна, в этой связи, оценка целесообразности вступления СССР в МОТ, содержащаяся в политическом отчете делегации СССР на 37 сессии Генеральной конференции МОТ 1954 года – первой сессии для представителей СССР, УССР и БССР.

В отчете отмечается, что «Делегация считает правильным и своевременным участие СССР в МОТ. До сих пор здесь господствовали предприниматели и реформистские профсоюзные лидеры, которыми руководили представители американских монополий и АФТ... Появление СССР в МОТ вызвало переполох в этих кругах: они

увидели реальную угрозу своему господству в МОТ... Участие СССР внесло изменения в ситуацию в МОТ. Представители трудящихся получили поддержку со стороны делегатов СССР против предпринимателей, которые обычно проваливали все прогрессивные предложения группы трудящихся» [1, д.267, лл.1-2]. Кроме того, отмечается далее, «поскольку представление о СССР у многих колеблющихся элементов предвзятое и основано на влиянии антисоветской пропаганды, участие в работе МОТ предоставляет возможность для информации и пропаганды, в том числе через издания МОТ» [1, д.267, л.3].

Данная мотивация участия советских представителей в деятельности МОТ практически не изменялась вплоть до конца 80-х годов, менялись лишь акценты в ней в зависимости от политической конъюнктуры.

Вместе с тем, как показывают материалы 3 фонда архива МИД Республики Беларусь, содержащего рассекреченные в 1999 году документы, касающиеся отношений МОТ и БССР и, особенно, приложения к ежегодным отчетам МИДа, выступая публично с «разоблачениями» реформистской идеологии МОТ, концепций «классового сотрудничества», социального партнерства и т.д., мидовские работники, советские сотрудники в МОТ достаточно объективно и прагматично оценивали Организацию и возможности реализации в ней государственных интересов.

В качестве примера можно привести документ, подготовленный к очередному заседанию Комиссии СССР по делам МОТ и озаглавленный «Замечания по записке Постоянного представителя СССР в Женеве от 30 ноября 1973 года «К вопросу об участии СССР в деятельности МОТ». В этих безымянных «Замечаниях», в частности, отмечается, что «повторяя давно известные истины о том, что МОТ «воздвигнута на социал-реформистском фундаменте», что «идеи классового мира» и «социального партнерства» заложены уже в самой трехсторонней структуре Организации, Записка отнюдь этим не продвигает нас в решении поставленной ЦК КПСС задачи по активизации нашего участия в МОТ, так как ни в настоящее время, ни в более или менее обозримом будущем, было бы нереальным ставить вопрос об отмене трехсторонней структуры Организации» [1, д.779, лл.12-19].

Участие БССР в деятельности международных организаций, вхождение ее в международные договоры и соглашения (к концу 80-х годов БССР являлась участником более 160 международных договоров и соглашений, а ее представители участвовали в работе более 60-ти международных организаций и их органов) позволило как наработать опыт внешнеполитической и дипломатической деятельности, так и сформировать дипломатическую службу республики, что также, в определенном смысле, облегчило становление самостоятельной внешней политики Республики Беларусь в начале 90-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь.- Ф.3. Оп.3
2. Иванов, С. А. Проблемы международного регулирования труда / С.А.Иванов. – М.: Наука, 1964.- 343с.
3. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики (с изменениями и дополнениями). Принята на IX сессии Верховного Совета БССР четвертого созыва, I, II и III сессиях Верховного Совета БССР пятого созыва. – Мн.: Госиздат, 1960.- 31с.
4. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва 14 апреля 1978 года (с изменениями и дополнениями). – Мн.: Беларусь, 1982. – 62с.
5. Левин, Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права / Д.Б.Левин. – М.: ИМО, 1974.- 264с.
6. Национальный Архив Республики Беларусь.- Ф.907. Оп.1
7. Снапковский, В.Е. Путь Беларуси в ООН 1944-1945 гг. / В. Е. Снапковский. – Минск: Навука і тэхніка, 1994. – 139 с.
8. Стаценко, В.Г. Беларусь в МОТ: история и современные проблемы взаимодействия: монография / В. Г. Стаценко; М-во образования Респ. Беларусь, Витеб. гос. ун-т. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2007. – 242 с.
9. Трудовое право: Энциклопедический словарь / Редакционная коллегия: Денисов А.И. (главный редактор) и др. – Второе издание.- М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1963. – 576 с.
10. Устав Международной Организации Труда и Регламент Международной Конференции Труда. Международное Бюро Труда. – Женева, 1988.- 97с.

ВИТЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Кулик С.П., Мартинкевич И.А. (г. Витебск, Беларусь)

Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет ведёт отсчёт девятого десятилетия своей истории. За это время, он пережил череду взлётов и падений: сложные годы становления и военного лихолетья, которые сменялись периодами бурного роста и расцвета.

Датой основания вуза считается 1 ноября 1934 г., когда Витебский опорный медицинский пункт был преобразован в больницу-медвуз с очным стационарным обучением студентов, куда были переведены студенты-заочники 1, 2, 3 годов обучения из Бобруйского, Гомельского, Могилевского и Витебского опорных пунктов. Вновь образованный институт возглавил воспитанник Страсбургского университета, невропатолог, доктор ме-

дицинских наук, профессор Хазанов Моисей Анисимович. Деканом был назначен профессор Павел Маркович Гуревич, также воспитанник Страсбургского университета.

Студенты приступили к занятиям 21 ноября 1934 г. Для размещения клинических кафедр на ул. Задунавская (ныне – пр. Фрунзе) в 1935 г. было построено здание областной клинической больницы.

В 1938 г. больница-медвуз была переименована в Витебский медицинский институт. Вузу были выделены дополнительные здания по ул. Суворова, где располагались дирекция и большинство теоретических кафедр [1, л. 19]. К 1941 г. в институте насчитывалось 33 кафедры и курс туберкулеза, работало 23 профессора, 25 доцентов и 68 ассистентов. В конце июня 1941 г. институт провел седьмой выпуск врачей, насчитывавший 174 человека. К этому времени в институте параллельно с учебным процессом велась и научно-исследовательская деятельность. Всего за довоенные годы было подготовлено и выпущено 808 врачей.

С началом Великой Отечественной войны по решению советского правительства институт был подготовлен к эвакуации в г. Ярославль, но в пути решение изменили и направили в город Челябинск.

Многие сотрудники, выпускники и студенты пополнили ряды Красной Армии и самоотверженно сражались и трудились на фронтах войны. Другие вели борьбу против оккупантов в подполье и партизанских отрядах, лечили бойцов и местное население. Многие сотрудники и студенты в первые же дни войны добровольно влились в ряды Красной Армии, партизанские отряды, подполье. Среди них профессора: М. А. Лясс, В. О. Морзон, М. А. Хазанов, Г. Х. Корнилов, Г. А. Фещенко, доцент А. Я. Митрошническо, врачи В. М. Величенко, А. Ф. Котович, Н. Г. Легченко, Я. А. Коган, н. М. Ковалева, М. М. Николаенко, И. Л. Сосновик, К. А. Арсеньев, Е. Н. Медведский, М. Г. Жолнеровский и другие. Студент И. П. Антонов в качестве фельдшера танкового батальона прошел боевой путь от Сталинграда до Берлина, а после войны он занимал пост директора Белорусского научно-исследовательского института неврологии, нейрохирургии и физиотерапии.

В мае 1943 г. было принято решение о восстановлении Белорусского медицинского института в г. Ярославле, объединив научно-педагогические силы Минского и Витебского медицинских институтов. Больницы и госпитали Ярославля использовались в качестве клинических баз. Занятия на всех курсах начались 1 октября 1943 г. В сложных условиях военного времени вместе с врачебной деятельностью и непрерывной учебной работой организовывались научные конференции, велась исследовательская работа.

После освобождения столицы БССР от немецко-фашистских захватчиков 19 июля 1944 г. было принято решение о восстановлении в г. Минске медицинского института. Многие сотрудники Витебского медицинского института в то время трудились вместе со своими коллегами в г. Минске вплоть до 1946 г.

В марте 1946 г. было принято решение о восстановлении Витебского медицинского института. Этот период тесно связан с именем Анисима Ивановича Савченко, под руководством которого велась работа по возобновлению и организации учебного процесса. Институту были предоставлены наиболее подходящие и сохранившиеся помещения по улице Крылова, 7-й коммунальный дом по Смоленскому шоссе, дом очковой фабрики по Ново-Смоленской улице. Для института были предоставлены дом № 14/18 и погреб дома № 10 по улице Толстого [2, л. 61,67].

Для организации учебного процесса в институт была направлена большая группа ученых из Москвы и Ленинграда: профессора В.И. Ошкодеров, Б.С. Вайнберг, Г.Е. Гофман, Л.Н. Гольдман, К.П. Маркузе, Н.В. Виноградов, Е.С. Кетиладзе, Н.М. Янчур, П.Н. Маслов и др. Из Минского медицинского института на работу в Витебск приехали доценты Г.М. Прусс, И.Г. Легенченко, профессор И.Б. Олешкевич, вернулись профессор И.И. Богданович, ассистент Г.А. Медведева. Сотрудниками кафедр стали фронтовые врачи, бывшие выпускники института, демобилизованные из рядов Советской Армии: А.Я. Митрошенко, Я.А. Каган, Н.М. Ковалева, А.Ф. Котович, И.Л. Сосновик, Б.А. Брагинская, И.М. Лapidус, Н.А. Винокурова и др.

Занятия первого послевоенного набора начались в сентябре 1946 г. На первый курс было принято 200 человек, на второй – 90 и на третий – 72. В 1948 г. в институте была открыта клиническая ординатура. Через год 15 кафедр института возглавили профессора, доктора медицинских наук, направленные из различных медицинских вузов и организаций Советского Союза. Был проведен первый послевоенный выпуск 80 врачей.

С 1951 г. на протяжении десяти лет работу Витебского медицинского института возглавлял Иван Илларионович Богданович. В это время ВГМИ активно развивался: в 1955 г. начала функционировать новая областная больница на 400 коек, в которой разместились кафедры госпитальной терапии и хирургии, нервных болезней, отоларингологии и офтальмологии [3, с. 10-13].

Современный Витебский медицинский университет – это новые корпуса, оснащенные по последнему слову техники, сформированные и динамично развивающиеся научные школы, результаты которых легли в основу современных теоретико-практических медицинских знаний.

Вместе с тем, нельзя забывать о том, что современный уровень университета достигнут не только стараниями современников, но и во многом благодаря нашим предшественникам, которые в самом начале истории нашего вуза задали высокую планку развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО) Фонд. 102п. – Описание. 3. – Дело. 1.
2. ГАВО Фонд. 1п. – Описание. 1. – Дело. 225.
3. Витебский государственный медицинский университет (1934-2004) / под ред. А.Н. Косинца. – Витебск: ВГМУ, 2004. – 547 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Янчук В.А. (г. Витебск, Беларусь)

Актуальность исследования состоит в том, что белорусская экономика в настоящее время находится в переходном состоянии, и поэтому важно выяснить конечную цель социально-экономических преобразований и содержание перспективной экономической системы.

Цель исследования — определение основных признаков новой экономики в Республике Беларусь.

Фундамент новой экономики в Беларуси, по мнению некоторых либеральных бизнес-экономистов [2], образуют ряд признаков. *Во-первых*, главным из них в такой экономике считается конкуренция. При этом выделяется равная конкуренция между государственными и частными предприятиями. *Во-вторых*, рассматриваются такие факторы экономической эффективности, как господдержка, госинвестиции и госсобственность. С точки зрения указанного выше автора, господдержка должна быть краткосрочной, а порой и разовой, давать обратный эффект в виде налогов, роста добавленной стоимости, валютных поступлений. *В-третьих*, предложено по примеру Латвии и Эстонии делать ставку на малый и средний бизнес и, в первую очередь, развивать семейный бизнес в сфере услуг и производства, создавать мини-рестораны, парикмахерские, частный придорожный сервис. *В-четвертых*, предполагается резко ограничить экономическую роль государства и свести ее до прогнозирования и стратегического управления. В заключение автор статьи делает вывод о том, что «современная экономика основана на ожиданиях. Если будут депрессивные настроения, то сбудется то, что мы ждем» [2].

С таким видением новой экономики трудно согласиться. Возражение вызывает преувеличение значимости конкуренции.

Конкуренции, как показывает изучение статьи, отводится довольно много места, а отношения сотрудничества не замечаются совсем. Причем речь, по сути, идет о конкуренции по отношению к крупным предприятиям, доминирующему субъекту капиталистической экономики. А ведь в экономических отношениях между субъектами в таких странах, как Китай, Вьетнам, Япония, Южная Корея доминирует принцип «Мы — одна семья!». Там органично сочетаются отношения конкуренции и сотрудничества. В Японии, к примеру, в корпорациях, составляющих ядро национальной экономики, делается акцент на командную работу, значительной является доля работников в системе пожизненного найма, всячески поощряется сотрудничество между руководством и трудящимися. В фундаментальной работе «Управление человеческими ресурсами», изданной под редакцией американских специалистов в области менеджмента и бизнеса М. Пула и М. Уорнера, красной нитью проходит мысль о необходимости перехода организаций от стиля управления, основанного на контроле и агрессии, к стилю, предполагающему внимание и взаимопонимание, сотрудничество, творческую атмосферу [3]. Кроме того, вряд ли возможно в Беларуси определить национальную идею на основе конкурентных отношений.

Возникает и такой вопрос: а стоит ли вообще предприятиям государственного сектора конкурировать между собой? Конкуренция предполагает агрессивное поведение предприятий, существование коммерческой тайны, конфиденциальной информации и других форм закрытости экономических субъектов. Бессмысленной она является между предприятиями одной и той же фирмы, предприятиями-смежниками, цехами предприятия. Не стоит конкурировать и белорусским предприятиям всех форм собственности за границей и снижать цены на свою продукцию. Их деятельность, очевидно, государству надо координировать, помогать находить лучшие решения. Кроме того, есть неприбыльные предприятия, предприятия, которые вряд ли смогут существовать без дотаций, например, в сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном комплексе, общественном транспорте.

Сотрудничество же, наоборот, предполагает отношения соревнования, обмена опытом, лучшими достижениями. Отношения сотрудничества порождают синергический эффект, эффект от позитивного взаимодействия.

Сказанное не означает, что надо отказаться от конкуренции вообще, так как она является вполне естественной между частными собственниками, с некоторыми ограничениями имеет право на существование отраслевая и межотраслевая формы конкуренции между государственными и частными предприятиями. Объективно существует конкуренция между белорусскими и иностранными предприятиями

В связи с этим представляет интерес и знакомый либеральный тезис автора обсуждаемой статьи о том, что конкуренция — это главный признак новой экономики, и начинать «следует с равной конкуренции между предприятиями государственной и частной форм собственности». Что здесь вызывает возражение? *Во-первых*, этот признак либеральной капиталистической экономики прямого отношения к новой экономике не имеет. *Во-вторых*, с тезисом равной конкуренции можно согласиться только в том случае, если государство выражает главным образом интересы частного большого бизнеса, как это имеет место, например, на Украине и в России, и балансирует их с интересами государственных и частных малых и средних предприятий.

Какой бизнес лучше: малый и средний или большой? Такого же рода дискуссия о соотношении между малым и средним бизнесом и большим. Господин Рудый приводит данные о том, что в Беларуси доля малого и среднего бизнеса в ВВП — 23%, в Латвии — 68%, а в Эстонии она вообще составляет почти 74% [2]. Примеры Латвии и Эстонии, по-моему, не совсем корректные. Как складывался малый и средний бизнес в Латвии? Мест-

ные реформаторы буквально обвалили такие крупные предприятия, как «ВЭФ», «Радиотехника», «РАФ» и многие другие. Из большого бизнеса сделали малый. Кроме того, значительную часть вклада в ВВП в Прибалтике составляют финансовые спекулятивные сделки,

Эффективность государственного управления в большой мере зависит от умения правительства взаимодействовать не с малым и средним, а с крупным бизнесом. В США, например, около 600 крупнейших компаний формируют около 50% консолидированного бюджета страны. Аналогичная ситуация и в Беларуси. В Витебской области, к примеру, на долю ОАО «Нафтан» и Лукомльской ГРЭС приходится намного больше половины всех налоговых поступлений. Основными добытчиками валюты в Беларуси опять же являются не малые и средние предприятия, а такие локомотивы экономики, как ОАО «Нафтан», ОАО «Мозырьский НПЗ», РУП «ПО Беларуськалий», РУП «Белорусский металлургический завод», ОАО «Минский тракторный завод», ОАО «Минский автомобильный завод», РУП «ПО Белоруснефть».

Вместе с теми, ясно, индивидуальные предприниматели, малые и средние предприятия должны занять в экономике свое место. Они выполняют важные социальные и экономические функции: обеспечивают высокую занятость экономически активного населения, более полно удовлетворяют потребительский спрос, насыщают рынок товарами, работами и услугами. Такие формы предпринимательства достаточно эффективны в трудоемком производстве. Кроме того, из малого и среднего бизнеса вполне может вырасти и крупный бизнес, и история экономики знает тому немало подтверждений.

В **новой экономике** драйвером развития является отнюдь не конкуренция, а экономика *инновационных компетенций*, ядро которой составляют **образование и наука**. Доля в ВВП новой экономики в Западной Европе — 35%, в США — 45%, в России — 15%. По высоким технологиям Россия на 68 месте в мире, а по информационным технологиям — 70-е. Достижения же Беларуси сопоставимы с достижениями России.

В современных условиях особо выделяют фактор *инновационных компетенций*, воплощающихся на практике в новых технологиях и результатах производства, экономических, социальных, политических и управленческих решениях. К обладателям таких компетенций известный американский экономист Джон Гэлбрейт, активный сторонник конвергенции социально различных национальных систем, относил, прежде всего, техноструктуру: «Власть перешла к новому фактору производства... Это совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждается современная промышленная технология» [1, с. 98]. И в том же источнике говорится: «Опыт прошлого дает основания предполагать, что источник власти в промышленном предприятии переместится еще раз — на этот раз от капитала к организованным знаниям. И можно предполагать, что это найдет отражение в перераспределении власти в обществе» [1, с. 96]. При этом введем два уточнения. *Во-первых*, под компетенциями будем подразумевать не только знания, как уже было сказано, но и умения и навыки. Мало обладать фундаментальными знаниями, надо уметь применять их на практике. Не каждый ученый может найти себя в условиях современного предприятия, поэтому вполне обоснованно выделяют фундаментальную и прикладную науки. *Во-вторых*, под организованными знаниями Дж. Гэлбрейт имел в виду коллективный характер принятия решений. От себя добавим, что в новой экономике возрастает роль государства, как организатора образования и науки. В отраслях, которые требуют больших интеллектуальных, экономических и финансовых затрат (в ядерной энергетике, авиации, космосе и др.), многие закупки делаются на основе государственного заказа.

Давно пришла пора, на наш взгляд, включить образование и науку в реальный сектор экономики и по достоинству оценивать интеллектуальную деятельность. Много в сфере научных исследований и применения их результатов в народном хозяйстве еще предстоит сделать. В период реформ в начале 90-х годов в Беларуси было ликвидировано множество отраслевых и межотраслевых НИИ и КБ. Но спустя десяток лет выяснилось, что у нас не хватает высококвалифицированных рабочих, инженеров, конструкторов, математиков, физиков, химиков, биологов, специалистов в области НИОКР... Романтики рыночной экономики не перевелись до сих пор. Необходимо создать стройную систему внедрения достижений науки и техники в производство. Было бы целесообразно, по опыту СССР, на базе белорусских крупных предприятий воссоздавать научно-производственные объединения, отраслевые и межотраслевые НИИ и КБ, кафедры и факультеты университетов, широко популяризировать достижения науки и техники.

Заключение. В целом проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что: *во-первых*, новая экономика предполагает доминирование отношений сотрудничества над отношениями конкуренции и возрастание экономической, научно-технической и социальной роли государства; *во-вторых*, малые и крупные предприятия дополняют друг друга, а пропорция между ними определяется конкретно-исторической спецификой этапа социально-экономического развития государства; *в-третьих*, ядро новой экономики в современных условиях составляют такие отрасли народного хозяйства, как образование и наука, которые фактически входят в реальный сектор экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М., 2004.
2. Рудый К. Новая экономика: конкуренция, эффективность, институты. — Советская Белоруссия. Беларусь сегодня. — 2014. — 10 июня.
3. Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. — СПб.: Питер, 2002.

СЕКЦИЯ № 5 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ

ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО К НАДНАЦИОНАЛЬНОМУ В ИСТОРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Горшкова М.А. *, Маловичко С.И. ** (*г. Орехово-Зуево, **г. Москва, Россия)*

Причину, связанную с изменением/расширением исследовательского поля истории истории, когда объектом внимания становится не только национальное поле историографии, а более широкое – наднациональное пространство, можно найти в переходе от классического типа рационализма к неклассическому. Но, на наш взгляд, следует учесть и мысли А.Дж. Тойнби об «умопостигаемом поле исторического исследования», которые позволяют уточнить вышесказанное. Источниковая база нашего исследования представлена такими видами историографических источников второй половины XIX – начала XX века, как исторические исследования и учебные книги по историографии.

Для реализации поставленной цели мы 1) проанализировали модели национальной историографии в классической европейской исторической науке; 2) обратили внимание на изменение масштаба историографических исследований в начале XX века.

В классической европейской модели исторической науки наибольшее распространение получил национально-государственный нарратив и, в этой связи, история истории выполняя методическую функцию подготовки будущих историков оказалась довольно сильно привязана к национальным историям, которые конструировались немецкими, французскими, российскими и т.д. историками.

Конструировавшие историю национальной истории авторы, находясь внутри своей культуры, старались защищать национальное историческое знание и представить его не хуже, чем у соседей, а по возможности даже лучше. Такое желание четко прослеживается в капитальном труде Ф.К. фон Вегеле «История немецкой историографии». Фон Вегеле представил концепцию национальной немецкой историографии, складывавшейся в XVII и XVIII вв. как определенный вид исторического знания и как целостную историю немецкого историописания, имеющего в силу своих научных достижений отличие от иных национальных практик историописания [16].

Современные историки назвали такую практику «историографическим национализмом». Как отмечает С. Бергер, в ней присутствует сплав истории как дисциплины с практикой строительства национальной идентичности в XIX в. [4, р. 19-37]. Она была присуща не только немецкой историографии и проявляла себя в том или ином виде в практиках конструирования национальных историографий во всей Европе. М.О. Коялович в произведении «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», основанном на университетских лекциях, поставил одной из задач своего изучения – выявление «инородческих у нас изысканий по русской истории» и искал ответ на вопрос: «больше ли произошло пользы или вреда от вмешательства иностранцев в разработку русской истории?» [1, с. XLII-XLIII].

В конце XIX в. французский историк К. Жюлиан в учебном пособии «Выдержки из французских историков XIX века», верно отмечал субъективность ряда историков, патриотизм которых не содействовал научности изложения истории Франции. Но сам Жюлиан не смог полностью освободиться от критикуемой им практики. Он с большим сожалением отмечал «немецкое первенство» во многих отраслях исторического знания и в духе историографической культуры своей эпохи старался, где это можно, подчеркивать, что египтология, «в высшей степени французская наука», «другая наука, где Франция остается неоспоримой хозяйкой – нумизматика» и т.д. [10, р. LVIII-CXXV].

Нужно отметить, что большинство работ по истории национальной истории в конце XIX – начале XX века характеризовались моделью, представленной умеренным национализмом. Другой французский историк Г. Моно в произведении очеркового характера «Мэтры истории: Ренан, Тэн, Мишле» (автор называет собранные в нем материалы «этюды» и очерки «essais»), защищая мэтров национальной историографии от обвинений в «живописности» и невнимании к историческим источникам, рассмотрел, совершенно не однозначных по типу транслируемого ими исторического знания: Е. Ренана, И. Тэна и Ж. Мишле. [12, р. I-VI]. Другой французский историк Л. Альфен в научном исследовании «История во Франции в последние сто лет» (сам он охарактеризовал ее как «набросок» (ébauche))

совершенно спокойно констатировал, что со второй половины XIX века молодые историки Франции обратили внимание на опыт коллег из Германии, заговорили об «историческом методе», «исторических источниках» и «критике текстов» [8, р. 2, 144]. Умеренный национализм присутствует и в работе американского историка Дж.Ф. Джеймсона, который выделил четыре периода истории историописания в США, но не по этапам развития науки или типов историописания, а по периодам политической истории государства [10].

Британский историк А.Дж. Грант признал, что только к концу XVIII в. английской историографии (с помощью Юма, Робертсона и Гиббона) удалось сократить отставание от французской и немецкой исторических школ. На рубеже XIX-XX вв., как указал Грант, большинство английских историков (в отличие от немецких) признали, что историописание не должно выполнять чисто «научную» цель и стремиться к «объективности» [7, р. XXXI, LXXXIV-LXXXV] и этим закрыл проблему «отсталости / первенства» своей национальной историографии. Неприятие российским историком П.Н. Милюковым эмпирической сути позитивизма (но не окончательный с ним разрыв) позволило в работе «Главные течения русской исторической мысли», основанной на лекциях обратиться внимание не на одно, а на несколько главных течений «русской исторической мысли <...>, которые толкали эту мысль вперед, расширяя и углубляя ее главное русло». Историк положительно оценил влияние на русскую историческую мысль немецких историков [2, с. 1-4].

Нам представляется важным учитывать один существенный факт – в историографических работах Ф.К. фон Вегеле, К. Жюлиана, Г. Моно, а также Л. Альфена и А.Дж. Гранта были проанализированы труды соотечественников, занимавшихся не только национальной, но и зарубежной историей. Напротив, М.О. Коялович, П.Н. Милюков и Дж.Ф. Джеймсон объектами своего внимания выбрали только тех историописателей, кто занимался своей национальной историей.

Вместе с появлением неклассической рациональности на рубеже XIX – XX вв. начинает трансформироваться историографическая культура. Происходившие в исторической науке перемены метко подметил А.Дж. Тойнби, по мнению которого на мировоззрение и деятельность историков XIX в. оказывали влияние «дух национального единства» и институт «суверенного государства». Направленность деятельности историков, пишет Тойнби, «частично определялась их профессиональным опытом, частично – проблемами психологического свойства, а частично – так называемым духом времени». Новый век, как отметил историк, «очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллектуальным операциям более широкого масштаба» [3, с. 20-25]. Таким образом, появление неклассической модели исторической науки характеризовалось, расширением – как его назвал Тойнби – «умопостигаемого поля исторического исследования» [3, с. 25-46].

В 1904 г. Ш.-В. Ланглуа в «Руководстве к исторической библиографии», отметил, что в начале XX в. уже является анахронизмом говорить о «немецкой науке» или о «французской науке», однако пока еще многие исследователи увлекаются идеей изучения истории исторических занятий только в своих странах. Приводя примеры реализации такой идеи в Европе, он выделил, в первую очередь, немецкие, французские и российские произведения, авторы которых исследовали национальные историографии (среди последних он указал на работы фон Вегеле, Жюлиана, Моно, Кояловича и Милюкова [11, vol. 2, р. 230-234].

Уже в 1905 г. американский историк Х.М. Стивенс в небольшой брошюре – представляющей лекций по историографии позиционирует наднациональную модель историографии, представленную как американскими, так и европейскими исследователями. Он систематизировал историков по принципу принадлежности их практик историописания к тому или иному виду истории. Так, он выделил философскую историю: Ф.П.Г. Гизо, Дж. Грот, Т. Карлейль; политическую историю: Т.Б. Маколей, Л.А. Тьер, И.Г. Дройзен и др.; романтическую историю: А. Ламартин, Ж. Мишле, Ф. Паркман и др. [14, р. 21-27].

Однако для многих историков, специализировавшихся в области истории истории, знаковым явился труд швейцарского историка Э. Фютера «Geschichte der Neueren Historiographie» (1911), исследовавшего европейскую историографию начиная с эпохи Ренессанса и предложившего модель изучения историописания, в которой, в первую очередь, обращено внимание на историю научного исторического знания [5]. В этой модели присутствуют (заслужившие его внимания) национальные исторические школы, но они рядоположены другим. Через два года примеру Фютера последовал американский историк Д.П. Гуч, подготовивший научное исследование «История и историки в XIX веке». Он раскритиковал прежнюю национальную модель презентации историографического материала и положительно охарактеризовав опыт Фютера, расширил его более глубоким изучением историографии XIX в. [6, р. 3].

Для историков практика конструирования наднациональной истории истории некоторое время представляла определенную трудность и об этом свидетельствует изданная сразу после Первой мировой войны работа немецкого историка М. Риттера «Рассмотрение развития исторической науки по основным произведениям» (1919), в основе которой лежат авторские лекции и научные статьи. Изложение историографического материала Риттер начал с античной эпохи и описывал развитие европейской историографии вплоть до XIX в., но начиная с Б.Г. Нибура вынужден был следовать испытанной еще со второй половины XIX в. модели подачи только национальной историографии [13].

Таким образом в начале XX века стал меняться масштаб историографических исследований. Конечно, он пока еще не выходил за рамки европейского и североамериканского интеллектуального пространства. Однако

уже в первой половине XX века историки начнут предлагать студентам (и интересующимся историографическими вопросами) работы, где позиционируется история мирового историописания [см., напр.: 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1901. – 603 с.
2. Миллюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Миллюков. – М. : Тип. Т-ва М. Н. Кушнерев и К°, 1897. – 318 с.
3. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 640 с.
4. Berger, S. The Invention of National Traditions in European Romanticism / S. Berger // The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. – NY. : Oxford Univer. Pr., 2011–2012. – Vol. 4. – P. 19–37.
5. Fueter, E. Geschichte der Neueren Historiographie / Eduard Fueter. – München ; Berlin : Verlag von R. Oldenbourg, 1911. – 626 s.
6. Gooch, G. P. History and Historians in the Nineteenth Century / by G. P. Gooch. L. ; NY ; Toronto : Longmans, Green, and Co, 1913. – 516 p.
7. Grant, A. J. English Historians / A. G. Grant. – L. : Blackie & Son, 1906. – 338 p.
8. Halphen, L. L'Histoire en France depuis cent ans / Louis Halphen. – P. : Librairie Armand Colin, 1914. – 234 p.
9. Jameson, J. F. The History of Historical Writing in America / J. F. Jameson. – Boston; NY., 1891. – 168 p.
10. Jullian, C. Extraits des Historiens Français du XIX-e siècle : Publiés, Annotés et Précédés d'Une Introduction sur L'Histoire en France / C. Jullian [6 éd.]. – P. : Hachette et Cie, 1910. – 826 p.
11. Langlois, Ch.-V. Manuel de bibliographie historique / Ch.-V. Langlois : 2 vol. – P. : Hachette et cie, 1901–1904.
12. Monod, G. Les maîtres de l'histoire : Renan, Taine, Michelet / G. Monod ; par Gabriel Monod. – P. : Calmann Levy, edit., 1894. – 344 p.
13. Ritter, M., von. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den Führenden Werken Betrachtet / von Moriz Ritter. München; Berlin : Verlag von R. Oldenbourg, 1919. – 484 s.
14. Stephens, H. M. Syllabus of a Course of Twelve Lectures on History and Historians / H. Morse Stephens. – Berkley, 1905. – 41 p.
15. Thompson, J. W. A History of Historical Writing : in 2 vols. / J. W. Thompson, B.J. Holm. – NY. : The MacMillan Co., 1942.
16. Wegele, F. X., von. Geschichte der Deutschen Historiographie Seit dem Auftreten des Humanismus / Franz X. von Wegele. – München ; Leipzig : Verlag von R. Oldenbourg, 1885. – 1109 s.

ЭЛЬ ЛИСИЦКИЙ. ВИТЕБСКОЕ ПРОСТРАНСТВО/ВРЕМЯ

Котович Т.В. (г. Витебск, Беларусь)

Эль Лисицкий – один из культовых художников 20 века – принципиальная личность явления, названного «Витебский супрематический Ренессанс».

Именно Лисицкий является смыслом этого явления: потому, что 1) родился он близ Смоленска, в Витебск перевезён, учился у Юрия Пэна, дружил с Марком Шагалом и с Осипом Цадкиным; 2) его творческий взлёт был определён Казимиром Малевичем, в супрематизмом его заразившем/зарядившем; 3) в 1920-1921 он входил в состав УНОВИСа («Утвердители нового искусства»), и псевдоним его Эль соотносится с гимном УНОВИСа: «Я иду / У – эл – Эль – эл – те – ка / Мой новый путь»; 4) витебский период является кодом всего блестящего, феерического проекта «Эль Лисицкий».

Витебск был для него городом родным, знакомым, обитаемым (Осип Цадкин вспоминал, как они с Лисицким, в 1910 году приехавшим из Дармштадта, рисовали в Витебске в павильоне в центре сада семейства Рубинштейнов с натуры). Здесь давний товарищ Марк Шагал предложил ему руководство архитектурной мастерской в ВХУ, и с сентября 1919 до осени 1920 Лисицкий преподавал в этой мастерской.

К Шагалу в Витебское народное художественное училище Лисицкий был приглашён в 1919 году, чтобы создать архитектурную мастерскую, так как имел звание инженера-архитектора после учёбы на архитектурном факультете Высшей политехнической школы Дармштата и Рижского политехнического института, после работы в архитектурном бюро Великовского и Клейна в Москве. Московским летом 1919 года уговорил Малевича поехать с ним в Витебск. И именно здесь Лисицкий попадает под влияние малевических идей. Этот недолгий период их становится переломным для обоих, их взаимовлияние делается очевидным, и Лисицкий целиком использует супрематический алфавит для создания собственного художественного проекта.

Лисицкий (1920) утверждал: «За эти полгода в Витебске мы продвинулись на века и Казимир Северинович предстал предо мной планетной системой природоестественной силы и абсолютного хода. Тут я увидел образ чистоты интуитивного слуха и остроту слепого ясно видения. Я увидел художника прошедшего через

природу живописи к природе всего мира. Здесь перед нами восхождение, которое завершится супрематом Духа – религии» [Малевич о себе... Т. 2, М., 2004. – С. 214].

Лисицкий за столом крайний справа

Казимир Малевич соблазнился перспективой публикации своих теоретических работ, прежде всего брошюры «О новых системах в искусстве. Статика и скорость» с «Установлением А», которое было прописано уже в Витебске. В конце 1919 года она была отпечатана литографским способом учащимися Витебского народного художественного училища в Артели художественного труда при Витсвомасе, где первая и четвёртая страницы обложки были выполнены Лисицким размером 25,5 x 19 см. В 1920 году состоялось литографическое издание «Супрематизм. 34 рисунка». Оба издания стали не только учебным пособием, но и прокламацией Супрематического канона Малевича.

Лисицкий – художник особенный, новатор и универсал, создатель ПРОУНов, автор фото- и театральных проектов. Облациями его деятельности были и полиграфия, и архитектура. Он – а это броско и наглядно – проектировщик мощных выставочных пространств. И вся разносторонняя его деятельность поражает открытиями и неожиданными решениями. С. Хан-Магомедов отмечал, что Лисицкий, не имея собственной выраженной концепции формообразования, каковая была у Малевича, оказался «над схваткой». И поэтому оказался в выигрыше в силу того, что имел «многовалентный талант», тонкий вкус и незаурядное художественное мастерство [Лазарь Маркович Лисицкий. 1890 – 1941. Выставка произведений к столетию со дня рождения. – М., 1990. – С.

35, 36. Далее «Каталог...»].

ПРОУНЫ – Проекты утверждения нового напрямую соотносятся с организационным движением УНОВИС как *утверждением* нового. И это переплетение названий/имён можно определить ещё и как *принципы* утверждения нового.

Оригинальный, поражающий своими неожиданными решениями Лисицкий с ПРОУНами – пересадочными станциями от живописи к архитектуре развивал супрематический алфавит в пространстве с ноября 1919 года.

ПРОУНЫ представляют собой совокупность супрематического и конструктивистского проектов. Геометризм + архитектурная конструкция соединились в этой «пересадочной станции от живописи к архитектуре». Это не просто объёмный супрематизм, это – организация пространства на принципах супрематизма с динамическим внутренним началом.

Фигурины Лисицкого созданы позже, уже после Витебска, в 1923 году, но витебской художественной активностью инспирированы. Они несомненно вдохновлены витебской постановкой футуристической оперы «Победа над Солнцем» 6 февраля 1920 года, первой акции УНОВИСа, реинкарнации

петербургской постановки 1913 года.

В этой связи можно констатировать, что 10 фигурин Лисицкого к «Победе над Солнцем» при их сценическом осуществлении могли бы стать принципиально новым проектом – цивилизационным в механическом/технологическом смысле понятия.

Лисицкий, основываясь на математике, интерес к которой он сохранял всю свою жизнь, формировал принципы собственного творчества исключительно на сути научных представлений о строении мира. Идя за малевичской Теорией прибавочного элемента в плане развития пространства/времени в современном искусстве, Лисицкий концентрировался на идее времени и возможностях её воплощения в искусстве. И благодаря подобной сосредоточенности, он пришёл к выводу о том, как время центрирует произведение: латентная динамика супрематизма или динамический кинематизм объектов.

Квадрат и супрпрямая Казимира Малевича обрели новое объяснение формулы – куб. Это доказывает возможность поворотов изображения по различным квадратным плоскостям и по каждой прямой, существующей в

работе. На канонический витебский контент Супрематизма Малевича – «Супрематизм. 34 рисунка» – накладывается новое проявление канона у Лисицкого.

Л. Лисицкий и К. Малевич в Витебске

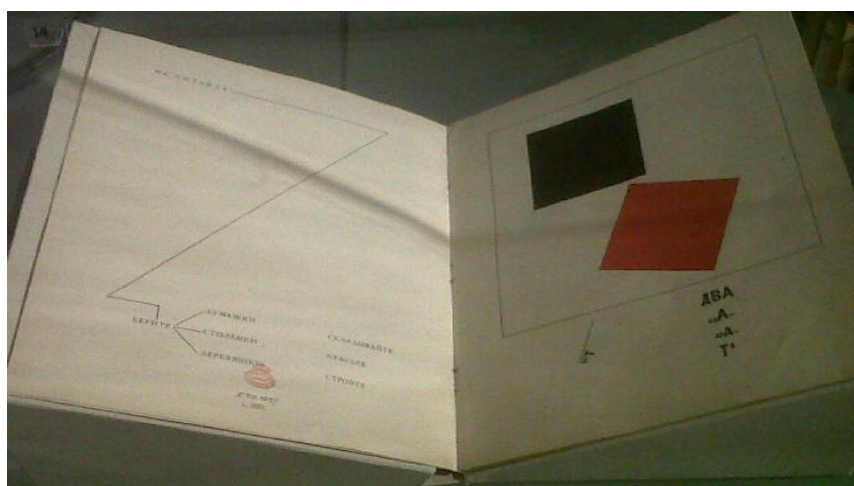
Каждая страница в издании Лисицкого «Супрематический сказ про два квадрата» (1922) представляет собой кинетическую развёртку взаимодействия чёрного и красного квадратов, где красный увеличен в параметрах, что позволяет осознать направление и силу движения.

Книга предполагалась как детская, а её эскизы появились ещё в Витебске в 1920 году вместе с альманахом УНОВИСа и некоторые работы аналогичны друг другу.

Методика преподавания супрематизма Лисицким смещала его изучение в чертёжные практики, где плоскость выступала как часть объёма, одна из проекций. Это не умаляло значение квадрата и супрпрямой, а, наоборот, подчёркивало потенциал канона, особенно при использовании его в дизайн-проектах.

Канон выстраивается следующим образом: **супрквадрат – супрпрямая – супркуб**.

Архитектурные проекции Лисицкого находятся и в основании приёмов его выставочных дизайнерских замыслов/инсталляций, которые и стали объёмным воплощением плоскостных изображений ПРОУНов. Его германские выставочные пространства представляли собой движущиеся установки (реальные или визуальные). Его собственно архитектурные предложения не были воплощены в городских пространствах.

Лисицкий создал в Витебске супрематические плакаты и стал конструктором/инженером книг. Одной из самых известных работ Лисицкого является плакат «Клином красным бей белых», отпечатанный в 1920 году, считающийся одним из культовых произведений супрематизма и одним из знаков витебского УНОВИСа, и главной структурной формой советского плакатного искусства.

Клин врезается в круг, круг выпускает клин. Красное вклинивается в белое, белое выпускает красное. Здесь зашифрована космическая обратимость энергии и открытая динамика формы. Кроме того, Лисицкий выпячивал объём из плоскости и сопрягал плоскость с небольшими объёмами, летающими как взвесь.

По выражению Дж. Боулта, это – манипуляция метаформами. Но это и манипуляция метафорой: клин – это эмблема революции как оружие и одновременно рупор революции. И манипуляция метаструктурой и одновременно разрушение структуры (клин по совершенному кругу): круг – символ солнца, единства и бесконечности, а клин (треугольник) – сила огня, сердца, символ мужского начала и жесткая форма, раскалывающая препятствие. Кроме того, сопряжённые клинья составляют звезду, как символ французской революционной армии и Красной армии, красная звезда символизировала победу мировой революции

издания.

Политуправление Западного фронта, расположенное в Смоленске, заказывает Лисицкому плакат за номером 19. Формы супрематического плаката были положены потом в основу советских плакатов.

В 1921–1925 годах художник жил в Германии и Швейцарии. В 1922 г. вместе с И. Эренбургом основал журнал «Вещь»; в 1925 г. совместно с М. Штамом и Г. Шмидтом — журнал «АВС», а также с Г. Арпом в Цюрихе издал книгу-монтаж «Кунстизм». Полиграфия Лисицкого соотносилась с авангардным контентом

Этот замысел представляется продолжением/продвижением витебского издания/конструкта альманаха «УНОВИС. 1920. № 1». В конце альманаха Лисицкий, конструктор/инженер/строитель этого издания записал: «Эта книга построена коллективом графической мастерской Уновиса на станках Витсвомаса». Именно это издание является полным сводом всей деятельности УНОВИСа в её многоаспектности и целостности. Можно считать альманах рефлексией и саморефлексией членов объединения, каталогом смыслов витебского ордена на основе малевичской теории и практики, аспекты которой заявлены именно в альманахе и затем полностью сформулированы в малевичских философских проектах.

Вступил в голландскую группу «Стиль», которую и сам Малевич воспринимал как предполагаемую единицу всемирного УНОВИСа. А с 1926 года Лисицкий, уже вернувшись в Москву, преподавал в ВХУТЕИНе. В начале 1930-х была построена типография журнала «Огонёк», спроектированная Лисицким по аналогии с горизонтальными небоскрёбами.

Горизонтальный небоскрёб. Проект Лисицкого для Москвы. 1929-е гг.

Здание типографии журнала «Огонёк» по проекту Л. Лисицкого

Последней работой считается плакат «Давайте побольше танков». Его теоретические труды были опубликованы в Европе в 1920-30-60-е годы. Продолжительное время в советском искусстве не упоминался Лазарь Лисицкий как одна из главных фигур архитектуры, плакатного искусства, фотомонтажа и полиграфии. Всё величие и значение его таланта и внимание к этой культовой персоне европейского искусства стало очевидным в недавнее время, и на экспозиции Витебского народного художественного училища к 100-летию ВХУ в Центре Жорда Помпиду в Париже имена Шагала, Малевича и Лисицкого представлены центральной триадой.

ВОЙНА В АВТОБИОГРАФИЯХ ЛАТЫШСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1922–1924)

Кузнецова Т.И. (г. Даугавпилс, Латвия)

Война есть людьми порождаемое и людей порождающее начало. Её разрушительно-созидательное воздействие на человеческий мир может как сознаться и осмыслиться ими, так и не стать предметом размышления, ибо в силу своей огромности, многогранности, глубинности и глобальности война становится недоступной пониманию человека. Как заметил Б. Пастернак устами доктора Юрия Живаго: «Мелко копать в причинах циклопических событий. Они их не имеют. Это у домашних ссор есть свой генезис, и после того как оттакают друг друга за волосы и перебьют посуду, ума не приложат, кто начал первый. Всё же истинно великое безначально, как Вселенная. Оно вдруг оказывается налицо без возникновения, словно было всегда или с неба свалилось» [1, с. 180].

Осмысление же войны как целостного в своей многогранности явления в диахроническом и синхроническом его измерении является результатом дистанцированного, а, значит, и возможного рационального отношения к «циклопическому событию». Подобное дистанцирование, насыщенное рационализмом, и потому направленное на понимание проходящего и предполагающее способность видеть частности, проглядывая в них сущность вещей и процессов, может быть названо историзацией настоящего и любой глубины прошлого, в том числе ещё не остывшего прошлого, каким была к началу 20-х годов война. Как признался один из латышских писателей А. Балтпурвиньш (род. 1871) в написанном им в 1922 г. автобиографическом очерке: «О пережитом за последнее десятилетие думаю написать с большого расстояния, когда большие линии станут яснее» [3, с. 98].

Для историзации характерен принцип системности, который имеет различные проявления. Во-первых, принцип системности обнаруживает себя в понимании исторического процесса как социального взаимодействия разного уровня и в разных сферах жизни людей, имеющего место быть в области физических действий и в

области восприятия себя и других, в том числе, и себя другими. Во-вторых, в понимании любого явления человеческой жизни или института как узла разного уровня и разного характера социальных связей, что позволяет выявить социальное целое, опираясь на конкретно-эмпирическое. В-третьих, принцип системности предполагает понимание различных контекстов, в которых существует то или иное явление / и выбор одного из возможных для артикулирования. В-четвёртых, принцип системности означает понимание качественной определённости исторического процесса, т.е. целостности исторического времени.

К историзации наличного бытия предрасположены люди, наделённые неким кругозором, склонные к духовно-интеллектуальной работе. К таковым по определению можно отнести писателей, чем и определяется наш выбор текстов для анализа выраженного в них отношения к войне с целью определить имеющую место быть или отсутствующую историзацию Первой мировой войны. Этими текстами являются опубликованные автобиографии 66 латышских писателей, чьи даты рождения относятся к периоду с 1835 года по 1893 год. Составителем сборника К. Эгле, так же писателем и журналистом, родившимся в 1887 году [5, с. 149], все полученные им автобиографии были разделены для публикации на три части, каждая из которых включала в себя представителей одного поколения. Сделано это было с намерением «создать источник литературно-исторических материалов, пригодных не только для чтения, но и для познания» [2, Priekšvārds]. Круг же предметов познания определяется как пониманием того, что есть социальная реальность, так и того, что есть источник. В данном случае требуется осознание социальной функции текста. Публикация автобиографий писателей, само название которых «Atziņas / Признания» ориентировало откликнувшихся на призыв К. Эгле авторов на рационально-интеллектуальное отношение к своему жизненному пути, придаёт этим текстам идеологический статус: Они перестают быть только эмоционально-ментальной эманацией личного «я», поскольку транслируют аудитории определённый способ мироотношения – видения, оценки, поведения. Из всех возможных предметов познания мы ограничимся, быть может, самым неявным, неочевидным, но представляющим чрезвычайную значимость для судеб людей и государственных образований после войны и межвоенного времени – возможная историзация Первой мировой войны. Отметим так же, что историзация проявляет социальность интеллектуального свойства, т.е. ориентированность человека на понимание происходящего, тогда как подмена его эмоционально-оценочными реакциями есть манифестация асоциальности.

Каковы были, если были, признаки историзации и сопряжённой с ней социальности авторов биографических «Признаний», опубликованных в Латвии в 1923-1924 годах? Какое восприятие войны демонстрируют эти тексты? Анализ опубликованных автобиографий обнаруживает, что война не предстаёт целостным, системным, многогранным явлением. На это указывают обозначения её и контекст упоминания:

- времена беженцев
- пять лет войны и беженцев
- война и революция
- мировая война, революция, беспорядки и разрушение как всего общества, так и личной жизни
- время войны и беженцев
- годы войны и революции
- эпоха беженцев
- времена войны, революции и оккупационной власти.

Отметим, что частотная замена «войны» «временем беженцев» или сопряжения этих двух номинаций указывает на сужено-локальный, одномерный способ мировидения и поведения, диктующего оказывать активную посильную помощь лишь своим – латышам, что подтверждается также и отсутствием в опубликованных автобиографиях каких-либо фактов сотрудничества с немцами. Фиксирование же отдельных явлений, перечисление в одном ряду, соединённом союзом «и» разрывает внутреннюю связь между войной и революцией, и оккупацией, и «волной беженцев», которые предстают как отдельные параллельные или сменяющие друг друга «события». Подобная конструкция фраз, номинирующих войну, обнажает и формирует упрощённое, «выпрямленное» представление о войне, сводимой лишь к вооружённым действиям. Так неявно, но реально выпячивается техническая сторона войны и предаётся забвению – социальная. Война в таких упоминаниях утрачивает многогранный антропологически-социальный характер и оказывается лишь внешними рамками существования людей, не затрагивая глубоко их внутреннего мира, за редчайшими исключениями. Например, Я. Акуратерс, пошедший добровольцем в латышские стрелковые полки и участвовавший в боях, признал: «пережитое в рождественские дни на поле боя в Тирельских болотах сильно изменило мои взгляды на значение человека и сделало более безразличным ко всему идеализму» [4, с. 183]. Или Ю. Вецзолс, который отметил, что «... военные обстоятельства пробудили во мне ту идеологию, которая захватывала меня в раннем детстве (pirmtā bērnībā) и которую совершенно забыл. Я отбросил план утопического романа об образовании Европейского союза государств и обратился к первоначальному, к более исконному, первозданному [4, с. 133]. Тем не менее, чаще всего война упоминается в связи с нарушением налаженной жизни, планов, утратой сделанного (написанного), перемещением на «чужбину» – в Петроград, Москву. Война в содержательно скудных описаниях, в автобиографиях латышских писателей предстаёт как то, что меняет внешние обстоятельства жизни, при этом очень мало влияя на само содержание, наполнение этой жизни.

При этом представители старшего поколения, в котором формирующуюся интеллигенцию составляли учителя, продолжали работать на учительской ниве в новых для себя местах, осознавая больший, чем прежде, масштаб этой работы. Так М. Каузитес (1848 г. р.) вспоминает, что «... работал [в Вец-Пиебалге] в своё удовольствие как над статьками, так и над другими школьными предметами до времени великой войны, когда на время переселился жить в Петроград. Но и там не остался без работы в школе, т.к. дирекцией женской гимназии, вывезенной из Риги, был мило приглашён в качестве преподавателя латышского языка и литературы на 1916/1917 учебный год, что и делал с истинной радостью... Там получил возможность работать в значительно большем объёме, чем раньше в основной школе» [2, с. 120].

Второе же поколение сосредоточилось на оказании помощи латышам – беженцам, что позволило ему лучше ознакомиться с «внутренней» Россией, русскими и что, в конечном итоге, вело к ещё более глубокому очуждению русских и отчуждению от России. Как, например, пишет Т. Леяс-Круминьш (1871 г. р.): «О наблюдениях и приключениях в России, о русском народе, о котором знал до этого по идеализируемым книгам, о латышах-беженцах на чужбине и их судьбах, хороших и низких элементах писать здесь нет ни времени, ни места. Страдали все, многие не выдержали, сломались, стали нищими ... И всё-таки несмотря на все трудности – эти годы чужбины были в моей жизни самым большим приключением. Получил возможность (*vaigu vaigā*) «щекой к щеке» познакомиться с Россией, её жизнью, людьми и обычаями, видеть большие города и на тысячи вёрст растянувшиеся избушки посёлки. Специально моим районом деятельности были окрестности Волги от Тверской губернии до Костромы и Кинешмы. Что только не было прочитано в этой огромной азбуке!» [3, с. 74].

Отчуждение страны, частью которой ко времени войны была территория будущей Латвии, отчуждение от государства сказалось, например, в нежелании нести военную службу и радости по поводу неучастия в ней. Так, Ю. Петерсонс (1880 г. р.) сообщает, что «во время войны, работая в беженском комитете, счастливо избегал военной службы и после времени большевиков завёл маленькую типографию, которая за эти годы сильно выросла» [4, с. 47].

Нарастающее отчуждение вылилось во возвращаемое третьим, молодым поколением латышских писателей, активно занявшихся публицистикой, зерна идеи независимости Латвийского государства (см. *Atziņas*, III, с. 101-104. – Л. Лайценс), отнюдь не единодушно принятой современниками. Представителям третьего поколения, чьи автобиографии составляют третью часть рассматриваемых «Признаний» (*Atziņa* – суждение, выводы, откровения), пришлось непосредственно участвовать в боях, находиться в военных подразделениях, в том числе и в латышских батальонах, служба в которых способствовала политико-идеологическому размежеванию самих латышей-стрелков. Так, П. Эрманис (1893 г. р.) в отличие от многих (его текст по политической окраске единственен) рассказывает подробным образом о пережитом и соотносит увиденное друг с другом, подвергая анализу и делая выводы. Он повествует следующее: «... В апреле 1916 года приехал в латышские батальоны. Режим, конечно, и здесь был безжалостным и суровым, офицеры и унтер-офицеры временами ругались злее, чем русские (кажется, известное «трехэтажное» русское выражение латыши использовали больше, чем сами русские) и когда слышу чрезмерное восхваление этих батальонов, мне всегда хочется кое-что дополнить. Поэтому понял ненависть революционных стрелков по отношению к офицерам и многие явления 1917 года... Ненавижу каждое проявление бесчеловечности и грубого насилия, всё равно совершается ли оно во имя милитаризма, коммунизма или чего-то другого [4, с. 361-362]. Подобный текст по откровенности, человечности, аналитичности, т.е. по выраженной в ней социальности является единственным.

Отношение к войне писателей всех трёх поколений объединяет суженная призма своего – частного, эгоистичного, семейного, этнонационального круга, которая не позволяет увидеть других и другое, лежащее за пределами этого круга. Подобный ракурс видения «циклопического события» – мировой войны свидетельствует о достаточно высокой степени асоциальности, причём, нарастающей во время войны, которая характерна для авторов автобиографий и транслируется ими читательской аудитории. В силу относительной редкости упоминания войны, характера упоминаний, содержательной скудости описания война предстаёт в рассматриваемых текстах в значительной мере «фигурой умолчания», не допускающей её историзацию и ограничивающей социальность людей как переживших её непосредственно, так и их потомков.

Однако следует заметить, что и признаков мифологизации войны в данных текстах нет. Они скорее демонстрируют состояние замирания, некоторой подавленности, приостановки творческого дыхания, вызванного не только непояснённой смыслом бывшего, но и жизненными реалиями настоящего, что вычитывается иногда прямо, а иногда между строк опубликованных автобиографий латышских писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. Москва: «Мартин», 2010. – 521 с.
2. *Atziņas: Latvju rakstnieku autobiogrāfijas. Pirmā daļa. Cēsis-Rīgā: O. Zēpes apg., 1923, 323 lpp.*
3. *Atziņas: Latvju rakstnieku autobiogrāfijas. Otrā daļa. Cēsis-Rīgā: O. Zēpes apg., 1924, 411 lpp.*
4. *Atziņas: Latvju rakstnieku autobiogrāfijas. Trešā daļa. Cēsis-Rīgā: O. Zēpes apg., 1924, 429 lpp.*
5. *Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. [Michigānā]: Eavew Printing, 1975 (1939), 560 lpp.*

ПРЕЗЕНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1930-х ГОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Румянцева М.Ф. (г. Москва, Россия)

Смысл предлагаемых историографических размышлений в анализе, – а может быть и в развенчании, – мифа, весьма устойчивого на постсоветском пространстве: советская историческая наука отличалась от западной / европейской своей идеологизацией. Радикальный вариант этого мифа: в СССР исторической науки не было, а была только идеология, с дальнейшим «естественным» выводом о том, что в так называемой постсоветской историографии существовала настоятельная необходимость избавления от идеологизации, причем, преимущественно, путем заимствования научных подходов исключительно из западной историографии.

Конечно, нет смысла отрицать идеологизированность советской исторической науки, но если мы посмотрим на эту проблему в контексте **презентизма**, то с высокой вероятностью обнаружим, что в своей идеологизированности советская наука как раз попадала в общий тренд западной историографии.

Очевидно, в кратком эссе у меня есть возможность лишь обозначить основные подходы / контексты рассмотрения проблемы идеологизации / презентизма. Объяснение феномена презентизма в мировой историографии, на мой взгляд, следует искать, в первую очередь, в смене типов рациональности / моделей науки, начиная с рубежа XIX–XX вв., и становлении и развитии неклассической науки на протяжении большей части XX в., причем 1930-е годы – своего рода реперная точка на этом пути: с одной стороны, оформление презентизма (особенно в его американском и советском вариантах), с другой стороны, становление новой научной истории, справедливо связываемое с возникновением т.н. Школы «Анналов и ее «боями за историю» (напомню, что так называется сборник программных статей одного из основателей журнала «Анналы» Люсьена Февра).

Смысл неклассической модели науки в осознании воздействия наблюдателя / исследователя на полученный научный результат. И хотя неклассическая модель науки была порождена проблемами физики микромира, наиболее радикально она не могла не проявиться в историческом познании.

Приведу пару абсолютно классических примеров осмысления этой новой ситуации в историографии. Л. Февр в статье «Коллективные исследования и будущее науки» (1936) писал: «Наука <...> разрабатывается людьми, неразрывно связанными со своей средой и своей эпохой <...> Наука не есть государство в государстве. Она неотделима от социальной среды, в которой разрабатывается. Она испытывает давление, нажим со стороны всевозможных обстоятельств, затрудняющих ее развитие» [7, с. 49]. Не имея возможности провести здесь полноценный анализ дискурса, не могу не отметить, что у Февра проскальзывает отношение к давлению социальной среды как к помехе, а не как к имманентному свойству исторического (и всякого другого) познания. А. Тойнби, приступая к своему фундаментальному труду «A Study of History» (1934–1961), утверждает: «В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места» [6, с. 14].

Естественно, что неклассическая модель исторической науки не могла не породить презентизм. Но историки радикально расходятся в понимании того, что такое презентизм, и соответственно в его оценке. Выбрав в качестве основной схемы интерпретации феномена презентизма смену моделей науки – от классической к неклассической, рискну предположить, что отрицательно оценивают презентизм историки, «застывшие» в классической модели науки. И эта позиция не столь уж редкая, о чем свидетельствует определение презентизма, которое дает Википедия – замечательный источник для суждения о массовом (в том числе и о массовом научном) сознании: «Презентизм (англ. present – настоящее время) – направление в методологии истории XX века (особенно в США в 20–40-х годах), которое рассматривает историческую науку **не как отражение объективных, имевших место в прошлом явлений** [sic! – М.Р.], а лишь как выражение идеологических отношений современности. Таким образом, презентизм отвергает возможность объективной исторической истины» (со ссылкой на: Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2) [3]. Фактически Википедия сводит презентизм к идеологии, причем расценивая ее как отрицательное явление, противоречащее «объективному» научному знанию.

С другой (рискну утверждать, прямо противоположной) стороны, мы видим явно расширительное толкование презентизма в реализованном Институтом всеобщей истории терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» (1-е изд. 2014). Автор соответствующей статьи И.С. Менщиков определяет презентизм и как «неизбежное в процессе исторического познания представление прошлого в адекватных нашему времени образах и понятиях», и как «восприятие исторического времени с позиции настоящего, распространение настоящего на прошлое», и, наконец, как «направление в историографии и теории истории, оформившееся в 1920–1940-х гг., прежде всего в США», представители которого исходили из того, что «история всегда оценивает и анализирует прошлое с позиции сегодняшнего дня, **считали необходимым подчинять прошлое настоящему** [выделено мной – М.Р.]» [5, с. 391–392]. Очевидно, что практически все перечисленное автором, за исключением выделенных мной последних слов, относится к имманентным характеристикам исторического знания в его неклассической модели.

Наиболее взвешенный, на мой взгляд, подход к определению презентизма мы обнаруживаем в статье И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «О пользе и вреде презентизма в историографии» (2005): «презентизм – это попытка осмыслить сложность исторического времени, в котором прошлая социальная реальность не может быть объективно “реконструирована”, а может только конструироваться заново. В рамках презентизма, в противоположность позитивистскому подходу, история рассматривается не как познание объективной прошлой реальности, а как мысленная картина прошлого, создаваемая в настоящем и тем самым становящаяся частью этого настоящего» [4, с. 65]. Примечательно, что авторы начинают свои размышления о презентизме с утверждения: «Осознание роли настоящего в репрезентациях прошлого произошло в Новое время в связи с появлением разных и прямо-таки противоборствующих версий истории» [4, с. 63].

Предтеча презентизма Б. Кроче еще в 1912-1913 гг. утверждал: «...по здоровом размышлении, свершившуюся историю, что именуется (или должна именоваться) “несовременной”, историей “прошлого”, если, конечно, это в подлинном смысле история, а не переливание из пустого в порожнее, тоже можно без оговорок назвать современной <...> Современная история возникает непосредственно из жизни, отсюда же происходит и несовременная история, ибо очевидно, что лишь интерес к настоящему способен подвинуть нас на исследование фактов минувшего: они входят в нынешнюю жизнь и откликаются на нынешние, а не былые интересы» [1, с. 9].

Маркировав интеллектуальное пространство определения / оценки презентизма, обратимся к классику презентизма Чарльзу Бирду (Charles Austin Beard, 1874-1946), к его программной речи «История как акт веры» (Written History as an Act of Faith, 1933), прочитанной при вступлении в должность президента Американской Исторической ассоциации. Отталкиваясь от мысли Б. Кроче «история – современная мысль о прошлом», Ч. Бирд утверждает: «...история как мышление, а не как действительность, летопись или специальное знание в действительности подразумевается, когда термин история используется в его самом широком и общем значении». И далее: «Хотя это определение истории может показаться на первый взгляд огорчительным для тех, кто легкомысленно писал о “науке истории”, “научном методе” в историческом исследовании и конструировании, на самом деле оно соответствует самой глубокой современной мысли об истории, представленной, например, Кроче, Рицлером, Карлом Мангеймом, Мюллер-Армаком и Хейсси. Это согласуется также с очевидным и обыденным. Разве не говорили в течение столетия или более, что каждый историк, пишущий историю, является продуктом своего времени и что его труд отражает дух времени, нации, расы, группы, класса или группы?» [8].

Обозначив подходы презентизма, обратимся к высказываниям историка, олицетворявшего советскую историческую науку в годы расцвета презентизма. М.Н. Покровский, рассуждая о возможности обращения к фактам, установленным в предшествующей историографии, пишет: «Эту ошибку совершают многие товарищи, очень авторитетные <...> “Это, – говорят, – факты, такие факты были”. А между тем, дорогие товарищи, это вовсе не факты. Это идеология, т.е. отражение фактов – я не знаю, как сказать – в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью». И разъясняет: «Что такое идеология? Это есть отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом интересов классовых <...> И в этом смысле всякое историческое произведение есть прежде всего образчик известной идеологии» [2, с. 10]. Мы видим, что М.Н. Покровский, как и другие представители неклассической науки, рассматривает «идеологичность» как имманентную характеристику исторического знания, тогда как идеология в ее привычном смысле имеет обыкновение настаивать на своей «объективности» как единственно «верного» «отражения» объективной реальности.

Как уже было отмечено, новая научная история / Школа «Анналов», хотя и декларирует борьбу, в первую очередь, с позитивизмом, но в перспективе противостоит и презентизму, осуществляя поиск научных подходов к историческому прошлому, по преимуществу, в предметном поле исторической антропологии. Историческая наука в СССР предлагает свой вариант ответа на вызовы презентизма: параллельно с расцветом Школы М.Н. Покровского укрепляет свои позиции источниковедение, концептуально исходящее из русской версии неокантианства. Институционально это подход оформляется в концепцию созданного в 1930 г. Института архивоведения, вскоре переименованного в Историко-архивный институт. По иронии судьбы, Историко-архивному институту было присвоено имя М.Н. Покровского, которое, кажется, так с него и не сняли до сих пор...

ЛИТЕРАТУРА

1. Кроче, Б. Теория историографии // Кроче, Б. Теория и история историографии / Бенедетто Кроче ; пер. с ит. И. М. Заславской. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 9-81.
2. Покровский, М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Покровский, М. Н. Историческая наука и борьба классов : (историографические очерки, критические статьи и заметки). – М. ; Л. : Государственное Социально-экономическое издательство, 1933. – Вып. I.
3. Презентизм // Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC_\(%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC_(%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F)), свободный. – Дата доступа: 13.07.2019.
4. Савельева, И. М. О пользе и вреде презентизма в историографии / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания : [сб. ст. памяти проф. М. А. Барга] / [отв. ред. Л. П. Репина]. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 63-88.
5. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквион, 2016. – 543 с.
6. Тойнби, А. Дж. Постигание истории : сборник : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.

7. Февр, Л. Коллективные исследования и будущее науки // Февр, Л. Бои за историю / Люсьен Февр ; пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова. – М. : Наука, 1991. – С. 48-53.
8. Beard, Ch. A. Written History as an Act of Faith / Charles A. Beard // American Historical Association. – [Электронный ресурс] – Электрон. дан, cop 2018.–Режим доступа : <https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/presidential-addresses/charles-a-beard>, свободный. – Дата доступа: 13.07.2019.

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: ПАРАЛЛЕЛИЗМ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПСИХОЛОГИИ – МЕЖКУЛЬТУРНАЯ МЕТА-КОММУНИКАЦИЯ

Душкина М.Р. (г. Москва, Россия)

На рубеже 19-го и 20-го веков, на фоне протекания множества глобальных процессов, оказавших впоследствии влияние на судьбы всего человечества, в мире происходили события иного масштаба и значимости. Так, усиленными темпами шла институционализация психологии как самостоятельной научной дисциплины – возникали самые первые специализированные заведения, расширялось ее преподавание в университетах, начала появляться специальная научная пресса и создаваться первичные профессиональные объединения психологов. Активно развивается экспериментальная психология, юридическая психология и другие ее отрасли, возникают лаборатории, институты и научные издания по разным профилям, появляется множество трудов основоположников новых научных направлений в области психологии – и эти процессы идут параллельно в разных странах, России, Германии, Италии, Франции, США [3; 7].

Вообще, психология – как наука, которая возникла на стыке целого ряда дисциплин, от педагогики, философии, медицины и биологии, до юриспруденции и права, изначально была обречена на трансдисциплинарный характер. И это сочетание самых разных областей научного знания и практического опыта – во многом предопределило дальнейшие пути и направления ее развития во многих странах. Интересно, что развитие это, в России и в Германии, сопровождалось символическим параллелизмом, имеющим глубокие корни, а взаимное влияние было непосредственным и весьма существенным.

Социокультурный и политический контекст развития психологии в России и Германии в первой половине 20-го в. Параллелизм был объективно обусловлен глобальными мировыми катаклизмами, повлекшими за собой слом системы сразу в двух мощнейших континентальных империях Европы, России и Германии. Революционные события, последовавшие за Первой мировой войной, привели к образованию новых государств – Советской и Веймарской республики. При всем их несходстве, по формальным критериям они обе были созданы социалистами: социал-демократами в одном случае и большевиками-коммунистами – в другом, причем оба новых режима прямо продекларировали разрыв с предшествующим государственным строем.

Таким образом, как Россия, так и Германия исторически были вынуждены играть роль государств, проигравших большую войну, оказавшись в положении внезапно исключенных из тесного круга великих европейских держав. Далее – довоенная общая граница, была ликвидирована Версальской системой, конституировавшей отторжение западных областей у России и восточных у Германии, а между двумя бывшими соседками возникли новые сообщества небольших стран, по понятным причинам настроенных по отношению к ним обеим весьма недружественно. Таким образом, объективно причин для начала сближения двух новых государств с массой черт сходства – было вполне достаточно [2].

Отсюда становится понятно, что, например, имевшее место активное политическое и военное сотрудничество двух стран в период с 20-х и вплоть до 1941-го года, о котором в последнее время вышло немало работ после длительного периода замалчивания его факта – являлось по сути своей производной и свидетельством схожести представлений элит России и Германии на геополитическую картину современного им мира. Сближение и сотрудничество предопределялось – и сложной внутривнутриполитической обстановкой, как в России, так и в Германии, и спецификой их проблемного внешнеполитического положения. Об истории становления Веймарской республики существует обширная литература, с одним из крупнейших специалистов в этом вопросе В. А. Космачем [5]. Некоторые российские исследователи последних лет взялись за глубокое изучение детерминант этого сотрудничества, называя в их числе – социально-политическую и экономическую обстановку в двух странах, в совокупности с геополитическим контекстом [4].

Академические коммуникации и взаимовлияние работ российских и немецких психологов. О научных связях российских ученых, эмигрировавших из страны в 20-е годы прошлого века в Германию, мы будем говорить дальше, сейчас же стоит упомянуть о взаимосвязи немецкой и российской психологии вне этого контекста, приведя хотя бы один пример подхватывания и развития идей и теорий, из множества имеющихся. Так, немецкий психолог Нарцисс Каспар Ах (1871 -1946), представитель Вюрцбургской школы, в работе «О волевой деятельности и мышлении» обосновал существование у испытуемого «преднастройки» на выполнение задачи, назвав ее «детерминирующей тенденцией» и, в экспериментах с использованием метода систематической интроспекции, показал, что

процесс мышления определяется поставленной перед испытуемым задачей, а именно – в мышлении имеется т.н. детерминирующая тенденция, которая управляет возникновением ассоциаций [7; 8].

Блестящая идея "детерминирующих тенденций", согласно которой мышление определяется установкой, порождаемой задачей, которую решает субъект, немало поспособствовала развитию исследований мышления именно как процесса решения задач и оказала серьезное влияние на разработку Д. Н. Узнадзе теории установки. Также Н. Ах стал автором методики формирования искусственных понятий, которая затем в модифицированном виде использовалась Л. С. Выготским и Л. С. Сахаровым в исследованиях формирования понятий в школе, например, широко известный «метод двойной стимуляции» [1]. Этот метод позволил исследовать использование знаков в качестве средств направления своих мыслительных операций, а также зависимости специфики протекания процесса образования понятий от способа словоупотребления. Данный вариант с тех пор известен как «Методика Выготского-Сахарова», а при ее разработке использована идея «поискового метода» Н. Аха, который впоследствии применялся также при изучении опосредствованных процессов внимания и памяти другими выдающимися российскими учеными, такими, как А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьев.

Такого рода примеров, свидетельствующих о тесной взаимосвязи течения и развития научной мысли немецких и российских ученых-психологов, ставших впоследствии классиками мировой психологии, можно привести множество.

Исторически обусловленные межкультурные мета-коммуникации российской и немецкой психологии. Есть еще один любопытный нюанс, который нельзя не отметить, связанный с эмиграцией из постреволюционной России целого ряда ученых, как маститых, так и начинающих, не принявших тогда новую власть в силу разных причин. Исследователи этого периода истории российской психологии выделяют две группы стран, принявших наших ученых – «транзиты» и «резиденции». Первые, где эмигранты проживали недолго, сделав остановку на пути конечной миграции, фактически предоставляли им лишь стартовую возможность освоить европейскую научную инфраструктуру и получить местное образование.

Именно там российские ученые-эмигранты повышали квалификацию, расширяя научный кругозор, инициировали первые проекты, завязывали новые связи в научном сообществе, приносили в него свои профессиональные знания и достижения. Так, Германия оказалась одной из главных транзитных стран для российских эмигрантов: более одной трети выявленных исследователями ученых психологов в тот период провели в ней по несколько лет, перед тем, как отправиться далее.

Этот факт был обусловлен несколькими обстоятельствами: прежде всего, тем, что Германия всегда являлась своеобразным притягательным маяком для российского студенчества. Лейпцигский университет, где, например, жил и работал основатель экспериментальной психологии В. Вундт, традиционно, а особенно, в начале XX в., был одним из основных европейских центров подготовки российских ученых-психологов. Несколько позже, примерно в 1920-е годы, эстафету перехватил Берлинский, где обучались многие российские студенты психологи, позже отправившиеся в эмиграцию в Америку. Как известно, знаменитый «философский пароход», на котором отправились в эмиграцию некоторые российские ученые, в том числе, те, что стали потом в иных странах основоположниками новых научных направлений, тоже взял курс именно на Германию. Но, как мы знаем, мало кто из эмигрантов задержался там надолго, «русская» волна схлынула, отправившись дальше уже в 30-е годы и, в конечном итоге, немецкая эмиграция оказалась для российских ученых сугубо транзитной, обусловленность чего была связана с нарастающей неопределенностью политической ситуации в Германии в данный период [6].

Как известно, именно в 20-м веке впервые, потеснив, а то и отодвинув в сторону экономическую, политическую, культурную элиту, на авансцену мировой истории вышли самые широкие народные массы. Тогда же возникло массовое общество и массовое сознание, а, как производные их, начали зарождаться и массовые общественно-политические организации и создаваться СМИ. Эти последние, все шире и глубже влияющие на это совершенное новое по качеству общество, создавали свои стереотипы и мифы, становившиеся частью массового сознания.

Как следствие этих глобальных процессов, качественно новое значение получило изначально присущее человеческому обществу разделение на оппозиции: «свой/чужой», «мы/они». Многочисленные и масштабные войны и политические конфликты 20-го в., как и последующее неизбежное преодоление этих конфликтов, было тесно взаимосвязано с возникновением и модификацией в массовом сознании в ту или иную сторону позитивных и негативных образов других стран и народов.

Две страны, тесно связанные между собой исторически, Россия и Германия, оказались основными участниками катаклизмов, понеся самые существенные материальные и человеческие потери в двух глобальных мировых войнах. В долгие годы Холодной войны и конфликта двух систем, СССР и ФРГ выступали в качестве идеологических противников и только после окончания между Востоком и Западом в сознании россиян и немцев постепенно стали исчезать негативные и враждебные образы друг друга. Это безусловно позитивный факт, поскольку, как мы видели на исторических примерах тесной взаимосвязи и взаимодействия двух стран, мета-коммуникации в самых разных областях, в частности, научной, академической, между ними никогда не прерывались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С., Сахаров Л. С. Исследование образования понятий: методика двойной стимуляции // Хрестоматия по общей психологии. Выпуск III. Субъект познания. М., 1998

2. Галечко И. И. Представления немцев Веймарской республики о Советской России 1919-1933 гг. // авторефер. на соискание уч. степ. канд. истор. наук. Владивосток, 2002.
3. Ждан А. Н. История психологии. От Античности до наших дней // Учебник для вузов. М.: Академический Проект, 2004.
4. Кантор Ю. З. Военно-политические отношения Советской России и Германии 1921-1939 гг. // автореф. диссертации на соискание уч. степ. докт. истор. наук. СПб, 2006.
5. Космач В. А. Веймарская республика в Германии: страницы истории (1918/1919-1933 гг.). // Т.1: Рождение и становление республики (1918/1919-1923 гг.). Псков, 2016.
6. Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю. История российского научного зарубежья и психологическое сообщество // Методология и история психологии. 2011. № 1. С. 92–109
7. Ярошевский М.Г. История психологии. Гл.12. М., 1966
8. Über die Willenstätigkeit und das Denken, Gött., 1905; Über die Begriffsbildung, Bamberg, 1921; Über die Determinationspsychologie, L., 1933; Analyse des Willens, B., 1935.

СОЗДАНИЕ КРАСНОЙ КНИГИ ПРИРОДЫ И НООСФЕРЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА, ДЕТЕРМИНИРОВАННОЙ ГЕРМАНСКИМ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМОМ

Сабодина Е.П., Мельников Ю.С. (г. Москва, Россия)

Актуальность исследования заключается в том, что в условиях современного исторического и цивилизационного вызова, брошенного России и всему миру, в условиях необходимости предотвращения неофашистского реванша в XXI веке в историческом бытии народов показана необходимость использовать достижения российской фундаментальной науки, в том числе, идеи В.И.Вернадского, В.В.Докучаева, Е.Д.Никитина.

Целью исследования является выявление цивилизационного значения создания Комплексных Красных книг природы и ноосферы в свете преодоления тенденции исторического процесса, детерминированной германским национал – социализмом.

Материал и методы. Материалом исследования является ряд исторических источников и фактов, раскрывающих естественнонаучные основания формирования ноосферы. Методы исследования: историко-цивилизационный, структурно-функциональный и метод системного подхода.

Результаты и обсуждение: выявлена необходимость глубокого изучения и анализа современных цивилизационных исторических процессов, показана необходимость создания наряду с Красными книгами защиты природы Красной книги природы и ноосферы.

Как можно определить тенденцию исторического развития, детерминированную германским национал-социализмом первой половины XX века? Прекратила ли своё существование эта тенденция к началу XXI? Что может быть противопоставлено этой тенденции в современном мире? Вниманию уважаемого читателя предлагаются краткие тезисные ответы на поставленные вопросы.

Первый вопрос напрямую адресуется к природе фашизма. В 1963 году американский социальный психолог Стенли Милгрэм провёл ряд экспериментов, в которых нашёл убедительные доказательства присутствия детерминант, порождающих ничем не ограниченное насилие у представителей множества народов и стран мира [3, с.179 – 181]. Таким образом, посредством вышеуказанных экспериментов наука сделала ещё один шаг в направлении поиска глубинных и глобальных корней несчастья, постигшего немецкий народ в первой половине XX века. Итальянский режиссёр Лилиана Кавани в 1962 году представила на итальянском телевидении фильм «История Третьего рейха». Работая над фильмом, Кавани и её коллеги были потрясены фактическим материалом о злодеяниях фашистов. «Художники XVIII века, пытавшиеся изобразить ад, были просто наивны, поняли мы. Произошёл безусловный прогресс в деле жестокости...» – сообщает о своих выводах Кавани [4]. Автор монографии «Информационно-психологическая война» А. Е. Кудинова не согласна с окончательными выводами Кавани, не согласна с идеей Кавани о преобладании в человеческой природе злого начала [3, с.182]. Истоки этого несогласия восходят как к опыту народа-победителя во второй мировой войне, разгромившего фашизм, так и к фундаментальным достижениям российской науки и истории. Одним из важнейших вышеназванных достижений в контексте проблематики нашей конференции является учение В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере. В. И. Вернадский показывает особенности космического влияния на процессы существования жизни на планете: «...появление и образование в нашей планете живой материи есть явным образом явление космического характера, и это чрезвычайно ярко проявляется в отсутствии абиогенеза, т. е. в том, что в течение всей геологической истории живой организм происходит из живого же организма, все организмы генетически связаны и нигде мы не видим, чтобы солнечный луч мог захватываться и солнечная энергия превращаться в химическую вне ранее существовавшего живого организма» [1, с. 101]. Таким образом, научная мысль В.И.Вернадского раскрывает космический характер происходящих планетарных процессов, включая био и ноосферные этапы развития планеты. Преобразование вещества и энергии геосфер, изменения в целом химиче-

ского состава планеты неизбежны и закономерны в связи с закономерностью и неизбежностью наступления ноосферного этапа в развитии Земли. Мощь антропогенных изменений в первую очередь обусловлена особой способностью человечества использовать геохимическую энергию живого вещества биосферы [2, с.177]. Другое наименование этой энергии – пассионарность. Историк Л. Н. Гумилев подчеркивает, что хотя эта энергия недостаточно исследована технически с помощью приборов, тем не менее, в ее существовании убеждается каждый на собственном опыте. Данный вид энергии обладает индукцией. Анализируя энергетическое поле пассионарности Л. Н. Гумилев приходит к выводу, что «...этнос есть явление природы. ... Это та реальная форма жизни, при которой только и в состоянии существовать вид *Homo sapiens*. ... этносы способны адаптироваться в разных ландшафтах, способны приспосабливать к себе окружающую среду... – вот это и есть качество той энергии живого вещества биосферы, которое проявляется в эффекте пассионарности. Эта энергия дает нам сопричастность всей природе Земли. Мы уже не являемся оторванными от нее, как какой – ни будь росток, мы уже чувствуем, что не имеем права бороться с природой, а должны в ней жить и быть с ней сопричастны» [2, с.180]. Почва, окружающий ландшафт, одарившие людей энергией пассионарности рождающей этнос и его историю. Этнос, впитавший эту энергию по принципу обратной связи, изменяет свой образ жизни, а значит, и лик Земли. Этнос, или народ есть источник и следствие планетарно – космического развития, прямой участник той эволюции, ноосферный этап которой гениально предвидят русские философы – космисты. Смысл ноосферного этапа в гармонизации отношений между природой и человеком, в осмыслении и налаживании связей между ними и участии Земли в исполнении общекосмической симфонии, содержание и предназначение которой будут осознаны людьми в процессе развития ноосферного этапа планетарной эволюции. Данный процесс не есть некое нематериальное мистическое явление, а есть конкретный материальный геохимический процесс, в котором геологический масштаб преобразования вещества и энергии геосфер обусловлен самой природой, материальной энергией пассионарности, а также источником и овеянным материальным результатом деятельности объединенных в этносы людей. Подчеркнем, что под пассионарностью следует понимать энергию, но не ее направленность. Вектор пассионарности может быть направлен не только на созидание, но и на разрушение, при чём, нередко до полной аннигиляции. Данный феномен в работах историка Л. Н. Гумилева получил наименование антисистемы. Мы же в контексте проблематики нашей работы вправе соединить понятие антисистемы с процессами, детерминированными германским национал-социализмом первой половины XX века. Надо сказать, что в отличие от других высших животных «человек не только поддерживает вмещающие его ландшафты, но иногда наносит им непоправимый ущерб, превращая их в бросовые, мертвые земли. Делает он это во вред самому себе как виду, ибо лишает свое потомство средств к существованию» [2, с.180]. Германский национал-социализм показал, что люди способны уничтожить не только природу, но и самих себя, оставив пустыню ландшафта концлагерей и городского ландшафта, населённого остатками ожесточённого и обезумевшего народа. Противоположный детерминированному национал-социализму вектор пассионарности позитивно направлен и стремится к формированию гармонии ноосферы, общему планетарному развитию и процветанию. В контексте нашей проблематики возникает настоятельная необходимость осознанного создания условий как для сохранения и развития природы, так и для сохранения и развития планетарной цивилизации, становления и осуществления ноосферного этапа развития планеты. Особая роль в осуществлении вышеуказанного процесса принадлежит Краснокнижному движению. О значении Красных книг природы известно достаточно давно, и уже определилась их роль в сохранении биосферы. О необходимости создания Красной книги ноосферы было указано сравнительно недавно в трудах Лауреата Государственной премии РФ, д.ф.н, д.б.н. Никитина Е.Д. и его единомышленников [5,6,7,8 и др].

Процесс формирования ноосферы невозможен без особой защиты и охраны, созданных человечеством культурных ценностей, защиты и охраны гуманизма как такового которым негативные процессы, детерминированные германским национал-социализмом, наносят, и уже нанесли нередко непоправимый ущерб, в том числе в условиях современной социо-культурной реальности [9]. Поэтому создание Красных книг ноосферы и постановка на особую, т.е. государственную охрану гуманизма и культурных ценностей может обеспечить защиту человечества как такового силами государственного принуждения. Таким образом появляется возможность поставить закон на службу ноосферному этапу развития Земли и тем самым предотвратить продолжение тенденции исторического процесса, детерминированной германским национал-социализмом первой половины XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. 2008. – 572 с.
2. Л. Н. Гумилев Струна истории. М.2008. 607 с.
3. Кудинова А.Е. Информационно-психологическая война Москва, 2013, 361с.
4. Мы жертвы или палачи. Интервью с Лилианой Каваи. Сайт Информационный канал [Subscribe.ru](http://subscribe.ru/archive/home.woman.rea/201003/29015218.html)<http://subscribe.ru/archive/home.woman.rea/201003/29015218.html>
5. Никитин Е.Д., Щеглов Д.И., Никитина О.Г., Сабодина Е.П. О создании Комплексной Красной книги природных и природно-культурных объектов // В журн. Вестник Воронежского государственного университета 2007, №2, с.75-78.
6. Никитин Е.Д., Сабодина Е.П., Скворцова Е.Б. Комплексная Красная книга и ее значение дл СНГ. // Вестник Исык-Кульского университета, 2011, т.1, №30, с. 93-95.

7. Сабодина Е.П., Мельников Ю.С. К вопросу о необходимости завершения цикла краснокнижных и близких к ним научно-философских работ по особой охране почв на примере научной и экспозиционной деятельности отдела «Природная зональность и почвообразование» МЗ МГУ им. М.В.Ломоносова // В сб. II Международная научно-практическая конференция. Новое слово в науке: стратегия развития. Чебоксары, 2017, с.12-14
8. Сабодина Е.П., Никитин Е.Д., Шоба С.А. «Экодвижения и охрана почв и биосферы» (монография), М. 2016, 268с.
9. Сабодина Е.П. Научное и философское наследие Ю.К.Ефремова, Г.В. Добровольского, Е.Д.Никитина в условиях современной социо-культурной реальности. // в журнале: *Osterreichisches Multiscience Journal*, т.1 № 17, с. 23 – 35.

СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКСКИХ И РОССИЙСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ – ОДНА ИЗ СТОРОН РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В УЗБЕКИСТАНЕ (По материалам личных фондов ЦГА РУз)

Иофе В.Г., Хасанова О.У. (Узбекистан)

Братское сотрудничество в Узбекистане писателей, художников, журналистов и музыкантов, артистов и архитекторов разных национальностей всегда было одним из неотъемлемых элементов процветания на узбекской земле духовной культуры и искусства, развития и взаимопонимания разных культур, стремления к сотрудничеству и взаимопониманию. Богатый материал в этом плане дают такие источники как личные фонды архивов, в том числе богатейшее хранилище интересных архивных материалы – Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. В числе хранящихся в нем материалов и то, что, к сожалению, ещё относительно мало используется исследователями – это личные фонды архива.

Личные фонды архив даже в теоретическом плане ещё не стали объектом детального изучения, хотя и были интересные отдельные статьи, посвященные их формированию и значению [2]. Очень немного их по личным фондам архивов Узбекистана [1]. А ведь эти фонды рассказывают о многих интересных страницах истории, в том числе многолетнего сотрудничества деятелей культуры- архитекторов и художников, писателей и музыкантов, артистов и другими представителей духовной жизни в Узбекистане. В который большую лепту в тесном сотрудничестве внесли работавшие на земле Узбекистана люди разных национальностей, разных обычаев и религий, но объединенных одним – работой на благо процветания и развития Узбекистана.

Вот лишь несколько примеров. БЕТГЕР ЕВГЕНИЙ КАРЛОВИЧ (1887–1956 гг.) – библиограф и ориенталист, один из создателей знаменитого “Туркестанского сборника”. Документальные материалы личного фонда Е.К. Бетгера были переданы в 1963 году Государственной публичной библиотекой Узбекистана имени Алишера Навои в отдел личных фондов ЦГА Узбекистана [3].

Личный фонд Бетгера включает вырезки из газет и журналов, части журналов, газеты, книги и записи на восточных языках, газетные вырезки на иностранных языках, сборники с вырезанными статьями и заметками из газет и журналов, незначительное количество писем, служебные материалы, обзор, указатели статей и другие документальные материалы, характеризующие историю Средней Азии, Туркестана, России и других стран. Документальные материалы Е.К. Бетгера включены в опись № 1 фонда, которая включает 566 единиц хранения. В разделе “Служебная деятельность” собраны материалы, характеризующие Е.К.Бетгера как сотрудника Государственной публичной библиотеки УзССР имени А. Навои: здесь и запросы читателей и письма-отношения различных организаций и т.д. Специфичность личного фонда Бетгера позволяет исследователям глубже познакомиться с историей Туркестанского края, в т.ч. с работой русских и зарубежных исследователей Туркестана также остановиться на первоисточниках, созданных ученым-библиографом, ориенталистом Е. Бетгером. Значительный интерес в фонде представляют статьи и заметки И. Тимаева, также затрагивающие вопросы истории развития и жизни в Туркестанском крае [3]. В архиве-и ряд других личных фондов библиографов. Надо заметить, что в ЦГА РУз хранятся и фонды ряда известных архивистов Узбекистана [5].

Другой интересный личный фонд – Василия Лавентьевича Вяткина (1869–1932) [4], основателя Самаркандского музея и его директора в течение многих лет. Именно он первым начал раскопки восточного средневекового города. В книге “Афрасиаб, городище былого Самарканда” (1927) подвёл итоги длительному изучению античных и средневековых “древностей” этого мирового культурного центра, он же, кстати, открыл в ходе раскопок астрономическую обсерваторию Улугбека 15 в. близ Самарканда, которая по техническому совершенству превосходила все древние и средневековые обсерватории того времени. Много материалов в фонде посвящены архитектуре Самарканда 14–17 вв. Среди материалов фонда: рукописи к лекциям по истории Средней Азии, отражающие историю памятников архитектурного зодчества Средней Азии; черновые наброски по истории Средней Азии периода IX–XII вв.; различные черновые наброски, характеризующие особенность архитектурных памятников г. Самарканда VIII и IX в.; черновые наброски и материалы по описанию среднеазиатских архитектурных памятников старины IX–XI вв.; рукопись «Самаркандские древности»; «Некоторые монетные клады последнего времени, найденные в Узбекистане»; описание зданий в группе Шахи-Зиндав Самарканде; и многие другие)

Яркий пример сотрудничества культур в сочетании с ярчайшим мастерством, основанном на глубоких исторических традициях узбекских мастеров декоративно-прикладного искусства представляет собой фонд Усто Ширина – Усто Ширина Мурадова (1879–1957), Заслуженного деятеля культуры Узбекистана. Усто Ширин родился в 1879 году в г. Бухаре. Отец Мурадова, Усто Мурод и дед, Усто Носир, были одними из лучших резчиков по ганчу Бухары. Усто Ширин в 14 лет остался сиротой, потом пошёл учиться ремеслу резьбы по ганчу у своего дяди – знаменитого гончара Усто Хаста. Однако известность приобрёл участвуя в отделке знаменитого летнего дворца Бухарского эмира в Кармана, где активно сотрудничал с русскими архитекторами и узбекскими мастерами.. Отделка «Белого зала» летней резиденции Ситораи Мохи Хоса – яркое свидетельство высокого совершенства и Позднее в 20–40-е гг. власти он участвовал в отделке клубов, административных зданий, в реставрации памятников культуры и архитектуры. Ему принадлежат выдающиеся работы в Палатах Половцева в Ташкенте (ныне старая часть Музея декоративно-прикладного искусства Узбекистана). В 1938 году Усто Ширин работал над отделкой ганчем павильонов народного хозяйства Узбекистана и Туркменистана на ВДНХ (тогда ВСХВ) в Москве. Такие объекты, как Ташкентские куранты, построенные в 40-е годы, прежнее здание Исполнительного комитета Ташкентского областного совета (настоящее время Рукописный фонд АН РУз и Молодежный театр), Республиканский узбекский театр музыкальной драмы и комедии им. Мукими, клуб «Шарк» и работы по ганчу в других зданиях показывает, какого большого искусства и высокого мастерства достиг Усто Ширин за годы своей творческой работы. В 1943 году знаменитый резчик был удостоен звания «Заслуженный деятель культуры Узбекистана» и одновременно был избран Почётным членом Академии Наук Узбекистана. Одним из шедевров творчества Усто Ширина является создание им «Бухарского зала» в ГАБТ им. А. Навои, построенного по проекту выдающегося российского архитектора академика А.В. Щусева. В архиве хранятся многие интересные документы – творческие материалы Усто Ширина; биографические материалы; переписка; Письма самого Усто Ширина и письма к нему и многое другое. И рядом с фондом Усто Ширина – фонды и других крупных народных художников-узбеков и русских. внесших большой вклад в декоративно-прикладное искусство Узбекистана, например, фонд Усто Мумина и др [5] Есть в ЦГА РУз и фонд выдающегося архитектора А.В. Щусева, автора проектов многих известных сооружений в разных городах мира. Среди его работ есть и связанные с Узбекистаном, например, тот самый Казанский вокзал, на который прибывают поезда из Ташкента, идущие в Москву, конечно, ставшее в своем роде одним из символов столицы Узбекистана – Ташкента – замечательное здание Государственного Академического театра (оперы и балета) имени Алишера Навои [6]. Есть среди личных фондов ЦГА РУз и личные фонды других архитекторов [7] .

Среди личных фондов ЦГА РУз – и фонд Л.Л. Бурэ, Заслуженного деятеля искусств Узбекистана, вложившего много сил в развитие искусства в республике, и ряд других фондов заслуженных людей в истории искусства и культуры в Узбекистане [8]. Пожалуй, особенно широко среди фондов личного происхождения представлены фонды видных художников и искусствоведов, многие годы трудившихся на земле Узбекистана [9]. Немало среди личных фондов ЦГА РУз и фондов артистов [10].

Среди личных фондов ЦГА РУз – фонд выдающегося композитора и просветителя Юнуса Раджаби [5].

А заключение хочется отметить, что личные фонды ЦГА РУз отражают и многонациональный состав писателей, журналистов, литературоведов Узбекистана, известных часто и за его пределами [11]

Даже этот небольшой обзор показывает, как много интересных личных материалов крупных деятелей культуры хранится на полках УЦГА РУз и какой ещё малоиспользованный пласт богатого фактического материала здесь ещё ждет своих исследователей. И нельзя не подчеркнуть, что в личных фондах – богатые материалы по истории взаимсотрудничества и взаимовлияния русской и узбекской культуры, много интересного про историю деятельности русских и русскоязычных писателей и деятелей искусства в Узбекистане.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА РУз ф. Р-2275 М.Н. Вулконского(Волконского)-фонд одного из основателей русского драматического театра в Ташкенте); материалы за 1922-1930 гг., 43 ед.хр.; ф.Р-2298 семейный фонд народных артистов А.М.Шестакова и Е.Л.Лениной з .45 ед.хр.;а также фонды Р-2605-народной артистки Лютфижанум Сарымсаковой , за 1923-1980 гг., 4 8 ед.хр.; Р-2705 семейных фонд М . и Ф. Харратовых- заслуженных артистов Узбекистана .материалы за 1926-1972 гг., 17 ед.хр.; Р-2867 –народного артиста Узбекистана (и кинорежиссера) А.З.Кабулова за 1968-2001 гг..1–ед.хр...
2. В том числе и русских писателей, работавших в Узбекистане -например ,таких как- например, фонд Р-2663 писателя Олега Сидельникова (О.В.Сидельникова) материалы за 1957-1972 гг. ; 20 ед.хр.;ф.2466 писателя и переводчика В.А.Липко за 1936-1976 гг.; 17 ед.хр; ф. р-2555 поэта и писательницы В.П. Васильевой-Бату за 1921-1983 гг.. 652 ед.хр.; ф. Р-2672 писателя А.А.Удалова за 1933-1992 гг.; 150 ед.хр.; Р-2577-собираательницы фольклора С.Л.Абрамовой за 1935-1955 гг.. 16 ед.хр.;ф.Р-2657-журналиста С.Н.Нестеровича, за 1960-1977 гг., 70 ед.хр.;ф. Р-2659 писателя и поэта М.К.Гребенюка за 1949-1985,87 ед.хр.; ф. Р-2770 писательницы, участницы войны с фашизмом Т.С.Горбштейн за 1921-1985 гг.341 ед.хр; ф.Р- 2814 писателя и журналиста Б.Я.Боксера, также участника войны с фашизмом, материалы за 1941-1990 гг.,156 ед.хр.;ф.Р-2403 писательницы Анны Алмаатинской (А.В.Алмаатинской)за 1901-1973 гг.; 684 ед.хр.;ф. Р-2846 – Заслуженного корреспондента культуры Узбекистана, в свое время- корреспондента тогдашнего Всесоюзного радио по Узбекистану Д.Н.Протопопова материалы за 1920-1971 гг. 20 ед.хр.; ф. Р-2893 Народного писателя Узбекистана М.И.Шеввердина -73ед.хр.- этифонды хранятся вы ЦГА вместе с узбекскими писателями ,совместно с которыми они работали в большой и благородном деле духовности и просвещения такими ф.2666-Самига Абдукаххара . Большой фонд хранится в ЦГА РУз (Р-2658) писателя Джонрида Абдуллаханова за 1949-1979 гг. 89 ед.хр).; надо отметить

акже фонды кинорежиссера и сценариста, журналиста, искусствоведа и фоторепортера Файзуллы Ходжаева (ф. Р-2939, за 1940-1996 гг., 169 ед.хр.), критика-литературоведа Рахмата Маджиди- Заслуженного работника культуры Узбекистана (ф.Р-2785 за 1922-1983 гг., 68 ед.хр.) ;С.Шамсиевой (журналистки)-ф. Р-2854 (за 1917-1997 гг.. 93 ед.хр.); филолога ,доктора наук Г.А.Джахангирова (ф.2960 за 1907-1994 гг. ,307 ед.хр.) ,поэта и музыковеда Уткир Ярмухамедова (ф. Р-2871 за76 ед.хр.) ; народного писателя Узбекистана Хакима Назира (ф. Р-2889 , 25 ед.хр.) и народного писателя Узбекистана Назира Сафарова (ф.2902, 363 ед.хр.)

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Краско Г.Г., Богомаз О.В. (г. Минск, Беларусь)

В современном мире информация и информационные технологий являются действенным средством манипулирования общественным сознанием. Как отмечает заместитель государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь В. Ю. Арчаков, дестабилизация отношений между социальными группами, общественными объединениями, партиями, движениями провоцирует конфликты, разжигает недоверие [1, с. 3]. Формы и методы информационно-психологического воздействия широко используются для реализации различных сценариев дестабилизации обстановки в конкретных странах и регионах, инспирирования протестных настроений в обществе. Представляется, что содержание этой деятельности в наибольшей степени изменилось на протяжении последних десятилетий, в том числе и под влиянием спецслужб. В частности, в сформировавшееся к началу Второй мировой войны разведывательное сообщество Третьего рейха, которое являлось одним из важнейших инструментов внешней политики нацистской Германии, входило несколько структур, в том числе и невоенных, например, иностранный отдел министерства пропаганды [2, с. 40, 44; 3, с. 5]. Содержание пропагандистской работы корректировалось в зависимости от изменения обстановки и по своей сути может рассматриваться как элемент информационного противоборства. Так, с апреля 1944 г. министерство пропаганды Германии приступило к реализации очередного этапа информационной войны против СССР, предпринимая попытки скомпрометировать Советский Союз в глазах его союзников и нейтральных государств, в рамках широкомасштабной акции по поводу «советских методов злодеяний и террора» на освобожденных Красной Армией от нацистов территориях [4, с. 28–29]. Пропаганда Геббельса добилась серьезных результатов: прихода Красной Армии население боялось порою даже больше смерти.

Вторая мировая война является важным этапом в жизни мирового сообщества. После ее окончания во внутри- и внешнеполитической деятельности государств стали активно использоваться возможности национальных спецслужб. Разведывательные и контрразведывательные органы ведущих мировых держав прошли в первые послевоенные годы стадию глубокой реорганизации и оказались втянутыми в борьбу между новыми мировыми лидерами – СССР и США. Во внешнеполитической деятельности западных стран отчетливо проявилась тенденция к использованию сил и средств своих спецслужб для оказания влияния на внутриполитическую обстановку в СССР.

По мнению авторов, масштабы проводимой иностранными спецслужбами работы, ее деструктивный характер наиболее показательно проявились в их информационном противоборстве. К его активизации между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции привели различия между их идеологическими установками и рост напряженности во взаимоотношениях. Специальные службы иностранных государств и подконтрольные им организации практически сразу после окончания войны активизировали работу по совершенствованию методик информационно-психологического воздействия, форм и методов информационно-пропагандистской работы, практики деструктивного информационного воздействия и целенаправленного информационного давления на граждан и государственные институты Советского Союза и его союзников. Например, после окончания войны начал распространяться миф, периодически поддерживаемый и сейчас (как правило, накануне 9 мая), о том, что советские солдаты массово насиловали немок. Эту тему активно взяли в оборот уже в начале XXI века. В 2002 году в своей книге «Падение Берлина» британский историк Э. Бивор привел данные об изнасиловании советскими солдатами 2 миллионов немок [5, с. 529 – 531]. Однако выводы автора основываются на документе одной из клиник Берлина о рождении в 1945–1946 гг. 32 младенцев, отцами которых были указаны русские. А дальше он просто модернизировал и экстраполировал на всю Восточную Германию формулу Геббельса (чем больше ложь, тем быстрее в нее поверят) – «все женщины от 8 до 80 лет были подвергнуты многочисленным изнасилованиям». С точки зрения закономерностей человеческого восприятия для описанного примера характерны «эффект авторитета» и «эффект повторения». Эффект авторитета заключается в следующем: сила внушающего воздействия на людей прямо пропорциональна авторитету источника информации. Таким образом, популярный в западной Европе историк Э. Бивор собственными публикациями и высказываниями, дискредитирующими советских солдат, с одной стороны – оказывает информационно-психологическое воздействие на западноевропейское население, а с другой – создает вокруг себя образ неза-
висимости, особой осведомленности и «объективности», ссылаясь на документы немецких медицинских учре-

ждений. В основу «эффекта повторения» положено многократное привлечение внимания населения (объектов информационного воздействия) с целью оказания влияния на подсознательную часть психики. Так, повторение информации об изнасилованных немецких женщинах в преддверии 9 мая путем воздействия на коллективное бессознательное обезценивает в глазах западноевропейского населения подвиг советской армии и ее роль в освобождении Европы от немецко-фашистских захватчиков.

В первые послевоенные годы у США и их союзников выбор вариантов информационно-психологического воздействия на своего главного противника – СССР – на его же территории был ограничен. В качестве наиболее доступных и эффективных методов информационного противоборства зарекомендовали себя распространение в социалистических странах специально подготовленных, в том числе с привлечением психологов печатных пропагандистских материалов и транслирование на их территорию радиопередач [6, с. 167–168].

Не останавливаясь на содержательных характеристиках информационно-психологического воздействия периода холодной войны, представляется необходимым акцентировать внимание на отдельных проблемных аспектах организации противодействия, в том числе советских органов государственной безопасности, вызовам и угрозам, связанным с деструктивным информационным воздействием. По мнению авторов, эффективность противодействия зависела от избранной парадигмы безопасности. Так, в Советском Союзе система обеспечения безопасности страны была построена на модели парадигмы защищенности – основу обеспечения безопасности составляла борьба с угрозами.

Вместе с тем такой подход приводил к появлению специфических акцентов в организации и деятельности уполномоченных государственных институтов, в том числе и деятельности органов государственной безопасности, направленной на выявление, предупреждение и пресечение негативного информационного воздействия. Во-первых, во главу угла всей деятельности ведомства ставилась идея безопасности, что приводило к ее отождествлению с жизнедеятельностью. Во-вторых, парадигма защищенности априори базируется на борьбе с реальными и потенциальными угрозами, что фактически приводит к зависимости от них состояния собственной системы обеспечения безопасности в целом и ее отдельных элементов в частности [7].

На постсоветском пространстве долгое время по инерции сохранялась эта ставшая традиционной модель обеспечения безопасности, в том числе в информационной сфере. Однако с учетом современного развития обстановки и глобальной информатизации на протяжении последних лет все более четко ощущается необходимость пересмотра сложившихся подходов. Один из таких вариантов заключается в смещении акцентов в деятельности по обеспечению безопасности с парадигмы защищенности на парадигму развития, которая базируется на развитии собственных сил и средств.

Другой подход заключается в синкретизме двух названных парадигм безопасности – защищенности и развития («безопасность через развитие»). Его суть заключается в том, что обеспечение безопасности все в большей степени осуществляется через развитие и все в меньшей – через защиту. По мнению авторов, такой подход позволяет без коренных ломок системы эволюционным путем прийти к необходимым изменениям в организации и деятельности по обеспечению национальной безопасности на современном этапе, в том числе с учетом имеющегося опыта по защите от внутренних и внешних реальных и потенциальных угроз. Кроме того, это соответствует решению одной из основных задач субъектов обеспечения национальной безопасности в области информационного противоборства – прогнозированию, выявлению и оценке вызовов и характера угрожающих факторов применения средств и методов информационного противоборства [8, с. 66–77].

Таким образом, сегодня обеспечение информационной безопасности в целом и деструктивного информационно-психологического воздействия в частности – глобальная проблема современности. Стремительно развивающиеся информационные технологии в значительной мере обеспечивают реализацию потребностей и интересов общества, отдельных социальных групп, конкретных граждан, формируя их мировоззрение. Уязвимыми перед внешним информационным воздействием и целенаправленным информационным давлением, наносящим ущерб национальным интересам, становятся целые государства. С учетом исторического опыта в современных условиях глобальной цифровой трансформации деятельность субъектов системы обеспечения национальной безопасности по обеспечению информационной безопасности должна быть направлена как на сбор информации о методиках, информационных технологиях, реализацию мер по защите населения от применения средств и методов информационно-психологического воздействия, организацию информационного противодействия и защиту собственной инфраструктуры, так и на постоянное совершенствование собственных механизмов выявления таких угроз, создание системы своевременного реагирования на информационные атаки, разработку и совершенствование нормативной базы в области информационной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арчаков, В.Ю. В глобальном и региональном масштабе. О понимании проблемы информационного терроризма / В.Ю. Арчаков *Беларуская думка*. – 2018. – № 3. – С. 3–10.
2. Кикнадзе, В. Г. Спецслужбы Германии в ходе подготовки агрессии против СССР: организация, состав, задачи / В. Г. Кикнадзе // *Военно-исторический журнал*. – 2016. – № 5. – С. 40–45.
3. Чув, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга I / С. Г. Чув. – СПб. : Издательский Дом «Нева» ; М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. – 383 с.

4. Алленов, С. Г. «Имперский министр доктор Геббельс желает, чтобы по всей Европе безотлагательно была запущена широкая пропагандистская акция...». Указания нацистского Министерства пропаганды по проведению кампании по поводу «советских методов злодеяний и террора» (апрель 1944 г.) / С. Г. Алленов, В. А. Алленова // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 4. – С. 27–32.
5. Бивор, Э. Падение Берлина. 1945. / пер. с англ. Ю.Ф. Михайлова. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2004. – 622 с.
6. Краско, Г. Г. Основные направления деятельности спецслужб и организаций иностранных государств по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в СССР (1945–1954 гг.) / Г. Г. Краско // Псковский военно-исторический вестник. – 2016. – Вып. № 2. – С. 166–171.
7. Информационная безопасность через информационное развитие – современная концепция деятельности по обеспечению информационной безопасности региона [Электронный ресурс] // www.userdocs.ru. – Режим доступа: <http://www.userdocs.ru/informatika/19440/index.html?page=5>. – Дата доступа: 13.03.2019.
8. Национальная безопасность Республики Беларусь : учеб. пособие / А. И. Тиханский [и др.] ; под. ред. В. Г. Шумилова. – Минск : Воен. академия Респ. Беларусь, 2013. – 284 с.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Булавка О.А. (г. Витебск, Беларусь)

Формирование и поступательное развитие информационного общества, информатизация качественно меняют многие социальные институты, участвующие в этих процессах. Среди них – средства массовой информации, которые, являясь каналом передачи огромного количества информации, выполняют ряд важнейших функций, стимулирующих мировой прогресс. Однако глубокое проникновение в общество процессов глобализации привели к появлению в медийной среде умышленно искаженной информации, преподносимой как новостной. Такое явление в научной литературе используется под различными терминами: «фейковые новости», «фальшивые новости», «информационные вбросы», «медиафейк». В качестве примера публичного опровержения появляющихся в медиапространстве фейков приведем содержащиеся недостоверные данные об участии России в событиях на международной арене. На официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации внедрены разделы «Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России», «Опровержение», где отражена реакция государственного органа на информационные вбросы в виде размещения в данных разделах скриншотов фейковых новостей с соответствующей отметкой [5].

29 марта 2019 г. в России вступил в силу закон о блокировке фейковых новостей [7], который вводит запрет на распространение в информационно-телекоммуникационных сетях недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений. Это создает угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка или общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. Нарушение данных требований влечет наложение штрафных санкций вплоть до 1,5 млн. российских рублей.

Повышению уровня культуры в сетевом общении призвано Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания» [3], вступившее в силу с 1 декабря 2018 г. Данный документ устанавливает предварительную идентификацию владельцем интернет-ресурса, сетевого издания пользователя при регистрации учетной записи путем заключения пользовательского соглашения. В нем должно содержаться предупреждение о недопустимости размещения пользователем сообщений, материалов, содержащих информацию, запрещенную законодательством к распространению. Такая мера, по нашему убеждению, позволяет дисциплинировать участников сетевого общения и более ответственно подходить к размещению той или иной информации.

В числе деструктивных форм, связанных с процессами информатизации, отметим проникновение в общество идей экстремизма и терроризма, нагнетающих панику, страх в социуме. Поиск распространителями таких разрушительных идеологий новых способов воздействия за счет стремительного расширения коммуникационных площадок, в том числе посредством Интернета, ставит остро вопрос по обеспечению противодействия данному явлению современности.

Исследователь Е.П. Прохоров считает рациональным подход по рассмотрению природы СМИ и информационной безопасности как источников массово-информационной безопасности за счет оснащения социума информационными ресурсами и ограждения от деструктивной информации [4, с. 21].

Предпосылками к совершению противоправных действий в определенной степени могут служить преимущественно электронные СМИ, в программах либо фильмах которых содержатся сцены откровенных и жестоких насильственных действий в отношении людей со стороны террористов. Нередко такие кадры ретранслируются в сети Интернет, что накладывает отпечаток в сознании людей в виду создания напряженной ситуации в обществе и определенных угроз жизни. Количество каналов, по которым распространяется такая информация,

постоянно растет, в том числе за счет частой смены доменных имен, и, соответственно, открытию новых сетевых площадок. Особую озабоченность вызывают интернет-ресурсы, где размещены сведения о способах изготовления взрывчатых веществ, взрывных устройств. Наибольшей опасности и риску подвергнута молодежь как основная категория потребителей информации в виртуальном пространстве. Цель приверженцев экстремистской и террористической идеологии – предложить переосмысление существования, упорядочить окружение, определить границы добра и зла.

Правовые и организационные основы противодействия экстремизму в целях защиты прав, свобод и законных интересов личности, конституционного строя и территориальной целостности, обеспечения безопасности общества и государства определены в Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» [1]. В развитие данного НПА во всех областях созданы экспертные комиссии по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма. Оценка экспертной комиссии служит весомой доказательственной базой в судах. По принятии судебного акта обвинительного характера, как правило, интернет-ресурсы или материалы пополняют республиканский список экстремистских материалов, которые размещены в одноименном разделе на официальном сайте Министерства информации Республики Беларусь [6]. Однако, как нам видится, действующий правовой механизм не до конца совершенен, в первую очередь за счет того, что длительная процедура рассмотрения экстремистского материала не позволяет оперативно ограничить доступ с целью недопущения тиражирования противоправной информации по другим каналам и предотвратить новые преступления.

Отметим, что владелец интернет-ресурса, владелец сетевого издания, доступ к которым в установленном порядке ограничен республиканским органом государственного управления в сфере массовой информации, в случае устранения нарушений законодательства вправе подать в его адрес заявление о возобновлении доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию. Основания для отказа в возобновлении доступа – неустранение нарушений законодательства, послуживших основанием для принятия решения об ограничении доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию; наличие иных нарушений законодательства, являющихся основанием для принятия решения об ограничении доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию (ст. 51²)[2].

Примером новых технических решений правоохранительных органов с целью борьбы с проявлениями экстремизма может служить внедрение Следственным комитетом Российской Федерации доступа к системе мониторинга и прогнозирования противоправных действий на основе информации из социальных сетей, блогов и СМИ. Программистами разработана система, способная анализировать и обрабатывать сообщения пользователей данных интернет-площадок.

В связи с ростом количества экстремистской информационной продукции нам видится подход по внедрению более тщательного контроля за информационными потоками со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, несовершенство национальной законодательной базы в части отсутствия единого координирующего органа, который бы осуществлял совместно с заинтересованными структурами мониторинг информационного пространства на предмет нарушения законодательства в части распространения деструктивной информации в сети Интернет с использованием специальных технологических средств, требует особого внимания со стороны белорусского законодателя. Разработка моделей угроз информационной безопасности и способов их преодоления, а также определение контуров оперативного ограничения доступа к вредоносной информации для предотвращения преступных и террористических акций, защиты частной жизни человека сформируют четкое противостояние деструктивной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии экстремизму: Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З: в редакции от 20 апреля 2016 г. № 358-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] /Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.
2. О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З: в редакции от 17 июля 2018 г. № 128-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] /Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.
3. Об утверждении Положения о порядке идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 ноября 2018 г. № 850 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.
4. Прохоров, Е.П. Обеспечение информационной безопасности в деятельности СМИ / Е.П. Прохоров. – Москва: РИП-Холдинг, 2009. – 90 с.
5. Публикации и опровержения // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/publikacii-i-oproverzenia>. – Дата доступа: 17.05.2019.
6. Республиканский список экстремистских материалов // Сайт Министерства информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/>. – Дата доступа: 02.05.2019.
7. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180022?index=3&rangeSize=1>. – Дата доступа: 22.05.2019.

ГЕРОЙ-МАРГИНАЛ В РОМАНЕ М. ХЭДДОНА «ЗАГАДОЧНОЕ НОЧНОЕ УБИЙСТВО СОБАКИ»

Половцев Д.О., Монастырская Д.М. (г. Минск, Беларусь)

«Загадочное ночное убийство собаки» (“The Curious Incident of the Dog in the Night-Time”, 2003) – роман современного британского писателя и сценариста Марка Хэддона (Mark Haddon, р. 1962). Настоящий роман является его самым известным произведением, за которое в 2003 г. он получил Уитбредовскую премию, а также Премию содружества писателей за лучший первый роман.

Главный герой произведения – Кристофер Джон Френсис Бун, от лица которого и ведется повествование, может быть причислен к героям-маргиналам. Особенности поведения подростка подводят читателя к мысли, что у Кристофера синдром Аспергера, однако, прямого упоминания об этом в книге нет. Кристофер посещает специальную школу для «особых» детей и испытывает трудности в общении с другими людьми как своей возрастной группы, так и старше.

Однажды герой увидел, что на газоне перед домом его соседки миссис Ширс лежит убитая кем-то собака и начал собственное расследование. В ходе «опроса свидетелей» Кристофер случайно узнает важную вещь, но не о собаке, а о своей семье. Оказалось, что его мама не умерла, хотя отец долгое время ему лгал. Мама жива и здорова, три года назад она уехала со своим любовником, бывшим мужем миссис Ширс, в Лондон и теперь живет там. И Кристофер, который никогда раньше самостоятельно не бывал дальше магазина в конце улицы, решается на опасное путешествие, так как тот факт, что отец сказал ему неправду и скрывал письма матери, не дает ему покоя и не позволяет остаться дома.

Кристофер не очень эмоционален, что само по себе вполне нормально, но уже на первой странице романа мы наблюдаем ситуацию, когда Кристофер сперва детально описал, что видел перед собой – мертвую собаку соседки по кличке Веллингтон, – а затем погладил ее. Это событие наталкивает на мысль, что герой имеет некоторые трудности в эмоциональном развитии, и он сам подтверждает это в следующей главе: «Я попросил Шивон нарисовать побольше таких лиц и подписать рядом с каждым, что оно значит. Я носил эти бумажки с собой и доставал, когда не понимал, что именно человек имеет в виду» [1, р. 2]. В этом отрывке речь идет о трудностях Кристофера с определением человеческих эмоций и способе, который он пытался применить, чтобы их преодолеть.

Также Кристофер испытывает дискомфорт, когда не понимает причину того или иного события или действия: «Я не люблю, когда люди на меня кричат. От этого мне становится страшно, что они могут меня ударить или дотронуться до меня, и я не знаю, что произойдет» [1, р. 4]. Он не понимает, зачем его соседка накричала на него, велела отойти от мертвой собаки, так как весьма скудное воображение подростка не позволяет ему взглянуть на картину с ее точки зрения или представить себя на ее месте. Именно из-за того, что герой не способен представить то, что не происходило на самом деле, речь в его «детективе» идет о реально произошедшей с ним истории. Книга напоминает личный дневник Кристофера, в котором он рассказывает не только о главной сюжетной линии – своем расследовании убийства Веллингтона, но и прочих событиях своей жизни.

Кроме того, Кристофер не переносит, когда на него выливается слишком большой поток информации, например, когда ему задают несколько вопросов подряд: «Я откатился на газон и снова прижался лбом к земле, а затем издал звук, который мой отец называет стенанием. Я издаю этот звук, когда из внешнего мира поступает слишком много информации» [1, р. 8]. Связано это с тем, что герой не способен воспринимать информацию поверхностно, отбирая лишь самое важное, так как ему кажется важной каждая деталь. Кристофер тщательно взвешивает свои слова, в то время как другие не всегда дают ему необходимое время на эти раздумья. Люди привыкли к быстрому общению: быстрым вопросами и таким же быстрым ответам, и они ожидают того же от каждого члена общества, включая и Кристофера. Ему же это дается тяжело и чаще всего, когда требуется немедленный ответ, он отвечает односложно, что нередко вызывает раздражение или же непонимание его собеседника.

Groaning – звук, который периодически издает Кристофер, что на русский язык переводится как «стенания» – это защитная реакция организма подростка. Такое происходит, когда он расстроен или же ему кажется, что остальной мир на него «напирает». Этот постоянный, монотонный звук «стенаний» помогает Кристоферу отвлекаться от собственных мыслей и происходящего вокруг: «Наверху тоже было очень много людей, и я начал стелать, чтобы заглушить шум. Но это не помогло» [1, р. 180].

В представлении Кристофера мир делится на черное и белое, таким образом, например, слова отца о том, что незнакомый человек может навредить ему или оказаться маньяком, Кристофер воспринимает без исключений, так как в его видении мира исключений нет, то есть любой незнакомец опасен. Кристофер не может даже принять помощь от незнакомого человека, когда нуждается в ней: «Леди опустилась на одно колено и спросила: – Могу ли я тебе чем-то помочь? И если бы она была учительницей из нашей школы, я бы спросил: – “Где Уиллзден, Лондон NW2 5NG?” Но леди была чужой, поэтому я сказал: – Отойдите подальше от меня, – потому что мне не нравилось, что она стоит так близко. И еще я добавил: – У меня есть нож, а в нем лезвие-пила, и им можно отрезать чьи-нибудь пальцы» [1, р. 226].

Отсутствие эмоциональной памяти приводит к тому, что ложь отца, который годами ухаживал за Кристофером и оказывал ему всестороннюю поддержку, сразу же делает его плохим и опасным человеком в глазах сына, ведь те, кто лгут, по определению не могут быть порядочными людьми, по мнению Кристофера. Ему не приходит в голову все хорошее, что сделал для него отец, так как вся забота была для Кристофера чем-то совершенно естественным, принимаемым как данность, и в какой-то степени можно назвать ее обязанностью его отца.

Для Кристофера даже прием пищи сопровождается с трудностями, так как он отказывается есть что-либо, если разные виды пищи соприкасаются на тарелке, а также он не притрагивается к еде и другим предметам желтого или коричневого цвета: «Я не люблю желтые и коричневые вещи и отказываюсь до них дотрагиваться» [1, р. 59]. Этому сложно найти разумное объяснение, однако, мы можем сказать, что неприязнь к смешиванию продуктов на тарелке происходит из неприятия Кристофером путаницы в общем.

Кристофер чувствует себя комфортнее с животными, например, с собаками и собственной крысой, чем с другими людьми: «Я люблю собак. Всегда понятно, о чем думает собака. У нее есть четыре настроения: счастливое, грустное, сердитое и сосредоточенное» [1, р. 5]. Иногда Кристофер даже подражает животным, поведение которых считает в некоторых случаях более логичным, чем поведение людей, которые его окружают: «Все надписи словно кричали у меня в голове, и кто-то врзался в меня, когда проходил мимо, и я издал звук, похожий на собачий лай, чтобы его отпугнуть» [1, р. 190]. Кристоферу нравятся даже животные, которые вызвали бы отвращение у другого человека, например, грязные мыши на рельсах метро: «Там я увидел двух мышей, они были черного цвета, потому что они были покрыты грязью. Мне это понравилось, так как я люблю мышей и крыс» [1, р. 223]. При этом по отношению к животным у Кристофера хорошо развито чувство ответственности, так, например, перед тем как предпринять трудное путешествие в Лондон он пытался позаботиться о том, чтобы кто-то присмотрел за его питомцем – крысой Тоби. А когда он убежал от Кристофера в метро Лондона, подросток, не задумываясь, полез на рельсы, чтобы его достать.

Также Кристофер подвержен гаптофобии, что является фобией, навязчивым страхом, боязнью прикосновения окружающих людей. Эта фобия распространяется у Кристофера не только на незнакомых и малознакомых людей, как это обычно бывает, но и на его родных. Часто, когда люди хотят выразить приязнь или поддержку, они обнимают друг друга или похлопывают по плечу, фобия Кристофера делает все это невозможным. Для выражения особой привязанности, он позволяет отцу или матери, самым близким ему людям, прикоснуться к своей ладони: «И потом он поднял правую руку и растопырил пальцы, и я поднял левую руку и тоже растопырил пальцы, и мы соприкоснулись подушечками» [1, р. 109].

Также Кристофер подвержен и демофобии, это вызывает у него навязчивый, сильно выраженный страх толпы: «Помнишь, мы как-то ходили вместе за покупками в город? Мы зашли в магазин, и там было полно народу. Ты тогда испугался всех этих людей, а затем скорчился на полу, закрыл уши руками и мешал людям ходить. Я заметила, что ты обмочил штаны и очень разозлилась. Я пыталась увести тебя из магазина, но ты не давал мне до тебя дотронуться, просто лежал на полу, кричал и молотил руками и ногами» [1, р. 133]. В указанном выше отрывке события описываются от лица матери Кристофера, и мы видим, что для нее вся эта ситуация – это болезненное воспоминание, тогда как сам подросток не видит в своем поведении и своей реакции на большое скопление людей ничего необычного. Обычно демофобия связана с обостренным инстинктом самосохранения, ведь любая толпа представляет собой потенциальную опасность, однако Кристофер испытывает дискомфорт не по этой причине. Для него множество людей вокруг – это нескончаемый поток информации об окружающих, на которую он не способен не обращать внимания: «Я не люблю, когда рядом со мной так много людей, потому что они сильно шумят и ко мне в голову поступает слишком много информации одновременно, – от этого мне становится трудно думать. Словно кто-то кричит внутри моей головы. Так что я закрыл руками уши и начал тихо стелать» [1, р. 172].

Чтобы избавиться от страха и паники, вызванными постоянными перемещениями людей вокруг, Кристофер пытается сконцентрироваться на чем-то отвлеченном, например, мысленно решать математические задачи: «Я попытался подумать, что делать. Но думать не смог, потому что у меня в голове было слишком много других вещей. Так что я начал решать математическую задачу, чтобы немного прочистить мозги» [1, р. 181].

Таким образом, личность, которая не вписывается в социум, называют маргинальной. Маргиналы – это лица, социальные группы, которые находятся вне характерных для данного общества рамок социальных отношений, норм и традиций. В литературе о феномене маргинального героя заговорили особенно выражено в середине XX века, в эпоху постмодернизма, с появлением таких авторов как У. Берроуз, Х. Томпсон, Ж. Жене, Ч. Буковски и др. Однако писатели, чьи герои выходят за грань общественной морали, существовали всегда. Главный герой произведения «Загадочное ночное убийство собаки» М. Хэддона – Кристофер Бун – относится к героям-маргиналам. Такой вывод может быть сделан исходя из его неспособности к социализации, что является отличительным признаком маргиналов. У Кристофера – синдром Аспергера, из-за чего он испытывает проблемы в общении с окружающими. Синдром Аспергера – одно из пяти общих нарушений развития, характеризующееся серьезными трудностями в социальном взаимодействии. Также Кристофер страдает от многочисленных фобий, например, гаптофобией (боязнью прикосновений других людей), демофобией (страхом толпы) и др. Герой не способен понимать эмоции других людей и не очень хорошо определяет собственные. Иногда это приводит к тому, что Кристофер не может верно определить намерения человека или его настроение. Как и другие

люди с синдромом Аспергера, Кристофер склонен испытывать сильную привязанность к дому, в котором он вырос, к привычным предметам и окружающей обстановке. Однако подобной привязанности к людям, даже членам семьи у него нет. Большая часть проблем, с которыми сталкивается герой романа «Загадочное ночное убийство собаки» М. Хэддона, характерны для всех людей с синдромом Аспергера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Haddon, M. The Curious Incident of the Dog in the Night-Time / M. Haddon. – London, 2004. – 271 p.

КИТАЙСКО-ЗАПАДНЫЙ СИНТЕЗ В ЖИВОПИСИ: ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Чжэн Чао (г. Минск, Беларусь, Китай)

Модернизация и трансформация китайского изобразительного искусства началась в первой половине XX века – в исторический период стремительных радикальных изменений в китайском обществе. В начале XX века сообщество китайских художников в основном продолжало следовать образцу китайской живописи времён поздней династии Цин. В период формирования нового культурного движения на развитие китайской культуры оказала глубокое влияние тематика «спасение от гибели» и «просвещение». В китайских художественных кругах также началась дискуссия вокруг вопроса внешнего и внутреннего синтеза «традиций и западного влияния», а также о полномерном «реформировании» и «обновлении». В научных кругах существует мнение, что структура модернизации китайского изобразительного искусства на протяжении всего XX века включала в себя четыре варианта: «традиционализм», «синкретизм», «западничество» и «народничество». Отмечалось, что «они являлись как маршрутом развития искусства, так и компасом для творчества, а также обладали функцией социального действия и практическим эффектом в сочетании с «модернизмом» китайского изобразительного искусства» [1, с.123-125].

Устройство современной модели китайской живописи отличается от макромодеи китайского изобразительного искусства тем, что осуществляется в рамках двух основных направлений: «традиционализм» и «синкретизм». «Традиционализм» берёт за систему отсчёта западное искусство, сознательно отстаивая, выявляя и восстанавливая традиционные ценности, в надежде тем самым дистанцироваться от Запада. «Синкретизм», в свою очередь, выбирает определенные концепции и стилистические элементы западного искусства и прививает их к традиционной китайской живописи, а также преобразует эти западные факторы. Обе стратегии берут начало того, как привносится новое в развитие китайской живописи под влиянием западной живописи и философии.

1. «Традиционализм» и его представители. «Традиционализм» – это воссоздание традиционного классического следа в условиях новой эпохи, перенос древнего в настоящее, использование традиционной культуры Востока в качестве помощника в противостоянии Западу, стремление устранить проникновение и влияние западной живописи на китайскую живопись. Традиционалисты были преемниками древней традиции живописи художников-литераторов, изучали техники живописи времён династий Тан, Сун, Юань и Мин, а также при помощи нового сознания и подходов способствовали внутренней гибкости и трансформации китайской живописи. Они выступали за сохранение национальной культуры и развитие самых выдающихся традиций под ударами западной культуры. Чэнь Шицзэн своей статье «Ценность живописи художников-литераторов», опубликованной еще в 1921 году, объяснил важность этого явления с двух сторон. Во-первых, со стороны законов искусства. Он утверждал, что законы развития живописи, как в Китае, так и на Западе, переходят от погони за формой и многократного воспроизведения к акценту на субъективном представлении. Таким образом, несмотря на то, что западные картины были очень похожи между собой, с момента возникновения импрессионизма они начали отличаться друг от друга, т.к. основное внимание стало уделяться субъективному выражению, и лишь небольшое – объективному воспроизведению. Это указывает на то, что западные художники признали недостаточной исключительно стремление к внешнему сходству. В китайской же живописи, особенно в живописи художников-литераторов, практическое понимание и в этом направлении было более прогрессивным. Во-вторых, со стороны содержания искусства. Автор статьи считает, что суть искусства заключается в том, чтобы раскрывать умственную, духовную и эмоциональную природу человека, и художники-литераторы рисовали именно в таком ключе. Подлинная китайская живопись художников-литераторов должна включать четыре главных элемента: моральные качества, знания, таланты и мысли человека. Всё это – духовные требования к предмету художественного творчества [2, с.10]. Чэнь Шицзэн переосмыслил и истолковал ценность живописи художников-литераторов как важную веху в истории современного китайского искусства. После Первой мировой войны кризис западной культуры распространился по всей Европе и также передался Китаю. Художественное сообщество обратило внимание на национальный характер. В отличие от сторонников Запада, которые говорили: «Запад = прогресс, Китай = отставание», многие традиционалисты предлагали другой лозунг: «Запад

= материализм, Китай = духовность». Хуан Биньхун является одним из характерных представителей этого направления. В период слияния культур Китая и Запада он, с одной стороны, поддерживал идею исследования макромодели китайской живописи в китайско-западной сравнительной перспективе, а с другой стороны, тщательно изучал саморегуляцию в развитии собственно китайской живописи. Он считал, что между китайской и западной живописью имеются существенные различия. Западное искусство исключительно реалистично, а китайское искусство стремится к символичности. Реалисты обращают больше внимания на внешнюю сторону, символисты – на дух. Это и есть уникальный дух восточного искусства.

Столкнувшись с масштабной тенденцией к интеграции между Китаем и Западом, Пан Тяньшу изначально увидел положительную роль проникновения зарубежной культуры для развития национальной. Однако в своём отношении он очень чётко выступал за увеличение дистанции между китайской и западной живописью. Он плодотворно объяснял и развивал классические закономерности, используя простой технический язык и тонкие примеры. Кроме того, его внимание к способу использования кисти и к композиции, направленным на усиление эффекта и силы воздействия картины, было необходимо для того, чтобы обозначить дистанцию между стилем его картин и западной живописью в самой их сути, на уровне формального языка.

2. «Синкретизм» и его представители. В 1840 и 1857 годах, после двух поражений в Опиумных войнах, китайское сообщество начало процесс глубокого переосмысления собственных ценностей. Поскольку западное общество в то время вступало в период культурного, технологического и научного расцвета, то китайские приверженцы Движения по усвоению заморских дел и реформаторы выступали за использование западных научных и технических достижений для спасения Китая. Эта идея продолжала оказывать влияние на различные сферы китайского общества в течение всей первой половины XX века.

Таким образом, теория эволюции и научное мышление оказали глубокое влияние на китайское общество того времени и стали идеологической и теоретической основой «нового художественного движения» этого периода. Внедрение западной системы образования, акцент на интеграции и стремление к инновациям – еще один способ современной трансформации китайской живописи.

В китайском художественном сообществе непрерывно усиливается призыв к «реформированию национальной живописи». Так, Кан Ювэй предложил следующий путь к удержанию от упадка китайской национальной живописи: «Интеграция Китая и Запада создаст новую обстановку для развития китайского изобразительного искусства». «Художественная революция», предложенная Чэнь Дусю, стала продолжением идеи «подрыва феодальной традиционной культуры и спасения разлагающейся китайской культуры при помощи западной культуры». Например: «Невозможно не использовать реалистичный дух западной живописи для реформирования китайской национальной живописи» [3, с.86]. Таким образом, в первой половине 20-го века наиболее выразительно проявляются тенденции «синкретизма». Его представителями являются Линнаньская школа живописи, Сюй Бэйхун и Лин Фэнмянь, каждый из которых углубился в направлении реализма, экспрессионизма и постимпрессионизма, осуществляя, таким образом, поиски китайско-западной интеграции.

Первоначально известная как «эклектичная», Линнаньская школа живописи была самым ранним представителем «синкретизма» в современной трансформации китайской живописи. Основной стиль школы – это впитывание западной манеры живописи, уже усвоенной до этого в Японии. В композиции – акцент на чувстве пространства, в манере живописи – акцент на цвете и малое использование линий, в сюжетах – внимание к реальной жизни и новым, свежим интерциям: очень много общего с японской новой художественной школой.

Взгляды и действия Сюй Бэйхуна в отношении реформ в китайской живописи указали весьма конструктивный путь «китайско-западной интеграции» для последующего направления развития китайской национальной живописи. А именно – сочетание реализма западноевропейской школы и традиционной китайской техники изображений, состоящих из множества линий. Его отношение к традиционной живописи было следующим: «Хорошее должно быть сохранено, особенно хорошее – продолжено, плохое – исправлено, недостатки – восполнены, а затем – проведена интеграция в суть западной живописи» [4, с.3]. Он создал большое количество портретов на исторические темы, сочетая китайскую и западную манеры живописи. Фигуры, особенно открытые части тела, изображались с использованием реалистического подхода западноевропейской школы, в то время как в изображении складок одежды и силуэтов людей сохранялись линии из китайской техники «гунби» (тонкого письма). Наиболее удачно его метод слияния проявил себя в портретной живописи, выдающимся примером которой является «Портрет Тагора».

Использование западных концепций и методов реалистической живописи для преобразования вариантов китайской живописи соответствовало не только функциям и потребностям общества того времени, но и внутренним потребностям собственного развития китайской живописи. Цзян Чжаохэ был главным практиком синтеза западной реалистической живописи и китайской. Он одним из первых уже с 30-х гг. XX века, начал исследовать реалистичные стили портретной живописи тушью, которые отличались от традиционных изображений людей тушью. Глядя на визуальную структуру и технику картин, они пытались объединить точные контуры, участки и соотношения света и тени, присущие некоторым западным стилям живописи, с языком туши китайской национальной живописи, чтобы изобразить таким образом жизненную силу.

Стиль Линь Фэнмяня – это столкновение западного модернизма с китайским народным искусством. По его мнению, искусство – это продукт эмоций. Он больше размышлял о проблемах человечества, искусства и философии, чем о социальной реальности. Это направление, которое после войны с Японией получило маркер «искусство для искусства» и подверглось критике, также определило тот факт, что художественное движение, которое художник начал после возвращения домой, было крайне трудно развернуть в тех суровых реалиях. Концепция живописи Лин Фэнмэня близка к экспрессионизму в западном современном искусстве. Он уделяет особое внимание эстетике и креативности самой картины. В вопросе китайско-западного синтеза он фокусируется на изучении языка живописи: современным взглядом рассматривает китайскую медь, театр теней, вырезание из бумаги, настенную живопись, фарфор Цинхуа. В изобилии формальных факторов он ищет выразительные символы, изображая вместе с тем пейзажи в стиле Сезанна, фон в стиле Матисса и разложенные на части объекты в стиле Пикассо. «Его искусство не является беспринципным слиянием Китая и Запада: оно укоренено в почве национальных традиций и ориентировано на творческую трансформацию и развитие традиций китайской живописи, широко заимствованных в прошлом и настоящем [5, с.496].

После того как началась японская война, массовое искусство воодушевилось, борьба между Китаем и Западом ослабла, дискуссии по поводу обновления китайской живописи значительно изменились, начиная от содержания и заканчивая формой. Первостепенным встал вопрос «что рисовать». Вопрос «как рисовать», в соответствии с требованиями революционного реализма, в условиях критики западного абстрактного искусства, формализма и традиции китайской живописи художников-литераторов, получил направление на старательный поиск и развитие «национальных форм», которые бы пользовались популярностью среди народных масс. То есть, европеизированная китайская живопись должна была держаться на войне сопротивления и на народных массах. В противном случае это была бы просто одна из техник изображения.

Таким образом, в первой половине 20-го века, столкнувшись с различными культурными представлениями о китайской и западной традиции, несмотря на выбор разных методов радикальных изменений, современная трансформация китайской живописи, благодаря двойному эффекту социальных, культурных и других внешних факторов, а также внутреннего эволюционного механизма, напрямую предоставила пространство для изменений и развития китайской живописи. Выбор пути интеграции между Китаем и Западом, и в особенности выбор западной реалистической живописи и созданный таким образом стиль реалистической живописи тушью, открыл для китайской живописи новый путь выражения монохроматического стиля, позволивший традиционным формам монохромной портретной живописи с большой творческой силой прорваться через свои собственные оковы. Синтез художественной культуры Китая с Западом, реалистичная визуальная структура и язык кисти и туши расширили границы традиционной китайской живописи, повлияв на ее дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. 潘公凯.中国现代美术之路：“自觉”与“四大主义”.文艺研究.2007(4).124-125页[Пан Гункай. Путь китайского современного искусства: «самосознание» и «четыре величия». Литературные исследования. – 2007. – № 4. – С. 124–125.]
2. 陈师曾.文人画之价值.：姚渔湘编.中国画讨论集.上海：立达书局，1932.10页[Чэнь Шицзэн. Ценность литературной живописи: Яо Юйсян, ред. Обсуждение китайской живописи. Шанхай: Книжный магазин Rieter, – 1932. – С. 10.]
3. 陈独秀语：新青年.86页1919年1月15日[Чэнь Дуйсю : Новая молодежь – 1919. – С. 86.]
4. 徐悲鸿.中国画改良之方法.徐悲鸿文集.上海：上海画报出版社，2005.3页[Сюй Бэйхун. Метод совершенствования китайской живописи. Коллекция Сюй Бэйхуна. Шанхай: Иллюстрированное издательство Шанхая – 2005. – С. 3.]
5. 林木.20世纪中国画研究.现代部分.南宁：广西美术出版社，2000.496页[Лин Му. Исследования по китайской живописи в 20 веке · Современная часть. Наньнин: издательство Guangxi Fine Arts – 2000. – С. 496.]

СЕКЦИЯ № 6

ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Романов В.А. (г. Псков, Россия)

Вершиной русской философии права является начало XX века в России. Сильная философско-правовая традиция представлена такими именами, как И.А. Ильин, Л.Н. Петражицкий, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин. Это было созвездие выдающихся мыслителей, которые в разных системах философствования пытались обосновать спасительную парадигму развития страны. Русская традиция философии права многое заимствовала в силу «всеохватности» и стремления понять иное, что вполне было соответствии с законами развития научного знания. Но подавляющее большинство отечественных мыслителей переосмысливало все применительно к российской действительности и культуре. На процесс формирования философии права в России сильное влияние оказали идеи европейского Просвещения и немецкой классической философии, принцип рационализма и теории общественного договора, которые в той или иной степени были переработаны в контексте дискуссий русской интеллектуальной традиции и исторического опыта. «...Тем не менее в каких-нибудь полтора-два столетия мы почти успели наверстать отстававшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишним столетий», – писал выдающийся юрист Н.М. Коркунов [Цит. по: 1, с.404].

На рубеже 19-20 века не только Россия, но и весь мир входил в «период великих потрясений», когда под сомнение ставились несомненные ценности и истины. Проблемы права обретали особую актуальность. Ни один философ не мог обойти тему права, а равно ни один юрист не мог не философствовать. Значительный интерес русской философии к проблемам права – к изучению этических и онтологических предпосылок, был не случаен. Склонность к изучению метафизических проблем историософии и бытия человека всегда была в центре отечественной философии. Повышенный интерес к европейской философии и праву обусловлен тем, что философия права гибко реагировала на изменения в общественной жизни, на начало 20 века нарабатывала уже достаточно серьезную методологию социально-гуманитарного познания, в том числе и в области права.

Фактически философия права как совокупность содержательных проблем возникла вместе с самоопределением философии, так как ключевые вопросы – бытие человека в космосе, культуре, полисе – были исходными уже в античной мысли. Ведь главная трудность, которую преодолевают люди и общества в любой форме социального бытия, заключается в необходимости согласовывать индивидуальную свободу и общественное благо, регулировать общественные отношения, для чего необходимо обеспечивать безопасность и развитие всех и каждого только через воспроизводство базовых человеческих ценностей. Запрос на философское обоснование всегда актуален в переломные периоды бытия. Философия использует свои возможности для диагностирования состояния права, осуществляет критическую рефлексию и формулирует варианты решений [5, с.4]. Философия как «наука наук» легитимизирует право как объект в перспективе фундаментальных, предельных оснований и ценностей. Анализ предельных ценностей (что онтологически главное в праве) всегда артикулируется в условиях слома прежних и выработки новых систем бытия человека. Философия всегда диагностирует состояние права в его теоретическом и процессуально применении. Философский дискурс права выполняет важную ценностно-мировоззренческую функцию (во имя чего, в чем смысл?!) Это помогает понять, что право и количество принимаемых законов и пр. является не самоцелью, а средством реализации основных человеческих ценностей. Философский подход дает возможность моделировать методологические принципы познания, создания и применения права.

В начале XX века выяснилось, что либеральные реформы конца 19 века привели к настолько противоречивым результатам, что они вступили в ценностно-культурный «клинч» с запросами разных сословий и это обострило всегда непростую для России проблему «верхов» и «низов», свободы и воли. Все социальные группы в тогдашней России активировали запрос на правосознание, на свободу и равенство, на справедливость и на социальный прогресс. Перед Россией объективно встала стратегическая целевая задача сформулировать путь и модель развития в наступившем машинно-техническом мире в условиях жесткого внешнего давления. Появилось множество направлений, школ и персональных концепций права. Но, несмотря на такое многообразие, выделяют две основополагающие парадигмы: естественно-правовая теоретическая модель; эмпирико-позитивистская модель.

Длительное время, вплоть до середины 19 века, философия права развивалась в виде «естественного права», которая обладала монопольным положением в познании и обосновании права. Самым главным при

этом является принцип, что каждый человек наделен правом изначально, а государство рассматривалось как структура, которая изначально имеет «мандат» на справедливое регулирование общественных отношений. Этика, политика и право онтологически и ценностно взаимосвязаны. Классическая философия права отстаивает взаимную необходимость и гармоническое единство власти и права. Эти базовые идеи были центральными в метафизических и рационалистических, идеалистических и теологических концепциях права. Но с середины 19 века позитивизм как направление неклассической философии быстро захватывает область права. Позитивизм во всех его модификациях не интересуется природа и источники права, нет различия между правом и законом. Право при этом сводится исключительно к системе норм, первичных и вторичных правил, стандартов, актов порядка и принуждения.

По существу, дискурс по этим вопросам пронизывает всю историю человечества, что неминуемо отразилось в истории русской философско-правовой мысли начала 20 века. За названными ориентациями прослеживается не только многовековая теоретико-методологическая борьба естественного и позитивного права, но и интересы разных субъектов борьбы в российской политической жизни, как в начале 20 века, так и в настоящее время. Естественно возникает вопрос: есть ли идеальные теории и практики права; зависит ли понимание и применение права от особенностей типа культуры народа; как универсальная идея права реализуется в конкретных социально-культурных системах. Иначе говоря, ответы на них центруются вокруг философского понимания проблемы соотношения универсального и культурно-специфического оснований права.

Здесь можно выделить две основные ориентации. Первая – универсалистско-либеральная. Хотя в рамках такой парадигмы имеется немало направлений (от умеренных до абсолютистских) и нюансов аргументации, она утверждает, что идеи права едины и одинаковы для всего мира и для любых культур. Вторая ориентация – партикулярно-коммунитаристская. Она исходит из того, что право исторически существует в разных концепциях и практиках, поскольку исходит из принципа множественности и разнородности культур и понимания того факта, что народы и страны стремятся сохранить свою идентичность и суверенитет.

Кроме того, по своей сути такая классификация теоретически помогает понять смысл генезиса теорий естественного и позитивного права в их сравнительном сопоставлении, а также понять особенности западно-европейской и российской традиции философии права. Практическая полезность верифицирующей роли такой классификации состоит в том, что она способствует осознанию, почему, начиная с конца 19 в.-начала 20 в. (да и по сей день), заимствования западных норм позитивного права и его философско-рационалистических обоснований и некритического переноса на российскую почву давало совсем не ожидаемый, а часто противоположный эффект. Особенно с учетом очевидной несостоятельности и даже опасности линейной технологико-экономической глобализации в контексте рисков тотальной цифровизации всех сторон жизни человека, внедряемых в массовое сознание концептов «золотого миллиарда», «многоэтажного человечества», «игры на шахматной доске», информационных и гибридных войн и пр. Последствия рисков «расчеловечивания» будут иметь действительно глобальный характер. Примеров в истории человечества множество.

Поэтому линией водораздела вновь стала универсальная философская проблема – проблема единства права и морали. Возможно, пока это звучит не настолько сильно, как было во времена теоретиков классических систем естественного права, но существуют антропологические, мировоззренческие, логические и концептуальные связи между правом и моралью: оказывается – нельзя понять природу права и конструктивно применять законы, не обращаясь к нравственности. Можно утверждать, что в последнее десятилетие происходит возрождение концепта естественного права. Такая первая попытка была после второй мировой войны, что выразилось в принятии Декларации прав человека 1948 года, но уже в 50-е годы было возвращение позитивизма, продиктованное курсом Запада на «холодную войну».

Право и мораль – важнейшие институты, которые регулируют поведение людей по отношению к основным человеческим ценностям. Западная традиция философии права тоже идет от античной синкретичности права, религии и морали, но впоследствии подошла к их разделению и рационализации. Естественный закон раскрывается разуму в различении добра и зла. Западная же философская и правовая культура строилась на римских установках рассудочного мышления, специфически преломляясь в разных формах философствования и правосознания. При этом римское право оказалось мощнее своего юридического содержания и утвердилось почти во всех сферах жизни господством рассудочности и формализма. Не случайно было столь популярно истолкование нормы как среднестатистического варианта, как общепринятого стандарта. В результате, всякое несоответствие с нормативом воспринималось как нарушение нормы. Но при этом нормы права, система права, субъект права и действие права и т.д. – все эти категории атрибутируются как свойство объективного надличностного (безличностного) бытия. Русская философия права и ее представители, к каким бы направлениям они ни относились, в подавляющем большинстве считали более приемлемой для устройства российской жизни естественное право. Органичное единство права и нравственности своими корнями восходит к античной культуре, через Византию и православие. Понятия античных философов о связи права и справедливости, общественной жизни личности как одном из условий осуществления ею своих прав и свобод, о роли семьи и государстве обретают в русской философии приобретают мощную философскую и культурную основу.

Таким образом, право Запада развивалось, скорее, как право закона, а право в России как право Благотворения. В российском сознании право становилось синонимом правды, правильного и правдивого стиля жизни.

Европейская философия больше всего стремилась понять материальное и идеальное, как в их диалектике, так и порознь. А русская философия искала Идеал, Правду, Истину, Справедливость, поэтому часто жила мифами и утопиями, но всегда противилась диктату утилитаризма и вещной зависимости: это несвобода, неволя расчеловечивала. Кроме того, русская философия права, акцентируя внимание на формировании правового сознания народа, в центр ставит человека, его желания, верования и культуру.

Как показала история мысли, научиться постигать единое бытие, это значит быть способным к саморазличению, т.е. понимать свою самость и быть субъектом бытия в историческом, социальном и нравственном измерении. Знание же единства бытия внутренне примиряет человека с миром и позволяет преодолевать несовпадение и разлад с ним. Поэтому из принципа единого бытия, постигаемого как абсолютное добро, может быть дедуцирована система условий и форм реализации человеческой свободы.

На рубеже 20 века в русской духовной, философской и юридической науке шел процесс постоянного поиска обоснования сближения права и морали, нормы и идеала, нормы и наилучшего состояния системы общественных отношений и развития. Б.Н.Чичерин с позиций философско-правового либерализма выделял четыре степени развития свободы: личность и общество, право, нравственность, союзы людей. Будучи сторонником естественного права, полагал государство необходимым органом для защиты прав и свобод людей: «справедливым считается то, что одинаково прилагается ко всем» [4,с.96]. Религиозно-философская трактовка права В.С.Соловьева тоже редуцирована к естественному праву – праву свободы и равенства личностей: право без свободы – насилие, право без общего справедливого и должного равенства – неправда. В тоже время, называя право нравственным явлением, то есть право без минимума нравственности не «работает». Нравственность не имеет ограничений, а требования права ограничены, нравственные требования не предписываются, они дают возможность свободы и личного выбора, они добровольны в отличие от права, которое принуждает. Согласно В.С.Соловьеву через всеединство реализуется идея личной свободы человека и духовного единства людей. На этой онтологической основе строится его учение о праве как минимуме осуществления добра. Без морали нет правового прогресса, а право есть условие нравственного человеческого прогресса. Н.А.Бердяев как представитель религиозно-идеалистической концепции считал, что личность как персона всегда есть субъект, который существует в открытой системе и всегда стремится к объективации: социальной – через признание существующих в обществе норм и институтов; экзистенциальной – через духовное единение с Богом в творчестве. Обретение свободы и независимости личности требует того, чтобы в основу государства была положена не только любовь, но и право и принуждение.

Хотя при этом Н.Лосский отмечал, что в правовой культуре русского человека иррациональные аспекты не сбалансированы с рациональными формулами права: особая религиозность и производный из этого этический максимализм («стремление к абсолютному добру»), перевес запроса на справедливость по сравнению со свободой. А В.С.Соловьев подметил, что национальное мировоззрение, основанное на духе соборности, противоречило принципу законности индивидуализма. Согласно Н.А.Бердяеву, право своим источником имеет не государство, а трансцендентную природу личности и человеческую волю.

Но в целом вся традиция русской философии права свидетельствует, что оторвать силу/силу права от совести/морали – значить уповать на абсолютную волю государства/чиновного сословия, значить создавать основания для отрыва элиты и народа, что, как известно из истории, приводит к коллапсу социума и государства. В истории степень господства силы права и формальных законов всегда была неодинаковой. Это определялось типом культуры, формами государственного правления, общественно-политическим строем.

В настоящее время можно очевидно, что потенциал русской философии права является незаменимым источников поиска модели исторического рывка и для современной Российской Федерации. В настоящее время в России такая же ситуация исторического и ценностного выбора, как и в начале 20 века. Несмотря на столетний промежуток времени, сходство в том, что элита ориентирована была на западное понимание права в рамках парадигмы позитивизма, а подавляющая часть общества являлась носителем ценностей естественного права; равно также, философия права отдавала предпочтение единству права и нравственности, а субъекты политики и бизнеса отдавали приоритету узко экономическому пониманию природы человека и российского общества. Так называемый кризис «верхов и низов» в конечном счете сводился к противоречию жизненных правовых и нравственно-духовных установок. По сути, перестроечное «новое мышление», тотальность рыночного подхода, культ статусного потребления на основе голой рассудочности («ничего личного, только бизнес») и конкуренции, а также чисто нормативного регулирования общественных и человеческих отношений, (без «излишеств» совести) – означало попытку заблокировать исторически сложившийся «код» бытия самой русской культуры и народа страны.

Актуализация проблемы единства права и морали обусловлена не только объективными обстоятельствами (например, состоянием общества), но и доминантами культуры (по терминологии В.С.Степина, - универсалий, М.Фуко – эпистем), которые господствуют в конкретное время в данной цивилизации. Таким образом, возрастает значение социокультурных оснований права. Сегодня страны конкурируют не только в экономических показателей, но и политико-правовых характеристиках, где важную роль играет «борьба за символическое доминирование» (П.Бурдьё), что связано укреплением суверенитета государств, механизмов воспроизводства культурной идентичности и исторической субъектности стран и цивилизаций.

Те, кто мыслит в понятиях позитивизма, единых стандартов, то естественные права воспринимают как бесправие. Либеральное правовое государство приоритет отдает правам индивида как субъекта частной собственности, право на жизнь определяет платежеспособность. В российском понимании человек есть часть целого, член коллектива, у которого есть неотчуждаемые социальные права. В западной либеральной системе этические нормы предельно формализованы и стандартизированы – кодексы, уставы, соглашения, законы, санкции. С римского права идет линия понимания суда как сделки, договора, контракта. Отсюда и формализованная ответственность. В западной культуре сложилась дихотомия «право-бесправие», а российской триада «официальное право-обычное право-бесправие».

Важнейшая коллизия начала 20 века состояла в том, что «верхи» были сторонниками правового позитивизма, а в народе были укоренены иные представления о праве. В русском миропонимании право ассоциируется с термином правда как свод базовых – даже пусть и неписанных – этических норм, в первую очередь в повседневной/социальной жизни людей, поскольку писанные законы не заменяют милосердие, совесть, любовь. Не случайно в истории становления института права в петровской России было устройство зеркал, на которых выставлялись указы, чтобы закон был понятен для всех. Сто лет существовал Совестьный Суд (1775-1862), который комментировал и толковал законы. Общинное право в волостных судах в шестидесятые годы 19 века. В советские времена был товарищеский суд. Все это работало в соответствии с культурными традициями народа, его уживчивости, доверчивости, стремлением судить по-совести («по-божески»).

Не является исторической случайностью то, что именно философия разрабатывала основы философии права через понимание природы бытия и человека, именно через единство онтологии, гносеологии и этики, что позволяет исследовать принципы человеческих действий в контексте свободы, долга, добра и зла. При исследовании права и правоприменения мы всегда находимся в соприкосновении с этими проблемами. Необходимость ответа на их проходит через жизнь каждого человека и социума, каждого государства и властителя. Юридический позитивизм задвигает эти вопросы на периферию. А вот естественное право делает их центрирующими. Поэтому становление эффективного правового государства должно продолжать национально-духовные традиции народа. Следует осваивать и возрождать сильные стороны нравственно-правового уклада, который позволяет сохранить свою культурно-историческую идентичность и суверенитет.

ЛИТЕРАТУРА

1. История философии права. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.- 640 с.
2. Корольков, А.А. Русская духовная философия. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии [РХГА], 1998. – 575 с.
3. Соловьев С.М. Право и нравственность. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – 147 с.
4. Чичерин, Б. Н. Философия права. Избранные сочинения / Б. Н. Чичерин. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 407 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-03047-1. – Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/437511> (дата обращения: 14.07.2019).
5. Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права /Под ред. Сальникова В.П., Хона Г.Н. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002.- 240 с.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ПРАВОВАЯ СЕМЬЯ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Бочков А.А. (г. Витебск, Беларусь)

Наличие в мире большого количества правовых систем (порядка 200), обусловлено социально – экономическими, историко-правовыми и этнокультурными отличиями разных государств и народов, повлиявших на их специфику и своеобразие. Правовая семья – одно из центральных понятий сравнительного правоведения. Она объединяет общность источников, основных понятий, структуру права и исторического пути его формирования.

Известный белорусский компаративист А.В. Егоров определяет правовую семью, как исторически обусловленную формально-правовую «общность источников и структуры права, норм права и правового понятийного фонда с присущим ей специфическим типом юридического мышления» [1, с. 56]. Российские профессора Н.И. Матузов и В.Н. Синюков рассматривают правовую семью в качестве совокупности национальных правовых систем, выделенных на основе общности источников права, его ментальных, стилевых структур и исторической специфики его формирования [2, с. 198].

Сам термин «правовая семья» был введен в научный оборот немецким учёным Готфридом Лейбницем, опубликовавшим в 1667 г. на латинском языке свой труд «Nova Methodus Discendae Docendaeque Iurisprudentiae» («Новые методы изучения и преподавания юриспруденции»). Каждая правовая семья обладает общностью черт, характеристик и своей уникальностью. Сравнительное правоведение выяснив их сходства и различия, возможности для рецепции, произвести типологию правовых систем. Сравнение правовой реальности различных стран с точки

зрения нормативно-оценочного характера позволяет выделить различные правовые системы (семьи). Правовая система каждого государства отражает закономерности развития общества, его исторические, национальные особенности. Каждому государству присуща своя правовая система, которая имеет как общие черты с правовыми системами других государств, так и отличия от них, то есть специфические особенности.

В основе классификации правовых систем могут лежать различные факторы: исторические, цивилизационные, этнические, идеологические, социально-экономические, юридические, религиозные, географические и т.д. Одни авторы выделяют 8 правовых систем: романскую, германскую, скандинавскую, общего права, социалистического права, права стран Дальнего Востока, исламского права, индусского права; другие – 5: англо-саксонскую, романо-германскую, религиозно-традиционную, социалистическую, систему обычного права; третьи – 3: англо-саксонскую, романо-германскую (куда относят также систему социалистического права) и религиозно-общинную, четвертые делят все право на западное и восточное. Существуют и иные классификации на основе обычаев, правовых традиций, правового сознания, расового, языкового критериев и т.д.

Активно обсуждаемой проблемой сравнительного правоведения является вопрос определения места и роли славянской, российской, белорусской правовой системы. Славянская правовая семья входит в состав романо-германской правовой системы. Вместе с тем она имеет свои отличительные особенности: отсутствие прямой рецепции римского права, духовность, связанная с историческими и национальными особенностями: особое понимание коллективизма, взаимопомощи, справедливости, жертвенности, сострадания, правды, «широта души», соборность, этикоцентризм, антирационализм, правовой нигилизм и др. Это коренится в особом стиле правового сознания и правовой культуры.

Российские юристы Н.И. Матузов и В.Н. Синюков включают в славянскую правовую семью: группу русского права (Россия и ее субъекты), западно- и восточнославянского права (Украина, Республика Беларусь, Болгария, Чехия, Словакия, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия, Македония, Румыния, Молдавия, Греция, Венгрия) и, возможно, группу евразийского (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и закавказского права (Грузия, Армения, Азербайджан) [2, с.209].

Наибольшей поддержкой по вопросу классификации правовых систем пользуется точка зрения известного западного компаративиста Р. Давида. В основе его классификации лежат два основных фактора: технико-юридический (идентичность юридической техники и форм (источников права); идеологический (одинаковые философские, политические и экономические принципы)[3, с. 138 – 139].

Руководствуясь данными критериями, обычно выделяют следующие правовые системы (семьи):

- романо-германская (именуемая также как континентальная, «цивильная»);
- англо-саксонская (американская, или семья общего права);
- социалистическая;
- религиозно-традиционная (включающая мусульманское, индусское, иудейское право);
- правовые семьи стран Дальнего Востока и стран Африки.

Безусловно, данное деление не охватывает всю карту мира, где существуют множество правовых систем, имеющих как общие, так и специфические черты, сравнимые и несравнимые.

Американский ученый компаративист Кр. Осаке считает, что можно говорить о западной правовой традиции, которая построена на четырех столбах: уходит своими корнями в римское частное право, имеющее большое влияние; испытывает сильное воздействие канонического права; отличается высоким уровнем правовой культуры, основанной на принципах легализма и пуританизма; придерживается общего понятия правового государства, сформированного под влиянием философии естественного права. Для западной правовой традиции характерны следующие составляющие: правовое государство, верховенство права(закона), равенство граждан перед законом, республиканское правление или конституционная монархия, разделение властей, неотчуждаемость основных прав человека, выборность основных государственных органов, конституционализм, независимость судебной власти, неприкосновенность частной собственности и т.д.[4, с. 535].

Анализируя западную традицию права, американский профессор Г. Дж. Берман писал: «Все западные правовые системы – английская, французская, германская, итальянская... и другие – имеют общие исторические корни, из которых они выводят не только общую терминологию и методы, но также общие понятия, общие принципы права, общие ценности» [5, с. 515]. При этом правоцентризм, законопослушность, права и свободы личности занимают в этой идеологии значительное место.

Причины возникновения новой системы европейского права коренятся в социально-экономических, политических и культурных предпосылках. Укрепление централизованных государств, развитие рыночных отношений, рост «вольных» городов (магдебургское право) с городским населением, развитие образования, науки, искусства, культуры, подготовили почву для становления нового права.

Романо-германскую правовую систему (семью) называют самой древней и распространенной системой права в мире. Она возникла в континентальной Европе в XII веке, хотя ее исторические корни глубоко уходят в римское право (I в. до н.э.-VI в. н.э.) и Кодекс императора Юстиниана (529 г.). Она действует в таких странах как: Франция, Германия, Италия, Бельгия, Испания, РФ, Республика Беларусь, республики бывшего СССР, страны

социалистического содружества, а также в государствах Латинской Америки, значительной части Африки, странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Японии, Индонезии.

В рамках романо-германской правовой системы выделяют следующие группы:

1. группу *романского права* (правовые системы Франции, Бельгии, Испании, Италии, Квебека, Люксембурга, Монако, Нидерландов, Пуэрто-Рико, Румынии, Филиппин, латиноамериканских стран, африканских государств – бывших французских колоний, некоторых стран Ближнего и Среднего Востока и др.);

2. группу *германского права* (правовые системы Германии, Австрии, Azerbaijan, Бразилии, Венгрии, Греции, Индонезии, Киргизии, Латвии, Молдовы, Португалии, Словении, Таиланда, Турции, Узбекистана, Украины, Чехии, Швейцарии, Эстонии, Южной Кореи, Японии и др.);

3. группу *скандинавского права* (правовые системы Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции).

Следует также иметь в виду, что правовые системы Луизианы, Невады, Техаса и ряда других штатов, бывших в свое время под властью Франции, Испании и других метрополий, после получения ими статуса штатов США, сохранили по сей день элементы как англосаксонского общего права, так и романо-германского права [4, с. 535].

Ее распространение связано не только с агрессивной колониальной экспансией европейских стран, но и экономической, военной мощью, духовным потенциалом, культурным и религиозным влиянием в настоящее время. Правовая рецепция была обусловлена высоким уровнем концептуального развития права, разработанным понятийным, терминологическим, доктринальным материалом, совершенной по тем временам юридической техникой. Процесс формирования нового права, включающий создание основополагающих принципов и норм на основе рецепции римского права, адаптации к нему канонического права и местных обычаев, был мучительным, сложным, противоречивым, неоднозначным и занял несколько веков.

Выдающуюся роль здесь сыграли первые европейские университеты в Италии, Германии, Франции, где на базе изучения римского права, Свода законов Юстиниана в XII-XVI вв. была создана общая для многих европейских стран юридическая наука [6, с. 73]. В университетах не только изучали оригинальные римские тексты (школа глоссаторов), но и адаптировали их к условиям средневековья (школа постглоссаторов), готовили проекты законодательных актов (кодексов и законов), формировали влиятельное юридическое сословие: будущих прокуроров, судей, адвокатов.

Победа буржуазных революций на европейском континенте, открывших простор развитию рыночных отношений, требовала правовых гарантий частной собственности, формированию рынка труда и капитала, осуществлению принципа формального равенства. По мнению профессора А.В. Корнева, римское право по «своей сути было правом товарного производства» [7, с. 360]. Именно частная собственность и рыночные отношения породили право.

Основополагающие идеи, принципы, доктрины, институты, терминология римского права применялись с учетом имеющихся традиций и нарождавшихся буржуазных отношений в новых исторических условиях. Позитивную роль в этом сыграла христианская церковь (Ф. Аквинский), отстранившая церковную инквизицию от гражданских судебных процессов (Четвертый собор в Латране 1215 г.) и благословившая рецепцию римского права в качестве «права разума».

Огромное значение для становления основных концептуальных положений романо-германской правовой системы сыграли Декларация прав человека и гражданина, принятая во Франции в 1789 г., французский Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. и германское Гражданское Уложение 1896 г. Европейская цивилизация представляет собой синтез христианства и своеобразной юридической культуры, где правовые институты органически вписались в систему христианских ценностей, подвергшихся значительному изменению в период Реформации [7, с. 360]. «Протестантская этика и дух капитализма» (М. Вебер) сыграли решающую роль.

Романо-германская система опирается на римское частное право, каноническое право и философию естественного права. Она включает в себя следующие признаки: прозрачность законодательного процесса, гласность судопроизводства, неприкосновенность частного договора, оперативное опубликование всех нормативных актов, стабильность и предсказуемость законов, юридическая грамотность населения (кто не знает своих прав, тот их не имеет, незнание закона не освобождает от ответственности, а знание...), законопослушность населения, признание роли юриста, как гаранта принципа верховенства закона (юрист – лучший друг человека), строгое соблюдение контрактов и договоров, свобода информации [8, с. 14].

К особенностям романо-германской правовой системы можно отнести следующие позиции:

1) исторически и генетически данная система формировалась под влиянием римского частного права и сохранила его лексику, приёмы, концепции, доктрины, многие институты, презумпции, фикции;

2) логичность, доктринальность и концептуальность системы, которая формировалась преимущественно под влиянием учёных цивилистов Ф. Жени, К. Савиньи, Г.Ф. Пухта, Р. Иеринга и др. (профессорское право);

3) основной источник права – нормативный правовой акт. Все они построены по жесткой иерархии, где ведущую роль играет закон. Основным законом во всех странах системы является писаная Конституция, обладающие высшей юридической силой;

4) вторым по значимости источником права выступает обычай, который закреплён нормативно в праве многих государств романо- германской правовой семьи (Франции, Швейцарии, Греции, Австрии, Италии, Республики Беларусь, РФ). Среди других источников права можно назвать правовую доктрину и общие принципы права. На основе социально-правовых принципов, общих идей, правовых доктрин не только создаются нормы права, но и решаются конкретные дела. Норма права выступает в качестве общеобязательного, формально определённого правила поведения, созданного государством, где естественные права человека получают исторически обусловленное закрепление;

5) процесс упорядочения, кодификации всех институтов и отраслей права носит глобальный, масштабный характер, что привело к принятию кодифицированных актов и кодексов (например, во Франции основными кодексами считались: Гражданский кодекс Наполеона 1804 г., Коммерческий кодекс 1807 г., Уголовный кодекс 1810 г., Уголовный процессуальный кодекс 1810 г., Торговые кодексы в Бельгии 1807 г., Испании 1829 г., Австрии 1862 г. и т.д.);

6) право подразделяется на отрасли и институты права, на публичное и частное право, на гражданское и коммерческое право. Частное право имеет повышенный статус по отношению к публичному праву, а материальное право важнее процессуального. Российский профессор М.Н. Марченко, в качестве общей тенденции романо-германской правовой системы считает усиление роли публичного права (этатизм) за счёт ослабления частного[9, с. 376];

7) в сфере уголовно-процессуального права действует принцип расследования (инквизиции), предусматривающий отрицание принципа состязательности;

8) суды лишены права на правотворчество. Однако на основе судебных толкований и решений складывается определённая практика их использования в качестве форм (источников) права. Важную роль играют судебные решения Кассационного суда Франции. Право на создание судебного прецедента имеет Верховный Суд ФРГ. Более значительную нормотворческую роль играют судебные акты в скандинавских странах (Швеции, Дании, Норвегии). Согласно ст.17 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», Верховный Суд Республики Беларусь принимает нормативные правовые акты в форме постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что немецкие ученые юристы и философы: Г.Гуго, Ф.Савиньи, Г.Пухта, Р.Паунд, Р.Иеринг, Г.Кельзен, И.Кант, Г.Гегель, К.Маркс, Ф.Энгельс внесли гигантский вклад в развитие правоведения. Вся европейская юриспруденция в значительной степени опирается на эти идеи, развивая и актуализируя их.

В конце XVII в. в Германии на волне критики естественного права, как оторванного от реалий жизни, возникла *историческая школа права*. Виднейшими ее представителями были немецкие юристы Густав Гуго (1764-1844), Фридрих Карл Савиньи (1779-1861), Георг Пухта (1798-1846). Они доказывали, что право зарождается и развивается естественным путем, исторически, как язык, а не декретируется законодателем. Оно вытекает из «национального», «народного» сознания, «духа». Г.Кельзен, в своем знаменитом труде «Чистая теория права», призывал очистить право от идеологии, религии, философии, капитализма и социализма, сделать его свободным от конъюнктурных предпочтений, независимым от лоббистских интересов, создать условия для выражения подлинной сущности права, заставив работать принцип: «Пусть правят законы, а не люди». Современное электронное правосудие использует и развивает данное положение.

И.Кант в «Критике чистого разума», Г. Гегель в «Философии права» заложили философско-правовые основы правового государства и гражданского общества. К.Маркс, Ф.Энгельс исследовали вопросы причинно-следственной обусловленности права и государства экономикой и культурой, первичности базиса и вторичности надстройки.

Немецкий правовед, профессор Базельского, Венского, Геттингенского университетов Р. Иеринг (1817-1892), в работе «Борьба за право», называл нарушение закона властью юридическим убийством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров, А.В. Сравнительное правоведение: Учеб. пособие / А.В. Егоров. – Минск :Выш. шк., 2015. – 255 с.
2. Матузов, Н.И., Синюков, В.Н. Право и правовая система / Н.И.Матузов., В.Н. Синюков // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 640 с.
3. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. – М.: Изд-во «Прогресс», 1988. – 279 с.
4. Марченко, М. Н. Правовые системы современности / М.Н. Марченко // Проблемы теории государства и права: Учебник / под ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М. 2015. – 784 с.
5. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М.: Изд-во МГУ – Инфра-М, 1998. – 624 с.
6. Саидов, А.Х. Введение в основные правовые системы современности / А.Х. Саидов. – Ташкент, 1988. – 217 с.
7. Корнев, А.В. Основные правовые системы прошлого и настоящего / А.В. Корнев // Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015 – 592 с.
8. Осаке, Кр. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира / Кр. Осаке // Государство и право. – 2001. – № 4. – С.12 – 22.
9. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2017. – 760 с.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СРАВНИТЕЛЬНОМ ОПЫТЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ ВЕРХОВЕНСТВА КОНСТИТУЦИЙ

Васильев С.В. (г. Псков, Россия)

Ученые-правоведы отмечают, что правило, в соответствии с которым страны отказываются от исполнения решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в случае противоречия последних Конституции страны, действует в Германии, Франции, Австрии, а потому и Российская Федерация вправе самостоятельно решать вопрос, какие решения ЕСПЧ исполнять, а какие нет [1][2][4].

По мнению С.Д. Князева, Европейская конвенция и постановления ЕСПЧ «не выведены из-под действия Конституции, а потому их имплементация в российский правовой порядок возможна лишь на условиях признания суверенитета Российской Федерации (ч. 1 ст. 4), высшей юридической силы Конституции РФ (ч. 1 ст. 15) и недопустимости участия России в международных договорах, если такое участие влечет ограничение прав и свобод человека и гражданина и противоречит основам конституционного строя России (ст. 79)» [5, с. 8].

Особый интерес представляет статья А. Бланкенагеля, в которой рассматривается Постановление Европейского суда по правам человека по делу Анчугова и Гладкова [1]. Эти лица жаловались на то, что они, как содержащиеся под стражей осужденные заключенные, были лишены возможности участвовать в выборах. По делу установлено нарушение требований статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции [6]. Также ученый анализирует Постановление Конституционного Суда Российской Федерации об исполнимости этого решения Европейского суда в России ввиду его возможного противоречия российской Конституции [7].

Указанное выше решение Европейского суда поставило важный вопрос и обозначило серьезную проблему. По мнению А. Бланкенагеля, «акт принятия новой Конституции является ничем (и никем, и менее всего ЕСПЧ) не связанным *актом волеизъявления суверена* (выделено мной – С.В.), то есть народа. Выразим это чуть-чуть иначе: Европейский суд требует от Российской Федерации невозможного! Понятие «невозможное», по сути, ведет к выводу о слабости решения ЕСПЧ» [1, с. 141].

Возражая А. Бланкенагелю, отметим, что в России «акт волеизъявления суверена, то есть народа» *ничем не связанным* не назовешь, поскольку суверен, то есть народ, может совершить акт волеизъявления в отношении новой Конституции только с подачи Конституционного собрания, закон о котором так и не принят. Поэтому сегодня данный акт *просто не доступен суверену*, что вызывает некоторые сомнения в качестве верховенства Конституции России, не способной обеспечить в полной мере должный правовой порядок, или принцип правового государства. Кроме того, по понятным причинам под вопросом полнота и успешность реализации принципа демократического государства. И это также *не свидетельствует в пользу* реального верховенства российской Конституции. Иными словами, верховенство Конституции РФ, на которое ссылается Конституционный суд России, *не вполне «легитимное»* в этом качестве. По нашему мнению, это *существенно различает* ссылки на верховенство Основного Закона ФРГ и верховенство Конституции РФ. Аналогия здесь не вполне уместна, как оправдывающее обстоятельство неисполнения решений ЕСПЧ.

Рассматриваемая проблема тесно связана с реализацией принципа государственного суверенитета. Надо отметить, что в Германии к принципу государственного суверенитета подходят достаточно гибко, что позволяет, с одной стороны, обеспечивать надёжную защиту государственных ценностей и интересов, а с другой – ограничивать этот суверенитет в пользу международных договоров, выстраивая успешные отношения в рамках международного сообщества. Изучая А. Бланкенагеля, следует сделать вывод, что он не сумел убедить нас в дезинтеграции Германии из международного сообщества по данному направлению. По нашему мнению, даже выявленный им результирующий *приоритет верховенства* Конституции Германии несколько не ослабляет возможности исполнения международных договоров, но делает этот процесс более тщательным и выверенным в контексте основных принципов (демократии, правового государства, достоинства человека), эффективно обеспечиваемых Основным Законом и убедительно доказывающим тем самым своё верховенство.

Наше верховенство Конституции не вполне «легитимно» как таковое, являясь фактически иным конституционным свойством, более предназначенным для «внутреннего потребления» (= высшее место в иерархии правовых актов *страны*). Можно предположить некоторую деформацию системы конституционных принципов в направлении гипертрофированного государственного суверенитета (признак – подмена верховенства Конституции её высшей юридической силой). Такая ситуация не исключает возможность нарушения других важнейших принципов – демократии, правового государства, высшей ценности прав человека.

Не исключено, что *таким верховенством* пытаются «закрыть» вопросы не вполне удовлетворительной реализации прав и свобод человека, поскольку их исследование игнорируется по формальным основаниям (невозможность пересмотра и проч.), препятствуя разрешению их по существу. Возможно, это пример *злоупотребления* принципом государственного суверенитета, ставящий под сомнение само верховенство Конституции, подмененное её высшей юридической силой. Надо отметить, что мы уже обращались к проблеме использования свойства высшей юридической силы Конституции РФ как главного закона в ущерб её правовому потенциалу. Высказывалась точка зрения, что в отдельных случаях «Конституционный Суд оперирует не пра-

вом, а законом, ориентируясь на текущее законодательство, и им объясняет (?) свое решение. Он просто «узаконивает» ситуацию, конкретную расстановку ресурса, выполняя не свойственные ему функции, но не дает её правовую оценку» [3, с. 71].

Германия достаточно далеко пошла в направлении укрепления Европейского сообщества. Здесь демонстрируется высокий уровень доверия данного государства соответствующим международным организациям, международным судам или государствам – членам ЕС, но *при условии, что соблюдаются принципы правового государства*. Надо полагать, что Германия со своим национальным законодательством и «недремлющим оком» Конституции вполне может быть своеобразным *эталон* реализации этих принципов.

По нашему мнению, объявление при противоречиях Германией верховенства своей Конституции не деструктивное для сообщества начало, поскольку *в ней есть система регулирования* действия международного права в Основном Законе, в том числе и *возможность его пересмотра* в связи с заключением международного договора. Это подтверждает, что принцип государственного суверенитета в ФРГ интегрирован в определенный порядок (принцип правового государства) и не может быть безусловным. Государственный суверенитет ставится в зависимость от ряда условий и *не исключается его ограничение*, если это необходимо для обеспечения высокого уровня реализации прав человека.

Верховенство Конституции РФ, как инструмент оправдания неисполнения решений ЕСПЧ, может подвергаться сомнению. Во-первых, в нарушение принципа правового государства не обеспечена возможность (право) изменения (пересмотра) Конституции. Это и нарушение принципа демократии, когда суверен (народ) лишен такого права. Во-вторых, усматривается *неспособность Конституции* эффективно воспрепятствовать такого рода действиям, что не свидетельствует в пользу её верховенства.

Можем сделать вывод, что в Германии есть особый тип пересмотра Конституции, регулируемый статьей 23 Основного Закона, и есть пересмотр Конституции (ст. 79) [1, с. 147 – 148], что, по-видимому, не одно и то же. При этом любые такие шаги отдачи элементов суверенитета ЕС *строго нормированы в самом Основном Законе*. Именно эта «гибкость» Конституции Германии позволяет ей обеспечить полноценную легитимность своего верховенства, обеспечиваемого соответствующими механизмами и возможностями реальной регламентации.

А. Бланкенагель отмечает, что «в случае европейского ордера на арест уже трансформация соответствующего рамочного постановления Европейского Совета в немецкое законодательство вызвала конституционные вопросы, которые были преодолены только «со второй попытки»» [1, с. 148]. Но ведь преодолены?

Приведенные факты свидетельствуют, что в Германии возможен вполне демократичный процесс решения сложных вопросов строго в рамках правового государства. Категоричной однозначности решения нет, оно принимается с учетом ряда обстоятельств. Вероятно, по мнению Конституционного суда ФРГ, первым принятым законом не обеспечивался достаточно высокий уровень правовых гарантий государством экстрадируемым (эффективная защита субъективных прав), который *можно обеспечить*, не исключая таковую в принципе (запрет экстрадиции).

А. Бланкенагель отмечает общую конструкцию Основного Закона в отношении международных договоров, согласно которой в отсутствие особых положений, в особенности статей 23 – 25 Основного Закона ФРГ, они занимают во внутригосударственной правовой системе ранг федерального закона. Из этого следует, что законодатель в любой момент может принятием другого закона частично или полностью приостанавливать действие международного договора [1, с. 148].

Но в том то и вопрос, что *возможно обращение* (значит, есть право!) к особым положениям, когда, вероятно, «включается» конституционный принцип «благоприятного отношения к международному праву». В Германии *нет однозначного приоритета* положений, содержащихся в международных договорах, по отношению к внутригосударственному законодательству, но верховенство немецкой Конституции реально обеспечивает процесс, в рамках которого ранг международных договоров *может изменяться*.

Завершая работу, отметим, что позиция А. Бланкенагеля несколько противоречива. Что он пытается доказать? Возможно, что верховенство германского Основного Закона по отношению к европейскому праву и верховенство немецких законов по отношению к международным договорам усиливаются, *подтверждая рост коллизий* между Германией и ЕС, которые ФРГ предпочитает разрешать в свою пользу на основе *своего суверенного верховенства*. Возможно, А. Бланкенагель сомневается в верховенстве Конституции Германии как эффективном инструменте *повышения уровня взаимодействия* ФРГ с ЕС. Создается впечатление, что повышение роли верховенства, по его мнению, свидетельствует о дальнейшем расхождении интересов Германии и ЕС. Вместе с тем, ученый не может игнорировать факты добровольного ограничения германского государственного суверенитета в пользу укрепления взаимодействия с ЕС. Объективно он вынужден признать, что Основной Закон ФРГ включает в себя соответствующие механизмы пересмотра, которые «освящены» верховенством и находят в нем основательную поддержку. Картина «разделяющего» интересы государств верховенства национального Основного Закона не получается убедительной.

По итогам проведенного исследования, можно сделать и некоторые полезные выводы относительно понятия «верховенство конституции», поскольку сравнительный опыт России и Германии позволяет это.

Прежде всего, нельзя смешивать верховенство и высшую юридическую силу конституции. Российский вариант «верховенства» очень напоминает высшую юридическую силу и более ориентирован на использова-

ние Конституции как *главного закона* среди других законов страны, которому все остальные не должны противоречить. Такое свойство Конституции позволяет *при необходимости* «убивать» все остальные акты по формальному признаку их «юридической слабину», не углубляясь в содержательное наполнение.

Верховенство Конституции предполагает несколько иное. Это способность Основного Закона страны быть реальным масштабным регулятором всей совокупности отношений социума, позволяющим обеспечить его позитивный тренд по основным направлениям в целом. Для этого следует успешно привести в действие *все* основные конституционные принципы, на которых базируется государство и общество, не допуская их дисбаланса. На наш взгляд, у Германии это получается несколько лучше, чем у России, а потому не мешает более внимательно присмотреться к немецкому опыту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бланкенгель А. «Прощай, Совет Европы!» или «Совет Европы, давай поговорим!»? Комментарий к Постановлению Конституционного Суда России от 19 апреля 2016 года об исполнимости Постановления ЕСПЧ по делу Анчугова и Гладкова от 4 июля 2013 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 135 – 150.
2. Бушев А.Ю. Субсидиарная роль Европейского суда по правам человека: пределы усмотрения и национальный суверенитет, критерий явной очевидности // Права человека. 2016. № 4. С. 18 – 21.
3. Васильев С.В. Право, как регулятор социальной реальности в конкретно-исторических условиях России: постановка проблемы // Международная научная конференция «Актуальные проблемы правоведения» от 6 декабря 2016 года. Сборник программ научных конференций по итогам научно-исследовательской деятельности ПсковГУ в 2016 году, приуроченных к 5-летию со дня создания Псковского государственного университета.
4. Какителашвили М.М. Решения ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ: социально-правовой конфликт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 71 – 75.
5. Князев С.Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5 – 17.
6. Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 года «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба N 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2014, № 2.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 5, 2016.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Борисенко И.В. (г. Псков, Россия)

История развития прокуратуры России как государственного органа, осуществляющего надзор за исполнением законов, имеет почти трехвековую давность. Необходимость создания органов прокуратуры в России была обусловлена непопулярностью, неэффективностью деятельности, существовавшей в XVIII в. фискальной службы и потребностью укрепления надзора за исполнением царских указов в стране. Указом от 12 января 1722 г. Петр I учреждает прокуратуру Российской империи. Прокуратура учреждалась в целях осуществления контроля (надзора) за соблюдением законности в деятельности центральных и местных органов государственной власти. В отличие от службы фискалов прокуроры осуществляли надзор за исполнением законов гласно. Учреждение прокуратуры в России и наделение ее контрольно-надзорными функциями вызвали к жизни систему специальных правовых норм, регулирующих общественные отношения в этой сфере деятельности. Важную роль в правовом регулировании деятельности прокуратуры сыграл указ Петра I от 27 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора». В соответствии с этим указом Генерал-прокурор, названный «оком государевым» и «стряпчим о делах государственных», осуществлял непосредственно надзор за тем, чтобы высший государственный орган страны – Сенат – действовал в строгом соответствии с регламентами и императорскими указами. Генерал-прокурор был вправе предлагать Сенату принимать решения по вопросам, не урегулированным правом, т.е. наделялся определенными полномочиями и в сфере правотворчества. Ему подчинялись обер-прокуроры, прокуроры коллегий Сената и провинций. Сам же Генерал-прокурор подчинялся только императору. Исполняя функции по надзору за законностью в деятельности других государственных органов, прокуроры вели наблюдение за интересами казны, осуществляли надзор по арестантским делам, за местами содержания заключенных под стражей. Прокуроры были наделены правом опротестования незаконных решений государственных органов. Они были вправе вносить предложения по устранению иных нарушений законов. Таким образом, прокуратура в России учреждалась как надзорный орган и строилась по принципу единой централизованной системы.

Октябрьская революция коренным образом изменила российское государство. Не миновала изменений и судебно-правовая система. Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 года вместе с адвокатурой, прежними судами и институтом судебных следователей была упразднена прокуратура. [1].

Чрезвычайно негативное отношение народных масс к прежней судебной-правовой системе в целом и к прокуратуре в частности было напрямую вызвано теми функциями, которые эти органы осуществляли вплоть до революции.

Одной из главных причин упразднения прокуратуры без сомнения явилась ее деятельность после реорганизации 1864 года по борьбе с революционным движением в стране. Ведь в соответствии со ст. 1034 Устава уголовного судопроизводства именно прокуратура руководила расследованием государственных преступлений, и была «органом, верно служащим самодержавию». [2, л.10].

В период царствования Александра III принимаются меры к усилению судебной репрессии в отношении революционно настроенных масс; существенно ограничиваются полномочия суда присяжных и расширяется сфера коронного суда. Рескриптом Александра III учреждается комиссия во главе с Генерал-прокурором, работавшая в течение шести лет над проектом по усилению прокурорского надзора и превращению прокуратуры в сугубо карательный орган. Карательная сторона деятельности прокуроров и органов юстиции особенно отчетливо проявилась в 1905 г. и последующий период революционных выступлений, на которые власть ответила массовыми репрессиями, карательными экспедициями, военно-полевыми судами (где признавалась лишь одна мера наказания – смертная казнь). Только с 19 августа 1906 г. по 20 апреля 1907 г. было вынесено свыше 1000 смертных приговоров, а за период 1907–1909 гг. было осуждено к смертной казни 3196 человек. Именно в таком виде прокуратура просуществовала до 1917 года.

В первые годы Советской власти в законодательстве имелись существенные пробелы. Многие общественные отношения не были урегулированы правовыми нормами, что было вызвано коренной ломкой прежнего государственного строя. Декрет о суде № 1 разрешил применять законы «свергнутых правительств» при условии, если они не отменены революцией и не противоречат революционному правосознанию.

Однако уже в конце 1918 года прекращается использование старого законодательства, так как Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года запретило судам ссылаться на законы свергнутых правительств. Декрет о суде № 2 от 28 февраля 1918 года предоставлял любому гражданину право выступать на общественных началах в роли обвинителя или защитника. [3, л.144].

Советское государство того периода времени встало на путь революционного террора и беззакония, рабочий класс и других трудящихся действовали согласно их революционному сознанию, классовой неприязни к имущим слоям общества, и не спешило создавать органы, предназначенные защищать и охранять права граждан. При такой ситуации создавалась наиболее благоприятная почва для вседозволенности и произвола должностных лиц.

Становление молодого советского государства проходило в условиях гражданской войны, интервенции и глубокого экономического кризиса, что никак не могло положительно сказываться на развитии права. Так Алексеев С.С. подчеркивает, что полного поворота к праву в самые первые годы Октября еще не произошло, но поворот начинался. [4, л.53].

Но в то же время не лишено оснований мнение Туйкова В. И. о том, что неспособность случайных, порой малограмотных людей бороться с преступностью и стремление вершить правосудие только на основании «революционной совести и революционного правосознания» настоятельно требовали восстановления правоохранительных институтов, доказавших на протяжении двух веков свою компетентность [5, л.27].

Отсутствие прокуратуры порождало необходимость передачи ее функций другим органам и учреждениям. Надзор за правильным исполнением законов был возложен на Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ), а также на Наркомюст РСФСР с его местными органами в системе Губисполкомов. Функции по надзору за соблюдением законов выполняли также и органы ВЧК (до 1922 г.), а также органы Народного комиссариата государственного контроля (до 1920 г.). При революционных трибуналах существовали коллегии обвинителей, высшей из которой была Центральная коллегия государственных обвинителей при революционном трибунале ВЦИК. Члены коллегий обвинителей осуществляли надзор за соблюдением законов при расследовании преступлений, поддерживали в судах государственное обвинение по уголовным делам, приносили кассационные протесты на незаконные и необоснованные приговоры судов. Такие коллегии не являлись самостоятельными государственными органами. Сложная обстановка периода нэпа настоятельно выдвинула задачу учреждения самостоятельного государственного органа по надзору за соблюдением законов.

Таким образом, функция наблюдения за неуклонным исполнением законов государственными органами, должностными лицами, общественными организациями и гражданами оказалась рассредоточенной среди ряда органов и учреждений, естественно, банная ситуация ни каким образом не способствовало единообразному пониманию законности, и не отвечало требованиям ее укрепления.

В данной ситуации был один выход из сложившегося положения – нужно было создать специальный орган, который был бы подчинен только центральной государственной власти, независимого от каких-либо местных влияний, способного эффективно осуществлять надзор за точным и безусловным исполнением законов всеми органами власти и государственного управления, должностными лицами и гражданами на территории страны. [6, л.4].

В конце 1921 г. по поручению В.И. Ленина была начата подготовка законопроекта об учреждении прокуратуры. Проект декрета о прокуратуре обсуждался на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в конце января 1922 г. Съезд высказался за учреждение единого централизованного прокурорского надзора с непосредственным подчинением прокурору республики.

28 мая 1922 года после длительных споров ВЦИК принял Положение о прокурорском надзоре. В основе спора было желание местных властей установить двойное подчинение прокуратуры. Проект же Положения, подготовленный Наркоматом юстиции, исходил из принципа полной независимости прокуратуры от местных властей. Тем не менее ВЦИК принял Положение о прокурорском надзоре, основанном на строго централизованных началах.

Центральная прокуратура РСФСР представляла собой отдел в составе Наркомата юстиции. Прокуратуру возглавлял нарком юстиции, который одновременно осуществлял обязанности прокурора республики. Положение о прокурорском надзоре, по существу, восстанавливало российскую модель прокуратуры петровского времени. Положение о прокурорском надзоре закрепило основные организационные принципы: централизацию и единоначалие органов прокурорского надзора, строгое подчинение нижестоящих прокуроров вышестоящим; независимость органов прокуратуры от местных влияний; опору прокурорских органов на помощь широкой общественности.

На основании Положения о прокурорском надзоре была учреждена военная прокуратура, на которую возлагалось осуществление прокурорских функций в отношении учреждений и должностных лиц военного ведомства. Надзорные функции военных прокуроров за строгим исполнением законов всеми должностными лицами органов военного управления и ОГПУ были затем закреплены в Инструкции военным прокурорам и их помощникам, изданной в ноябре 1922 г. Народным комиссаром юстиции РСФСР и прокурором при Верховном Суде РСФСР совместно с Реввоенсоветом республики. 20 августа 1926 г. ЦИК и СНК СССР было утверждено «Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре», которое с изменениями и дополнениями действовало в течение 40 лет.

Становление прокуратуры было связано со многими объективными трудностями, которые вначале проистекали из революционного процесса, а затем из развития молодого советского государства, осложненного Гражданской войной и необоснованным прерыванием правовой преемственности [7, л.5]. Не хватало специально обученных кадров. Так к 1923 году в РСФСР было назначено 53 губернских прокурора, но 70 % из них не имели специального образования. Из 768 должностей помощников прокуроров было замещено только 423, каждый второй имел лишь начальное образование.

Дальнейшим шагом в развитии законодательства в прокурорском надзоре явилось Положение о Прокуратуре Союза ССР, утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 г. Прокурор Союза ССР назначался и был подотчетен ЦИК СССР и его Президиуму, а также подотчетен и СНК СССР. Это обеспечивало независимость Прокурора СССР от каких-либо государственных органов и должностных лиц. В Положении в Прокуратуре СССР были определены отрасли прокурорского надзора, ставшие традиционными: общий надзор, надзор за правильным и единообразным исполнением законов судебными органами; надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; надзор за законностью и правильностью действий ОГПУ, милиции, исправительно-трудовых учреждений. В качестве структурных подразделений в Прокуратуру входили военная и транспортная прокуратура. Прокуратура Верховного Суда СССР была упразднена, однако прокуроры союзных республик оставались в системе республиканских народных комиссариатов юстиции. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. «Об образовании Народного Комиссариата Юстиции СССР» все органы прокуратуры были выделены из системы народных комиссариатов юстиции, и тем самым была завершена централизация органов прокуратуры.

Конституция СССР, утвержденная 5 декабря 1936 г. завершила централизация органов прокуратуры. Прокуратура была выделена в самостоятельную, единую, строго централизованную систему государственных органов, действовавшую независимо от местных органов и подчинявшуюся только Генеральному прокурору СССР. Вместе с тем искажения принципа централизации и подчинения закону в надзорной деятельности прокуроров, имевшие место в период культа личности Сталина, негативно (репрессивно) отразились на деятельности прокуратуры.

Многие проблемы, стоявшие перед прокуратурой в первой половине XX века, являлись следствием тяжелой социально-экономической обстановки в стране и особого отношения советского государства к праву и к правовым институтам лишь как к политическому инструменту в руках власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декрет о суде № 1.
2. Бессарабов В.Г. Пореформенная российская прокуратура (1864-1917) // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 10.
3. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. «Юридическая энциклопедия» / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 1999 – С. 369.4. Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1978. Т.5. С.144.
4. Алексеев С.С. Правовое государство – судьба социализма: Научно-публицистический очерк. – М., 1988. – С. 53.
5. Туйков В.И. Прокурорский надзор. Введение в специальность: учебное пособие. Екатеринбург, 1998. – С. 27.
6. Бессарабов В.Г. Советская прокуратура (1922 – 1991 гг.) // Журнал Российского права. – 2002. – № 12. – С. 4.
7. Бессарабов В.Г. Советская прокуратура (1922 – 1991 гг.) // Журнал Российского права. – 2002. – № 12. – С. 5.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сидоров В.П., Грицкевич Ю.Н. (г. Псков, Россия)

Начнем с того, что такие понятия, как *суверенитет* и *суверенный*, обозначающие как правовые, так и политические явления имеют непростую историю, длительную во времени.

В юридической научной литературе имеется целый ряд исследований, которые посвящены происхождению слова *суверенитет*. Одни ученые утверждают, что слово *суверенитет* произошло от французского слова *souverainete*, другие исследователи возводят его к английскому *sovereignty* в значении 'верховная власть', где актуализируется такой смысл, как верховенство и независимость власти.

Довольно проблемно установить период возникновения этих понятий. В первую очередь, исследуются и анализируются различные письменные источники времен Древней Греции и Древнего Рима. Некоторые ученые приводят как пример точку зрения таких известных ученых – филологов и историков – как Шарль Дюканж и Вильгельм Мейер-Любке. Данные исследователи утверждали, что данные термины связаны со средневековым латинским словом *superanus* [1].

Именно в указанный период термин *суверенитет* входит в оборот, меняется значение термина: первоначальный топографический смысл, который можно определить как 'высшее местоположение', замещается, на первый план выходит значение 'высшая власть'. Подобную ситуацию с суверенитетом можно наблюдать и в Древнем Риме, где, несмотря на то, что сама идея суверенного государства, по мнению Шарля Дюканжа и Вильгельма Мейер-Любке, не была абсолютно чужда римлянам, становление термина проходило не одномоментно.

Понятие *суверенитет* получает распространение лишь в конце XIX века, к этому же периоду относится и вхождение понятия *государство*. В понятии *суверенитет*, унаследовавшем идею единовластия верховного федерального правителя, суверена, распространявшуюся на безличную власть государства. В связи с этим в это понятие вошло и представление о самостоятельности и независимости отдельно взятой страны и народа, населяющего ее. Как мы видим, в данном случае верховная власть может быть отождествлена с суверенитетом.

Верховная власть (государственная власть) является формой политической власти, которая осуществляет на всей территории демократического государства руководство обществом от имени народа. Такое руководство происходит посредством государственного аппарата. Суверенитет становится неотъемлемым качеством и важнейшей характеристикой политико-правовой сущности государства. Именно суверенитет определяет возможность самостоятельно и свободно реализовывать собственные интересы в рамках внутренней и внешней политики. Единство, верховенство и независимость государственной власти являются отличительными признаками суверенитета.

На наш взгляд, нельзя не согласиться с мнением тех авторов, которые утверждают, что государственная власть и государство это не одно и то же. Семантический объем этих понятий не совпадает. Государственную власть можно определить как способ руководства (управления) обществом, а государство – как форма организации общества. Государство является системно-структурной организацией общества как единого целого, управляемого специальным аппаратом власти, распространяющейся на все население страны и ее территорию. Государственная же власть – это атрибутивный признак государства, его необходимый структурный элемент как системного образования.

К фундаментальным признакам государственно организованного общества (суверенного государства) относятся следующие признаки: – государственная власть, т.е. управленческая основа государства, – государственный народ, являющийся социальной основой государства, – государственная территория, которая представляет собой материальную основу государства.

Обращение к современным научным источникам показывает, что существует множество определений государственного суверенитета (суверенитета государства). Отметим самые распространенные определения государственного суверенитета. Например, суверенитет государства – это важнейшее свойство государства самостоятельно и независимо от других государств осуществлять присущие ему функции на всей своей территории и за ее пределами. Или государственный суверенитет – это способность государственной власти независимо и самостоятельно осуществлять свои функции как внутри страны, так и за ее пределами.

В юридической литературе большинство определений, которые раскрывают понятие суверенитет государства, в принципе, серьезных различий не имеют, скорее означает верховенство и независимость государственной власти внутри своей территории и по отношению к другим государствам. Признаками, являющимися неотъемлемой частью суверенитета, являются территориальная неделимость, независимость государства на международной арене и верховенство государственной власти на подчиненной территории. Причем, важно, что данные признаки связаны между собой и являются взаимообусловленными. Это важнейшие и взаимосвязанные аспекты одного и того же явления – государственного суверенитета.

В настоящее время в современных юридических исследованиях под суверенитетом государства обычно понимают присущее государственной власти свойство верховенства внутри страны и качества независимости, самостоятельности государства в отношениях с другими странами при определении и осуществлении своей внутренней и внешней политики [3].

Государственный суверенитет, на наш взгляд, совершенно оправданно относят к важнейшим завоеваниям человечества, которое дает гарантию государствам о невозможности вмешательства других участников международных отношений во внутренние и внешние дела того или другого государства. Государственный суверенитет предполагает, что никто не имеет права диктовать свою волю государству, навязывать ему свои взгляды, экспортировать свои ценности, тем более это касается силового воздействия.

Однако, к сожалению, можно наблюдать, что в современном мире многие векторы международной политики трансформируются, позиции отдельных стран в вопросах, касающихся суверенитета государств, могут претерпевать значительные изменения. Так, отдельные "более демократичные" государства очень озабочены отсутствием, на их взгляд, демократии в других государствах. Начинаются поиски авторитаризма, тоталитаризма, отсутствия свободы, преследования меньшинства, отсутствия возможности реализации личности. Как итог – разработка различных схем по внедрению демократических ценностей, к которым можно отнести и "цветные революции" (поддержка и финансирование оппозиции), и смену лидеров государства (с помощью обострения недовольства путем распространения сведений, порочащих власть), а в крайнем случае через реализацию явной агрессии, т.е. применение военной силы для свержения существующего строя [2].

Дробление государств различными приемами и способами на более мелкие, неспособные оказать более или менее серьезное сопротивление позволяет в дальнейшем не только навязывать свою волю и манипулировать этими государствами, но и приводить к власти удобные им правительства. Это может достигаться и угрозами, и обещаниями, и подкупом. В результате это приводит к размещению военных баз на территории других государств, что в свою очередь дает возможность держать в постоянном напряжении близлежащие государства.

Многие военные операции, например, такие, как крупномасштабная операция НАТО стала "Обдуманная сила" против войск боснийских сербов в Боснии и Герцеговине в 1995 году или операция "Союзная сила", направленная против Союзной Республики Югославии, проводятся с целью подтверждения и обоснования вторжения в суверенное государство. Причем, это осуществляется при мощном информационном сопровождении, что в последнее время становится все более значимым. Так, многие западные массмедиа причиной вмешательства войск НАТО называли волну этнических чисток в регионе. В результате операции, в которой были задействованы серьезные международные силы, погибли тысячи жителей республики, а контроль над этим регионом перешел к силам НАТО и международной администрации. В дальнейшем большинство полномочий передано структурам этнических албанцев.

Дальше события развиваются по нарастающей: обоснованные и надуманные обвинения руководителей независимых государств прочно входят в международную практику. Можно наблюдать повторяемость и некоторую предсказуемость реализации подобных сценариев на международной арене. Например, свержение «неудобных режимов» в Грузии, Молдавии, Украине объясняется только заботой о правах граждан этих государств и больше ничем.

Откуда и почему такое агрессивное поведение отдельных государств, направленное на разрушение принципов государственного суверенитета? В чем причина того, что такое поведение, нарушающее международные правовые нормы, не получает должного отпора от государств – членов Организации Объединенных Наций? Как получилось, что подобное вмешательство одних государств в дела других государств даже получает поддержку некоторых стран, являющихся членами ООН?

Для того, чтобы понять почему именно так складывается ситуация, нам нужно вернуться на девятнадцать лет назад. В 2001 году была сделана первая попытка теоретического обоснования концепции «обязанности защищать», чему был посвящен доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, назначенной правительством Канады и состоящей из видных ученых, политических деятелей, дипломатов и представителей неправительственных организаций [4].

Введение такого терминологического сочетания, как "обязанность защищать" является инициативой ООН. Новая норма международного права включает в себя ряд принципов, которые объединяются идеей о том, что суверенитет можно рассматривать как не привилегию, а обязанность. Следовательно, в соответствии с данной концепцией суверенитет не только предоставляет государствам право контролировать свои внутренние дела, но также налагает ответственность по защите населения, проживающего в пределах границ данных государств [4]. В тех же случаях, когда государство самостоятельно не способно защитить людей – либо из-за отсутствия возможностей, либо из-за отсутствия воли, – ответственность переходит к международному сообществу [4]. Концепция, в основе которой лежит понятие "обязанность защищать" основывается на предотвращении и прекращении таких видов преступлений, как геноцид, военные преступления, преступления против человечности, этнические чистки. Все перечисленные выше виды преступлений объединяют единым термином – массовые преступные злодеяния (англ. Massive atrocities crimes).

Предложенная концепция, таким образом, обязывает международное сообщество вмешиваться в дела других государств с целью предотвращения катастроф гуманитарного характера. Особое внимание в данном докладе уделяется тому, что политические власти каждого государства несут ответственность перед своими гражданами во внутривнутриполитическом плане и перед международным сообществом – через ООН, более того, представители государств отвечают за свои действия и соответственно «могут быть призваны к ответу как за свои поступки, так и за упущения». По мнению комиссии, "обязанность защищать" накладывает соответствующие обязанности не только на государства, но и на международное сообщество в целом. Так, первоначально обязанность защищать своих граждан лежит на государственных властях, однако в случае её невыполнения

ответственность по защите переходит к мировому сообществу, которое должно действовать посредством ООН, даже если это потребует нарушения суверенитета того или другого государства.

В декабре 2004 года был опубликован доклад “Группы высокого уровня”, в котором нашли подтверждение основные тезисы данной концепции, а уже в сентябре 2005 года в ходе Всемирного саммита Организации Объединенных Наций все государства официально признают принцип “обязанности защищать” [4]. Дальнейшее развитие концепция “обязанности защищать” получает в докладе Генерального секретаря ООН на заседании Генеральной Ассамблеи 2009 года [9]. Доклад был посвящён проблеме внесения ясности в концепцию, определения её точного характера и содержания, а также роли ООН в осуществлении названной концепции.

Можно согласиться с мнением Сазоновой К. Л., что на данный момент анализируемая концепция существует лишь в виде некоего “каркаса”, который пока не имеет под собой универсального правового наполнения. Действительно, правовое наполнение концепции отсутствует, а субъективное мнение об основаниях “обязанности защищать” есть и успешно применяется на практике [4].

Сегодня все чаще в информационном пространстве продвигается мысль о том, что правительство Венесуэлы не может обеспечить права своего народа, а, следовательно, есть веские основания сменить руководство данного государства и «поставить» новое, якобы в интересах всего населения. Как тут не вспомнить мудрое изречение “Благими намерениями вымощена дорога в ад”? Действительно, если мировое сообщество можно определить как одну большую дружную семью, то помочь одному из ее членов – “святая” обязанность остальных ее членов.

Однако реальность такова, что мировое сообщество – это не одна (и тем более дружная) семья. Мировое сообщество является потребителем природных биоресурсов, которые имеют предел, постоянно истощаются и не восстанавливаются. И это самое страшное, что ждет человечество в недалеком будущем. А потому борьба за природные ресурсы приобретает все более жесткие и изощренные формы и виды. И здесь для многих участников международных отношений все методы хороши, а прикрытием служит защита общечеловеческих ценностей, демократических институтов, прав человека и т. д. и т. п.

Такие действия сверхдержав неотвратимо вызывают ответную реакцию. Мы видим, как в мире нарастает стремление государств обезопасить себя ядерным щитом, так как обычные средства вооружения не гарантируют суверенитет в сложившейся ситуации. И вот уже Северная Корея, Иран и другие государства, имея перед собой наглядный пример Ирака, Ливии, Сирии, засекречивая свои разработки в сфере ядерных исследований, пытаются защитить свои государства и народ от “обязанности защищать”, а это ведет к неконтролируемому или мало контролируемому распространению ядерного оружия и утраты контроля над ним.

Думается, что вина в сложившейся ситуации полностью лежит на США и натовском блоке, у которых нет еще осознания того, что игнорирование международного права, использование террористических движений и организаций, реализации различных методов и способов смены режимов, дробления государств в корыстных интересах может привести (и в конечном счете приведет) к всемирному хаосу и мировому коллапсу. И не допустить такого развития событий в интересах самих сверхдержав.

На наш взгляд, нужно очень осторожно относиться к изменению уже сложившегося в теории и в практике применения толкования норм права, раскрытия сути и содержания различных терминов, определений, категорий. Толкование нормы права является результатом интеллектуально-волевой деятельности, которая направлена на определение и установление адекватного и подлинного содержания нормативных правовых актов с целью их реализации в правовом поле. Стадии уяснения и разъяснения, выделяемые в процессе толкования, могут протекать по-разному в зависимости от многих факторов, в том числе это зависит и от цели интерпретатора, толкователя правовой дефиниций, и от актуальности, злободневности данного правового явления в жизни общества, тем более мирового сообщества. Историю толкования термина *суверенитет*, как показывает наш анализ, нельзя не связывать с интересами разных участников международного сообщества. Ситуация в мире такова, что действенность или недейственность норм права, связанных с понятием суверенитета, во многом стала определять значимость тех или других стран, оказавшись одним из серьезнейших факторов в процессе передела сфер влияния государств на мировой арене.

Сегодня уже нельзя не заметить, что истинный смысл правовых норм, связанных с понятием суверенитета, который был заложен в данном термине первоначально, если и не утерян в полной мере, то подвергается попыткам замены отдельных компонентов смыслового значения термина. Причем, это происходит не из-за погрешностей в юридической технике (часто несовершенство формулировок в толковании приводит к подобному “раскачиванию” термина, нормы), а вследствие преднамеренного желания отдельных государств изменить правовую действительность в своих интересах.

Выявление этапов в становлении понятия *суверенитет* позволяет увидеть, что в разные периоды жизни общества это понятие оказывается в центре внимания законодателей, отражающих как волю государства, так и актуальное положение вещей в окружающей действительности. Безусловно, в сфере правового регулирования сложнейших отношений в общественной жизни постоянно наблюдаются противоречия между динамикой разных сфер действительности и в какой-то степени формальным характером права.

Любой отдельно взятый юридический термин входит в сложные системные связи с другими терминами, понятиями и нормами права. Следовательно, постепенно происходит и расшатывание всей такой системы с помощью подмены или замены уже сложившихся в юридической практике толкований. Относительно толкования понятия

суверенитета можно заметить желание отдельных толкователей отойти от толкования предшествующего законодательства, подвести толкование под определенные условия, которые, по их мнению, существенно изменились.

Систематическая повторяемость толкования понятия, информационная поддержка использования какого-либо термина в новом, трансформированном его толковании в наш информационный век довольно быстро создает эффект кажущейся внедренности термина в юридическую терминологическую систему. Все это в свою очередь приводит к изменению содержания правовых понятий, категорий в системе права и юридических институтов, входящих в ту или другую отрасль права. При этом нужно не забывать, насколько сильными и непредсказуемыми по юридическим последствиям могут оказаться такие изменения в толкованиях понятий и норм, которые, обладая юридической силой, являются обязательными для субъектов, задействованных в реализации данных норм.

Нельзя не заметить, что для преодоления сложившегося и устоявшегося понятия государственного суверенитета, нужно это понятие «государственный суверенитет» дезавуировать или каким – либо образом принизить, умалить это явление. Но напрямую это не получается, да и не получится, поэтому «демократические государства» ищут различные подходы, способы, причины, чтобы не только отказаться от него, но и убедить в этом остальных членов мирового сообщества. А для этого под благовидными предложениями внедряются в сознание и практику такие понятия как “обязанности защищать” демократию любыми способами, вплоть до применения силы и она сила применяется. Ну а последствия всем известны.

Таким образом, сложившаяся ситуация, которую мы наблюдаем в отношении толкования суверенитета в последнее время, еще раз доказывает, что интерпретация, толкование правовой нормы, а тем более, ее существенные изменения могут привести к самым серьезным последствиям. Именно это мы наблюдаем в отношении определения государственного суверенитета и изменении его отличительных принципов. На наш взгляд, для начала нужно вернуть государственному суверенитету его сущностное юридическое предназначение в мировом сообществе и не спекулировать на демократических ценностях и принципах во имя корыстных национальных интересах одной страны или группы стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонов А. С. Государственный суверенитет: этимология и предистория развития концепта // Государство и право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, № 3 (2). – С. 131–135.
2. Сидоров В. П., Барихновская М. С. К вопросу о государственном суверенитете // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». Выпуск 5. Псков : Псковский государственный университет, 2017. – С. 172–176.
3. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства. Основные закономерности и тенденции развития: монография / Н.И. Грачев. Электрон. текстовые данные. Москва: Книгодел, Волгоградский институт экономики, социологии и права, 2009. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.iprbookshop.ru/3767>
4. Сазонова К. Л. Концепция «Ответственность за защиту» в миротворческой деятельности ООН [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-otvetstvennost-za-zaschitu-v-mirotvorcheskoy-deyatelnosti-organizatsii-obedinennyh-natsiy> (22.03.2019 г.).
5. Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам А/59/565, 2 дек. 2004 г. [Электронный ресурс]: <http://docs.pravo.ru/document/view/26514201> (22.03.2019).
6. Уроки Руанды (Публикация ООН). [Электронный ресурс]: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/> (22.03.2019).
7. Резолюция Совета Безопасности ООН 1674, 28 апр. 2006 г.
8. Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам А/59/565, 2 дек. 2004 г. [Электронный ресурс]: <http://humanrts.umn.edu/russian/instree/Runhighpanelreport.pdf> (22.03.2019 г.).
9. Выполнение обязанности защищать: Доклад Генерального секретаря ООН А/63/677, 12 янв. 2009 г. [Электронный ресурс]: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=498992762> (20.03.2019 г.).

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Казак Б.Б. (г. Псков, Россия)

Прежде всего необходимо отметить, что в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы существенно усложнились решаемые уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) задачи, принимаемые меры организационно-правового характера по совершенствованию их функционирования направлены на предупреждение преступлений и иных правонарушений со стороны лиц, состоящих на их учете. Вместе с тем возникает насущная потребность в дополнительной проработке вопросов организации такой правоохранительной деятельности [1].

Изучение специальной литературы позволяет утверждать о том, что имеются различные точки зрения относительно понятия предупреждения преступности, в частности, оно представляет собой многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и

условий преступности [2]; это деятельность, имеющая целью не допустить совершения преступлений как путем устранения их причин, так и путем прерывания предварительной преступной деятельности. При этом, на наш взгляд, правы ученые и практические работники в том, что неоднократное совершение преступлений свидетельствует об упорном нежелании лица вести общественно полезный образ жизни. Об этом, как свидетельствует и опрос УИИ в разных регионах России, при анализе причин повторных преступлений подучетных лиц много внимания уделяется особенностям личности осужденных, состоящих на учете УИИ, и соответственно выработке мер индивидуального воздействия на них с целью предупреждения совершения преступления в период отбывания наказания (на это указывается и в специальной литературе [3]).

Об актуальности и своевременности обращения к заявленной проблеме свидетельствуют также основные стоящие задачи по линии деятельности УИИ, в числе которых, в частности, безусловное и эффективное исполнение наказаний и уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества, а также меры пресечения в виде домашнего ареста; соблюдение законодательства, в том числе антикоррупционного; укрепление взаимодействия с органами внутренних дел по предупреждению преступлений и других правонарушений со стороны подучетных лиц; обеспечение взаимодействия УИИ с оперативными подразделениями в вопросах розыскной работы в отношении осужденных без изоляции от общества; контроль за функционированием системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, обеспечение УИИ аудиовизуальными, электронными и иными техническими средствами надзора и контроля; укрепление материально-технической базы, условий размещения УИИ [4, с. 16]. В настоящее время функции УИИ еще расширились [5, с. 3–14].

Анализ практики показывает, что выявляется много проблем в деятельности УИИ, что позволяет утверждать о необходимости, например, устранить формализм при проведении профилактики, обеспечить надлежащий контроль за поведением осужденных, для чего использовать инновационные технологии [6]. Это позволит, с одной стороны, эффективнее решать поставленные перед УИИ задачи, с другой – усилить ответственность подконтрольных лиц за соблюдение порядка и условий отбывания наказания и в итоге снизить уровень повторной преступности с их стороны.

Практика свидетельствует, что уровень повторной преступности среди лиц, состоящих на УИИ, в 2018 г. составил 2,09 %, что несколько ниже показателя предыдущего года. Вместе с тем, как свидетельствуют результаты исследования, принятые в изученных регионах меры, направленные на сокращение количества преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, осужденными без изоляции от общества, не привели к ожидаемым результатам. Таким образом, важность дальнейшей разработки проблем предупреждения преступлений подучетных лиц обуславливает необходимость определения новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, организационных механизмов социальной работы с ними для выработки у них стойкой позиции решать возникающие проблемы только правовыми методами. При этом следует исходить из того, что основными причинами совершения лицами, состоящими на учете, являются длительное пребывание вне сферы общественно полезной деятельности, особенности контингента осужденных, его криминогенная зараженность, недостаточная профилактическая работа и слабый контроль за их поведением со стороны сотрудников УИИ.

С учетом результатов исследования можно констатировать, что: отмечается тенденция к сохранению сложного криминогенного состава лиц, состоящих на учете УИИ; до сих пор имеют место случаи несвоевременного предоставления рапортов участковыми уполномоченными полиции, а также предоставление рапортов с указанием недостоверных сведений о поведении подучетного лица в быту; при вынесении соответствующих решений суды не всегда объективно учитывают личность подсудимого, общественную опасность совершенного им деяния, значительное количество преступлений совершено лицами, ранее неоднократно привлекавшимися к уголовной ответственности; имеются случаи, когда нередко приговоры поступают на исполнение в УИИ с нарушением установленных сроков, что является предпосылкой к совершению правонарушений со стороны осужденных, поскольку они длительное время остаются вне контроля УИИ; выявляются большая нагрузка на персонал УИИ, недостатки и упущения в организации их деятельности по предупреждению повторной преступности, слабый контроль за поведением подучетных лиц, несвоевременное принятие мер к нарушителям порядка и условий отбывания наказания, некачественная подготовка представлений в отношении этих лиц и формальное проведение служебных проверок по фактам совершенных преступлений.

В связи с этим основными направлениями деятельности УИИ в рамках предупреждения преступлений осужденных являются: тщательный всесторонний контроль УИИ за поведением осужденных; своевременное применение мер профилактического характера к осужденным; проведение воспитательной работы с осужденными; проведение организационных мероприятий, предусматривающих анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений осужденными; проведение по фактам совершения осужденными повторных преступлений объективных служебных проверок; оказание осужденным, состоящим на учете УИИ, помощи в социальной адаптации.

Особо необходимо отметить внешнее взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций, прежде всего с органами внутренних дел. В целях совершенствования взаимодействия УИИ с территориальными органами внутренних дел издан совместный приказ Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения

лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений», а также приказ МВД России от 30 июня 2012 г. № 657 «О внесении изменений в порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденный приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818». Для организации оперативного обмена информацией между УИИ, их филиалами, территориальными органами МВД России, федеральным казенным учреждением «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», информационными центрами территориальных органов МВД России о состоящих на учете в УИИ их филиалах лицах, обратившихся с ходатайствами о помиловании, издан приказ Минюста России и МВД России от 6 сентября 2012 г. № 178/851 «Об утверждении Положения об оперативном обмене информацией о состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и филиалах лицах, обратившихся с ходатайствами о помиловании». В 2018 г. и 2019 г. были подписаны протоколы об информационном взаимодействии, что направлено в том числе на повышение эффективности деятельности УИИ и органов внутренних дел. Это связано с тем, что предусматривается между Федеральной службой исполнения наказаний и Министерством внутренних дел Российской Федерации будет осуществляться обмен информацией в электронном виде, причем применительно к УИИ этот обмен будет касаться сведений о совершаемых подучетными лицами преступлениях, административных правонарушениях, в том числе в области дорожного движения.

В заключение необходимо отметить, что реализация принципа максимального использования возможностей взаимодействующих субъектов связана с прогнозированием, которое рассматривают как процесс или результат предсказания тех или иных фактов, событий, явлений, величин, которые станут известны лишь в будущем по отношению к моменту времени, в котором создается прогноз (ведь он предусматривает предварительное изучение, учет сил и средств, имеющихся в распоряжении взаимодействующих субъектов, а также ожидаемого результата их деятельности). Изучение совместной деятельности УИИ с органами внутренних дел показывает, что она строится на основе совместных планов межведомственного взаимодействия по профилактике преступлений. Анализ планов комплексных мероприятий, направленных на обеспечение межведомственного взаимодействия по профилактике правонарушений и повторных преступлений со стороны лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, показывает, что в них не всегда сформулированы задачи на планируемый период, после преамбулы не везде представлены мероприятия; нередко встречаются неоднозначные формулировки по срокам, что вряд ли допустимо и, безусловно, положительно не сказывается на достижении необходимых результатов в деятельности УИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2018 году : обзор ФСИН России.
2. Прокументов, Л. М. Криминология. Общая часть : учеб. пособие / Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер. – Томск : ООО «Диво», 2007. – 238 с.
3. Смирнова, И. Н. Организация и правовые основы деятельности УИИ по предупреждению повторных преступлений осужденных [Текст] : монография / И. Н. Смирнова, И. В. Борисенко. – Псков : Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2012. – 112 с.
4. Лукьянец, Е. В. Основные итоги деятельности по исполнению уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества / Е. В. Лукьянец // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г., г. Пушкин). – Пушкин, 2017. – С. 5–16.
5. Коробкова, Е. А. Честно и добросовестно служить Закону и народу! (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е.А. Коробковой) / Е. А. Коробкова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 5. – С. 3–14.
6. О результатах анализа применения в деятельности УИИ оборудования СЭМПЛ при осуществлении надзора и контроля за осужденными к ограничению свободы и лицами, находящимися под домашним арестом : обзор ФСИН России.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ И МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Смирнова И.Н. (г. Псков, Россия)

В настоящее время существенно расширены функции Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). Так, уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) исполняют обязательные работы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы; под их контролем находятся условно осужденные; лица с отсрочкой отбывания наказания; лица, которым согласно ч. 2 ст. 102 УК РФ применяются принудительные меры медицинского характера; подозреваемые, обвиняемые, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, на них возложен и контроль за соблюдением запретов подозреваемыми или обвиняемыми, которым

избраны мера пресечения в виде запрета определенных действий и залога [1]. УИИ контролируют исполнение лицами, осужденными к штрафу, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам или ограничению свободы, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Особо следует называть принудительные работы, которые отбываются в исправительных центрах, изолированных участках, функционирующих как исправительные центры [2].

Для обеспечения эффективной реализации поставленных задач принимаются меры организационно-правового характера: в некоторых территориальных органах ФСИН России созданы службы обработки данных системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) для улучшения контроля за подозреваемыми (обвиняемыми), в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста; реализуются пилотные проекты, направленные на повышение результативности деятельности по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [3, с. 3–7]. В целях предупреждения преступлений и иных правонарушений со стороны подучетных лиц последним оказывается социально-психологическая и иная помощь в сотрудничестве с добровольными (волонтерскими) движениями и молодежными общественными объединениями, социально-реабилитационными центрами; применяются иные меры предупредительно-профилактического характера [4].

Вместе с тем требуют решения следующие вопросы указанной правоохранительной деятельности.

1. Несмотря на то, что много внимания уделяется организации совместной деятельности с ОВД (в частности, в 2018–2019 гг. подписаны протоколы между ФСИН России и МВД России об информационном взаимодействии, что направлено на обеспечение своевременного применения мер реагирования к нарушителям порядка отбывания наказания), имеется потребность в повышении уровня обмена оперативной информацией между УИИ и ОВД, что окажет существенное влияние на предупреждение преступлений и иных правонарушений со стороны подучетных лиц. О необходимости повышения уровня совместной правоохранительной деятельности свидетельствует и то, что три четверти опрошенных нами в рамках проведения исследования по проблемам функционирования УИИ высказались о необходимости выработки предложений по улучшению совместной межведомственной деятельности, в том числе по повышению эффективности заложенных в Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений мер [5].

2. На наш взгляд, нуждается в совершенствовании организационно-правовое обеспечение безопасности сотрудников УИИ. Так, улучшается контроль за подучетными с помощью инновационных технологий, в частности СЭМПЛ.

В настоящее время определены особенности применения сотрудниками УИИ физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИИ [6]. Как отмечается, это право не ограничивается территорией учреждения или объекта УИС, осуществление полномочий сотрудников УИИ связано с посещением подучетных лиц по месту жительства, посещением организаций и предприятий, на которых работают осужденные, нахождением в общественных местах (в этом вопросе сотрудники УИИ приближаются по своему правовому статусу к сотрудникам полиции) [7, с. 58].

Проведенное нами исследование позволяет констатировать, что наибольшее количество угроз в адрес начальников и сотрудников УИИ исходило от осужденных; ранее судимых лиц; иных лиц; родственников осужденных, при этом в числе лиц, со стороны которых сотрудники УИИ испытывали угрозу личной безопасности, были также друзья и знакомые осужденных, случайные люди, асоциальные лица из района места проживания, угрозы могут быть не связанными с профессиональной деятельностью сотрудников). Они проявлялись в агрессивном поведении осужденных и их родственников, грубом отношении при посещении осужденных по месту жительства, угрозе физической расправой; в натравливании на инспектора собак при выходе в адрес, угрозе в адрес родных сотрудника (практика показывает, что угрозы могут быть как реальными, так и потенциальными). На наш взгляд, это обусловлено тем, что сохраняется сложный криминогенный состав подучетных лиц: анализ практики позволяет утверждать о наличии у осужденных алкогольной и наркотической зависимости, неспособность решать имеющиеся у подучетных лиц проблемы установленными законом способом; нежелание встать на путь исправления; наличие судимостей (все это нередко обуславливает совершение осужденными повторного преступления после постановления на учет УИИ).

Об этом свидетельствует и официальная статистика, согласно которой уровень повторной преступности подучетных лиц в 2018 г. сохраняется достаточно высоким (2017 г. – 2,44 %, 2018 г. – 2,09 %). В связи с этим необходимо усилить профилактическую работу с группой риска, в том числе обеспечить более тщательное изучение личности подучетных в целях выработки индивидуальных мер воздействия, максимально использовать возможности иных субъектов взаимодействия в рамках предупреждения преступлений и иных правонарушений осужденных.

При определении мер по обеспечению безопасности сотрудников УИИ следует исходить из того, что угрозу безопасности сотрудники испытывают как в свободное от работы время, в рабочее время, так и во время участия в профилактических мероприятиях, что обуславливает необходимость наличия у них не только специальных знаний, но и соответствующей психологической подготовки. По этому поводу особо следует отметить загруженность сотрудников в рамках выполнения поставленных задач, стрессы, в связи с чем нужно обратиться к вопросу оптимизации организационно-штатной структуры УИИ и нагрузки на сотрудников.

3. Об эффективности правоохранительной деятельности в рассматриваемой сфере можно судить по состоянию законности в деятельности сотрудников УИИ, а также исправительных центров и изолированных участков, функционирующих как исправительные центры (в 2018 г. в их адрес поступило больше актов прокурорского реагирования, чем в предшествующем году) [8]. В целях совершенствования рассматриваемой правоохранительной деятельности необходимо, например: обеспечить контроль за осужденными, в том числе в рамках внешнего взаимодействия; своевременно направлять в суд в предусмотренных законом случаях представления с целью применения соответствующих мер воздействия; обеспечить контроль за соблюдением осужденными к ограничению свободы установленных судом ограничений; своевременно применять меры реагирования в связи с выявленными нарушениями порядка и условий отбывания этого наказания, в том числе с помощью СЭМПЛ; обеспечить контроль за соблюдением осужденными к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотренного судом запрета со стороны администраций организаций, в которых работают такие осужденные, а также органов, правомочных аннулировать разрешение на занятие определенной деятельностью; обеспечить контроль за нахождением подозреваемых (обвиняемых) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и соблюдением установленных судом запретов и своевременно принимать меры реагирования на выявленные нарушения; соблюдать сроки и обеспечить высокую эффективность первоначальных розыскных мероприятий в отношении подучетных лиц; обеспечить исполнение трудового законодательства при исполнении принудительных работ; тщательный анализ актов прокурорского реагирования для принятия мер реагирования в каждом конкретном случае на основе выявленных причин и условий, способствовавших нарушению законности.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Российская газета. – 2018. – Федер. вып. № 85 (7548).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст] : федер. закон : [от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.
3. Коробкова, Е. А. Честно и добросовестно служить Закону и народу! (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е.А. Коробковой) / Е. А. Коробкова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 5. – С. 3–14.
4. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2018 году : обзор ФСИН России.
5. Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений : приказ Минюста России, МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 (с изм.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений": Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 503-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 1 (часть I). – Ст. 44.
7. Ермасов, Е. В. Состояние и перспективы совершенствования нормативного правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества / Е. В. Ермасов // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г., г. Пушкин). – Пушкин, 2017. – С. 57–72.
8. О состоянии законности в деятельности уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров в 2018 году : обзор ФСИН России.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Щербаков А.В. (г. Псков, Россия)

В процессе своего исторического развития человечество использовало два основных способа противодействия преступным посягательствам на права и законные интересы личности, общества, государства: наказание за совершенные преступления и предупреждение преступлений [1].

В соответствии со ст. 43 УК РФ цель уголовного наказания рассматривается как уголовно-правовое предупреждение преступлений (преступности). В то же время следует учитывать, что приоритетным из двух рассматриваемых направлений является предупреждение (приоритет указанного направления закреплен в Концепции национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г.). Правоприменитель наиболее часто склоняется к уголовно-правовому предупреждению, поскольку его процедура урегулирована и является наиболее простой по форме реализации.

Отдельные ученые-пенитенциаристы (Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов) отмечают комплексный многоуровневый характер предупреждения преступлений, который включает в себя: выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий; выявление и устранение криминологической ситуации на определенных территориях и в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений; выявление групп повышенного криминального риска; выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и оказание на них соответствующего корректирующего воздействия [2].

Комплексный характер предупреждения преступления в местах лишения свободы может быть обусловлен следующими признаками:

- 1) участие в предупреждении преступлений всех отделов и служб пенитенциарного учреждения;
- 2) необходимость взаимодействия с правоохранительными органами, государственными учреждениями и общественными организациями;
- 3) регламентация предупреждения федеральным законодательством, Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и т. д.;
- 4) наличие системы мер предупреждения, включающей в себя общую и индивидуальную профилактику, пресечение подготавливаемых преступлений.

Таким образом, деятельность администрации мест лишения свободы по предупреждению преступлений носит комплексный характер, предусматривающий осуществление предупредительных функций всеми службами пенитенциарного учреждения и взаимодействующими субъектами, регламентированный федеральным законодательством, направленным на функционирование системы мер общей и индивидуальной профилактики и своевременное пресечение преступлений.

Профилактика правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, направлена на выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений (общая профилактика), а также на установление лиц, от которых с наибольшей вероятностью следует ожидать совершения правонарушений, и оказание на них корректирующего воздействия (индивидуальная профилактика).

При выявлении причин и условий правонарушений пенитенциарного учреждения используются сведения, содержащиеся:

- в отчетности о состоянии преступности и дисциплины;
- материалах ведомственных и прокурорских проверок;
- материалах служебных проверок, предварительного следствия;
- представлениях органов прокуратуры и определениях судов;
- переписке лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, сведениях, полученных на личном приеме;
- медицинской документации;
- данных по результатам несения службы по охране и надзору;
- оперативной информации;
- в информации воспитательных служб (приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы»).

На наш взгляд, указанные источники получения информации нуждаются в корректировке и уточнении, так как:

- 1) отчетность о состоянии преступности и дисциплины не охватывает все криминологические детерминанты, характеризующие качественное изменение преступности в местах лишения свободы, а в большей мере основывается на ее количественных показателях;
- 2) имеется определенный разрыв между теорией и практикой, обусловленный отсутствием использования криминологических методик, разрабатываемых учеными-пенитенциаристами;
- 3) пункт 10 Инструкции предусматривает наличие взаимодействия в организации и проведении мероприятий по предупреждению преступности. В то же время информация, получаемая из иных правоохранительных органов, государственных учреждений и общественных организаций, не содержит сведений о причинах и условиях правонарушений;
- 4) в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» термин оперативной информации отсутствует, между тем ст. 11 в целях обеспечения предупреждений и пресечения преступлений использует понятие результатов оперативно-розыскной деятельности (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ).

В оперативно-розыском значении результатами оперативно-розыскной деятельности могут быть конкретные события, действия и их последствия в виде предупреждения, пресечения конкретного преступления, разоблачения преступной группы, ликвидации условий для совершения преступления, дезинформации преступников и др. [3].

Специальное (криминологическое) предупреждение характеризуется следующими признаками: направленность принимаемых мер именно на предупреждение преступности (ее отдельных видов и конкретных пре-

ступлений); используемые профилактические средства обусловлены возможностями взаимодействия управленческих и общеобразовательных мер, рассчитанных именно на воздействие на преступность (ее отдельные виды); наличие специальных субъектов ее осуществления. При этом общесоциальное и специальное предупреждение взаимосвязаны и представляют собой взаимоподкрепляющие друг друга виды деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев, В. Н., Эминов, В. Е. Криминология : учебник / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – 4-е изд. – М. : Норма, 2009. – 800 с.
2. Антонян, Ю. М., Еникеев, М. И., Эминов, В. Е. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М. : Юрист, 1996. – 336 с.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. В. С. Овчинский] ; вступ. ст. В. Д. Зорькина. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 576 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ В СФЕРЕ ГОСТЕПРИИМСТВА

Егоров В.Е. (г. Псков, Россия)

Услуги, в наше время приобрели весомую правовую оценку и закреплены в Конституции Российской Федерации. Статьи 8 и 74 Конституции [7] гарантируют свободное перемещение услуг на территории России.

Услуги, согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее ГК РФ), являются объектом гражданских прав. Однако названная норма не раскрывает признаки услуг, не дает четкого определения и понятия услуги. ГК РФ в статье 779 уточняет, что оказать услуги – это значит совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность.

В доктрине права отмечается, что дать точное определение понятия услуги не просто. По мнению исследователей, услуга представляет собой не вещь, не материальный предмет, а весьма разнообразную по характеру деятельность, работу.

К примеру, по суждению Г. М. Вельяминова услугу в юриспруденции определяют, как разновидность товара, для которого момент производства и момент потребления совпадают во времени, или в качестве работы, сделанной для других, результатом которой не являются осязаемые вещи или товары. Услуги, по его мнению, называют иногда «невидимыми статьями торговли» [2].

По мнению А. В. Дроздовой услуга – это «способ удовлетворения индивидуальной потребности лица, который не связан с созданием (улучшением) вещи или объекта интеллектуальной собственности и достигается в результате действия (операции) или деятельности определенного человека или организации, допускаемой действующим законопорядком» [4].

А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков и С. А. Чаркин, в своих трудах полагают, что услуга представляет собой осуществляемые по заказу действия или деятельность, которые не имеют материального результата. Иными словами услуга, то есть поведение обязанных лиц, не имеет материальной формы, только их результат и является объектом обязательственных прав [1].

Возмездное оказание услуг сегодня наиболее динамично развивающийся сектор экономики. Деятельность по оказанию услуг простирается в сферу удовлетворения социальных, бытовых, духовных человеческих потребностей. Услуги проникли во все сферы деятельности человека и приобрели достойную потребительскую оценку.

Неудивительно, что многие виды услуг стали регулироваться специальными нормативно-правовыми актами. Например, в сфере туризма – Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», в сфере гостеприимства – Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» и отдельными «Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации», в сфере образования – Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации».

В рамках этой статьи хотелось бы подробнее остановиться на Правилах предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации. Как известно, над этой темой в целом занимаются социологи, экономисты и, конечно же юристы. Но все же проблема правового регулирования предоставления услуг в сфере гостеприимства в доктрине права не нашла соответствующего внимания.

К примеру, по мнению А. С. Кускова и Н. В. Сирик [8, с. 187] «в российском законодательстве не определен вид договора, заключаемого между постояльцем и гостиницей». А если это так, то можно предположить, что отношения между потребителем – постояльцем и гостиницей должны строиться в рамках статьи 779 ГК РФ, то есть по договору возмездного оказания услуг [5].

Противоречивые суждения в юридической литературе и практической деятельности дали основание для принятия новых Правил предоставления гостиничных услуг, которые были утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 октября 2015 года за № 1085 [9] (далее Правила). Правила были разработаны в соответствии ст. 39.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» [6] и стали регулировать правоотношения, возникающие при предоставлении гостиничных услуг.

Примечательно, что в пункте 3 Правила приводят основные понятия как то гостиничные услуги, гостиница и иное средство размещения, потребитель, исполнитель и т.д. Стоит остановиться на этих понятиях, так как они значимы для раскрытия вопроса исследования.

Отныне гостиничные услуги – это комплекс услуг по обеспечению временного проживания в гостинице, включая сопутствующие услуги, перечень которых определяется исполнителем.

Гостиница и иное средство размещения приведены в Правилах как имущественный комплекс (здание, часть здания, оборудование и иное имущество) предназначенный для оказания гостиничных услуг.

Понятие потребителя Правила приводят в следующей редакции: гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий и (или) использующий гостиничные услуги исключительно для личных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Исполнителем, Правила называют организацию независимо от организационно-правовой формы, а также индивидуального предпринимателя, предоставляющие потребителю гостиничные услуги.

Особого интереса заслуживает содержание понятия заказчика, приведенное в Правилах: физическое (юридическое) лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее или приобретающее гостиничные услуги в соответствии с договором об оказании гостиничных услуг (далее-договор) в пользу потребителя.

Как видно Правила приводят различную терминологию в раскрытии понятий. Гостиничные услуги в одном месте обеспечиваются и оказываются исполнителем, в другом – приобретаются, в третьем – предоставляются и используются. Следовательно нет четкого определения в раскрытии понятия «гостиничные услуги», что существенно вводит потребителя в заблуждение и, в конечном итоге, порождает двоякое толкование названных дефиниций, а это недопустимо в юриспруденции.

Согласно действующему законодательству «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [10], гостиничные услуги входят в состав турпродукта. В таком случае, можно по аналогии обратиться к закону о туристской деятельности, где четко определено каким образом туристские услуги (турпродукт) реализуются туристам. Закон определяет туристский продукт как комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену по договору о реализации туристского продукта. Можно смело предположить, что гостиничные услуги также реализуются, а не приобретаются потребителем по договору как отмечено в Правилах.

Таким образом возникает необходимость внесения изменения в п. 3. Правил в предлагаемой нами редакции: «гостиничные услуги» – комплекс услуг, предоставляемый потребителю на время проживания в гостинице по договору о реализации гостиничных услуг.

Требования к гостиничным услугам должны строго определяться договором, для заключения которого необходимо достигнуть соглашения по всем существенным условиям. К ним можно отнести условия о реализуемых услугах, цену и срок договора. В нем четко должны прописываться объем и качество услуг, реализуемые исполнителем. Договор оформляется в письменной форме и подписывается двумя сторонами. Таким образом договор становится важным документом, свидетельствующим достижения соглашения между потребителем и исполнителем. Кроме того, заключение договора является регулирующим правоотношения юридическим фактом между потребителем и исполнителем. Это фактически сделка, порождающая договорные правоотношения между сторонами.

Сторонами договора реализации гостиничных услуг являются с одной стороны, потребитель, то есть физическое лицо имеющее намерение реализовать или реализующее гостиничные услуги исключительно для личных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а также заказчик (физическое или юридическое лицо) имеющее намерение реализовать в будущем гостиничные услуги в пользу потребителя, и с другой стороны, гостиница или иное средство размещения, представляющие собой имущественный комплекс, предназначенный для оказания гостиничных услуг.

Предметом договора становятся отношения, возникшие между потребителем и исполнителем, где потребитель, являясь кредитором, заказывает услуги, платит за них и требует надлежащего исполнения, а должник (исполнитель) обязуется предоставить соответствующие гостиничные услуги, реализуемые надлежащим образом, получает за них плату и отвечает за их качество перед кредитором.

Объектом договора являются реализованные гостиничные услуги, достигнутые как конечный результат по договору, то есть то по поводу чего возникает правоотношение по договору между субъектами. Договор консенсуальный, двусторонний и возмездный.

В соответствии с п. 20 Правил договор должен содержать обязательные требования: наименование исполнителя, сведения о его государственной регистрации; сведения о заказчике (потребителе); сведения о предоставляемом месте в гостинице; цену номера (места в номере); период проживания в гостинице; а также иные сведения, входящие в комплекс гостиничных услуг по усмотрению исполнителя.

Примечательно, что Правила запрещают исполнителю без согласия потребителя предоставлять иные платные услуги, не входящие в цену номера. А вот без дополнительной оплаты исполнитель, по просьбе потребителя, обязан обеспечить ряд услуг, как-то вызов скорой помощи и других специальных служб; пользование медицинской аптечкой; доставка в номер корреспонденции, адресованной потребителю, по ее получении; побудка к определенному времени; предоставлении кипятка, иголок, ниток, одного комплекта посуды и столовых приборов; а также иные услуги по усмотрению исполнителя.

Исполнитель обязан реализовать потребителям услуги круглосуточно, как прибывающим в гостиницу, так и убывающим из нее. Потребитель обязан оплатить реализованные гостиничные услуги в полном объеме. А исполнитель обязан, после осуществления расчета с потребителем, выдать потребителю кассовый чек или иной документ, оформленный на бланке строгой отчетности.

Кроме этого, потребитель обязан соблюдать правила проживания в гостинице и пользования гостиничными услугами, установленные исполнителем самостоятельно в рамках действующих Правил.

Особо отмечаем, что Правила предусматривают возможность как потребителя так и исполнителя применить право в любое время отказаться от договора реализации гостиничных услуг. При этом потребитель должен оплатить исполнителю фактически понесенные им расходы. Исполнитель в одностороннем порядке может отказаться от реализации договора, если потребитель нарушает условия договора.

Исполнитель отвечает за сохранность вещей потребителя в соответствии с законом, требования которого изложены в ст. 925 ГК РФ. Правила предусматривают ответственность исполнителя за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору; за вред, причиненный жизни или здоровью потребителя, не отвечающих требованиям и (или) условиям договора. Ответственность потребителя наступает в том случае если он теряет или наносит повреждения по своей вине имуществу гостиницы.

В заключении целесообразно отметить, что Правила страдают некоторой правовой безграмотностью, особенно в пункте 3 главы I Общие положения. К примеру, вызывает особый интерес понятие «потребитель» им назван гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий и (или) использующий гостиничные услуги исключительно для личных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Разве потребителем может быть только гражданин нашей страны? Иностранные лица не могут быть потребителями гостиницы? Целесообразно было указать вместо гражданина физическое лицо, что подразумевает в качестве потребителя и наших граждан и иностранных. Кроме этого, гостиничные услуги не приобретаются, не используются и не продаются, а реализуются в соответствии с договором.

Предлагается понятие потребителя изложить в следующей редакции: «потребитель» – физическое лицо, имеющее намерение заключить договор реализации гостиничных услуг или заключивший договор реализации гостиничных услуг для личных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Понятие «заказчик» также требует изменения и нами рекомендуется изложить его в следующей редакции: «заказчик» – физическое (юридическое) лицо, имеющее намерение реализовать или реализующее гостиничные услуги в соответствии с договором реализации гостиничных услуг (далее – договор) в пользу потребителя. В Правилах договор поименован «договором об оказании гостиничных услуг», что так же несколько не соответствует нормам гражданского законодательства и требует изложения в предлагаемой нами редакции: договор реализации гостиничных услуг.

Думается, что в проведенном исследовании автором даны ответы не на все вопросы, раскрывающие и разрешающие проблемы правового регулирования в реализации гостиничных услуг, поэтому они несут дискуссионный характер и приглашают на дальнейшее обсуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. П. Гражданское право России. Особенная часть: учебник для бакалавров / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин; под общ. ред. А.Я. Рыженкова. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 703 с. – Серия: Бакалавр. Базовый курс.
2. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): Учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 496 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – Москва : Проспект, 2018. – 704 с.
4. Дроздова А. В. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав. Сибирский Юридический Вестник. – 2003. – N 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1125002> – Дата доступа 09. 07. 2019 г.
5. Егоров В. Е. Некоторые проблемы правового регулирования в реализации гостиничных услуг //Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2017. № 6. С. 114-119.
6. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 18.03.2019) "О защите прав потребителей". [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/. – Дата доступа 09. 07. 2019.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа: 09. 07. 2019.
8. Кусков А. С., Сирик Н. В. Правовое обеспечение сферы туризма: учебное пособие / А. С. Кусков, Н. В. Сирик. – Москва: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2014. – 400 с.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 октября 2015 года № 1085 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации (ред. от 30.11.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации, 19. 10. 2015 г. № 5796.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 24. 11. 1996 г. № 132 – ФЗ (в ред. от 04. 06. 2018 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/. Дата доступа 09. 07. 2019.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАТУСА СУДЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Ивашкевич Е.Ф. (г. Витебск, Беларусь)

В соответствии с общепринятыми нормами отправлять правосудие призваны судебные органы, которые, как правило, в своей деятельности независимы ни от одной из ветвей власти и третьих лиц, руководствуются конституцией и законодательством, действующим в государстве. Однако, суд – это государственный орган, составной частью которого и, по существу, основным действующим элементом является судья. Именно данное должностное лицо рассматривает и разрешает вопросы в судебном порядке. Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что именно судье в первую очередь требуется защита от неправомерного вмешательства в его деятельность, обеспечение государством исключительных правовых гарантий, позволяющих ему действовать в рамках конституции и закона, беспристрастно исполняя свои должностные обязанности.

Вопросу о статусе судей во всех странах без исключения уделяется большое внимание. В большинстве из них основополагающие принципы, составляющие основу правового статуса судей, формулируются в конституциях или законах. Согласно Европейской хартии о статусе судей, принятой 8-10 июля 1998 г. на организованной Советом Европы многосторонней встрече, «статус судей означает обеспечение компетентности, независимости и беспристрастности, которых любой человек законно ожидает от судебных органов и от каждого судьи, которому доверена защита его прав. Он исключает любое положение и любую процедуру, способные поколебать доверие к этой компетентности, независимости и беспристрастности» [1]. Конвенция содержит следующие ключевые положения: требования к кандидатам на должность судьи могут быть связаны с наличием юридического образования и стажа работы и не могут быть обусловлены их половой, этнической или социальной принадлежностью, философскими, политическими или религиозными убеждениями; решение о назначении судьи должно приниматься независимой инстанцией исполнительной или законодательной власти; применение мер ответственности к судье возможно лишь с согласия судебного органа или независимой инстанции, включающей не менее 1/2 судей; государство должно гарантировать судье поддержание определенного уровня жизни, углубление знаний путем регулярного доступа к профессиональному образованию за счёт государственных расходов [1].

Во многих странах особенности статуса судей закреплены на конституционном уровне. Так, в ст. 152 Конституции Бельгии судьи занимают свой пост пожизненно. Возраст, по достижении которого судья обязан уйти в отставку, а также вопросы пенсионного обеспечения регулируются в государстве отдельным законом. Данным должностным лицам вменяется в обязанность осуществлять правосудие и запрещается оказывать правительству оплачиваемые услуги, если только они не делают это безвозмездно и лишь в случаях, предусмотренных законом о несовместимости (ст. 155) [2].

В Болгарии ст. 129 (2) Конституции содержится норма, согласно которой судьи становятся несменяемыми по истечении 3-летнего срока пребывания на занимаемой должности, регламентированы случаи, в которых судья освобождается от должности: в случае ухода на пенсию, подачи заявления об отставке, вступления в силу приговора, которым назначено наказание в виде лишения свободы за умышленное преступление, а также при длительной (более года) фактической невозможности исполнять свои обязанности. Кроме того, судьи пользуются иммунитетом наравне с депутатами (не могут быть привлечены к уголовной ответственности за высказанное в процессе своей деятельности мнение; не могут быть задержаны, против них не может быть возбуждено уголовное преследование, иначе как в случае совершения тяжких преступлений, разрешение на задержание не требуется в момент совершения тяжкого преступления – ст. 69, 70). Вопрос о снятии иммунитета судьи решается Высшим судебным советом – высшим органом судейского самоуправления Болгарии [3].

В Греции судебные чиновники назначаются также пожизненно Президентским декретом (вопросы необходимых для назначения качеств и процедуры отбора кандидатов, их ранга, назначения окладов, общие вопросы служебного положения определяются особыми законами – ст. 88), а продвижение по службе, перемещение, прикомандирование и переаттестация судебных чиновников происходит на основании предшествующих решений Высшего судебного совета (ст. 90 Конституции). В соответствии с п. 4 ст. 88 судебные чиновники могут быть отстранены от работы только по решению суда вследствие признания их виновными в совершении уголовного преступления или серьезного дисциплинарного проступка, а также вследствие болезни, инвалидности или служебного несоответствия, подтвержденных в определенном законом порядке. Вышеописанное правило, согласно которому судьи занимают свою должность пожизненно, не распространяется на судебных чиновников вплоть до ранга члена или заместителя прокурора апелляционного суда и приравненных к ним рангов, которые покидают службу в обязательном порядке по достижении 65-летнего возраста, а те, кто имеет более высокий ранг, покидают службу в обязательном порядке по достижении 67 лет. Днем достижения возрастного ценза считается 30 июня года ухода судебного чиновника со службы. Как и в большинстве европейских государств, в Греции перемещение судебных чиновников запрещается. В порядке исключения допускается перемещение постоянных судей с целью замещения должностей заместителей прокурора Ареопага (в общей сложности до половины этих должностей), а также взаимное перемещение заместителей членов судов первой инстанции по просьбе перемещаемых. Гарантией беспристрастного и качественного рассмотрения дел судьями является запрет предоставлять какие-либо иные оплачиваемые услуги, равно как и занятие какой-либо иной

профессиональной деятельностью (ст. 89). В порядке исключения допускается избрание судебными чиновниками членов Академии, профессоров или доцентов вузов, а также их участие в специальных административных судах, советах или комиссиях, за исключением административных советов предприятий и торговых фирм. Допускается также возложение на судебных чиновников административных функций либо параллельно с исполнением ими своих основных обязанностей, либо с отрывом от них на определенный срок [4].

В Польской Республике судьи аналогично несменяемы и не могут быть смещены с должности, переведены в другую местность или на другую должность, за исключением случаев перевода либо смещения в силу решения суда. В соответствии с п. 5 ст. 180 Конституции в случае изменения устройства судов или изменения границ судебных округов судью можно переводить в другой суд или отправлять в отставку с сохранением за ним полного оклада. Закрепляется традиционная для конституций последнего поколения норма об иммунитете судьи: «Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности или лишен свободы без предварительного согласия определенного в законе суда, ... не может быть задержан или арестован, за исключением случая, когда он застигнут на месте преступления и если его задержание необходимо для обеспечения надлежащего хода процесса. О задержании незамедлительно уведомляется председатель компетентного местного суда, который может распорядиться о немедленном освобождении задержанного» (ст. 181) [5].

Ст. 216 «Гарантии и несовместимость должностей» Конституции Португалии также регламентирует правовую статус судей. В соответствии с ней, «судьи, выполняя свои служебные обязанности, не могут одновременно выполнять какие-либо иные функции в публичных или частных организациях, за исключением преподавания и научно-исследовательской работы в сфере юриспруденции без получения вознаграждения». Кроме того, должностные лица судов при исполнении своих обязанностей не могут быть назначены в служебные комиссии, не имеющие отношения к деятельности судов, без разрешения компетентного высшего совета. Следует указать, что отдельным законом может быть установлена несовместимость должности судьи при исполнении служебных обязанностей с иными должностями или родом занятий (п. 5 ст. 216). Приобретение статуса судьи, а также перевод, продвижение по службе судей судов общей юрисдикции и применение дисциплинарных мер входит в компетенцию Высшего совета магистратуры. В отношении судей административных и фискальных судов указанные вопросы входят в компетенцию соответствующего высшего совета. В отношении судей остальных судов определяет правила и устанавливает компетенцию по введению в должность, переводу, применению дисциплинарных мер отдельный закон (ст. 217) [6].

Не менее содержательной в вопросе регулирования правового статуса судьи является Конституция Словакии. В п. 5 ст. 145 указано: «принесением присяги судья принимает свою функцию». В п. 2 ст. 145а закреплено, что судья осуществляет её на профессиональной основе: «осуществление функции судьи несовместимо с функцией в ином органе публичной власти, нахождением на государственной службе, с трудовым правоотношением либо аналогичным правоотношением, предпринимательской деятельностью, членством в руководящем либо контрольном органе юридического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, с иной хозяйственной деятельностью либо приносящей доход деятельностью, кроме управления собственным имуществом, научной, педагогической, литературной деятельностью либо деятельностью в области искусства, членством в Судебном совете Словацкой Республики». Указанные основания являются поводом для прекращения полномочий судьи. Отказаться от осуществления своей функции судья может по собственному желанию путем письменного заявления Президенту Словакии. В таком случае его деятельность прекращается с истечением календарного месяца, в котором было подано данное заявление. Кроме того, существует обязанность Президента по предложению Судебного совета Словацкой Республики отзывать судью на основе вступившего в законную силу обвинительного приговора за умышленное преступление или, если судья был осужден вступившим в законную силу приговором за преступление и суд не принял решения об условном исполнении наказания в виде лишения свободы, на основе решения дисциплинарного сената за деяния, несовместимые с осуществлением функции судьи, или в связи с утратой права избираться в Национальный совет Словацкой Республики (гражданин Словацкой Республики, обладающий избирательным правом, достигший 21 года и постоянно проживающий на территории Словацкой Республики – п. 2 ст. 74). Президент может отозвать судью, если его состояние здоровья длительное время (не менее года) не позволяет надлежащим образом осуществлять обязанности, если он достиг 65 лет (ст. 146-147) [7].

Особый интерес представляет содержание статей Основного закона ФРГ. Это объясняется двойной системой судебных органов – на уровне Федерации и земель. Согласно ст. 98 правовое положение федеральных судей должно регулироваться федеральным законом, а судей в землях – законами земель. Если федеральный судья на службе или вне ее нарушает принципы Основного закона или конституционного строя какой-либо земли, то Федеральный Конституционный суд может по предложению Бундестага и большинством 2/3 своих членов распорядиться о переводе судьи на другую должность или увольнении его в отставку, в случае умышленного нарушения – о смещении с должности. В любом случае вынесение решения по обвинению судьи принадлежит ФКС (п. 5 ст. 98). Следует отметить, что в ФРГ (как и в Польше) при изменении судебной организации или судебных округов судьи могут быть переведены в другой суд либо освобождены от должности, но с сохранением полного содержания (п. 2 ст. 97) [8].

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что в большинстве европейских государств особое внимание уделяется вопросам назначения и несменяемости судей, их независимости, особому порядку отстранения их от должности по установленному перечню оснований, иммунитету судьи, вопросу несовместимо-

сти их функций с другой оплачиваемой деятельностью. В соответствии с международными стандартами в области правосудия статус судьи – единое целое, состоящее не только из правовых гарантий несменяемости и неприкосновенности, но и гарантий материального и социального обеспечения судей, которые в своем единстве создают условия для реализации конституционных принципов правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Европейская хартия о статусе судей от 10 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2559965/>. – Дата доступа: 19.06.2019.
2. Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 25.06.2019.
3. Конституция Республики Болгария от 12 июля 1991 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 20.06.2019.
4. Конституция Греции от 11 июня 1975 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 20.06.2019.
5. Конституция Республики Польша от 2 апр. 1997 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: Волтерс Клувер, 2001. – С.686-732.
6. Конституция Португальской Республики от 2 апр. 1976 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. и со вст. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1999. – С.521-600.
7. Конституция Словацкой Республики от 1 сент. 1992 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 18.06.2019.
8. Основной Закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. и со вст. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1999. – С.181-234.

ПРАВОВАЯ ЭКСПАНСИЯ ИЛИ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ: АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Рожкова А.Ю. (г. Псков, Россия)

В условиях растущих темпов цифровизации правовых систем на международном и национальном уровне очевидны негативные проявления правовой экспансии, ее аналогов, как: политическая, регулятивная, принудительная рецепция, именно в субъективной интерпретации экспансии как императив унификации норм правовой системы в целях формирования единого правового пространства, угрожающей сохранности суверенитета, исторической самоидентификации. Возникает подмен толкования имплементации и рецепции, и наступает дисбаланс правового диалога систем правосознания.

Очевидным примером процесса правовой экспансии является правовая ассимиляция стран-колоний метрополиями (навязывание англосаксонской правовой культуры странам-колониям).

Ярким примером явилась в 90-х годах в России идеология «передового западного правового опыта» в силу преодоления «догоняющего характера экономического развития» [7, с.79]. По существу, подмена осуществлена посредством применения политтехнологий как чуждый инструмент воздействия на правовую систему, в том числе на сегодня процессов цифровизации правовой системы. Вступление России в мировые интеграции (ВТО, МВФ, ПАСЕ, и т.д.) при ратификации международных норм в национальной правовой системе.

Так, А. В. Скоробогатов определяет: «Правовая экспансия – это насильственное навязывание культурно чуждых правовых ценностей» [9, с.1587].

В свою очередь, А.Е. Абрамов выявляет латентные переходы от имплементации правовых основ к принудительной рецепции (модификации норм) [8, с.1336], и завершение правовой экспансии доминированием, обусловленным изменением социально-экономических условий (преимущества ресурсного потенциала, процессов транснационализации сегментов мирового рынка, попытки мирового господства) – что подрывает национально-правовой суверенитет и историческую самоидентификацию государства.

В.Н. Карташев выделяет *эффективность* правовой экспансии [8, с.1337], которая очевидна, по нашему мнению, выражена такими гео-экономическими показателями, как: концентрация мирового рынка, достижение ресурсного потенциала, уровень мировой демографии – где мировоззренческие ценности сведены к меркантилизму и абсолютизации правового позитивизма.

Т.А. Романова выделяет *регулятивную* экспансию [8, с.1338] как основной инструмент (кодификацию норм) принудительной рецепцией в качестве аналога правовой экспансии на примере создания международных интеграций и союзов (ЕС, НАФТА, АСЕАН, ЕАЭС) и предлагает ее упреждать в интересах правовой самоидентификации общества.

Следовательно, на современном этапе формирования единого правового пространства присутствует политико-экономическая экспансия как одно из распространенных и негативных проявлений правовой экспансии, основанной на политической идеологии (например, либерализм, демократия, марксизм). На сегодня трансформация правовой системы российского общества подвержена «вестернизации» под видом соблюдения международных норм, формирования единого правового пространства, в том числе по причине непрекращающихся переходных социально-экономических процессов и кризисов общества.

Поэтому, обоснованность применения правовой имплементации выражена как диалог правовых систем, мировоззрений на основе преемственности, развития основ естественного права в балансировании с позитивизмом неизбежном процессе формировании единого правового пространства.

По мнению ученого А.В. Скоробогатова, имеет место правовая имплементация со свойственностью признания *институтов* демократии, свободы, прав и интересов человека, граждан, тем самым юридически закрепляя нормы гражданского общества как основополагающий аспект развитой правовой системы. Инструментом правовой имплементации служит позитивное право и его социальный эффект (ст.7 Конституции РФ). К сожалению, по мнению автора, для России правовой формой в переходный период в части реформирования правовой системы, в том числе «декриминализации» уголовного права, служит далеко не имплементация, а скорее частичная правовая экспансия с применением позитивистским, порой лоббированным правовым инструментом.

Свойственным *принципом* имплементации (М. А. Пшеничнов, В. А. Летяев, Ю. Н. Фольгерова) [6, с.4,10] служит осознанно-добровольное заимствование, проникновение, дополнение и изменение отдельных основ правовой системы – что обуславливает диалог и совершенствования правовых систем.

Правовая имплементация осуществляется посредством *позитивистских подходов* формирования правового сознания как основной инструмент, порой, как исключение, имеющего внешние признаки единого правового пространства на примере имплементации основ мусульманской правовой системы западным правовым сознанием. Несмотря на внешнюю имплементацию правовых основ исламская правовая системы, где догматом и доктриной выступает религия, обеспечивает сохранность правовой самоидентификации общества.

Отметим *свойства* позитивного подхода имплементации правовой системы. Л.В. Сокольская выделяет признаки имплементации, а именно: - правящая элита государства; - политическая природа на примере византийского права в принятии христианства; - добровольность принятия и закрепления основ правовой культуры (Г.И. Муромцев, В.А. Томисин, Г.М. Азнагулова, О.В. Мартышин, С.А. Сафронова, В.В. Мантуров) [2, с.276]; - правовое осознание исторических изменений и необходимости модифицировать системы правовой культуры; исторические стадии (потребности, адаптация, усвоение, результат); - культурно-правовая преемственность (Н.Неновски, Г.В.Мальцев [3, с.274]) как один из основных признаков совершенствования правовой культуры общества; - механизм взаимовлияния, эволюции, гармонизации норм правовой системы [10, с. 34].

В целом, имплементация правовой системы сопряжено с цивилизационным мировоззрением, эволюцией культурно-исторических условий, религиозными традициями общества, и современным преобладанием позитивистских концепций правосознания.

Однако положительным результатом имплементации естественных норм правовой системы является принятие Всеобщей декларации о культурном разнообразии межкультурного диалога в качестве наилучшей гарантии мира. В декларации говорится, что «защита культурного разнообразия является этическим императивом, неотделимым от уважения достоинства человеческой личности» [10, с.35].

Очевидно, что концепция имплементации правовой системы обусловлена *константами* цивилизационного (духовно-культурологического) подхода (И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, И.Л. Солоневич, В.В. Сорокин, А.М. Величко, О.И. Цыбулевская, В.Н. Синюков) [2, с.49]. Так, А.И. Овчинников определяет правовое мышление как «феномен сферы духовного мира человека». Д.В. Зыков отмечает: правовое мышление «может и должно быть объективным, формальным и догматичным, поддерживающим общественное сознание и поведение на сравнительно высоком культурном уровне общежития» [3, с. 279]. С указанными положениями трудно не согласиться в силу императива объективного позитивизма в части квалификации норм и правомерной правоприменительной практики.

В качестве примера о сохранности констант мировоззренческой религиозной идеологии формирования правового мышления отметим особенности мусульманской правовой культуры, распространения шариата на завоеванных Арабским халифатом территориях.

В составе мусульманской правовой культуры присутствуют свойственные черты [2, с.50] правовой системы (VII–X вв. в Арабском халифате), как архаичность, казуистичность, внешний позитивизм кодифицированных религиозных постулатов.

Внешний позитивизм норм мусульманской правовой системы выразил правовед М.Н. Марченко [4, с.87-88] следующими примерами.

1. Ст. 2 Конституции Исламской Республики Иран (1979 г. и обновленной в 1989 г.) гласит, что Исламская Республика — это система правления, основанная на вере в: 1) единого Бога, в то, что он устанавливает законы шариата и что человек должен покоряться его воле; 2) божественные откровения и их основополагающую роль в толковании законов; 3) страшный Суд и его конструктивную роль в человеческом совершенствовании на пути к Богу.

2. Ст. 57 устанавливает три ветви власти под контролем имама.

3. Уголовный кодекс (1840 г.) законы под названием «канун-нама» (танзимат) основан на хууд и тазире. К установленным – весьма жестким – мерам наказания приговаривают только за шесть преступлений (убийство, прелюбодеяние, ложное обвинение в прелюбодеянии, воровство, употребление спиртных напитков, вооруженное ограбление и бунт).

4. Majalla (1869–1876 гг.) – свод мусульманско-правовых норм в области права собственности и обязательственного права на основе выводов ханифитской школы.

5. Закон о кисасе (1981) повторяет положения традиционного мусульманского уголовного права.

В целом, религиозные свойства правовой системы подверглись изменению посредством имплементации лишь внешне, кодификацией фикха, в остальном наблюдается правовая экспансия.

В свою очередь, результатом имплементации явилось материальное и процессуальное исламское право, которое применяется нешариатскими судами и без учета традиционных правил фикха. Примером имплементации выступает возникновение позитивного (статутного) исламского права, выраженное во взаимозаимствовании с общим правом. Действующие гражданские и торговые кодексы европейского типа предусматривают отдельные исламские правовые нормы, принципы и даже институты (например, относительно злоупотребления гражданским правом, преимущественного права на землю). В частности, в области гражданского и предпринимательского права правоведом М.Н. Марченко выявлена имплементация европейским правом [5, с. 10-11] норм религиозно-правовых семей в части развития ипотеки и беспроцентных кредитов, что вполне отвечает нормам шариата и европейскому порядку соглашения сторон диспозиции коммерческих отношений. По существу, правовые нормы институтов предпринимательства основаны на сочетании и дополнении шариатских принципов с законодательством европейского профиля.

В итоге, особенность правовой экспансии выражена заимствованием норм исламской правовой культуры из норм европейского позитивизма, где толкование и применение фикха зависят от принятого закона представителями власти (Положения ст. 1801 Маджаллы). При этом происходит сочетание внешней имплементации и правовой экспансии в силу доминирования правящей элиты общества и объективной реакции на исторические процессы изменения ценностей и традиций общества западной правовой культуры.

В целом, основным продуктом *сбалансированной* естественно-позитивистской правовой системы в качестве эффективного правового инструмента, на наш взгляд, является социальный результат благополучия и самоидентификации общества, развитое гражданское общество, выраженное его институтами, обеспечивающее объективное (духовно-культурологическое) правосознание. В условиях становления единого цифрового правового пространства лейтмотивом современной правовой системы служит императив имплементации как правового диалога культур, и правовой и историческая самоидентификация в сохранности ценностных мировоззрений и преемственности традиций.

Значимость полученных выводов и положений выражена в формировании в обществе, отдельного гражданина или субъекта правоотношений объективного правосознания, правильной квалификации и регулирования норм правовой системы в преодолении позитивизма и применении последнего как инструмента нормотворчества и правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН.: Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата доступа: 02.12.2018).
2. Гасанов Г. И. Основные правовые семьи народов мира // Системные технологии. 2014. №10. С. 48-52.
3. Зыков Д. В. Некоторые вопросы теории юридического мышления.// Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2012. № 2 (17). С.274 - 280.
4. Курашвили, А.Ю. Правовая система государства и ее значение в вопросах имплементации // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 82-89.
5. Марченко М. Н. Понятие и основные особенности источников права Европейского союза // в Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 2. 2009. С. 3-14.
6. Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и уже – право.// Правоведение, 2015, № 4 (321). С.6-48.
7. Скоробогатов А. В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. №1 (45). С. 77-88.
8. Сокольская Л. В. Правовая экспансия как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7. С. 1336 – 1339.
9. Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. №8. С. 1581-1589.
10. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. - М.: Международные отношения, 1995. С. 34-35.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Зыкин Б.В. (г. Псков, Россия)

История наркомании в обществе имеет давнюю историю. Люди практически всегда прибегали к тем или иным средствам фармакологического воздействия. Антропологи считают, что вцелях изменения настроения, мобилизации западная ветвь человечества использовала в основном алкоголь, тогда как восточная - собственно наркотики, а именно: мак, конопля горных плато Ирана, мексиканские шампиньоны и др.

Уже с середины XIX в. оборот наркотических средств стал предметом правового регулирования. Первые законодательные акты, касающиеся упорядочения оборота наркотических средств, были приняты в Китае и Индии. В 1845 г. закон о наркотиках ввела Франция. США поставили вне закона злоупотребление наркотическими средствами в виде продажи опиума в немедицинских целях в 1914 г. (закон Харрисона) [4, с. 8].

Существовала наркомания и в царской России, где, в частности, опийный мак начал возделываться в 1879 г. О распространении наркомании в России в указанный период говорит, например, тот факт, что по просьбе начальника Туркестанского таможенного округа в 1898 г. было увеличено число таможенной полиции для задержания контрабандистов с наркотиками.

Первым шагом в данном направлении явился созыв так называемой Шанхайской опиумной комиссии, заседания которой проходили в Шанхае с 5 по 26 февраля 1909 г. с участием представителей России, Китая, Италии, Японии, Нидерландов, Персии, Португалии и Сиам. Характерно, что указанные представители не были уполномочены подписывать дипломатические акты, они не подписали даже принятые резолюции. На заседаниях опиумной комиссии обсуждались, главным образом, вопросы, относящиеся к международной торговле опиумом, высказывалось мнение о необходимости регулирования торговли и постепенного ее ограничения [7, с. 18].

Следует отметить, что российское законодательство, посвященное борьбе с незаконным оборотом наркотиков, подходило к решению данного вопроса в зависимости от конкретной исторической эпохи, в рамках которой происходило развитие российского общества и государства [5, с. 13].

Первая в истории Конвенция наркотиках была выработана на международной конференции по опиуму, проходившей в Гааге в 1912 г. В ней участвовали двенадцать государств: Германия, США, Китай, Франция, Англия, Италия, Япония, Нидерланды, Персия, Португалия, Россия. Участники конвенции взяли на себя обязательства принять законодательные акты, направленные на осуществление контроля над производством и распространением опиума-сырца, и ограничить количество географических объектов, через которые будут разрешены экспорт и импорт опиума. Кроме того, договорившиеся стороны впервые обязались взять под правовой контроль производство и торговлю морфином, кокаином, медицинским опиумом, героином, а также их производными. Вступлением в силу решения Гаагской конференции 1912 г. завершился период становления международно-правового сотрудничества в борьбе с наркоманией. Конвенция провозгласила ряд принципов, нашедших свое дальнейшее развитие в более поздних-международных договорах [8, с. 37].

Вместе с тем необходимо отметить, что меры контроля за распространением наркотиков, предусмотренные Гаагской конвенцией, не были реализованы даже в тех странах, которые ее подписали. Полной их реализации помешала первая мировая война. После ее окончания практически во всех странах мира потребление наркотиков усилилось, значительно выросли масштабы их контрабанды. В связи с этим на созданную по Версальскому мирному договору международную организацию - Лигу Наций был возложен «общий контроль над соглашениями по поводу торговли опиумом».

За двадцатилетний период существования Лиги Наций было принято несколько международно-правовых актов, касающихся борьбы с наркоманией и контроля над наркотиками. Основными из них являются Женевское соглашение и конвенция 1925 г. Женевская конвенция 1925 г. впервые ввела систему лицензий и регистрации внешнеторговых сделок, касающихся наркотических средств. Государства обязывались представлять подробные статистические данные о таких операциях. Наряду с этим вводилась, хотя и в весьма несовершенной форме, система оценки потребностей стран в наркотических средствах.

Развитие международно-правовых отношений в области оборота наркотических средств и противодействия их незаконному обороту потребовали от Советской России формирования соответствующего законодательства. Так, Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 27 июля 1922 г. к лицам, виновным в хранении, покупке и продаже опия, в предоставлении помещения для наркотизации, применялись в административном порядке штраф или принудительные работы сроком от 1 до 3 месяцев [1, с. 151].

9 апреля 1924 г. по предложению ВЦИК и СНК СССР Президиумом Госплана СССР была создана специальная комиссия для организации борьбы с распространением наркотических веществ. Постановлением СНК РСФСР от 6 ноября 1924 г. «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами» был установлен порядок обращения наркотических веществ в РСФСР. Нарушение установленных правил каралось по статьям Уголовного кодекса РСФСР, которые предусматривали ответственность за нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий. Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 27 августа 1926 г. «О государственной монополии на опий» была введена монополия на опий [6, с. 38].

Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г. «О мерах по регулированию торговли наркотическими веществами» было запрещено свободное обращение в пределах СССР кокаина, его солей, гашиша, опия, морфия, героина, дионина и их солей и пантопона. Этот акт был направлен на профилактику наркомании, установление государственной монополии на торговлю наркотиками, упорядочение получения и отпуска указанных веществ. В нем указывалось, что количество упомянутых средств, необходимых для лечебных целей, должно ежегодно определяться соглашением народных комиссариатов здравоохранения союзных республик. При этом перечень предприятий, имеющих право производить или передавать упомянутые вещества, а также порядок торговли ими на территории Союза ССР относились к ведению союзных республик [2, с. 121].

29 января 1936 г. Советский Союз присоединился к Международной конвенции о наркотических средствах 1925 г. Присоединение СССР к Конвенции повлекло за собой издание постановлений СНК СССР от 23 мая

1936 г. и от 22 октября 1937 г., согласно которым на Наркомат здравоохранения СССР были возложены обязанности по осуществлению наблюдения и контроля на всей территории СССР за производством, переработкой, хранением и всякого рода использованием опиума, его производных и иных наркотических средств [9, с. 20].

В июне 1936 г. в Женеве была заключена Конвенция «О запрещении незаконной торговли наркотическими средствами». Конвенция 1936 г. внесла новый элемент в международно—правовую практику: нарушение законов о наркотиках влекло за собой при некоторых условиях выдачу преступника иностранному государству. Значение конвенции состояло именно в том, что в ней впервые предпринимались попытки обязать договаривающиеся стороны установить в своем законодательстве ответственность за наиболее опасные деяния лиц, способствующих незаконному распространению наркотиков [3, с. 594].

Таким образом, можно сделать вывод, что к 40-м годам сложилась определенная система международного контроля за производством некоторых наркотических средств и их торговлей. Вместе с тем, она имела ряд недостатков, поскольку, с одной стороны была довольно сложной по своей структуре, с другой – под контролем были лишь готовые наркотики, режим использования наркотикосодержащих растений международными правовыми нормами не регулировался. В результате вопрос об усовершенствовании международного контроля за наркотиками приобрел вскоре после окончания второй мировой войны еще большую остроту.

Развитие международно-правовых норм и отечественного законодательства об обороте наркотических средств и ответственности за правонарушения в период с 1946 по конец 80-х гг., послужило важным шагом в деле предупреждения и пресечения наркомании. Новый импульс международное сотрудничество в контроле над наркотиками получило с созданием Организации Объединенных Наций. Так, 16 февраля 1946 г. в рамках Экономического и Социального Совета ООН была учреждена Комиссия по наркотическим средствам.

Первым международным актом ООН в области контроля над наркотическими средствами явился протокол о наркотиках, подписанный 11 декабря 1946 г., которым была осуществлена передача ООН функций и полномочий, выполнявшихся ранее Лигой Наций. По инициативе Комиссии по наркотическим средствам 19 ноября 1948 г. во время работы третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН был подписан протокол, распространяющий контроль на наркотические средства, не подпадающие под действие Конвенции 1931 г. В соответствии с указанным протоколом государства обязались информировать ООН о любом веществе, использование которого может привести к злоупотреблениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажакина Т.А. Международно-правовое регулирование отношений в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. -М., 2002. -372 с.
2. Аникин В.А. Исторические аспекты становления российского уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ / В.А. Аникин // Общество и право. -2010. -№ 2. -С. 121-141.
3. Готчина Л.В. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении их / Л.В. Готчина // Lexrussica. -2014. -№ 5. С. 594-603.
4. Дугушкин М.А. Административно-правовые меры предупреждения и пресечения распространения наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации: автореферат диссертации к.ю.н. / М.А. Дугушкин. -М.2002. -24 с.
5. Каримова Г.Г., Черникова Ю.П. Наркомания: исторические и социальные аспекты / Г.Г. Каримова, Ю.П. Черникова // Наркоконтроль. -2007. -№ 1. С.13-20.
6. Ужахов А.С. История становления российского законодательства по противодействию незаконному обороту наркотиков в досоветский и советский периоды / А.С. Ужахов // Российский следователь. -2009. -№ 24. С. 38-44.
7. Федоров А.В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. / А.В. Федоров // Наркоконтроль. -2008. -№ 4. -С. 38-42.
8. Федоров А.В., Федулов А.В. Первая Международная Конвенция о контроле над наркотиками / А.В. Федоров, А.В. Федулов // Наркоконтроль. -2007. -№ 4. -С. 37-46.
9. Юхман М.А. Правовые основы международной системы контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ / М.А. Юхман // Наркоконтроль. -2009. -№ 4. -С. 20-32.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД 60–90 ГГ. XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Зыкина Е.В. (г. Псков, Россия)

Исторический процесс развития и современные тенденции международно-правового сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков являются важными объективными факторами, предопределяющими содержательные и формальные характеристики современного российского законодательства и практики его применения.

Развитие науки, особенно фармакологии и химии, обусловило появление новых наркотических препаратов. Их разработка и производство требовали совершенствования существующей системы контроля над ними.

С учетом того, что с 60-х годов распространение наркомании во многих странах мира приобрело характер эпидемии, в 1961 г. была принята Единая конвенция о наркотических средствах, которая вступила в действие 13 декабря 1963 г. [1]. Причем, Конвенция устанавливала контроль не только над растительными, но и над синтетическими наркотическими средствами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1963 г. Единая конвенция о наркотических средствах, подписанная СССР в Нью-Йорке 31 июля 1961 г., была ратифицирована. После ратификации указанной Конвенции в СССР осуществлялась работа по приведению нормативной (в то время, в основном, ведомственной) базы оборота наркотических средств в соответствие с международными соглашениями.

В соответствии с установленным порядком международные торговые операции в отношении наркотических средств производились в Советском Союзе только Всесоюзным объединением «Медэкспорт» с разрешения Министерства здравоохранения СССР. Контроль за экспортом и импортом наркотических средств осуществлялся на основании официальных ввозных и вывозных сертификатов, которые выдавались Управлением по внедрению новых лекарственных средств и медицинской техники Министерства здравоохранения СССР. Сертификат на вывоз наркотических средств выдавался лишь после получения от импортирующей стороны сертификата, разрешающего их ввоз.

Необходимо отметить, что зарубежные страны также приводили законодательство в соответствие с международными требованиями. Например, в Польше 8 января 1951 г. был принят Закон «О фармацевтических и наркотических средствах и санитарных правилах»; в Болгарии 17 октября 1956 г. принимается Распоряжение Совета Министров НРБ «Об утверждении правил использования наркотических веществ»; в Румынии 29 декабря 1969 г. принят Закон «О режиме наркотических продуктов и веществ». В США в 1970 г. был принят Закон «О наркотиках», в соответствии с которым контроль за оборотом наркотических средств и психотропных веществ возлагался на Бюро по наркотикам и опасным лекарственным веществам при Департаменте финансов и Министерстве юстиции.

Опасность наркомании требовала применения мер уголовно-правового, административного и медицинского характера. В связи с этим 25 августа 1972 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией» была предусмотрена возможность направления на лечение больных наркоманией, уклоняющихся от лечения и продолжающих употреблять наркотики [6, с. 10].

25 апреля 1974 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с наркоманией», а в его развитие Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. «Об усилении борьбы с наркоманией». Указанные акты, однако, не позволили в корне переломить сложившуюся ситуацию. Атмосфера самоуспокоенности, характерная для периода застоя, привела к тому, что «в упор не видели надвигающуюся опасность, острую социальную проблему». Традиционно считалось, что, по сравнению с пьянством и алкоголизмом, наркомания не получила в нашей стране широкого распространения, что это сугубо «закордонное явление» [5, с. 121].

Некоторые изменения появились в конце 80-х годов. Демократические процессы в стране, социальные изменения, ломка устоев общества привели к обострению пока как бы скрытой проблемы наркомании. Официальным признанием существования в СССР указанной проблемы явилось принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР». Этим актом законодатель, во-первых, дифференцировал юридическую ответственность за посев или выращивание запрещенных к возделыванию культур, содержащих наркотические средства (опийный, масличный мак, коноплю), на административную и уголовную. Во-вторых, установил административную ответственность за незаконные приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств в небольших размерах, а также потребление наркотических средств без назначения врача. В-третьих, определил, что если в течение года после наложения административного наказания лицо вновь совершит одно из перечисленных административных правонарушений, то оно подлежит уголовной ответственности.

Кроме того, Указ закрепил положение о том, что лица, в установленном порядке признанные больными наркоманией, обязаны проходить лечение в лечебно-профилактических учреждениях органов здравоохранения. Лица же, в отношении которых имеются достаточные данные полагать, что они потребляют наркотические средства в немедицинских целях, обязывались проходить в установленном порядке медицинское освидетельствование. При отказе от медицинского освидетельствования они могли быть госпитализированы для его прохождения на срок не более 10 суток [7, с. 3].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июня 1987 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР», во-первых, термин «вещества» был заменен на термин «средства». Такой шаг был вызван потребностью отграничения годных к потреблению средств от полуфабрикатов или сырья. Во-вторых, Указ дополнил КоАП РСФСР [4], в частности, статьями об ответственности за незаконное приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах либо потребление наркотических средств без назначения врача (Ст. 44 КоАП РСФСР); непринятие мер к обеспечению охраны наркосодержащих посевов (ст. 99 1 КоАП РСФСР); незаконные посев или выращивание масличного мака или конопли (ст. 99 КоАП РСФСР).

Принятым в 2001 году Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [2] вновь была установлена административная ответственность за потребление наркотиков (ст. 6.9 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача»). Непосредственным основанием для установления административной ответственности стало запрещение ст. 40 Федерального закона от 8

января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»[3] потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача.

Таким образом, анализ основных международно-правовых норм об обороте наркотических средств и ответственности за правонарушения в этой сфере, а также соответствующих отечественных нормативных правовых актов позволяет сделать следующие выводы.

Если в начале XX века международное законодательство в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков развивалось хаотично, то к середине столетия сложилась четкая, отработанная система международно-правовых норм. Ее современная структура базируется в основном на положениях Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

Указанные Конвенции определяют принципы и основные направления взаимодействия государств, утверждают списки наркотических средств, психотропных веществ, которые разрешены для использования в медицинских целях и находятся под специальным контролем, а также таких средств (веществ), которые запрещены для использования и применения на людях.

Для обеспечения общегосударственного подхода к регулированию оборота наркотических средств постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 22 июля 1993 г. была утверждена Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации. В этом документе наряду с вопросами предупреждения злоупотребления наркотиками, лечения и социальной реабилитации больных наркоманией предусмотрены конкретные меры по совершенствованию антинаркотического законодательства. В концепции ставится задача детально урегулировать порядок оборота наркотических средств, используемых в медицинских и научных целях, пересмотреть нормы об ответственности за связанные с ними правонарушения, внедрить систему мероприятий по раннему выявлению незаконных потребителей наркотиков, а также разработке правовых основ сотрудничества с зарубежными и международными организациями, занимающимися борьбой с наркобизнесом.

Функции реализации закрепленных Концепцией направлений противодействия незаконному потреблению и распространению наркотических средств возложены на государственные, правоохранительные органы, причем основная роль отведена органам внутренних дел.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что в СССР, в отличие от других стран, отсутствовал единый законодательный акт, который бы всесторонне регламентировал оборот наркотических средств. Нормативное регулирование оборота наркотических средств осуществлялось на ведомственном уровне.

Вне зависимости от идеологической и экономической систем, противодействие незаконному обороту наркотиков в современных условиях является объективной потребностью любого государства. Это обусловлено социальной природой данного явления, развитием технологии, транспорта и пр. В настоящее время государства мира разрабатывают и принимают законы о наркотиках, регламентирующие порядок оборота наркотических средств, функции и полномочия государственных органов и их должностных лиц, ответственность за нарушения в этой сфере.

Несмотря на то, что в СССР существовали предпосылки, условия для разработки и принятия самостоятельного общесоюзного нормативно-правового акта, обеспечивающего эффективность правового контроля за оборотом наркотических средств, а именно Закона «О контроле за наркотическими средствами и психотропными веществами», этого сделано не было. Главная причина отсутствия такого документа состояла в том, что советское государство не желало признавать присутствие проблемы наркомании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года: заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961 // Бюллетень международных договоров. -2000. -№ 8. -С. 15-46.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: в ред. от 17.06.2019 // Собрание законодательства РФ. -2002. -№ 1 (ч. 1). -ст. 1.
3. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ: в ред. от 29.12.2017 // Собрание законодательства РФ. -1998. -№ 2. -ст. 219.
4. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: утв. ВС РСФСР 20.06.1984: в ред. от 20.03.2001: утратил силу // Ведомости ВС РСФСР. -1984. -№ 27. -ст. 909.
5. Аникин В.А. Исторические аспекты становления российского уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ / В.А. Аникин // Общество и право. -2010. -№ 2. -С. 121-130.
6. Федоров А.В. Соотношение административных наркоправонарушений и наркопреступлений: прошлое, настоящее и будущее / А.В. Федоров // Административное право и процесс. -2015. -№ 1. -С. 10-22.
7. Федоров А.В. Ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ / А.В. Федоров // Наркоконтроль. -2011. -№ 2. -С. 3-10.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Menkouski V.	24	Егоров В.Е.	288
Šmigel' M.	24	Егорушина Н.С.	226
Talerko V.	68	Ерешко А.Е.	74
Бабурин С.Н.	14	Ерохин В.Н.	83
Барабаш Н.В.	131	Жданова Е.С.	126
Баранова Е.В.	166	Жеребцов И.Л.	152
Бараноўскі А.В.	198	Жилинская И.В.	117
Бартеле Т.	163	Злобин С.С.	110
Белащенко Д.А.	226, 228	Зыкин Б.В.	295
Богомаз О.В.	258	Зыкина Е.В.	297
Болдырева О.М.	92	Иванова Т.П.	194
Болтрушевич Н.Г.	230	Ивашкевич Е.Ф.	291
Бондарева Е.М.	215	Ивонина О.И.	19
Борисенко И.В.	276	Иофе В.Г.	256
Борисова А.А.	50	Казак Б.Б.	282
Бочков А.А.	270	Каиль М.В.	76
Булавка О.А.	260	Карчевский Г.И.	175
Буранок С.О.	108	Кашинская О.А.	137
Вариксоо Е.Ю.	158	Кащенко С.Г.	7
Васильев С.В.	274	Кірчанаў М.В.	134
Великий А.Ф.	232	Ковяко И.И.	93
Величко Н.В.	89	Козлов А.А.	217
Гавриловец Л.В.	123	Кононова Е.Н.	139
Гайкин В.А.	125	Корновенко С.В.	200
Генина Ю.А.	82	Космач В.А.	3, 54
Глушинская И.А.	139	Косов А.П.	103
Горшкова М.А.	240	Костякова Ю.Б.	160
Грибков И.В.	180	Котович Т.В.	242
Грицкевич Ю.Н.	279	Краско Г.Г.	258
Даніловіч В.В.	205	Крупская С.Ю.	169
Довгялло М.С.	79	Кривашэй Д.А.	115
Душкина М.Р.	252	Крюковский В.Д.	196

Кузнецова Т.И.	247	Семенова Л.Н.	112
Кузьминых А.Л.	171	Сидоров В.П.	279
Кулик С.П.	236	Синдеев А.А.	33
Лаўрыненка К.В.	222	Смирнова И.Н.	284
Левченко В.В.	72	Снапковская С.В.	188
Малай В.В.	169	Стаценко В.Г.	234
Маловичко С.И.	240	Стрелец М.В.	132
Мандрик И.В.	35	Субоцін А.А.	213
Мартинкевич И.А.	236	Сюзева Ю.С.	228
Маслов В.Н.	185	Табунов В.В.	141
Мезга Н.Н.	154	Таскаев М.В.	152
Мельников Ю.С.	254	Терехов О.Э.	70
Мигун Д.А.	119	Тетерник А.В.	220
Мизярска Н.А.	192	Ткачѳв С.М.	42
Минаева Т.С.	40	Тронько Т.В.	143
Монастырская Д.М.	262	Филимонов А.В.	156
Монин С.М.	182	Хавкин Б.Л.	27, 86
Мусина Н.Е.	203	Хасанова О.У.	256
Мясоедова С.Н.	46	Хришкевич Т.Г.	97
Назаренко К.Б.	147	Циватый В.Г.	128
Никитина Н.П.	145	Черноперов В.Л.	48
Никонов А.Н.	206	Чжэн Чао	264
Петелин Б.В.	44	Чикалова И.Р.	11
Плеснякова В.Н.	92	Чуракова О.В.	52
Повалихина Т.И.	66	Шалда В.	163
Половцев Д.О.	262	Шевчук Н.А.	87
Попов И.Д.	95	Штоль В.	22
Приборович А.А.	208	Щербаков А.В.	286
Рожкова А.Ю.	293	Яковлева Г.Н.	211
Рожкова С.Н.	149	Ямпольская Л.Н.	173
Романов В.А.	100, 267	Янчук В.А.	238
Румянцева М.Ф.	250	Ярмолич Н.А.	100
Сабодина Е.П.	254		

Научное издание

ОТ ВЕРСАЛЯ И ВЕЙМАРА ДО ОБРАЗОВАНИЯ ДВУХ ГЕРМАНИЙ (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, ГЕОПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ПРАВА**

Материалы международной научной конференции

Витебск, 3–4 октября 2019 г.

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Компьютерный дизайн	<i>Л.Р. Жигунова</i>

Подписано в печать 20.09.2019. Формат 60х84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 35,11. Уч.-изд. л. 38,67. Тираж 99 экз. Заказ 102.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.